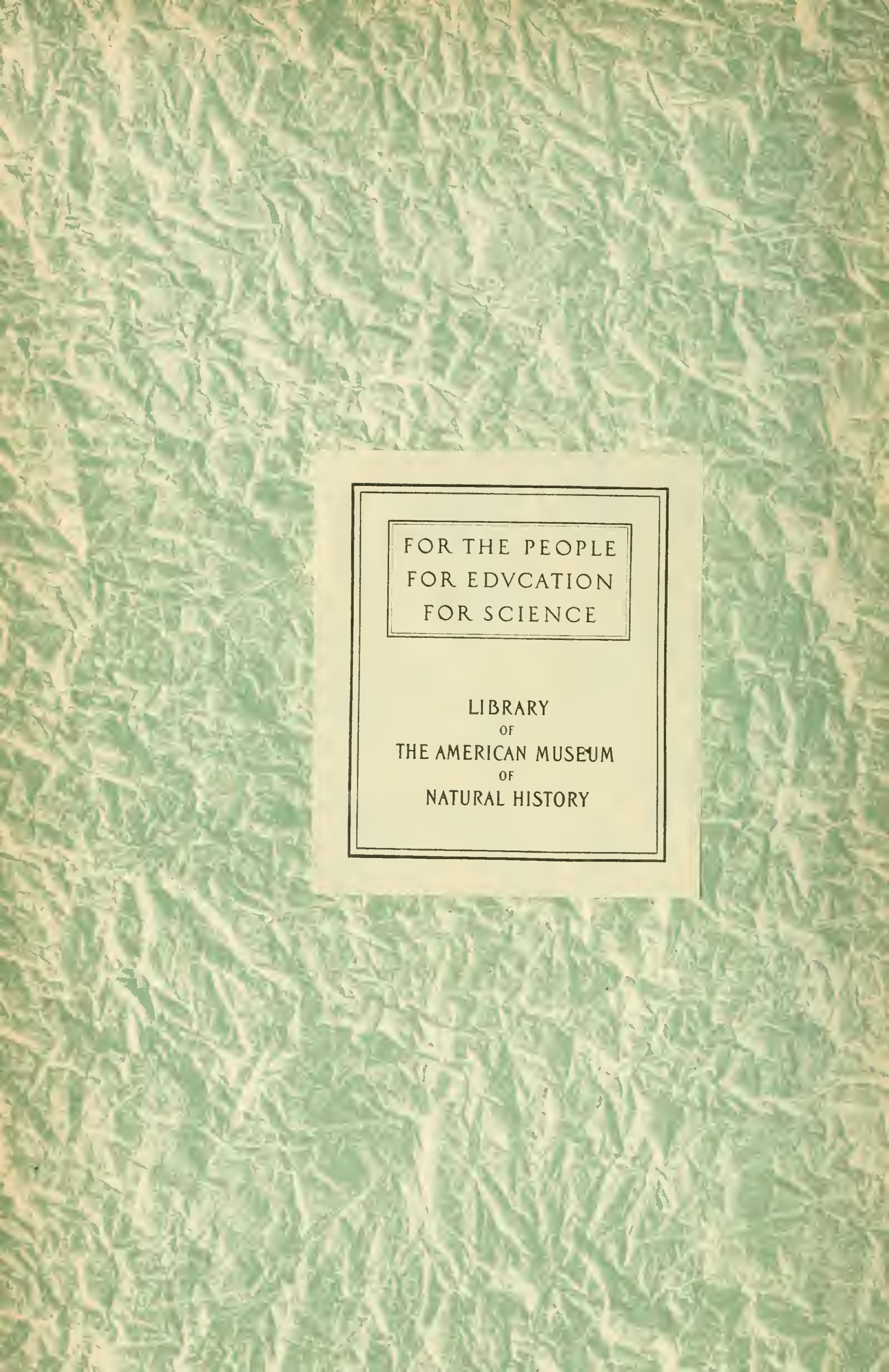
Охотничьи и Промысловыя Птицы
Европ. Россіи и Кавказа

М. А. Мензбира

Проф. Московскаго Университета

ОХОТНИЧЬИ
и
ПРОМЫСЛОВЫЯ ПТИЦЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ и КАВКАЗА.

ОХОТНИЧЬИ
и
ПРОМЫСЛОВЫЯ
ПТИЦЫ

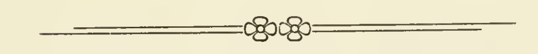
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ и КАВКАЗА.

М. А. Мензбира,

профессора Императорскаго Московскаго Университета.

Съ атласомъ изъ 140 таблицъ.

Томъ II-ый.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1900—12.

Оглавленіе.

IV.

КУРИНЫЯ.

71. Рябчикъ.

Bonasa canescens, Sparrm.

Табл. 74.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 400.

Болѣе распростр. названія: *рябчикъ, рябецъ, рябокъ.*

Мѣстныя названія: *боровой, мохноногій рябокъ* (въ Пермской губ. въ отличіе отъ сѣрой куропатки, которую называютъ рябкомъ и рябкомъ-голоножкой).

Польск.—*jarząbek, głuszec jarząbek.*—Эст.—*pü, lane pü, laas püwi.*—Лат.—*mescha irbe.*—Фин.—*tavallinen pyy.*—Жмуд.—*jerubes.*

Татар.—*носоръ, буджуръ.*—Башк.—*сыль.*—Сиб. тат.—*джимъ, джиме.*—Перм. и Зырянск.—*сьела.*—Мордов.—*веринтувна, веринповаль.*—Черем.—*музе.*—Вотяц.—*чиле. сяла.*—Сосв. вог.—*шулла,* у друг.—*кизипа, анка.*—Берез. ост.—*пастекъ.* На Иртышѣ—*чохтовой.* На Сургутѣ—*пынкъ.*—На Нарымѣ—*пекке, пеге.*—На р. Кеть—*пеге. пелс.* Монг.—*кеду.*—Калм.—*ятунъ.* Тунг.—*кнукъ.*—На Енис.—*хиньюки.*—На Байк.—*энукъ.*—Ламут.—*илики.*—Бирар.-Тунг.—*инки.*—Карагасс.—*сарма.*—Ороч. в. Амура—*хинки-чанъ,* примор.—*охеме.*—Якут.—*пучуграсъ, бучуграсъ, бачюграсъ.*—Гольд.—*тимму.*—Нижн. Уссури—*пимо,* верхн.—*хинка, сіенки.*—Гиляцк.—*ханъ.*—Манг.—*пенью.*

Мы не ошибемся, сказавъ, что первое мѣсто среди промысловыхъ птицъ принадлежитъ рябчику, который какъ по цѣнѣ, такъ и по количеству добываемыхъ экземпляровъ оставляетъ позади себя даже тетерева-косача и куропатокъ. При этомъ рябчикъ является преимущественно русской птицей, такъ какъ его распространеніе за предѣлами нашего отечества, въ западной Европѣ и въ Китаѣ, весьма ограниченно. Но несмотря на все это, свѣдѣнія объ образѣ жизни этой птицы до послѣдняго десятилѣтія были весьма скудны, да и теперь оставляютъ желать многаго въ смыслѣ полноты.

Хотя рябчикъ въ западной Европѣ, восточной Сибири и Манчжуріи и встрѣчается въ горахъ, тѣмъ не менѣе коренное его мѣстонахожденіе составляютъ равнинные лѣса и это опредѣляетъ его распространеніе. Обширная лѣсная область сѣверо-восточной Европы и Сибири—такова въ общихъ чертахъ область его распространенія. Ко-

нечно и въ предѣлахъ этой площади и внѣ ея рябчикъ вмѣстѣ съ подходящими лѣсами, особенно по долинамъ рѣкъ и ручьевъ, поднимается въ горы, но горной птицей его никакъ нельзя назвать. Что касается западной Европы, то даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь рябчикъ былъ оттѣсненъ въ горы лишь все увеличивающимся населенiемъ и вырубкою лѣсовъ низменностей. Въ восточной же Сибири, во всей области р. Амура и Манчжурiи рябчикъ лишь условно можетъ быть названъ горной птицей. Шренкъ весьма опредѣленно говоритъ, что онъ водится здѣсь преимущественно по лѣсистымъ берегамъ рѣкъ, и въ южной части страны по склонамъ горъ и скалистымъ берегамъ потоковъ, поросшихъ свѣтлыми лиственными лѣсами съ густой порослью.

Что касается Европ. Россiи, то не можетъ быть сомнѣнiя, что въ концѣ XVIII столѣтiя, а можетъ быть и позднѣе, рябчикъ шелъ значительно южнѣе, чѣмъ теперь. Такъ, у Филарета есть указанiе, взятое изъ вѣдомости за 1784 г., изъ котораго видно, что въ это время въ Змiевскихъ лѣсахъ водились рябчики. Гмелинъ приводитъ рябчика для Воронежской губ., гдѣ его теперь положительно нѣтъ; но такъ какъ Гмелинъ на ряду съ рябчикомъ приводитъ и бѣлую куропатку, то относительно Воронежской губ. можно думать, что Гмелинъ судилъ по продажнымъ, базарнымъ экземплярамъ, которые могли быть привезены откуда-нибудь, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго, что рябчикъ прежде дѣйствительно водился въ Воронежской губ. Какъ далеко спускалась эта птица на югъ—сказать точно нѣтъ никакой возможности, но надо полагать, что она шла къ югу такъ далеко, какъ шли глухiе лиственные лѣса съ подсѣдомъ и сырымъ низомъ. Во всякомъ случаѣ, отсутствiе рябчика въ Крыму и на Кавказѣ опредѣленно говоритъ, что степь была для него непреодолимой преградой.

Но если и можно сказать, что южная граница рябчика съ годами просто отодвинулась къ сѣверу, это еще не опредѣляетъ тѣхъ измѣненiй, какiя произошли въ его распространенiи; главное измѣненiе состоитъ въ спорадичности его распространенiя тамъ, гдѣ прежде онъ занималъ сплошную область. Рябчиковое населенiе, если можно такъ, выразиться, разрѣдилось на значительной части занятой имъ площади во всей средней Россiи, и вмѣстѣ съ этимъ рябчикъ пересталъ здѣсь быть предметомъ промысла. Л. П. Сабанѣевъ еще 20 лѣтъ тому назадъ былъ совершенно правъ, говоря, что въ настоящее время рябчикъ служитъ предметомъ промысла только въ сѣверной половинѣ Европейской Россiи, именно, начиная отъ лѣваго берега Волги и праваго Бѣлой до впаденiя ея въ Каму, и что южнѣе этой границы онъ многочисленъ лишь мѣстами, напр., въ губ. Владимiрской, Костромской и Нижегородской. Посмотримъ же теперь, какъ идетъ общая южная граница его распространенiя въ нашей странѣ. Начинаясь подъ 52° с. ш. на Уралѣ, эта граница идетъ на сѣверо-западъ, такъ что охватываетъ сопредѣльныя части Бугульминскаго и Бугурусланскаго уѣздовъ, потомъ проходитъ на западъ черезъ Чистопольскiй и Спасскiй

уѣзды Казанской губ., поворачиваетъ къ югу, и идетъ черезъ Ставропольскій у. Самарской губ., окружаетъ лѣса Жигулевскихъ горъ, гдѣ рябчикъ еще довольно многочисленъ, и отсюда идетъ опять на западъ черезъ южныя части Симбирской и Пензенской губ. Въ Тамбовской губ. рябчикъ еще есть въ Шацкомъ и Моршанскомъ у., но пройдя ихъ, южная граница описываемой птицы вѣроятно круто поднимается къ С.-З., отрѣзая юго-западную часть Рязанской губ., гдѣ рябчика нѣтъ, отъ сѣверо-восточной, гдѣ есть. Отсюда граница идетъ въ юго-западномъ направленіи, охватывая т. наз. „засѣку“ Тульской губ., и черезъ западные уѣзды Орловской и сѣверные Черниговской, Кіевской (?) и Волынской направляется къ Карпатамъ. Въ Подольской губ. рябчикъ, повидимому, уже совсѣмъ не встрѣчается.

Что касается распространенія рябчика въ Привислянскомъ краѣ и Балтійскихъ губерніяхъ, то здѣсь онъ встрѣчается въ довольно большомъ количествѣ во всѣхъ большихъ лѣсахъ, вообще же распространенъ повсемѣстно. Въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской рябчикъ малочисленнѣе, чѣмъ далѣе въ глубь страны, въ губ. Минской и Могилевской, и даже сравнительно съ Прибалтійскими. Въ Смоленской очень обыкновененъ и водится даже въ борахъ, лишь бы низъ заросъ папоротникомъ, чего не наблюдается въ другихъ мѣстахъ. Но въ большомъ количествѣ рябчикъ встрѣчается только въ обширныхъ елово-лиственныхъ и еловыхъ лѣсахъ сѣверной Россіи. Въ лѣсныхъ уѣздахъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской и Пермской губ. онъ является самой важной лѣсной дичью, которая для тамошняго населенія служитъ даже большей статьей промысла, нежели глухарь и косачъ; въ губерніяхъ же Олонецкой, Вологодской, сѣверной части Вятской и Пермской и въ большей части Архангельской рябчиковый промыселъ достигаетъ своего наибольшаго значенія и стоитъ выше всѣхъ. Обыкновененъ рябчикъ и въ Финляндіи, но какъ предметъ промысла не имѣетъ большого значенія. Сѣверная граница распространенія рябчика идетъ такъ: въ Лапландіи она поднимается до 69° с. ш., отсюда идетъ по берегу Бѣлаго моря и, нѣсколько огибая Мезенскую и Большеземельскую тундры, оканчивается на Уралѣ около 67° с. ш. Вообще говоря, сѣвернымъ предѣломъ распространенія рябчика является сѣверная граница крупнаго лѣса, по крайней мѣрѣ въ Европ. Россіи. Въ Сибири же рябчикъ, кажется, не доходитъ до этой естественной границы, останавливаясь въ нѣкоторомъ разстояніи къ югу отъ нея.

За Ураломъ въ предѣлахъ Пермской губ. рябчика нѣтъ только въ Шадринскомъ у., въ Оренбургской же онъ встрѣчается только ближе къ Уральскому хребту, въ западныхъ частяхъ Челябинскаго у. Далѣе къ востоку и юго-востоку южная граница распространенія рябчика проходитъ черезъ Ишимскій у. Тобольской губ. и отсюда, минуя лѣса, разбросанные въ Барабинской степи, направляется къ верховьямъ Оби и Алтаю.

Въ лѣсной области Сибири рябчика нѣтъ въ землѣ Чукчей и въ

Камчаткѣ, но онъ еще очень обыкновененъ въ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ о. Сахалина *).

Какъ видно изъ этого обзора географическаго распространенія рябчика, эта птица населяетъ весьма однообразныя по своему характеру мѣста и потому насъ не удивитъ, что и образъ жизни ея отличается весьма большимъ однообразіемъ на всей обширной занятой ею площади.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая характеристика птицы.—Весна, т. наз. токованіе рябчиковъ.—Выводъ молодыхъ и лѣтняя жизнь.—Осень и зима.

Рябчикъ является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ представителей лѣсной фауны: изъ лѣса онъ не вылетаетъ ни при какихъ условіяхъ и даже въ лѣсу живетъ осѣдло на очень небольшомъ участкѣ, совершая въ разныя времена года лишь ничтожныя переселенія, и только изрѣдка, въ какихъ-то еще не выясненныхъ обстоятельствахъ, предпринимая болѣе далекія странствованія. Само собою разумѣется, что эта осѣдлость птицы гибельно отражается на ея благополучіи: узнавъ, гдѣ живутъ рябчики, промышленникъ дочиста выбьетъ ихъ здѣсь на пищикъ и выловитъ сильями, и нужны долгіе годы, чтобы рябчики, случайно попавъ сюда, опять размножились здѣсь. Коренное мѣстожительство рябчика—старые еловые или елово-лиственные лѣса; въ юго-западной Россіи онъ круглый годъ держится въ старомъ лиственномъ лѣсу, вообще же въ лиственные лѣса рябчикъ перебирается только на весну и лѣто. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что рябчикъ вовсе не горная птица и выбираетъ для себя или лѣса низменностей, или рѣчныхъ долинъ, всегда съ сырымъ низомъ, поросшимъ густою порослью. Поэтому рябчика нельзя назвать собственно „боровою“ птицею, т. к. сухихъ сосновыхъ боровъ онъ положительно избѣгаетъ и лишь въ видѣ исключенія встрѣчается въ такихъ сосновыхъ борахъ, низъ которыхъ густо покрытъ папоротникомъ (въ Смоленской губ., наприм., по сообщенію В. А. Разевига). Не встрѣчается рябчикъ и на чистыхъ моховыхъ болотахъ, поросшихъ рѣдкимъ соснякомъ. На сѣверѣ къ ельникамъ, въ качествѣ постояннаго мѣстообитанія рябчика, присоединяются еще пихтовники и кедровники, въ южной полосѣ средней Россіи (наприм., губ. Орловской) любимое мѣстопребываніе рябчиковъ составляютъ т. наз. „ольхи“, т.-е. низкія, сырыя мѣста, гдѣ произрастаютъ разныя породы лиственныхъ деревьевъ, какъ-то: ольха, береза, липа, осина, илимъ, ясень, кленъ, дубъ, вязъ, ракита, орѣшникъ, черемуха, рябина, разные ягодные кустарники, каковы калина, крушина и т. д. и въ небольшомъ количествѣ также ель. Впрочемъ, олешникъ и на сѣверѣ, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время года, составляетъ любимое мѣстопребываніе рябчика: здѣсь онъ находитъ

*) Удивительно, что покойный В. К. Тачановскій, говоря о распространеніи рябчика вообще, упомянулъ, что къ югу онъ спускается до Кавказа.

себѣ обильную пищу, здѣсь же, благодаря почти непролазной чащѣ, застрахованъ отъ преслѣдованія враговъ. Такимъ образомъ, по своимъ мѣстонахожденіямъ, рябчикъ, съ одной стороны, сходится съ глухаремъ, съ другой—съ обыкновеннымъ косачемъ. Но глухарь, какъ мы увидимъ, не избѣгаетъ сосновыхъ лѣсовъ и моховыхъ болотъ, а косачъ забирается въ лиственныя крѣпи только во время линьки.

Рябчикъ никоимъ образомъ не можетъ назваться общественной птицей, такъ какъ собирается по нѣсколько штукъ вмѣстѣ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно онъ держится парами, отдѣльными особями и выводками. Болѣе значительныя стайки образуются, когда нѣсколько выводковъ соберутся вмѣстѣ, и въ такомъ случаѣ временно рябцы встрѣчаются штукъ по 20—30 вмѣстѣ. Это же опредѣляетъ собою и тотъ районъ, гдѣ держится эта птица: небольшая лѣсная площадь, центромъ для которой является мѣсто, гдѣ находилось гнѣздо. Конечно, перелеты, вызванные необходимостью добыть корма, могутъ заставить рябчика удалиться отъ его мѣста жительства временно на болѣе или менѣе далекое разстояніе, но, какъ было замѣчено, большихъ перелетовъ онъ не дѣлаетъ. Такъ, въ Архангельской и Вологодской губ. рябчики осенью и зимой держатся близъ воды, въ березовыхъ и ольховыхъ лѣсахъ, гдѣ сначала кормятся ягодами рябины, а потомъ почками; къ веснѣ же, въ мартѣ, они оставляютъ эти мѣста и на весь гнѣздовой періодъ перебираются въ хвойные лѣса. Перелеты свои рябчики совершаютъ по зарямъ и не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Въ средней Россіи такихъ замѣтныхъ перелетовъ рябчикъ не дѣлаетъ, но все-таки обратно тому, что есть на сѣверѣ, весною и лѣтомъ держится въ чернолѣсьѣ и смѣшанномъ лѣсу, въ августѣ перебирается въ ягодники (собственно брусничники), а позднею осенью—въ краснолѣсье. Въ среднемъ Уралѣ рябчики съ первымъ снѣгомъ перебираются въ березнякъ и олешнякъ, по рѣчкамъ, и тамъ остаются до весны. Уже одно то, что въ разныхъ частяхъ занятой имъ области рябчикъ совершаетъ свои переселенія въ совершенно обратномъ порядкѣ, доказываетъ намъ, что они обусловливаются мѣстными причинами и по всей вѣроятности прямо или косвенно недостаткомъ корма.

Рябчикъ летаетъ сильно и быстро, но не можетъ перелетать большого разстоянія. Вспугнутый онъ взрывается съ шумомъ, „загремитъ“, какъ говорятъ промышленники, и спѣшитъ добраться до дерева, гдѣ и садится обыкновенно въ полдерева. Очень рѣдко поднимается рябчикъ выше лѣса и еще рѣже садится на самую вершину дерева. Сѣвъ на горизонтальную вѣтвь ели, рябчикъ такъ затаивается, что замѣтитъ его здѣсь только зоркій глазъ промышленника; если же птица очень напугана, въ такомъ случаѣ она перебѣгаетъ по сучкамъ на другую сторону дерева и, выставивъ оттуда только головку, старается разсмотрѣть причину тревоги. Разъ взлетѣвъ на дерево, рябчикъ долго не слетаетъ съ него, развѣ только будетъ вспугнутъ. Вообще это робкая и осторожная птица, боящаяся шума, и потому подойти

къ ней можно только по сырой почвѣ; иначе, каждая хрустнувшая вѣтка заставитъ его подняться, и тогда найти его почти невозможно.

Въ нормальныхъ условіяхъ рябчикъ проводитъ большую часть времени на землѣ, гдѣ движется съ большой быстротой и ловкостью, перебѣгая иногда значительныя пространства. На землѣ онъ отыскиваетъ свой кормъ, на землѣ же устраиваетъ и свое незатѣйливое гнѣздо. Въ спокойномъ состояніи рябчикъ сидитъ и ходитъ только вытягивая шейку, если же что-нибудь остановило его вниманіе и обезпокоило, въ такомъ случаѣ онъ поднимаетъ голову и весь настораживается. При этомъ самчикъ весь какъ-то выпрямляется, поднимаетъ хохолокъ и принимаетъ очень задорный видъ. Перебѣгая открытые косогоры, рябчикъ бѣжитъ сгорбившись и прижавшись къ землѣ, и очень напоминаетъ собою куропатку. Въ теплую и сухую погоду рябчики очень любятъ купаться въ пескѣ, подобно тетеревамъ и куропаткамъ, чтобы избавиться отъ наружныхъ паразитовъ.

Пища описываемой птицы очень разнообразна и сильно измѣняется по временамъ года. Съ осени и до весны рябчикъ питается растительными веществами, какъ-то: березовыми и ольховыми сережками, почками разныхъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ, можжевеловыми и другими ягодами. Почкамъ и игламъ хвойныхъ породъ мясо рябчика и обязано своимъ характернымъ вкусомъ, а вовсе не сѣменамъ этихъ деревьевъ, какъ многіе ошибочно думаютъ. Вообще же рябчикъ предпочитаетъ всякому другому растительному корму сѣмена и почки лиственныхъ деревьевъ и можжевеловыя ягоды. Съ весны рябчикъ кормится также, по замѣчанію сѣверныхъ промышленниковъ, листьями кислицы и нѣкоторыхъ другихъ растеній. Начиная же съ того времени, какъ вылупятся птенцы, главную пищу рябчиковъ составляетъ животный кормъ, т.-е. насѣкомыя и ихъ личинки, улитки и т. п., которыхъ они или обираютъ съ вѣтвей и листьевъ, или достаютъ, разбрасывая ногами листья. Со второй половины лѣта, вмѣстѣ съ поспѣваніемъ ягодъ, и молодые рябчики начинаютъ постепенно все болѣе и болѣе примѣшивать растительный кормъ къ животному, употребляя главнымъ образомъ ягоды земляники, черники, костяники и малины въ средней полосѣ, черники, морошки, брусники и клюквы на сѣверѣ, калины, рябины и бузины повсемѣстно. Для облегченія пищеваренія рябчики заглатываютъ крупныя песчинки и камешки.

Благодаря характеру занятыхъ имъ мѣстъ, рябчикъ мало истребляется его естественными врагами. Конечно, отъ времени до времени, онъ становится жертвой большихъ совъ, ласки, куницы и т. п., но это не можетъ замѣтно отражаться на уменьшеніи количества рябчиковъ. Совсѣмъ другое—преслѣдованіе со стороны человѣка, какъ это мы увидимъ далѣе.

Теперь, познакомившись съ характеромъ рябчика и его мѣстообитаніи вообще, перейдемъ къ описанію его образа жизни въ разныя времена года.

Зимній образъ жизни рябчиковъ очень простъ: поселившись

около ручьевъ или въ долинахъ рѣчекъ, они всю зиму держатся здѣсь либо поодиночкѣ, либо парами, либо, наконецъ, небольшими стайками, образовавшимися изъ собравшихся вмѣстѣ молодыхъ, чаще одного выводка. Въ поискахъ за кормомъ рябчики перелетаютъ изъ одного участка лѣса въ другой; если снѣгъ не глубокъ, охотно спускаются на землю для добыванія изъ-подъ него ягодъ брусники, клюквы и т. п., если же, напротивъ, снѣга много, кормятся хвоей и почками лиственныхъ деревьевъ. Ночуютъ обыкновенно въ гущѣ елей, если же очень холодно, то, подобно тетеревамъ, зарываются въ снѣгъ. Въ мартѣ, какъ только сильно начнетъ пригрѣвать солнце, и по обращеннымъ къ югу склонамъ рѣчныхъ долинъ начнутъ появляться проталины, не спарившіеся съ осени рябцы образуютъ пары и переселяются въ чащу, гдѣ и начинаютъ перекликаться. „Но вотъ пришелъ апрѣль мѣсяцъ *), весна вполнѣ вступаетъ въ свои права и заявляетъ свою могущественную силу. На солнцепекахъ ни снѣжинки, въ ельникахъ оголились окраины, и бурливо зашумѣли окруженные ледяными накипями горныя рѣчки. Ярко палящее солнышко проникаетъ въ каждый глухой отпадокъ и всюду распространяетъ свое вліяніе. Оживилась природа, оживилось и пернатое населеніе. Рябчики забрались въ свои любимые ельники, размѣстились по глухимъ отпадкамъ около ключей и весело перепархиваютъ съ ельника въ хребетъ, гдѣ бѣгаютъ по косогору, лакомясь подснѣжною брусникою, подбирая песокъ и камешки,—и затѣмъ снова улетаютъ въ глубь своего темнаго, мрачнаго жилища. Токъ ихъ въ самомъ разгарѣ. Съ первымъ проблескомъ утренней зари просыпается задорный самчикъ, съ шумомъ вспархиваетъ на елинку и заводитъ свою звонкую, дискантовую трель. Въ глубинѣ ельника отозвалась рябушка, и этимъ отзывомъ привела въ неистовый восторгъ супруга: онъ стремительно спускается съ дерева на землю и, распустивши вѣеромъ хвостъ, растопыривъ крылья, приподнявъ хохолокъ и весь какъ бы распушившись, стремглавъ бѣжитъ на голосъ самки; не попавши сразу на мѣсто свиданія, останавливается и еще разъ пикаетъ, отвѣтъ послышался ближе и сама рябушка перепорхнула съ мѣста на мѣсто; тутъ уже самчикъ яростно дѣлаетъ короткую трель, порывается и летитъ безъ остановки по направленію голоса, встрѣчаетъ рябушку и съ азартомъ спаривается съ нею; затѣмъ оба бѣгутъ вмѣстѣ—съѣсть нѣсколько ягодокъ брусники, какъ-нибудь разъединятся—самецъ вновь начинаетъ пикать, приходитъ въ прежній азартъ и возобновляются тѣ же супружескія нѣжности. Для разнообразія картины нерѣдко является случайно встрѣтившійся соперникъ, и мирныя сцены нарушаются ожесточенной дракой. Подобное препровожденіе времени продолжается все утро, послѣ чего рябчики пасутся по косогорамъ или въ самыхъ ельникахъ по мшистымъ кочкамъ, а вечеромъ снова начинаютъ токованіе и занимаются этимъ до глубокихъ сумерекъ".

---

*) И. Шведовъ. Породы осѣдлой и прилетной дичи окрестностей Иркутска.

Само собою разумѣется, что ухаживаніе самца за его собственной самочкой нельзя назвать токованіемъ и, слѣдовательно, у рябчиковъ нѣтъ тока въ томъ смыслѣ, какъ онъ есть у тетеревей. Если подзывающій свою самку или по крайней мѣрѣ желающій узнать, гдѣ она, самчикъ, случайно встрѣтивъ другого самца, и подерется съ нимъ, и прогонитъ его—это обычное явленіе для всѣхъ спаривающихся птицъ и къ току не имѣетъ никакого отношенія. Поэтому, внѣ всякаго сомнѣнія, представленіе о токѣ рябчиковъ составилось вслѣдствіе манеры самчика „пикать", подзывая самку. Выдѣлываемая имъ трель очень характерна и состоитъ изъ очень нѣжныхъ и мелодичныхъ звуковъ, слышныхъ на 50—100 саженъ. Старый и молодой самецъ и самка пикаютъ различно, но объ этомъ подробнѣе въ главѣ, посвященной описанію охоты за рябчикомъ. Здѣсь достаточно прибавить къ уже сказанному еще немногое. Самецъ съ самаго начала брачнаго періода держится вблизи самки; позднѣе же, когда самка начнетъ нестись, самецъ почти не отходитъ отъ нея и въ это время обращаетъ гораздо менѣе вниманія на другихъ самцовъ.

Само собою разумѣется, что начало брачнаго періода у рябчиковъ, въ связи съ обширнымъ распространеніемъ этой птицы, измѣняется по мѣсту очень сильно, въ зависимости отъ времени наступленія весны. Въ средней Россіи брачный періодъ начинается съ конца марта или начала апрѣля и продолжается до половины мая, когда даже запоздавшія самки успѣваютъ отложить яйца. Въ Прибалтійскомъ краѣ гнѣзда съ полными кладками находятъ обыкновенно уже въ концѣ апрѣля. Въ Пермскомъ Уралѣ рябушки садятся на гнѣзда не ранѣе начала мая. Въ устройствѣ гнѣзда и высиживаніи самецъ не принимаетъ участія, хотя держится недалеко отъ гнѣзда. Впрочемъ судя по тому, что онъ въ это время хорошо идетъ на манку, онъ вѣроятно не прочь временно сходиться съ холостыми и, чаще всего, болѣе молодыми самками, пока его собственная дружка сидитъ на яйцахъ.

Устройство гнѣзда очень просто: самка вырываетъ для него небольшую ямочку подъ кустомъ, деревомъ, валежникомъ, или даже просто во мху и даже гниломъ деревѣ, выстилаетъ ее травинками, листьями, иногда мелкими прутиками, и незатѣйливая постройка готова. Однако, благодаря именно своей незатѣйливости, гнѣздо рябчика отлично скрыто и найти его можно только съ большимъ трудомъ. Л. П. Сабанѣевъ говоритъ, что на Уралѣ онъ нашелъ всего два раза гнѣздо рябчика, тогда какъ разъ 15 находилъ гнѣзда глухарокъ. Самка кладетъ обыкновенно отъ 6 до 10 яицъ, но болѣе старыя рябушки несутъ даже 14—15, а по словамъ промышленниковъ и до 20. Послѣднее число, впрочемъ, очень сомнительно; не лишено вѣроятія даже и то, что если дѣйствительно были находимы гнѣзда съ такимъ числомъ яицъ, то послѣднія могли случайно принадлежать двумъ самкамъ. По величинѣ яйца нѣсколько больше голубиныхъ, измѣняясь въ длинѣ отъ 1,7 до 1,65 д. и въ поперечникѣ отъ 1,17 до 1,15; скорлупа ихъ

гладкая, блестящая, основной цвѣтъ буровато-желтый, иногда совершенно лишенный пестринъ, обыкновенно покрытый рѣдкими красно-бурыми пятнышками и точками. Самка сидитъ на гнѣздѣ очень крѣпко, иногда даже позволяетъ взять себя съ него руками; при видѣ неминуемой опасности, однако, незамѣтно сходитъ съ гнѣзда и начинаетъ отводить отъ него, большею частью пѣшкомъ. Насиживанiе продолжается около трехъ недѣль, и птенцы могутъ бѣгать сейчасъ же послѣ того какъ матка обсушитъ ихъ подъ крыльями. На другой день она обыкновенно уводитъ ихъ на свѣтлыя травянистыя лужайки и опушки, гдѣ птенцы находятъ въ изобилiи свой первоначальный кормъ: насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, червячковъ, пауковъ, улитокъ и пр. Особенно любятъ птенчики муравьиныя яйца, для чего мать разрываетъ имъ ногами муравьиныя кучи. Очень травянистыхъ полянъ рябчики избѣгаютъ, напротивъ—лѣсныя дороги съ ихъ скудной травянистой растительностью и колеями, гдѣ долго держится дождевая вода, очень охотно посѣщаются ими. Главное время кормежки выводковъ—утреннiя и вечернiя зори, тогда какъ днемъ они прячутся въ валежникѣ или густой поросли, гдѣ конечно подкармливаются понемногу, но откуда неохотно выходятъ на чистыя мѣста. Относительно участiя самца въ воспитанiи молодыхъ мнѣнiя расходятся. Нѣкоторымъ охотникамъ никогда не удавалось найти при выводкѣ самца и потому они рѣшительно отрицаютъ какое-бы то ни было его участiе въ жизни выводковъ. Но большинство опредѣленно указываютъ, что самецъ присоединяется къ маткѣ съ молодыми вскорѣ же послѣ вывода послѣднихъ и раздѣляетъ съ нею всѣ труды и заботы по воспитанiю молодыхъ. Сообщаются даже такiе случаи, когда самецъ, при гибели самки, всецѣло бралъ на себя заботы объ осиротѣвшей семьѣ, подавалъ голосъ какъ самка, подобно ей отводилъ отъ яицъ и т. д.

Первое время по выводѣ птенцы растутъ очень медленно, но даже будучи совсѣмъ крохотными они превосходно прячутся, затаиваясь въ ямкахъ, подъ сучьями и т. д., и начинаютъ перепархивать всего нѣсколько дней отъ роду. Трехнедѣльные уже настолько успѣваютъ окрѣпнуть, что обыкновенно ночуютъ на деревьяхъ, находя себѣ здѣсь самое надежное убѣжище. Даже днемъ вспорхнувшiй на дерево птенчикъ рябчика до того сливается съ его корой своими пестринами, что неопытнымъ глазомъ ни за что не различить его, развѣ въ бинокль. Мѣсячные птенцы всего съ перепелку, но послѣ этого они растутъ очень быстро и черезъ мѣсяцъ уже становятся ростомъ со стараго, отъ котораго отличаются лишь перьями птенцоваго наряда на головѣ.

Линька молодыхъ во взрослый нарядъ и линька старыхъ идетъ очень быстро. Старые самцы начинаютъ линять въ центральной Россiи въ серединѣ iюля и къ серединѣ сентября перелинивають окончательно, только кой-гдѣ еще остаются не совсѣмъ развившiяся перья. Самки приступаютъ къ линькѣ нѣсколько позднѣе, но въ серединѣ сентября и ихъ линька заканчивается и молодые успѣваютъ надѣть взрослое перо, только у послѣднихъ перья плюсны еще коротки. Къ

октябрю, однако, и послѣднія отрастаютъ настолько, что рябчику не страшны становятся даже сильные морозы.

Достигнувъ приблизительно мѣсячнаго возраста, молодые оставляютъ исключительно животную пищу, примѣшивая къ ней ягоды, а въ теченіе августа даже совсѣмъ переходятъ на растительный кормъ. Вмѣстѣ съ линькой выводки рябчиковъ разбиваются, и молодые, не нуждаясь въ покровительствѣ старыхъ, начинаютъ вести самостоятельную жизнь, хотя обыкновенно, по своей осѣдлости, держатся недалеко одинъ отъ другого и потому тамъ, гдѣ вы нашли одного, можете съ увѣренностью ожидать встрѣтить и другихъ. По окончаніи линьки, начиная вести болѣе бродячую жизнь, рябчики опять сходятся другъ съ другомъ и разбиваются на пары. „Въ серединѣ сентября, при ясной, хорошей погодѣ,—говоритъ объ этомъ Ф. К. Лоренцъ,—иногда до двадцати рябчиковъ собираются на какой-либо полянкѣ въ лѣсу. При этомъ самцы распускаютъ свои хвосты, опускаютъ крылья, приподнимаютъ хохолки и начинаютъ ухаживать за самками, издавая особую трель. Такія собранія продолжаются не долго; какъ только каждый самецъ выберетъ себѣ самку, сборище расходится, а сошедшіеся въ пары самцы и самки живутъ вмѣстѣ до весны“.

Пока не наступятъ сильные холода и не выпадетъ снѣгъ, рябчики не нуждаются въ пищѣ и держатся въ одиночку или парочками, такъ какъ далеко не всегда пары образуются съ осени. Когда же начнутся сильные морозы, и глубокій снѣгъ покроетъ собою оставшіяся ягоды, рябчикамъ приходится плохо, и они начинаютъ переселяться къ ручьямъ и рѣчкамъ, гдѣ растетъ ольха и береза. На сѣверѣ это бѣдственное для рябчиковъ время наступаетъ уже въ концѣ октября, въ средней Россіи не ранѣе конца ноября. Какъ обычное слѣдствіе безкормицы или, точнѣе говоря, сохраненія корма лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наступаетъ стаденіе рябчиковъ и, начиная съ этого времени, ихъ, какъ лѣтомъ, опять можно встрѣчать штукъ по 5—10 вмѣстѣ. Однако это не продолжается долго: скоро недостатокъ корма заставляетъ разыскивать его энергичнѣе, и временныя сборища опять расходятся, разбиваясь на пары, которыя и живутъ особнякомъ до весны. Чѣмъ холоднѣе и больше снѣга, тѣмъ дальше начинаютъ перелетать рябчики. Этимъ объясняется ихъ появленіе въ суровыя зимы тамъ, гдѣ ихъ вообще нѣтъ, напр., подъ Оренбургомъ, этимъ же объясняется и увеличеніе ихъ численности только тамъ, гдѣ они живутъ постоянно, напр., въ Московской губ.

Дальнѣйшія подробности образа жизни рябчика умѣстнѣе сообщить при описаніи охоты за этой птицей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Добываніе рябчиковъ.—Ружейная охота съ легавой и лайкой.—Охота съ загонщиками.—Охота на пищикъ.

Самая распространенная и самая характерная охота на рябчиковъ—на пищикъ или на манку—требуетъ такого продолжительнаго навыка и знанія повадокъ птицы, что доступна лишь немногимъ охотникамъ изъ тѣхъ, которые привыкли охотиться за болотной дичью съ легавой. Да, пожалуй, большинство изъ нихъ и не оцѣнитъ своеобразной прелести этой охоты, какъ большинство не цѣнитъ охоты за глухарями на току. Но кто не видитъ въ охотѣ одного умѣнья стрѣлять поднятую изъ-подъ собаки дичь и не боится утомленія, связаннаго со всякой лѣсной охотой, требующей крайняго вниманія, тому охота за рябчиками на пищикъ доставитъ много удовольствія. О ней однако позднѣе, а теперь о другихъ, болѣе случайныхъ способахъ охоты съ ружьемъ за рябчиками.

Рябчикъ, вообще говоря, боится собаки и потому самому отъ легавой по отношенію къ этой птицѣ многаго ждать не приходится. Заслышавъ собаку, онъ не выдерживаетъ ея стойки, а спѣшитъ укрыться въ густыхъ вѣтвяхъ хвойныхъ деревьевъ, гдѣ умѣетъ великолѣпно прятаться. Если къ этому добавить еще, что рябчикъ держится въ лѣсной чащѣ, гдѣ стрѣльба въ летъ почти немыслима, само собою станетъ понятно, что обычная охота съ легавой не даетъ въ этомъ случаѣ ничего. Но лѣтомъ, когда выводки еще не разбились, за ними можно охотиться съ собакой: для этого надо выбирать раннее утро, когда выводки кормятся, при чемъ молодые расходятся врозь и могутъ быть подняты поочередно, а не всѣ сразу. Мѣста такихъ кормежекъ подробно описаны выше; теперь упомянемъ лишь, что это вовсе не открытыя мѣста, а либо густой кустарникъ среди высокихъ деревьевъ, либо лѣсъ съ буреломомъ. Если собака, наткнувшись на выводокъ, съ самаго начала подниметъ его цѣликомъ и птицы усядутся на деревья, охоту надо считать неудавшеюся, такъ какъ вспугнутый выводокъ не скоро спустится на землю. Охота еще можетъ удаться въ такомъ случаѣ, если самка помѣщается на одномъ деревѣ, а дѣти на другомъ. Высмотрѣвъ старку и сваливъ ее, можно перебить большую часть молодыхъ, которые не пугаются выстрѣловъ и не улетаютъ, а лишь затаиваются въ густыхъ вѣтвяхъ. Вся трудность только въ томъ, чтобы высмотрѣть молодыхъ, которые прячутся превосходно.

Въ другомъ родѣ охота съ лайкой, которая употребляется нашими сѣверными промышленниками для охоты за тетеревами, глухарями и бѣлками. Такія собаки пріучены находить птицу или звѣрька и, найдя добычу, голосомъ давать объ этомъ знать хозяину, въ то же самое время привлекая на себя ея вниманіе, чтобы удержать до прихода охотника. Глухарь, тетеревъ и бѣлка не боятся собаки и, видя

ее лающей подъ деревомъ или скребущей дерево, съ большимъ интересомъ слѣдятъ за всѣми ея движеніями, не обращая вниманія на подходящаго охотника. Съ рябчикомъ дѣло обстоитъ иначе, потому что вообще эта птица боится шума и въ частности собачьяго лая. Поэтому, чтобы съ успѣхомъ охотиться съ лайкой на рябчиковъ, ее надо пріучить лишь слабо подать голосъ, когда рябчикъ найденъ, и потомъ не обращать на себя его вниманія. Говорятъ, что есть такъ хорошо натасканныя собаки, что, выслѣдивъ рябчика и подавъ голосъ, онѣ не бросаются къ дереву, не лаютъ громко, а либо ложатся, либо начинаютъ кататься на землѣ. Понятно, что при такой охотѣ рябчика приходится бить сидячаго. Г. Прокудинъ-Горскій говоритъ, какъ очевидецъ, что вспугнутый лайкой рябчикъ ведетъ себя какъ тетеревъ: „онъ, наклонивъ свою голову, съ удивленіемъ смотритъ съ высоты дерева на докучливую подлайку, которая оперишись передними лапами на древесный стволъ того дерева, гдѣ онъ засѣлъ, надрывается лаемъ. Какъ будто бы поддразнивая ее, онъ хорохорится, чичикаетъ, бѣгаетъ по сучьямъ, растопыриваетъ крылышки и распускаетъ свой красивый хвостъ вѣеромъ до тѣхъ поръ, пока губительный свинецъ не опуститъ его на земь“. Все это безъ сомнѣнія относится только къ такимъ старымъ рябчикамъ, которые озабочены тѣмъ, чтобы отвести собаку отъ дѣтей, почему и приманиваютъ ее къ себѣ, и совершенно неприложимо къ рябчикамъ вообще.

Охота съ загонщиками производится только въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ и, по справедливому замѣчанію Л. П. Сабанѣева, безъ сомнѣнія была вызвана, съ одной стороны, частыми облавами на звѣрей, которыя очень распространены въ названномъ краѣ, съ другой—неудачами этихъ охотъ и желаніемъ поживиться хотя пернатою дичью.

Производится эта охота, какъ и всѣ облавы, весьма простымъ способомъ. Охотники отправляются въ лѣсъ, гдѣ есть рябчики, беря съ собою человѣкъ 10—15 мальчиковъ. Охотники становятся въ линію, гдѣ и какъ угодно, смотря по мѣстности, а мальчиковъ ставятъ отъ себя на разстояніи, приблизительно, одной десятины. Вся обязанность послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобы идти на линію охотниковъ и, посвистывая, изрѣдка ударять палкою по деревьямъ. Отъ такого шума рябчики не пугаются и не летятъ какъ сумасшедшіе, а большею частію перелетаютъ съ дерева на дерево до тѣхъ поръ, пока не наткнутся на линію стрѣлковъ, гдѣ шумъ, производимый ими при полетѣ, выдаетъ ихъ охотнику. Конечно, бываетъ, что испуганный рябчикъ несется черезъ линію стрѣлковъ, но это только усугубляетъ удовольствіе охоты, давая возможность стрѣлять въ летъ. Къ тому же стрѣльба рябчиковъ въ лѣсу въ летъ требуетъ большого навыка и ловкости и легко можетъ статься, что охотникъ, выпустивъ съ десятокъ зарядовъ, не убьетъ ни одной птицы. Вообще же охота съ загонщиками добычлива и занимательна тѣмъ, что чрезвычайно оживлена: едва начнетъ раздаваться стукъ, со всѣхъ сторонъ послышатся выстрѣлы. Кромѣ того,

какъ и при всякой охотѣ съ загонщиками, можетъ выпасть такой случай, что на линію выйдетъ совсѣмъ неожиданная добыча: зайцы, лисицы, даже волки и козы.—Когда мальчики дойдутъ до линіи охотниковъ, то останавливаются, а стрѣлки занимаютъ слѣдующую десятину, и такъ можетъ быть повторено нѣсколько разъ.

Въ средней Россіи такая охота на рябчиковъ съ загонщиками совершенно не практикуется, хотя по мѣстнымъ условіямъ вполнѣ возможна. Весьма вѣроятно, что у многихъ явится даже недовѣріе къ осуществимости этого способа добыванія птицы; но главною причиною тому конечно явится охотничья косность, тормозящая всякое начинаніе. Къ тому же большинство охотниковъ не считаетъ рябчика за дичь, хотя очень немногіе между ними могутъ похвастаться тѣмъ, что какимъ бы то ни было способомъ успѣшно охотились за этой птичкой. А между тѣмъ, этой охотѣ надо бы привиться именно тамъ, гдѣ существуютъ охотничьи кружки и общества, и гдѣ, само-собою разумѣется, не всегда же охота съ загонщиками можетъ производиться по красному звѣрю. Нѣкоторая разрѣженность лѣсовъ и разбивка большихъ лѣсныхъ площадей на отдѣльные, хотя и крупные участки, также только благопріятствуетъ этому способу охоты, такъ какъ въ нихъ легче идти загонщикамъ и легче поддерживать линію стрѣлковъ. Наконецъ, практика охотниковъ Волынской, Черниговской и другихъ западныхъ губерній лучше всего доказываетъ и осуществимость и успѣшность этого рода охоты.

Какъ выше замѣчено, наиболѣе характерная охота на рябчиковъ—*охота съ пищикомъ*, основанная на подражаніи голосу рябчика посредствомъ небольшой дудочки, пищика, сдѣланнаго изъ разныхъ матеріаловъ, а то такъ и просто ртомъ. Рябчикъ, отзываясь на пищикъ, подлетаетъ или подбѣгаетъ къ охотнику часто на очень близкое разстояніе и такимъ образомъ дѣлается его добычей.

Г. Александровъ недавно такъ хорошо описалъ эту охоту, что я сначала приведу большую часть его очерка и уже потомъ сдѣлаю къ нему разныя добавленія.

„Для успѣшной охоты на рябчиковъ, говоритъ г. Александровъ, необходимо знать: 1) качество лѣса, гдѣ любитъ держаться рябчикъ, или, какъ здѣсь (въ Ярославской губ.) говорятъ, рябиныя мѣста; 2) время года и часы дня, когда онъ бойко идетъ на пискъ; 3) погоду и, наконецъ, обладать хорошими пищиками.

„По большей части излюбленными мѣстами для рябчиковъ служатъ лѣсные рѣчки, ручейки, родники, ключи и овраги, сплошь заросшіе смѣшаннымъ лѣсомъ изъ ели, осины, березы, ольхи съ кое-гдѣ разбросанными кустами волчатника и рябины. Въ общемъ—мѣстечки всегда уютныя, живописныя. Съ вывода и почти до Успеньева дня молодые рябчики находятся при маткѣ и держатся въ такихъ лѣсныхъ трущобахъ, куда далеко не всегда удается и проникнуть. Въ это время хотя рябчикъ и мелокъ, но идетъ на пискъ чудесно и при томъ всегда землею, „пѣшкомъ“, цѣлымъ выводкомъ, голова въ голову. Но такъ

какъ это время совпадаетъ съ разгаромъ крестьянскихъ работъ, то охоты за нимъ не производится, да и цѣнность мелкаго рябчика значительно падаетъ. Съ Успеньева же дня выводки рябчиковъ разсыпаются, переселяются на мелкіе ручьи и рѣчки и держатся въ вышеуказанныхъ мѣстахъ. Такъ какъ рябчикъ большую часть своей жизни проводитъ на землѣ, отыскивая кормъ, жируя, то и лѣса выбираетъ чистые, безъ подсѣда, травы и древеснаго лому. Лѣтомъ въ чистыхъ еловыхъ, сосновыхъ и осиновыхъ лѣсахъ рябчикъ почти никогда не держится, развѣ только буря и дождь загоняютъ его въ лѣсную глушь, когда онъ обыкновенно сбивается на зиму, собираясь въ стаи по 30 и болѣе особей. Отыскивать рябчика такъ же, какъ и тетерева, надо непремѣнно возлѣ старыхъ заросшихъ лѣсныхъ дорогъ, тропъ или просѣкъ, по коимъ, досыта нажировавшись и отдохнувъ, онъ очень любитъ бѣгать, что бываетъ обыкновенно часа за два, за три до заката солнца *). По времени года, рябчикъ начинаетъ идти на пискъ, примѣрно, съ Успеньева дня, но сначала не охотно, ибо присутствіе матки при выводкѣ значительно портитъ охоту. Настоящая же охота на пищикъ начинается съ Рождества Богородицы, когда выводки разбиваются на пары, и идетъ безъ перерыва вплоть до самой зимы. По временамъ дня, охота на рябчиковъ начинается стемна, съ зари и до 11—12 часовъ дня; затѣмъ слѣдуетъ, примѣрно, двухчасовой перерывъ, въ теченіе коего рябчики парами сидятъ гдѣ-нибудь возлѣ дороги или вырубки и отдыхаютъ. Въ это время рябчикъ, находясь возлѣ самки, совершенно не откликается на пискъ. Съ часу или двухъ дня они опять принимаются за кормежку, разбиваются по лѣсу и охотно идутъ на пискъ до самыхъ сумерекъ. Все это, разумѣется, бываетъ умѣстно при условіи благопріятной погоды. Послѣдняя имѣетъ громадное вліяніе на рябиную охоту. Лучшею погодою для этой охоты надо считать ясные, тихіе, слегка прохладные дни, коими бываетъ богата вторая половина сентября. Иногда въ началѣ октября, послѣ листопада, выпадаютъ чудные, тихіе, туманные дни съ легкой изморозью; въ такую погоду рябчики, пожировавъ, разлетаются и разсаживаются по высокому осиннику и безъ перерыва перекликаются, чѣмъ и открываютъ свое присутствіе охотнику, давая ему возможность бить ихъ съ подхода на узерку, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ грозы и вообще въ ненастную дождливую погоду рябчики перебираются въ густой ельникъ, и хотя идутъ на манокъ, но всегда землею, не дѣлая ни одного перелета, вѣроятно изъ боязни замочиться. Но вѣтряную погоду надо считать самой неблагопріятной для рябиной охоты: въ лѣсу поднимается такой шумъ, что ни писку, ни взлета рябчика бываетъ не слышно, идетъ на манокъ онъ всегда почти пѣшкомъ и всегда успѣваетъ ранѣе увидѣть охотника, нежели послѣдній замѣтитъ его. Жара и холодъ, повидимому, особеннаго вліянія на ходъ рябчика не имѣютъ.

---

*) „О присутствіи рябчиковъ можно судить по грудкамъ помета его, которымъ обыкновенно бываютъ покрыты старые пни, буреломины и лѣсныя поляны“.

„Затѣмъ, помимо знанія рябиныхъ мѣстъ и времени охоты, для успѣха послѣдней необходимо обладать хорошими пищиками, которые бываютъ различныхъ сортовъ, какъ-то: оловянные, жестяные, мѣдные, изъ гусинаго пера, костей зайца и домашней крупной птицы, точеные изъ кости, и, наконецъ, изъ цѣликомъ снятой коры молодыхъ побѣговъ ивы и ели. Испробовавъ на практикѣ всѣ вышеозначенные сорта пищиковъ, я пришелъ къ заключенію, что лучшими изъ нихъ по силѣ звука и тону—точеные изъ кости. Разумѣется, купить хорошій пищикъ, никогда не слыхавъ голоса рябчика, довольно трудно, тѣмъ болѣе, что въ продажѣ попадается и много негодныхъ для охоты. Самое лучшее—это попросить кого-нибудь изъ охотниковъ выбрать. При аккуратной noскѣ (въ чехликѣ изъ замши) и бережливости хорошій пищикъ можетъ прослужить десятки лѣтъ. Пищикъ крестьянъ—преимущественно все самодѣлки изъ заячьихъ костей, хотя послѣднее время приходилось встрѣчать и покупные. Нѣтъ сомнѣнія, что и они начинаютъ отдавать предпочтеніе покупнымъ передъ своими грубыми самодѣлками.

„Вооружившись парой отличныхъ пищиковъ, охотнику остается теперь самое главное — это выучиться пищать по-рябиному. Не знаю, откуда и почему, но у многихъ охотниковъ сложилось такое мнѣніе, что нѣтъ проще занятія подманивать рябчиковъ и бить ихъ десятками. Но я склоненъ думать, что любому изъ этихъ охотниковъ съ хорошими пищиками и въ хорошихъ рябиныхъ мѣстахъ не подманить ни единаго рябчика и не убить. На практикѣ оно такъ и выходитъ: охота за рябчиками куда какъ проста, а бьютъ ихъ нѣкоторые. Затѣмъ нѣкоторые интеллигентные охотники категорически изрекаютъ, что рябчикъ-де глупъ, — какъ ни пискни, все летитъ къ тебѣ, — поэтому обзаводятся какимъ-нибудь однимъ пищикомъ, не различая, годенъ ли онъ для самца или самки. Въ дѣйствительности же подманить рябчика довольно трудно,—приходится имѣть два рода пищиковъ,—самочьи и самцовые, ибо манера пищать ихъ совершенно различна. Пискъ самки—короткій, слабый, всего въ три тона, отрывистый и безъ трели. На бумагѣ его можно передать слѣдующими буквами: „ти-у-и". Средній слогъ „у" тянется дольше двухъ крайнихъ. Голосъ самца изобразится такъ: „ти-ти-ти-тить-ти, ти-ти-ти-тіу". Здѣсь первые два слога „ти" надо тянуть долго, а затѣмъ прочіе—трелью, отрывая каждый слогъ, кромѣ послѣдняго *). Выучиться хорошо пищать — наука довольно трудная, требу-

*) Л. П. Сабанѣевъ говоритъ, что свистъ самцовъ состоитъ изъ пяти нѣжныхъ и звучныхъ нотъ: двухъ протяжныхъ, высокихъ и трехъ укороченныхъ, пониже—въ видѣ трели; все колѣно онъ выражаетъ такъ: „т...т, т, ии, ти-ти-ти". По Прокудину-Горскому рябчиковый свистъ можно передать такъ: „тю-ті-ю", съ разстановкой или протяжно, потомъ отрывисто „тють" и, наконецъ, скоро и часто, какъ трель, „ти-ти-ти". Шведовъ выражаетъ отзывъ рябчика какъ „тіи, ти-тирири-ти-ти", при чемъ первая нота нѣсколько протяжна, въ серединѣ повышающаяся, вторая короче и ниже ея, третья съ удареніемъ на послѣднемъ „ри", четвертыя ноты короткія и съ одинаковымъ удареніемъ на оба „ти". Всѣ эти передачи болѣе или менѣе удачны, но кто не слыхалъ писка рябчика, тотъ по нимъ все-таки не составитъ себѣ о немъ яснаго представленія.

ющая отъ охотника тонкаго слуха, терпѣнія и вниманія. Конечно, лучше всего учиться пищать на практикѣ, т.-е. на охотѣ въ лѣсу, съ кѣмъ-нибудь изъ опытныхъ охотниковъ или промышленниковъ, на самихъ рябчикахъ. Вообще это искусство дается только годами упорной работы пищикомъ, хотя бываютъ и исключенія. Я, напр., учился пищать у г. Аверкіева (извѣстный рыбинскій спеціалистъ охоты на рябчиковъ), сопровождая его на рябиныхъ охотахъ. Несмотря на сравнительно хорошій слухъ, полнѣйшее желаніе, отличнаго ментора, въ лицѣ А—ва, и проч. благопріятныя условія, только на третій годъ я выучился владѣть хорошо пищикомъ и началъ бить подманенныхъ мною рябчиковъ. А сколько за эти три года пришлось испортить крови, сколько испорчено было полей, благодаря отвратительному писку! По крайней мѣрѣ, сотни три рябчиковъ распугалъ я за это время, изъ коихъ съ грѣхомъ пополамъ удалось взять всего какой-нибудь десятокъ, да и то болѣе на узерку или шумовыхъ. Вотъ поэтому-то, испытавъ много злоключеній на этой охотѣ и мало-по-малу ознакомившись съ нею, я не могу сказать, что она очень проста и прибыльна.

„Самая же охота производится слѣдующимъ образомъ. Осень, чуть-чуть забрезжила зорька на небѣ, отправляешься въ хорошо извѣстныя рябиныя мѣста, безъ собаки, которой рябчикъ страшно пугается и отъ которой далеко улетаетъ, придерживаясь старыхъ лѣсныхъ дорогъ или тропъ. Идешь тихо, шагъ за шагомъ, изрѣдка попискивая самкой и чутко прислушиваясь, нѣтъ ли взлета. Если съ вами есть неопытный, не умѣющій манить товарищъ, то ему всего лучше держаться вплотную за вами, быть вашей тѣнью: меньше шуму и помѣхи. Въ противномъ случаѣ надо держаться другъ отъ друга шаговъ на 300—400, уйти со слуха. Ходить надо неторопливо, и какъ можно меньше шуршать ногами: рябчикъ не столько боится человѣка, сколько шелесту и чавканья подъ ногами, отъ коего онъ далеко, внѣ слуха, вспархиваетъ и таится. Не пройдешь и 200 шаговъ, какъ вправо, шагахъ въ 70—80, раздается характерное хлопанье крыльевъ: то рябчикъ вспорхнулъ на дерево, заслышавъ ваши шаги. Вамъ его не видно, вы останавливаетесь, прислушиваетесь, отыскивая глазами подходящее мѣсто, гдѣ бы засѣсть: елочку, сосенку или какой-нибудь кустикъ, откуда вамъ было бы удобно наблюдать за перелетами. Затѣмъ даете первый свистокъ. Если рябчикъ одинъ, безъ самки, то сейчасъ же отзывается. Въ такомъ случаѣ вамъ остается засѣсть на избранное мѣстечко, лицомъ къ птицѣ, дать 5—6 минутную выдержку (выкурить неторопливо папиросу) и дать второй пискъ. Рябчикъ сдѣлаетъ прилетъ въ вашу сторону и отзовется. При этомъ, отвѣчая на его пискъ, лучше дать ему пискнуть два-три раза, а ему въ отвѣтъ одинъ разъ: это его сильнѣе раззадориваетъ и заставляетъ быстрѣе перелетать. Дѣлая перелетъ за перелетомъ, рябчикъ въ концѣ-концовъ подлетаетъ къ вамъ на 20—25 шаговъ и усаживается, весь на виду. Вы стрѣляете. Такъ иногда удается подманить сразу 3—4 рябчиковъ и постепенно убить. Начинать пищать надо всегда самкой (ибо самцы попадаются

чаще), и послѣ перваго отзыва вы уже знаете, кто вамъ откликается— самка или самецъ. Сидѣть въ прикрытіи надо тихо, безъ шевеленій, и ружье держать на изготовку.

„Если, заслышавши шумъ рябчика, онъ не откликается на второй зовъ, то это значитъ, что рябчикъ или пуганый (стрѣлянъ), или возлѣ него самка. Бываетъ такъ: вспархиваетъ рябчикъ и садится передъ вами; понятно, бьешь на узерку. Но иногда изъ-подъ ногъ рябчикъ бросается въ чащу; тогда надо, осторожно ступая, дать небольшой кругъ, дѣлая видъ, какъ-будто удаляешься отъ него, затѣмъ зайти съ противоположной стороны и усѣвшись подъ деревомъ, послѣ выдержки, подавать голосъ. Иногда рябчикъ, подлетая и яро отзываясь, вдругъ замолчитъ и пропадетъ: это значитъ, что онъ замѣтилъ самку, соединился съ нею и далеко ушелъ пѣшкомъ. Въ этомъ случаѣ приходится, отыскавъ ихъ, нарочно разганивать въ разныя стороны, а затѣмъ уже манить. Вообще разгонять приходится всегда, когда сгонишь пару рябчиковъ или цѣлый выводокъ; манить всегда начинаешь самкой. Усаживаться для манки отнюдь не слѣдуетъ въ густыхъ заросляхъ или молоднякѣ: тогда невидно и красивыхъ перелетовъ его, которые пріятно волнуютъ, а главное—рябчикъ усаживается въ 5—7 шагахъ отъ охотника и можетъ быть разбитъ выстрѣломъ вдребезги. Засѣвши же на рѣдникѣ, всегда бьешь въ 30—40 шагахъ. Рѣдкій изъ охотниковъ не соблазнится, спугнувъ изъ-подъ ногъ рябчика поохотиться на него на узерку. Но при этомъ надо знать, *какъ и куда* садится поднятый рябчикъ. Спугнутый въ первый разъ, рябчикъ всегда садится гдѣ попало, но на виду охотника: будучи очень любопытнымъ, онъ заинтересовывается причиной безпокойства и, прыгая по вѣткѣ, разсматриваетъ охотника. Убить его тутъ не составляетъ никакого труда. Спугнутый во второй разъ садится въ вершину, для чего столбомъ поднимается вверхъ и расправивъ крылья, опускается плавно въ вершину Тутъ уже только опытный глазъ можетъ усмотрѣть его, да и то къ концу осени, когда деревья на чисто освобождаются отъ листвы, въ противномъ случаѣ можно, по ошибкѣ, отпустить сколько угодно пуделей. Наконецъ, въ третій разъ рябчикъ уже не подпускаетъ близко охотника и бросается преимущественно въ елку, къ самому стволу, притомъ такъ ловко прячется, растягиваясь по вѣткѣ или прижимаясь къ дереву, что даже и опытный промышленникъ не сразу сумѣетъ его замѣтить. Слѣдуя совѣту г. Аверкіева, на охоту на узерку я вооружался сильнымъ биноклемъ, съ помощью котораго значительно легче разглядывать затаившагося рябчика. Не имѣя же навыка, можно цѣлый часъ продежурить подъ деревомъ и уйти ни съ чѣмъ. Не досадно ли бываетъ бросать птицу, которая находится отъ васъ всего въ какихъ-нибудь 10 — 12 шагахъ. Послѣ же третьяго раза рябчикъ дѣлаетъ большіе перелеты и садится чаще всего по вершинамъ. Помимо того, при хорошемъ слухѣ и вниманіи, можно даже точно опредѣлить породу дерева, на которое сѣлъ рябчикъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ я еще не постигъ этого искусства, но здѣсь есть охотники - промышленники,

которые безошибочно опредѣляютъ, на что сѣлъ рябчикъ: на березу, ель или сосну. Опредѣленіе идетъ по тому звуку, который производитъ рябчикъ, садясь на дерево. Такъ, напр., при посадкѣ на березу слышится характерный трескъ, на ель — шумъ отъ качающихся вѣтокъ, и, наконецъ, на сосну—гулъ. Безъ сомнѣнія, это дается многолѣтнимъ опытомъ.

„Затѣмъ, чтобъ обмануть охотника, рябчикъ иногда, сѣвши на дерево, нѣкоторое время хлопаетъ крыльями, производя такой шумъ, какъ будто онъ продолжаетъ дальше летѣть. Кромѣ того, будучи подраненъ на деревѣ, онъ рѣдко когда падаетъ на землю, чаще же, въ особенности на ели или соснѣ, такъ плотно западаетъ, что иногда тутъ и остается, тѣмъ болѣе, что охотникъ не всегда увѣренъ въ правильности сдѣланнаго выстрѣла.

„Охота на узерку бываетъ добычлива во второй половинѣ августа и началѣ сентября, когда рябчикъ въ выводкѣ; молодые всегда разсаживаются на глазахъ у охотника, давая ему возможность убить 2—3 штуки съ подхода. Охота же съ пищикомъ по выводкамъ производится такъ же, какъ и по разогнанной парѣ рябчиковъ; иногда, впрочемъ, молодые на голосъ матки бѣгутъ гуськомъ и тогда 3—4 штуки можно бываетъ положить однимъ выстрѣломъ, а затѣмъ по-одиночкѣ, на пискъ. При этомъ долженъ замѣтить, что садиться пищать надо по возможности около того самаго мѣста, откуда былъ поднятъ выводокъ; это, впрочемъ, приходится продѣлывать въ большинствѣ случаевъ, ибо рябчикъ всегда охотнѣе возвращается туда, гдѣ онъ жировалъ, вѣроятно въ надеждѣ найти самку. Не разъ случается, что рябчикъ, подлетая къ охотнику на пискъ, ошибается слухомъ и нѣсколько разъ перепархиваетъ охотника. Безпокоиться этимъ нечего: на слѣдующій разъ онъ вернется и всегда можетъ быть усаженъ тамъ, гдѣ того желаетъ охотникъ. Рябчикъ вообще обладаетъ изумительнымъ слухомъ, и охотнику, плохо владѣющему пищикомъ, едва ли когда удастся провести его. Сдѣлавъ два-три перелета, прислушавшись, рябчикъ живо отличитъ фальшивый пискъ и, неслышно спустившись на землю, далеко уходитъ пѣшкомъ. Послѣ промаха, каковые всегда возможны, рябчикъ обыкновенно далеко не улетаетъ, но манить его въ такомъ случаѣ надо, по крайней мѣрѣ, черезъ полчаса, а лучше пока оставить въ покоѣ и идти искать слѣдующаго. Такимъ образомъ, бродя по лѣсу, охотникъ незамѣтно коротаетъ время до полудня. Затѣмъ въ двухтрехчасовой перерывъ охоты охотникъ имѣетъ возможность основательно отдохнуть и подкрѣпить свои силы. Съ 1—2 часовъ дня можно опять приниматься манить. Теперь уже ходить надо еще осторожнѣе и притомъ лѣсными дорогами: весь рябчикъ послѣ отдыха держится на этихъ дорогахъ, бѣгая за маткой и отыскивая червяковъ. Вечернее поле ничѣмъ не разнится отъ утренняго, только садиться манить надо возлѣ дорогъ и тропъ. Вечерняя охота длится до наступленія полныхъ сумерекъ.

„Говоря о перелетахъ рябчика, я забылъ добавить, что идя на

пискъ, онъ всегда садится въ полдерева и на виду, притомъ перепрыгиваетъ по вѣткѣ, чутко прислушиваясь. Въ такомъ возбужденномъ состояніи рябчикъ отъ взъерошеннаго пера кажется очень большимъ, почти съ тетерку, почему, плохо взявши его на мушку, легко сдѣлать промахъ, да и на близкой дистанціи зарядъ дроби идетъ кучей.

„О добычливости этой охоты можно сказать слѣдующее: при основательномъ знаніи рябиной охоты и умѣньи отлично манить, за день охоты легко взять отъ 6 до 12 шт., конечно, въ зависимости отъ рябиныхъ мѣстъ. По словамъ нѣкоторыхъ спеціалистовъ-промышленниковъ, иногда, подманивая рябчика, можно убить бѣлку или куницу, которыя тоже идутъ на рябиный пискъ, въ надеждѣ полакомиться дичинкой. Но такіе случаи надо отнести къ категоріи выдающихся.

„Описанные мною пріемы охоты бываютъ умѣстны и даютъ положительные результаты только при условіи благопріятной, тихой погоды. Въ дождливую, вѣтряную и вообще въ ненастную погоду, когда на пискъ рябчикъ идетъ землею, пѣшкомъ, — процессъ охоты нѣсколько измѣняется. Неудобства лѣсной охоты въ дождливую пору очевидны: помимо влаги сверху, каждый кустъ окачиваетъ васъ, какъ изъ ведра, и высокіе сапоги не спасаютъ васъ отъ намокшей травы. Но нерѣдко недостатокъ свободнаго времени заставляетъ васъ въ непогодь отправляться въ лѣсъ, въ особенности, если вы забрались куда-нибудь подальше, въ отъѣздъ.

„Въ дурную погоду, въ особенности въ дождь, рябчиковъ надо отыскивать хотя и по тѣмъ же мѣстамъ, но исключительно въ чащахъ ельника и сосняка, гдѣ они спасаются отъ сырости: здѣсь даже и въ большой дождь всегда суше, чѣмъ въ смѣшанномъ чернолѣсьи. Согнавъ рябчика даже изъ-подъ ногъ, охотиться на узерку уже не удастся, ибо въ такую погоду онъ бросается на ель или сосну въ полдерева, прячется и не выказываетъ ни малѣйшаго желанія къ перелетамъ. Тогда приходится, сдѣлавъ демонстративный кругъ, избрать мѣсто и манить; при этомъ садиться надо такъ, чтобы отозвавшійся или взлетѣвшій рябчикъ былъ сзади охотника: этотъ маневръ необходимъ въ виду того, что рябчикъ подходитъ пѣшкомъ всегда съ противоположной стороны, откуда слышалъ онъ ваши шаги или пискъ. Кромѣ того и мѣсто укрытія охотника должно удовлетворять удобству осмотра всего подножнаго ландшафта, чтобъ заблаговременно замѣтить и во̀-время ударить по бѣгущему рябчику. Допускать близко къ себѣ его не слѣдуетъ, ибо онъ замѣтитъ охотника и съ характернымъ чириканьемъ улетитъ. Бѣгаетъ по землѣ рябчикъ очень проворно, а идя на пискъ, часто останавливается и, вытянувъ шейку, наслушиваетъ: это бываетъ весьма удобный моментъ для выстрѣла. Весьма рѣдко рябчикъ идетъ прямо на пискъ, откуда его согнали, не сдѣлавъ предварительнаго круга. Нечего и говорить, насколько трудна охота на рябчика по пѣшему ходу: тутъ надо и ловко сѣсть, и зорко смотрѣть, и во̀-время ударить по юркой птичкѣ. Въ особенности плохо рябчики идутъ послѣ тихихъ ночныхъ дождей, когда весь лѣсъ на утро бы-

ваетъ покрытъ милліонами капель влаги; пока не обдуетъ вѣтеръ, охоту нечего и начинать.

„Объ охотѣ въ октябрьскіе туманные съ изморозью дни я уже говорилъ выше. Въ такую погоду рябчика легко бить и на узерку, да и на манокъ онъ идетъ бойко.

„Такъ идетъ рябиная охота до самой зимы, съ наступленіемъ которой рябчики откочевываютъ въ глухіе лѣсные уголки, сбиваются въ стаи и такъ проводятъ всю зиму до мартовскихъ пригрѣвовъ. Охота по первозимью, до выпаденія глубокаго снѣга, производится въ томъ же порядкѣ, что и осенью, съ тою лишь разницей, что отыскать стаю бываетъ гораздо труднѣе, нежели одиночныхъ рябчиковъ, но зато, наткнувшись на таковую, иногда удается за одинъ день взять десятка полтора рябчиковъ, конечно, при благопріятной погодѣ“.

Въ этомъ прекрасномъ очеркѣ такъ сказать техническая сторона охоты описана настолько полно, что дѣлать къ нему еще какія-либо добавленія въ этомъ направленіи, пожалуй, только портить уже сказанное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ говорится только объ осенней собственно охотѣ, тогда какъ на рябчиковъ охотятся съ пищикомъ также весною и вотъ объ этой-то весенней охотѣ надо сказать особо.

Весною охота начинается съ того времени, когда рябчики покидаютъ свои зимнія мѣстопребыванія — чащи ельника и олешнякъ по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ, и вмѣстѣ съ первыми лучами весенняго солнца переселяются на болѣе высокія и открытыя мѣста, на южные склоны косогоровъ и уваловъ, поблизости ключей, гдѣ много бурелома или гдѣ есть густой подсѣдъ. Въ зависимости отъ количества рябчиковъ ихъ пары часто селятся очень близко другъ отъ друга, въ разстояніи всего какой-нибудь сотни шаговъ.

Слѣдовательно, въ зависимости отъ географическаго положенія мѣста и времени наступленія весны, весенняя охота на пищикъ начинается въ мартѣ или апрѣлѣ и оканчивается ближе къ южной границѣ распространенія птицы иногда уже въ апрѣлѣ, тогда какъ на сѣверѣ можетъ затянуться до начала іюня. Точнѣе продолжительность ея можно опредѣлить такъ: начинается охота, когда рябчики разобьются на пары, оканчивается вскорѣ послѣ того, какъ самки сядутъ на яйца. Практикуемая нѣкоторыми охота еще по насту, на лыжахъ, мало занятна, потому что при этомъ трудно избѣжать шуму, который пугаетъ рябчика, да послѣдній еще и самъ по себѣ идетъ плохо на пищикъ. Но когда снѣгъ почти стаетъ, наступятъ даже теплыя весеннія ночи, безъ заморозковъ, такъ что по насту можно ходить почти безшумно, и рябчики идутъ на пищикъ превосходно. Л. П. Сабанѣевъ говоритъ, однако, что самый лучшій весенній ходъ на манку бываетъ немедленно послѣ того, какъ самки сядутъ на яйца, именно въ центральной Россіи — за недѣлю, за десять дней до цвѣтенія черемухи (середина мая). Идутъ собственно самцы, почему и манить надо голосомъ самки, и идутъ такъ „зарко“, что повторно подходятъ на пищикъ даже послѣ 1—2 неудачныхъ выстрѣловъ. Однако много зави-

ситъ отъ того, какая была зима: по наблюденіямъ Кирѣевскаго, самый лучшій и жаркій ходъ бываетъ послѣ продолжительной и постоянной, безъ оттепелей, зимы и сильныхъ морозовъ, и при дружной, теплой веснѣ съ обильными дождями.

Охоту надо начинать очень рано — съ восхода солнца, и можно продолжать ее часовъ до 9—10; затѣмъ нѣсколько часовъ перерыва и около трехъ часовъ охоты передъ закатомъ солнца. Въ серединѣ дня рябчикъ плохо отзывается, главнымъ образомъ потому, что въ это время съ нимъ держится его самка, съ которой они вмѣстѣ кормятся. Утромъ же и вечеромъ самчикъ въ большомъ азартѣ, озабоченный тѣмъ, какъ бы не пустить въ свои владѣнія другихъ самцовъ, занятъ также преслѣдованіемъ самки, которая болѣе помышляетъ о своихъ семейныхъ обязанностяхъ, нежели о немъ, и идетъ на манку превосходно. Само собою разумѣется, что состояніе погоды также очень важно для успѣшной охоты: если утро ясное и теплое, да и земля влажна отъ ночного дождя, охота бываетъ очень удачна; въ пасмурный день рябчикъ идетъ хуже, но зато цѣлый день; при дождѣ и вѣтрѣ охота ничего не стоитъ. Не говоря уже о томъ, что рябчика не слышно, не слышно даже его перваго шумнаго взлета, онъ и отзывается неохотно, предпочитая таиться въ чащѣ, да и плохо слышитъ пищикъ. Нѣкоторые совѣтуютъ манить рябчика въ такомъ случаѣ въ болѣе громкій металлическій пищикъ, но это мало обезпечиваетъ успѣхъ охоты.

Теперь о самой манкѣ. Охотникъ обязательно долженъ умѣть манить самцомъ и самкой, такъ какъ въ зависимости отъ того, на кого манить въ разное время весны, зависитъ и успѣхъ охоты. Съ самаго начала весны, когда еще далеко не всѣ самцы спарились, манить надо самкой, тѣмъ болѣе, что на такой манокъ идутъ даже и спарившіеся самцы, но неуспѣвшіе привязаться къ своимъ подругамъ. Позднѣе же, въ самый разгаръ брачной поры, рябчики охотнѣе идутъ на манку самцомъ, такъ какъ очевидно у нихъ тогда преобладаетъ надъ другими стремленіями драчливость. Въ самый конецъ весенней охоты обстоятельства опять измѣняются и рябчикъ идетъ приблизительно одинаково хорошо какъ на манку самцомъ, такъ и самкой, что конечно объясняется тѣмъ, что самка удѣляетъ ему отъ яицъ очень мало времени.

Приведемъ теперь описаніе весенней охоты на рябковъ, составленное въ видѣ очерка охотничьихъ впечатлѣній покойнымъ иркутскимъ охотникомъ П. Шведовымъ.

„Апрѣль въ исходѣ. Снѣгъ въ лѣсу сошелъ. Солнце припекаетъ днемъ совершенно по-лѣтнему. Натосковавшись за зиму объ охотѣ, вы не разъ уже порывались отвести душу на рябкахъ, но вполнѣ вамъ этого не удавалось: къ ельникамъ нельзя приступиться — вездѣ лежитъ снѣгъ, по хребтамъ ходи только по солнцепекамъ, въ сиверахъ же зима непочатая, словомъ—горе, не охота; убьешь пару, другую рябчиковъ, но только пуще въ задоръ входишь — такъ и тянетъ

пробраться во всѣ закоулки; мечта укатить дня на два въ ельники рѣшительно не даетъ покоя... Но вотъ, наконецъ, и дождались... Зовете знакомаго крестьянина-промышленника (одному ходить въ здѣшнихъ лѣсахъ какъ-то жутко, а кстати вдвоемъ веселѣе, и онъ мѣста хорошо знаетъ),—трактуете съ нимъ, куда лучше ѣхать, рѣшаете—и на другой день, пообѣдавши пораньше, садитесь въ тарантасъ и ѣдете верстъ за 20 отъ дому въ какую-нибудь крестьянскую „заимку“ *), засѣвшую въ глубинѣ глухого распадка или красующуюся на высокой горѣ, среди безконечныхъ пашенъ. Пріѣхавши вечеромъ, между прочимъ сходишь въ ближайшій ельникъ, убьешь нѣсколько штукъ рябчиковъ и, напившись чаю и закусивъ вплотную, ложишься спать въ тарантасѣ или на соломѣ возлѣ заимки (въ избѣ заѣдятъ разныя насѣкомыя) и строго наказываешь разбудить себя утромъ какъ можно раньше. Порученіе ваше исполняется въ точности, часа въ четыре утра васъ настойчиво тормошатъ и заявляютъ, что время вставать, пить чай и идти на охоту. Вы лѣниво потягиваетесь, открываете глаза и встрѣчаете голубое, безоблачное небо, встаете съ пригрѣтаго ночного ложа—и васъ обдаетъ свѣжестью яснаго, теплаго утра. На крышахъ лежитъ легкій иней. Солнышко едва показалось изъ-за горы и обливаетъ яркимъ свѣтомъ однѣ лишь верхушки деревьевъ. За ближайшею горой слышится бормотаніе тетеревей,—то рѣзче, то глуше долетающее до слуха; чуфыкаютъ косачи, гдѣ-то недалеко крякаетъ утка,—сколько прелести, сколько гармоніи во всѣхъ этихъ вешнихъ звукахъ, какъ горячо, какъ сочувственно относится къ нимъ охотникъ!... Вы поспѣшно встали, умылись у ключа, напились чаю и, надѣвши на себя всѣ охотничьи доспѣхи и тщательно спрятавъ за галстухъ рябчиковыя пикульки **), направились въ сопровожденіи пріѣхавшаго съ вами промышленника чрезъ хребетъ въ ельникъ. Весеннее утро даетъ себя чувствовать—вамъ холодно, вы прячете руки въ карманы и прибавляете шагу, но вамъ легко, дышится свободно, и вы мысленно уноситесь въ заманчивые ельники... Наконецъ, желаніе ваше исполняется, хребетъ клонится къ низу—и вдали чернѣется темною массою ельникъ... Еще немного—и вы подошли къ нему. Изъ глубины еловой чащи доносится журчаніе рѣчки. Между деревьевъ сквозятъ бѣлыя наледи. Ближе къ склону горы стелятся мшистыя кочки, покрытыя сплошнымъ брусничникомъ.

— Ну, здѣсь можно и попикать, мѣсто доброе,—говоритъ шопотомъ вашъ вожатый, останавливаясь наверху косогора и облокачиваясь на свою длинную винтовку, которую онъ взялъ на всякій случай—можетъ гдѣ-нибудь встрѣтится козуля.

---

*) Этимъ именемъ въ Сибири и восточной Россіи, гдѣ поля и покосы лежатъ часто въ разстояніи десятковъ верстъ отъ селенія, называется полевая избушка.

**) Въ обыкновенныхъ пищикахъ отверстіе до извѣстнаго предѣла залѣпляется просто воскомъ, который на холоду застываетъ, и тогда пищикъ вовсе перестаетъ издавать звукъ. Поэтому, а также въ избѣжаніе порчи пищика отъ засоренія, его и носятъ обыкновенно на шнуркѣ, за галстухомъ.

„Вы вынули изъ-за галстуха пикульки и заводите извѣстную рябчиковую трель, которая громко раздалась на зарѣ, въ невозмутимой тишинѣ яснаго весенняго утра. Ф-р-р-р!.. въ глубинѣ ельника пырхнулъ рябчикъ, и сердце ваше забило тревогу, такъ хорошо понимаемую каждымъ охотникомъ. Вы знаменательно переглядываетесь съ вожакомъ, тихонько взводите курки и съ полнымъ стараніемъ пикаете еще разъ: рябчикъ пырхнулъ еще ближе и откликнулся своимъ тонкимъ, мелодичнымъ голосомъ... Вы пикнули въ третій разъ, и рябчикъ, распустивъ крылья и производя какія-то особыя дребезжащія трели, летитъ прямо на васъ и садится какъ нарисованный на ближайшей елкѣ или березѣ, распустивши грудь и горделиво приподнявъ хохликъ... Пафъ!.. онъ камнемъ падаетъ на землю и начинаетъ трепехтаться. Вы его не берете, но, выждавъ, покуда послѣдніе раскаты гулкаго эхо не смѣнятся прежнимъ безмолвіемъ, возобновляете пиканіе, разсчитывая — не отзовется ли поблизости рябушка или рябчикъ изъ другой пары. Но напрасно, больше нѣтъ ничего, и вы, зарядивши ружье и взявъ добычу, отправляетесь дальше тѣмъ же косогоромъ. Пройдя шаговъ двѣсти, вновь останавливаетесь и пикаете съ нѣкоторыми промежутками три раза—отзыва и шумнаго взлета рябчика не послѣдовало—значитъ, нѣтъ ничего, и вы идете дальше... Вотъ вамъ встрѣчается, примыкающій къ пади и углубляющійся въ гору, глухой отпадокъ, поросшій густымъ ельникомъ; по склону горы, въ его вершинѣ, между камнями струится маленькій ключикъ. Въ подобныхъ мѣстахъ рябчики держатся весьма охотно, и потому вы направляете свои шаги въ вершину этого отпадка, тамъ останавливаетесь и начинаете манить. Съ перваго же пика на горѣ послышалось бурчаніе, а вслѣдъ за нимъ раздался грубый голосъ рябушки—„Ахъ, чортъ бы ее побралъ! Рябушка!“ шепчете вы съ досадою, потому знаете, что рябушка гораздо лукавѣе рябца, далеко невсегда идетъ на манку, да и самый рябчикъ въ ея присутствіи неохотно летитъ на пикъ. Вы пикнули въ другой разъ и съ радостью услыхали со стороны противоположной рябушкѣ пырханіе самца, а вскорѣ увидѣли и его, сѣвшаго на высокую сосну. Стрѣлять — далеко, но вы разсчитали, что вслѣдъ за повтореннымъ пиканьемъ онъ подлетитъ на близкое разстояніе; увы! расчетъ вашъ не оправдался: рябушка предупредила—она пикнула, и рябчикъ, прошмыгнувъ надъ вашей головой, стремительно улетѣлъ къ ней. Вы начинаете вновь пикать, но рябчики не отзываются и не заявляютъ никакихъ признаковъ своего присутствія. Это васъ бѣситъ, и вы уже помышляете попросить вожака обойти и подогнать ихъ *); вдругъ,

*) Подгонять надо съ умѣньемъ, которымъ не каждый обладаетъ, но зато мастеръ этого дѣла можетъ каждаго рябца направить на своего товарища. Дѣлается это такъ: одинъ изъ охотниковъ, опредѣливъ мѣсто, гдѣ затаилась птица, отправляется обходомъ и старается дѣлать кругъ какъ можно больше, чтобы рябецъ оставался между нимъ и его товарищемъ. Послѣдній между тѣмъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, начинаетъ манить; рябецъ, слыша производимый загонщикомъ шумъ и въ то же время голосъ своей мнимой дружки, сейчасъ же подлетаетъ на зовъ, а загонщикъ, замѣтивъ, что рябчикъ снялся, останавливается, чтобы тотъ не перелетѣлъ черезъ охотника.

взглянувши съ горы вглубь ельника, видите: рябчики другъ за дружкой сгорбившись бѣгутъ къ вамъ по гладкой поверхности падели. Потихоньку пикаешь—и рябчики, наддавъ прыти, приближаются шаговъ на двадцать; стрѣляешь по бѣгущей впереди рябушкѣ; она остается на мѣстѣ, а рябчикъ улетаетъ вглубь ельника. Зная, что, убивъ самку, самца подманить нетрудно, стоитъ только зайти къ нему съ другой стороны и разъ-другой пикнуть, или еще лучше выждать, когда онъ самъ первый подастъ голосъ,—вы такъ и сдѣлали: прошли шаговъ на сто въ сторону, пикнули—и онъ съ перваго же раза прилетѣлъ и сѣлъ на то дерево, подъ которымъ вы стоите. Вскидываете ружье, стрѣляете — и рябчикъ, считая вѣтки, падаетъ къ ногамъ вашимъ.

„Такимъ порядкомъ охотитесь вы цѣлый день. Обошли одинъ ельникъ со всѣми его отпадками, перевалами, черезъ хребетъ въ другой—и такъ цѣлый день до самыхъ сумерекъ. Въ серединѣ дня рябчики идутъ на пикъ нѣсколько туже, къ вечеру — опять такъ же, какъ и утромъ...“

Охота съ пищикомъ осенью и просто на узерку по первозимью является въ сѣверной Россіи, особенно въ губ. Архангельской, Вологодской и др., чисто промысловой, и въ прежнее время большая часть поступающихъ въ продажу рябчиковъ добывалась этимъ путемъ. Говорятъ, что въ прежнее время два хорошихъ охотника могли настрѣлять за одинъ сезонъ паръ до 1.000 рябчиковъ, но теперь это отошло въ область преданій, и 100—150 паръ за то же время нынѣ считаются хорошей охотой. Главной причиной такого значительнаго уменьшенія количества рябчиковъ, добываемыхъ ружьемъ, объясняется вообще уменьшеніемъ ихъ количества вслѣдствіе чрезвычайно распространившейся ловли сильями. Какъ птица прочно привязанная къ извѣстному лѣсному участку и не совершающая даже значительныхъ кочевокъ, рябчикъ, разъ выбитый въ извѣстномъ участкѣ, лишь съ трудомъ и послѣ продолжительнаго періода времени можетъ опять завестись тамъ. А между тѣмъ силья именно вылавливаютъ рябчика начисто, чего нельзя сказать ни о какой ружейной охотѣ. Даже прекрасный охотникъ, отлично знающій повадки птицы, все-таки не истребитъ въ извѣстномъ участкѣ всѣхъ рябчиковъ, а такъ какъ каждая пара выводитъ въ среднемъ 10 цыплятъ, то уже этимъ обезпечивается уловъ будущаго года, даже при маломъ числѣ остающихся старыхъ паръ. Кромѣ того, очень ошибаются тѣ, которые видятъ въ промышленникѣ идеальнаго охотника; конечно, между ними есть такіе, но большая часть плохо знаетъ привычки дичи, вовсе не обладаетъ умѣньемъ хорошо манить, вооружена самыми грубыми ружьями, и если несмотря на все это они добываютъ много дичи, то исключительно благодаря поразительному терпѣнію и тому, что цѣлый день не выходятъ изъ лѣсу. Употребляемыя для охоты на рябчиковъ ружья—винтовки самаго малаго калибра, заряжаемыя пулькой не болѣе горошинки. Ложе этихъ винтовокъ устроено такъ, что прикладъ большею частью приходится

класть на плечо, а не упирать въ него, и цѣлиться, держа голову прямо. Къ тому же, тяжесть такого ружья такова, что цѣлиться „съ руки" совершенно невозможно, и чтобы устранить это существенное неудобство, около конца винтовки надѣвается одна желѣзная скобка, съ перпендикулярнымъ, заостреннымъ шпинькомъ, длиною около 3/4 вершка, внизу. При стрѣльбѣ изъ такого ружья, охотникъ упирается шпинькомъ въ дерево и только въ такомъ случаѣ можетъ разсчитывать на большую или меньшую вѣрность выстрѣла.

Этимъ можно закончить описаніе разныхъ видовъ ружейной охоты на рябчиковъ и перейти къ описанію ловли этихъ птицъ сильями.

Прибавимъ, что при охотѣ на рябчика дробь надо употреблять сравнительно крупную, № 6 или 7, а никакъ не № 10, какъ дѣлаютъ многіе охотники. Мелкимъ калибромъ дроби вѣроятно объясняется значительная доля промаховъ по рябчикамъ. Конечно, птица сама по себѣ невелика и стрѣлять ее приходится чаще на близкомъ разстояніи, почему и можетъ казаться, что № 10 совершенно достаточно. Но не надо забывать особенности этой охоты: стрѣлять приходится въ сучья и черезъ сучья, почему до рябчика доходитъ очень немного дробинъ. Къ тому же и опредѣленіе разстоянія, на которомъ приходится стрѣлять, при частыхъ вѣтвяхъ чрезвычайно затруднительно.

II.

Промысловое добываніе рябчиковъ.—Добычливость ловли снастями передъ ружейнымъ промысломъ.—Непроизводительность ловли снастями.—Отрицательныя стороны промысловой охоты за рябчиками въ Архангельской губ. по даннымъ Воропая. — Описаніе промысловыхъ способовъ добыванія рябчиковъ. — Торговля рябчиками.

Уже изъ сдѣланнаго описанія ружейной охоты за рябчиками на пищикъ очевидно, что этой охотой нельзя истребить всѣхъ рябчиковъ даннаго района. Какъ ни велика осѣдлость рябчика, онъ и на извѣстной площади все-таки имѣетъ много шансовъ спастись отъ выстрѣла, и безъ сомнѣнія это было главной причиной, почему ружейная охота во многихъ мѣстахъ смѣнилась ловлею сильями. Второй причиной послужила трудность добыванія и дороговизна пороха до послѣднихъ лѣтъ: до разрѣшенія вольной продажи пороха имъ торговали на сѣверѣ (губ. Архангельская, Олонецкая, Вятская, Пермская и др.) сами охотники, при чемъ цѣна на него поднималась до 1 р. за фунтъ. Промышленникъ отлично знаетъ, что ловля рябцовъ сильями уменьшаетъ ихъ число на будущіе года, но вмѣстѣ съ тѣмъ лелѣетъ надежду добыть ихъ въ данный годъ столько, что это выведетъ его изъ всѣхъ финансовыхъ затрудненій. Не должно забывать, что огромная лѣсная площадь сѣверной Россіи не богата заработками для тамошняго населенія и охотничьи промыслы и составляли, и составляютъ его главную статью дохода. Что мудренаго, что промышленникъ не заботится о будущемъ, когда приходится изыскивать средства для существова-

нія въ настоящемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ и разработка естественныхъ богатствъ края должны уменьшить охотничьи промыслы, давъ народонаселенію другія средства для заработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благотворно повліять на сохраненіе дичи, а пока—что можно вкратцѣ такимъ образомъ охарактеризовать результаты промысловаго добыванія рябчиковъ на нашемъ сѣверѣ: тамъ, гдѣ прежде два хорошихъ охотника могли настрѣлять въ осень до 1000 паръ этой птицы, теперь на ихъ долю придется паръ 100—150, а то и того меньше. Отчасти это какъ бы компенсируется тѣмъ, что цѣна 20—25 к. пара, какая была прежде, смѣнилась цѣною 60—75 к. пара, но не должно забывать, что такую цѣну платятъ только за стрѣляныхъ рябчиковъ: ловленые гораздо дешевле, а такъ какъ ловленые количественно преобладаютъ надъ стрѣлеными, то выручка отъ продажи рябчиковъ вовсе не можетъ возрастать, напротивъ, должна уменьшаться (вслѣдствіе уменьшенія количества дичи и въ общемъ сохраненія низкихъ цѣнъ), что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ.

Можетъ быть, людямъ, мало знакомымъ съ охотой, покажется страннымъ, почему добываніе птицы снастями неизмѣримо вреднѣе ружейной охоты; но объяснить это очень легко. При ружейной охотѣ охотнику приходится разыскивать птицу, подманивать ее и, наконецъ, стрѣлять по ней; при сильяхъ птица, напротивъ, сама идетъ въ нихъ. Охотникъ въ извѣстное время разставляетъ эти силья, иногда въ количествѣ 500—600 штукъ на одного, и такъ какъ эти силья стоятъ недѣлями, то понятно, что при умѣлой ихъ постановкѣ они дадутъ гораздо больше, нежели ружье, особенно доморощенная винтовка сѣвернаго промышленника, изъ которой стрѣлять приходится въ одномъ случаѣ изъ десяти. Итакъ, добычливость несомнѣнно на сторонѣ всякихъ ловушекъ. Однако, добычливость эта въ значительной степени ведетъ не къ пользѣ и обогащенію промышленника, а къ безсмысленному переводу дичи: изъ всѣхъ пойманныхъ птицъ около $^2/_3$ пропадаютъ для промышленника, будучи похищены четвероногими и пернатыми хищниками, или просто испортившись, потому что промышленникъ не успѣлъ во время осмотрѣть снасти. Изъ остальныхъ незначительная часть тоже низкаго качества, все по той же причинѣ, т.-е. тронулась отъ тепла, другіе не особенно высоко цѣнятся за способъ добыванія: ниже всего стоитъ цѣна на давленыхъ петлями, затѣмъ идутъ придавленныя падающими снастями. Поэтому многіе промышленники, собравъ въ кучу свѣже пойманныхъ рябчиковъ, стрѣляютъ въ нихъ, чтобы однимъ зарядомъ дроби, какъ они выражаются, выпустить у нихъ кровь, по просту говоря, чтобы продать за стрѣляныхъ. Въ виду этого, т.-е. непроизводительной добычливости рябчиковъ снастями, надежда на оставленіе этого способа ловли конечно не потеряна, т. к. сами промышленники говорятъ, что хорошо было бы, если бы имъ доставалась $^1/_2$ всей пойманной птицы, но, къ сожалѣнію, этотъ промыселъ слишкомъ въѣлся въ наше сѣверное населеніе и, главное, въ семьи промышленниковъ съ ихъ чадами и домочадцами.

Лучше всего сказанное можно подтвердить частнымъ примѣромъ и таковой мы заимствуемъ у одного изъ лучшихъ знатоковъ промысловыхъ охотъ сѣвера—г. Воропая. Къ тому же большая часть написаннаго по этому предмету является простой перефразировкой словъ этого писателя.

„Охотясь съ ружьемъ,—говоритъ Воропай *), — нельзя добыть столько рябчиковъ, сколько сильями; охотясь съ ружьемъ, не каждаго рябчика можно найти, да и не каждый найденный будетъ убитъ: много причинъ, по которымъ рябчику удается спастись. Доказательствомъ служитъ то, что, начиная съ перваго октября, или правильнѣе, съ послѣдней субботы передъ этимъ днемъ (по примѣтамъ охотниковъ въ этотъ день надо убить хоть одну бѣлку или рябчика), каждый охотникъ ежедневно ходитъ по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ и каждый день находитъ нѣсколько рябчиковъ; отсюда видно, что по окончаніи промысловъ къ веснѣ ихъ остается еще много; а какъ каждая пара выводитъ среднимъ числомъ не менѣе 10-ти цыплятъ, то и на будущую осень будетъ ихъ довольно.

„Совсѣмъ иное дѣло ловля сильями; тамъ ужъ нѣтъ пощады: на томъ пространствѣ, гдѣ поставлены силья, очень, очень рѣдкій рябчикъ останется цѣлъ, и, слѣдовательно, добыча будетъ несравненно богаче ружейнаго промысла, но зато временная: годъ отъ году остается ихъ менѣе и менѣе, слѣдовательно, и приплодъ уменьшается, такимъ образомъ рябчики истребляются до послѣдняго. Къ тому же надо прибавить, что часто за лѣнью охотника или когда вдругъ выпадетъ глубокій снѣгъ, либо по другимъ причинамъ, силья остаются не задернуты, и весной самка, иногда уже насидѣвши яйца, удавливается, и такимъ образомъ пропадаетъ цѣлый выводъ.

„Чтобы яснѣе понять, отъ чего на мѣстности, занимаемой сильями, могутъ истребиться рябчики совершенно, надо припомнить, что они не перелетаютъ далеко, слѣдовательно, ежели на значительномъ пространствѣ ихъ выловить, то надо много времени, чтобы они развелись вновь. Для примѣра, до чего доводитъ эта охота, возьмемъ охотниковъ Кодемской пустыни. Кромѣ своей дачи, занимающей до 80.000 десятинъ, они ловятъ въ Устьянской дачѣ, Вельскаго уѣзда, въ Сольвычегодскомъ у. до Двины и въ Шенкурскомъ, по рѣчкѣ Зимней, почти до Разсохъ, слѣдовательно приблизительно занимаютъ до 250.000 десятинъ; охотниковъ считается 50 человѣкъ; каждый среднимъ числомъ ставитъ 900 силковъ, слѣдовательно, всего 45.000. Отбросивъ огромныя пространства, гдѣ рябчики не живутъ, то-есть чистыя болота съ рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ и сосновые боры, увидимъ, что на мѣста, гдѣ держится эта птица, остается едва ли 25.000 десятинъ, и такимъ образомъ на каждую десятину придется почти два силка. Силки начинаютъ ставить не съ 1-го октября, а съ 15-го августа, и ловятъ ими до конца октября, всего 75 дней, т.-е. на пространствѣ 60-ти саженъ

*) Охота на сѣверѣ Россіи, стр. 43 и слѣд. Москва, 1871 г.

въ длину и 40 въ ширину поставлено два силка, и рябчикъ долженъ прожить 75 дней, не попавъ въ петлю,—на это надобно особенное счастіе.

„Послѣдствія этой ловли уже дѣлаются ясны и для самихъ кодемцевъ: лѣтъ 15 съ небольшимъ, какъ введенъ этотъ способъ ловли, и, по ихъ словамъ, теперь не налавливается и пятой части противъ прежнихъ лѣтъ, и годъ отъ году добыча дѣлается значительно меньше; судя по теперешнему уменьшенію, можно ручаться, что еще черезъ 10 лѣтъ рябчиковъ не будетъ совсѣмъ. Крестьяне деревни Большого-Верховья разсказывали, что пока кодемцы не ловили въ ихъ дачахъ, то у нихъ съ двухъ дворовъ набирали возъ рябчиковъ, т.-е. 1.000 штукъ (рябчикъ считается 1 фунтъ). Нынѣшній годъ во всемъ Верховьѣ, гдѣ 6 или 7 охотниковъ, едва ли убито 200 рябчиковъ, и то недалеко отъ деревни, гдѣ нѣтъ сильевъ. На этомъ пространствѣ никогда ихъ не ставили, и рябчики водятся постоянно.

„Выше было сказано, что сило стоитъ на одномъ мѣстѣ 75 дней; но на самомъ дѣлѣ это не нужно и не вездѣ бываетъ: рябчики вылавливаются гораздо скорѣе; поэтому кодемскіе охотники начинаютъ ловить съ 15-го августа въ мѣстахъ отдаленныхъ, а съ 1-го октября переходятъ ближе къ домамъ; но имъ и этого времени очень довольно. Когда послѣ 1-го октября верховскіе пойдутъ въ тѣ мѣста своей дачи, откуда вышли кодемцы, то ни одинъ изъ нихъ, проживши тамъ нѣсколько дней, не убьетъ больше одной пары: такъ весь лѣсъ будетъ очищенъ.

„Но это далеко еще не весь вредъ, какой происходитъ отъ сильевъ. Пусть бы каждый рябчикъ, попавшій въ петлю, доходилъ до рукъ охотника; по крайней мѣрѣ, заработавъ въ одинъ годъ порядочныя деньги, другой бы хоть изъ лѣни не половилъ бы одну осень; но охотнику достается далеко меньшая половина, а бóльшую съѣдаютъ медвѣди, вороны и кукши. Каждый охотникъ имѣетъ нѣсколько пересѣкающихся тропинокъ, возлѣ которыхъ ставитъ силья. Воронъ или медвѣдь, найдя случайно нѣсколько рябчиковъ, замѣчаютъ направленіе тропинки; тогда охотнику не достается уже ничего: онъ въ недѣлю едва обойдетъ два раза свои силья, а они будутъ посѣщать каждый день. Воронъ опаснѣе медвѣдя: эта птица чрезвычайно лукава и осторожна, она скоро находитъ силья и одаренная острымъ слухомъ и зрѣніемъ, ни за что не допуститъ къ себѣ близко охотника, и поэтому убить ее почти невозможно. Медвѣдь ходитъ медленно, разыскивая слѣды охотника, и часто поплачивается своею шкурой, потому что для него въ такомъ случаѣ тоже стараются устроить петлю изъ хорошей веревки, и онъ удавливается. Кукшей въ лѣсу очень много, и хотя онѣ не въ состояніи съѣсть рябчика, но зато растреплютъ его совершенно и сдѣлаютъ совсѣмъ негоднымъ для продажи. Кромѣ того, вороны, ястреба и другія птицы не мало истребляютъ ихъ. Кодемцы говорятъ, что очень были бы довольны, если бы половина попавшихся доходили до ихъ рукъ, больше и не желаютъ.

„Когда промыселъ кончится и пойдетъ продажа добычи, ловившіе сильями опять теряютъ. Охота ружейная начинается съ 1-го октября, т.-е. когда начнутся уже заморозки; охотникъ, возвратившись вечеромъ къ лѣсной избушкѣ, вынимаетъ изъ сумки убитыхъ рябчиковъ, подвертываетъ голову птицы подъ крыло, приглаживаетъ перья и складываетъ рядышкомъ на полу, у наружной стѣнки избушки; въ ночь рябчики замерзаютъ и такимъ образомъ въ цѣлости сохраняются до продажи: такого рябчика купецъ беретъ штука за штуку. Совсѣмъ другое дѣло бываетъ съ ловлеными. Пойманная въ половинѣ августа или въ началѣ сентября птица еще не доросла до настоящей величины, кромѣ того, пролежавши нѣсколько времени въ теплую погоду, она или совершенно испортится, или завянетъ, сдѣлается дряблою (вытечетъ, по выраженію промышленниковъ). И вотъ при продажѣ начинается споръ: покупщикъ изъ 100 выбираетъ 70, но принимаетъ ихъ за 50, много за 60; за этихъ даетъ онъ цѣну настоящую, хотя и меньше, нежели за стрѣляныхъ, остальныхъ не беретъ вовсе; охотникъ начинаетъ упрашивать, чтобы и остальныхъ взялъ, и купецъ беретъ ихъ не въ настоящей цѣнѣ, а даетъ изъ милости что-нибудь, и такимъ образомъ выйдетъ, что ловленые продаются на третью часть дешевле стрѣляныхъ. Настоящая цѣна рябчиковъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ за пару 25—30 и даже 40 копеекъ; въ августѣ свѣжіе можно купить 8—10 и 12 к.; когда они пролежатъ въ теплѣ недѣлю, тогда не дадутъ и этой цѣны. Весь расчетъ въ томъ, что рябчикъ будетъ проданъ мерзлый, слѣдовательно, не такъ примѣтна порча. Хотя скупщики и опытны, но, купивши дешево, разсчитываютъ сбыть въ Петербургѣ тоже мерзлою, гдѣ не каждый угадаетъ, что рябчикъ не свѣжъ. Скупщики бываютъ въ большихъ убыткахъ, ежели въ дорогѣ передъ Петербургомъ ихъ захватитъ сильная оттепель. Случается по нѣскольку дней простоять на постояломъ дворѣ передъ городомъ и молить Бога о морозѣ, а иначе рябчики пойдутъ въ Неву.

„Теперь сдѣлаемъ расчетъ, сколько же гибнетъ рябчиковъ безъ пользы для охотниковъ и какой черезъ это выходитъ ущербъ въ ихъ размноженіи. Тѣхъ, которые достаются въ руки, считать не станемъ. Въ Кодемѣ 50 охотниковъ; въ 1859 году ими поймано среднимъ числомъ по 50 паръ на каждаго. По ихъ словамъ, только одна треть достается имъ, а $^2/_3$ гибнетъ отъ разныхъ причинъ; но для вѣрнѣйшаго счета возьмемъ только по 50-ти паръ, слѣдовательно, на первый годъ уже совершенно напрасно погибло 2.500 паръ; каждая пара выводитъ не меньше пяти паръ, слѣдовательно, на будущій годъ было бы 12.500, черезъ два года—62.500, а черезъ три года—312.500 паръ, или 625.000 штукъ. Раздѣливши на 25.000 десятинъ лѣсу, удобнаго для пристанища рябчиковъ, получимъ на каждую десятину по 25 штукъ. Цифра огромная. Положимъ, отъ разныхъ причинъ пропадетъ 20, т.-е. останется по 5, даже по три птицы на десятину, и тогда самый обыкновенный охотникъ убилъ бы отъ 10 до 15 штукъ въ день, а хорошій—гораздо больше.

„Все это не пустыя цифры, не одна теорія, но дѣло бывалое и доказанное на практикѣ. Тѣ же охотники разсказывали, что прежде за цѣлый день приходилось проходить не больше 1 квадратной версты и при томъ дѣлать по 60 и 70 выстрѣловъ; но по неимѣнію хорошихъ ружей бывало много промаховъ, а все-таки есть такіе, которымъ удавалось въ хорошій день убивать по 30 штукъ, слѣдовательно, разсказы верховскихъ охотниковъ, что вдвоемъ въ $1^1/_2$ мѣсяца набивали до 1.000 рябчиковъ, совершенно справедливы. Со всѣмъ этимъ крестьяне соглашаются, но никогда добровольно не бросятъ этого способа ловли: они говорятъ, что иначе не заработаютъ подати, а между тѣмъ, не разсчитываютъ, какъ будутъ жить черезъ 10—15 лѣтъ, когда некого уже будетъ ловить. Вообще наши крестьяне не всегда понимаютъ свою пользу и въ особенности не умѣютъ разсчитывать на будущее: большею частію надо дѣлать имъ добро противъ ихъ воли.

„Тѣ, которые бьютъ изъ ружей, соглашаются охотно на прекращеніе ловли сильями; но ловящіе добровольно не бросятъ, а между тѣмъ, ежели охота эта не будетъ прекращена, то можно смѣло поручиться, что скоро во всемъ уѣздѣ нельзя будетъ найти и 5-ти паръ.

„Въ другихъ уѣздахъ то же самое. Пинежскіе охотники забираются теперь верстъ за 150 и 200 отъ домовъ и налавливаютъ въ хорошій годъ паръ по 150 и болѣе на человѣка; но и тамъ, по ихъ разсказамъ, около домовъ рябчиковъ уже нѣтъ, да и въ глуши теперь меньше. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1856 году мнѣ случалось пройти 250 верстъ по тѣмъ мѣстамъ, и едва ли попалось 5 выводковъ. Одинъ пинежскій крестьянинъ поселился въ лѣсу верстъ на 25 отъ границы Шенкурскаго уѣзда, т.-е. отъ своихъ деревень въ 150 в., и 20 лѣтъ назадъ, его сынъ мальчикъ 8 лѣтъ въ одну осень убилъ 90 рябчиковъ, едва умѣя держать въ рукахъ винтовку. Не трудно сообразить, сколько было въ лѣсу птицы.

„Увѣреніе крестьянъ, что рябчики налетятъ изъ другихъ мѣстъ, совершенно ложно. Выше было говорено, какъ рябчикъ летаетъ; слѣдовательно, ему перелетѣть 500 вер. почти никогда не придется. Выводокъ лѣтомъ питается мошками, червяками и живетъ спокойно на томъ мѣстѣ, гдѣ было гнѣздо; когда осенью поспѣютъ ягоды и на этомъ мѣстѣ ихъ не будетъ, рябчики перебираются дальше и, перемѣстившись верстъ на 10—15, много уже на 20, вѣрно найдутъ корму довольно и остаются здѣсь. А на такомъ разстояніи непремѣнно уже будетъ брусника, если не рябина; это замѣчено на опытѣ: случалось видѣть пространства въ нѣсколько верстъ, усыпанныя ягодами, а далѣе настолько же верстъ не видать ни одной. Отчего такъ бываетъ? Дѣло постороннее; но это фактъ. Осенью 1858 года въ Торнянской волости (въ 18 верстахъ отъ Шенкурска) не было вовсе рябины, и крестьяне набрали ее въ окрестностяхъ Шенкурска два воза для приманки на силья. Слѣдовательно, на пространствѣ 20—30 верстъ, рябчикъ можетъ перемѣститься съ одного мѣста на другое, но если начнется общее одновременное истребленіе ихъ на нѣсколькихъ мил-

ліонахъ десятинъ, то налетѣть имъ уже неоткуда... Въ настоящее время въ Шенкурскомъ уѣздѣ добывается до 15.000 паръ рябчиковъ"...

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о промысловомъ добываніи рябчика перейдемъ къ описанію самыхъ ловушекъ.

Простѣйшая ловушка—такъ наз. *пастушка,* попросту небольшая круглая въ аршинъ глубины яма, отверстіе которой прикрывается тонкими прутиками; прутики покрываются тонкимъ слоемъ древесныхъ листьевъ, на которыя для приманки кладутъ ягоды рябины. Книзу пастушка нѣсколько расширяется, кверху суживается. Прилетѣвъ на приманку, птица проваливается въ яму и уже не можетъ выбраться отсюда.

Зыряне употребляютъ для ловли рябчиковъ такъ наз. *колпакъ,*

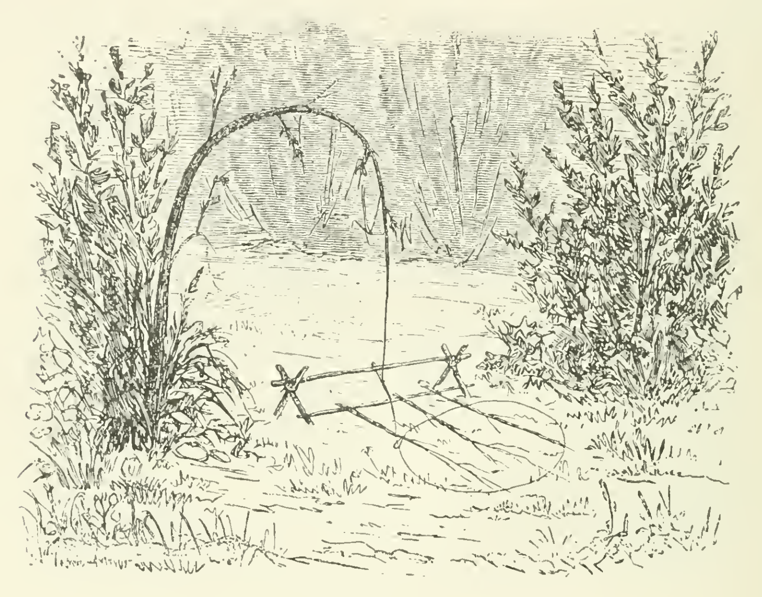

Ловля рябчиковъ колпакомъ.

изображенный на приложенномъ рисункѣ. Въ сущности это круглая рѣдкая сѣть, привязанная къ обручу. Этотъ колпакъ слегка укрѣпляютъ бечевкой на небольшой высотѣ отъ земли, привязывая снизу въ глубинѣ его для приманки рябину, и онъ падаетъ сейчасъ же, какъ только рябчикъ, подбѣжавъ подъ него, дернетъ за рябину, покрывая собою птицу.

Но самыя употребительныя для ловли рябчиковъ снасти — силья и давушки. Силья бываютъ волосяныя или конопляныя и называются *чапками* или *очапками* и *поножами;* кромѣ того, тѣ же силья, только въ усовершенствованномъ видѣ, представлены *пружками.* Для того, чтобы съ успѣхомъ разставить силья, надо конечно знать привычки рябчика и выбирать такія мѣста, гдѣ онъ кормится и гдѣ охотнѣе спускается на землю. Каждый промышленникъ, какъ упомянуто, ставитъ сотни сильевъ, идя едва замѣтной тропой, такъ наз. *путикомъ,*

черезъ едва проходимыя части лѣса. Смотря по количеству сильевъ и разстоянію между ними, всѣ силья или путикъ можно обойти лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней, поэтому промышленникъ обыкновенно начинаетъ обходъ съ одного конца путика и постепенно доходитъ до другого. Затѣмъ, поворачиваетъ и идетъ въ обратномъ направленіи. Само собою разумѣется, что рябчикъ можетъ попасться въ ловушку вскорѣ послѣ прохода промышленника и въ такомъ случаѣ при теплой погодѣ успѣваетъ испортиться, пока онъ подойдетъ во второй разъ. Время постановки сильевъ—осень; къ выпаденію глубокаго снѣга силья снимаются; если же почему-либо остаются до весны, то въ такомъ случаѣ нерѣдко губятъ перезимовавшихъ самокъ.

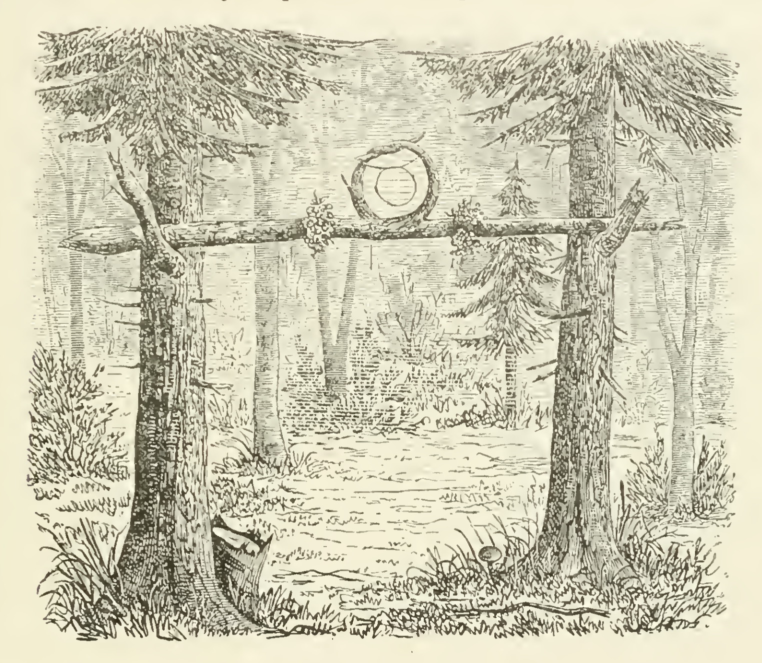

Пружокъ.

Силья устраиваются различно не только въ разныхъ губерніяхъ, но даже въ разныхъ частяхъ одной и той же, что, впрочемъ, и не удивительно при огромномъ протяженіи нашихъ сѣверныхъ губерній. Однако, всѣ силья можно раздѣлить на два главные типа: ножныя, или путики, и горловыя. Ножныя дѣлаются изъ крѣпко ссученныхъ нитокъ, длиною въ $1^1/_2$ арш., горловыя плетутся изъ конскаго волоса, для рябчика въ 8—15 волосковъ. Ножныя силья чаще всего соединяются съ насторожкой и тогда получается такъ наз. пружокъ. Для этого одинъ конецъ петли привязывается къ вершинѣ предварительно очищеннаго небольшого упругаго деревца — березки, рябинки или можжевельника,—которое пригибаютъ къ устроенной на землѣ дужкѣ, или козелкамъ, и настораживаютъ при помощи палочки и поперечной перекладины, какъ показано на рисункѣ. На поперечную палочку накладываютъ легкихъ вѣтокъ, а на нихъ разстилаютъ петлю и кладутъ приманку, состоящую изъ ягодъ рябины, рѣже калины (въ Вятской

губ.), которыми запасаются съ осени. Птица, наступая на вѣтки, чтобы достать ягоды, своею тяжестью придавливаетъ вѣтки, роняетъ насторожку, пригнутое дерево (очепъ) выпрямляется, и птица, попавшаяся обыкновенно въ петлю ногою, повисаетъ въ воздухѣ. Если деревцо не очень упруго, или петля длинна, поймапная птица часто остается живой и даже разгуливаетъ съ петлей на ногѣ.

Такой способъ ловли имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ горловыми петлями, такъ какъ поймапная птица можетъ до извѣстной степени избѣжать нападеній подбирающихся къ ней хищниковъ, но промышленники чаще употребляютъ горловыя петли, которыя легче

Силокъ для рябчика.

устанавливать. Эти петли растягиваются кольцеобразно, на полвершка отъ земли, въ квадратныхъ воротцахъ, сдѣланныхъ изъ палочекъ въ полвершка толщины; воротца же ставятся такъ: замѣтивъ съ осени мѣсто, охотно посѣщаемое рябчиками, промышленникъ снимаетъ дернъ до песка, дѣлаетъ на ободранномъ мѣстѣ загородку съ воротцами, насыпаетъ тутъ ягоды и ставитъ силья такъ, чтобы они приходились концами къ воротцамъ. Спустившаяся на землю покормиться птица идетъ по тропинкѣ, поклевывая ягоды, бѣжитъ дальше и попадается въ петлю. Иногда по бокамъ площадки укладываютъ срубленныя елочки, чтобы помѣшать рябчику свернуть въ сторону и миновать петлю.

Зимою, вслѣдствіе обильнаго снѣга, петли на землѣ не ставятся, а ставятся на деревья, что особенно часто практикуется зырянами. Для этого на сучья двухъ деревьевъ, на разстояніи 2—3 аршинъ или просто на два вбитые въ землю кола съ вилками на концѣ кладется

еловая перекладина, на которой петля укрѣпляется вертикально, какъ показано на рисункѣ, между двумя загнутыми другъ къ другу и связанными концами вѣтками перекладины. По обѣимъ сторонамъ петли прикрѣпляются пучки рябины. Увидѣвъ ее, рябчикъ бѣжитъ по перекладинѣ, поѣдаетъ рябину съ одной стороны, идетъ дальше, чтобы добраться до другого пучка, и по дорогѣ попадаетъ въ петлю.

Что касается давушки, то для нея устраивается точно такъ же загородка съ воротцами, какъ для горловыхъ петель, но въ воротцахъ настораживается доска, или плашка, которая своею тяжестью и придавливаетъ птицу, когда послѣдняя лѣзетъ въ воротца за приманкой.

Наконецъ, послѣдній промысловый способъ добыванія рябчиковъ—ловля ихъ шатромъ, практикуемая въ Олонецкой губ. „Этотъ родъ ловли, если исполненъ хорошо, весьма добычливъ *) и хорошъ тѣмъ, что доставляетъ промышленнику не измученную, а живую дичь; устраивается шатеръ слѣдующимъ образомъ: берутъ 8 кольевъ около сажени длины и 9-й колъ, аршина въ два съ половиной, къ верхушкѣ котораго придѣлана круглая доска съ восемью углубленіями по краямъ. Поставивъ этотъ колъ посрединѣ, къ нему прикладываютъ другіе восемь кольевъ, нижніе края которыхъ закруглены, въ немного наклонномъ положеніи. Образовавшійся такимъ образомъ остовъ шатра накрываютъ сверху легкою сѣтью, которая должна не доходить до земли немножко болѣе чѣмъ на четверть. Привязавъ къ сторожевому, среднему колу длинную, крѣпкую и нетолстую веревку, охотникъ протягиваетъ ее саженей на 20 или 30 и садится въ кустахъ.— Шатеръ ставится на мѣстахъ прежде приготовленныхъ, гдѣ уже прежде дѣлалась привада, т.-е. во время зимы, при ловлѣ весною, или лѣтомъ, при ловлѣ осенью, сыпался пыжевникъ **) или торица; остовъ шатра тоже долженъ стоять довольно долго, чтобы къ нему привыкли какъ рябчики, такъ и куропатки, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, куропоть; птицы, прилетая на знакомое имъ мѣсто, не замѣчаютъ накинутой на остовъ шатра сѣтки и спокойно проходятъ въ оставленное внизу отверстіе, а когда ихъ наберется довольно большое количество, особенно осенью, охотникъ-промышленникъ дергаетъ веревку,—сторожевой колъ упадаетъ, съ нимъ вмѣстѣ и боковые колья, и сѣть покрываетъ птицъ, которыя при шумѣ падающаго кола взлетаютъ и путаются въ сѣткѣ. Но этотъ родъ добыванія дичи, хотя и очень удобенъ, если исполненъ ловко, очень добычливъ и, главное, не портитъ птицы,—очень мало распространенъ въ Олонецкой губерніи, потому что, во-первыхъ, требуетъ сѣти, а во-вторыхъ,—времени, которое въ это время года, особенно весной, дорого“.

Послѣ этого обзора разныхъ способовъ добыванія рябчика, какъ охотничьихъ, такъ и промысловыхъ, намъ остается сказать только о торговлѣ этою птицею.

---

*) Журн. Охоты Импер. общ. размн. охотн. и промысл. жив. 1875, № 3, стр. 53.
**) Вымятки конопляного или льняного сѣмени, остающіеся послѣ выжатія масла.

Главный рынокъ оптовой торговли рябчиками составляетъ Москва, т. к. черезъ ея торговцевъ идетъ рябчикъ и заграницу и въ Петербургъ. Поскольку можно судить по свѣдѣніямъ, собраннымъ за нѣсколько лѣтъ въ Охотномъ ряду, въ Москву приходитъ и черезъ Москву проходитъ въ общемъ свыше милліона паръ рябчиковъ. Слѣдовательно, сдѣланный еще двадцать лѣтъ тому назадъ Л. П. Сабанѣевымъ подсчетъ продажнаго количества рябчиковъ не измѣнился сколько-нибудь значительно и теперь. Сабанѣевъ клалъ въ кругъ, что всего въ Россіи (съ Сибирью) въ годъ добывается около полутора милліона паръ рябчиковъ, и я готовъ принять это количество для нашего времени, съ тою лишь оговоркою, чтобы слово „добывается" было замѣнено словомъ „поступаетъ въ продажу". Добывалось рябчиковъ прежде и добывается теперь гораздо больше этого количества, т. к. изъ сдѣланнаго очерка промысловыхъ охотъ за рябчиками мы уже знаемъ, что около $^2/_3$ всего пойманнаго количества рябчиковъ пропадаетъ для промышленника и, стало-быть, не попадаетъ въ продажу. Такимъ образомъ, если въ продажу поступаетъ $1^1/_2$ милліона паръ рябчиковъ, добывается ихъ по крайней мѣрѣ $2^1/_2$—3 милліона. Отсюда и заключеніе Сабанѣева, что на каждой квадратной верстѣ занятой рябчикомъ площади добывается одна пара въ годъ, невѣрно: добывается 2—3 пары, и это объясняетъ намъ истребленіе рябчиковъ. Что рябчикъ мѣстами очень сократился въ числѣ, доказывается измѣнившимися на него мѣстными цѣнами: такъ, даже въ Архангельской губ., у населенныхъ центровъ конечно, за пару рябчиковъ приходится платить свыше 60 к., цѣна прежде неслыханная. И если количество продажныхъ рябчиковъ остается прежнимъ и въ Москвѣ цѣна на нихъ существенно не измѣнилась, то это объясняется тѣмъ, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ явились новыя области, доставляющія на рынокъ эту птицу. Все это огромное количество проданныхъ рябчиковъ, по крайней мѣрѣ $^2/_3$ его, добывается въ какіе-нибудь 2 мѣсяца, осенью и въ началѣ зимы, когда уже начались заморозки. Остальное количество составляетъ предметъ мѣстнаго потребленія. Такъ, въ Москвѣ, въ іюлѣ и августѣ продается свѣжій, стрѣляный рябчикъ, доставляемый изъ уѣздовъ Московской губ. и другихъ сосѣднихъ. Позднѣе же начинается привозъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, и въ январѣ-февралѣ приходятъ партіи сибирскихъ рябчиковъ. Сообразно этому, колеблется и рыночная цѣна этой дичи. Лѣтомъ рябчикъ продается по 1 р. 50—1 р. 75 к. за пару, несмотря на то, что еще мелокъ, не доросъ. Позднѣе цѣна падаетъ за пару до 1 р. и даже 80—85 к., но даже и зимою рѣдко понижается менѣе 60 к., а такъ наз. сибирскій рябчикъ почти всегда стоитъ около 1 р. за пару. Конечно, у уличныхъ торговцевъ цѣны значительно ниже, но ихъ нельзя брать во вниманіе, потому что они продаютъ бросовый, полугнилой товаръ.

Что касается цѣны, по которой скупщики дичи берутъ пару рябчиковъ у промышленниковъ, то она равняется въ среднемъ 20 к.

Слѣдовательно, тогда какъ промышленники получаютъ за свою дичь въ среднемъ около 300 тыс. руб., торговцы должны бы получить по средней рыночной цѣнѣ за то же количество свыше милліона руб. Но, конечно, они получаютъ неизмѣримо меньше, такъ какъ много рябчиковъ приходится или совсѣмъ выбрасывать, или продавать за безцѣнокъ. Иногда цѣлые обозы гибнутъ изъ-за неожиданной оттепели. Да къ тому же и большой барышъ, распредѣляясь по нѣсколькимъ рукамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно теряетъ свое значеніе.

Какъ бы то ни было, этихъ чиселъ достаточно, чтобы оцѣнить огромное промысловое значеніе рябчика и вызвать упорядоченіе способовъ его добыванія: 2—3 каждогодно добываемыя пары на одной квадратной верстѣ слишкомъ много, особенно если изъ трехъ двѣ пропадаютъ для промышленника.

72. Рябчикъ темный.

Bonasa griseiventris, Menzb.

Табл. 75.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 486.

Этотъ красивый, впервые описанный мною видъ рябчика (по экземплярамъ изъ Пермской губ.), какъ теперь выяснено, имѣетъ очень широкое распространеніе: онъ встрѣчается съ запада на востокъ отъ Олонецкой до Тобольской губ. включительно (черезъ Вологодскую, Архангельскую, Вятскую и Пермскую) и съ сѣвера на югъ отъ Архангельской до Нижегородской включительно. По образу жизни, безъ сомнѣнія, не разнится существенно отъ обыкновеннаго, которому, однако, неизмѣримо уступаетъ въ численности. Можно сказать, что темный рябчикъ количественно тонетъ въ массѣ обыкновеннаго, но это находитъ себѣ многочисленныя аналогіи въ орнитологической фаунѣ палеарктической области и только сильнѣе подтверждаетъ мое убѣжденіе, что это древняя форма.

73. Тетеревъ кавказскій.

Tetrao mlokosiewiczi, Tacz.

Табл. 76, 77.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 489.

Мѣстныя названія: Кавк. тат.—*кара-тухъ, меша-тухъ* (или *таукъ*).— Лез.—*ріезта.*—Туш. —*роецо.*—Груз.—*карсули-катами.*—Оссет.—*каркъ.*— Армян.—*пайтморекъ.*—Персид.—*ябанъ-таукъ.*

Кавказскій тетеревъ распространенъ въ полосѣ альпійскихъ луговъ по всѣмъ горнымъ хребтамъ Большого и Малаго Кавказа, гдѣ живетъ болѣе или менѣе осѣдло, только изрѣдка спускаясь зимою до 5—4.500′ н. у. м., вообще же держась не ниже 6.000′. Эта полоса альпійскихъ луговъ опоясывается, какъ кольцомъ, поясомъ лѣса, гдѣ тетеревъ не держится, и это, безъ сомнѣнія, придаетъ столь опредѣленный характеръ занятымъ имъ станціямъ; только тамъ, гдѣ, какъ, наприм., на сѣверномъ Кавказѣ, лѣсной поясъ прерывается, кавказскій тетеревъ спускается зимою ниже полосы альпійскихъ луговъ. Въ противность горной индѣйкѣ, которая держится около ледниковъ, тетеревъ населяетъ альпійскія луга тамъ, гдѣ они прилегаютъ на своей нижней границѣ къ зарослямъ рододендроновъ, отдѣляющимъ ихъ отъ лѣсной области. Если здѣсь есть разбросанныя тамъ и сямъ березовыя деревца и кустики или даже небольшія рощицы, тѣмъ скорѣе можно найти здѣсь тетерева, но въ лѣсную полосу онъ не идетъ дальше ея опушки. Говоря о распространеніи тетерева въ верховьяхъ притоковъ Кубани, Лабы и Урупа, Н. Я. Динникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эту интересную мѣстность: „Эта мѣстность, читаемъ мы у него, въ высшей степени интересная какъ для естествоиспытателя, такъ и для охотника, имѣетъ самый дикій характеръ. Она не представляетъ ни одной обширной равнины, ни одной сплошной возвышенности, а множество глубочайшихъ долинъ и ущелій, которыя отдѣляются другъ отъ друга хребтами, пересѣкающимися во всевозможныхъ направленіяхъ. Болѣе чѣмъ до половины высоты склоны ихъ покрыты лѣсами, кое-гдѣ лиственными, а большею частью

хвойными. Эти лѣса вполнѣ сохранили свой дѣвственный характеръ: здѣсь и теперь часто встрѣчаются сосны, ели, пихты и ясень болѣе трехъ обхватовъ толщины; до сихъ поръ обитаетъ почти всюду истребленный зубръ; мы сами слышали тутъ ревъ барса, почти ежедневно видѣли альпійскихъ козловъ, сернъ, оленей и медвѣдей. Надъ лѣсной областью располагаются альпійскія пастбища, покрытыя вначалѣ высокой, сочной травой и множествомъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, а потомъ, по мѣрѣ приближенія къ снѣжной линіи, дѣлающіяся все болѣе и болѣе скудными. Вотъ на этихъ-то пастбищахъ и на границѣ съ ними лѣсной области живетъ кавказскій тетеревъ.— Въ противоположность горнымъ курочкамъ или горнымъ индѣйкамъ, онъ не встрѣчается на голыхъ скалахъ, точно такъ же какъ и на самыхъ высокихъ пастбищахъ, покрытыхъ приземистой травой; настоящимъ мѣстопребываніемъ его слѣдуетъ считать альпійскіе луга, покрытые богатой растительностью, и верхній поясъ лѣсовъ. Часто онъ держится вблизи узкихъ горныхъ тропинокъ; раза два я видѣлъ самку, бѣгающую по нимъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Она, вѣроятно, водитъ сюда своихъ дѣтенышей, чтобы пріучить ихъ отыскивать насѣкомыхъ, живущихъ въ навозѣ. Попадается также этотъ тетеревъ на опушкахъ горныхъ лѣсовъ, въ кустахъ низкорослой березы, въ заросляхъ рододендроновъ и т. д.“

Ф. К. Лоренцъ описываетъ мѣста, занятыя тетеревомъ въ горахъ около Кисловодска, какъ весьма труднодоступныя, съ крутыми откосами, покрытыми травой и разбросанными по нимъ крупными и мелкими камнями. Но и здѣсь онъ живетъ выше полосы лѣсовъ.

Наконецъ въ совершенно подобныхъ же мѣстахъ живетъ тетеревъ въ Закавказьѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго описанія г. Михайловскаго: „На (Ахалцихскихъ) горахъ, между селеніями Андрія-Цминда и Уровель, гдѣ я случайно согналъ нѣсколько тетеревовъ, ходьба въ высшей степени неудобна, а стрѣльба въ летъ связана съ значительными затрудненіями. Вслѣдствіе обрывистыхъ склоновъ, приходится карабкаться держась за пни и корни деревьевъ, мелкіе камни вырываются изъ-подъ ногъ и нужно внимательно слѣдить, чтобы не слетѣть въ кручу. На стадо кавказскихъ тетеревей (4 самца и 2 самки) я напалъ еще разъ переѣзжая гору Арилянъ-баши, въ 18 верстахъ за Ахалцихомъ. Это было въ началѣ мая... Добравшись до пояса горныхъ луговъ, передъ нами открылось небольшое ровное мѣсто, покрытое обветшалой, приклонившейся травой; мѣстами лежали не успѣвшие еще стаять пласты снѣга... Легкій туманъ носился надъ обнаженными березами и ольховыми кустами, съ вершинъ отдѣльно стоящихъ сосенъ раздавалась скромная пѣсня лѣсной щеврицы. Мы спускались съ небольшой покатости къ ручейку снѣговой, воды, какъ вдругъ неожиданно слетѣла пара черныхъ тетеревей изъ-подъ сосѣднихъ кустовъ. Осматривая мѣсто, я замѣтилъ на небольшой гладинѣ, шагахъ въ 50, плотно припавшую въ травѣ тетерку, а подальше высовывалась черная голова самца, вытягивающаго шею

и собирающагося улетѣть. Остановивъ лошадь, заложивъ поводья на оргалъ сѣдла, я успѣлъ только снять двустволку, прицѣлиться и промахнуться по вылетѣвшимъ птицамъ. Сойдя съ лошади, я пошелъ по тому направленію, куда полетѣли тетерева, и нашелъ скопившееся стадо по другую сторону отдѣлявшей меня кручи, въ такомъ мѣстѣ, куда нельзя было пробраться. Я наблюдалъ ихъ въ зрительную трубку: они спокойно гуляли по покрытой мохомъ покатости, вытягивая шею и поднимая грудь, или подбирали что-то съ земли, а потомъ скрылись бѣгомъ въ разныя стороны къ ближайшимъ кустамъ".

По всѣмъ своимъ привычкамъ кавказскій тетеревъ является настоящей горною птицею, которая проводитъ большую часть своего времени на землѣ. Преслѣдуемый, онъ большею частью пытается спастись бѣгствомъ, поднимается только въ случаѣ очень настойчиваго преслѣдованія, и тогда, пролетѣвъ короткое разстояніе, опускается чаще всего опять въ траву. Тамъ, гдѣ есть деревца, тетеревъ не избѣгаетъ садиться на нихъ и, разъ сѣвъ, сидитъ замѣчательно крѣпко. Вообще, вслѣдствіе малаго преслѣдованія и жизни въ такомъ поясѣ горъ, гдѣ зимою человѣка совсѣмъ не бываетъ, тетеревъ очень смиренъ или, какъ обыкновенно говорятъ, глупъ и иногда выдерживаетъ 2—3 выстрѣла, прежде чѣмъ слетитъ съ своего мѣста. Поднятый тетеревъ летитъ обыкновенно подъ гору и, несмотря на свои короткія крылья, летитъ очень быстро, издавая особый свистъ крыльями; самка взлетаетъ съ особымъ пискомъ.

Тетеревъ питается почками, цвѣтками, сѣменами, листьями и плодами разныхъ растеній и насѣкомыми, преимущественно жесткокрылыми. Зимою онъ очень охотно кормится березовыми почками, наѣдаясь ими съ утра такъ, что зобъ оттопыривается впередъ.

Наблюденія надъ періодическими явленіями въ жизни кавказскаго тетерева очень отрывочны, но по крайней мѣрѣ относительно весенняго образа жизни свѣдѣнія достаточны полны. Въ началѣ мая на сѣверномъ Кавказѣ тетерева уже токуютъ. Въ это время солнце печетъ такъ сильно, что, оставаясь долго подъ его лучами, съ непривычки можно получить настоящіе ожоги съ пузырями, тогда какъ даже легкій вѣтерокъ, благодаря обилію снѣга въ горахъ, обдаетъ холодомъ. Горные рѣчки и ручьи съ страшнымъ шумомъ и грохотомъ катятся по каменистому ложу, на днѣ ущелій. Горныя птицы, каковы темногрудыя горихвостки, альпійскія галки, желтыя пѣночки, бѣлогрудые дрозды и друг., празднуютъ свой брачный періодъ, оглашая веселыми голосами еще скудно покрытые зеленью горные склоны и лѣса... На тока тетерева собираются въ количествѣ до 20 штукъ, иногда на очень крутомъ склонѣ, покрытомъ ветошью и тамъ и сямъ разбросанными пашнями. Но несмотря на такое количество токующихъ самцовъ, токъ тянется вяло, и большинство птицъ держится почти неподвижно, развѣ только переступая съ ноги на ногу. Въ токѣ участвуютъ какъ старые самцы, такъ и молодые, еще въ сѣропестромъ невзросломъ нарядѣ, и тутъ же, притаившись у камней,

держатся самки. Молодые самцы и самки, благодаря своей окраскѣ, могутъ быть замѣчены только на близкомъ разстояніи; старые же самцы чернѣютъ уже издалека. Поза токующаго самца очень оригинальна: онъ откидываетъ назадъ голову, втягиваетъ шею, выпячиваетъ зобъ, опускаетъ крылья и поднимаетъ хвостъ, не распуская его, однако, вѣеромъ. Никакихъ звуковъ токующій кавказскій тетеревъ не издаетъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, наблюдая его изъ-подъ прикрытія на близкомъ разстояніи, но иногда взлетываетъ, поднимаясь съ аршинъ надъ землею, иногда переступаетъ бокомъ. И то и другое вызывается передвиженіями самки: если самка медленно переходитъ съ мѣста на мѣсто, самецъ бокомъ идетъ за ней; если она быстро перебѣгаетъ, онъ перелетаетъ слѣдомъ. Только при взлетываніи самецъ издаетъ слабый пискъ, въ родѣ *цирь-цирь-цирь,* громко хлопая въ то же время крыльями. Но въ противность этому вялому общему ходу тока, кавказскіе тетерева, по наблюденіямъ г. Лоренца, очень драчливы, и дерутся даже съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, нежели обыкновенные косачи.

Иногда на токахъ собираются только молодые тетерева, и обыкновенно молодыхъ на току болѣе, чѣмъ старыхъ. Токующій тетеревъ мало обращаетъ вниманія на окружающее, и къ нему не трудно подойти на 60—50 шаговъ, даже безъ всякаго прикрытія. Два-три промаха онъ обыкновенно также выдерживаетъ, не снимаясь съ мѣста. Но самка гораздо осторожнѣе: слетаетъ при приближеніи охотника, и тогда за нею слетаютъ самцы. Спугнутые съ токовища тетерева черезъ какіе-нибудь полчаса снова возвращаются на него и токъ возобновляется, какъ будто ничего не было.

На токъ тетерева слетаются часовъ съ шести вечера, токуютъ до наступленія темноты и ночуютъ на томъ же мѣстѣ. Утромъ токъ начинается, едва поблѣднѣетъ небо, и тянется часовъ до восьми, когда тетерева улетаютъ кормиться въ березовыя заросли. Судя по наблюденіямъ Млокосѣвича въ Закавказьѣ, періодъ тока продолжается до конца мая и даже до начала іюня.

Гнѣздо кавказскаго тетерева представляетъ неглубокую, едва выстланную сухой травой ямку подъ камнемъ; число яицъ кладки до 10, но число цыплятъ обыкновенно меньше, 6—7. Время вывода дѣтей приходится, повидимому, на конецъ іюня и начало іюля, по крайней мѣрѣ на сѣверномъ Кавказѣ. Ко второй половинѣ іюля птенцы становятся ростомъ съ куропатку. Самецъ, естественно, не принимаетъ никакого участія въ воспитаніи дѣтей, мать же заботится о нихъ и охраняетъ ихъ совершенно такъ, какъ обыкновенная тетерька. Выводки, вѣроятно, не разбиваются до зимы, такъ какъ осенью молодые тетерева, и самцы, и самки, держатся со старыми самками, образуя стаи бо̀льшихъ или меньшихъ размѣровъ. Удивительно, что молодые тетерева и самки зимою вообще строже старыхъ самцовъ.

Зимою, чуть начнетъ брезжить, тетерева отправляются на кормежку. Усѣвшись на березахъ, они пропускаютъ вѣтви черезъ клювъ,

обрывая почки, и туго набиваютъ ими свой зобъ, чтобы среди дня отдыхать, не кормясь. Кромѣ почекъ, кормятся листочками и другими растительными веществами, на полянкахъ, гдѣ снѣгъ сдуло вѣтромъ, добываютъ изъ-подъ снѣга оставшіяся ягоды и т. д. Неизвѣстно, закапываются ли кавказскіе тетерева на ночь обыкновенно въ снѣгъ, но они дѣлаютъ это, если ихъ настойчиво преслѣдуютъ.

Спеціальной охоты за кавказскимъ тетеревомъ нѣтъ: ихъ бьютъ только попутно, при охотѣ на другую дичь нижней полосы альпійской области, каковы горныя курочки, горныя индѣйки и пр.

74. Тетеревъ косачъ.

Tetrao tetrix, L.

Табл. 78.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 493.
Болѣе распростр. названія: *тетеревъ косачъ, березовикъ.*

Мѣстныя названія: а) самца: *тетеревъ, косачъ, черышъ, полевой тетеревъ, тетеревъ березовикъ, березовикъ; полюхъ* и *полякъ* (Владимір. губ.); *польникъ, поляшъ* (Тагилъ), *пальникъ* (Богослов. и Сибирь); *поленикъ, полюшекъ, полюха* (мѣстами въ Россіи, по Далю); *тетервакъ, косецъ* (Малоросс.); б) самки: *тетерька, тетерка; касатка, маракуша* (Лапландія, Архан. губ., Сибирь); *полюшка, рябушка* (Екатеринб. у.); *пальнюшка* (на сѣв. Пермской губ.); *дикія куры* (Бессарабія).

Польск.: *cietrzew, gluszec cietrzew, kniejotek cietrzew.* — Эст.— *tedder.*— Лат.— (самецъ) *tetteris,* (самка) *tettera.* — Фин.— *teiri.*— Жмуд.— *teteres.*

Арм.— *чолипафъ.*— Тат.— *куртлюкъ, куртукъ;* самка — *кара, куртукъ, сында, картоуга.*— Кавк. тат.— *буджуръ.*— Баш.— *куръ, куртлукъ, озанъ, узунъ, узонъ, зонъ;* самка— *босъ-узунъ.*— Бараб.— *узанъ.*— Киргиз.— *сонъ-кушъ, куръ.*— Хив. и бухар.— *хубарычь.*— Якут.— *уларъ, куртуяга, куртуяхъ.*— Енис.— *ороки;* самецъ — *кора-куртуякъ;* самка — *тихси-куртуякъ.* — Калм. — *хеаръ йотонъ, бухургана.*— Вотяцк.— *туръ.*— Морд.— *керпальменъ.*— Зыр.— *таръ;* самка— *кенъ-таръ.*— Пермяц.— *дозморъ.*— Черем.— *кюдеръ.*— Вогул.— *польда.*— Сосв. вог.— *кольмъ, каальме, ньялвой, калимъ, шула;* самка— *іетри.*— Берез. ост.— *кутуръ.*— На Иртинѣ— *Йиттера.*— На Сургутѣ.— *йетерке.*— На Нарымѣ— *кынгъ, кьюнгъ.*— На Енис.— *дыттъ.*— Тунг.— *бульбуки, бурбукъ.*— Бир. тунг.— *тогетюнъ, тыгалланъ.*— На Вилюѣ— *чибинабки.*— Монг.— *хоро.*— Бурят.— *коро.*— Самоѣд.— *лукъ.*— Тангут.— *сира;* самка— *симонъ.*— Манягр.— *тöгöланъ, упупе.*— Гиляц.— *пуйечь, пыйеркъ.*— Мангун.— *гачи.*— Гольдъ.— *гача, асминтнья.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Распространеніе и общій очеркъ образа жизни тетерева.

Распространеніе тетерева-косача и въ настоящее время у насъ еще очень обширно, а пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда лѣса на сѣверѣ уже успѣли достаточно расчистить, степи же не успѣли распахать, оно было еще обширнѣе и птица занимала почти всю страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ тетеревъ во многихъ мѣстахъ и былъ и остается

крайне многочисленнымъ, такъ какъ благодаря своему образу жизни и практикуемымъ за нимъ способамъ охоты онъ не подверженъ такому поголовному истребленію какъ рябчикъ, и потому промысловое значеніе этой птицы огромно.

Любимое мѣстопребываніе тетерева составляютъ березовые лѣса, чередующіеся съ хлѣбными полями; слѣдовательно, за коренную область его распространенія можно принять ту пограничную полосу между сплошной лѣсной областью и областью степи, которую я называю въ своихъ зоогеографическихъ работахъ „полосою островныхъ лѣсовъ". Въ степи тетеревъ былъ распространенъ по долинамъ рѣкъ и тамъ, гдѣ бо́льшіе или меньшіе участки степи были покрыты ягодными кустарниками, дикой вишней и дикимъ персикомъ. Въ лѣсной области онъ разселился съ одной стороны тоже по долинамъ рѣкъ, съ другой — по горамъ и вырубленнымъ площадямъ, гдѣ первоначальныя хвойныя насажденія должны были уступить свое мѣсто болѣе легко развивающимся лиственнымъ деревьямъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ степи распахивались, распространеніе тетерева въ южной Россіи становилось все болѣе и болѣе спорадичнымъ, пока, наконецъ, онъ не исчезъ мѣстами совсѣмъ; на сѣверѣ же вырубка лѣса, напротивъ, доставляла птицѣ все больше и больше подходящихъ мѣстонахожденій и здѣсь она постепенно занимала болѣе обширную площадь. Въ менѣе рѣзкой формѣ шло измѣненіе состава тетеревинаго населенія въ средней полосѣ Россіи: конечно мѣстами и здѣсь тетерева значительно уменьшились въ количествѣ, благодаря увеличивающемуся населенію и безтолковому преслѣдованію около наиболѣе заселенныхъ центровъ, но здѣсь же они и сохранились въ наибольшемъ количествѣ, хотя мѣстами, напримѣръ, въ восточной части этой полосы.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется распространеніе у насъ тетерева въ настоящее время.

Начиная съ сѣвера, мы находимъ, что въ Лапландіи онъ доходитъ въ области Энаре до 70° с. ш., но въ очень небольшомъ числѣ; отсюда сѣверная граница распространенія этой птицы, въ направленіи къ востоку, быстро понижается, такъ что въ русской Лапландіи проходитъ черезъ южную оконечность оз. Имандра, подъ 67½° с. ш., обыкновеннымъ же тетеревъ становится только еще южнѣе, съ 66° с. ш. Приблизительно около 66° идетъ эта граница отъ Бѣлаго моря къ Уральскому хребту, но здѣсь опредѣлить ее крайне трудно, такъ какъ она обусловливается степенью разрѣженности лѣса и, слѣдовательно, надо думать, въ лѣсной области между Бѣлымъ моремъ и Ураломъ выбѣгаетъ къ сѣверу языками по долинамъ рѣкъ. Спорадичное распространеніе тетерева характеризуетъ всю сѣверную Россію и не только губ. Вологодскую, Архангельскую, сѣверную часть Вятской и Пермской, но даже многіе уѣзды губ. Олонецкой, Тверской, Новгородской, Костромской и, въ меньшей степени, сѣверныя части губ. Ярославской Нижегородской и Казанской. Короче говоря, вся лѣсная область къ сѣверу отъ средняго теченія Волги характеризуется тѣмъ, что тете-

ревъ занимаетъ здѣсь какъ бы отдѣльные острова, покрытые отчасти мелколѣсьемъ, отчасти невысокимъ лиственнымъ лѣсомъ, разбросанные среди стараго хвойнаго, отчасти лиственнаго лѣса.

Что касается средней Россіи, то о повсемѣстномъ обильномъ нахожденіи здѣсь тетерева уже было говорено, но къ этому общему замѣчанію надо прибавить нѣкоторыя подробности. Начиная съ востока, мы видимъ, что тетеревъ въ Уфимской губ. встрѣчается повсемѣстно, гнѣздясь по окраинамъ большихъ лѣсовъ, въ маленькихъ лѣсахъ или рощахъ и въ зарosляхъ вишни, какъ въ гористыхъ степяхъ, такъ и въ ровной мѣстности, какъ, наприм., въ Стерлитамакскомъ у. Тамъ, гдѣ лѣсочки или рощицы чередуются съ луговыми полянами, вырубами или каменистыми осыпями, тетеревъ прямо многочисленъ, наприм., въ окрестностяхъ Златоуста. Въ Самарской губ., гдѣ она граничитъ съ Уфимской, по словамъ А. Н. Карамзина, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, когда степей съ зарослями вишни, бобовника и чилизника было много, и когда степная трава не только не была вытравлена скотомъ, но и оставалась некошенною по нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, тетерева лѣтомъ были гораздо многочисленнѣе въ южной почти безлѣсной части этой области, чѣмъ въ сѣверной лѣсистой. Но съ распашкой степей и ежегодной косьбой травъ положеніе измѣнилось: кустарникъ и клубничникъ былъ истребленъ, вмѣстѣ съ тѣмъ количество тетеревовъ въ степной части сильно сократилось и теперь они встрѣчаются въ одинаковомъ количествѣ какъ въ лѣсной, такъ и въ безлѣсной части. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ тетеревъ, по наблюденіямъ Н. А. Сѣверцова, былъ обыкновененъ по сѣверному склону Общаго Сырта, по рѣкамъ Ику, Салмышу, Чагану и др., доходя лѣтомъ почти до средняго теченія р. Урала, между Татищевой и устьемъ Кендели, а по Мугоджарамъ распространяясь до Каргалы (верхнее теченіе Илека) и Уркача. Зимою тетерева спускались далеко внизъ по теченію рѣки Урала. Въ настоящее время, по словамъ Заруднаго, отъ этого болѣе или менѣе сплошного распространенія тетерева въ названной мѣстности осталось только спорадичное распространеніе. Такъ, онъ и теперь еще встрѣчается въ достаточномъ числѣ въ Губерлинскихъ горахъ, въ березовыхъ и осиновыхъ лѣсочкахъ въ Ветлянскихъ горахъ и т. д., но по Илеку уже рѣдокъ и очень обыкновененъ только въ горахъ Общаго Сырта. Съ переходомъ за Волгу тетеревъ должно быть еще и теперь относительно обыкновененъ въ сѣверныхъ частяхъ Саратовской губ. (Аткарскій, Сердобскій, Петровскій, Кузнецкій и Вольскій уу.), спускаясь здѣсь вообще къ югу до 51°—50° с. ш. Зимою доходитъ до Сарепты. По Ергенямъ тетерева нѣтъ и не было. Еще далѣе къ западу тетерева уже въ очень небольшомъ количествѣ встрѣчаются спорадично въ южной части Тамбовской губ. (такъ назыв. „Черная Дача" около Усмани) и въ сѣверной части Воронежской, но что касается южныхъ частей Воронежской губ. и повидимому, всей Земли Войска Донского, то теперь тетерева здѣсь уже нѣтъ, а въ 50-хъ годахъ онъ жилъ здѣсь постоянно въ небольшомъ количествѣ

и появлялся иногда большими стаями зимою. Очень интересны свѣдѣнія о постепенномъ исчезновеніи тетерева изъ Харьковской губ. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія онъ былъ здѣсь обыкновененъ и по крайней мѣрѣ отчасти жилъ въ качествѣ степной птицы. Въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія тетеревъ становится уже настолько рѣдкимъ въ Харьковской губ., что даже столь ревностный собиратель и любитель орнитологіи, Криницкій, не могъ ихъ добыть для зоологическаго музея Харьковскаго университета. Однако, повидимому, тетерева еще встрѣчались здѣсь, хотя и въ ничтожномъ количествѣ, до 50-хъ годовъ, когда исчезли совершенно. Теперь тетерева уже положительно не водятся въ Харьковской губ. И въ Курской, и въ Полтавской губ. тетеревъ, если можно такъ выразиться, находится наканунѣ своего совершеннаго исчезновенія. Въ Кіевской губ. тетеревъ прежде былъ обыкновененъ на всемъ ея протяженіи, равно какъ въ сосѣднихъ Полтавской и Подольской. Такъ дѣло обстояло до 50-хъ годовъ, когда тетеревъ довольно быстро исчезъ изъ южныхъ частей названныхъ губерній, безъ сомнѣнія, въ зависимости не отъ прямого преслѣдованія, а отъ быстро развившейся колонизаціи края и распашки степей. Такъ, въ 50-хъ годахъ онъ уже исчезъ изъ Уманьскаго у. Теперь тетеревъ сохранился въ Кіевской губ. лишь въ ея сѣверной, лѣсной части. Въ Подольской губ. тетеревъ можетъ быть еще есть близъ границъ Галиціи и въ горахъ сѣверныхъ уѣздовъ, но на остальномъ ея протяженіи не встрѣчается *). Въ Бессарабіи тетеревъ прежде водился во многихъ лѣсахъ Хотинскаго, Сорокскаго и Ясскаго уу., но уже къ 70-мъ годамъ сохранился только въ Секурянскомъ лѣсу, Хотинскаго у., а есть ли гдѣ тетерева теперь въ Бессарабіи — мнѣ неизвѣстно.

Къ югу отъ перечисленныхъ мѣстъ, гдѣ тетеревъ отчасти уже совершенно не встрѣчается, отчасти почти исчезъ, эта птица прежде шла черезъ всѣ степи Новороссійскаго края и черезъ Землю Войска Донского въ губ. Ставропольскую и, южнѣе, до степей у сѣвернаго подножія Кавказскихъ горъ включительно. О распространеніи тетерева въ Новороссійскихъ степяхъ Нордманъ писалъ въ 40-мъ году какъ о замѣчательномъ фактѣ, стоящемъ въ противорѣчіи съ мѣстонахожденіями этой птицы въ другихъ частяхъ Европы, и въ тоже время отмѣчалъ повсемѣстность распространенія тетерева въ степной полосѣ. Однако, едва ли есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что тетеревъ въ области Чернаго моря никогда не переходилъ къ югу за южную границу чернозема и никогда не встрѣчался ни въ степяхъ, ни въ горахъ Крыма.

На сѣверномъ Кавказѣ обыкновенный тетеревъ прежде былъ распространенъ какъ въ лѣсахъ Ставропольскихъ и Кумскихъ, такъ и въ степяхъ Кубанской и, вѣроятно, Терской области. По дошедшимъ

---

*) Впрочемъ, такой дѣльный охотникъ какъ г. Д—вичъ въ 1876 году опредѣленно высказалъ, что тетеревъ въ Подольской губ. водился до 50-хъ годовъ, но съ тѣхъ поръ о немъ не слышно.

до насъ свѣдѣніямъ, онъ былъ здѣсь даже обыкновененъ, по крайней мѣрѣ мѣстами, до 50—60-хъ годовъ, послѣ чего быстро пошелъ на убыль, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ и распашки степей. Однако, Ф. К. Лоренцъ, посѣтивъ Кубанскую степь по Лабѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, имѣлъ положительныя указанія мѣстныхъ охотниковъ, что тетерева и теперь еще водятся въ ихъ степяхъ, являясь осенью и зимою на зеленя стайками до 15—20 штукъ, тогда какъ прежде, когда лѣса по Лабѣ не были вырублены, тамъ же нерѣдкость было встрѣтить стада въ 150—200 штукъ. Г. Стрижевскій сообщилъ затѣмъ Лоренцу, что онъ охотился за тетеревами въ Кубанской степи по р. Бѣлой и притоку Лабы—Улѣ; тетерева держались въ степномъ бурьянѣ (осенью) и ничѣмъ не отличались отъ нашихъ (г. Стрижевскій, какъ воронежскій помѣщикъ и хорошій охотникъ, не могъ не знать послѣднихъ), кромѣ своей нѣсколько меньшей величины. Черкесы говорили г. Стрижевскому, что въ степяхъ ближе къ горамъ тетерева еще многочисленны. На основаніи этого можно заключить, что обыкновѐнный тетеревъ и до сихъ поръ еще живетъ въ степи и въ лѣсахъ по верхнему теченію притоковъ Кубани, будучи отдѣленъ отъ кавказскаго тетерева широкимъ поясомъ горныхъ лѣсовъ по сѣверному склону Кавказскаго хребта. Но за исключеніемъ лѣсовъ въ нижнемъ поясѣ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, обыкновенный тетеревъ на Кавказѣ никогда не жилъ: альпійская область Большого и Малаго Кавказа занята кавказскимъ тетеревомъ, въ горныхъ лѣсахъ тетеревовъ нѣтъ.

Что касается обширной площади, ограниченной съ сѣверо-востока линіей, которая идетъ отъ Петербурга къ устью Камы, съ востока—Волгой до Сызрани, съ юго-востока—линіей, идущей отъ Сызрани къ Кременцу, и съ запада—западной границей государства, то здѣсь тетеревъ еще весьма обыкновененъ, если не повсемѣстно, то на большей части протяженія этой площади. Въ центральной Россіи особенно замѣтно исчезновеніе описываемой птицы въ Орловской губерніи и вообще около населенныхъ центровъ, о чемъ, впрочемъ, уже было упомянуто.

Что касается Азіи, то въ Сибири на сѣверѣ тетеревъ доходитъ до 68° с. ш. на Енисеѣ и только до 63° на Ленѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не переходя къ востоку за Лену. Въ южной Сибири тетеревъ очень обыкновененъ и идетъ къ востоку гораздо далѣе, чѣмъ въ сѣверной, именно до Уссури, спускаясь къ югу до Манчжуріи. Однако, до Тихаго океана тетеревъ не доходитъ. Кромѣ того, тетеревъ распространенъ въ подходящихъ мѣстахъ сѣверной полосы Киргизскихъ степей и въ сѣверо-восточной части Туркестана, на высотѣ отъ 6,000′ до до 10,000′ н. у. м.

Выше уже было сказано, что любимое мѣстонахожденіе тетерева составляетъ область островныхъ лѣсовъ, съ извѣстнымъ отношеніемъ между чередующимися лиственными лѣсами и полями. Къ этому необходимо еще прибавить близость ягодниковъ, и именно любовь къ

ягодамъ дѣлаетъ для тетерева возможной жизнь въ открытой степи, гдѣ ягодные кустарники доставляютъ птицѣ одновременно и необходимый кормъ и хорошую защиту. Близость человѣка, если только онъ не является безпощаднымъ истребителемъ, не пугаетъ тетерева, который можетъ жить даже на очень близкомъ разстояніи отъ него. И потому при умѣлой охотѣ тетерева можно сохранить даже безъ замѣтнаго уменьшенія въ числѣ въ любой части его области, если только этому не препятствуетъ вырубка лѣса и въ степи—распашка послѣдней.

По образу жизни тетеревъ—осѣдлая птица. Мѣстами, безкормица и глубокій снѣгъ заставляютъ его глубокой зимой оставлять свои гнѣздовыя мѣста и переселяться болѣе или менѣе далеко отъ нихъ, но эти переселенія не имѣютъ характера правильныхъ перелетовъ.

Годичный циклъ жизненныхъ явленій у тетерева складывается слѣдующимъ образомъ: съ приближеніемъ весны тетерьки оставляютъ косачей, съ которыми зимою образуютъ обыкновенно смѣшанныя стаи, и какъ тѣ, такъ и другіе приближаются къ токовищамъ. Съ начала весны и до конца ея длится брачный періодъ, когда самцы токуютъ, а самки устраиваютъ гнѣзда и откладываютъ яйца. По окончаніи тока косачи, подобно всѣмъ полигамическимъ птицамъ, не принимающіе участія въ семейной жизни, забираются въ крѣпь и линяютъ, тетерьки же по выводѣ дѣтей перебираются вмѣстѣ съ послѣдними на гари, порубы и другія мѣста, изобилующія ягоднымъ кормомъ. Съ начала осени тетерева стадятся и, начиная отсюда и до конца зимы, живутъ общественною жизнью, вмѣстѣ летая на кормежку, на ночлегъ и т. д.

Въ связи съ жизнью въ чрезвычайно различныхъ условіяхъ, періодическія явленія въ жизни тетерева, конечно, измѣняются. На сѣверѣ тетеревъ живетъ по сѣчамъ и гарямъ, въ чернолѣсьѣ по долинамъ рѣкъ, даже по окраинамъ чистаго краснолѣсья. Въ Туркестанѣ и Забайкальѣ тетеревъ живетъ въ горныхъ, преимущественно хвойныхъ лѣсахъ, и какъ тамъ, такъ и здѣсь на зиму перебирается въ лѣса и кустарники рѣчныхъ долинъ и даже островов. Иногда эти переселенія изъ горъ въ низменности принимаютъ въ восточной Сибири очень большіе размѣры, складываются въ перелеты на нѣсколько сотъ верстъ, но эти перелеты—лишь до крайности развитыя кочевки, какія наблюдаются въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Въ послѣднихъ тетерева, состадившись, еще съ осени перебираются изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ къ жилью человѣка, собственно къ его пашнямъ, замѣняя ягодный кормъ хлѣбнымъ, а потомъ занимаютъ опушки березовыхъ лѣсовъ и начинаютъ кормиться березовыми почками. Наименѣе эти перекочевки выражены въ средней Россіи, какъ благодаря характеру мѣстности, такъ и благодаря тому, что хлѣбъ не остается надолго въ полѣ, а убирается на гумна почти сейчасъ же послѣ окончанія полевыхъ работъ. Въ степной полосѣ кочевки тетерева опять выражены рѣзче: въ сентябрѣ тетеревиныя стаи покидаютъ кустарныя заросли и сваливаютъ въ рѣчныя уремы, или просто въ дубовые и

березовые лѣса и рощи, гдѣ кромѣ березовыхъ почекъ питаются также желудями. Но это все частности, къ которымъ мы еще вернемся при подробномъ описаніи образа жизни тетерева въ разныя времена года. Въ общемъ же приведенная схема смѣны періодическихъ явленій въ жизни описываемой птицы вѣрна для всякой мѣстности и это поможетъ намъ съ большею легкостью слѣдить за разнообразіемъ въ частностяхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЕСНА.

I.

Весенній образъ жизни тетерева.

Описаніе образа жизни тетерева мы начнемъ съ того времени, когда зима подходитъ къ концу и вмѣстѣ съ нѣсколько удлиняющимися днями тетерева начинаютъ чаще вылетать изъ чащи лѣса, гдѣ держались до тѣхъ поръ, на опушку, чтобы погрѣться на солнышкѣ. Въ полуденные часы ихъ теперь подолгу можно видѣть сидящими на деревьяхъ лѣсныхъ окраинъ, недалеко отъ мѣстъ будущихъ токовъ. Въ то же самое время тѣ стаи, которыя улетали далеко отъ своихъ родныхъ мѣстъ, возвращаются къ послѣднимъ и, слѣдовательно, всюду, гдѣ есть эти птицы, остаются только мѣстовыя.

Спустя еще немного времени смѣшанныя стаи разбиваются, такъ какъ тетерьки оставляютъ косачей, начиная вести самостоятельную и притомъ одиночную жизнь, а косачи въ свою очередь уже не такъ держатся другъ друга какъ прежде. Такимъ образомъ доживаютъ они въ средней Россіи до половины марта, и вмѣстѣ съ первыми признаками весны передъ восходомъ солнца впервые раздается бормотанье самаго стараго самца въ стаѣ, ея бывшаго вожака. Сначала онъ бормочетъ какъ-то нерѣшительно и недолго, но по мѣрѣ того, какъ становится теплѣе, онъ входитъ все въ большій и большій азартъ, увлекая за собою и своихъ бывалыхъ товарищей. Молодые косачи, еще не фигурировавшіе въ прошлогоднихъ токахъ, сначала съ видимымъ недоумѣньемъ относятся къ незнакомымъ звукамъ, не принимая никакого участія въ токованіи своихъ болѣе старыхъ товарищей; но потомъ они также начинаютъ отзываться на нихъ, тѣмъ самымъ еще болѣе подзадоривая стараго токовика, и, наконецъ, дружное токованье тетеревовъ оглашаетъ лѣсъ, будучи слышно по зарямъ за 2—3 версты. Первое время тетерева токуютъ на деревьяхъ. Съ красными набухшими бровями, вытянувъ шею, распустивъ крылья и присѣдая, бормочетъ и чуфыкаетъ старый токовикъ на сукѣ, день ото дня все громче и дольше. А тѣмъ временемъ весна совсѣмъ вступаетъ въ свои права; въ воздухѣ звенятъ трели жаворонковъ, по рѣкамъ тянутъ утки и нырки, чибисъ назойливо пристаетъ къ каждому проходящему и про-

ѣзжающему мимо избранной имъ полянки съ своимъ „чьи-вы"... И вотъ токовикъ, войдя въ полный азартъ, слетаетъ на токовище, куда за нимъ слѣдуютъ и его товарищи, тѣ, которые постарше, держась поближе къ нему, болѣе молодые—по краямъ токовища. Токъ теперь въ самомъ разгарѣ, и въ средней Россіи это обыкновенно приходится на первую половину апрѣля. Вмѣстѣ съ слетомъ на токовище косачи начинаютъ вступать въ драки другъ съ другомъ, токованіе по утрамъ затягивается все дольше и дольше, продолжаясь до 9—10 часовъ, а послѣ этого они улетаютъ въ лѣсъ на кормежку, гдѣ и остаются до вечера.

Въ разгаръ тока тетерева подлетаютъ къ токовищу уже вечеромъ, токуютъ здѣсь, какъ утромъ, только слабѣе, и ночь проводятъ около токовища же, куда вылетаютъ еще задолго до солнечнаго восхода, когда темно. Тетерьки сначала держатся далеко отъ токовищъ, потомъ подлетаютъ къ нимъ и разсаживаются по деревьямъ ближней опушки, охорашиваясь на глазахъ своихъ кавалеровъ, наконецъ слетаютъ на самое токовище.

Вотъ самый общій очеркъ весенняго образа жизни тетерева, необходимый, чтобы болѣе детальное описаніе не помѣшало составить объ этомъ важномъ періодѣ общаго представленія. Переходимъ теперь къ подробностямъ.

За правило надо считать, что каждая зимняя стая имѣетъ свое собственное токовище; слѣдовательно на токовищѣ можно встрѣтить лишь столько тетеревовъ, сколько ихъ было въ стаѣ, или приблизительно столько, потому что хотя обыкновенно зимняя стая тетеревовъ состоитъ изъ самцовъ и самокъ, иногда послѣднія держатся отдѣльно и въ такомъ случаѣ на току съ тетерьками будетъ больше особей, чѣмъ ихъ было въ стаѣ, состоящей исключительно изъ косачей. Такимъ образомъ, въ извѣстной мѣстности всегда можно надѣяться встрѣтить столько же токовъ, сколько здѣсь зимою было стай, и кромѣ того, зная численность зимнихъ стай, опредѣлить и численность участвующихъ въ токахъ тетеревовъ. Такъ, близъ населенныхъ центровъ, гдѣ тетеревиныя стайки зимою содержатъ по 10—20 особей, и тока бываютъ столь же малочисленны; напротивъ, въ мѣстностяхъ мало населенныхъ, какъ, напр., въ губ. Архангельской, Пермской, Уфимской, даже Нижегородской и кой-какихъ среднихъ, зимнія стаи нерѣдко достигаютъ 50—100 и даже 200 особей, и соотвѣтственно этому тока очень многочисленны. Но если зимнія стаи очень мелки, въ такихъ случаяхъ тетерева одной могутъ соединиться на току съ тетеревами другой; тогда какъ тамъ, гдѣ зимой стаи очень велики отъ тетеревовъ, прибывающихъ изъ другихъ мѣстъ, количество токующихъ особей меньше количества особей зимнихъ стай, отъ которыхъ пришлецы заранѣе отбиваются, улетая въ свои родныя мѣста. Вотъ почему на Уралѣ, гдѣ зимнія стаи доходятъ иногда до 500 особей, на токовищѣ больше 200 не встрѣчается.

Мѣсто, гдѣ токуютъ тетерева, чрезвычайно постоянно: десятки лѣтъ слетаются на извѣстное мѣсто тетерева длиннаго ряда смѣняющихся поколѣній и только крайность, т.-е. преслѣдованіе промышленниками или измѣненіе характера токовища дѣятельностью человѣка, заставляетъ ихъ перемѣнить мѣсто тока. При неосторожной стрѣльбѣ изъ шалашей тока временно также разстраиваются, и напуганныя птицы обыкновенно собираются уже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ постояннаго токовища, на одномъ или нѣсколькихъ побочныхъ, но своевременное прекращеніе такой охоты даетъ возможность тетеревамъ опять собраться на старомъ токовищѣ, если не въ этотъ, то въ слѣдующій годъ. Однако исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ лѣсистая часть восточной Сибири: здѣсь тетерева токуютъ на пашнѣ и почти ежегодно перемѣняютъ мѣсто тока, не выходя, впрочемъ, изъ извѣстнаго района. Близъ большихъ городовъ, гдѣ тетерева разбиты преслѣдованіемъ и не собираются зимою въ стаи, общихъ токовищъ совсѣмъ нѣтъ и каждый косачъ токуетъ самъ по себѣ, поодиночкѣ. Для этого онъ выбираетъ себѣ небольшую лѣсную полянку или лужайку среди кустовъ и мелколѣсья и токуетъ такъ же, какъ токовалъ бы на общемъ токовищѣ, лишь безъ столкновенія съ соперниками. Сюда же къ нему прибѣгаетъ заслышавшая его самочка.

Обыкновенно мѣстомъ токовища служитъ широкая лѣсная опушка, мысками выбѣгающая въ лугъ или поле и поросшая рѣдкими кустами и деревцами, или лѣсная поляна, съ разбросанными по ней тамъ и сямъ березками, и лежащая, конечно, недалеко отъ опушки. Высота мѣста безразлична для выбора токовища: тетерева токуютъ и на низкихъ мѣстахъ, даже на болотахъ, лишь бы токовище носило указанный характеръ. Сравнительно рѣдко токуютъ тетерева на совершенно открытыхъ мѣстахъ, но и въ такомъ случаѣ всегда неподалеку отъ лѣса. Въ долинахъ лѣсныхъ рѣкъ, заливаемыхъ водою, напр., въ Ярославской губ., тетерева токуютъ на поросшихъ рѣдкими лѣсами песчаныхъ гривахъ. Иногда, въ лѣсной мѣстности, токовище располагается на вершинахъ лѣсного пригорка, гдѣ снѣгъ сдувается вѣтромъ и гдѣ проталины появляются ранѣе, или въ перелѣскахъ, соединяющихъ два большіе участка лѣса. Въ области крупнаго сплошного лѣса мѣстомъ для тока выбирается лѣсное, большею частью моховое болото, съ разбросанными по немъ сосенками, чахлымъ березнякомъ и кустиками, или, наконецъ, рѣдкое мелколѣсье. Слѣдовательно, въ такихъ мѣстахъ тетеревиное токовище находится въ непосредственной близости отъ глухаринаго, но и при этомъ мѣста названныхъ токовищъ совершенно различны. Одно изъ самыхъ оригинальныхъ мѣстъ токованья тетеревовъ составляютъ чистыя, довольно удаленныя отъ лѣса болота, поросшія рѣдкимъ камышомъ, иногда совсѣмъ безъ кустарниковъ. Такія токовища указываетъ П. Кирѣевскій для Орловской губ., Л. П. Сабанѣевъ для южной части Екатеринбургскаго у.

Наконецъ, въ лѣсистой и богатой водой мѣстности, какъ, напр., въ области Мологи и Шексны или Вятки, токованье тетеревовъ въ

половодьѣ происходитъ совершенно особеннымъ образомъ—на деревьяхъ. Нормально тетерева токуютъ здѣсь въ рѣчныхъ лугахъ, но съ разливомъ послѣдніе затопляются, и надъ водой остаются только самые высокіе прирѣчные бугры или гривы. „Кусты и мелкій лѣсъ,—говоритъ про Шекснинскую мѣстность Н. Гладковъ,—покрываются такъ, что иногда ихъ вовсе не видно, иногда же торчатъ однѣ верхушки. Большой лѣсъ растетъ какъ бы въ водѣ, и странное зрѣлище представляютъ высокія лиственныя и хвойныя деревья, подымающіяся какъ будто со дна озера. Картина этихъ разливовъ великолѣпна, въ особенности въ ясный, теплый и тихій весенній день, послѣ того, какъ разсѣется утренній туманъ: какъ огромное зеркало, расплаются они; береговъ не видно, но однообразія нѣтъ, вездѣ мелькаютъ полупотопленные лѣса и небольшіе островки... Тучи утокъ, въ особенности черныхъ, покрываютъ открытыя мѣста и шнырятъ между полузатопленными кустами и деревьями. Стаи гусей, а иногда и лебедей, держатся по краямъ ихъ, и съ крикомъ, въ особенности по зарямъ, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. По берегамъ разливовъ, преимущественно на островахъ, сосредоточивается всевозможная дичь, и притомъ иногда на небольшомъ пространствѣ: тамъ найдете вы и дупелей, и бекасовъ, и вообще всю куличью породу, множество утокъ и весьма часто даже въ большомъ множествѣ зайцевъ. Иногда въ числѣ мирныхъ обитателей острова попадаются и хищники: лисицы и волки, захваченные врасплохъ разливающеюся водою, принуждены бываютъ искать убѣжища на островахъ. На нихъ же скучиваются мѣстныя куропатки и тетерева, согнанные туда со всего околотка". При недостаткѣ мѣста тетерева, какъ косачи, такъ и курочки, размѣщаются на вѣтвяхъ деревьевъ, нависшихъ надъ водой, и первые токуютъ на нихъ, вытягивая шею, опуская крылья и бормоча совершенно такъ, какъ дѣлали бы это на землѣ. Но начиная здѣсь токовать раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, тетерева и кончаютъ свое токованье раньше—уже часамъ къ шести.

Размѣръ токовища до извѣстной степени соотвѣтствуетъ количеству токующихъ тетеревовъ, и потому опытный охотникъ, осмотрѣвъ токовище, можетъ до извѣстной степени опредѣлить, сколько на немъ соберется косачей. Обыкновенно размѣръ токовища 10—20 саженей въ поперечникѣ, но есть токовища въ нѣсколько сотъ квадратныхъ саженей. Такъ какъ тетерева въ огромномъ большинствѣ случаевъ, т.-е. всегда, когда могутъ, токуютъ на некосѣ, то токовище всегда можно узнать по вытоптанной ветоши, особенно выбиваемой въ центрѣ, гдѣ происходятъ наиболѣе ожесточенныя драки.

Продолжительность періода токованія измѣняется въ довольно большихъ предѣлахъ въ зависимости отъ географическаго положенія мѣстности и общаго хода весны. Вообще тетеревъ начинаетъ токовать спустя дней 10—14 и даже болѣе послѣ начала токованія глухаря. Въ средней полосѣ Россіи первое бормотанье раздается около середины марта, въ южной—въ началѣ, на сѣверѣ—въ концѣ этого

мѣсяца и даже гораздо позднѣе, въ апрѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ первое время токовикъ или „заводатай“, какъ его зовутъ мѣстами, начинаетъ играть сравнительно поздно, часу въ 6-мъ, т.-е. незадолго до восхода солнца; позднѣе, въ концѣ марта и началѣ апрѣля токованье начинается около 4-хъ часовъ утра, въ концѣ апрѣля—въ 3-мъ часу, въ маѣ даже во 2-мъ часу ночи. Въ Лапландіи, гдѣ въ маѣ солнце постепенно почти перестаетъ скрываться за горизонтъ, тетерева, начиная токовать вечеромъ, токуютъ всю ночь.

Въ апрѣлѣ токованье и въ средней Россіи распадается каждый день на два періода: вечерній и утренній, изъ которыхъ первый начинается часовъ въ 7 и продолжается до заката солнца. Послѣ вечерняго токованья тетерева не улетаютъ съ токовища, а ночуютъ неподалеку отъ него; нѣкоторые остаются даже на самомъ токовищѣ. Утромъ, еще до свѣта, раздается голосъ главнаго токовика и, заслышавъ его, тетерева опять спѣшатъ на токовище съ своихъ ночлеговъ. Ежедневная продолжительность токованія также увеличивается по мѣрѣ того, какъ развивается любовная страсть птицы. Сначала тетерева перестаютъ токовать уже спустя 2, много 3 часа послѣ восхода солнца, но въ разгаръ тока и, непремѣнно при хорошей погодѣ, токованье длится даже до 10 час. утра, послѣ чего тетерева улетаютъ на кормежку въ чащу лѣса, гдѣ остаются до слѣдующаго токованья. Самые азартные косачи въ это время даже совсѣмъ не улетаютъ отъ тока, а остаются у его окраинъ, гдѣ кормятся.

Въ мартѣ утренніе морозы, усиливаясь, часто оказываютъ задерживающее вліяніе на токованье тетеревовъ, которые, побормотавъ на деревьяхъ, часто совсѣмъ не слетаютъ на землю. Въ апрѣлѣ, когда снѣгъ почти сходитъ и нормально сильныхъ утренниковъ не бываетъ, тетерева ежедневно слетаютъ на землю, оставаясь здѣсь все дольше, съ тѣмъ, чтобы въ маѣ уже совсѣмъ не садиться на деревья.

Собственно токъ продолжается до послѣднихъ чиселъ мая, но въ послѣднее время на токовище прилетаютъ лишь одни косачи безъ тетерекъ, и токованье продолжается очень недолго, оканчиваясь уже съ восходомъ солнца. Вечернихъ токованій въ это время не бываетъ, но косачи прилетаютъ на токовище вечеромъ между 8 и 9 часами и ночуютъ поблизости отъ него. Послѣдними токуютъ молодые тетерева, которыхъ можно слышать еще въ іюнѣ и даже въ іюлѣ, однако это представляется уже исключеніемъ. Вообще средняя продолжительность токованія равняется 6—7 недѣлямъ и именно въ это время производится весенняя охота на тетеревовъ.

Токованье тетеревовъ разныхъ видовъ, въ томъ числѣ и нашего косача, представляетъ наиболѣе типичную форму этого явленія, наблюдаемаго также у другихъ полигамическихъ птицъ. Въ сущности токъ есть не что иное какъ состязаніе самцовъ изъ-за обладанія самками, для чего самцы, съ одной стороны, стараются обратить на себя вниманіе самокъ, принимая своеобразныя позы и издавая особенные звуки, съ другой—просто стремятся пріобрѣсти верхъ надъ своими

соперниками въ открытой схваткѣ. Такимъ образомъ издаваемые токующей птицей звуки заслуживаютъ особеннаго вниманія, но ошибочно было бы приписывать этимъ звукамъ только значеніе зова и любовной пѣсни: прежде всего въ нихъ выражается внѣшнимъ образомъ половое возбужденіе птицы и то или другое спеціальное значеніе этихъ звуковъ вырабатывается, такъ сказать, на указанномъ общемъ фонѣ.

Издаваемые токующимъ косачомъ звуки называются у охотниковъ „бормотаньемъ“ и „чуфыканьемъ“ или „чуфысканьемъ“, и разнятся между собою какъ по характеру, такъ и по значенію. Бормотанье, повидимому, служитъ именно общимъ выраженіемъ полового возбужденія, „составляетъ,—по словамъ Л. П. Сабанѣева,—какъ бы основной мотивъ весенней пѣсни“, чуфысканье, напротивъ, является призывнымъ звукомъ. Какъ выше упомянуто, подлетающіе къ токовищу косачи, сидя на деревьяхъ, сначала только бормочутъ, и передать словами это бормотанье нѣтъ никакой возможности. Напоминаетъ оно и очень сильное и рѣзкое голубиное воркованье, и даже, до нѣкоторой степени, отдаленный барабанный бой, но не слыхавши его, о немъ нельзя составить понятія, а услыхавъ хотя разъ, можно узнать безъ всякаго труда. Чуфысканье болѣе или менѣе удачно передается звуками „чуф-фы“ и Л. П. Сабанѣевъ сравниваетъ его съ гусинымъ шипѣніемъ, что однако, по-моему, не совсѣмъ вѣрно. Прилетѣвъ на токъ, тетеревъ сначала издаетъ разъ или два звуки „чуф-фы“, затѣмъ тоже разъ или два какъ бы варіацію этихъ звуковъ въ родѣ „чу-уу-ууфъ“. Потомъ опять идетъ простое чуфысканье, опять чуфысканье въ измѣненномъ видѣ и такъ нѣсколько разъ, послѣ чего уже слѣдуетъ бормотанье. „Чуф“ тетеревъ произноситъ сильно и быстро, „фы“ — тихо и отрывисто; подобнымъ же образомъ въ варіаціи этого звука „чу“ произносится сильно и быстро, а „уууфъ“ тихо и протяжно. Побормотавши, тетеревъ опять чуфыскаетъ и т. д.

Я уже упоминалъ, что оба звука, конечно въ тихую погоду, слышны за 2—3 версты; но чуфысканье слышно на меньшемъ разстояніи, нежели бормотанье, конечно преимущественно благодаря тому, что бормочутъ тетерева цѣлымъ хоромъ. Тѣмъ не менѣе, не зная мѣста тока, можно сильно ошибиться въ опредѣленіи направленія и разстоянія, откуда несутся звуки. Тетеревъ, токуя, не только поворачивается въ разныя стороны, но еще перебѣгаетъ по току и потому звукъ раздается то глуше, то сильнѣе, то съ одной стороны, то съ другой. Важное значеніе имѣетъ также и то, что тетеревъ токуетъ, пригибая шею къ землѣ, такъ что звукъ отчасти отражается, отчасти скрадывается растеніями, кочками и т. п.

Старый токующій косачъ съ красными напухшими бровями, опущенными крыльями и развернутымъ вѣеромъ хвостомъ очень красивъ. Точно такъ же красивъ онъ и тогда, когда слетаетъ на токовище, сзывая чуфысканьемъ своихъ товарищей и въ то же время противниковъ. Но и молодые тетерева присутствуютъ на токахъ, воз-

буждаемые примѣромъ старшихъ, только они держатся на самыхъ окраинахъ токовища и хотя ходятъ подобно старымъ тетеревамъ, но почти совсѣмъ не распускаютъ хвоста вѣеромъ и не скребутъ по землѣ крыльями.

До разсвѣта на току бываютъ только косачи и тѣ токуютъ слабо, съ остановками; но какъ только разсвѣнетъ, на токъ начинаютъ прилетать тетерьки, и ихъ присутствіе быстро измѣняетъ характеръ токованья; косачи начинаютъ токовать съ большимъ азартомъ и вступаютъ въ ожесточенныя драки другъ съ другомъ. Дерутся косачи клювомъ, ногами и ударами крыльевъ, иногда схватываются по нѣскольку вмѣстѣ, и случается, что въ общей свалкѣ какому-нибудь изъ бойцовъ особенно не повезетъ и онъ, сильно истрепанный, едва уплетется съ мѣста побоища. Однако разсказы, что такія побоища оканчиваются даже смертью одного изъ бойцовъ, относятся къ области преувеличеній. Поводомъ къ дракѣ служитъ не одно желанье одолѣть противника, чтобы овладѣть самкой: повидимому, драки часто возникаютъ изъ-за желанія владѣть извѣстнымъ мѣстомъ, которое ревниво охраняется отъ притязаній другихъ токовиковъ. Опытные охотники утверждаютъ, что каждый тетеревъ имѣетъ свое любимое мѣсто какъ на деревѣ, такъ и на землѣ, но право сильнаго часто ведетъ къ потерѣ таковаго, вслѣдствіе столкновенія съ болѣе сильнымъ противникомъ. Съ этой стороны въ исключительномъ положеніи находится только токовикъ, который, какъ самый сильный и смѣлый, можно сказать, владѣетъ всѣмъ токомъ и токуетъ тамъ, гдѣ ему это нравится въ данную минуту.

Пожалуй, все сказанное о тетеревиномъ токѣ породитъ мнѣніе, что токующіе тетерева ничего не видятъ и не слышатъ вокругъ себя; но это было бы совершенно неосновательно. Напротивъ, токующіе тетерева очень осторожны и, по словамъ г. Ушкова, „подойти къ нимъ близко — невозможно, такъ какъ у нихъ всегда есть сторожъ; въ общей массѣ его замѣтить трудно, но если наблюдать внимательнѣе, то можно видѣть, что онъ всегда находится на своемъ посту и чутко сторожитъ своихъ товарищей. Весной 1873 года,—продолжаетъ г. Ушковъ,—я наблюдалъ за токованьемъ тетеревей изъ шалаша, устроеннаго вблизи токовища, и тутъ я замѣтилъ, что во все время токованья, одинъ, а иногда и два косача сидѣли на деревѣ и зорко осматривали окрестность. Когда сторожевой косачъ оставлялъ свою обсерваторію—на его мѣсто вскорѣ являлся другой, а можетъ быть и тотъ же самый, чего я, къ сожалѣнію, прослѣдить не могъ. Въ одно утро замѣтилъ я медленно приближавшагося къ токовищу ястреба-тетеревятника, замѣтилъ его также съ своего дерева и сторожъ-косачъ и, рѣзко чуфыкнувъ, слетѣлъ на токовище, гдѣ моментально водворилась мертвая тишина. Когда съ удаленіемъ ястреба миновала опасность, тетерева затоковали снова“. Однако, извѣстно нѣсколько случаевъ, когда во время драки косачи не только подпускали къ себѣ охотника на близкое разстояніе, но даже позволяли схватить себя

руками; все дѣло въ томъ, что у этихъ косачей, за ихъ малочисленностью, не было сторожа, сами же они черезчуръ увлекались ссорой другъ съ другомъ. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ случаевъ подобнаго рода разсказанъ Е. Прокудинымъ-Горскимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „18 апрѣля 1862 г., утромъ, часа въ четыре, шелъ изъ деревни Коленовой къ моей деревнѣ молодой крестьянинъ. На пути, проходя чрезъ перелѣсокъ, онъ услышалъ вблизи дороги чуфысканье двухъ черньшей, что и побудило его остановиться. Притаясь за кустъ и всмотрѣвшись, онъ увидѣлъ на небольшой полянѣ, между кустовъ, двухъ тетеревовъ, сидѣвшихъ въ оборонительномъ другъ противъ друга положеніи съ вытянутыми раздутыми шеями и широко распущенными косицами. Одинъ изъ нихъ, повидимому, былъ старый токовикъ, а другой прошлогодній. Они готовились на единоборство. Старикъ не трогался съ мѣста и только шипѣлъ, выжидая нападенія молодого соперника; а этотъ задорился, подпрыгивая, и порывался сцѣпиться въ драку. Турниръ, какъ кажется, былъ любовный изъ-за красавицы тетерьки, сидѣвшей на ближней березѣ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ приготовленіяхъ, бойцы распустили крылья и съ яростью кинулись одинъ на другого, и перья полетѣли. Старикъ скоро очутился на молодомъ, вцѣпился ему въ шею и сталъ бить мощными крыльями. Крестьянинъ далъ время птицамъ распалиться какъ можно болѣе и, изловчившись, бросился изъ-за куста на мѣсто побоища, проворно схватилъ ихъ обѣихъ за шеи, и растащилъ. Соперники не испугались внезапнаго сторонняго нападенія и не обращая вниманія на то, что оба попали въ полонъ, все еще усиливались даже въ рукахъ крестьянина снова сцѣпиться; старикъ однакоже скоро спохватился—онъ рванулся, вырвался и быстро исчезъ изъ виду. Молодой же остался въ рукахъ и какъ ни барахтался, но освободиться не могъ. Крестьянинъ въ то же утро принесъ его ко мнѣ въ совершенной цѣлости. Я пустилъ его въ комнатѣ, и онъ не оказывалъ ни малѣйшаго намѣренія улетѣть, нисколько не бился и сидѣлъ въ углу, какъ бы сконфуженный. Если подходила къ нему моя лягавая собака и дѣлала стойку, то онъ распускалъ вѣеромъ хвостъ и, вытянувъ шею, шипѣлъ какъ гусакъ".

На этомъ можно закончить описаніе повадокъ косачей въ ихъ брачный періодъ, но такъ какъ подробное описаніе отдѣльныхъ явленій въ жизни птицы не даетъ общей картины этихъ явленій, то я считаю необходимымъ дать именно такое картинное описаніе тока, тѣмъ болѣе, что оно съ истинно-охотничьей страстью составлено покойнымъ Л. П. Сабанѣевымъ.

„Прежде всѣхъ, едва только на востокѣ забрезжится бѣлая полоса утренней зари,—пишетъ г. Сабанѣевъ,—прилетаетъ токовикъ. При первомъ чуфысканьи его — десятки косачей, ночевавшихъ въ ближнихъ кустахъ, откликаются на призывъ своего старѣйшины и вожака, и вскорѣ съ шумомъ, одинъ за другимъ, слетаются на токъ,—сначала на деревья, если они есть здѣсь, а затѣмъ, въ срединѣ весны,

уже прямо на землю. Распустивъ хвостъ, раздувъ шею, безпрестанно наклоняясь къ землѣ, токовикъ начинаетъ бормотать—сначала тихо, глухо и съ болѣе или менѣе значительными перерывами; но чаще и чаще, громче и громче, все свободнѣе льются весенніе звуки—это уже какое-то яростное клокотаніе, прерываемое дикимъ шипѣніемъ. Токовикъ растоковался: одинъ за другимъ слетаются на призывное бормотаніе его младшіе товарищи. Со всѣхъ сторонъ во мракѣ темной весенней ночи слышенъ шумъ отъ слетающихся косачей. Свистя крыльями, низко надъ землей летятъ они; сдѣлавъ кругъ, садятся на токъ и, въ свою очередь распустивъ крылья и надувшись, принимаются бормотать. Еще нѣсколько минутъ... и всюду забѣгали темныя тѣни, мелькая своими бѣлыми подхвостьями. Все громче и громче бормочетъ, все чаще и чаще припархиваетъ токовикъ, какъ бы привѣтствуя каждаго новаго члена сборища; со всѣхъ сторонъ неистово вторятъ ему соперники, стараясь затмить своего опаснаго противника. Это уже цѣлое море звуковъ, смутно напоминающихъ то отдаленный рокотъ водопада, то гулъ многочисленныхъ барабановъ. Далеко, далеко несутся эти дикіе, но очаровательные звуки—и какой охотникъ, даже не охотникъ равнодушно слышитъ эту первую пѣснь любви оживающей природы!..

„Свѣтаетъ. Давно померкла утренняя звѣзда и заалѣлъ востокъ, отбрасывая лиловыя холодныя тѣни на причудливые выступы облаковъ горизонта. Засинѣли темные силуэты ближнихъ елей и сосенъ, забѣлѣли сѣроватые призраки еще едва распускающихся березъ, рѣзче выдѣляются ихъ очертанія. Лѣсъ пробуждается и вторитъ своимъ запѣваламъ: защелкалъ въ кустахъ недавно прилетѣвшій и нераспѣвшійся соловей, но все могучѣе и свободнѣе слышится пѣснь царя пѣвцовъ; на вершинѣ ели засвисталъ черный дроздъ, запинькали зяблики—цѣлый хоръ пернатыхъ радостно привѣтствуетъ просыпающееся утро. Громче и задорнѣе, какъ бы подстрекаемые соревнованіемъ, шипятъ и бормочутъ косачи; ихъ черныя, какъ крыло ворона, перья рѣзко выдѣляются на желтоватомъ фонѣ прошлогодней, но уже вытертой и вытоптанной ветоши, сквозь которую пробивается яркозеленая молодая травка. Полныя злобы, разъяренныя птицы съ разинутымъ клювомъ, какъ угорѣлыя мечутся во всѣ стороны, сталкиваются, сцѣпляются: всюду слышится трескъ крыльевъ, летятъ перья. Всего же болѣе стараются самые старые, самые яркобровые косачи—токовики, считающіе себя полными хозяевами тока; всюду шмыгаютъ они, сшибаясь съ первымъ встрѣтившимся противникомъ, отгоняя слабыхъ и юныхъ, только недавно прилетѣвшихъ самцовъ на окраины токовища. А въ центрѣ происходитъ настоящая свалка: по три—четыре и болѣе задорныхъ самца щиплютъ, наскакиваютъ одинъ на другого, уже не разбирая своего настоящаго антагониста. Это какой-то движущійся безформенный черный клубокъ, изъ котораго отдѣляется то одинъ, то другой побѣжденный. Опустивъ голову къ землѣ, шатаясь, нерѣдко оставляя кровавый слѣдъ, отбѣгаетъ онъ въ окрест-

ные кусты, или вовсе улетаетъ съ арены; но мѣсто его вскорѣ занимается другимъ бойцомъ. Токъ въ самомъ разгарѣ... еще нѣсколько минутъ—и онъ начинаетъ видимо рѣдѣть: поле битвы остается за токовиками и взрослыми косачами, еще не нашедшими себѣ равносильныхъ соперниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно расширяется: юные косачи, наученные опытомъ, стараются держаться въ сторонѣ отъ сильныхъ и дерутся поодаль, улетая иногда за нѣсколько сотъ шаговъ на побочные тока.

„Неужели однако тетерьки не внимаютъ этимъ страстнымъ звукамъ, не слышатъ шума драки, не обращаютъ никакого вниманія на ожесточенныя битвы своихъ будущихъ, хотя и случайныхъ супруговъ? Нѣтъ!.. Онѣ уже давно сидятъ поодаль на деревьяхъ или въ кустахъ; здѣсь и тамъ — всюду слышится ихъ, сначала тихое и нѣжное, кокотаніе, еще болѣе подзадоривающее токующихъ самцовъ. Вылетѣвъ на разсвѣтѣ съ ночлеговъ, тетерьки сначала лѣниво пощипывали надувшіяся почки березы и сережки осины, охорашивались и перебирали клювомъ перья, вытянувъ шею, прислушивались къ отчетливо доносящемуся бормотанью своихъ черныхъ, краснобровыхъ кавалеровъ—и, наконецъ, сначала робко, затѣмъ смѣлѣе откликаются на ихъ зовъ. Перелетывая съ дерева на дерево, какъ бы притягиваемыя невидимой силой, послушныя голосу природы, все ближе подлетаютъ онѣ къ мѣсту драки.

„Широкимъ заревомъ разгорается утренняя заря. Лучи еще невидимаго солнца отражаются въ бѣлыхъ облакахъ ярко-алыми и розово-фіолетовыми переливами, рѣзко отдѣляющимися отъ темной синевы и сѣроватыхъ тучъ западнаго неба. Скоро царь природы появится въ вѣчной красѣ своей, позолотятся вершины деревьевъ, побѣгутъ длинныя, безконечныя тѣни... Слабый утренній вѣтерокъ слегка зашевелилъ тяжелыя мохнатыя вѣтви елей. Пора! Пестрыя красавицы вылетаютъ на окраины лѣса, полукольцомъ обхватывающаго широкую поляну съ знакомыми рѣдкими кустиками и невысокими березами посрединѣ. Отсюда несутся плѣнившіе ихъ голоса самцовъ — онѣ уже видятъ ихъ и отрывистое кокотанье переходитъ въ страстные, зазывающіе звуки. Тетерьки хрипло вытягиваютъ послѣднюю ноту — „ростятся“, и одна за другой, сначала всегда старыя, ранѣе всѣхъ несущіяся, подлетаютъ къ самому току. Вотъ одна выбѣжала на середину арены: выпрямляя грудь, то изгибая и вытягивая шею и присѣдая, проворно бѣгаетъ она между бойцами, покуда уклоняясь отъ преслѣдованія. Наконецъ, тетерька приближается къ своему избраннику: распустивъ крылья, раздувшись подобно индійскому пѣтуху, бормочетъ счастливецъ и, ежеминутно кланяясь, припархивая и поворачиваясь въ ту или другую сторону, слѣдитъ за всѣми ея движеніями. Но вотъ пестрая красавица кокетливо подбѣгаетъ, какъ бы заигрываетъ съ косачомъ: припадаетъ передъ нимъ, распускаетъ хвостъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и вдругъ, ударивъ его клювомъ по шеѣ, взлетаетъ на воздухъ. Вслѣдъ за нею поднимается самецъ — и оба скры-

ваются въ ближнюю рощу, кустарникъ или осинникъ, гдѣ и проводятъ весь день почти до заката.

„Огненный дискъ солнца медленно выплываетъ изъ-за лѣса. Быстро укорачиваются тѣни, исчезаетъ туманъ, на горизонтѣ зачернѣлъ дальній боръ, и яркіе лучи залили окрестности. Одинъ за другимъ покидаютъ токъ косачи, то убѣгая, то улетая въ ближніе кусты и опушку лѣса, вслѣдъ за временными желанными гостями. Токъ съ каждою минутою пустѣетъ. Молодые самцы, не подзадориваемые болѣе стариками, еще бѣгаютъ нѣкоторое время, но рѣже и рѣже слышится ихъ бормотанье. Далеко не каждому выпадаетъ на долю счастье любви, напрасны ихъ ожиданія, — а голодъ даетъ себя чувствовать: черезъ два, много три часа умолкаетъ послѣдній и летитъ въ чащу лѣса похватать на скорую руку корма, а быть можетъ воспользоваться невѣрностію какой-либо легкомысленной курочки".

Чтобы покончить съ описаніемъ весенняго образа жизни косача, намъ остается сказать уже немногое.

Тетерька начинаетъ отъ времени до времени приближаться къ токовищу также еще до начала тока, но все-таки позднѣе косачей. Сначала она прилетаетъ ненадолго и, посидѣвъ около токовища, послушавъ бормотанье своихъ будущихъ ухаживателей, улетаетъ прочь. Попозже, когда уже начнется настоящій токъ, тетерьки подлетаютъ къ токовищу обыкновенно незадолго до солнечнаго восхода или на самомъ восходѣ и либо садятся сначала на деревья, либо опускаются прямо на землю. За правило можно принять, что тетерекъ на току бываетъ гораздо меньше, чѣмъ косачей: на токахъ среднихъ размѣровъ одновременно 2—3, рѣдко 5; на самыхъ большихъ, какъ говорятъ, до 10. Причина этого заключается въ томъ, что при осеннихъ и зимнихъ охотахъ, особенно на чучела и съ подъѣзда, тетерекъ добывается, пожалуй, больше и уже никакъ не меньше косачей, такъ что число ихъ къ веснѣ сокращается весьма значительно.

Прилетѣвъ къ токовищу, тетерька тихо клохчетъ изрѣдка, оставаясь на своемъ мѣстѣ, затѣмъ выбѣгаетъ на окраину токовища, продолжая клохтать, но уже громче и чаще, и тѣмъ самымъ обращаетъ на себя вниманіе косачей. О томъ, гдѣ тетерьки понимаются съ косачами, мнѣнія расходятся: одни утверждаютъ, что тутъ же на току, другіе—что, напротивъ, всегда вдали отъ тока, куда тетерька улетаетъ въ сопровожденіи выбраннаго ею самца. По всей вѣроятности, вѣрно и то, и другое, все зависитъ отъ полового возбужденія птицы, общаго хода тока и т. д. Какъ бы то ни было, оплодотвореніе тетерьки происходитъ всегда утромъ, и если она еще не начала класть яицъ, въ такомъ случаѣ остается съ своимъ временнымъ сожителемъ часовъ до 4—5 вечера, забравшись въ кусты, иногда довольно далеко отъ токовища, гдѣ птицы кормятся. Вечеромъ косачи направляются къ току сравнительно рано, курочки же позднѣе и неправильно, т.-е. не каждодневно. Чтобы онѣ по вечерамъ понимались съ косачами—сомнительно; если же это и бываетъ, то только до начала кладки яицъ.

Разъ первое яйцо снесено, тетерька утромъ не остается надолго съ косачемъ, а улетаетъ съ тока къ гнѣзду, гдѣ и проводитъ все время до слѣдующаго токованія.

Вообще говоря, тетерьки даже въ разгаръ тока ведутъ гораздо болѣе однообразную жизнь, нежели косачи, проводя помногу часовъ въ чащѣ, гдѣ кормятся или отдыхаютъ, а потомъ и насиживаютъ яйца, тогда какъ у косачей большая часть времени идетъ на токованіе и лишь немногіе часы на отдыхъ и кормежку. Этимъ и объясняется, что въ то время какъ косачи страшно изнуряются и истрепываются, тетерьки, можно сказать, остаются какъ ни въ чемъ не бывало.

Слѣдовательно, косачи кормятся днемъ, по преимуществу въ полуденные часы. Кормъ ихъ, какъ и тетерекъ, въ это время года состоитъ изъ молодой травки, березовыхъ и осиновыхъ почекъ, молодыхъ сосновыхъ и еловыхъ шишечекъ, но, повидимому, никогда не употребляется самая хвоя. Въ серединѣ апрѣля тетерева еще охотно взлетаютъ на деревья, ради любимыхъ березовыхъ и осиновыхъ сережекъ, но позднѣе кормятся исключительно на землѣ, посѣщая даже прилегающія къ лѣсу озимыя поля.

Передъ закатомъ солнца косачи, оставленные самками, отдохнувшіе и относительно сытые, оставляютъ лѣсъ и одинъ за другимъ летятъ къ токовищу. Тамъ, гдѣ ихъ много и гдѣ имъ приходится перелетѣть черезъ сравнительно большое открытое пространство, этотъ правильный вечерній летъ тетеревовъ невольно обращаетъ на себя вниманіе и хорошо извѣстенъ мѣстнымъ жителямъ. Какъ выше упомянуто, косачи, прилетѣвъ къ токовищу, токуютъ либо на деревьяхъ, либо на землѣ до заката солнца, а затѣмъ перебираются на опушку лѣса, въ близлежащіе кусты, даже въ некошеное болото, поросшее мелкимъ кустарникомъ, и тамъ ночуютъ.

Молодые косачи во всемъ слѣдуютъ примѣру старыхъ, подобно имъ токуютъ, подобно имъ же перелетаютъ для отдыха съ тока въ лѣсъ и обратно, хотя, играя совершенно второстепенную роль въ токѣ, они и не имѣютъ въ этомъ нужды, такъ какъ даже приблизительно не истрепываются въ такой степени, какъ старые самцы. Само собою разумѣется, что понимаься съ самками имъ приходится сравнительно рѣдко въ этомъ имъ мѣшаютъ въ разгаръ тока старые самцы. Но позднѣе, когда токъ подходитъ къ концу, старые косачи удалятся въ крѣпи, а тетерьки, почему-либо потерявшія яйца, снова выбѣгаютъ на токовище, и молодые косачи получаютъ свою долю участія въ произведеніи потомства.

Самочка несетъ яйцо всегда еще до восхода солнца, послѣ чего летитъ на токъ. Вмѣстѣ съ кладкой послѣдняго яйца эти посѣщенія тока прекращаются и тетерька садится на яйца, чтобы ихъ высиживать. Въ средней полосѣ Россіи, при нормальномъ ходѣ весны, это приходится на половину мая и съ этимъ же временемъ совпадаетъ окончаніе наиболѣе горячаго періода токованія.

Теперь перейдемъ къ описанію многочисленныхъ способовъ весенней охоты за тетеревами, при чемъ невольно придется сдѣлать кой-какія дополненія и въ описаніи образа жизни этихъ птицъ.

II.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА.

Охота съ подхода и на манку.—Охота на току.—Съ подъѣзда на лодкѣ.—Случайные способы охоты.—Промысловое добываніе тетеревовъ весною.

Какъ только зима начнетъ подходить къ концу, и снѣгъ образуетъ хорошій настъ, открывается и охота на тетеревовъ, невозможная въ разгаръ зимы изъ-за массы рыхлаго снѣга, недопускающаго охотиться съ подъѣзда. Въ мартѣ тетерьки отбиваются отъ косачей и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ вести одиночную жизнь, косачи начинаютъ вылетать изъ крѣпей на опушку, гдѣ, разсѣвшись по деревьямъ, прислушиваются къ глухому и еще отрывистому бормотанью бывшаго вожака стаи и вмѣстѣ съ тѣмъ будущаго токовика, но настъ, благодаря утренникамъ, держитъ отлично и, слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ *охотѣ съ подхода*. Охота эта и утомительна, и недобычлива, если не обладать исключительнымъ терпѣніемъ и выносливостью промышленника; поэтому она не должна быть и вредной, но такъ какъ ее производятъ именно промышленники, то на самомъ дѣлѣ она является одной изъ самыхъ губительныхъ охотъ. Промышленникъ станетъ подходить всегда къ той птицѣ, которую легче добыть, а такъ какъ тетерьки вообще смирнѣе косачей, то на охотѣ съ подхода онѣ и становятся по преимуществу его жертвой, хотя онъ отлично знаетъ, что черезъ 2 мѣсяца каждая изъ нихъ должна принести около десятка цыплятъ. Еще губительнѣе становится эта охота позднѣе, когда уже косачи слетаютъ токовать на землю, а тетерьки приближаются къ токовищу: тутъ уже почти никогда не удается подойти къ косачамъ и между тѣмъ вовсе не трудно добыть тетерьку. Стало быть, охота съ подхода допустима только въ переходный между зимою и весною періодъ и притомъ подъ условіемъ преслѣдованія только косачей, такъ какъ гибель нѣсколькихъ самцовъ при полигаміи птицъ нисколько не отразится на положеніи тетеревятъ. Слѣдовательно, это все равно, что совсѣмъ запретить ее, какъ и вообще всякую весеннюю охоту; но конечно на промышленника это запрещеніе не подѣйствуетъ, и высокая цѣна на свѣжеубитую птицу заставитъ его даже съ рискомъ производить охоту съ подхода.

Сущность этой охоты состоитъ въ слѣдующемъ. Завидѣвъ одного или нѣсколькихъ косачей, сидящихъ на березахъ, охотникъ долженъ подойти къ нимъ незамѣченнымъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Отсюда во-первыхъ, надо начинать охоту, когда уже становится достаточно свѣтло, чтобы можно было разобрать тетеревовъ; во-вторыхъ, надо умѣть подкрадываться незамѣтно и безшумно, и въ-

третьихъ, необходимо имѣть далеко и сильно бьющее ружье. Что касается перваго условія, то, чтобы утро не пропадало, можно начинать подходъ еще до настоящаго свѣта, если знать мѣсто, куда утромъ вылетаютъ тетерева; или, позднѣе, подходить на голосъ бормочущихъ тетеревовъ и даже просто подходить къ току, когда косачи приближаются къ нему. Второе же условіе—умѣнье незамѣтно подходить къ птицѣ—дается лишь продолжительнымъ навыкомъ. Какъ извѣстно, къ стаѣ или вообще къ нѣсколькимъ птицамъ подойти труднѣе, нежели къ одной. Точно такъ же, къ близко сидящимъ другъ отъ друга труднѣе подойти, чѣмъ къ рѣдко сидящимъ. Поэтому, чѣмъ меньше птицъ и чѣмъ рѣже онѣ сидятъ, тѣмъ скорѣе можно надѣяться на удачный подходъ. Затѣмъ, надо помнить, что на открытомъ мѣстѣ нечего и думать подходить къ тетеревамъ; нужны деревья или, еще лучше, молоденькія деревца, высокій кустарникъ, и здѣсь ни на одну минуту не надо выходить на открытое мѣсто, а всегда оставаться подъ прикрытіемъ того или другого деревца. Наконецъ, надо не шумѣть и не наступать на сухія вѣтки, чтобы ихъ трескъ не обратилъ вниманія тетеревовъ на то мѣсто, откуда послышался. Если же это случилось, надо остановиться и ждать, пока птицы совсѣмъ не успокоятся. Но такое обстоятельство является уже очень неблагопріятнымъ для удачной охоты.

Изъ сказанного само собою понятно, какъ дорого на такой охотѣ далеко и сильно бьющее ружье. Надо считать, что съ подхода большею частію приходится стрѣлять на 80—90 шаговъ, а не на 50—60, какъ при болотной охотѣ. Поэтому, Л. П. Сабанѣевъ совѣтуетъ употреблять для такой охоты далеко и кучно бьющія одностволки, я же къ этому прибавлю, что для хорошихъ стрѣлковъ изъ винтовки лучше всего пользоваться послѣдней. Дробь надо употреблять во всякомъ случаѣ крупную, № 4—5. По разъ стрѣляной стаѣ, если возможно, лучше не пытаться стрѣлять второй разъ, такъ какъ, будучи напуганы, тетерева перемѣщаются и уже съ трудомъ вторично подпускаютъ къ себѣ охотника, становясь еще болѣе осторожными. Вотъ тутъ-то и приходится иногда исколесить много верстъ и придти съ очень небольшой добычей. Вообще же, взять въ одно утро 2—3 тетеревовъ надо считать хорошей охотой, хотя промышленники добываютъ и больше.

Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ весны, охота съ подхода не прекращается, а только измѣняетъ свой характеръ: во многихъ мѣстахъ тетерева или вслѣдствіе мѣстныхъ причинъ, или вслѣдствіе усиленнаго преслѣдованія, разстроившаго тока, токуютъ поодиночкѣ и за такими-то одиночками практикуется въ свою очередь охота съ подхода. Время для такой охоты преимущественно апрѣль, отчасти май; чтобы охота была успѣшнѣе, охотникъ пускаетъ въ дѣло еще *манку*, т.-е. скрадывая косача, въ то же время и подманиваетъ его, смотря по обстоятельствамъ, то голосомъ косача, то голосомъ тетерьки. Вотъ какъ описываетъ эту охоту г. Гладковъ:

„Рано утромъ отправляется охотникъ въ лѣсъ и выслушиваетъ: гдѣ бормочетъ тетеревъ? Распознавши направленіе, въ которомъ послѣдній находится, охотникъ идетъ къ нему медленно и старается подкрасться изъ-за лѣсу или кустовъ къ той полянкѣ, гдѣ бѣгаетъ токующій косачъ. Рѣдко и по особенному счастію удается этотъ подходъ; гораздо чаще приходится охотнику пустить въ дѣло подманку. Онъ выбираетъ мѣсто, гдѣ бы ему самому удобно было скрыться и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы видѣть бѣгущаго тетерева. Этимъ мѣстомъ обыкновенно бываетъ лѣсная дорожка или небольшая прогалина. Затѣмъ охотникъ забивается въ можжевеловый или ракитный кустъ и ждетъ, пока тетеревъ перестанетъ бормотать. Тогда подражаетъ онъ ртомъ звуку, который издаетъ тетеревъ въ промежуткахъ бормотанія, звуку, похожему на громкое шипѣніе и звукоподражательно называемому у охотниковъ чуфиканьемъ. Два или три раза поворяетъ онъ этотъ звукъ и потомъ примолкаетъ. Косачъ, привыкшій къ одиночному токованью и, вѣроятно, полагая, что въ его владѣнія залетѣлъ другой тетеревъ, и можетъ быть съ тетерькой, спѣшитъ развѣдать о новомъ своемъ товарищѣ и, пожалуй, соперникѣ. Если охотникъ мастерски умѣетъ чуфикать, а тетеревъ еще не бывалъ въ подобной продѣлкѣ, то исторія оканчивается очень скоро. Косачъ чуфикаетъ еще разъ, не оставляя своего мѣста, на что охотникъ опять ему отвѣчаетъ. Это повторяется два или три раза, и тетеревъ, видя, что сосѣдъ его не двигается, принимается бѣжать по тому направленію, гдѣ онъ слышалъ чуфиканье; иной сгоряча идетъ на манку даже летомъ. Подбѣжавъ или подлетѣвъ на недальнее разстояніе отъ охотника, но никогда на открытое мѣсто, косачъ вытягивается и чуфикаетъ, какъ бы давая знать о своемъ прибытіи. Если птица близка, то охотникъ молчитъ; тетеревъ снова чуфикаетъ и потомъ начинаетъ бѣгать, отыскивая своего соперника. Въ это-то время онъ и выходитъ на дорожку или прогалину, гдѣ иногда и принимается бормотать. Но здѣсь выстрѣлъ полагаетъ предѣлъ всей этой исторіи.

„Впрочемъ такой скорый и удачный исходъ имѣетъ манка чернышей только у опытныхъ и искусныхъ охотниковъ и притомъ, какъ я уже сказалъ, тогда, когда тетеревъ не былъ еще стрѣлянъ подобнымъ образомъ, или не разглядѣлъ самъ обмана. Если же охотникъ ошибется хоть одинъ разъ въ своемъ чуфиканьи или тетеревъ хитеръ, то случается, что послѣ часового перекликанія охотнику приходится уйти ни съ чѣмъ, потративъ напрасно золотое время. Случается также, что успѣху дѣла мѣшаетъ прилетѣвшая къ косачу тетерька: занявшись своею подругою, чернышъ не идетъ болѣе на манку.

„Само собою разумѣется, что охотнику, неопытному въ манкѣ и избраніи для нея мѣста, нечего и ходить на эту охоту: мастеръ же своего дѣла убиваетъ иногда въ одно утро до 4-хъ чернышей. При этомъ должно замѣтить, что часа черезъ два и много черезъ три по восходѣ солнца охота эта прекращается“.

Послѣ этого описанія двухъ близко родственныхъ способовъ

охоты, перейдемъ къ наиболѣе извѣстной весенней охотѣ на тетеревовъ—*охотѣ на току* изъ шалаша. У городскихъ охотниковъ эта охота часто считается очень легкой и даже не стоющей названія охоты, до того она будто бы легка и добычлива. Но это одно изъ многихъ заблужденій городскихъ охотниковъ и, чтобы убѣдиться въ этомъ, имъ стоитъ только прочесть внимательно ея описаніе.

Само собою разумѣется, что для успѣшности охоты на току надо имѣть токъ многочисленный и непуганный, но и при этомъ условіи главный залогъ успѣха охоты лежитъ во вниманіи и спокойствіи охотника. Охотиться на току отнюдь не слѣдуетъ рано, т.-е. вскорѣ по открытіи брачнаго періода въ жизни птицы: надо дать растоковаться тетеревамъ, когда на ходъ тока уже не вліяетъ дурная погода, и молодые косачи посѣщаютъ его такъ же охотно, какъ старые. Стало быть, въ средней Россіи охоту на току можно начинать съ конца первой трети апрѣля, не ранѣе, а лучшимъ временемъ для этой охоты здѣсь же считается конецъ апрѣля и первая треть мая. Когда тетерева токуютъ на землѣ и не напуганы, въ одно утро можетъ довестись выстрѣлить до 10 разъ, конечно, если токуютъ нѣсколько десятковъ тетеревовъ, какъ это еще часто бываетъ у насъ вдали отъ населенныхъ центровъ. При этомъ надо помнить, что стрѣльба на току возможна только пока не разсвѣтетъ окончательно, слѣдовательно въ маѣ она кончается гораздо раньше, чѣмъ въ половинѣ апрѣля.

Собираясь охотиться на току, надо прежде всего ознакомиться съ токовищемъ. Самое удобное то, которое не голо, но и не слишкомъ заросло деревьями. Если токовище покрыто кой-гдѣ кустиками и тамъ и сямъ отдѣльными березками или елочками, оно представляетъ наибольшее удобство для охоты, такъ какъ на слишкомъ открытомъ токовищѣ выстраиваемый для охоты шалашъ долго пугаетъ птицъ, и надо пропустить много времени, прежде чѣмъ начать охоту, пока тетерева привыкнутъ къ шалашу, а на слишкомъ заросшемъ—темно и кусты съ деревьями мѣшаютъ стрѣлять. Конечно, отчасти съ этими неудобствами можно справиться: при открытомъ токовищѣ шалашъ можно устроить заблаговременно и можно поставить присады, т.-е. деревца, на которыя садились бы прилетающіе тетерева; при токовищѣ очень заросшемъ, напротивъ, можно подчистить его, т.-е. срубить лишніе деревца и кустарники. Но все это значительно осложняетъ охоту и требуетъ большой опытности. Такимъ образомъ при охотѣ на полевыхъ или луговыхъ токахъ лучше всего устраивать шалашъ еще въ мартѣ, за двѣ и даже болѣе недѣль до начала охоты; при охотѣ на лѣсныхъ токахъ достаточно сдѣлать его за нѣсколько дней.

Если токовище представляетъ естественныя удобства, тогда охотнику остается только воспользоваться ими. Такъ, для шалаша ему надо выбрать одно или два рядомъ растущія деревца, придерживаясь западной стороны токовища, да и самый шалашъ въ такомъ случаѣ устроить гораздо легче. Почему шалашъ долженъ находится на западной сторонѣ токовища—понять не трудно: описываемая охота, какъ

упомянуто, производится въ полутьмѣ, слѣдовательно съ западной стороны стрѣлять удобнѣе, такъ какъ можно стрѣлять на свѣтъ или на зорю. Конечно, если тетерева садятся на деревья, они рѣзко выдѣляются на блѣдномъ небѣ и тогда стрѣльба легка, но это бываетъ рѣдко и лишь ранней весною; позднѣе приходится стрѣлять исключительно на землѣ, а эта стрѣльба очень трудная.

То же обстоятельство, что охота производится до полнаго разсвѣта, опредѣляетъ собою и характеръ шалаша: нѣтъ никакой надобности устраивать его тщательно, тѣмъ болѣе въ верхней части; напротивъ, чѣмъ шалашъ рѣже, тѣмъ лучше, такъ какъ тѣмъ свѣтлѣе въ немъ. Нижнюю часть надо забирать болѣе густо, потому что токующіе тетерева могутъ, подбѣжавши къ шалашу, открыть въ немъ присутствіе охотника и тогда охотѣ конецъ; верхняя же можетъ быть очень рѣдкой. При постройкѣ шалаша, конечно, надо брать такой матеріалъ, который подъ руками, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не увеличивать опасеній косачей. Напр., если на току нѣтъ елочекъ, шалашъ отнюдь не надо дѣлать изъ елокъ, такъ какъ пышныя вѣтви въ кучѣ только будутъ пугать птицу. Самое устройство шалаша должно, естественно, измѣняться въ зависимости отъ разныхъ условій, но имѣя деревцо, а тѣмъ болѣе два, рядомъ растущія, шалашъ устроить не хитро. Прежде всего, размѣръ шалаша долженъ быть возможно малъ: вышина шалаша не должна превышать роста охотника, а то можетъ быть и меньше, если вырубить яму для сидѣнья или для ногъ, ширина—такова, чтобы можно было стрѣлять. Очень удобный шалашъ устраивается такъ: берутъ 6—8 березокъ съ обрубленными и заостренными вершинными концами, послѣдними втыкаютъ ихъ въ ямки, сдѣланныя въ землѣ, основанія связываютъ, низъ забираютъ сучьями, и шалашъ готовъ. На сѣверѣ, гдѣ тетерева токуютъ на полянахъ большихъ елово-лиственныхъ лѣсовъ, шалашъ устраиваютъ изъ однѣхъ елокъ. Въ Вятской губ., при токованіи тетеревовъ на лугу, для устройства шалаша пользуются такъ называемыми „остожьями", т.-е. загородками изъ жердей, куда лѣтомъ ставятъ стога сѣна въ защиту его отъ скота, который обыкновенно пасется здѣсь безъ всякаго призора. Стоитъ только выбрать остожье поближе къ току, и, разобравъ его съ одной стороны, поставить жерди скатомъ въ видѣ крыши, положивъ ихъ однимъ концомъ на жерди той стороны, которая обращена къ току, навалить на эту крышу сѣна или что попадется и шалашъ готовъ. Привыкнувъ еще ранѣе къ остожьямъ, тетерева его не пугаются и даже не обращаютъ на него никакого вниманія.

Что касается ямы въ шалашѣ, то при ней удобнѣе сидѣть, да и шалашъ можно сдѣлать меньше; но многіе охотники предпочитаютъ лежать или полулежать на землѣ, нежели вырубать топоромъ въ мерзлой землѣ довольно глубокую яму. Въ этомъ отношеніи приходится сказать, что о вкусахъ не спорятъ, но несомнѣнно то, что при ямѣ не такъ утомляешься и, слѣдовательно, можно вѣрнѣе цѣлить.

Наконецъ, напомнимъ, что при охотѣ на току надо одѣваться

теплѣе; всего лучше въ полушубокъ или въ поддевку на мѣху, и брать съ собою пледъ или дорожное одѣяло, чтобы не нажить при сидѣніи и лежаніи на еще не оттаявшей землѣ ревматизма. Ночи холодны не только въ апрѣлѣ, но даже въ маѣ, а что касается сырости, то въ маѣ ночи часто даже еще сырѣе, чѣмъ въ апрѣлѣ. Во всякомъ случаѣ быть излишне тепло одѣтымъ на этой охотѣ невозможно, такъ какъ приходится цѣлые часы оставаться безъ движенія.

Устроивъ шалашъ и давъ ему выстояться, можно приступать и къ самой охотѣ. Для этого прежде всего надо тщательно ознакомиться съ токовищемъ или, лучше сказать, съ тѣмъ, какимъ оно является изъ шалаша: стрѣляя при слабомъ свѣтѣ, очень легко можно принять за тетерева пень, кустъ и т. п., не имѣющее къ тетереву никакого отношенія, и потому надо запомнить, гдѣ что есть на токовищѣ, чтобы не дѣлать глупѣйшихъ выстрѣловъ. Затѣмъ, надо вѣрно узнать, есть ли вечерній токъ, и въ зависимости отъ этого поставить время своего прихода на токовище. Лучше всего приходить съ вечера; если есть вечерній токъ, то довольно много времени спустя послѣ него, и подходить къ токовищу съ крайней осторожностью, чтобы по возможности не пугать тетеревовъ, которые держутся тутъ же въ кустахъ. Кому не улыбается проводить всю ночь въ лѣсу, хотя весенняя ночь такъ коротка, можно приходить къ шалашу позднѣе ночью, но во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, за полчаса и даже за часъ до прилета токовика. Идти къ шалашу позднѣе значитъ навѣрное распугать тетеревовъ и въ лучшемъ случаѣ отсрочить начало тока на полчаса, въ худшемъ даже и совсѣмъ помѣшать току на это утро. При такой неосторожности тетерева часто вовсе не вылетаютъ на токъ, за исключеніемъ токовика, и можетъ даже статься, что это отзовется на всемъ послѣдующемъ ходѣ тока. Если же охотникъ пришелъ и забрался въ шалашъ заблаговременно, ему остается только примоститься поудобнѣе, разложить патроны и ждать тетеревовъ. Ружья, заряжающіяся съ казенной части, не представляютъ никакого неудобства при стрѣльбѣ изъ шалаша; если же приходится стрѣлять изъ простого ружья, то необходимо заряды приготовить заранѣе, какъ въ виду скорости заряженія, такъ и въ виду того, чтобы заряды были правильные. Первымъ, едва черкнетъ зорька, слетаетъ на токовище старый токовикъ и, не тратя понапрасну времени, начинаетъ задорно чуфыкать и бормотать, вызывая соперниковъ. Обыкновенно его совсѣмъ нельзя разсмотрѣть въ это время; если же это удастся, то отнюдь не слѣдуетъ стрѣлять въ него: гибель вожака разстраиваетъ токъ, развѣ найдется другой старый и опытный тетеревъ, который замѣнитъ его. Поэтому вожака надо щадить, а такъ какъ онъ обыкновенно вертится на серединѣ тока, то лучше всего стрѣлять въ такихъ тетеревовъ, которые держатся ближе къ краю токовища: въ такомъ случаѣ попадаются молодые, убыль которыхъ проходитъ незамѣтно для тока. Первое время, за темнотою, надо воздерживаться отъ выстрѣловъ, чтобы понапрасну не пугать птицъ. Токующаго тетерева убить не такъ легко, какъ думаютъ: во-

1-хъ, отъ растопыренныхъ перьевъ онъ кажется больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, во-2-хъ, дробь легко скользитъ по оттопыреннымъ упругимъ перьямъ. Если же стрѣлять, не видя хорошо цѣли, само собою разумѣется, убить птицу можно только случайно. Дробь надо брать покрупнѣе, № 5, чтобы по возможности не было подранковъ, но и при соблюденіи всѣхъ этихъ условій раненыхъ птицъ, которыя пропадаютъ для охотника, бываетъ много. Отчасти это происходитъ еще оттого, что охотникъ до окончанія охоты никакъ не долженъ показываться изъ шалаша: тетерева боятся не столько выстрѣла и смерти своихъ товарищей, сколько вида охотника. Непуганные даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія на первые выстрѣлы и лишь только повтореніе ихъ, да еще если много остается подранковъ, заставляетъ ихъ настораживаться и временно переставать токовать. Даже и стрѣляные косачи, улетѣвъ послѣ выстрѣла съ токовища, если еще не развѣло, почти сейчась же возвращаются на него обратно и принимаются токовать какъ ни въ чемъ ни бывало. Если птицы стали отъ выстрѣловъ осторожнѣе и медлятъ возвратиться на токовище, дѣло можно поправить, подманивъ тетеревовъ, подражая чуфыканью или голосу тетерьки. Но какъ только тетерева замѣтятъ охотника, токованіе прекращается. Пользоваться собакой для подбиранія раненыхъ птицъ также почти невозможно: токующіе тетерева боятся собаки, а найти такую вѣжливую собаку, которая просидѣла бы безпрекословно все время охоты въ шалашѣ, почти невозможно. Поэтому, надо вдвойнѣ стараться сохранить хладнокровіе и бить, по возможности, навѣрняка, для чего первое средство—стрѣлять когда уже можно различить птицъ и опредѣлить разстояніе.

Если охота изъ шалаша начинается ранней весной, когда косачи не прямо слетаютъ на токовище, а сначала садятся на деревья, въ такомъ случаѣ на голыхъ токовищахъ можно ставить присады, т.-е. фальшивыя деревья, на которыя садились бы косачи. Достаточно поставить 3—5 такихъ присадъ, конечно въ зависимости отъ величины токовища. Присады должны быть не очень высоки, снизу обчищены аршина на три и непремѣнно поставлены вертикально: на кривую присаду тетеревъ ни за что не сядетъ. Поэтому, часто приходится подпирать присаду съ трехъ сторонъ. Что же касается искусственныхъ чучелъ, которыя нѣкоторые охотники совѣтуютъ ставить въ это время для подманки тетеревовъ, то это недоразумѣніе: весною такія чучела не только не помогаютъ, а скорѣе вредятъ, такъ какъ тетерева, повидимому, смущаются ихъ неподвижностью и лишь болѣе настораживаются. Другое дѣло осенью, но объ этомъ рѣчь впереди.

Остается сказать о томъ, насколько вредна охота на току, т.-е. насколько велики шансы убить при этой охотѣ тетерьку. Въ этомъ случаѣ не должно преувеличивать вредъ, приносимый охотой: какъ выше сказано, тетерьки сравнительно поздно подлетаютъ къ току, а тѣмъ болѣе выбѣгаютъ на самый токъ. Даже при хладнокровной стрѣльбѣ токъ, навѣрно, разстроится прежде, чѣмъ настанетъ это

время и, слѣдовательно, нормально тетерьки не попадаются подъ выстрѣлъ. Конечно, случайно та или другая курочка можетъ быть застрѣлена на току, но шансы для такой случайности совершенно ничтожны. Слѣдовательно, противъ охоты на току нѣтъ никакихъ серьезныхъ возраженій, кромѣ большого числа подранковъ, пропадающихъ для охотника и дѣлающихся добычей лисицъ и другихъ хищниковъ. На хорошемъ току иногда удается выстрѣлить въ теченіе утра разъ десять, но большинство выстрѣловъ у большинства охотниковъ—промахи, до того трудно стрѣлять въ нервно передвигающуюся птицу въ полумракѣ весенняго разсвѣта. Если удастся добыть 3—4 косачей въ утро—это очень хорошо. Само собою разумѣется, что сначала охота должна быть добычливѣе, чѣмъ позднѣе. Стрѣлять на одномъ и томъ же токовищѣ два утра подъ рядъ отнюдь не должно: надо съ самаго начала стрѣлять черезъ день, лучше черезъ два, а потомъ пропускать ихъ все болѣе и болѣе. Въ мѣстностяхъ, гдѣ тетеревовъ много, и токовища расположены не особенно далеко одно отъ другого, охотятся поочередно то на одномъ, то на другомъ, чтобы не распугать тетеревовъ, но такихъ обѣтованныхъ мѣстъ даже въ нашемъ отечествѣ скоро останется немного, да и тѣ въ такой глуши, куда не проникнетъ настоящій охотникъ. Около населенныхъ центровъ большихъ токовищъ поблизости совсѣмъ нѣтъ и не столько вслѣдствіе истребленія косачей, сколько вслѣдствіе ихъ распугиванія неумѣлыми охотниками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыкновенная весенняя охота на току замѣняется оригинальной *охотой съ подъѣзда въ лодкѣ.* Такая охота производится въ обширной низменной площади между Мологой и Шексной въ Ярославской губ., по разливамъ рѣкъ Вятской губ. и, вѣроятно, также въ другихъ мѣстахъ, о чемъ, однако, въ литературѣ свѣдѣній не имѣется. Въ описаніи весенняго образа жизни тетерева уже было указано, что обширные разливы рѣкъ въ названныхъ мѣстностяхъ сгоняютъ дичь и въ томъ числѣ тетеревовъ на незалитыя гривы, гдѣ первоначально и открываются тетеревиные тока; потомъ, когда вода заливаетъ даже эти гривы, тетерева совершенно перебираются на деревья, гдѣ токуютъ, кормятся и отдыхаютъ, примѣняясь волей-неволей къ своеобразнымъ условіямъ жизни. Вотъ на этомъ-то измѣненіи въ образѣ жизни тетеревовъ и основана охота съ подъѣзда въ лодкѣ. Она всегда производится на небольшихъ легкихъ челнокахъ, которые въ Ярославской губ. наз. „подъѣздками", въ Вятской—„ботниками". Въ сущности это хорошо извѣстная душегубка, вертлявая и не безопасная для ѣзды, особенно при вѣтрѣ или сильномъ теченіи, но зато имѣющая то неоспоримое преимущество, что на ней можно проѣхать почти вездѣ. Такая лодченка дѣлается обыкновенно изъ цѣльнаго осиноваго, липоваго или вязоваго ствола, который выдалбливается и затѣмъ плоско разводится надъ огнемъ, очень легка и въ то же самое время можетъ поднять отъ 3 до 5 человѣкъ. Обыкновенно на охоту за тетеревами ѣздятъ вдвоемъ: одинъ

стрѣляетъ, другой гребетъ (однимъ весломъ), но конечно про запасъ надо имѣть и второе ружье. Переночевавъ на какой-нибудь уцѣлѣвшей гривѣ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ держутся токующіе тетерева, охотники, чуть начнетъ свѣтать, ѣдутъ сюда или прямо на голосъ бормочущихъ тетеревовъ. Обыкновенно стая разсаживается по высокимъ, еще голымъ березамъ и осинамъ, чаще по одной птицѣ на каждомъ деревѣ, рѣдко по 2—3. Молодые, не токующіе тетерева и тетерьки садятся ближе къ вершинамъ деревьевъ, токовики, напротивъ, на самыхъ низкихъ сучьяхъ, почти надъ водой. Подъѣзжать надо, конечно, придерживаясь окраины лѣса, но и при этомъ молодые тетерева обыкновенно довольно рано замѣчаютъ лодку, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ признаки безпокойства: начинаютъ переминаться, ходить по сучьямъ, вытягиваться, присѣдать и т. д., что обыкновенно указываетъ на ихъ приготовленіе взлетѣть. Въ такомъ случаѣ медлить нечего и надо стрѣлять ближайшаго, иначе все стадо снимется, и хотя перелетитъ недалеко, но уже не подпуститъ такъ близко, какъ въ первый разъ. Если птица не напугана, стая сидитъ широко, и погода пасмурная, подъѣздъ удается хорошо и въ утро изъ 2—3 стаи можно добыть съ полдюжины тетеревовъ. Само собою разумѣется, что стрѣлять надо всегда нижняго и стараться бить наповалъ, въ такомъ случаѣ тетерева меньше пугаются и легче подпускаютъ во второй разъ. Дальнобойное и крѣпко бьющее ружье также увеличиваетъ количество добычи. Но главный недостатокъ слабаго ружья тотъ, что лишь подбитая птица, падая, забивается обыкновенно въ такую чащу, откуда ее не добудешь. Вообще охота съ лодки, имѣя свои преимущества, имѣетъ и большія неудобства: во-1-хъ, легко застрять въ густыхъ кустахъ, во-2-хъ, — очень трудно бороться съ быстрымъ теченіемъ, которое въ узкихъ протокахъ достигаетъ необычайной силы. Если убитую птицу достать по тому или другому трудно, лучше совсѣмъ бросить ее, нежели тратить время на тщетныя попытки: въ такомъ случаѣ одну пропавшую можно вознаградить подъѣздомъ къ другой стаѣ; если же время пропущено, охоту приходится прекращать совсѣмъ.

Чтобы покончить съ описаніемъ разныхъ способовъ весенней охоты за тетеревами, упомянемъ *охоту съ подъѣзда.* Не отличаясь существенно отъ осенняго подъѣзда, о которомъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ, она сравнительно мало практикуется и носитъ скорѣе случайный характеръ. Главною помѣхою при такой охотѣ раннею весною служитъ обиліе снѣга, и потому ее приходится начинать въ такое время, когда снѣгъ уже сходитъ или почти сошелъ. Но въ средней Россіи тетерева къ этому времени слетаютъ прямо на токъ, не садясь на деревья, а между тѣмъ охота съ подъѣзда возможна именно по тетеревамъ, которые сидятъ на деревьяхъ. Подъѣзжать надо по снѣгу въ розвальняхъ, позднѣе — въ простой телѣгѣ, на одной лошади; тройка совсѣмъ непригодна при такомъ подъѣздѣ, такъ какъ на тройкѣ труднѣе проѣхать, чѣмъ на одной

лошади, и скорѣе можно напугать тетеревовъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ годы съ малоснѣжной зимой охота съ подъѣзда вполнѣ возможна и даже добычлива, такъ какъ по неглубокому снѣгу въ раннюю весну очень удобно подъѣзжать къ тетеревамъ, когда они вылетаютъ на деревья.

Затѣмъ, по словамъ г. Іозофовича, въ Бѣлоруссіи существуетъ видоизмѣненный способъ охоты на тетеревовъ на току, — охота изъ подвижного шалаша или съ подходной будкой. Это – тотъ же шалашъ, только меньше и аккуратнѣе сдѣланный и не прикрѣпленный къ землѣ, почему его можно свободно переносить съ мѣста на мѣсто. Для устройства такого шалаша его продольныя дуги скрѣпляются поперечными обручами, а образовавшіяся окошечки закрываются мелкими еловыми вѣтвями. Высота шалаша вершка на 2 — 3 ниже роста охотника; ширина внизу аршина 2—2½. Вѣсъ аккуратно сдѣланнаго шалаша около пуда, неуклюжаго — пуда два. „Находящійся внутри шалаша охотникъ легко переноситъ его куда угодно, для чего надѣваетъ на плечо ремень, прикрѣпленный къ противоположнымъ ребрамъ дугъ или къ обручамъ, поддерживаетъ для равновѣсія шалашъ руками (куполъ шалаша можетъ слегка упирать на темя головы), а ружье просовываетъ въ боковыя противоположныя окошечки. Каждый деревенскій охотникъ смастеритъ такой шалашъ въ 2 — 3 часа. Конечно, подвижной шалашъ во всякое время можетъ играть роль неподвижного. Но главное его назначеніе — подойти въ немъ къ тетереву. Для этого охотникъ долженъ двигаться очень медленно, стушевывая движенія, не колебля шалаша, чтобы послѣдній казался неподвижнымъ. Если тетеревъ не напуганъ, то подпускаетъ шалашъ шаговъ на 40—30, даже тогда, когда идешь къ нему прямо въ лобъ. Къ тетереву же сторожкому надо подходить, когда онъ не смотритъ на шалашъ: токуетъ, кормится, *сзади (отличіе отъ подъѣзда)*... Охота нѣсколько тяжеловата...“ Съ своей стороны, я долженъ сознаться, что въ этой охотѣ для меня есть много непонятнаго. Начать съ того, что тетеревовъ даже при обыкновенной охотѣ на току надо пріучать къ шалашу, котораго они сначала боятся; поэтому, какое преимущество можетъ имѣть передвижной шалашъ, необходимо пугающій птицу? Во-вторыхъ, двигаться по токовищу, имѣя на себѣ такой багажъ, дѣло хитрое, а если прибавить ружье, то и тѣмъ болѣе. Поэтому, я не вижу въ этомъ способѣ охоты ничего удачнаго и развѣ только какія-нибудь исключительно мѣстныя условія заставляютъ прибѣгать къ нему. Но къ сожалѣнію г. Іозофовичъ ничего не говоритъ о нихъ.

Теперь переходимъ къ промысловому добыванію тетеревовъ въ теченіи весенняго періода.

Такъ какъ всѣ промысловые способы добыванія птицъ основаны на изученіи ихъ постоянныхъ привычекъ и повадокъ, то понятно, что промышленники особенно пользуются въ своихъ цѣляхъ тетеревинымъ токомъ. Вообще говоря, весенняя промысловая охота гораздо

менѣе разнообразна, нежели осенняя и зимняя, и сводится лишь къ разной системѣ *петель* или *сильевъ*. Чаще всего берется бечевка, съ навязанными на нее сильями изъ конскаго волоса, которая и укладывается на токовищѣ между кустами. Иногда сильевъ бываетъ такъ много, что тетереву положительно невозможно избѣжать ихъ при его движеніяхъ; но промышленнику этого мало и чтобы еще больше обезпечить себѣ поимку птицы, онъ заваливаетъ промежутки между кустами и деревцами хворостомъ, срубаетъ вершины нѣкоторыхъ кустовъ, втыкаетъ фальшивые кусты и т. д. Благодаря этому тетеревамъ приходится на току двигаться по очень узкимъ проходамъ съ сильями и, конечно, вѣроятность поимки птицы значительно увеличивается отъ всѣхъ этихъ приспособленій.

Въ Архангельской губ. ловля тетеревовъ на току имѣетъ еще болѣе предательскій характеръ. Опредѣливъ центръ тока, промышленникъ начинаетъ здѣсь дѣлать *заськи* или *сѣчи*, т.-е. срубаетъ небольшія деревья и укладываетъ ихъ по токовищу рядами въ видѣ изгороди, ломанной линіей въ разныхъ направленіяхъ. Вся площадь тока также обносится засѣкой, чтобы тетерева не разбредались по лѣсу. Высота засѣки для тетеревовъ около 7—8 вершковъ. Деревья для засѣки подрубаются и укладываются рядами, зигзагообразно, такъ что получается какъ бы плетень; въ разныхъ частяхъ засѣки оставляются воротца или проходы до 7 — 8 вершковъ высоты и такой же ширины, и въ этихъ-то воротцахъ закрѣпляются особеннымъ способомъ петли. Число воротъ, а стало быть и петель на токовищѣ отъ 70 до 100; разстояніе между ними отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ. Петли дѣлаются изъ волосъ, и на каждую идетъ $\frac{3}{4}$ аршина. Насторожка петель производится такъ: по бокамъ воротецъ вколачиваются тычки въ 7—8 вершковъ вышины, верхніе концы которыхъ слабо соединяются двойной веревкой (съ волосомъ), такъ называемымъ плутивомъ; одинъ конецъ петли привязывается къ тычку, затѣмъ вся петля расправляется въ видѣ круга такъ, чтобы занять всѣ воротца, при чемъ верхняя часть петли закладывается въ плутиво и его слабо натянутыми веревками удерживается на вѣсу (если плутиво натянуто туго, петля къ нему можетъ примерзнуть и птица не будетъ защелкнута).

Чтобы не пугать тетеревовъ, которые уже начали посѣщать токъ, промышленникъ дѣлаетъ засѣку не сразу, а частями, — тогда тетерева легко привыкаютъ къ ней. Все токовище обносится засѣкой также постепенно. Приблизительно, устройство засѣки и насторожка петель беретъ недѣлю. Бѣгая и гоняясь другъ за другомъ по токовищу, тетерева натыкаются на засѣку, бѣгутъ вдоль нея, пока не достигнутъ воротецъ, бросаются въ нихъ и здѣсь попадаются въ петлю ногой или головой. Замѣчательно, что попадающіеся въ петли тетерева, начиная биться, нисколько не пугаютъ своихъ собратьевъ; даже напротивъ, послѣдніе иногда съ азартомъ набрасываются на нихъ и принимаются бить. При томъ условіи, что тетеревиные тока въ глухихъ мѣстахъ очень многочисленны, такъ что на нихъ слетаются до

150 тетеревовъ, охота съ засѣками очень добычлива и ежедневно даетъ отъ 5 до 15 штукъ. Но у промышленника обыкновенно не одно токовище, а нѣсколько, хотя иногда на разныхъ птицъ (тетеревовъ, глухарей и др.), и подчасъ онъ долженъ сдѣлать въ день на лыжахъ до 40 верстъ, чтобы осмотрѣть всѣ свои снасти. Само собою разумѣется, что часто этого не дѣлается и потому значительная часть дичи пропадаетъ для промышленника понапрасну, попадая на зубы росомахѣ и другимъ хищникамъ.

Въ Олонецкой губ. обыкновенные силья замѣняются *поножами*. Этимъ именемъ зовется доска аршина въ 2 длины, на которую прибиваютъ въ 2 ряда 12 петель изъ конскаго волоса, на разстояніи четверти одна отъ другой. Такія доски разставляются въ разныхъ мѣстахъ токовища, засыпаются землей, мохомъ, пыжевникомъ и т. д., тогда какъ петли расправляются надъ этой покрышкой, и тѣмъ дѣло оканчивается. Иногда же петли вплетены въ веревку, которую обвиваютъ вокругъ дерева, тогда какъ на вершинѣ послѣдняго укрѣпляется чучело тетерьки. Видя это чучело и принимая его за самку, которая не хочетъ слетать на токъ, тетерева взлетаютъ сами къ ней на дерево и здѣсь попадаются въ петли.

Наконецъ, въ Смоленской, Ярославской и другихъ губерніяхъ тетеревовъ ловятъ *подпружками*, которые были описаны въ статьѣ о рябчикахъ, въ Вятской — заячьими тенетами, а въ Саратовской на нихъ даже разставляли капканы. Впрочемъ, послѣдній способъ добыванія несомнѣнно чисто случайнаго происхожденія. Что же касается ловли заячьими тенетами, то, по словамъ г. Бѣлова, это очень губительный способъ ловли, и въ удачное утро промышленникъ можетъ переловить почти что цѣликомъ порядочный токъ.

Этимъ мы закончимъ главу, посвященную весеннему періоду въ жизни тетерева, и перейдемъ къ лѣтнему образу жизни птицы и къ лѣтней охотѣ за нею.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЛѢТО.

I.

Гнѣздованіе.—Выводъ птенцовъ.—Жизнь выводковъ.—Образъ жизни тетерекъ и косачей. — Линька. — Начало образованія стай.

Въ половинѣ апрѣля въ подмосковныхъ губерніяхъ тетерьки начинаютъ приготовляться къ гнѣздовитію. Прежде всего за это принимаются старыя здоровыя самки, стало быть, въ сущности очень немногочисленныя, такъ какъ благодаря энергичному преслѣдованію лишь немногимъ тетерькамъ удается здѣсь дожить до зрѣлаго возраста. Большинство же самокъ, т.-е. всѣ болѣе молодыя, приступаетъ къ гнѣздовитію позднѣе—въ концѣ апрѣля и даже началѣ мая, когда

молодая травка успѣетъ достаточно подрасти на мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и на деревьяхъ появится молодая листва. Такимъ образомъ, надо принять, что въ среднихъ губерніяхъ большинство тетерекъ садится на яйца въ десятыхъ числахъ мая; въ южной полосѣ—въ началѣ мая, въ сѣверной—въ концѣ мая или даже въ первыхъ числахъ іюня. Въ Уфимской и Самарской губерніяхъ выводъ и ростъ молодыхъ тетеревовъ происходитъ недѣли на двѣ позднѣе, чѣмъ въ лѣсной полосѣ на правомъ берегу Волги, что объясняется тѣмъ, что въ степяхъ восточной Россіи весенніе ночные морозы бываютъ чаще и позднѣе, чѣмъ въ лѣсной области болѣе западныхъ губерній.

Чѣмъ моложе тетерька, тѣмъ позднѣе она несется и тѣмъ меньше кладетъ яицъ. Если къ этому прибавить, что яйца первыхъ кладокъ часто гибнутъ отъ дождей и ночныхъ морозовъ и что тетерька, потерявшая первыя яйца, обыкновенно несетъ вторыя, это вполнѣ объяснитъ, почему тетеревиныя яйца можно находить даже до половины іюня.

Мѣсто гнѣздовья обыкновенно находится недалеко отъ токовища, и лишь въ томъ случаѣ, когда преслѣдованіе заставляетъ тетеревовъ токовать на большомъ разстояніи отъ лѣса, наблюдается противное. Но необходимымъ условіемъ для гнѣздованія тетерекъ является присутствіе ягодниковъ, гдѣ выводки кормятся спустя 3—4 недѣли по выводѣ птенцовъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что тетерева ѣдятъ далеко не безразлично всѣ ягоды, такъ что иногда даже въ ягодныхъ мѣстахъ тетеревиныхъ выводковъ нѣтъ; но зато можно опредѣленно сказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ ягодниковъ, нѣтъ и тетеревиныхъ выводковъ. На сѣверѣ и въ сѣверной полосѣ средней Россіи тетерьки гнѣздятся около земляничниковъ и костяничниковъ, въ южной полосѣ средней Россіи около земляничниковъ и клубничниковъ, въ степи по клубничникамъ и вишенникамъ. Такъ какъ въ средней Россіи земляника и костяника растутъ преимущественно по березовымъ лѣсамъ, то здѣсь же, конечно, и гнѣздятся тетерева, избѣгая при этомъ глухихъ высокоствольныхъ лѣсовъ, гдѣ низкая трава не можетъ дать тетеревамъ надлежащаго убѣжища.

Однако, не должно думать, что тетерьки гнѣздятся только по березовымъ лѣсамъ. Мѣсячные тетеревята уже настолько крѣпки и бойки, что безъ труда могутъ совершать передвиженіе на нѣсколько сотъ саженъ, и потому тетерева гнѣздятся и въ осинникахъ, и въ липнякахъ, гдѣ названныхъ ягодъ нѣтъ или ихъ очень мало, лишь бы только поблизости были хорошіе ягодники. Слѣдовательно, обширныя площади вырубленнаго лѣса, гари и т. п. совершенно обезпечиваютъ кормъ тетерькамъ съ ихъ потомствомъ и даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность быть менѣе разборчивыми въ выборѣ мѣста для гнѣздовья.

Гнѣздясь по лѣснымъ опушкамъ и въ рѣдкомъ мелколѣсьѣ, тетерева получаютъ и еще выгоду: обыкновенно поблизости такихъ мѣстъ расположены покосы и пашни, и если для перваго періода въ жизни выводковъ это не имѣетъ значенія, зато къ концу лѣта обѣ-

щаетъ хорошій кормъ. Есть примѣта, что тетерька всегда гнѣздится на непаханой землѣ и это не только вѣрно, но даже легко объяснимо: на распаханной землѣ и негдѣ скрыться тетеревятамъ и мало корма. Поэтому же тетерька въ распаханной степи гнѣздится не на межахъ, а въ вишенникахъ, представляющихъ какъ надежное убѣжище, такъ и достаточный запасъ корма.

Еще надо имѣть въ виду, что тетерька болѣе многихъ другихъ птицъ нуждается въ сухомъ мѣстѣ для гнѣзда: сырость губительна для ея яицъ, предохранить же ихъ отъ нея она рѣшительно ничѣмъ не можетъ. Съ этой стороны весенніе холода вовсе уже не такъ опасны, какъ продолжительные дожди: отъ холодовъ тетерька можетъ защитить яйца сидя на нихъ или даже только закрывъ ихъ травою; если же почва сыра или идетъ продолжительный дождь, въ концѣ-концовъ тетерька не можетъ спасти яицъ отъ подмачиванія.

Обыкновенно гнѣздо располагается подъ кустомъ или деревцомъ,— березкой, липой, можжевельникомъ, даже елью, глядя по широтѣ мѣста, и лишь очень рѣдко бываетъ ничѣмъ не прикрыто сверху. Само гнѣздо представляетъ небольшую ямку въ землѣ, иногда углубленную самой птицей при помощи ногъ и слегка выстланную сухой травой, небольшимъ количествомъ моха и перьевъ. Кладка происходитъ раннимъ утромъ, послѣ чего тетерька отправляется на токъ. По дорогѣ она кормится молодой травкой, распускающимися почками и т. д., затѣмъ, какъ описано въ предыдущей главѣ, сходится на току съ косачемъ, проводитъ съ нимъ время до вечера, а вечеромъ возвращается къ гнѣзду. Есть указанія, что тетерьки отъ времени до времени посѣщаютъ вечерніе тока, но для меня неясно при какихъ обстоятельствахъ это бываетъ. Старыя тетерьки, слетая съ гнѣзда, да еще рано утромъ, когда если и нѣтъ мороза, то все-таки холодно, закрываютъ яйца сухой травой, которую снимаютъ возвращаясь къ гнѣзду. На токъ тетерька летаетъ ежедневно въ продолженіе недѣли—двухъ, пока не снесетъ полнаго количества яицъ. Послѣ этого посѣщенія тока прекращаются и тетерька садится насиживать, сходя съ гнѣзда на короткое время съ тѣмъ, чтобы покормиться.

Количество яицъ, откладываемыхъ тетерькой, варьируетъ въ очень большихъ предѣлахъ, въ зависимости отъ возраста птицы. Обыкновенно первая кладка состоитъ изъ 4—8 яицъ, но нерѣдко можно найти въ кладкѣ 10 яицъ, а иногда число ихъ доходитъ до 12 (Лоренцъ), 14 (Ушковъ) и даже 16 (Эверсманнъ и Сабанѣевъ). Первое количество до 8 яицъ несутъ самки молодыя, 10 и болѣе—совершенно зрѣлыя,— какъ Сабанѣевъ думаетъ, приблизительно пятилѣтнія. Если яйца первой кладки почему-либо погибли и птица несется вторично, больше 5 яицъ никогда не бываетъ, обыкновенно отъ 2 до 4.

Однако ошибочно было бы объяснять разное количество яицъ въ кладкахъ только разнымъ возрастомъ тетерекъ. Повидимому, на это оказываетъ вліяніе и общій ходъ весны, обусловливающій болѣе или менѣе правильный ходъ тока и, слѣдовательно, посѣщенія токовъ сам-

ками, и даже характеръ зимы. Если зима была обильная снѣгомъ и скудная кормомъ, то, по справедливому замѣчанію М. Н. Богданова, какова бы ни была весна, будь она хоть очень ранняя и дружная, нельзя ожидать, чтобы тетерьки начали нестись рано и отложили много яицъ: имъ надо сначала поправиться отъ зимней безкормицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма возможно, что именно это объясняетъ то, на первый взглядъ, повидимому, странное обстоятельство, что въ степи тетерева несутся очень часто позднѣе, чѣмъ въ лѣсной области, и откладываютъ яицъ меньше: въ степи зимою корму меньше, тетерьки сильнѣе изнуряются отъ его недостатка и могутъ начать нестись не прежде, чѣмъ поправятъ свои силы сочными молодыми листьями быстро развивающейся весенней растительности. Число же яицъ непремѣнно уменьшится въ результатѣ зимней голодовки.

Тетеревиныя яйца довольно велики, имѣя въ длину отъ 2,1 до 1,9 д. и въ поперечникѣ отъ 1,45 до 1,38 д. Основной цвѣтъ ихъ охристо-бѣловатый и по этому фону разбросаны большія и малыя бурыя пестрины. Насиживаніе продолжается три недѣли, но съ нѣкоторыми колебаніями въ разныхъ широтахъ: такъ, въ средней Россіи тетерька сидитъ на яйцахъ отъ 19 до 22 дней (считая съ того дня, какъ отложено послѣднее яйцо), на сѣверѣ 23 и даже до 25 дней. Благодаря тому обстоятельству, что молодыя самки начинаютъ класть позднѣе старыхъ, время вывода тетеревятъ тѣми и другими уравнивается, особенно при дружной, теплой веснѣ. Если же весенніе холода и особенно дожди губятъ яйца, въ такомъ случаѣ старыя тетерьки несутся вторично, и тетеревята выводятся недружно, представляя огромную разницу въ величинѣ. Вторая кладка бываетъ и въ томъ случаѣ, когда гибнутъ уже сильно насиженныя яйца; но если матка потеряетъ тетеревятъ, которые въ пуху очень чувствительны къ холоду и сырости, то въ тотъ годъ она вторично уже не несется.

Выше уже было сказано, что снесши полное количество яицъ, тетерька принимается высиживать, сходя съ гнѣзда на короткое время, чтобы покормиться. Обыкновенно она дѣлаетъ это въ полдень, отлучаясь на тѣмъ болѣе продолжительное время, чѣмъ жарче. Вообще же, въ первомъ періодѣ насиживанія тетерька оставляетъ яйца на болѣе продолжительное время и сидитъ на гнѣздѣ не такъ крѣпко, какъ позднѣе, когда она сидитъ до того крѣпко, что позволяетъ взять себя съ гнѣзда руками. Несмотря на это, тетерекъ въ періодъ насиживанія гибнетъ не особенно много: пестрины птицы такъ хорошо скрываютъ ее, что даже опытный глазъ не различитъ сидячую на землѣ птицу даже на близкомъ разстояніи, а хищные звѣри могутъ найти ее чутьемъ только по вѣтру. Поэтому, вдали отъ человѣческаго жилья, тетерька довольно благополучно выводитъ дѣтей, хотя извѣстный процентъ насѣдокъ, конечно, попадаетъ на зубы лисъ, хорьковъ и т. п. Но вблизи человѣческихъ поселеній, особенно деревень, обстоятельства измѣняются: кошки, собаки и ребятишки, бродящіе по лѣсу, безпокоятъ насѣдокъ, спугиваютъ ихъ съ гнѣздъ, разоряютъ послѣднія и вообще

всѣми способами вредятъ насѣдкамъ, значительно содѣйствуя уменьшенію количества тетеревовъ въ извѣстной мѣстности.

Что касается срока вывода тетеревятъ, то для разныхъ мѣстъ можно привести слѣдующія данныя: въ подмосковныхъ губерніяхъ тетеревята выводятся, начиная съ половины мая въ благопріятные годы и съ конца этого мѣсяца при поздней веснѣ. Въ Поволжьѣ время вывода наступаетъ позднѣе и въ концѣ мая здѣсь можно найти еще только ранніе выводки. Вообще въ средней Россіи большинство тетеревятъ выводится въ началѣ іюня, запоздалые же выводки встрѣчаются въ концѣ іюня и, въ видѣ исключенія, даже въ началѣ іюля. На сѣверѣ время вывода, конечно, значительно запаздываетъ противъ средней Россіи. Вообще, не будетъ ошибки, если принять, что первыхъ тетеревятъ можно встрѣтить приблизительно черезъ мѣсяцъ отъ самаго разгара тока.

Къ этому времени тетерьки, отъ недостаточнаго питанія, становятся чрезвычайно худы и еще болѣе худѣютъ за іюнь, пока выхаживаютъ дѣтей. Первые 3—4 недѣли въ жизни тетеревятъ являются безъ сомнѣнія самыми тяжелыми для матки, такъ какъ тетеревята глупы и безпомощны и мать должна оберегать ихъ рѣшительно отъ всего, хотя птенчики хорошо бѣгаютъ уже на второй день по выходѣ изъ яйца. Количество тетеревятъ въ выводкѣ, конечно, соотвѣтствуетъ количеству яицъ кладки, но только до извѣстной степени, такъ какъ въ большинствѣ кладокъ одно-другое яйцо обыкновенно не развивается. Въ средней Россіи число тетеревятъ въ выводкѣ чаще всего 7—8, изрѣдка—10, въ видѣ исключенія 12—14. Однако, при счетѣ тетеревятъ надо всегда обращать вниманіе на ихъ возрастъ, такъ какъ у тетеревовъ, какъ и у многихъ другихъ птицъ, вовсе не рѣдкость, что два выводка, при гибели одной матки или если одинъ случайно отобьется отъ своей, соединяются подъ охраной одной старой.

Первые дни своей жизни тетеревята растутъ очень медленно, но спустя недѣлю начинаютъ расти очень быстро. Сначала они покрыты сѣро-желтымъ пухомъ, на 3-й—4-й день у нихъ пробиваются сначала маховыя, потомъ рулевыя перья, и недѣльные тетеревята уже могутъ припархивать и подлетывать, хотя дѣлаютъ это только въ томъ случаѣ, когда бываютъ испуганы. Черезъ двѣ недѣли птенчики уже могутъ пролетѣть довольно значительное разстояніе, а мѣсячные летаютъ настолько хорошо, что даже не отстаютъ отъ матки. Приблизительно около этого же времени или недѣлей позднѣе тетеревята сплошь одѣваются рыхлыми, непрочными птенцовыми перышками.

Весь первый мѣсяцъ тетеревята очень слабы и кормятся сначала исключительно, а потомъ преимущественно животнымъ кормомъ, насѣкомыми, гусеницами, муравьиными яйцами. Первый растительный кормъ состоитъ изъ сочныхъ молодыхъ листьевъ, верхушекъ различныхъ растеній, цвѣточныхъ почекъ. Въ это время матка держится съ выводкомъ въ густой травѣ и кустахъ, въ частыхъ березнякахъ и даже соснякахъ около пашенъ, покосовъ и болотъ и на день нерѣдко

уводитъ дѣтей въ ближайшіе хлѣба, гдѣ они гораздо безопаснѣе отъ преслѣдованія хищниковъ. Въ половинѣ іюня начинаетъ поспѣвать земляника, въ концѣ этого мѣсяца клубника и тогда выводки начинаютъ выходить по утрамъ и вечерамъ на кормежку въ ягодники.

По мѣрѣ того, какъ тетеревята растутъ и оперяются, ихъ обыкновенные враги становятся все менѣе и менѣе опасными для нихъ. Особенно важно для нихъ окрѣпнуть настолько, чтобы взлетать на деревья. По словамъ г. Ушкова, тетеревята взлетаютъ на деревья уже на седьмыя сутки; но если это и такъ, все-таки подолгу оставаться на деревьяхъ, а тѣмъ болѣе ночевать на нихъ они начинаютъ не ранѣе какъ достигнувъ $1\frac{1}{2}$ мѣсячнаго возраста. До тѣхъ поръ тетеревята ночуютъ на землѣ и тутъ масса ихъ гибнетъ какъ отъ четвероногихъ, такъ и крылатыхъ хищниковъ. Лисицы, волки, хорьки, горностаи, собаки, ястреба, совы, сороки, вороны и пр. истребляютъ тетеревятъ во множествѣ, особенно лисицы. Однако, тетеркѣ удается иногда надуть хитраго звѣря и, притворившись больною, отвлечь его за собой. Только бѣда, если тетерька сверхъ мѣры увлечется стараніемъ обмануть лисицу: неловкое замедленное движеніе и она сама попадается на зубы лисицѣ, а съ ея смертью гибнетъ и весь выводокъ. Часто бываетъ, что продолжительный дождь забиваетъ цѣлую семью тетеревятъ; но особенно губительны, конечно, лѣсные и степные пожары, сплошь истребляющіе тетеревиное населеніе данной мѣстности, благодаря осѣдлости этихъ птицъ въ лѣтнюю пору.

Итакъ, съ конца іюня тетеревята переходятъ постепенно на растительный, преимущественно ягодный кормъ. Въ началѣ второй трети іюля въ подмосковныхъ губерніяхъ начинается ихъ линька и вмѣстѣ съ ней является первое отличіе въ опереніи самчиковъ и самочекъ. Именно, пробивающіяся на крыльяхъ самчиковъ покровныя перья темнобурыя, почти черныя, на нижней спинѣ—синестальныя, по бокамъ груди—черныя. Тетеревята начинаютъ „мѣшаться", какъ говорятъ, охотники. Но и по складу, и по развитію бровей самцы уже легко отличаются теперь отъ самокъ, которыхъ превосходятъ своей величиной и большею шириною бровей. Вмѣстѣ съ линькой тетеревята продолжаютъ расти очень быстро и въ августѣ лишь немного уступаютъ по росту старымъ тетеркамъ. Къ концу августа тетеревенокъ уже почти весь покрытъ перьями второго наряда и только голова и часть шеи еще покрыты гнѣздовыми перьями, но окончательно первый взрослый нарядъ надѣвается лишь въ сентябрѣ. М. Н. Богдановъ говоритъ, что въ Симбирской и Казанской губ. ему случалось встрѣчать почти перелинявшихъ тетеревовъ, но еще безъ косицъ, уже въ концѣ іюля; самыхъ раннихъ съ косицами на хвостѣ онъ находилъ тамъ же только съ 5 августа, самыхъ позднихъ, выращивавшихъ косицы, еще 14 сентября. Въ центральной Россіи весь процессъ линьки оканчивается въ общемъ позднѣе.

Теперь, прежде чѣмъ покончить съ описаніемъ лѣтняго образа жизни тетеревовъ, скажемъ еще о линькѣ тетерекъ. Въ этомъ случаѣ

надо рѣзко различать линьку холостыхъ тетерекъ и матокъ. Первыя начинаютъ линять на мѣсяцъ раньше послѣднихъ, одновременно съ старыми косачами, т.-е. съ половины іюня. Эти курочки и держатся иногда вмѣстѣ съ косачами, и ведутъ сходный съ ними образъ жизни. Начиная линять съ половины іюня, онѣ оканчиваютъ линьку къ концу іюля. Порядокъ линьки тотъ же, что у тетеревятъ, т.-е. начинается линька съ брюха, оканчивается головой.

Напротивъ, тетерьки, имѣющія дѣтей, начинаютъ линять вмѣстѣ съ послѣдними, т.-е. около половины іюля. За нѣсколько дней до этого у нихъ появляются на брюхѣ, оголившемся при сидѣніи на яйцахъ, пеньки; затѣмъ линянье распространяется на грудь и надхвостье и заканчивается на головѣ, какъ у молодыхъ. Послѣдними смѣняются маховыя и рулевыя перья, въ августѣ или, въ крайнемъ случаѣ, началѣ сентября.

Суточная жизнь тетеревиныхъ выводковъ очень проста. Раннимъ утромъ, даже съ зори, если нѣтъ сильной росы, выводитъ матка тетеревятъ на кормежку въ лѣсные покосы, на сѣчи, гари и т. п. мѣста, гдѣ остается съ ними до 8—9 часовъ утра. Затѣмъ весь выводокъ уходитъ отдыхать на лѣсную опушку, въ кустарныя заросли и въ малолѣсныхъ мѣстахъ даже въ хлѣба, однимъ словомъ туда, гдѣ можно спрятаться и спокойно отдохнуть. Въ это время тетеревята любятъ купаться въ землѣ, чтобы освободиться отъ наружныхъ паразитовъ, а позднѣе, часа въ 4—5, семья опять отправляется кормиться туда же, гдѣ была утромъ. Къ закату тетерька возвращается въ защищенное мѣсто на ночевку, гдѣ первые 1—1½ мѣсяца вся семья ночуетъ на землѣ. При этомъ, пока птенцы еще очень малы, недѣлю—полторы, матка прячетъ ихъ подъ крылья. Такъ, однообразно, день за днемъ проходитъ весь іюнь и настаетъ начало іюля. Тетеревята уже подросли, легко могутъ слѣдовать за маткой и вмѣстѣ съ тѣмъ весь выводокъ начинаетъ кочевать на большей площади, чтобы потомъ перебраться окончательно въ ягодники, иногда за нѣсколько сотъ саженей отъ первоначальныхъ мѣстъ кормежки. Начинающіеся въ концѣ іюня и въ началѣ іюля покосы въ свою очередь заставляютъ выводки чаще перемѣнять мѣста своихъ кормежекъ, а такъ какъ тетеревята, ставши уже съ голубя, гораздо меньше нуждаются въ защитѣ матери, то весь выводокъ на кормежкѣ разсыпается и много шире, чѣмъ въ болѣе раннее время.

Мѣста, гдѣ растетъ ягодный кормъ, значительно обусловливаютъ лѣтнія передвиженія тетеревиныхъ выводковъ. Раньше всего поспѣваетъ земляника, потомъ клубника,—все ягоды растущія на полянахъ, и потому понятно, что здѣсь же держатся и тетерьки съ дѣтьми. Когда позднѣе начнетъ поспѣвать костяника, выводки уходятъ за нею въ лѣсъ, въ степи перебираются въ вишенники. Вообще, въ степи клубника и вишня составляютъ исключительный лѣтній кормъ тетеревовъ; въ полосѣ островныхъ лѣсовъ клубника остается, а вишня замѣняется земляникой и костяникой; въ сѣверной лѣсной полосѣ тетерева кор-

мятся брусникой, черникой, голубикой, поляникой, морошкой и др. Такъ какъ эти ягоды растутъ въ лѣсу, то и выводки вынуждены держаться въ лѣсу, но здѣсь они все-таки бродятъ на извѣстной площади, иногда даже довольно большихъ размѣровъ. Въ средней Россіи къ костяникѣ примѣшивается черная смородина, ежевика и другія ягоды, въ поискахъ за которыми тетеревята также постоянно перемѣняютъ мѣсто. Однако, это все-таки не мѣшаетъ намъ сказать, что приблизительно въ половинѣ іюля тетеревята становятся совершенно лѣсными птицами, хотя, конечно, первое время держатся чаще въ мелколѣсьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ линяющая тетерька обнаруживаетъ уже очень мало привязанности къ дѣтямъ: не клокчетъ, не отводитъ отъ нихъ, а будучи вспугнута, молча улетаетъ, иногда очень далеко. Впрочемъ, тетеревята въ это время уже сами взлетаютъ на деревья при видѣ опасности, хотя здѣсь и не умѣютъ еще прятаться.

Въ концѣ іюля ягоды начинаютъ пропадать, но за то въ это время мало-по-малу поспѣваютъ яровые хлѣба, между которыми горохъ и наливающіяся зерна гречи, а позднѣе, въ болѣе южной полосѣ, и просо особенно привлекаютъ тетеревовъ. Въ теченіе первой половины августа выводки совершаютъ правильные переходы въ яровые хлѣба по утрамъ и вечерамъ, чтобы въ полдень и на ночь отсюда обратно перебраться на лѣсную опушку. Во второй половинѣ августа молодые косачи замѣтно отбиваются отъ матки, ведя все болѣе и болѣе самостоятельную жизнь, хотя и держатся поблизости другъ отъ друга; что же касается молодыхъ тетерекъ, то онѣ продолжаютъ держаться съ маткой. Въ концѣ августа или началѣ сентября у молодыхъ косачей вырастаютъ косицы и вмѣстѣ съ тѣмъ они окончательно отбиваются отъ семьи, часто забираясь даже въ глубину лѣса, на брусничники. Въ это время, по словамъ г. Лоренца, молодые косачи часто бормочутъ, стоя въ позѣ токующаго тетерева, однако, это бормотанье не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ токованьемъ. Но вотъ ударили первые морозы и молодые косачи, по два, по три вылетаютъ изъ глубины лѣса на его опушку, откуда по утрамъ и вечерамъ слетаютъ на жнивья, подбирая здѣсь осыпавшіяся зерна. Молодыя тетерьки и перелинявшія старки въ свою очередь дѣлаютъ то же, и эти вылеты на опушку, вмѣстѣ съ первыми посѣщеніями жнивьевъ, заканчиваютъ собою лѣтній періодъ въ жизни тетеревиныхъ выводковъ.

Теперь намъ надо остановиться на старыхъ косачахъ, которые совершенно не участвуютъ въ семейной жизни и которыхъ мы потому оставили въ сторонѣ, чтобы дать цѣльную картину жизни выводковъ.

По мѣрѣ того какъ тетерьки садятся на яйца и перестаютъ посѣщать тока, косачи также прекращаютъ токованіе и улетаютъ въ крѣпи, гдѣ и перелиниваютъ. Для этого имъ вовсе нѣтъ надобности удаляться на большое разстояніе отъ тока. Все дѣло въ томъ, чтобы мѣсто было глухое, и птица не боялась быть потревоженною. Поэтому, если такой укромный уголокъ находится близъ токовища, косачъ пе-

ребирается въ него, если же около токовища не находится ничего подходящаго, птица улетаетъ даже на большое разстояніе отсюда. Л. П. Сабанѣевъ говоритъ, что въ башкирскихъ степяхъ косачи для линьки улетаютъ верстъ на пять отъ ихъ весенняго мѣстопребыванія, въ такъ наз. кардашники, т.-е. почти непроходимый лѣсъ, растущій по болотистымъ и кочковатымъ берегамъ озеръ и рѣкъ. Въ Пермской губ., по словамъ г. Ушкова, косачи для линьки выбираютъ мѣста на окраинахъ болотъ, съ березовымъ мшарникомъ, и въ густомъ мелкомъ березнякѣ. Послѣднее относится также и къ среднимъ губерніямъ. Въ южныхъ степяхъ косачи во время линьки волей-неволей держатся какъ въ мелкомъ кустарникѣ, такъ и въ вишенникѣ. На сѣверѣ, въ лѣсной области, многіе косачи часто избираютъ мѣстомъ своего пребыванія густой ельникъ. Вообще несомнѣнно лишь то, что въ описываемое время косачи очень нуждаются въ близости воды.

Такъ какъ старые косачи первые начинаютъ токовать, они первыми же и улетаютъ съ тока. Слѣдовательно линька у нихъ наступаетъ раньше, чѣмъ у молодыхъ, которые вообще во всемъ запаздываютъ. Ф. К. Лоренцъ еще въ 1894 году сдѣлалъ интересное сообщеніе, справедливость котораго я могъ многократно провѣрить, что у кончившихъ токовать косачей очень быстро облѣзаетъ голова и горло, гдѣ временно выростаютъ отчасти болѣе блѣдныя, отчасти пестрыя перья, которыя при общей линькѣ въ августѣ замѣняются нормальными для стараго тетерева перьями.

Такимъ образомъ происходитъ частная линька, съ чего собственно и начинается этотъ крайне болѣзненный и тяжелый для птицы періодъ. Съ тока косачъ улетаетъ въ совершенно истрепанномъ опереніи, и при томъ весьма истощеннымъ; но на обильномъ лѣтнемъ кормѣ онъ быстро поправляется.

Линька начинается слѣдовательно въ разныхъ числахъ іюня и длится очень долго: не $1^1/_2$ мѣсяца, какъ думалъ М. Н. Богдановъ и какъ это съ его словъ повторилъ Л. П. Сабанѣевъ, а около $2^1/_2$, такъ что совершенно оканчивается въ сентябрѣ, а у запоздавшихъ даже въ началѣ октября. Положимъ, при поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что въ августѣ тетеревъ уже совершенно перелинялъ; но не надо большого вниманія, чтобы найти между новыми еще много старыхъ перьевъ и убѣдиться, что всѣ большія перья еще не доросли, съ кровяными пеньками. Линька мелкаго пера у косачей начинается одновременно на плечахъ, зобѣ и надхвостьѣ и оканчивается шеей и головой; послѣдними смѣняются маховыя и рулевыя.

Тогда какъ обыкновенно линяющіе косачи держутся совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ, нежели выводки, кой-гдѣ наблюдается противное. Такъ, въ Симбирской губ., по словамъ Богданова, косачи „проводятъ лѣто по опушкамъ и около полянъ лиственныхъ лѣсовъ и смѣшанныхъ боровъ, по порубамъ, заросшимъ частымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и курочки съ выводками. Такъ же какъ эти на утренней и вечерней зарѣ выходятъ они кормиться на ягод-

ники. Въ полдень косачи забиваются въ частыя опушки, въ густую траву и подъ папоротникъ. Послѣдній они особенно любятъ, такъ какъ почва подъ нимъ сыровата и не нагрѣвается такъ сильно солнцемъ. Въ жаркое время косачъ иногда цѣлые дни лежитъ на сырой землѣ въ тѣни папоротниковъ, или роется въ истлѣвшей древесинѣ давно упавшихъ древесныхъ стволовъ, и только на утренней зарѣ и въ сумерки выходитъ кормиться на ягодники часа на $1^1/_2$—2. Линяющій косачъ гораздо осторожнѣе курочки. Сознавая слабость облинявшихъ крыльевъ, онъ никогда не остается такъ долго на ягодникахъ, какъ выводки. И въ продолженіе всего линянья онъ не летаетъ добровольно, а поднятый—старается скорѣе долетѣть до чащи и спасается бѣгомъ, никогда не садясь на дерево. Эта слабость полета, а съ другой стороны обильная пища на ягодникахъ, и обусловливаютъ полную осѣдлость косача лѣтомъ. Дѣйствительно, въ іюнѣ и іюлѣ косачъ живетъ на очень небольшомъ участкѣ, и суточные переходы его простираются только на нѣсколько десятковъ саженъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ косачи лѣтомъ живутъ поодиночкѣ, въ другихъ же они собираются во время линянья по нѣсколько штукъ и вмѣстѣ выходятъ на кормежки“.

Позднѣе, вмѣстѣ съ сокращеніемъ ягоднаго корма, косачи успѣваютъ уже настолько перелинять, что могутъ выбираться изъ лѣса на болѣе открытыя мѣста, и постепенно все далѣе и далѣе улетаютъ отъ лѣса въ яровые хлѣба. Это обыкновенно бываетъ въ началѣ августа и продолжается недѣли двѣ—три, а когда хлѣбъ уберутъ съ полей и перевезутъ на гумна или оставятъ въ кладяхъ на полѣ, косачи начинаютъ летать на жнивья. По утрамъ старые косачи и холостыя тетерьки выбираются изъ лѣса, гдѣ ночевали, на его опушку и здѣсь разсаживаются поодиночкѣ по деревьямъ, чтобы, посидѣвши нѣкоторое время,слетѣть на поле.

Такимъ образомъ и молодые и старые тетерева, перелинявъ, выбираются изъ лѣса на открытое мѣсто и начинаютъ все тѣснѣе и тѣснѣе сходиться другъ съ другомъ, что приводитъ къ образованію первыхъ стай.

Такова лѣтняя жизнь тетеревовъ. Слѣдовательно, со времени слета на токъ и до конца лѣта, тетеревъ является почти исключительно наземной птицей, избѣгая садиться на деревья. Напротивъ, осенью и зимою тетерева только кормятся и ночуютъ на землѣ, обыкновенно же держатся на деревьяхъ. Конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, образъ жизни тетерева болѣе или менѣе измѣняется, но приведеннаго описанія достаточно, чтобы ознакомиться съ ходомъ лѣтней охоты за тетеревами.

II.

Лѣтняя охота на тетеревовъ.—Охота за косачами.—Охота за выводками.—Охота на манку.

Лѣтняя охота на тетеревовъ должна рѣзко раздѣляться на охоту за косачами и охоту за выводками. Что касается первой, то, по правдѣ говоря, нѣтъ никакихъ серьезныхъ причинъ ограничивать ее какими бы то ни было сроками, за исключеніемъ, конечно, одной: дозволь стрѣлять косачей, т.-е. пусти охотника на законномъ основаніи въ лѣсъ, такъ охота пойдетъ уже не за косачами, а за всякой лѣсной дичью. Что же касается охоты за выводками, то ее абсолютно нельзя начинать ранѣе половины іюля въ подмосковныхъ губерніяхъ, потому что иначе пойдетъ не охота, а просто безсмысленное истребленіе тетеревятъ. Объ этомъ мы поговоримъ еще позднѣе, а теперь о косачахъ.

Покинувъ тока, косачи, какъ это уже сказано въ предыдущей главѣ, уходятъ въ крѣпи на поправку и для линьки. Истощенные своими похожденіями, они въ это время представляютъ мало завидную добычу, тѣмъ болѣе, что охота за ними крайне трудна и утомительна. Забравшись въ почти непролазную чащу кустарника, въ рѣчныя уремы съ завалами валежника, наконецъ, въ кардашники, косачи сидятъ такъ крѣпко, что не рѣдки случаи, когда собака даже можетъ схватить птицу. Если же косачъ, наконецъ, не выдерживаетъ стойки собаки и взлетаетъ, убить его все-таки трудно, благодаря чащѣ, тѣмъ болѣе, что о выстрѣлѣ съ прицѣла нечего и думать. Изъ этого ясно, что найти косача, когда онъ почти не выходитъ изъ своего убѣжища, очень трудно даже съ собакой, и потому до половины іюля, пока косачи не смѣнятъ большую часть своего пера и не переселятся въ ягодники, мало кто захочетъ тратить время на охоту за ними.

Въ половинѣ іюля, переселившись на ягодники, косачъ уже можетъ быть предметомъ охоты, хотя продолжаетъ оставаться очень худымъ, такъ какъ во время энергичной линьки не можетъ отъѣсться. Зато эта же самая худоба птицы облегчаетъ охоту: косачъ, не чувствуя себя уже такимъ безпомощнымъ, какъ въ разгаръ линьки, но имѣя потребность много ѣсть, не только вылетаетъ теперь на ягодники, но исхаживаетъ здѣсь большое пространство, оставляя по себѣ хорошій слѣдъ. Время кормежки птицы—съ ранняго утра до 9—10 часовъ и потомъ съ 4 часовъ пополудни до вечера; полдневные часы и ночь онъ проводитъ попрежнему въ крѣпи. Отсюда вытекаетъ, что охота за косачами ежедневно распадается на два періода: утренній и послѣобѣденный, изъ которыхъ первый во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ больше преимуществъ. Во-первыхъ, онъ продолжительнѣе, во-вторыхъ, птица, наголодавшись за ночь, неохотно перестаетъ кормиться, даже заслышавъ собаку. Въ худшемъ случаѣ косачъ перебѣбѣжитъ въ кусты или, послѣ неудачнаго выстрѣла, улетитъ въ крѣпь, но и то не надолго: черезъ полчаса, много черезъ часъ онъ почти всегда возвращается на прежнее мѣсто кормежки.

Такимъ образомъ, съ половины іюля до начала августа косачи правильно посѣщаютъ ягодники и все это время за ними можно успѣшно охотиться на мѣстахъ ихъ кормежки. Въ началѣ августа косачи, окрѣпнувши и отъѣвшись, начинаютъ летать даже на яровые хлѣба, обыкновенно гораздо болѣе удаленные отъ лѣса, гдѣ косачи отдыхаютъ и проводятъ ночь, а еще позднѣе перебираются въ болѣе глухіе участки лѣса, преимущественно туда, гдѣ есть брусника. Въ это время косачи, уже сытые и отъѣвшіеся, гораздо осторожнѣе, чѣмъ были раньше, далеко не такъ близко подпускаютъ охотника и собаку и гораздо хуже выдерживаютъ стойку. Благодаря этому охота на нихъ становится все болѣе и болѣе случайной и, наконецъ, совсѣмъ прекращается до тѣхъ поръ, пока тетерева не стадятся, т.-е. до осени.

На взглядъ многихъ охотниковъ охота за косачами въ іюлѣ и началѣ августа очень заманчива и интересна, но большинство держится иного мнѣнія и отдаетъ преимущество охотѣ за тетеревиными выводками, которая нормально начинается точно такъ же въ половинѣ іюля. Впрочемъ, то, что нормально, не всегда приводится въ исполненіе и очень многіе начинаютъ охоту за тетеревятами уже гораздо раньше, хотя къ началу іюля тетеревята всего съ перепела и совершенно безпомощны. Такіе дѣльные охотники, какъ Основскій, Ваксель, Гладковъ, Вилинскій и Сабанѣевъ, каждый въ свое время, указывали на всю губительность и непрактичность ранней охоты за тетеревятами, и она все-таки практикуется теперь, какъ практиковалась раньше. Особенный вредъ этой охоты заключается въ томъ, что при маленькихъ тетеревятахъ прежде всего подъ выстрѣлъ подвертывается матка, безъ которой тетеревята безысходно гибнутъ либо отъ четвероногихъ и пернатыхъ хищниковъ, либо отъ непогоды. Матка при маленькихъ дѣтяхъ не только не старается скрыться отъ собаки и охотника, но еще старается обратить на себя ихъ вниманіе: вертится передъ ними, притворяется больной, едва-едва перепархиваетъ, и т. д. Иногда матку убиваютъ даже не ради добычи, а чтобы она не мѣшала и не путала собаку, которая чѣмъ хуже дресирована, тѣмъ легче сбивается съ толку отъ хитростей тетерьки.

Теперь познакомимся съ самымъ ходомъ охоты за тетеревятами, при чемъ приведемъ, съ необходимыми сокращеніями, прекрасное описаніе этой охоты, составленное Л. П. Сабанѣевымъ.

„Прежде всего,—говоритъ Сабанѣевъ,—понятно, надо знать, *гдѣ* искать выводковъ. Хотя мы уже говорили о томъ выше, при описаніи лѣтняго образа жизни тетеревовъ, но такъ какъ многіе интересуются единственно охотой и, вѣроятно, не обратили вниманія на это описаніе, то мы повторимъ вкратцѣ — гдѣ въ извѣстное время лѣта держатся тетеревиные выводки. Во всякомъ случаѣ, мѣстонахожденія послѣднихъ весьма разнообразны и прежде всего зависятъ отъ мѣстныхъ условій, которыя бываютъ весьма различны и не могутъ быть вполнѣ предусмотрѣны. Настоящій охотникъ самъ очень хорошо знаетъ—гдѣ въ какое время лѣта и въ какіе часы держатся выводки, часто даже

самъ или черезъ другихъ узнаетъ о количествѣ выводковъ и имѣетъ самыя точныя указанія, гдѣ именно держится каждый выводокъ — однимъ словомъ, въ знаніи лѣсной охоты не только не уступаетъ, но даже превосходитъ завзятаго промышленника. Такихъ, конечно, учить нечего; но подобное знаніе обусловливается только постоянною охотою въ одной и той же мѣстности, въ теченіе многихъ лѣтъ, а такихъ знатоковъ между охотниками сравнительно немного, притомъ даже они, будучи предоставлены самимъ себѣ въ иной — незнакомой мѣстности, въ свою очередь встрѣчаются со многими препятствіями, и для того чтобы оріентироваться нерѣдко тратятъ понапрасну дорогое время въ безплодныхъ поискахъ и позволяютъ себя сбивать съ толку различными, иногда умышленными ложными показаніями мѣстныхъ промышленниковъ, также пастуховъ и т. п. люда. Самое лучшее—прежде всего спрашивать—есть ли гдѣ по близости гари и сѣчи и гдѣ всего больше ягоды и какой именно, а затѣмъ, по нѣкоторомъ соображеніи, уже легко составить самому планъ кампаніи, даже отправиться на мѣсто безъ всякаго проводника.

„Іюльская охота, можно сказать, безъ исключенія производится только въ ягодникахъ: повторяемъ, чѣмъ больше ягодъ въ данной мѣстности, тѣмъ болѣе шансовъ (при одинаковости прочихъ условій) найти здѣсь выводки. Первое время, именно въ Петровки, вообще же въ первый періодъ своей жизни, — тетеревята держатся вообще въ болѣе или менѣе открытыхъ мѣстностяхъ съ густой и высокою травою. Покосы около опушекъ съ рѣдкими кустиками, лѣсныя болѣе или менѣе обширныя поляны, самыя открытыя мѣста сѣчъ и гарей, иногда даже болотистые луга, поросшіе лозникомъ и тальникомъ *), но все-таки примыкающіе къ лѣсу или сплошному кустарнику,—вотъ гдѣ первоначальное мѣстопребываніе выводковъ. Въ это время они (за исключеніемъ болотистыхъ луговъ) кормятся земляникой, а на южной границѣ своего распространенія также клубникой, такъ что въ данной мѣстности, гдѣ завѣдомо извѣстно, что есть тетерева — надо искать выводковъ прежде всего тамъ, гдѣ всего болѣе той или другой ягоды. Такимъ образомъ, проходя мимо ягодниковъ, никогда не мѣшаетъ посылать туда собаку. Вообще необходимо руководствоваться тутъ своими соображеніями и не слѣдуетъ забывать, что сначала охотникъ руководитъ собакою, а затѣмъ уже она ведетъ его. Замѣтимъ еще, что многочисленность муравейниковъ въ рѣдкомъ лиственномъ лѣсу, кустарникѣ и сѣчахъ также очень часто служитъ указаніемъ на присутствіе выводковъ; но тетеревята, какъ извѣстно, кормятся муравьиными яйцами только первую недѣлю, много двѣ своей жизни и потому выводки въ такихъ мѣстностяхъ почти всегда бываютъ очень малы и не заслуживаютъ вниманія настоящаго охотника.

„Съ начала сѣнокоса въ лѣсныхъ пустошахъ тетеревиные вы-

---

*) Тетеревиные выводки очень любятъ также водиться въ поемныхъ лугахъ съ мелкимъ дубнякомъ, но это относится только къ первому періоду ихъ жизни. *Сабан.*

водки постепенно выбираются изъ покосовъ и переселяются въ сосѣднія еще не скошенныя „пожни“ или ближе къ опушкамъ лѣса, а иногда перекочевываютъ и въ крупный лѣсъ *). Такимъ образомъ, при самомъ началѣ лѣтней охоты приходится опять-таки принимать это въ соображеніе и искать именно еще некошенныхъ лѣсныхъ лужаекъ; но такъ какъ сѣнокосная страда мѣстами затягивается до конца іюля, то въ крестьянскихъ и владѣльческихъ дачахъ, обильныхъ покосами и отдаленныхъ отъ мѣста сбыта, выводки переселяются въ лѣсъ иногда очень поздно, даже въ началѣ августа, а иногда и вовсе не покидаютъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія. Такъ, напримѣръ, это замѣчено нами въ юго-восточной части Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губ., гдѣ, за избыткомъ травы, лѣсныя лужайки остаются неприкосновенными, и выводки до конца августа держатся тамъ, гдѣ вывелись. Напротивъ, въ Екатеринбургскомъ Уралѣ и вообще по всему хребту, тетеревята очень скоро переселяются въ лѣсъ, часто хвойный и строевой. То же самое замѣчается во всей лѣсной полосѣ Россіи, не отличающейся, какъ извѣстно, обиліемъ покосовъ. Но, хотя въ средней полосѣ послѣднихъ гораздо болѣе, ихъ все-таки недостаточно для густого населенія: въ подмосковныхъ губерніяхъ косятъ даже въ рѣдколѣсьѣ; этимъ объясняется почему здѣсь выводки перебираются изъ лужаекъ не сюда, какъ бы слѣдовало ожидать, а въ частое мелколѣсьѣ, такъ наз. парусникъ, даже густой кустарникъ, почему охота за выводками здѣсь нерѣдко затруднительнѣе чѣмъ въ крупномъ, но рѣдкомъ лѣсу. Отсюда слѣдуетъ, что надо опять-таки имѣть въ виду мѣстныя условія и, хотя нормально тетеревиные выводки со второй половины іюля, именно съ того времени, когда самчики начнутъ „мѣшаться“,—держатся болѣе крупнаго и чистаго лѣса и будучи спугнуты, садятся на деревья, но это правило подлежитъ многочисленнымъ исключеніямъ. Во всякомъ случаѣ выводки перебираются въ менѣе открытыя мѣстности, и стрѣльба ихъ становится менѣе легкою и заманчивою для охотника, не привыкшаго стрѣлять съ приклада, не цѣлясь. Что же касается пищи тетеревятъ—то во второй половинѣ іюля она состоитъ изъ тѣхъ же ягодъ земляники и клубники, вызрѣвающихъ въ лѣсу позднѣе, чѣмъ на опушкѣ и лѣсныхъ лужайкахъ; нерѣдко въ это время они кормятся исключительно костяникою, и опять-таки—чѣмъ болѣе этихъ ягодъ, тѣмъ болѣе вѣроятности найти выводки **). Наконецъ, въ августѣ, выводки, уже значительно поматерѣвшіе, снова выбираются изъ лѣсу къ опушкамъ, ближе къ полямъ, особенно къ овсу и гречихѣ, рѣже гороху, а тамъ гдѣ нѣтъ ихъ поблизости, т.-е. въ очень лѣсныхъ мѣстностяхъ, нерѣдко перекочевываютъ изъ лиственныхъ въ смѣшанные и хвойные лѣса, гдѣ кормятся брусни-

---

*) Въ чистомъ сосновомъ бору безъ мелкаго подсѣда, слѣдовательно очень крупномъ или растущимъ на песчаной почвѣ, выводки однако никогда не встрѣчаются. *Сабан.*

**) На сѣверѣ, въ хвойныхъ лѣсахъ, тетеревиные выводки часто кормятся голубикой, княженикой и черникой, но въ такихъ мѣстностяхъ уже нѣтъ настоящей охоты на тетеревовъ, тѣмъ болѣе, что ихъ вообще бываетъ гораздо менѣе, чѣмъ глухарей. *Сабан.*

кой *). Въ Ярославской губерніи, напр., также Костромской,—въ августѣ тетеревятъ всего чаще находятъ въ брусничникахъ.

„Разсмотримъ теперь, *когда*, т.-е. въ какое время дня, слѣдуетъ отыскивать выводки. Выше, при описаніи жизни послѣднихъ, мы уже говорили въ какое время дня они выходятъ на жировку. Начиная съ восхода до 9—10 часовъ утра, затѣмъ съ 4-хъ часовъ пополудни выводокъ всегда почти уже можно застать на кормежкѣ, всегда въ сравнительно болѣе открытыхъ мѣстностяхъ, а слѣдовательно и болѣе удобныхъ для охоты. Притомъ тетеревята въ это время дня, особенно начиная съ средины іюля, бѣгаютъ очень много и собакѣ гораздо легче попасть на слѣдъ кого-либо изъ нихъ, чѣмъ въ полдень, когда они (также и послѣ заката) уходятъ (позднѣе и улетаютъ) въ ближнюю чащу, сидятъ кучею, не давая слѣду, такъ что надо пройти очень близко отъ выводка, чтобы онъ, испуганный шумомъ, разбрелся въ стороны. Такимъ образомъ, собака въ жаркое время дня имѣетъ меньше шансовъ отыскать выводокъ, да она и ищетъ въ это время очень лѣниво, а въ чащѣ стрѣлять крайне неудобно: выводокъ взлетаетъ всегда сразу и трудно замѣтить, куда онъ перемѣстился. Послѣднее впрочемъ имѣетъ значеніе только при крупномъ выводкѣ.

„Какое время удобнѣе для стрѣльбы тетеревятъ—утро или вечеръ, рѣшить трудно, но утромъ тетеревята голоднѣе, бѣгаютъ болѣе и перемѣщаются ближе, между тѣмъ какъ не задолго до заката вся выводка нерѣдко улетаетъ въ чащу, гдѣ стрѣлять уже почти невозможно. Очень раннимъ утромъ тоже менѣе вѣроятности на успѣхъ, такъ какъ тетерева еще не успѣютъ разбѣжаться широко, когда они велики; когда же они очень малы, то старка ведетъ ихъ попозднѣе, а въ сильную росу иногда выходитъ съ ними на жировку часовъ въ 7—8. Вообще лучше всего принаравливать начало охоты къ тому времени, какъ роса уже начнетъ подсыхать, такъ какъ и довольно крупные тетеревята, какъ и всякая лѣсная птица, не любятъ мокроты. День на день стало быть не приходится, и то же замѣчается и вечеромъ; выводки уходятъ на ночлегъ тѣмъ раньше, чѣмъ роса сильнѣе. Вообще въ сильную росу тетеревята выходятъ кормиться гдѣ повыше, лѣсъ почаще, а слѣдовательно и суше. Наоборотъ, въ дождливый день—выводки никогда не замѣчаются въ лѣсу, а выбираются на болѣе открытыя мѣста, на самый край опушки, и держатся здѣсь иногда цѣлый день. Это опять-таки зависитъ отъ того, что лѣсная птица не любитъ непогоды и въ мокроту выбирается на чистыя мѣста. „Лучшаго поля какъ моросливый день въ августѣ мѣсяцѣ,—говоритъ Вилинскій,—нельзя и желать для охоты за тетеревами. Въ подобную погоду они обыкновенно по лугамъ забиваются въ мелкіе ракитовые кустики: выводокъ не собирается въ кучу, а тетеревята поодиночкѣ

*) Въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, тетеревиные выводки, повидимому, держатся это время исключительно въ дубнякѣ, желудями котораго кормятся. *Сабан.*

забираются въ средину кустовъ и такъ плотно лежатъ, что ихъ можно брать руками. Смѣшно даже бываетъ: возьмешь въ руки пѣгаго самчика, а онъ наивно попискиваетъ какъ недоростокъ"... Иногда, впрочемъ, въ это время года выводки въ дождь держатся въ хлѣбахъ, да и вообще утромъ и подъ вечеръ ихъ слѣдуетъ искать въ овсяныхъ, гречишныхъ и гороховыхъ поляхъ, прилегающихъ къ лѣсу или даже кустарнику.

„Послѣ всего сказаннаго нами и принявъ въ соображенiе образъ жизни выводка лѣтомъ,—намъ уже легко себѣ представить, *какимъ образомъ производится* охота за ними. Прежде всего надо поставить правиломъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ завѣдомо есть выводки или они предполагаются,—идти краемъ опушки, а собаку направлять въ болѣе открытыя мѣста, т.-е. туда, гдѣ ожидаются тетеревята. Это обстоятельство имѣетъ особенную важность, когда собака ищетъ у чащи, такъ какъ тогда выводокъ, заслышавъ поискъ собаки, нерѣдко успѣваетъ добѣжать до крѣпи, а здѣсь стрѣльба уже далеко не представляетъ такихъ удобствъ. Вообще, какъ только собака, почуявъ свѣжiе слѣды, начнетъ искать, необходимо сдерживать ее и дать время разбѣжаться выводку: черезъ это достигается то, что выводокъ не поднимается весь вдругъ, а тетеревята вскакиваютъ по одному, по два. Опытная и умная собака, какъ уже было сказано, съ этою цѣлью даже обходитъ кругомъ выводка. Еще лучше, какъ только собака остановится и сдѣлаетъ стойку,—отозвать ее, отойти шаговъ на 50 въ сторону и снова пустить по слѣду минутъ черезъ 10: тѣмъ временемъ тетерева часто расползаются врозь, поднимаются поодиночкѣ, и въ подманкѣ тетеревятъ не имѣется настоятельной необходимости. Кого заискала собака—косача или выводокъ—видно главнымъ образомъ изъ бо́льшей суетливости ея поиска въ послѣднемъ случаѣ.

„Въ большинствѣ случаевъ, особенно при очень мелкомъ выводкѣ, первою выскакиваетъ старка *). Только позднѣе, когда тетеревята уже подрастутъ и разбѣгаются шире, а самчики начнутъ „мѣшаться", послѣднiе нерѣдко взлетаютъ ранѣе самки, тѣмъ болѣе что они и отбѣгаютъ отъ нея дальше. Такихъ подростковъ можно отличить и по полету, который сильнѣе, громче и прямѣе, чѣмъ у молодыхъ самокъ. При несоблюденiи указанныхъ выше правилъ почти всегда вслѣдъ за маткой поднимается весь выводокъ; сначала онъ обыкновенно разсыпается въ разныя стороны, и очень недалеко, но позднѣе тетеревята улетаютъ на многiе десятки саженъ и стараются забраться въ лѣсъ или чащу.

„Если они были близко одинъ отъ другого, то при первомъ выстрѣлѣ, какъ бы по сигналу, летятъ прочь отъ этого мѣста и, отлетѣвъ бо́льшее или меньшее разстоянiе, камнемъ падаютъ на землю,

---

*) Тетерька поднимается всегда съ коканьемъ: вылетаетъ молча только холостая самка или же когда тетеревята совсѣмъ поматерѣли. Старая самка клокчетъ замѣтно протяжнѣе и жалобнѣе, чѣмъ молодая. Позднѣе, когда тетеревята достигнутъ, повидимому, величины куропатки, тетерька уже не отводитъ вовсе и улетаетъ безъ голосу. *Сабан.*

иногда довольно далеко одинъ отъ другого, и обыкновенно *вовсе не давая слѣду*, забиваются подъ кустъ, хворостъ, валежникъ и лежатъ здѣсь такъ крѣпко, что очень легко пройти мимо не только охотнику, но даже собакѣ, если вѣтеръ былъ неблагопріятенъ. Вообще тетеревята, перемѣстившись, никогда не сбѣгаютъ, и только когда минуетъ тревога, одинъ за другимъ, подаютъ голосъ и собираются къ маткѣ. Нерѣдко случается, что перемѣстившійся и притаившійся цыпленокъ не слетаетъ даже если въ него швыряютъ камнемъ; часто его видишь подъ стойкой, и собака очень скоро можетъ получить дурную привычку ловить даже довольно крупныхъ тетеревятъ. Впрочемъ, въ болѣе крупномъ лѣсу выводки величиною съ голубя очень часто, перемѣстившись, садятся уже не на землю, а на деревья и сидятъ здѣсь неподвижно, *никогда не подавая голоса*, въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени. Иногда весь выводокъ размѣщается на двухъ рядомъ стоящихъ деревьяхъ, но это случается рѣдко. Замѣтить притаившагося на деревѣ тетеревенка также очень трудно, особенно въ вѣтреную погоду, когда онъ сидитъ очень близко къ стволу, такъ какъ тогда на вѣткѣ, стараясь сохранить равновѣсіе, скоро утомляется.

„Какъ только собака сдѣлала первую стойку, то охотникъ, разумѣется, если увѣренъ въ своемъ помощникѣ, прежде всего выбираетъ удобное мѣсто для стрѣльбы. Въ противномъ случаѣ онъ часто рискуетъ ничего не увидать, особенно въ частомъ лѣсу или кустарникѣ, тѣмъ болѣе во время полуденной „сидки“ выводка, къ которому собака нерѣдко приводитъ охотника передъ окончаніемъ утренней охоты.—Вообще, если выводокъ не разогнанъ предварительно вышеописанными маневрами, то очень рѣдко удается убить болѣе двухъ тетеревятъ; а часто и весь выводокъ улетаетъ цѣлымъ и невредимымъ. Но если условія эти соблюдены, то нетрудно перебить большую часть тетеревятъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ они были впервые найдены.

„Но такъ какъ способъ этотъ извѣстенъ далеко не всѣмъ охотникамъ и требуетъ отъ собаки большой понятливости и высокой степени дрессировки, то почти всегда необходимо, отозвавъ собаку, обождать нѣкоторое время; перемѣстившіеся тетеревята, какъ только все угомонится, начинаютъ одинъ за другимъ перекликаться и подавать голоса маткѣ—„пикать“, даютъ слѣдъ или слетаютъ съ деревьевъ и, собравшись болѣе или менѣе грудно, уводятся самкой дальше—иногда въ самую непроходимую чащу. На прежнее мѣсто она приходитъ только когда выводокъ еще не напуганъ и не стрѣлянъ *). Изъ этого слѣдуетъ, что можно отправляться искать перемѣстившихся тетеревятъ по прошествіи четверти часа или болѣе, какъ только они нач-

*) Во всякомъ случаѣ на другой день или въ тотъ же день къ вечеру выводокъ можно найти тамъ же, гдѣ онъ былъ первоначально спугнутъ. Выводки очень привязаны къ мѣсту и мѣняютъ его только въ крайности. *Сабан.*

нутъ отзываться. Обыкновенно съ этою цѣлью идутъ на голосъ ихъ и описываютъ круги".

Отъ обыкновенной охоты за тетеревятами совершенно естественно перейти къ охотѣ на манку, которая является уже промысловымъ добываніемъ. Сущность этого способа состоитъ въ томъ, чтобы не тратя времени на разыскиваніе тетеревятъ, что, какъ мы видѣли, требуетъ не малыхъ усилій, и къ тому же не всегда сопровождается успѣхомъ, заставить подойти ихъ къ себѣ, приманивая, смотря по надобности, или голосомъ тетеревенка, или голосомъ матки. Сдѣлавъ въ кустахъ шалашекъ или загородку, промышленникъ скрывается въ немъ или за ней и начинаетъ манить.

Многіе промышленники умѣютъ превосходно манить даже просто голосомъ, но обыкновенно въ этихъ случаяхъ употребляютъ особые пищики или вабики, подобные тѣмъ, какіе описаны для подманиванія рябчиковъ. Пищики эти дѣлаются или изъ толстой гусиной кости, длиною около $1^3/_4$ вершка, или (продажные) изъ кости. Въ первомъ случаѣ кость ровно обрѣзывается съ двухъ сторонъ и на разстояніи четверти вершка отъ одного ея конца на стѣнкѣ вырѣзывается небольшое полукруглое отверстіе. Весь короткій конецъ кости отъ края до упомянутаго отверстія залѣпляется воскомъ, въ которомъ иглой прокалываютъ наискось другую дырочку; длинный же конецъ пищика срѣзывается до половины кости (съ той стороны, гдѣ лежитъ отверстіе) приблизительно на $^3/_4$ вершка. Взявъ въ ротъ залѣпленный конецъ пищика, надо дуть въ него, дотрогиваясь пальцемъ до срѣзаннаго конца, и тогда издается звукъ, похожій на тетеревиный пискъ. Однако, если съ пищикомъ и легче манить, это представляетъ также своего рода неудобства: голосъ тетеревятъ мѣняется съ возрастомъ, голосъ матки еще грубѣе; слѣдовательно, однимъ пищикомъ удовольствоваться нельзя, а надо имѣть ихъ нѣсколько и пользоваться тѣмъ или другимъ, глядя по обстоятельствамъ.

Голосъ тетеревенка походитъ на нѣжный свистъ, въ родѣ фіу-фіу! Чтобы не ошибиться, какимъ голосомъ надо манить, слѣдуетъ прежде всего выслушать, какимъ голосомъ перекликаются тетеревята, чтобы приблизительно опредѣлить ихъ возрастъ. Чѣмъ тетеревенокъ меньше, тѣмъ нѣжнѣе, чаще и продолжительнѣе онъ пищитъ. Голосомъ матки манить не слѣдуетъ—тетеревята на него идутъ плохо. Напротивъ на подманку пискомъ тетеревенка тетерька идетъ отлично и безъ труда можетъ быть подманена даже не одинъ разъ.

Подманивъ тетеревятъ, т.-е. дождавшись, когда они начнутъ откликаться и подбѣгать къ охотнику, медлить не слѣдуетъ, такъ какъ иначе, замѣтивъ ошибку, они соберутся и уйдутъ съ маткой далеко. Въ такомъ случаѣ, надо прямо идти на голосъ ближайшаго тетеревенка, стрѣлять его изъ-подъ собаки и затѣмъ начинать манить снова или идти на голосъ другого. Послѣ выстрѣла тетеревята нѣкоторое время держутся молча, а потомъ опять начинаютъ отзываться и идутъ на манку. Надо имѣть въ виду, что тетеревенокъ пищитъ только пока

одинъ: если же ихъ двое или болѣе вмѣстѣ, они не отзываются на пищикъ. Поэтому, если охотникъ замѣтитъ, что тетеревята откликаются рѣдко или неохотно, или же вмѣсто обыкновеннаго двусложнаго пиканья прокричатъ быстро и связно, въ родѣ трели, нѣсколько разъ—фю-фю-фю..., это значитъ, что они собрались вмѣстѣ и что ему ничего не остается болѣе какъ разбить выводокъ, чтобы тетеревята шли на манку.

Впрочемъ, такая охота на манку ведется настоящими охотниками; промышленникъ же такъ мастерски подражаетъ голосу тетеревятъ, что не двигаясь съ мѣста подманиваетъ весь выводокъ, начиная съ матки, которую убиваетъ большею частію первою. Чтобы не тратить времени и не пугать тетеревятъ, онъ остается въ своемъ шалашѣ до тѣхъ поръ, пока не перестрѣляетъ всѣхъ и лишь послѣ этого идетъ съ собакой на розыски убитыхъ; до тѣхъ поръ собака удерживается въ шалашѣ на привязи. Чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ добычу, промышленникъ иногда даже расчищаетъ дорожки и уминаетъ траву, которая можетъ скрыть тетеревятъ.

На сѣверѣ за тетеревятами охотятся преимущественно въ такое время, когда они уже достаточно подросли, чтобы взлетать на деревья. При этомъ выводокъ разыскивается обыкновенно при помощи собаки, такъ наз. подлайки или лайки, которая употребляется также при бѣличьей охотѣ.

„Спустивъ собаку со сворки,—говоритъ г. Бѣловъ, охотникъ, войдя въ лѣсъ и время отъ времени посвистывая, идетъ себѣ не торопясь или лѣсными дорожками, или пробирается по самому лѣсу, но тѣми мѣстами, гдѣ нѣтъ непролазной чащи. Добрая собака на рысяхъ обѣгаетъ все пространство около него, почти ему не показываясь, и поднявъ тетерева, съ звонкимъ лаемъ бросается за нимъ и неотвязчиво преслѣдуетъ его, пока не посадитъ на лѣсину, т.-е., другими словами, пока самъ тетеревъ не сядетъ на дерево. Собака скулитъ и лаетъ на него, но при этомъ она не должна все-таки бросаться на самое дерево и скакать на него, потому что въ такомъ разѣ тетеревъ усидитъ недолго. Тетеревъ не только не боится собачьяго лая, но видимо все свое вниманіе обращаетъ на неотвязчиваго пса, предполагая себя на деревѣ, конечно, въ полнѣйшей отъ него безопасности. Онъ даже прогуливается на сучкѣ (всегда головою къ собакѣ), протягиваетъ къ ней шею, *дразнится* и улькаетъ. Заслышавъ знакомый лай, охотникъ-лѣсникъ опредѣляетъ себѣ откуда приблизительно онъ несется и какъ далеко и, смотря по этой отдаленности, тихо или бѣгомъ бросается къ собакѣ... Вотъ лай вовсе недалеко. Тихо, высматривая въ одно и то же время и птицу, и мѣсто, куда подступить, безъ малѣйшаго шума, осторожно разводя кусты и вѣтви, охотникъ заходитъ противъ собаки, скрадываетъ птицу и стрѣляетъ, прислонивъ обыкновенно ружье или винтовку къ какому-нибудь дереву“.

Всѣ эти охоты за молодыми тетеревами прекращаются во второй

половинѣ августа, когда нечего думать о манкѣ — для этого птицы стали слишкомъ велики, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ тетерева уже почти не выдерживаютъ стойки. Такимъ образомъ между лѣтней и осенней охотой за тетеревами наступаетъ нѣкоторый пробѣлъ, когда къ тому же охотники отвлекаются другою дичью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОСЕНЬ И ЗИМА.

I.

Осенній и зимній образъ жизни тетерева.

Осенній періодъ въ жизни тетеревовъ начинается съ ихъ стаденія, что совпадаетъ съ первыми числами сентября. Вылетая утромъ съ мѣста ночевки на березнякъ, старые косачи урканьемъ даютъ знать другъ другу, что пора стадиться, и потому первыя стаи всегда состоятъ изъ старыхъ косачей, къ которымъ еще присоединяются бездѣтныя тетерьки. Иногда старыя тетерьки составаются отдѣльно, но обыкновенно стаи бываютъ смѣшанныя. Нѣсколько позднѣе, въ средней Россіи не позже послѣднихъ чиселъ сентября, къ стаямъ старыхъ птицъ, во время ихъ вылета на кормежку, постепенно присоединяются молодые тетерева, которые, какъ говоритъ Ушковъ, „слѣдуютъ за ними повсюду, изучая общественную жизнь и нравы“. Численность стай зависитъ конечно отъ общаго количества тетеревовъ въ данной мѣстности, но мы къ этому еще вернемся, ограничившись пока общимъ замѣчаніемъ, что она колеблется въ предѣлахъ отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ птицъ.

Ко времени стаденія тетеревовъ уборка хлѣба оканчивается и его либо свозятъ съ полей на гумна, либо складываютъ на мѣстѣ въ скирды и клади; вмѣстѣ съ тѣмъ при наступающихъ утренникахъ и даже болѣе сильныхъ морозахъ лѣса начинаютъ терять свою пожелтѣвшую листву все болѣе и болѣе, но ягодъ еще довольно много и это опредѣляетъ собою характеръ осеннихъ перелетовъ тетеревиныхъ стай. Собравшаяся стая придерживается преимущественно окраинъ болотъ, въ березовыхъ, рѣже въ сосновыхъ мшарникахъ, и отсюда рано утромъ вылетаетъ сначала на ближайшій березнякъ, а затѣмъ на ягоду или овсяныя жнивья. Часу въ одиннадцатомъ наѣвшіяся птицы возвращаются обратно въ крѣпь, а передъ вечеромъ опять летятъ на кормежку; этотъ второй вылетъ сначала бываетъ въ четыре, потомъ въ три и, наконецъ, въ два часа пополудни, по мѣрѣ того какъ укорачивается день. Повадившись летать на овсяныя жнивья и гороховища, тетерева посѣщаютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не занесетъ снѣгомъ, послѣ чего они летаютъ за кормомъ на хлѣбныя и овсяныя клади или скирды. Въ такомъ случаѣ, при большомъ ко-

личествѣ тетеревовъ, ущербъ, наносимый ими, весьма значителенъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Зауральѣ, клади дѣлаются четырехугольными, достигая 15 и даже до 20 саженъ длины. Спустя нѣкоторое время, тетерева такъ обиваютъ крайніе и верхніе снопы, что ихъ совершенно не стоитъ молотить, иными словами, уничтожаютъ отъ 10 до 20 пудовъ хлѣба. Когда клади обиты или перевезены съ полей на гумна, пищу тетеревовъ составляетъ почти исключительно березовая почка. Въ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбъ не остается надолго въ полѣ и рано убирается на гумна, тетерева кормятся березовой почкой уже съ октября. Отсюда понятно, что количество березовой почки играетъ огромную роль въ зимнихъ перелетахъ этихъ птицъ. Каждая стая съ ранней осени и до поздней зимы придерживается извѣстнаго участка, выбирая такія мѣста, гдѣ поля и перелѣски расположены недалеко отъ болотистой чащи—ихъ мѣста ночлега. Участокъ этотъ занимаетъ нѣсколько (отъ 3 до 6) квадратныхъ верстъ, тянется обыкновенно полосой, и тетерева держатся здѣсь очень упорно, лишь съ трудомъ позволяя перегнать себя отсюда въ другое мѣсто. Но въ годы, когда на березнякѣ почки мало или нѣтъ, тетерева сами переселяются изъ излюбленныхъ мѣстъ въ другія, и тогда напрасно искать здѣсь ихъ стай. Съ другой стороны, обиліе почки привлекаетъ тетеревовъ въ извѣстные участки изъ другихъ, даже очень отдаленныхъ областей, и это отражается на крайне значительномъ увеличеніи числа особей тетеревиныхъ стай. Въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ обыкновенный размѣръ осеннихъ тетеревиныхъ стай отъ 50 до 200 штукъ, но и Сабанѣевъ и Ушковъ говорятъ, что иногда стаи доходятъ до 500 штукъ. При этомъ Ушковъ приводитъ, что осенью 1874 года, на Абрамовскихъ поляхъ, въ Нижне-Исетской дачѣ, изъ одной стаи было убито на охотѣ съ чучелами въ 4 раза до 500 штукъ, между тѣмъ убыль въ стаѣ была почти незамѣтна. Новые тетерева прилетали опредѣленно съ востока и съ избыткомъ покрывали убыль, произведенную охотой на чучела. Сабанѣевъ кромѣ того подмѣтилъ, что осенью и зимою ближе къ хребту многочисленнѣе тетерьки, далѣе отъ хребта—косачи, что объясняется большею осѣдлостью первыхъ и большею подвижностью послѣднихъ: тогда какъ тетерьки придерживаются своихъ гнѣздовыхъ мѣстъ, косачи улетаютъ сравнительно далеко за кормомъ.

Однако, увеличеніе тетеревиныхъ стай на счетъ новоприбывшихъ мало сказывается на ихъ образѣ жизни, и суточные перелеты каждой стаи совершаются съ весьма значительной правильностью.

Всю ночь тетерева проводятъ въ болотистой чащѣ, въ густыхъ уремахъ по берегамъ озеръ и рѣкъ, и ночуютъ либо въ густой осокѣ, либо подъ хворостомъ и кустами; на сѣверѣ мѣстомъ для ночлега они нерѣдко избираютъ моховыя болота. Вылетая съ восходомъ на кормежку, они поднимаются не всѣ вдругъ, а постепенно одинъ за другимъ. Сначала вылетаетъ и тянетъ на опушку вѣроятно вожакъ стада, за нимъ другой, третій, по 2—5 вмѣстѣ, когда стая много-

численна даже по десятку, и такъ перебирается вся стая*). Перелетъ совершается въ извѣстномъ постоянномъ направленіи, отъ котораго тетерева уклоняются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. На опушкѣ стая разсаживается по деревьямъ (какимъ—объ этомъ ниже), осматривается нѣкоторое время и отсюда опять одинъ за однимъ слетаютъ на мѣсто кормежки, будетъ ли это жниво, гороховище или кладь. Наѣвшись, тетерева обыкновенно летятъ на паръ, гдѣ глотаютъ мелкіе камешки и рвутъ такъ наз. паровую траву или торицу (Spergula arvensis), отсюда опять садятся на деревья, гдѣ сидятъ нѣкоторое время, и только послѣ этого прежнимъ порядкомъ летятъ на нѣсколько часовъ въ ту же крѣпь, гдѣ проводятъ ночь. Только въ позднюю осень, при низко стоящемъ барометрѣ тетерева неохотно садятся на деревья, упорно держась на землѣ; если же погода хорошая, солнечная, они на полдень не улетаютъ въ крѣпь, а забравшись на березы, здѣсь и остаются все время, до вечерней кормежки, грѣясь на солнцѣ и пощипывая березовыя почки. Такимъ образомъ, тетерева, повидимому, весьма чувствительны къ измѣненіямъ атмосферы, и г. Ушковъ приводитъ еще примѣръ въ доказательство этого, упоминая, что въ 1877 г. тетерева совершенно исчезли за нѣсколько дней до выпаденія снѣга изъ Екатеринбургскаго уѣзда, и зима этого года отличалась крайней малоснѣжностью; тетерева какъ бы угадали, что имъ негдѣ даже будетъ укрыться въ снѣгу отъ морозовъ, и переселились въ другія мѣста...

При вылетѣ на опушку, тетерева вовсе не безразлично относятся къ деревьямъ, на которыя садятся. Болѣе всего они любятъ такъ называемыя „сухары“, „подстоины“ и „кокоры“, т.-е. высокія, сухія деревья съ обломанными и немногочисленными сучьями. Чѣмъ ближе такая сухара къ опушкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обычному направленію перелетовъ, тѣмъ охотнѣе садятся на нее тетерева, иногда буквально унизывая собою всѣ ея сучья. Каждая стая обыкновенно имѣетъ одно или два излюбленныхъ такихъ дерева, отдавая имъ предпочтеніе передъ другими, и этого никакъ нельзя упускать изъ виду при охотѣ на чучела. Но само собою разумѣется, что характеръ лѣса имѣетъ значеніе, и въ смѣшанномъ лѣсу тетерева садятся также на сосны и ели, которыхъ обыкновенно осенью избѣгаютъ.

На перелетахъ тетерева держатся опредѣленной высоты, именно: въ лѣсистой мѣстности летятъ нѣсколько ниже самыхъ высокихъ деревьевъ, въ открытой, напротивъ, поднимаются очень высоко, какъ и въ чащѣ, когда бываютъ вынуждены подняться выше деревьевъ. Сила вѣтра также имѣетъ значеніе для того, на какой высотѣ летятъ тетерева: при сильномъ противномъ вѣтрѣ они летятъ низомъ и огибаютъ опушки, ища себѣ защиты въ близости лѣса; при

*) Однако, бываютъ, повидимому, изъ этого правила и исключенія. Такъ г. В. П—кій говоритъ, что подъ Семипалатинскомъ стаи тетеревовъ, штукъ до 200, вылетаютъ изъ лѣсу на кормежку кучно, точно туча. Причина этого кроется вѣроятно въ томъ, что тамъ тетерева улетаютъ отъ лѣса на жнивья очень далеко, версты на три.

попутномъ вѣтрѣ летятъ открытыми мѣстами и высоко. Непогоду эти птицы также не любятъ и при дождѣ или снѣгѣ сидятъ въ чащѣ, на нижнихъ болѣе толстыхъ сучьяхъ деревьевъ, которые не раскачиваются вѣтромъ, кормясь березовыми почками, если даже поблизости есть клади или жнивья. При этомъ можно также замѣтить, что въ началѣ осени, когда они только что состадились, тетерева не подолгу сидятъ на деревьяхъ, проводя большую часть времени на землѣ; здѣсь они кормятся преимущественно опавшими березовыми сѣменами, а также сѣменами нѣкоторыхъ стручковыхъ растеній. Также не любятъ садиться на деревья послѣ сильнаго дождя, и если садятся, то исключительно на сухары.

Такимъ образомъ, у тетеревовъ въ осеннемъ образѣ жизни, если можно такъ выразиться, наблюдается множество правилъ, которыхъ они держатся весьма постоянно, и основательное знакомство съ ними необходимо для успѣшной осенней охоты.

Прежде чѣмъ покончить съ описаніемъ осенняго періода, упомянемъ о такъ называемомъ осеннемъ токованіи. Выше уже было говорено, что въ теплые и ясные осенніе вечера молодые, вполнѣ перебравшіеся косачи нерѣдко бормочутъ, какъ бы пробуя голосъ, стоя въ позѣ токующаго тетерева. Большинство охотниковъ утверждаетъ, что старые косачи въ этомъ не участвуютъ, и даже такой опытный охотникъ, какъ г. Ушковъ, говоритъ, что осенняго токованія у тетеревовъ не бываетъ, а что многіе принимаютъ за токованіе „осеннее урканье косача“, которое въ дѣйствительности служитъ только сигналомъ для сбора тетеревовъ въ одну стаю. Однако, повидимому, мѣстами дѣйствительно происходитъ осеннее токованіе. Такъ г. Іозофовичъ опредѣленно говоритъ, что ему довелось наблюдать осеннее токованіе тетеревовъ въ Могилевской, Смоленской, Витебской и Виленской губ. При ранней веснѣ тетеревъ начинаетъ токовать уже во второй половинѣ августа; лучшее время токованія—съ половины сентября по половину октября; но бываетъ также и въ ноябрѣ, и въ декабрѣ, и въ первой половинѣ января (слѣдовательно по снѣгу). Начинается токованіе не очень рано утромъ, обыкновенно незадолго до восхода солнца (!) и длится въ теченіе всего дня. Наилучшее время токованія—при восходѣ солнца, а въ глубокую осень—часу въ 10-мъ. Охотнѣе всего тетеревъ токуетъ на землѣ, иногда на голомъ деревѣ. Токуютъ почти исключительно старики, даже прошлогодніе токуютъ рѣдко. При этомъ въ большомъ стадѣ можно одновременно слышать нѣсколько тетеревовъ. Чуфыканье осенью бываетъ слышно очень рѣдко, остальная часть пѣсни короче и слабѣе весенней. Жестикуляція тетерева во время осенняго токованія та же, что и весною, но онъ не такъ сильно оттопыриваетъ крылья и не въ такой степени распускаетъ хвостъ. Самки относятся къ токованію совершенно безразлично.

Чѣмъ толще слой снѣга, который покрываетъ собою землю, чѣмъ холоднѣе, тѣмъ менѣе смысла въ суточныхъ перелетахъ тетеревовъ,

которые дѣйствительно теряютъ свою правильность и въ началѣ декабря даже прекращаются совсѣмъ. Жнивы и пары занесены снѣгомъ клади обиты, тетереву нечего взять кромѣ березовой почки и онъ, почти весь день держится въ густомъ березнякѣ или даже въ сосновомъ лѣсѣ, только въ полдень вылетая на опушку, чтобы наскоро пощипать почки. Вмѣстѣ съ тѣмъ стаи перестаютъ держаться исключительно одной мѣстности и начинаютъ вести болѣе бродячій образъ жизни. Въ большіе холода тетерева не довольствуются даже прятаньемъ въ чащѣ, а значительную часть дня и всю ночь проводятъ зарывшись въ снѣгъ. Для этого тетеревъ или съ дерева, или прямо съ полета бросается въ снѣгъ и пробиваетъ собою его верхній затвердѣлый слой. Затѣмъ подсовываетъ голову подъ этотъ пробитый слой и, двигая крыльями, образуетъ углубленіе, въ родѣ пещеры, куда и забивается. Г. Ушковъ говоритъ, что такимъ образомъ тетеревъ уходитъ иногда подъ снѣгомъ на пять саженей и болѣе. Вылетаетъ изъ подъ снѣга тетеревъ очень быстро и съ шумомъ. Въ сильныя мятели стая можетъ оставаться подъ снѣгомъ по нѣсколько дней. На этомъ обыкновеніи птицы зарываться въ снѣгъ основана очень оригинальная зимняя „охота изъ ямокъ", о которой будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Однообразно тянутся короткіе зимніе дни, чередуясь съ безконечно длинными ночами. Но вотъ, наконецъ, дни стали длиннѣе, веселѣе засвѣтило солнце и хотя зима царитъ попрежнему, уже чувствуется ея переломъ. На тетеревахъ это прежде всего сказывается тѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которые откочевали далеко отъ предѣловъ родной мѣстности, начинаютъ опять мало-по-малу подвигаться къ ней. Это бываетъ въ концѣ января или началѣ февраля. Въ это время тетерева въ своей бродячей жизни подходятъ на очень близкое разстояніе къ жилью человѣка и залетаютъ даже въ городъ, что, напримѣръ, наблюдалось въ 1866 г. въ Архангельскѣ, гдѣ тетерева появились въ общественномъ саду и, перелетая съ мѣста на мѣсто, разсаживались даже по крышамъ домовъ. Но мѣстныя птицы еще весь февраль продолжаютъ держаться въ болѣе густыхъ и, слѣдовательно, лучше защищенныхъ отъ вѣтра лѣсахъ, и только въ первыхъ числахъ марта перемѣщаются въ рѣдколѣсье, поближе къ старымъ токовищамъ. Тогда же тетерьки отдѣляются отъ косачей и начинаютъ вести одиночную жизнь. Какъ эта однообразная зимняя жизнь переходитъ въ шумную весеннюю мы уже видѣли, и теперь, покончивъ съ описаніемъ годового цикла періодическихъ явленій въ жизни тетерева, намъ остается только разсмотрѣть практикуемые за этой птицей осенью и зимою способы охоты.

II.

ОСЕННЯЯ ОХОТА.

Охота на чучела.—Выборъ мѣста.—Шалашъ.—Чучела.—Загонщики.—Стрѣльба.—Осенняя ловля.

Характерной охотой на тетеревовъ осенью служитъ охота на чучела, превосходно описанная Л. П. Сабанѣевымъ въ двухъ статьяхъ, изъ коихъ я цѣликомъ привожу вторую по времени появленія какъ болѣе краткую и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общую (первая подробно трактуетъ объ охотѣ на чучела въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ), составившую одну изъ главъ въ монографіи тетерева косача названнаго автора.

„Чучелиная охота, читаемъ мы здѣсь, начинается иногда раньше, иногда нѣсколько позже, смотря потому—благопріятствовала ли весна раннимъ выводкамъ или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ она начинается не ранѣе первыхъ чиселъ сентября, а большей частью съ октября, когда тетерева соберутся въ стаи и начнутъ „садиться на лѣсину“. Въ самомъ разгарѣ охота эта въ октябрѣ, когда листъ окончательно облетитъ, и тетеревиныя стаи дѣлаютъ самые правильные перелеты. Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ были замѣчены старые косачи, которые вообще первыми станваются и садятся на лѣсину, можно начинать чучелиную охоту и въ послѣднихъ числахъ августа или въ началѣ сентября, но тогда она рѣдко бываетъ добычлива: тетерева все еще продолжаютъ садиться на землю, плохо идутъ на чучела, а если и садятся на деревья, то очень далеко отъ шалаша. Въ первыхъ числахъ декабря, когда выпадетъ уже довольно глубокій снѣгъ, затрудняющій загонщиковъ, и начнутся сильные морозы, чучелиная охота вовсе прекращается: тетерева упорно держатся въ чащѣ, откуда ихъ почти невозможно выгнать, плохо подсаживаются, и охотникъ только напрасно мерзнетъ. Вообще при морозѣ свыше десяти градусовъ эта охота, основанная на выжиданіи, весьма утомительна и непріятна; напротивъ, при теплой и тихой погодѣ и при удачномъ выборѣ мѣста, когда перелетъ совершается непрерывно, и охотникъ иногда не имѣетъ времени не только выкурить папироску, но даже не успѣваетъ зарядить ружья,— тогда она безспорно бываетъ однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени: согласитесь, что охотникъ много бы далъ за удовольствіе въ какіе-нибудь два часа свалить десятка два тетеревовъ, не говоря о неизбѣжныхъ подстрѣлахъ и промахахъ, когда стрѣляешь изъ-за сучковъ или черезчуръ торопишься. При удачномъ перелетѣ и, въ особенности, при двухъ охотникахъ въ разныхъ шалашахъ со стороны не скоро догадаешься, что здѣсь происходитъ безпощадное убіеніе ни въ чемъ невиновныхъ птицъ, а сначала невольно придетъ въ голову непріятельская перестрѣлка, или, по крайней мѣрѣ подумаешь, что цѣлый десятокъ охотниковъ забавляется стрѣльбою въ цѣль. Выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ: не успѣетъ

убитый косачъ, считая сучки, свалиться на землю — на его мѣсто садится другой; въ самый разгаръ перелета, когда за разъ къ чучеламъ подсаживается не одинъ десятокъ тетеревовъ, иногда случается однимъ выстрѣломъ убить наповалъ пару, а иногда и цѣлую тройку; но какъ только пролетитъ хвостъ стаи—наступаетъ временное затишье, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока загонщики не завернутъ стаю обратно; затѣмъ снова молчаніе и снова непрерывная перестрѣлка, и это повторяется до четырехъ, пяти, рѣдко шести разъ, смотря по количеству совершенныхъ перелетовъ.

„Въ чучелиной охотѣ самое главное — удачный выборъ мѣста. Выполнивъ это условіе, можно почти всегда быть увѣреннымъ въ полномъ успѣхѣ и большой добычѣ. Поэтому, очень важно подмѣтить заранѣе, гдѣ держатся тетерева, изъ какого болота вылетаютъ, въ какомъ направленіи летятъ и на какія деревья исключительно садятся. Вообще самое лучшее мѣсто находится, такъ сказать, въ центрѣ перелета, въ одинаковомъ разстояніи отъ болота и крайнихъ пашенъ, куда долетаетъ вся стая; притомъ оно должно быть непремѣнно видно издалека. Необходимо, чтобы здѣсь росли самыя высокія деревья, были такъ называемыя кокоры или сухары; чтобы оно находилось недалеко отъ опушки, или даже выдавалось мысомъ; очень хорошо, если вблизи его лежитъ овсяное поле, гороховище или овсяныя клади. Слѣпая чаща и, наоборотъ, слишкомъ рѣдко стоящія деревья одинаково неудобны для шалаша. Въ первомъ случаѣ неудобно стрѣлять, во второмъ приходится обстрѣливать весьма немногія деревья; во всякомъ случаѣ, надо заранѣе опредѣлить, какія деревья находятся въ мѣрѣ выстрѣла, и на какихъ можетъ быть подстрѣлъ или промахъ. Вообще выстрѣлъ на разстояніи большемъ двадцати саженъ — ненадеженъ, тѣмъ болѣе въ холода, когда отъ упругихъ перьевъ косача дробь буквально отскакиваетъ или скользитъ, не проникая въ тѣло. Необходимо, чтобы на разстояніи ружейнаго выстрѣла находилось по крайней мѣрѣ 5—6 высокихъ деревьевъ и чтобы они не заслоняли другъ друга. Лишніе — мѣшающіе и всѣ низкіе деревья и кусты близъ шалаша, если можно, обрубаются. Рѣдколѣсье имѣетъ ту выгоду, что въ немъ далеко видно, куда падаетъ подстрѣленный тетеревъ,— а это составляетъ одну изъ немаловажныхъ причинъ большей добычливости чучелиной охоты, напримѣръ въ рѣдкихъ башкирскихъ лѣсахъ Зауральскаго края.

„Весьма удачна бываетъ охота, когда на перелетѣ находится небольшая купа деревьевъ, такъ называемый островъ, деревьевъ въ 15—20. Въ этомъ случаѣ, устроивъ шалашъ въ серединѣ, легко можно обстрѣливать почти всѣ деревья; такое мѣсто видно со всѣхъ сторонъ, и тетерева охотно садятся сюда, разумѣется если оно недалеко въ сторонѣ отъ обычнаго ихъ перелета.

„Охота весьма затрудняется, если въ избранномъ мѣстѣ находится черезчуръ много кокоръ, или самая, такъ сказать, основная кокора, на которую возлагаются всѣ надежды охотника и на которую садится большинство перелетающихъ тетеревовъ, черезчуръ сучковата. Въ

первомъ случаѣ они садятся за сучками на вѣтвяхъ, обращенныхъ въ сторону противоположную шалашу, и происходитъ великое множество неудачныхъ выстрѣловъ и даже промаховъ. Перваго мѣста надо по возможности избѣгать, а во второмъ — необходимо заранѣе обрубать тѣ задніе сучки, которые прикрыты передними. Такія мѣшающія и лишнія вѣтви надо замѣчать, стоя въ шалашѣ или на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается его поставить.

„Въ вѣтеръ охота вообще бываетъ неудачна, но это отчасти избѣгается, когда балаганъ сдѣланъ поближе къ чащѣ и подальше отъ опушки, въ глубинѣ лѣса, но все-таки, разумѣется, на достаточно виднымъ мѣстѣ. Можно также въ этомъ случаѣ строить шалашъ у самаго болота, въ которомъ отдыхаетъ и ночуетъ поджидаемая дичь, но тогда приходится часто стрѣлять только подъ вечеръ и вообще когда тетерева возвращаются въ болото. Здѣсь рѣдко выждешь болѣе одного, двухъ перелетовъ и рѣдко убьешь болѣе десятка, почему такое мѣсто выбирается только въ крайности: при очень вѣтряной погодѣ или когда очень опоздаешь на охоту. Обыкновенно тетерева, вылетѣвъ изъ болота, летятъ не останавливаясь далѣе и все время держатся въ ближайшемъ лѣсу у опушки и полей, и возвращаются въ болото только въ извѣстное время дня или вечера.

„Точно такъ же охота бываетъ неудачна и въ сильный иней, когда тетерева сидятъ обыкновенно на нижнихъ сучьяхъ деревьевъ и мало летаютъ. При такой погодѣ гораздо выгоднѣе стрѣлять ихъ съ подъѣзда, тѣмъ болѣе, что въ это время птица смирна и подпускаетъ охотника очень близко.

„Не слѣдуетъ никогда выбирать для чучелиной охоты такого мѣста, поблизости котораго пролегаетъ очень проѣзжая дорога, или которое, почему бы то ни было, часто посѣщается людьми; необходимо также избѣгать близости пасущихся стадъ и табуновъ.

„Если все готово заблаговременно, т.-е. заранѣе выстроенъ шалашъ, то необходимо быть на мѣстѣ за полчаса до вылета тетеревовъ изъ болота: этого весьма достаточно для выставки чучелъ и заѣздки загонщиковъ. Въ противномъ случаѣ, когда приходится выбирать мѣсто и строить балаганъ, надо пріѣзжать по крайней мѣрѣ за часъ до начала перелета: первое время въ три, потомъ въ два, а въ декабрѣ даже въ двѣнадцать часовъ дня, а утромъ—до восхода солнца, сначала въ четыре, а въ концѣ ноября и въ семь часовъ утра.

„Въ одинъ день можно дать двѣ охоты: утреннюю и вечернюю, промежутокъ между которыми рѣдко бываетъ болѣе четырехъ—пяти часовъ, но слѣдуетъ замѣтить, какъ это ни покажется страннымъ, что утренняя стрѣльба на чучела рѣдко бываетъ вполнѣ удачна, отчасти потому, что голодные тетерева плохо садятся на деревья и сначала больше валятся на землю, а потомъ на клади, и вообще торопятся поскорѣе нахвататься корму,—частью потому, что утромъ нерѣдко бываютъ сильные морозы, а съ восходомъ солнца и началомъ охоты подымается вѣтеръ, крѣпчающій все болѣе и болѣе. Послѣ полудня замѣ-

чается совсѣмъ обратное явленіе: тетерева сыты и дѣлаютъ болѣе частые перелеты; лучше садятся на деревья; вѣтеръ постепенно стихаетъ, и морозъ усиливается только передъ закатомъ солнца, слѣдовательно по окончаніи стрѣльбы.

„Замѣтимъ здѣсь, что при незаблаговременномъ выборѣ мѣста необходимо обращать вниманіе на клади, смотрѣть, на которыхъ изъ нихъ всего болѣе тетеревинаго помету, а на выпавшемъ снѣгѣ внимательно смотрѣть, гдѣ всего болѣе слѣдовъ.

„Устройство шалаша очень просто. Прежде всего выбираютъ для него мѣсто, которое должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: первымъ дѣломъ онъ долженъ занимать центральное положеніе, а не на самой опушкѣ, и слѣдовательно, на самомъ виду, чтобы изъ него было ловко прицѣливаться во всѣ окружающія деревья; если только можно, его слѣдуетъ устраивать не на чистомъ мѣстѣ, между далеко стоящими деревьями, а подъ или между двумя близко стоящими небольшими березами, соснами и елями. Отъ выбора небольшихъ березъ зависитъ успѣхъ охоты, такъ какъ большія березы сопряжены съ неудобствами вертикальной стрѣльбы, которая еще болѣе затрудняется обиліемъ сучьевъ; высокія сосны и ели не представляютъ этого неудобства, потому что тетерева, если есть поблизости березы, на ели мало садятся. Балаганъ долженъ быть не менѣе сажени въ вышину и у основанія, иначе въ немъ будетъ трудно пошевелиться и придется стрѣлять въ согнутомъ лежачемъ положеніи или на колѣняхъ, вообще въ ненормальномъ положеніи, что съ непривычки значительно уменьшаетъ вѣрность прицѣла. Хорошо также дѣлать шалашъ подъ естественной березовою шапкою, густо переплетшимися и нависшими сучьями, что зависитъ отъ болѣзненности дерева—явленіе, очень часто замѣчаемое въ лѣсахъ, гдѣ березы безпощадно обдираются и подсачиваются.

„Если балаганъ сдѣланъ заранѣе, или на этомъ самомъ мѣстѣ или поблизости стоялъ старый прошлогодній балаганъ или полевой шалашъ жнецовъ, — подобныя предосторожности почти совершенно излишни; но надо замѣтить, что при удачной и очень часто повторяемой охотѣ прошедшею осенью, тетеревиная стая обыкновенно измѣняетъ направленіе своихъ перелетовъ и слѣдующею осенью летаетъ большею частью другими мѣстами. Вотъ почему въ маломъ употребленіи постоянные шалаши. Такіе шалаши обыкновенно дѣлаются съ аршинной ямой внутри. Они хотя и представляютъ многія удобства и, что всего важнѣе, не такъ замѣтны, но требуютъ очень большихъ хлопотъ. Хорошо еще, если такой шалашъ сдѣланъ на мѣстѣ и удастся въ немъ сдѣлать три—четыре удачныя охоты, но по большей части яма выкапывается до начала чучелиной охоты и, слѣдовательно, совершенно гадательно.

„Всего лучше и удобнѣе обыкновенный коническій шалашъ изъ нѣсколькихъ (десяти—двѣнадцати) жердей или вырубленныхъ деревьевъ въ четыре—пять аршинъ длины. Вѣтви послѣднихъ не обрубаются,

и всѣ они укладываются козлами, комлемъ внизъ—къ широкому мѣсту. На нихъ кладутся еще другія березки съ необлетѣвшими совсѣмъ листьями, или еловыя и сосновыя вѣтви и цѣлыя деревца. Много впрочемъ не слѣдуетъ наваливать, иначе наружные оттопырившіеся сучья будутъ только мѣшать прицѣливаться. Надо какъ можно лучше забрать только вершину конуса и тотъ бокъ, который обращенъ къ главному дереву или кокорѣ, на которой, предполагается, будетъ садиться большинство тетеревовъ. Никогда не слѣдуетъ дѣлать балаганъ изъ сѣна или соломы, развѣ только у самаго стога или хлѣбной клади: тетерева видятъ такіе гораздо далѣе, и первое время болѣе опасаются, но, разумѣется, если онъ сдѣланъ заблаговременно, за нѣсколько дней, то привычка беретъ свое, и стая не обращаетъ на него никакого вниманія.

„Во всякомъ случаѣ, при устройствѣ шалаша необходимо сообразоваться съ мѣстностью. Въ смѣшанномъ лѣсу всего лучше дѣлать его изъ молодыхъ хвойныхъ деревьевъ, именно елочекъ; тамъ, гдѣ много дуба, т.-е. въ лиственныхъ лѣсахъ южной части средней полосы—шалашъ дѣлается изъ дубовыхъ вѣтвей, на которыхъ листъ держится всего долѣе. Наконецъ тамъ, гдѣ тетерева летаютъ на гороховища и имѣется обыкновеніе ставить горохъ на такъ называемые „шиши", т.-е. на сложенныя конусомъ жерди,—тамъ всего удобнѣе дѣлать балаганъ, разумѣется на опушкѣ поблизости поля—изъ гороховины. Тетерева, которые часто, напр., въ Зауральѣ, посѣщаютъ шиши—нисколько не боятся подобныхъ шалашей и даже не рѣдко садятся на нихъ.

„Наконецъ, если въ охотѣ участвуетъ двое или болѣе охотниковъ, то для каждаго долженъ быть устроенъ отдѣльный шалашъ, притомъ на разстояніи не меньше ста шаговъ одинъ отъ другого. Иначе, какъ говорится, два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, и какъ не уговаривайтесь объ очереди, каждый будетъ торопиться и торопить товарища и неминуемо произойдетъ толкотня и суетня, а стало быть—неизбѣжные промахи; въ довершеніе всего, васъ ожидаютъ неизбѣжные споры объ убитыхъ. Если шалаши дѣлать очень близко одинъ отъ другого, то послѣ выстрѣла тетерева будутъ почти всегда перелетать черезъ слѣдующій шалашъ, не присаживаясь; если напротивъ, балаганы слишкомъ удалены, то загонщикамъ будетъ очень трудно загонять стаю, и необходимо придется увеличить число ихъ. Притомъ, какъ извѣстно, тетерева совершаютъ свои главные перелеты на весьма небольшомъ пространствѣ—около версты, рѣдко на двухъ. При двухъ шалашахъ, оба должны быть, по мѣрѣ возможности, въ одномъ направленіи съ перелетомъ, а при трехъ—лучше располагать ихъ (тоже ближе къ серединѣ перелета и не далѣе 150—200 саженъ одинъ отъ другого) равнобедреннымъ треугольникомъ, острый уголъ котораго былъ бы обращенъ къ болоту, вообще къ ночевкѣ стаи, и занятъ самымъ ближнимъ шалашомъ. Какъ извѣстно всякому, тетерева, вылетѣвъ изъ болотной чаіци, сначала летятъ на сосѣднія вы-

сокія деревья, которыя такимъ образомъ представляютъ какъ бы сборный пунктъ. Затѣмъ, посидѣвъ тутъ нѣсколько минутъ, тетерева летятъ, всегда уже гораздо дружнѣе, на кормежку. Изъ этого, понятно одни шалаши (но большею частью одинъ) ставятся на сборномъ мѣстѣ, а другіе на жировкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, тетерева, особенно распуганные выстрѣлами, садятся гораздо шире. Нечего и говорить, что при постоянной охотѣ на чучела необходимо имѣть нѣсколько шалашей въ различныхъ мѣстахъ, т.-е. для каждой стаи: три раза подрядъ эта охота рѣдко бываетъ удачна, но если стрѣлять, напр., разъ въ недѣлю—то одинъ шалашъ, разумѣется при большой стаѣ, можетъ прослужить цѣлую осень.

„Покончивъ съ шалашомъ, заготовляютъ такъ наз. подчучельники. Съ этою цѣлью вырубаютъ надлежащее количество достаточно длинныхъ *), сажени въ полторы—двѣ, но не очень толстыхъ и, по возможности, совершенно прямыхъ жердей. Всѣмъ этимъ условіямъ вполнѣ удовлетворяютъ молодыя сосенки, выросшія въ чащѣ, но за неимѣніемъ таковыхъ, конечно, годится всякое достаточно прямое молодое дерево. Тонкій конецъ каждой жерди (конечно съ отрубленной верхушкой) заостряется, а толстый расщепляется топоромъ и расщелина на концѣ немного вырубается, т.-е. дѣлается шире. Къ тонкому концу привязывается втыкаемое чучело (см. дал.), загонщикъ залѣзаетъ на середину выбраннаго, обыкновенно довольно высокаго, издалека виднаго дерева и выставляетъ чучело или два какъ можно ближе къ верхушкѣ, но не выше ея и не внѣ сучьевъ, при чемъ толстый расщепленный конецъ каждаго подчучельника закрѣпляется на одной изъ вѣтокъ какъ можно ближе къ стволу; иначе чучело будетъ казаться опрокинутымъ набокъ, впередъ или назадъ. Подчучельники закрѣпленные такимъ образомъ могутъ выдержать самый сильный вѣтеръ, особенно если направленіе его принято въ соображеніе, и жердь наклонена въ противоположную ему сторону. Привязываніе же однихъ чучелъ къ вѣтвямъ сопряжено съ большими неудобствами, тѣмъ болѣе, что очень хитро взобраться на самую верхушку, низко же выставленныя чучела не оправдываютъ своего назначенія—служить издали приманкой.

„Количество чучелъ можетъ быть весьма различно, но никакъ не менѣе двухъ, всего лучше три или четыре. Большее количество почти излишне, такъ какъ тогда очень немудрено сбиться съ толку и стрѣлять не въ птицу, а въ чучела **); по нашему мнѣнію не слѣ-

*) Нѣкоторые совѣтуютъ дѣлать подчучельники гораздо длиннѣе, сажени въ четыре и болѣе, но это удобно только когда деревья, предназначенныя для выставки чучелъ, не превышаютъ этой мѣры, вообще когда приходится охотиться въ дровяномъ лѣсу. Если же около шалаша есть хоть одна высокая береза или другое дерево, то все равно неминуемо придется выставить здѣсь хотя одно чучело, а слѣдовательно и влѣзть на него. *Сабанѣевъ.*

**) Поэтому весьма странно, какимъ образомъ такой опытный лѣсной охотникъ какъ Кирѣевскій (см. Разсказы лѣсного охотника) совѣтуетъ выставлять до 25 (!!) чучелъ, изъ коихъ впрочемъ половину на землю. *Сабанѣевъ.*

дуетъ выставлять болѣе трехъ чучелъ на одну „лѣсину“, или, наоборотъ, ставить по одному чучелу на каждое изъ ближнихъ деревьевъ. Несоблюденіе послѣдняго правила особенно даетъ себя чувствовать въ началѣ осени—по чернотропу, когда тетерева еще плохо присаживаются къ чучеламъ и садятся поодаль отъ нихъ. Поэтому, въ сентябрѣ въ особенности, никогда не слѣдуетъ выставлять чучела на кокорѣ и вообще на главныхъ деревьяхъ, а выбирать для нихъ хотя и высокія, но очень развѣсистыя и сучковатыя березы, неудобныя для стрѣльбы, и, кромѣ того, помѣщать эти чучела на задней сторонѣ дерева, гдѣ птицу застрѣлить уже весьма трудно. Всѣ чучела должны однако группироваться около главнаго дерева и разставляются какъ можно натуральнѣе, напр., если ихъ два или три на одномъ деревѣ, то не на одной высотѣ. Если есть лишнее чучело, то хорошо выставлять его на низенькомъ деревѣ, надъ шалашомъ или даже на немъ, особенно если послѣдній сдѣланъ изъ гороховины. Прилетѣвшіе тетерева сидятъ тогда долѣе и подсаживаются ближе. На землѣ же чучела совершенно излишни—развѣ только въ началѣ осени, и то когда шалашъ прилегаетъ къ жниву, озими или гороховищу. Однако судя по тому, что тетерева, какъ и глухари, зимой сильно идутъ на „точки“, мы полагаемъ, что такіе точки, возобновляемые послѣ каждой пороши, служили бы для тетеревовъ еще лучшей приманкой, чѣмъ сами чучела.

„Если мѣсто выбрано удачно, и тетерева хорошо летятъ на чучела, если вообще соблюдены всѣ главныя условія охоты,—то они, по крайней мѣрѣ первое время, не боятся самыхъ дрянныхъ чучелъ изъ сукна или черныхъ тряпокъ. Въ противномъ случаѣ, тѣмъ болѣе когда стая, какъ говорится, настрѣляна—то тетерева, особенно косачи, становятся гораздо осмотрительнѣе и осторожнѣе, и ихъ уже ни за что не приманешь деревянной или тряпичной кривулей, выкрашенной черной краской. Тогда, конечно, тотъ, у кого лучшія чучела, и убьетъ большее количество.

„Наиболѣе употребительныя у промышленниковъ *), да и у большинства охотниковъ и самыя долговѣчныя чучела—конечно суконныя. Дѣлаются они слѣдующимъ образомъ: изъ новаго немоченаго чернаго сукна тщательно вырѣзывается выкройка, т.-е. двѣ половинки, которыя аккуратно сшиваются (для шва разумѣется оставляется небольшая закрайка), выворачиваются и чрезъ отверстіе, оставленное въ брюхѣ и головѣ, тщательно набиваются сѣномъ, а иногда паклей, и наконецъ выправляются и выглаживаются. Затѣмъ пришивается настоящій тетеревиный клювъ и хвостъ, вставляются, вмѣсто глазъ, черныя стеклянныя бусины, надъ ними пришиваются красныя, а по бокамъ три бѣлыя полоски. Отверстіе, оставленное въ брюхѣ, обшивается внутри кожей, а къ краямъ этого отверстія придѣлывается тонкая, но прочная бечевка, служащая для привязыванія чучела къ подчучельнику.

*) Впрочемъ, нѣкоторые промышленники вмѣсто чучелъ употребляютъ деревянныя обожженныя кривули, имѣющія весьма отдаленное сходство съ тетеревомъ. *Сабанѣевъ.*

„По нашему мнѣнію, однако, гораздо лучше суконныхъ чучела изъ папье-маше, тѣмъ болѣе настоящія чучела, изъ шкурки тетерева. Послѣднія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣютъ то главное неудобство, что весьма недолговѣчны, скоро портятся отъ дождя, обиваются и треплются. Но приготовленіе ихъ вовсе не такъ затруднительно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, да и матеріалъ для подобныхъ чучелъ подъ рукою у каждаго охотника—и чѣмъ ему выписывать дорого стоющія картонныя чучела, все-таки не слишкомъ приманивающія тетеревовъ и скоро обламывающія хвосты,—гораздо скорѣе и удобнѣе сдѣлать таковыя самому или поручить кому-либо содрать шкурку. Разрѣзъ надо дѣлать вдоль брюха, и онъ не долженъ быть очень широкъ; ноги, какъ совершенно лишнія, отрѣзаются; мясо въ крыльяхъ и на черепѣ, который оставляется, вычищать не стоитъ. Снявъ шкуру, выворачиваютъ ее на изнанку и затѣмъ напяливаютъ на заранѣе приготовленное туловище, съ шеей изъ пакли, намотанной вокругъ стараго насквозь пробитаго патрона *). Къ рубчатому концу послѣдняго, который долженъ нѣсколько выходить наружу, привязывается бечевка; въ отверстіе патрона вставляется заостренная верхушка подчучельника, а концы бечевки обматываются вокругъ какъ можно крѣпче. Предосторожность эта крайне необходима, такъ какъ въ противномъ случаѣ вѣтеръ легко можетъ сорвать или же, что еще хуже, сильно наклонить чучело, а, кромѣ того, подобныя чучела могутъ очень часто сдѣлаться добычей хищныхъ птицъ, которыя очень часто совершенно внезапно для охотника бросаются на нихъ и иногда уносятъ очень далеко или и вовсе скрываются.

„Весьма важная вещь — придать чучелу правильную посадку. Иначе тетерева не только не садятся на то дерево, на которомъ оно выставлено, но даже пролетаютъ мимо. Одинаково не слѣдуетъ давать чучелу горизонтальную или, напротивъ, слишкомъ вертикальную позу, съ черезчуръ вытянутою шеею, что тетерева дѣлаютъ насторожившись и собираясь улетѣть. Чучело, свалившееся набокъ, впередъ или назадъ, также пугаетъ птицу; наконецъ, имѣя въ виду, что тетерева почти всегда садятся зобами противъ вѣтра, необходимо принимать въ соображеніе направленіе послѣдняго, тѣмъ болѣе, что сильный вѣтеръ ерошитъ перья чучела и задираетъ ему хвостъ **).

„Для чучела необходимо выбирать исключительно старыхъ, совсѣмъ вылинявшихъ косачей или тетерь; къ такимъ молодые тетерева

*) Для большей крѣпости, вокругъ патрона, ближе къ острому концу, нѣсколько отогнутому и отвороченному наружу—завертывается проволока не толще самаго тонкаго карандаша. Одинъ конецъ этой проволоки (соразмѣрно съ длиной тетерева) пускается длиннѣе и, тонко обвернутый паклей, служитъ шеей; патронъ и шейная проволока должны составлять тупой, а не прямой уголъ. Хвостъ слѣдуетъ хорошенько расправить и все чучело хорошенько пригладить и аккуратно высушить въ полуостывшей печкѣ. *Сабанѣевъ.*

**) Во всякомъ случаѣ не раціонально ставить чучела зобами въ разныя стороны, какъ совѣтуетъ это Кирѣевскій (l. c.). Точно такъ же совершенно несправедливо противорѣчащее мнѣніе послѣдняго, что слѣдуетъ выставлять чучела головами на востокъ, по той причинѣ, что будто тетерева дѣлаютъ это насторожившись. *Сабанѣевъ.*

подсаживаются охотнѣе, да кромѣ того невылинявшія (молодыя) птицы очень лѣзутъ и, будучи набиты, имѣютъ весьма растрепанный видъ. Для чучелъ черныши всегда предпочитаются тетерькамъ, такъ какъ ихъ видно гораздо далѣе; только хвосты ихъ гораздо скорѣе мнутся и обламываются. При большомъ количествѣ чучелъ необходимо имѣть хоть одну рябушку. Понятное дѣло, чучела какъ суконныя, такъ тѣмъ болѣе настоящія, должно беречь—не оставлять ихъ ночевать въ лѣсу*) и возить отдѣльно отъ убитой птицы, иначе онѣ очень скоро треплются, пачкаются и становятся негодными къ употребленію.

„Самый лучшій экипажъ для чучелиной охоты: осенью—охотничьи дрожки въ родѣ линейки съ ящикомъ подъ сидѣньемъ, а зимою—обыкновенныя сани, сзади которыхъ привязывается ящикъ. Вообще необходимо имѣть отдѣльныя помѣщенія для чучелъ и убитой дичи и необходимо имѣть съ собой топоръ или два, смотря по тому, загоняетъ ли одинъ возница или кромѣ него имѣется еще другой или нѣсколько загонщиковъ.

„Далеко не всякій можетъ быть хорошимъ загонщикомъ, такъ какъ отъ послѣдняго требуется много снаровки. Во-первыхъ, загонщикъ долженъ быть очень хорошо знакомъ съ мѣстностью и не только знать, но нерѣдко и смекнуть — гдѣ, въ какомъ болотѣ или чащѣ должны отдыхать тетерева. Подходя или, что гораздо скорѣе и удобнѣе, подъѣзжая верхомъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагаются сидящія на землѣ, на отдыхѣ, или замѣченныя на деревьяхъ птицы,—онъ долженъ дать большой кругъ, обойти это мѣсто и ѣхать потихоньку, шагомъ и въ извѣстномъ направленіи, предупреждая охотника сначала крикомъ „посматривай“, а потомъ, когда тетерева начнутъ подсаживаться къ шалашу — „береги шалашъ“. Главное дѣло, чтобы тетерева слетали одинъ за другимъ, а не поднимались всѣмъ стадомъ за разъ — иначе въ каждый перелетъ сдѣлаешь два, рѣдко три-четыре выстрѣла, да и въ слѣдующіе раза стая, напуганная выстрѣломъ, иногда летитъ уже мимо, не останавливаясь. Всего лучше разбить предварительно стаю на нѣсколько меньшихъ, такъ какъ загонять послѣднія гораздо легче, и перелетъ иногда совершается почти непрерывно. Вотъ здѣсь-то и сказывается необходимость въ двухъ, даже трехъ загонщикахъ и притомъ верхомъ на лошадяхъ, потому что время дорого, а пѣшему не скоро обойти широко разсѣвшуюся стаю. Изъ этихъ загонщиковъ одинъ, наиболѣе опытный, выгоняетъ тетеревовъ изъ болота, а другой ѣдетъ въ совершенно противоположную сторону и долженъ перенять птицу, пролетѣвшую мимо шалаша или слетѣвшую съ присады отъ выстрѣловъ, и гнать ее обратно. На первыхъ лежитъ также весьма трудная обязанность подгонять тетеревовъ, сѣвшихъ внѣ выстрѣла, что требуетъ большой ловкости.

*) Это правило соблюдается далеко не всѣми охотниками, подъ благовиднымъ предлогомъ—пріученія тетеревовъ къ виду чучелъ. Но главная причина тому—лѣнь, тѣмъ болѣе, что, напротивъ, чучела, предоставленныя вѣтру, дождю и хищнымъ птицамъ, очень скоро становятся не приманкой, а пугаломъ птицы. *Сабаньевъ.*

въ этомъ случаѣ загонщикъ не подъѣзжаетъ очень близко къ птицѣ и долженъ часто останавливаться: тетерева, видя его постепенное приближеніе, начинаютъ безпокоиться и одинъ за другимъ перелетаютъ на нѣсколько десятковъ саженъ далѣе, т.-е. къ шалашу.

„Отпустивъ загонщиковъ, прежде всего необходимо хорошенько осмотрѣться: замѣтить гдѣ поставлены чучела, надѣлать со всѣхъ сторонъ шалаша окошечекъ, такъ чтобы можно было удобно прицѣлиться на всѣ близстоящія деревья, а также подрѣзать всѣ торчащіе во внутрь сучья. Для удобства не мѣшаетъ возить съ собой коверъ или, еще лучше, небольшую скамеечку, потому что лежать на сырой землѣ, тѣмъ болѣе на снѣгу, не совсѣмъ пріятно и здорово. Затѣмъ заряжаютъ ружья, смотрятъ все ли въ порядкѣ и подъ рукой — и у васъ еще остается много времени, такъ какъ нерѣдко проходитъ цѣлый часъ, пока загонщики выгонятъ тетеревовъ изъ болота. Но если вы пріѣхали поздно и застали стаю сидящею на опушкѣ, тогда уже нечего медлить и необходимо быть наготовѣ. Впрочемъ, такая охота рѣдко бываетъ удачна: тетерева не очень довѣрчиво летятъ къ тому мѣсту, гдѣ только что видѣли людей и нерѣдко летятъ черезъ шалашъ, не присаживаясь къ чучеламъ.

„Обыкновенно стая все время держится неподалеку отъ шалаша въ окружающей опушкѣ и не возвращается въ болото. По этой причинѣ главный загонщикъ начинаетъ помогать второму, только подальше отъ него. Если же шалашъ, какъ это часто бываетъ, сдѣланъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, или даже наудачу, — хотя на удобномъ и видномъ мѣстѣ, то въ такомъ случаѣ оба загонщика разъѣзжаются въ разныя стороны и даютъ большой кругъ, версты по двѣ или болѣе въ діаметрѣ. Главная обязанность загонщиковъ состоитъ въ томъ, что они не должны давать тетеревамъ наѣдаться, такъ какъ голодная птица дольше летаетъ, замѣчать куда упала подстрѣленная, внимательно смотрѣть, не сидитъ ли гдѣ-нибудь тетеря или двѣ, куда полетѣла вся стая — и на рысяхъ, или даже вскачь немедля отправляться за нею. Незадолго до заката солнца, иногда менѣе чѣмъ за часъ, вся стая окончательно улетаетъ въ болото и, посидѣвъ нѣкоторое время на деревьяхъ, спускается на землю. Выгонять ее отсюда — совершенно напрасный трудъ. Замѣтимъ кстати, что тетерева, перемѣщаяясь, обыкновенно какъ бы кудахчутъ, а садясь кыркаютъ, но ужъ гораздо тише.

„Удача охоты зависитъ отъ соблюденія всѣхъ вышеозначенныхъ условій, а прежде всего — отъ выбора мѣста, умѣнья загонщиковъ, отъ шалаша, хорошихъ чучелъ и благопріятной погоды. Всего удачнѣе бываетъ охота въ первый снѣгъ — по порошѣ; туманная же погода и сильный иней, напротивъ, удобны только для охоты съ подъѣзда. Во всякомъ случаѣ, никогда не слѣдуетъ давать нѣсколько охотъ нѣсколько дней подъ рядъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ какъ тогда тетерева не только измѣняютъ направленіе своихъ перелетовъ, но даже перекочевываютъ въ другое мѣсто, за нѣсколько

верстъ. Бываютъ также случайныя неудачи, напримѣръ, загонщики никакъ не могутъ найти тетеревовъ, а если найдутъ, то послѣдніе летятъ низомъ, плохо садятся на деревья, и то на нижнихъ сучьяхъ— это почти всегда означаетъ, что поблизости летаетъ ястребъ или соколъ, что скоро и не замедлитъ оправдаться, такъ какъ первый рано или поздно не преминетъ вцѣпиться съ размаху въ привязанное чучело. Сокола же не такъ опасны для чучелъ, такъ какъ почти никогда не берутъ птицы съ дерева; но кромѣ этихъ хищниковъ много досаждаютъ также луни, иногда даже осоѣды (Pernis apivorus) и мышеловы (Buteo vulpinus), а подъ вечеръ — большія совы и филины. Первыя тоже часто вцѣпляются въ чучела, а ночные хищники большею частію подбираютъ подстрѣленныхъ и убитыхъ — иногда подъ самымъ носомъ охотника. На это, впрочемъ, большая мастерица и лиса, но хитрая кумушка рѣдко подходитъ близко къ шалашу. Какъ извѣстно каждому, на этой охотѣ, какъ и почти на всякой другой, гдѣ приходится стрѣлять изъ засады, никогда не слѣдуетъ выходить изъ шалаша до окончанія охоты и ни въ какомъ случаѣ — подбирать павшихъ птицъ, иначе легко испортить всю охоту. Лучше всего замѣчать, куда упала подстрѣленная птица, а потомъ отыскивать ее съ помощью загонщиковъ. Разумѣется, подбираніе убитыхъ и раненыхъ много облегчается при помощи хорошей, очень вѣжливой собаки, которая не выскакивала бы изъ шалаша при каждомъ выстрѣлѣ; но дѣло въ томъ, что комнатный песъ всегда очень мерзнетъ и для него необходимо брать что-нибудь очень теплое.

„Что касается вооруженія охотника, то нечего и говорить, что здѣсь, больше чѣмъ гдѣ-либо, сказывается преимущество ружья, заряжающагося съ казенной части — передъ шомпольнымъ. За неимѣніемъ же перваго, въ хорошихъ мѣстахъ недостаточно бываетъ и двухъ двухствольныхъ ружей съ заранѣе приготовленными зарядами: часто перелетъ разбившейся стаи продолжается нѣсколько минутъ подъ рядъ, не останавливаясь, и время тогда очень дорого, такъ что иногда необходимо брать съ собой въ шалашъ еще особаго заряжальщика, какъ это часто приходилось намъ дѣлать на охотѣ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что ни разу не стрѣляные тетерева, вообще ненапуганные (исключительно молодые), часто не слетаютъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, при чемъ, разумѣется, стрѣляютъ сначала самого нижняго. Нечего и говорить, что для чучелиной охоты надо брать далекобойное ружье и стрѣлять крупной дробью, стараясь цѣлить въ бокъ или голову, но никакъ не прямо въ зобъ.

„Количество тетеревовъ, убиваемыхъ на чучелиной охотѣ, бываетъ иногда замѣчательно велико, и въ этомъ отношеніи она далеко превосходитъ весеннюю охоту на токахъ, а по качеству добываемой дичи не можетъ сравниться даже съ лѣтней — на выводки. Намъ извѣстны примѣры, что въ Зауральскомъ краѣ въ одну вечернюю охоту удавалось убивать до 40, даже 50 штукъ, не считая подстрѣ-

ленныхъ и далеко упавшихъ; но въ среднихъ губерніяхъ и 4—5 шт. считаются весьма хорошею добычею. Нечего и говорить, что охотникъ, по мѣрѣ возможности, щадитъ самокъ, выбивая исключительно косачей".

Другихъ видовъ специально осенней охоты на тетеревовъ нѣтъ. Промышленники ставятъ осенью силья на хлѣбныхъ кладяхъ, куда тетерева летаютъ кормиться, но силокъ — общее мѣсто въ промысловыхъ способахъ добыванія дичи. Совсѣмъ не то представляетъ собой зимній сезонъ охоты, еще болѣе разнообразный, нежели весенній, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣримо болѣе добычливый.

III.

ЗИМНЯЯ ОХОТА.

Охота съ подъѣзда.—Охота изъ ямокъ.—Промысловая ловля шатромъ и разными ловушками.

На ряду съ чисто промысловой охотой изъ шалаша осенью же, но особенно въ началѣ зимы практикуется охота за тетеревами съ подъѣзда. Охоту это можно начинать уже въ концѣ августа или началѣ сентября, когда тетерева начинаютъ сбиваться въ стаи и вылетать на опушки лѣсовъ, къ хлѣбнымъ полямъ, гдѣ любятъ садиться на крестцы сжатаго хлѣба.

Однако, въ это время такая охота носитъ болѣе случайный характеръ, такъ какъ ѣзда въ это время года очень трудная, да и другой дичи много. Обыкновенно, замѣтивъ мѣста, куда тетерева летаютъ кормиться, охотникъ съ товарищемъ или кучеромъ, въ телѣгѣ въ одну лошадь, выѣзжаетъ рано утромъ и, проѣзжая мимо тетеревиной стаи, расѣвшейся на деревьяхъ по опушкѣ или на хлѣбѣ, стрѣляетъ въ ближайшихъ птицъ. Можно сдѣлать и такъ: подъѣхавъ на выстрѣлъ, охотникъ незамѣтно сваливается съ телѣги, чтобы спрятаться за крестецъ или кусты и лучше прицѣлиться, тогда какъ его товарищъ ѣдетъ дальше. При удачномъ расположеніи тетеревовъ, такимъ образомъ, удается убить 2—3 штуки, но второго подъѣзда перемѣстившаяся стая обыкновенно не выдерживаетъ. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что днемъ и подъ вечеръ птицы осторожнѣе и не легко подпускаютъ на выстрѣлъ. Изъ этого видно, что такая охота мало добычлива и имѣетъ смыслъ только тамъ, гдѣ тетеревовъ много. Но въ началѣ зимы она пріобрѣтаетъ другой характеръ и становится гораздо занятнѣе, являясь въ то же самое время и гораздо болѣе добычливой. Тутъ отъ охотника требуется уже гораздо большей ловкости и снаровки для успѣха охоты, и чтобы познакомить съ ея общимъ ходомъ, приведемъ превосходное описаніе этой охоты, сдѣланное С. Т. Аксаковымъ.

„Стрѣльба тетеревовъ въ осень по голу, или черностопу, какъ

говорятъ охотники, а также по первозимью, по неглубокому еще снѣгу, имѣетъ свой особенный характеръ. Она называется: стрѣльба съ подъѣзда. Осенніе дожди, утренніе морозы и вѣтры обнажили деревья. Намоченная земля сдѣлалась мягкая, и подъѣзжать къ тетеревамъ стало удобно, не шумно, даже на колесахъ. Но вотъ, наконецъ, первый пушистый снѣгъ покрываетъ землю — вотъ лучшее время подъѣзда.

„Уже шесть часовъ утра, а еще совершенно темно. Охотникъ давно проснулся, давно всталъ и одѣлся со свѣчкой. Ружье и всѣ охотничьи вещи и припасы съ вечера приготовлены и лежатъ на особомъ столѣ. Лошади поданы. Мѣста стрѣльбы не близки, разсвѣнетъ дорогой, пора ѣхать. Онъ садится въ невысокія сани съ широкими наклестками *), чтобы ловко было, прицѣливаясь, опереться на нихъ локтемъ, и бережно закрываетъ ружье суконнымъ чехломъ или просто шинелью, чтобы не заметало его снѣгомъ изъ-подъ конскихъ копытъ. Полетѣла бойкая тройка **). Вездѣ путь по первому маленькому снѣгу: горы и овраги не помѣха простому и прочному устройству охотничьихъ саней. Вотъ, наконецъ, и хлѣбныя поля, еще не совсѣмъ занесенныя снѣгомъ, куда тетерева повадились летать за лакомствомъ, сытною пищею, вотъ и опушки лѣса, молодыя осиновыя и березовыя заросли, въ которыхъ тетерева непремѣнно ночуютъ, если большой ястребъ или беркутъ не угналъ ихъ наканунѣ куда-нибудь подальше. Здѣсь надобно остановиться, лошадямъ вздохнуть и самому охотнику осмотрѣться и подождать вылета тетеревовъ. Вотъ уже совсѣмъ разсвѣло, вороны закаркали и полетѣли съ ночлега, сороки вдалекѣ щекочутъ, завидя какую-то диковинку... Съ нетерпѣніемъ озирается во всѣ стороны охотникъ и привычный къ дѣлу его кучеръ: ничего не видать. Вдругъ на обнаженныхъ сучьяхъ далекой, старой березы появилось темное, кругловатое тѣло, вотъ другое, третье... Это тетерева подымаются съ ночлега. Охотникъ скачетъ къ нимъ во весь опоръ, чтобы напасть на голодныхъ и еще не собравшихся въ одну большую стаю, ибо большая стая летаетъ иногда за кормомъ очень далеко въ хлѣбныя поля, куда повадились они летать съ осени. Охотникъ начинаетъ подъѣзжать къ тетеревамъ, выбирая

*) Загибъ полозьевъ саней долженъ быть пологій, чтобы сани не упирались въ кочки и валежникъ.

**) Подъѣзжать къ тетеревамъ въ одну лошадь безъ сомнѣнія имѣетъ нѣкоторыя преимущества: съ одной стороны, въ одну лошадь удобнѣе проѣзжать по мелколѣсью, кустамъ и опушкамъ, съ другой — тетерева скорѣе подпускаютъ въ одну лошадь, такъ какъ привыкли къ крестьянскимъ телѣгамъ и санямъ, проѣзжающимъ мимо ихъ по разнымъ надобностямъ. Но на одной лошади далеко не уѣдешь, особенно когда снѣга выпадетъ больше и ѣзда станетъ тяжелѣе. Тройкой же можно изъѣздить въ день нѣсколько десятковъ верстъ, что съ избыткомъ вознаграждаетъ неудобства болѣе шумнаго троичнаго подъѣзда. Поэтому, въ юго-восточной Россіи, при огромныхъ разстояніяхъ охотничьяго района каждаго охотника, троечный подъѣздъ долженъ быть безусловно предпочтенъ одиночному; напротивъ, въ восточной и средней, при островномъ характерѣ лѣсовъ, лучше подъѣзжать въ одиночку, на смирной, непугливой, но и нелѣнивой лошади.

ближайшаго или крайняго. Главное условіе подъѣзда: никогда не направлять лошадей прямо на тетерева и никогда не подъѣзжать къ нему сзади, разумѣется, если выполнить то и другое позволяетъ мѣстность; надобно такъ подъѣзжать, что какъ будто вы ѣдете мимо. Тетерева (да и всякая птица) не любятъ, когда ѣдутъ прямо на нихъ, особенно, если ѣдутъ сзади. Они начнутъ безпрестанно оглядываться и скоро улетятъ, не подпустивъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Случается иногда, если имъ почему-нибудь не хочется слетать съ дерева, что тетерева поворачиваются носами къ подъѣзжающему сзади охотнику, но это исключеніе. Если тетеревъ, сидя на сучкѣ, въ то же время хватаетъ древесныя почки или плотно сидитъ нахохлившись, это значитъ, что тетеревъ смиренъ и не думаетъ улетѣть: слѣдовательно, охотникъ можетъ подъѣзжать ближе. Когда же тетеревъ вытянулъ шею, всталъ на ноги, безпрестанно повертываетъ голову направо и налѣво, или, дѣлая боковые шаги къ тонкому концу сука, потихоньку кудахчетъ какъ курица, то охотникъ долженъ стрѣлять немедленно, если подъѣхалъ уже въ мѣру: тетеревъ сбирается въ путь; онъ вдругъ присядетъ и слетитъ. Безъ крайней необходимости не должно стрѣлять тетеревовъ далеко, особенно въ летъ: отъ 35 до 45 шаговъ — вотъ настоящая мѣра. Конечно, можно убить тетерева на 60 и даже на 70 шаговъ, но это рѣдкость; онъ необыкновенно крѣпокъ къ ружью, особенно косачъ; на большую мѣру очень рѣдко убьешь его наповалъ, и не только раненый слегка, но раненый смертельно, онъ улетаетъ на большое разстояніе и пропадаетъ. Мнѣ случалось видѣть, что у подстрѣленнаго тетерева каплетъ кровь изо рта (вѣрный признакъ внутренней, смертельной раны) и онъ летитъ. Этого мало: у тетерева такъ расшибенъ задъ, что висятъ кишки,— онъ летитъ. Послѣднему обстоятельству повѣрятъ только охотники, которые сами это видѣли, или слыхали отъ достовѣрныхъ самовидцевъ. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что послѣ каждаго выстрѣла, если тетеревъ не упалъ, надобно смотрѣть за нимъ, пока онъ не улетитъ изъ глазъ. Правило—необходимое и важное для всякой дичи. Весьма часто случается, что тяжело раненый тетеревъ слетаетъ съ дерева какъ ни въ чемъ ни бывало; но, пролетѣвъ иногда довольно значительное пространство, вдругъ поднимается вверхъ столбомъ и падаетъ мертвымъ. Очень рѣдко бываетъ, чтобы раненый тетеревъ упалъ налету прямо внизъ, не сдѣлавъ подъема кверху. Надобно весьма хорошо замѣтить мѣсто, гдѣ онъ упадетъ, и скакать туда немедленно, особенно если снѣгъ довольно глубокъ, и тетеревъ упалъ въ лѣсъ или въ кустахъ; пухлый снѣгъ совершенно его засыплетъ, и потерявъ мѣсто изъ глазъ, вы ни за что его послѣ не найдете, развѣ, укажутъ сороки и вороны, которыя сейчасъ налетятъ на мертвую птицу, лишь бы только замѣтить имъ, что она упала.

„Найденныхъ сначала голодныхъ тетеревовъ охотникъ долженъ преслѣдовать и стрѣлять до тѣхъ поръ, пока они разобьются и разлетятся въ разныя стороны. Потомъ онъ поскачетъ отыскивать дру-

гія тетеревиныя стаи на обыкновенныхъ мѣстахъ ихъ корма, и если не застанетъ тамъ, то найдетъ гдѣ-нибудь въ окрестности. Тетерева, утоливъ голодъ, сядутъ отдыхать или на одно большое, развѣсистое дерево и облѣпятъ его со всѣхъ сторонъ, или разсядутся на нѣсколькихъ деревьяхъ; но всегда зобами противъ вѣтра. Тутъ опять начинается та же исторія: если тетерева въ кучѣ, то не подпустятъ и, слетая одинъ за другимъ, всѣ размѣстятся вразсыпную по разнымъ окольнымъ деревьямъ. Охотникъ начинаетъ подъѣзжать всегда къ крайнему тетереву и предпочтительно къ одному или двумъ: ибо чѣмъ меньше тетеревовъ на деревѣ, тѣмъ они смирнѣе и подпускаютъ ближе. Такая стрѣльба можетъ продолжаться до вечера, разумѣется, если мѣстность удобна и тетеревамъ некуда улетѣть далеко. Не стрѣляныя тетеревиныя стаи, сидящія вразсыпную, бываютъ очень смирны. Одного убьешь, а другіе сидятъ кругомъ спокойно; но напуганныя частой стрѣльбой становятся очень сторожки, и подпускаютъ въ мѣру только рано утромъ, пока голодны. Такую напуганную стаю надо на время оставить и отыскать другую; черезъ недѣлю можно опять воротиться къ ней: она сдѣлается смирнѣе. Вообще курочки смирнѣе косачей; и тѣ и другіе смирнѣе въ туманную, мокрую и тихую погоду, чѣмъ въ ясную, сухую и вѣтреную. Крѣпость къ ружью тетеревовъ растетъ съ морозами и доходитъ иногда до такой степени, что приводитъ въ отчаяніе охотника; по крайней мѣрѣ я и другіе мои товарищи испытали это не одинъ разъ на себѣ. Не одинъ разъ думалъ я, что мое ружье разстрѣлялось или погнулось, что слабъ порохъ или невѣрны заряды; мнѣ случалось дѣлать до 25 выстрѣловъ, и убить трехъ или четырехъ тетеревовъ. Даже подбитыхъ было мало. Воротясь домой, я отвертывалъ казенникъ, прикладывалъ стволъ на струну, проходилъ его легкимъ шустомъ, и все оказывалось исправно. Пробовалъ въ цѣль—ружье било хорошо, какъ прежде. Сдѣлавъ тщательно заряды самъ, отправлялся я за тетеревами, и ружье било опять очень плохо. Съ другимъ и третьимъ ружьемъ повторялась та же исторія. Между тѣмъ эти же самыя ружья весною начинали бить, попрежнему, хорошо. Настоящая причина этой неимовѣрной крѣпости, особенно косача, происходитъ отъ того, что перья, покрывающія его зобъ и верхнюю часть хлупи (не говорю уже о большихъ перьяхъ въ крыльяхъ), дѣлаются отъ холода такъ жестки и гладки, что дробь, въ извѣстномъ разстояніи и направленіи, скользитъ по нимъ и скатывается“... Поэтому въ позднее время года надо стрѣлять тетеревовъ даже гусиной дробью и при этомъ все-таки не цѣлить въ зобъ птицы. Впрочемъ, когда снѣга выпадетъ много и морозы усилятся, охота на тетеревовъ съ подъѣзда прекращается, какъ потому, что ѣзда по глубокому снѣгу очень трудна, такъ и потому, что тетерева, собравшись въ большія стаи, становятся очень строги и, къ тому же, держатся болѣе внутри лѣса, гдѣ имъ теплѣе, но гдѣ стрѣльба затруднительна *).

*) Г. В. П—кій, описывая охоту на тетеревовъ съ подъѣзда въ Семипалатинской области, рекомендуетъ стрѣлять изъ малопульной винтовки, такъ какъ при этомъ можно

Зато, вмѣсто прекратившейся охоты съ подъѣзда, зимою практикуется особый, спеціально-зимній способъ охоты на тетеревовъ изъ ямокъ или изъ лунокъ (Вятская губ.). Впервые она упоминается Н. Шведовымъ въ Журналѣ охоты Мина за 1860 г. и тамъ же описана тѣмъ же прекраснымъ охотникомъ и наблюдателемъ (къ сожалѣнію рано умершимъ) въ 1862 г. Позднѣе этотъ же способъ охоты описанъ г. Бѣловымъ для Вятской губ. Сущность этой охоты состоитъ въ слѣдующемъ.

Зимою тетерева, наѣвшись, спускаются въ снѣгъ, зарываясь въ глубокіе сугробы, гдѣ ночуютъ и даже проводятъ нѣкоторую часть дня. Обыкновенно стая слетаетъ въ снѣгъ тамъ же, гдѣ кормилась, и при этомъ каждый тетеревъ дѣлаетъ въ снѣгу ямку, откуда и названіе этой охоты. Чаще всего стая запрятывается въ снѣгъ на небольшомъ пространствѣ и каждая ямка отстоитъ отъ другой на нѣсколько шаговъ. Свѣжая ямка всегда одиночна, продолговата, съ нѣсколько разсыпавшимся впереди снѣгомъ; если же въ разстояніи полуаршина отъ нея находится другое болѣе широкое углубленіе, по сторонамъ котораго на снѣгу замѣтны слѣды крыльевъ птицы, это значитъ, что тетеревъ уже вылетѣлъ изъ своего временнаго убѣжища.

Зная гдѣ тетерева кормятся и провѣривъ это по свѣжеосыпавшимся березовымъ сережкамъ и шелухѣ березовыхъ почекъ, или просто прослѣдивъ, куда спустилась тетеревиная стая на ночлегъ, можно надѣяться найти и тетеревиныя ямки, которыя, къ тому же, видны на гладкой поверхности снѣга уже на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженей.

Такъ какъ искать тетеревовъ по рыхлому снѣгу пѣшкомъ крайне утомительно, это обыкновенно дѣлаютъ подъѣзжая въ саняхъ, или разнообразя охотою изъ ямокъ охоту съ подъѣзда. Удачнѣе всего охота бываетъ къ сумеркамъ, когда тетерева, уснувъ въ снѣгу, не слышатъ шаговъ охотника и вылетаютъ поодиночкѣ. Кромѣ того, они крѣпче сидятъ въ болѣе глубокомъ снѣгу.

бить на разстояніи до 200 шаговъ, конечно съ сошекъ. Онъ же говоритъ, что погода при охотѣ съ подъѣзда «первое дѣло. Въ слишкомъ сильные морозы тетерева или вовсе не вылетаютъ, отсиживаясь подъ снѣгомъ, или же забираются въ средину самыхъ густыхъ сосенъ; въ сильный, особенно сѣверный вѣтеръ, они не сидятъ, постоянно перелетаютъ и подпускаютъ плохо. Лучшая погода—или ясный тихій солнечный день, при умѣренномъ морозѣ, или же сумрачный, но теплый и опять-таки тихій день, хотя бы со снѣгомъ. Въ такую погоду тетерева разсаживаются по вершинамъ сосенъ; въ вѣтеръ же садятся преимущественно на *сухари*». При обиліи тетеревовъ въ Семипалатинской области тремъ охотникамъ въ два дня съ подъѣзда удавалось брать до 150 штукъ. Л. М. Ушковъ также совѣтуетъ при охотѣ съ подъѣзда стрѣлять изъ винтовки, такъ какъ тетерева часто не подпускаютъ даже на дальній выстрѣлъ дробовика. Главная трудность при стрѣльбѣ изъ малопульной винтовки заряженіе ея на морозѣ; но зато бьетъ она превосходно, подранковъ не бываетъ и даже порядочный стрѣлокъ всегда обстрѣляетъ охотника съ дробовикомъ. Г. Ушковъ считаетъ лучшей винтовкой для такой охоты—винтовку центральнаго боя, калибръ № 380, работы Лебеды. Можетъ быть она бьетъ и не такъ точно, какъ обыкновенная малопульная, но зато ее легко заряжать. Однако на всякій случай надо съ собою брать и дробовикъ, особенно, чтобы перегонять тетеревовъ изъ лѣса въ лѣсъ.

Вся охота должна производиться такъ. Отыскавъ ямки, охотникъ оставляетъ сани и, держа ружье наготовѣ, направляется къ ближайшей ямкѣ. Заслышавъ опасность, тетерева поднимаются изъ снѣга, но чтобы оправиться, имъ все-таки нужно нѣсколько секундъ и этого охотнику достаточно, чтобы стрѣлять въ летъ удачно. За выстрѣломъ поднимаются и другіе тетерева, и вся охота по одной стаѣ оканчивается обыкновенно послѣ очень немногихъ выстрѣловъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно совсѣмъ подъ вечеръ и при стрѣльбѣ непуганныхъ тетеревовъ, удается убить штукъ 5—6, конечно при стрѣльбѣ изъ ружья, заряжающагося съ казенной части.

Такъ какъ стрѣлять приходится на близкомъ разстояніи и на сравнительно открытомъ мѣстѣ, можно употреблять дробь не такую крупную, какъ при стрѣльбѣ съ подъѣзда, именно №№ 4 и 5. Къ этому можно прибавить, что, смотря по свойствамъ снѣга, къ тетеревамъ иногда лучше подходить на лыжахъ, и если охотятся вечеромъ, когда тетерева забрались въ снѣгъ на ночлегъ, надо пропустить около часа, чтобы птицы могли обсидѣться и задремать (тетерева зарываются въ снѣгъ на ночь рано, такъ что времени для охоты остается еще довольно). Охота изъ ямокъ прекращается, когда снѣгъ начинаетъ подтаивать и образуется настъ; тетерева тогда забираются въ чащу, гдѣ снѣгъ рыхлѣе, и тамъ охота за ними уже положительно невозможна.

Теперь мы переходимъ къ описанію ловли тетеревовъ шатромъ, что представляетъ собою какъ бы переходъ къ настоящимъ промысловымъ добываніямъ этой птицы, и еще разъ приведемъ описаніе этого способа охоты со словъ Аксакова, сдѣлавъ къ нему лишь нѣкоторыя дополненія, настолько полно и хорошо сдѣлано это описаніе.

„Вѣроятно, двѣ трети тетеревовъ и сѣрыхъ куропатокъ (особенно послѣднихъ), потребляемыхъ въ Россіи въ огромномъ количествѣ, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою*, въ промышленномъ значеніи этого слова, но въ скучное безконечное зимнее время, въ отдаленной деревнѣ, за отсутствіемъ всѣхъ другихъ охотъ, можно и ею заняться съ удовольствіемъ. Я знавалъ многихъ людей, большихъ охотниковъ „крыть тетеревовъ и куропатокъ“. Я самъ въ ранней молодости горячо имъ сочувствовалъ и много ѣзжалъ со стариками, несмотря ни на какую погоду, не только крыть уже приваженную птицу, но даже разставлять привады,—что, вѣроятно, не многимъ можетъ понравиться. Эта охота имѣетъ свои тонкости, свое знанье дѣла, свое умѣнье, свои удачи и неудачи, слѣдственно имѣетъ свой интересъ.

„Шатромъ называется сѣть, связанная изъ суровыхъ, посконныхъ и преимущественно конопляныхъ крѣпкихъ нитокъ. Эта птицеловная снасть представляетъ подобіе колпака или воронки, или, всего ближе— островерхой палатки, *шатра*, отчего и названа очень вѣрно этимъ послѣднимъ именемъ. Квадратныя ячейки шатровой тетеревиной сѣти имѣютъ въ поперечникѣ, вверху шатра, одинъ вершокъ, а внизу—

полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтобы накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самыхъ крыльевъ; чтобъ, обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лѣзла впередъ, а никакъ не вздумала вынуть голову назадъ и выбѣжать изъ-подъ шатра. Цѣнность сѣтки зависитъ отъ тонины нитокъ и ширины петель или ячеекъ. Чѣмъ нитки тоньше, а петли шире, тѣмъ лучше: само собою разумѣется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролѣзать птица. Величина шатра можетъ быть произвольная; но, по большой части, окружность его, когда шатеръ поставленъ и растянутъ, бываетъ въ десять саженъ.

„Охотникъ, занимающійся ловлею шатромъ, еще съ осени наблюдаетъ за тетеревами и знаетъ: много ли ихъ, гдѣ они предпочтительно держатся и куда летаютъ кормиться. Какъ скоро выпадетъ порядочный снѣгъ, онъ ставитъ привады именно на тѣ мѣста, куда тетерева повадились летать за кормомъ. Привада состоитъ изъ нѣсколькихъ овсяныхъ необмолоченныхъ сноповъ, воткнутыхъ въ снѣгъ стоймя, разумѣется кистями кверху, и непремѣнно изъ кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною въ четырехъ или пяти саженяхъ отъ привады: эта куча соломы впослѣдствіи преобразится въ шалашъ, въ которомъ будетъ сидѣть охотникъ, когда придетъ время крыть тетеревовъ. Разставивъ нѣсколько такихъ привадъ, охотникъ, дня черезъ два, начинаетъ ихъ осматривать, наблюдая слѣдующія предосторожности: 1) Онъ осматриваетъ привады на лошади, въ санкахъ, а не пѣшкомъ, и преимущественно въ полдень, когда тетерева уже побывали на кормовыхъ мѣстахъ и улетѣли на такія, гдѣ они обыкновенно отдыхаютъ, сидя на деревьяхъ, или на землѣ, если снѣгъ еще мелокъ. 2) Такъ какъ иногда случается, что тетерева полднюютъ недалеко отъ привадъ, то надобно приближаться къ нимъ весьма осмотрительно, то-есть не подъѣзжать прямо къ привадѣ, не вылѣзать изъ саней и не подходить къ ней, а проѣхать мимо поближе (ибо человѣка, ѣдущаго на саняхъ, тетерева не боятся), такъ, чтобъ можно было разглядѣть: бываютъ тетерева на привадѣ или нѣтъ. 3) Если слѣдовъ тетеревиныхъ много и снопы растрепаны, обиты и обдерганы, то надобно ихъ оправить и прибавить свѣжихъ; но если тетерева сидятъ близко, то-есть въ виду, то ни подъ какимъ видомъ на приваду не ходить и даже не останавливаться. Оправку старыхъ сноповъ и прибавку новыхъ можно сдѣлать на другой день; а если опять тетерева будутъ сидѣть не подалеку, то сдѣлать все это рано поутру, то-есть на зарѣ, до ихъ вылета, или поздно вечеромъ, когда они сядутъ на ночевку. Въ свѣтлыя, мѣсячныя ночи оправляютъ привады даже по ночамъ; впрочемъ многіе охотники дѣлаютъ это всегда на утренней зарѣ, для того, чтобы къ прилету тетеревовъ привады находились въ хорошемъ видѣ: это имѣетъ свою полезную сторону. Въ снѣжную, буранную (по-оренбургски) погоду необходимо каждый день ѣздить на привады и отряхивать снопы отъ снѣга, чтобъ они были виднѣе и приманчивѣе. Необходимо также отряхивать снѣгъ съ копны со-

ломы для того, чтобы тетерева привыкали постоянно видѣть будущій шалашъ.

„Если привада стоитъ недѣли двѣ, не посѣщаемая тетеревами, и даже поблизости ихъ не видно, то надобно ее перенесть на другое мѣсто; какъ же скоро на нѣкоторыхъ привадахъ тетерева начнутъ ѣсть, то всѣ другія около нихъ слѣдуетъ уничтожить совершенно и закидать снѣгомъ, чтобы онѣ тетеревовъ не развлекали въ разныя стороны. Ходъ тетеревовъ на привады загадочное дѣло! Въ иной годъ идутъ очень хорошо, а въ другой очень плохо; бываютъ года, что нейдутъ совсѣмъ: такъ, что гдѣ крыли въ зиму паръ по двѣсти—не покроютъ и двухъ десятковъ. Иногда это можно объяснить случайнымъ изобиліемъ кормовъ (если хлѣбъ остался въ полѣ не сжатымъ), малоснѣжностью зимы, отсутствіемъ сильныхъ морозовъ *); но иногда нѣтъ ни одной изъ вышесказанныхъ причинъ, тетеревовъ много, а тетерева нейдутъ на привады, да и только! Не одинъ разъ видалъ я, какъ большія тетеревиныя стаи сидятъ кругомъ привады и щиплятъ себѣ тощія березовыя почки или ольховыя шишки, поглядываютъ умильно на желтыя кисти овсяныхъ сноповъ и—не приближаются къ нимъ! Мало этого: изъ стаи паръ въ сорокъ, два или три тетерева всякій день слетятъ на приваду и ѣдятъ овсяныя зерна до сыта, а всѣ другіе только смотрятъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что тетерева имѣютъ, всѣмъ охотникамъ извѣстное, баранье свойство: куда полетѣлъ и гдѣ сѣлъ одинъ—туда полетятъ и тамъ сядутъ всѣ. На этомъ-то основаніи, для большаго привлеченья тетеревовъ, сначала къ привадѣ, потомъ подъ шатеръ, употребляютъ тетеревиныя чучела; въ первомъ случаѣ ставятъ ихъ на длинныхъ шестахъ *около* привады; а въ послѣднемъ на снопы, лежащіе на самой привадѣ. Иногда такая приманка бываетъ очень полезна.

„Привада, на которой ѣдятъ постоянно тетерева, получаетъ по немногу свой окончательный видъ, то-есть: въ серединѣ привады становится шестъ, аршина въ три вышиною, на которомъ будетъ держаться сѣть; около него, правильнымъ кругомъ, набиваются колышки, каждый четверти въ полторы, къ которымъ будутъ привязаны веревочками нижніе подборы шатра,—и, наконецъ, куча соломы превращается въ шалашъ, въ которомъ могли бы помѣститься два человѣка. Если, послѣ всѣхъ этихъ добавленій, сдѣланныхъ не вдругъ, а постепенно, чтобъ измѣненіемъ вида привады не испугать тетеревовъ, станутъ они ежедневно и смѣло ѣсть кормъ—слѣдуетъ немедленно крыть птицу. День для сего выбирается не снѣжный и не вѣтреный: снѣгъ заноситъ приваду, налипаетъ на сѣть и можетъ даже повалить

*) Въ малоснѣжныя зимы хлѣбныя жнивы и озими иногда до февраля мало бываютъ покрыты снѣгомъ, и тетерева по привычкѣ продолжаютъ летать на нихъ, для отыскиванья корма. Въ теплыя же зимы, по мнѣнію охотниковъ, тетерева мало ѣдятъ и довольствуются одними древесными почками. Въ обоихъ случаяхъ, они не собираются въ большія стаи. Что холодъ возбуждаетъ аппетитъ у всѣхъ животныхъ—это дѣло извѣстное. *Аксаковъ.*

шатеръ, а вѣтеръ качаетъ его и также можетъ уронить; и то и другое обстоятельство, особенно послѣднее (то-есть качка шатра), пугаетъ тетеревовъ и они подъ шатеръ не пойдутъ; однимъ словомъ: чѣмъ морозъ сильнѣе и погода тише, тѣмъ лучше. На зарѣ, за долго до вылета тетеревовъ съ ночевки, охотникъ съ товарищемъ являются на приводѣ и разставляютъ шатеръ: узкимъ концомъ надѣваютъ его на шестъ, подложивъ подъ самый узелъ верхушки небольшую круглую дощечку; нижніе подборы или края привязываются тонкими и крѣпкими веревочками къ колышкамъ (которыхъ бываетъ до двадцати), шатеръ растягивается во всѣ стороны и совершенно представляетъ фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижніе края сѣти поднимаются отъ поверхности снѣга (нѣсколько утоптаннаго) четверти на двѣ, чтобъ тетеревамъ было свободно и не страшно подходить подъ шатеръ. Къ шесту, на которомъ держится верхушка шатра, въ самомъ низу привязана веревка, протянутая въ шалашъ: она засыпается слегка снѣгомъ, чтобъ ее не было видно. Шестъ, до того времени крѣпко воткнутый острымъ концомъ своимъ въ снѣгъ или землю, тогда обрубается гладко и устанавливается на маленькой дощечкѣ, для того, чтобы дернувъ за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревовъ упавшею на нихъ сѣтью. Устроивъ все хорошенько и затрусивъ свои слѣды, дощечку и веревку на самой привадѣ мякиной, а около нея снѣгомъ,—охотникъ съ товарищемъ садятся въ шалашъ, затыкаютъ входъ изнутри соломой и, притаясь, смирно дожидаются прилета тетеревовъ.

„Долго тянется зимній разсвѣтъ и долго царствуетъ глубокая тишина. Скучно и душно сидѣть въ темномъ шалашѣ. Наконецъ, свѣтъ проникаетъ въ его скважины, и на дворѣ наступаетъ *бѣлый день,* какъ говорится; послышится карканье воронъ и щекотанье сорокъ; потомъ *заскрипятъ* снигири и зазвенятъ пронзительно голоса зеленыхъ и голубыхъ синицъ (бѣсковъ—по-оренбургски), также привыкшихъ кормиться около привады. Какъ, бывало, обрадуешься голосу живой твари! Но вотъ зардѣлся юго-востокъ, солнце готово выкатиться изъ-за горы; наступило время прилета тетеревовъ на приваду, которое, впрочемъ, иногда можетъ замедлиться отъ разныхъ причинъ. Вдругъ прошумѣлъ сильный вѣтеръ... стая тетеревовъ пронеслась надъ шалашомъ и разсѣлась около него по деревьямъ, а если ихъ нѣтъ поблизости (что бываетъ на привадахъ полевыхъ), то по снѣгу; даже садятся иногда на шалашъ и на шатеръ *). Вотъ самая интересная минута! Видъ шатра такъ иногда поражаетъ тетеревовъ, что они, посидѣвъ нѣсколько минутъ на деревьяхъ, или побродя по снѣгу около привады, — вдругъ улетаютъ, какъ будто чѣмъ испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходятъ подъ шатеръ; иногда

*) Однажды при мнѣ тетеревъ сѣлъ на верхушку шалаша, провалился ногами и сталъ биться; охотникъ принужденъ былъ схватить его за ноги и протащить въ шалашъ, чтобъ онъ хлопаньемъ крѣпкихъ своихъ крыльевъ не перепугалъ тетеревовъ. *Аксаковъ.*

подойдутъ два-три тетерева (вѣроятно посмѣлѣе другихъ) и досыта наѣдятся, а всѣ остальные или смотрятъ, или клюютъ древесныя почки, точь въ точь, какъ это бываетъ съ первоначала, или въ такіе года, когда нѣтъ хода тетеревамъ на привады. Впрочемъ, такіе случаи—отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. По большей части тетерева, привыкшіе безъ опасенія ежедневно наѣдаться на привадѣ, не смущаются видомъ шатра и, осмотрѣвшись, черезъ нѣсколько минутъ, одинъ за другимъ, всѣ подойдутъ подъ шатеръ. Тогда охотникъ сильно дергаетъ за веревку, шестъ падаетъ, съ нимъ вмѣстѣ падаетъ сѣть, и—тетерева покрыты. Это дѣйствіе называется: „уронить шатеръ". Охотникъ съ товарищемъ выскакиваютъ изъ шалаша и, если тетеревовъ очень много и они, взлетывая, поднимаютъ на себѣ сѣть высоко, такъ что нижніе тетерева, не успѣвшіе запутаться, выбѣгаютъ изъ-подъ шатра и улетаютъ,—охотники бросаются на шатеръ, опускаютъ его къ низу и придерживаютъ нижніе подборы до тѣхъ поръ, пока всѣ покрытые тетерева увязнутъ въ ячейкахъ сѣти. Тогда колятъ ихъ въ голову перьями, тутъ же выдернутыми изъ крыльевъ, или простымъ желѣзнымъ гвоздемъ, или заостренной, крѣпкой деревянной палочкой, которыми запасаются заранѣе. Чуваши, мордва и татары, въ Оренбургской губерніи, очень усердно занимающіеся ловлею тетеревовъ шатрами, съ покрытыми управляются безъ церемоніи, т.-е., не колятъ, а бьютъ ихъ палками. Если тетеревиная стая съ перваго раза покрыта не вся, что по большей части бываетъ, то приваду надобно оправить: перья всѣ собрать, утоптанный и окровавленный снѣгъ заметать свѣжимъ и положить новыхъ овсяныхъ сноповъ. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которыхъ была покрыта, черезъ нѣсколько времени опять станутъ прилетать на приваду и ѣсть кормъ, такъ что въ одну зиму, на одной и той же привадѣ кроютъ тетеревовъ раза три; но иногда, послѣ перваго покрытія, уже ни одинъ тетеревъ на приваду не прилетитъ. Замѣчательно, что оставшееся, иногда небольшое число тетеревовъ, посѣщая попрежнему приваду, нерѣдко приводитъ съ собою новую тетеревиную стаю.

„Важною помѣхою въ приваживаніи тетеревовъ бываютъ большіе ястреба и орлы; они ловятъ тетеревовъ и часто угоняютъ далеко съ привады; если это повторится нѣсколько разъ, то тетерева совсѣмъ бросаютъ приваду, хотя бы и привыкли къ ней. Въ такомъ случаѣ, самое лучшее средство — застрѣлить ястреба или орла, по крайней мѣрѣ ранить. Для этого надобно поставить недалеко отъ шалаша чучело, сдѣланное изъ настоящей тетеревиной кожи съ перьями, привязавъ ее крѣпко къ присадѣ (т.-е. къ длинному шесту). Орелъ или ястребъ, повадившійся летать на приваду, принявъ чучело за настоящаго тетерева, вцѣпится въ нее, и охотникъ, караулившій хищника въ шалашѣ, можетъ легко застрѣлить его.

„Все до сихъ поръ сказанное мною относится къ тетеревинымъ привадамъ въ началѣ зимы, которыя становятся иногда на хлѣбной нивѣ, даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса; но когда выпадаетъ

много снѣгу, и глубокіе сугробы совершенно закроютъ самую высокую жниву, тетерева перестанутъ летать въ поля и постоянно держатся около лѣсныхъ мѣстъ и даже въ серединѣ лѣсовъ, по небольшимъ полянамъ; тогда и привады переносятся именно на такія поляны и на лѣсныя опушки. Въ буранныя зимы тетерева скоро сваливаются въ уремы *), что *обыкновенно* бываетъ въ концѣ зимы: тамъ для нихъ теплѣе и сытнѣе; охотники и тамъ преслѣдуютъ тетеревовъ своими привадами и, несмотря на изобиліе ольховыхъ шишекъ, соблазняютъ овсяными снопами. Ловля шатромъ производится тѣмъ же порядкомъ.

„Если почему-нибудь уже приваженные тетерева не прилетятъ именно въ то утро, когда шатеръ поставленъ, и охотникъ сидитъ въ шалашѣ, или прилетятъ, но подъ шатеръ не пойдутъ, то нѣкоторые охотники шатра не снимаютъ и оставляютъ его до слѣдующаго утра, а иногда и на нѣсколько дней, будто бы для того, чтобы тетерева къ шатру присмотрѣлись, а въ самомъ дѣлѣ изъ лѣни; но я слыхалъ отъ самыхъ опытныхъ охотниковъ, что этого никогда дѣлать не должно. Не говоря уже о томъ, что шатеръ можетъ упасть отъ многихъ причинъ и закрыть приваду, а если упадетъ въ присутствіи тетеревовъ, то непремѣнно ихъ напугаетъ,—шатра не должно оставлять потому, что онъ весь опушится инеемъ и скроетъ совершенно приваду отъ глазъ тетеревовъ. Къ этому должно прибавить, что лежащій на снѣгу шатеръ очень часто портятъ мыши.

„Должно сдѣлать общее замѣчаніе, что курочки идутъ на приваду и подъ шатеръ гораздо скорѣе и охотнѣе косачей; это вѣроятно происходитъ оттого, что курочки вообще смирнѣе. Если стая состоитъ изъ однѣхъ курочекъ, то ее привадить къ корму и покрыть несравненно легче; самыя упорныя и осторожныя бываютъ стаи изъ однихъ косачей; среднее между ними составляютъ стаи смѣшанныя, въ которыхъ курочки всегда первыя слетаютъ на приваду и подходятъ подъ шатеръ: за ними, иногда очень не скоро, послѣдуютъ и косачи".

Послѣ ловли шатрами на первомъ мѣстѣ стоитъ ловля ***фальшивыми кладями***, уже чисто промысловый способъ добыванія тетеревовъ, не имѣющій ничего общаго съ охотой. Устраиваются фальшивыя клади всегда поблизости настоящихъ еще съ осени слѣдующимъ образомъ: вбиваютъ два ряда кольевъ, одинъ отъ другого на разстояніи не болѣе аршина, съ промежутками между кольями около полутора вершка: колья должны быть вбиты возможно крѣпко и выставляться изъ земли на $1^1/_2$ 2 аршина. Всѣ бока такого сооруженія забираются, а потомъ еще обкладываются соломой, верхнее же отверстіе закрывается большими, необитыми овсяными снопами, которые расположены вдоль въ горизонтальномъ положеніи и соприкасаются попарно своими колосьями;

---

*) Мнѣ случилось одинъ разъ видѣть свалившихся тетеревовъ въ ольшняковую урему по рѣкѣ Усень (Оренбургской губерніи, Белебеевскаго уѣзда), въ такомъ множествѣ, что только своимъ глазамъ можно было повѣрить. Это случилось въ половинѣ ноября. *Аксаковъ*.

основанія сноповъ крѣпко привязываются къ кольямъ. Обивъ верхушки кладей, тетерева замѣчаютъ еще свѣжіе снопы, слетая на нихъ, садятся на ихъ верхушки и проваливаются, а колосья опять принимаютъ горизонтальное положеніе.

Этотъ способъ ловли очень распространенъ въ Пермской губ. и въ Западной Сибири, гдѣ его иногда видоизмѣняютъ такимъ образомъ, что вмѣсто устройства фальшивыхъ кладей, углубленія, покрытыя слегка колосьями, оставляются въ настоящихъ хлѣбныхъ кладяхъ.

Затѣмъ слѣдуютъ такъ наз. *вентеля, ковши* или *тынки, садки, морды* и *кузовы*. Все это ловушки, которыя устраиваются на землѣ заблаговременно и вслѣдствіе своей громоздкости, конечно не могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто. Типомъ ихъ можно взять вентель, устройство котораго слѣдующее. Тамъ, гдѣ зимой держатся тетерева, въ землю вбивается колъ съ развилкомъ на вершинѣ, и къ вѣтвямъ послѣдняго прикрѣпляется поперечная перекладина съ подвѣшенными на ней снопами овса и гречихи. Вокругъ кола въ землю вбиваютъ тонкія жерди на разстояніи $^1/_2$ вершка другъ отъ друга такимъ образомъ, что получается подобіе вентеля для рыбной ловли; устье его вверху должно имѣть въ поперечникѣ около аршина, а чтобы жерди не раздвигались, ихъ укрѣпляютъ прутьями. Затѣмъ въ устье вентеля вставляются два обруча, вложенные одинъ въ другой, на подвижной оси, которая привѣшивается своимъ центромъ къ перекладинѣ такимъ образомъ, чтобы обручи даже отъ маленькаго груза опускались внизъ и затѣмъ принимали свое прежнее горизонтальное положеніе. Величина крайняго обруча должна быть такова, чтобы между нимъ и жердями оставался нѣкоторый промежутокъ, по крайней мѣрѣ съ ладонь руки. Обручи эти обиваются немолоченной соломой съ колосьями. Завидѣвъ хлѣбные колосья, тетерева слетаютъ сначала на перекладину, потомъ на обручи, которые повертываются подъ ихъ тяжестью, и провалившись въ вентель уже не могутъ выбраться изъ него вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія. При этомъ перекладина должна помѣщаться на такомъ разстояніи отъ обручей, чтобы тетеревъ никакъ не могъ достать съ нея приманку и непремѣнно бы слетѣлъ на нихъ.

Ковшъ или тынокъ отличается отъ вентеля тѣмъ, что колья или жерди вбиваются не отлого, а вертикально, и овсяные или гречишные снопики привязываются косо къ концамъ кольевъ, колосьями внизъ. Тетерева, садясь на снопы, не могутъ удержаться, съѣзжаютъ въ полость ковша и тоже не могутъ выбраться отсюда. Морда отличается отъ вентеля тѣмъ, что ни кола, ни перекладины на немъ нѣтъ, снопы для приманки привязываются прямо къ концамъ кольевъ, а устье морды закрывается соломенной крышкой изъ четырехъ лопастей на вращающейся оси. Садясь на эти лопасти, какъ на крылья мельницы, тетерева падаютъ внутрь морды. Кузовъ отличается отъ морды только формой и отсутствіемъ крышки, которая замѣнена неустойчивой перекладиной. Наконецъ, садокъ почти не отличается отъ вентеля, только

устраивается не вокругъ кола съ перекладиной, а подъ однимъ концомъ перекладины, устанавливаемой на двухъ кольяхъ.

Переходя теперь къ переноснымъ ловушкамъ, мы встрѣчаемся съ такъ наз. *кошами*, *коробами* или *корзинами*, *клѣтушками* и *сачками*. Кошъ устраивается на землѣ и состоитъ изъ двухъ обручей: нижняго до 2-хъ и болѣе аршинъ въ діаметрѣ и верхняго въ $1^1/_4$ — $1^1/_2$ арш. По окружности этихъ обручей прикрѣпляются прутья, толщиною съ большой палецъ, длиною до сажени, настолько часто, чтобы между ними могла пройти только голова птицы. Въ отверстіе вкладываются двѣ крестообразно сложенныя палки, изъ которыхъ одна своими цилиндрическими концами вставляется въ край верхняго обруча и служитъ подвижною осью, а другая, покороче, служитъ для прикрѣпленія приманки изъ овса или гречихи. Чтобы совершенно лишить тетеревовъ возможности выбраться изъ коша, въ него иногда вкладываютъ еще воронку изъ прутьевъ, не достигающую по крайней мѣрѣ на аршинъ до земли.

Коробъ, корзина или клѣтушка все тотъ же кошъ, только меньшихъ размѣровъ и устанавливаемый или на пнѣ или на деревѣ. Клѣтушка — четырехугольная въ $1—1^1/_2$ аршина ширины и вышины, коробъ — въ видѣ боченка изъ прутьевъ съ подвижной крышкой.

Кромѣ этихъ ловушекъ тетеревовъ ловятъ также *давушками*, *слопцами* и *настями*, типъ которыхъ былъ описанъ въ статьѣ о рябчикѣ, и *сильями* и *пружками*, описанными и изображенными тамъ же.

Въ Олонецкой губ. промышленники измыслили еще такой способъ ловли тетеревовъ: изъ рыболовныхъ сѣтей устраивается *сакъ* для чего на обручъ, имѣющій $1^1/_2$ арш. въ діаметрѣ, прикрѣпляется сѣть, средина которой привязывается къ длинному шесту; такимъ образомъ выходитъ сакъ-мѣшокъ на обручѣ, подобный тому, которымъ сачатъ — ловятъ рыбу. Днемъ промышленники, ходя по лѣсу, примѣчаютъ, гдѣ тетерева выкапываютъ себѣ въ снѣгу ночевки, въ которыхъ они укрываются цѣлыми стаями. На эти мѣста ловцы приходятъ ночью вдвоемъ; одинъ несетъ пукъ горящей лучины, а другой держитъ сакъ, которымъ и накрываетъ всю ночующую въ одной ночевкѣ птицу, попадающую изъ снѣжнаго отверстія въ сѣтку.

Уже одного этого перечисленія разныхъ снастей для ловли тетеревовъ, изъ коихъ въ нѣкоторыя ловится сразу по десятку штукъ, достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о количествѣ этихъ птицъ, добываемомъ ежегодно въ цѣляхъ продажи. Если же къ этому прибавить всѣхъ стрѣляныхъ тетеревовъ и тетеревятъ, погибающихъ отъ несвоевременной охоты, намъ станетъ совершенно ясно, что тетеревъ роковымъ образомъ долженъ уменьшаться въ числѣ. Не будетъ удивительно, если въ той или другой мѣстности тетеревъ даже совершенно исчезнетъ. Но пока еще въ этомъ, какъ говорится, съ полгоря, потому что тетеревятъ легко воспитать и, слѣдовательно, тамъ, гдѣ эта птица истреблена, ее можно развести вновь.

О прирученіи и одомашниваніи тетеревовъ у насъ имѣется очень длинная статья Хватова, изъ которой мы и заимствуемъ все существенное, относящееся до воспитанія тетеревятъ, отсылая желающихъ заняться собственно прирученіемъ тетерева къ самой статьѣ *).

Тетеревята, выведенные курицей, сейчасъ же по выводѣ нуждаются въ водѣ, которую имъ надо ставить въ садокъ въ неглубокихъ цвѣточныхъ поддонникахъ. Затѣмъ, на второй день, или еще съ вечера, надо набросать имъ маленькихъ таракановъ и муравьевъ, обваренныхъ кипяткомъ, червей, свѣжихъ муравьиныхъ яицъ и т. п. На такомъ кормѣ тетеревятъ надо продержать съ мѣсяцъ, послѣ чего къ указанному корму надо прибавлять постепенно мелко-искрошеннаго мякиша бѣлаго хлѣба изъ 2-го сорта крупчатки, а когда поспѣютъ ягоды, то давать тетеревятамъ столь любимыя ими чернику, клубнику, землянику и бруснику. Мѣсяца черезъ два насѣдка бросаетъ тетеревятъ, и для послѣднихъ наступаетъ самое тяжелое время: оставшись одни они теряются и плохо ѣдятъ, и въ это время ихъ больше всего погибаетъ. Однако, черезъ 2—3 дня тетеревята привыкаютъ къ своему одиночеству и перестаютъ страдать отъ отсутствія руководительства.

Когда въ полѣ начнетъ созрѣвать зерновой хлѣбъ, надо, нажавъ еще зеленоватаго овса, пшеницы и гречихи, ставить ихъ снопики въ садокъ, чтобы постепенно пріучать тетеревятъ къ зерновому хлѣбу. Отнюдь не слѣдуетъ только давать стручковъ зеленаго гороха, которыми тетеревята давятся. Если зимою кормить тетеревовъ только зерновымъ кормомъ, они не выживаютъ; поэтому отъ времени до времени, хотя раза два въ недѣлю, имъ надо давать того же бѣлаго хлѣба, который давался раньше, изрѣзаннымъ на кусочки въ кедровый орѣхъ величиною, а также кочней свѣжей капусты, березовыхъ банныхъ вѣниковъ и моченой въ водѣ брусники.

Воспитанные такимъ образомъ тетерева весною приступаютъ къ размноженію, даже находясь въ садкѣ, при чемъ самцы токуютъ, какъ обыкновенно, только позднѣе.

Но если не задаваться намѣреніемъ держать тетеревовъ на дому, а воспитать ихъ только съ тѣмъ, чтобы подновить тетеревиное населеніе въ извѣстной мѣстности, тогда передъ наступленіемъ весны ихъ надо просто выпустить въ лѣсъ.

Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы разводить тетеревовъ, привозя изъ другихъ мѣстъ, проще, конечно, принять мѣры къ сохраненію уже имѣющихся. Въ этомъ случаѣ достаточно совсѣмъ прекратить охоту на тетеревовъ въ извѣстномъ районѣ на нѣсколько лѣтъ, преслѣдуя въ то же время возможно энергично хищниковъ, которые могутъ уничтожить тетеревовъ и тетеревятъ, и цѣль будетъ достигнута. Тетерька даетъ хорошій приплодъ, и даже 2—3-лѣтнее воздержаніе отъ охоты должно принести хорошіе результаты.

---

*) Акклиматизація, 1860 г., вып. IV, стр. 145—153. „18-лѣтніе опыты прирученія и одомашненія тетеревовъ-березовиковъ“.

Теперь, чтобы закончить эту статью, намъ остается только сказать о промысловомъ значеніи тетерева.

Внѣ всякаго сомнѣнія, съ этой стороны тетеревъ занимаетъ второе мѣсто, уступая только рябчику. Вообще можно принять, что тетеревовъ добывается не болѣе $^2/_3$ всего количества рябчиковъ, вѣрнѣе же только половина, при чемъ восточная и сѣверо-восточная Россія съ Сибирью доставляютъ около $^3/_4$ изъ всего числа тетеревовъ. Лѣтомъ и осенью Москва, Петербургъ и другіе менѣе значительные населенные центры преимущественно средней Россіи потребляютъ тетеревовъ, добытыхъ въ ближайшихъ мѣстахъ, при чемъ особенно высоко цѣнятся тетеревята ранняго возраста: за нихъ платится даже дороже чѣмъ за взрослыхъ, которые въ свою очередь идутъ оптомъ до 2 руб. за пару. Въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества добываемыхъ тетеревовъ, а можетъ быть въ зависимости отъ обширной осенней торговли другою дичью, цѣна на тетеревовъ падаетъ до 1 р. 20 к. за пару, спускаясь еще ниже въ октябрѣ, когда начинается подвозъ изъ ближайшихъ Владимірской, Нижегородской и Вологодской губ. Въ декабрѣ начинаютъ прибывать въ Москву транспорты дичи изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ и цѣна на тетеревовъ спускается ниже 1 р. за пару.

Въ продажѣ тетеревъ цѣнится еще и потому, что его легко сохранять; по прочности его мясо уступаетъ только глухариному, которое однако далеко не пользуется такимъ почетомъ, какъ мясо косача, наиболѣе цѣнимое послѣ фазана и рябчика.

75. Глухарь.

Tetrao urogallus, L.

Табл. 79.

и

76. Глухарь бѣлобрюхій.

Tetrao urogallus uralensis, Menzb.

Табл. 80.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 502 и 510.

Болѣе распростр. названія: *глухарь, глухой тетеревъ.*

Мѣстныя названія: а) самца: *глухарь, глухой тетеревъ; моховикъ, моховой тетеревъ, мошникъ, мошенъ* (на сѣверѣ, между проч. у поморовъ); *глушень* (мѣстами, напр., Осташков. у.); *чухарь* (въ Арханг. губ. и Лапландіи); б) самки: *глухарка, глушица* (мѣст. на сѣверѣ и въ Сибири), *копало* (Олонецк.), *кополуха* (Пермск. губ. и больш. ч. Сибири), *пеструха* (Лапланд.), *мошная тетера* (Петербург. губ.).

Польск.: *gluszec, gluszec pospolity, gluszec wlásciwy, kniejotek gluszec.*— Эст.—*metsis, möttus.*—Лат.—*meddenis, mednis*—Фин.—(самецъ) *metso. mehto,* (самка) *koppelo.*—Лапланд. на Имандрѣ—(самецъ) *lontj,* (самка) *kuapel.*— Въ Муоніониска—(самецъ) *tschaftscho, tsuftsa, tschuktscha,* (самка) *goappel, koappil.*

Тат.—*чаръ, суаръ.*—Томск. тат.—*селе.* бараб. тат.—*соеръ.*—Башк.— *суеръ, суярь, союръ;* самецъ—*кора-суэръ,* самка—*бось-суэръ.*—Киргиз.—*суаръ-кашъ.*—Калм.—*хурръ, урла.*—Бурят.—*горръ. горъ;* на средн. Иркутѣ—*хойсръ. хоро,* также (самецъ) *шори-хуаръ,* (самка) *хари-хуаръ.*—Монг.—*хорръ.*—Зыр. и пермяц.—*дошмаръ;* зырян. также (самецъ) *чукчи.* (самка) *кондошмаръ.*— Мордов.—*сіиси.*—Вотяц.—*дукья, дукуя.*—Чуваш.—*узанъ, кутюръ.*—Вогул.— *шемель-ньялву, козма;* верхотур. вог.—*маншинъ;* сосв. вог.—*шюмлюльмъ.*— Ост. берез.—*нитилукъ,* (самка) *хонженъ-луки,* на Сургутѣ—*кончамъ-лунгъ. изисъ-лунгъ.*—На Нарымѣ *сете,* (самка) *сунва.*—Ост. денг.—*дидъ,* остяцк. (гдѣ?) *кайрышъ. сенш, уаръ-сеша.*—Юрац.—*сенэ.*—Тунг. и мѣст. якут.—*ороки.*— Якут.—*кари-уларъ.*—На Вилюѣ—*чакырь-уларъ.*

Если тетеревъ-косачъ характеризуетъ собою такую мѣстность, гдѣ лѣсъ чередуется съ полемъ, какъ это лучше всего выражено въ средней Россіи, глухарь является типичнымъ представителемъ глухого

хвойнаго лѣса, удаленнаго отъ жилья и мало посѣщаемаго человѣкомъ. На второмъ мѣстѣ, какъ станція въ біологическомъ смыслѣ, для глухаря стоитъ смѣшанный лѣсъ, занимающій большую площадь, и уже на третьемъ—обширный старый лиственный лѣсъ.

Безъ сомнѣнія, это и объясняетъ намъ, почему глухарь сравнительно мало извѣстенъ охотникамъ и хорошо извѣстенъ промышленникамъ. Охотники заинтересовались глухарной охотой лишь за послѣднія 20—30 лѣтъ, и хотя это, съ одной стороны, значительно обогатило наши свѣдѣнія объ образѣ жизни описываемой птицы, зато, съ другой, повлекло за собою во многихъ мѣстахъ ея быстрое истребленіе.

Какъ предметъ промысла, глухарь значительно уступаетъ не только рябчику и куропаткамъ, но и косачу: дѣло въ томъ, что мясо его, будучи прочнымъ, грубо и далеко не такъ нѣжно, какъ у названныхъ птицъ. Но, несмотря на меньшій спросъ, промышленники очень цѣнятъ глухаря за его величину, и противъ него ими измышлена масса снастей, отчасти употребляемыхъ также на косача и рябчика, отчасти спеціально глухариныхъ. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что глухаря ловятъ снастями, охотятся на него ради самаго интереса охоты и, наконецъ, сравнительную малочисленность птицы, такъ какъ глухарь численно никакъ не можетъ сравняться съ своими болѣе мелкими сородичами, совершенно понятно, что этотъ лѣсной красавецъ долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ истребленіемъ сплошного глухого лѣса.

Пока область распространенія глухаря очень велика и представляется въ слѣдующемъ видѣ, если взять вмѣстѣ типичную (T. urogallus) и бѣлобрюхую форму (T. urogallus uralensis).

Сѣвернымъ предѣломъ распространенія глухаря служитъ сѣверная граница высокоствольнаго лѣса. Въ Лапландіи глухарь и въ горизонтальномъ и въ вертикальномъ распространеніи связанъ съ сосной. Въ Архангельской губ. онъ не идетъ такъ далеко къ сѣверу, и въ Мезенскомъ у. сѣверная граница глухаря лежитъ около 65° с. ш.; однако, далѣе на востокъ эта граница опять поднимается къ сѣверу, находясь на Печорѣ между 66°—67° с. ш., чтобы еще далѣе къ востоку, на Уралѣ опять спуститься къ 65°. Отсюда во всей области таіги, т.-е. къ югу до 56°, глухарь обыкновененъ, но еще южнѣе становится спорадичнымъ, за исключеніемъ обширной лѣсной области по истокамъ Волги и Днѣпра. Приведемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о распространеніи глухаря въ южной полосѣ его распространенія. Въ Уфимской губ. это еще обыкновенная птица, при чемъ здѣсь встрѣчается и типичная и бѣлобрюхая формы, чередующіяся слѣдующимъ образомъ (по свѣдѣніямъ П. П. Сушкина). Въ Уралѣ Златоустовскаго у. и на западъ отъ него живетъ типичный глухарь. Въ Уралѣ Стерлитамакскаго у., во всякомъ случаѣ начиная съ широты Стерлитамака и южнѣе, за предѣлы Уфимской губ., а также въ лѣсахъ, окаймляющихъ эту часть Урала, живетъ бѣлобрюхій глухарь. Идя далѣе на с.-з. по окраинѣ лѣсной области Уфимской губ., т.-е. приблизительно слѣдуя теченію р. Бѣлой, встрѣчаемъ бѣлобрюхаго глухаря въ окрестностяхъ

Уфы, гдѣ настолько же многочисленны или даже преобладаютъ особи переходнаго характера. Далѣе на западъ, въ Бирскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ, живетъ типичный глухарь и переходные отъ него къ бѣлобрюхому. А. Н. Карамзинъ говоритъ, что и въ Белебеевскомъ у. и прилегающихъ частяхъ Самарской губ. преобладающею является бѣлобрюхая форма. Въ Белебеевскомъ у. глухарь водится въ сосновыхъ лѣсахъ по выходамъ пермскаго известняка, въ Бугульминскомъ уѣздѣ въ борахъ и чернолѣсьѣ близъ Сулы, Глазова и въ верховьяхъ р. Кондурги, откуда переходитъ въ лѣса сѣверо-западнаго угла Бугурусланскаго у. Наконецъ, совершенно особнякомъ отъ этихъ лѣсныхъ площадей и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе далеко къ югу въ Самарской губ. стоитъ нахожденіе глухаря въ Бузулукскомъ бору. Н. А. Зарудный говоритъ, что бѣлобрюхій глухарь въ большомъ числѣ гнѣздится въ борахъ и частью лиственныхъ лѣсахъ на сѣверномъ склонѣ Общаго Сырта, близъ верхняго теченія Самары, и очень обыкновененъ въ лѣсахъ Оренбургской Башкиріи. Вдоль лѣваго берега Волги М. Н. Богдановъ прослѣдилъ глухаря по сосновымъ борамъ до Царева кургана—холма около р. Сока. На правомъ берегу Волги глухарь обыкновененъ въ лѣсахъ Самарской луки. Отсюда его южная граница идетъ черезъ Сызранскій у. Симбирской губ., Кузнецкій и Петровскій Саратовской, Кирсановскій и Тамбовскій Тамбовской губ., проходитъ немного сѣвернѣе Тулы черезъ Одоевскій у., затѣмъ переходитъ въ Калужскую губ. и черезъ Козельскій и Жиздринскій уу. послѣдней направляется въ Брянскій и Трубчевскій уу. Орловской губерніи. Къ югу отъ этой границы спорадичное распространеніе глухаря можетъ быть указано для Хвалынскаго и Вольскаго уу., Саратовской губ., но упоминаемое Богдановымъ распространеніе этой птицы по рр. Сердобѣ и Хопру до села Падовъ, Балашовскаго у., не подтверждается: въ описаніи Падовъ, по крайней мѣрѣ, глухарь совершенно не упомянутъ. Въ Симбирской, Саратовской и Пензенской губ. живетъ форма переходная къ бѣлобрюхому глухарю, еще болѣе темнѣющая въ Тамбовской губ. Въ Казанской, Нижегородской, Рязанской и отсюда на западъ—типичная, спорадично распространенная и въ Тамбовской губ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь глухарей нѣтъ ни въ Воронежской, ни въ Харьковской губ., но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что прежде они здѣсь водились. По крайней мѣрѣ для Харьковской губ. они упоминаются въ ея описаніяхъ, сдѣланныхъ въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія.

На западъ отъ Орловской губ. южная граница распространенія глухаря сначала идетъ въ юго-западномъ направленіи, отрѣзывая сѣверныя части Черниговской и Кіевской губ., а затѣмъ на западъ черезъ Волынскую губ., гдѣ глухаря уже нѣтъ въ южныхъ уѣздахъ, напр., въ Староконстантиновскомъ. Въ Польшѣ глухарь рѣдокъ и спорадиченъ. Въ Ковенской губ. почти перевелся, но въ другихъ западныхъ мѣстами еще многочисленъ. Въ прибалтійскихъ губ. довольно многочисленъ еще въ разныхъ мѣстахъ Курляндіи и Лифляндіи.

У южной границы своего распространенія глухарь быстро сокращается въ числѣ въ губ. Орловской и въ южной части губ. Рязанской. Въ послѣдней мѣстности окончательному истребленію птицы предшествовало любопытное измѣненіе ея привычекъ: переселеніе въ старые березовые лѣса, о чемъ ниже.

Внѣ Европ. Россіи глухарь распространенъ въ лѣсной области Сибири до 67° с. ш. къ сѣверу и до Забайкалья къ юго-востоку. Гдѣ лежитъ его восточная граница на пространствѣ между Енисеемъ и Леной, къ сожалѣнію, не выяснено. Кромѣ того, глухарь распространенъ въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ и въ Семирѣченскомъ краѣ. Въ Алтаѣ и Саянскихъ горахъ обыкновенный глухарь сталкивается съ такъ называемымъ длиннохвостымъ (T. urogalloides), который замѣняетъ его въ восточной Сибири (за исключеніемъ Камчатки), въ Амурскомъ краѣ, на Сахалинѣ и въ сѣверныхъ частяхъ Китайской имперіи. Въ Камчаткѣ живетъ особая форма каменнаго глухаря (T. kamtschaticus).

На западъ отъ Европ. Россіи глухарь водится въ горахъ центральной, западной и даже отчасти южной Европы. Въ нашихъ горахъ, напр., на Уралѣ, глухарь положительно предпочитаетъ влажныя долины горнымъ склонамъ, но, конечно, въ зависимости отъ разныхъ мѣстныхъ условій привычки птицы мѣняются, и являясь на протяженіи большей части занятой имъ области птицею низменности, онъ мѣстами вполнѣ заслуживаетъ названіе горнаго обитателя.

Глухарь—птица осѣдлая, не предпринимающая даже такихъ кочевокъ, какъ тетеревъ-косачъ. Еще въ концѣ зимы, уже въ февралѣ, перебираются глухари изъ своихъ зимнихъ мѣстообитаній къ будущему мѣсту тока, и въ приготовленіяхъ къ токованію и въ самомъ токованіи для нихъ проходитъ вся весна, по май мѣсяцъ. Затѣмъ съ мая по сентябрь протекаетъ одиночная жизнь самцовъ и семейная жизнь самокъ съ выводками, а въ сентябрѣ начинается осенній и зимній періодъ. Особенный интересъ для охотника представляетъ весна, съ ея характерной охотой за токующимъ глухаремъ съ подхода, наименѣе интересна зима. Лѣтняя охота за глухарятами мало своеобразна и потому естественно, что въ дальнѣйшемъ описаніи намъ придется обратить особое вниманіе на весенній періодъ въ жизни глухаря. Къ глухарю болѣе чѣмъ къ другой птицѣ относится, что успѣхъ охоты обусловливается лишь основательнымъ изученіемъ всѣхъ ея повадокъ и привычекъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весенній образъ жизни и весенняя охота.

I.

Переселенія къ токамъ.—Постоянство токовъ.—Площадь токовища.—Кормъ и мѣста кормежки.—Собственно токованіе или игра глухаря.—Голосъ глухаря.—Драки токовиковъ.—Продолжительность періода токованія.—Начало и конецъ утренняго токованія.—Вліяніе погоды.—Вечерній токъ.—Образъ жизни глухарокъ.—Глухарь въ чернолѣсьи.

Весенній періодъ въ жизни глухарей начинается съ того же, съ чего начинается и у косачей: съ приближенія зимнихъ стай къ токовищамъ. „Еще бѣлая пелена снѣга лежитъ во всей своей неприкосновенной цѣлости, рѣзко отдѣляясь отъ темнозеленой хвои краснолѣсья,—пишетъ Л. П. Сабанѣевъ,—а стайки глухарей выбираются изъ чащи ельниковъ, гдѣ онѣ держались въ теченіе глухой зимы, и приближаются къ обычному мѣсту тока. Въ ясный февральскій день, на окраинахъ моховыхъ болотъ, у лѣсныхъ покосовъ уже можно наблюдать этихъ огромныхъ птицъ, тамъ и сямъ чернѣющихъ на вершинахъ высокихъ елей и сосенъ,—вѣрный знакъ ихъ скораго вылета на ближніе тока“. Проходитъ еще нѣсколько дней, солнце грѣетъ все сильнѣе и сильнѣе, и оживая подъ его лучами, глухари начинаютъ вылетать на свое старое токовище. Сначала держатся также исключительно на деревьяхъ, а потомъ спускаются на снѣгъ и ходятъ, чертя крыльями по насту. Первые дни они совсѣмъ не подаютъ голоса, потомъ начинаютъ слабо текать и все рѣже и рѣже слетаютъ на землю.

Если лѣсъ, гдѣ зимою держались глухари, не великъ, это переселеніе къ токовищу происходитъ совершенно незамѣтно и легко можетъ быть принято за обычную зимнюю кочевку птицъ. Но при большой лѣсной площади постоянство, съ которымъ глухари держатся въ одномъ мѣстѣ, не можетъ не броситься въ глаза. Впрочемъ, глухариные тока чрезвычайно постоянны, гораздо постояннѣе даже тетеревиныхъ, и потому наблюдательному человѣку хорошо извѣстны сами по себѣ. Цѣлые десятки лѣтъ токуютъ глухари на одномъ и томъ же токовищѣ, и только вырубка лѣса и лѣсные пожары заставляютъ ихъ перемѣнить излюбленное мѣсто. Преслѣдованія охотника и промышленника въ этомъ отношеніи не имѣютъ большого значенія, особенно если поблизости нѣтъ другихъ токовищъ. Но въ томъ случаѣ, когда на одномъ токовищѣ глухарей очень преслѣдуютъ (особенно неумѣлые охотники, которые не столько бьютъ, сколько пугаютъ птицу), и въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда есть другое, совсѣмъ нетревожимое, глухари обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что одинъ за однимъ перебираются на послѣднее.

Мѣсто глухаринаго тока совсѣмъ не похоже на токовище косачей. Чаще всего это окраины мохового болота, поросшаго рѣдкими,

искривленными сосенками и окруженнаго глухимъ старымъ лѣсомъ, на сѣверѣ исключительно еловымъ. Тамъ и сямъ среди болѣе мелкихъ деревьевъ должны находиться высокія сосны и ели, на которыхъ чаще всего токуетъ глухарь, или же болѣе высокія деревья подымаются среди обширной мшары, заросшей верескомъ, багульникомъ и низкорослыми сосенками, отдѣльными купами, точно островками. Кромѣ того, глухари токуютъ въ борахъ, въ болотистыхъ логотинахъ, по склонамъ небольшихъ уваловъ, обращенныхъ на югъ и востокъ, и даже въ болѣе широкихъ долинахъ лѣсныхъ рѣчекъ. Однако, послѣднія мѣста токовъ не характерны для глухаря и болѣе связаны съ гористымъ характеромъ мѣстности, т.-е. объясняются спеціальными особенностями страны. Кромѣ того, съ одной стороны, у насъ на Уралѣ, съ другой,—въ горныхъ странахъ западной Европы, глухари нѣсколько перемѣщаются даже въ теченіе одного періода токованія: начинаютъ токовать сравнительно высоко, на склонахъ, а потомъ спускаются все ниже и ниже, до самыхъ логовъ.

Площадь токовища колеблется въ размѣрахъ очень сильно: тамъ, гдѣ глухарей собирается много, до 30 и даже до 50 штукъ, она занимаетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ, не менѣе двухъ; среднее токовище, гдѣ токуютъ штукъ 8—10, занимаетъ квадратную полуверсту или $^3/_4$ версты; наконецъ, маленькіе тока въ 3—5 штукъ занимаютъ всего четверть квадратной версты. Такая обширная площадь токовища и столь большое колебаніе его размѣровъ объясняется прежде всего тѣмъ, что разстояніе между токующими глухарями бываетъ большею частію отъ 100 до 250 шаговъ; лишь въ видѣ исключенія глухари токуютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ другъ отъ друга, и наперечетъ тѣ случаи, когда видѣли двухъ токующихъ глухарей на одномъ деревѣ.

Такъ какъ глухарь держится отчасти на токовищѣ и во всякомъ случаѣ около него въ теченіе всего весенняго періода, само собою разумѣется, что въ выборѣ мѣста тока руководится не исключительно присутствіемъ деревьевъ, на которыхъ онъ токуетъ, а соображается такъ же съ условіями безопасности и добыванія корма. Поэтому рѣдко гдѣ удается встрѣтить глухариные тока на разстояніи около пяти верстъ отъ города, да и то развѣ въ захолустьѣ, съ рѣдкимъ разбросаннымъ населеніемъ; обыкновенно же надо ѣхать за нѣсколько десятковъ верстъ отъ большого центра, а чтобы найти большой токъ, такъ и того дальше. Затѣмъ, кромѣ мохового болота, поросшаго клюквой, глухарь выбираетъ близость осинниковъ или олешняковъ и брусничниковъ, т.-е. такія мѣста, гдѣ эти птицы находятъ себѣ обильный кормъ весною. Въ началѣ весны пища глухарей далеко не разнообразна: пока снѣгъ не стаялъ, имъ нечего взять кромѣ хвои, преимущественно еловой, да самыхъ вершинокъ молодыхъ сосенокъ и елочекъ, и потому въ это время зобъ описываемыхъ птицъ набитъ только иглами. Кромѣ того, надо замѣтить, что глухари предпочитаютъ хвою, тронутую пожаромъ, потому будто бы, какъ говорятъ промышленники, что она „слаще". Но

позднѣе, когда снѣгъ растаетъ, глухари на цѣлые дни переселяются изъ ельниковъ въ болота, гдѣ кормятся уцѣлѣвшими старыми ягодами клюквы и брусники, которыя очень любятъ, а въ разгаръ весны пища ихъ становится еще богаче и разнообразнѣе: начинаетъ цвѣсти осина, ольха, ива, пробивается зеленая травка, и потому-то какъ глухари, такъ и глухарки на цѣлые дни забираются въ осинникъ, тальникъ у болотъ и по берегамъ рѣкъ, въ олешнякъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою понятно, что такія мѣста до крайности трудно доступны, такъ какъ иногда вода на цѣлые поларшина покрываетъ моховое болото, служащее токомъ для глухарей.

Характерною особенностью глухаря служитъ то, что онъ токуетъ на деревьяхъ, а не на землѣ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать, что онъ совсѣмъ не спускается на землю: слетаютъ на токъ и бѣгаютъ по землѣ глухари нерѣдко, но токуютъ на землѣ они очень рѣдко и, повидимому, только въ самый разгаръ тока, при чемъ начинаютъ токовать все - таки на деревѣ. Весьма укоренившееся мнѣніе, что глухарь токуетъ только на хвойныхъ деревьяхъ, должно считаться ошибочнымъ. Будучи распространенъ преимущественно въ области краснолѣсья, глухарь, конечно, во многихъ мѣстахъ не можетъ токовать ни на какомъ другомъ деревѣ, кромѣ хвойнаго, прямо за отсутствіемъ лиственныхъ. Такъ, въ Вышневолоцкомъ и Валдайскомъ уу., по словамъ г. Дмитріева, глухарь токуетъ только на хвойныхъ деревьяхъ, потому что другихъ на токахъ здѣсь нѣтъ. Въ Богородскомъ же у., гдѣ кромѣ сосенъ и елей на токахъ растутъ березы и осины, по словамъ того же наблюдателя, вовсе не рѣдкость стрѣлять токующихъ глухарей на деревьяхъ двухъ послѣднихъ породъ. Однако, внѣ всякаго сомнѣнія, сосна съ ея горизонтальными и толстыми сучьями представляетъ наибольшія удобства для обычныхъ эволюцій токующаго глухаря и потому, конечно, избирается предпочтительно передъ другими деревьями.

Очень высокихъ деревьевъ глухарь избѣгаетъ, можетъ быть потому, что таковыя обыкновенно растутъ среди другихъ и не такъ вѣтвисты, глухарю же для токованія нужно дерево вѣтвистое, слѣдовательно, не стѣсненное другими. Выбравъ себѣ подходящее дерево, глухарь сначала токуетъ на высотѣ двухъ третей его и ближе къ стволу, затѣмъ постепенно спускается ниже, къ половинѣ высоты дерева, наконецъ, играетъ уже на самыхъ нижнихъ сукахъ, всего въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ земли, и на довольно большомъ разстояніи отъ ствола. Однако, иногда глухарь токуетъ даже на чахлой сосенкѣ, и потому никакъ нельзя утверждать, что лишь деревья извѣстной величины и породы служатъ для его тованья.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые охотники идутъ еще далѣе и даже утверждаютъ, что на рѣдкомъ токовищѣ нѣтъ такого дерева, на которомъ изъ году въ годъ не удавалось убивать нѣсколькихъ старыхъ глухарей, которые одинъ за другимъ занимали мѣсто своихъ товарищей и подвергались ихъ участи. „Промышленники разсказываютъ

даже,—пишетъ Л. П. Сабанѣевъ,— что нерѣдко на току бываетъ настолько облюбованная глухарями ель или сосна, что можно быть увѣреннымъ, что каждое утро, на той же самой толстой вѣтви, увидишь новаго глухаря".

Г. Ушковъ также говоритъ, что глухарь, прилетая на токъ, всегда садится на свое „завѣтное" дерево. Такъ какъ оба названные наблюдателя говорятъ объ одной и той же мѣстности (Пермской губ.), можетъ быть въ приложеніи къ ней это и вѣрно, тѣмъ болѣе, что отрывочныя однородныя показанія можно найти и у другихъ авторовъ; но что касается Тверской, Новгородской и Московской губ., то г. Дмитріевъ пишетъ объ этомъ слѣдующее: „глухари играютъ по всему току, гдѣ придется, и по разнымъ деревьямъ; сегодня, напримѣръ, на одномъ деревѣ, завтра на другомъ,— смотря по мѣсту, на большихъ и среднихъ деревьяхъ, и даже изрѣдка случается видѣть на самыхъ маленькихъ, хилыхъ сосенкахъ; но такихъ любимыхъ деревьевъ, на которыхъ каждое утро можно бы услышать глухаря, — нѣтъ. Охотясь постоянно за глухарями и посѣщая нѣкоторые тока изъ году въ годъ, я хорошо знаю мѣстность этихъ токовъ и долженъ сказать, что до сихъ поръ ничего подобнаго не замѣчалъ. Часто случалось бить старыхъ глухарей и на высокихъ и на низкихъ деревьяхъ, но такихъ „центральныхъ" деревьевъ, на которыхъ садятся всегда старые глухари, ни на одномъ току не замѣчалъ. Спрашивалъ объ этомъ и промышленниковъ, съ которыми приходилось охотиться, но и тѣ ничего подобнаго не замѣчали. Точно такъ же во все время моей охоты за глухарями ни на одномъ току не было такого дерева, на которомъ каждое утро можно было бы увидѣть глухаря. Я перебывалъ на многихъ токахъ; знаю мѣстность большинства изъ нихъ и никогда ни на одномъ току не убивалъ на одномъ деревѣ не только по нѣскольку глухарей въ одну весну, но даже и по два глухаря въ разное время. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, на нѣкоторыхъ токахъ, я нарочно старался запоминать деревья, на которыхъ убивалъ, и въ слѣдующій разъ шелъ прямо къ нимъ, но никогда не замѣчалъ на нихъ новыхъ глухарей. Я полагаю, если бы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я охотился, были такія деревья, то, безъ сомнѣнія, промышленники знали бы о нихъ и мнѣ бы сказали навѣрное, такъ какъ я плачу имъ всегда хорошо; но, сколько я ни спрашивалъ ихъ объ этомъ, всѣ отвѣчали, что ничего подобнаго не замѣчали".

Г. Разевигъ, такъ же хорошо знакомый съ глухариною охотой, и притомъ наблюдавшій и внимательно изучавшій образъ жизни глухарей, какъ у насъ въ разныхъ губерніяхъ (Пермская, Тверская, Рязанская и др.), такъ и за границей, въ свою очередь ничего не говоритъ объ этихъ излюбленныхъ глухарями деревьяхъ. Напротивъ, онъ даже говоритъ, что въ выборѣ дерева для токованія, глухарь обращаетъ вниманіе на первомъ мѣстѣ на расположеніе сучьевъ дерева, на второмъ — на его высоту. „Въ этомъ отношеніи,— глухарь крайне непостояненъ,—пишетъ г. Разевигъ, и мнѣ приходилось стрѣ-

лять его съ такихъ строевыхъ сосенъ, съ такой высоты, что глухарь, сидѣвшій въ двухъ третяхъ дерева, на брезжущей зарѣ, казался не болѣе ворона; наоборотъ, и съ чахлыхъ хилыхъ сосенокъ, въ сажень вышины, съ которыхъ глухаря легко бы было столкнуть ружьемъ; гдѣ не видавъ самъ, никогда бы и не повѣрилъ, что на нее глухарь вообще сядетъ, а не только что будетъ токовать. На такую сосенку онъ садится въ самую вершину и сидитъ въ ней, какъ въ гнѣздѣ; токуя, только поворачивается кругомъ, какъ на стержнѣ, какъ флюгарка".

Въ средней Россіи въ послѣднихъ числахъ февраля или въ первыхъ марта, на сѣверѣ двумя недѣлями позднѣе, раздается первое „щелканье" или „теканье" старыхъ глухарей - токовиковъ, какъ бы робко заявляющихъ этими еще негромкими отрывистыми звуками о наступленіи весны. День ото дня это щелканье раздается громче и чаще (особенно въ теплыя, пасмурныя утра), въ то же время брови самцовъ надуваются и краснѣютъ, и, наконецъ, отдѣльные звуки сливаются въ общую своеобразную трель, оканчивающуюся такъ назыв. „скирканьемъ"; токовикъ затоковалъ или заигралъ,— какъ говорятъ охотники,—а за нимъ начинаютъ играть и болѣе молодые самцы. Въ половинѣ или двадцатыхъ числахъ марта начинается настоящій токъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне оригинальная весенняя охота за глухарями.

Жизнь глухарей даже и въ періодъ токованія идетъ довольно правильно. Днемъ эти птицы кормятся поблизости тока, или на болотѣ, или въ лѣсу, а съ приближеніемъ вечера, точнѣе, передъ закатомъ солнца, летятъ на тока, однако, не всѣ: нѣкоторые, большею частію молодые или юные, прилетаютъ сюда лишь рано утромъ, еще до разсвѣта или на разсвѣтѣ. Такъ какъ глухари возвращаются съ мѣстъ своихъ кормежекъ къ току всегда по прямой, этимъ вечернимъ перелетомъ ихъ можно съ удобствомъ пользоваться для опредѣленія въ незнакомой мѣстности мѣста тока. Прилетѣвъ сюда, глухарь почти всегда садится на дерево, въ половину его высоты, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ на землю. На дерево опускается съ большимъ шумомъ, такъ наз. „лопотаньемъ", которое въ тихую погоду можно слышать за полверсты, садится почти подлѣ самого ствола на толстый гладкій сукъ и буквально замираетъ въ одномъ положеніи, внимательно присматриваясь и прислушиваясь ко всему подозрительному. Въ это время очень легко спугнуть глухаря, хотя промышленники и увѣряютъ, что спугнутый вечеромъ глухарь утромъ возвращается на токъ снова. Если все спокойно, глухарь дѣлаетъ шеей особыя движенія, какъ бы отрыгиваетъ что-нибудь, и при этомъ издаетъ своеобразные звуки, которые у охотниковъ извѣстны подъ названіемъ „хрюканья". Г. Кирѣевскій сравниваетъ ихъ съ хрюканьемъ разсерженнаго барсука, по мнѣнію г. Дмитріева, они скорѣе напоминаютъ хрюканье поросенка. Во всякомъ случаѣ эти звуки трудно поддаются опредѣленію, такъ какъ, несмотря на кажущуюся простоту, довольно сложны. Что выражаютъ собой эти звуки, такъ же трудно сказать, такъ какъ едва ли можно думать, что ими глухари перекликаются другъ съ дру-

гомъ, — это не въ обычаѣ токующей птицы. Какъ бы то ни было, похрюкавъ, глухарь успокаивается до разсвѣта, если только не токуетъ вечеромъ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Переночевавъ на деревѣ, глухарь утромъ, еще до свѣта, начинаетъ токовать; сначала тихо, робко, какъ бы нехотя, потомъ, по мѣрѣ приближенія разсвѣта, все зарче и зарче. Первымъ всегда начинаетъ самый старый и сильный самецъ, а за нимъ и всѣ остальные члены тока. Находяся на одномъ изъ толстыхъ, гладкихъ суковъ, на высотѣ въ полдерева, токующій глухарь развертываетъ хвостъ вѣеромъ, немного приподнявъ его кверху, распускаетъ крылья такъ, что они царапаютъ своими концами по суку, далеко вытягиваетъ впередъ въ горизонтальномъ направленіи шею, поднимаетъ голову нѣсколько кверху, распушаетъ всѣ перья и начинаетъ свою любовную пѣсню. Сначала пѣсня состоитъ изъ рѣдкаго теканья, затѣмъ теканье становится все чаще и чаще, и, наконецъ, переходитъ въ глухое шипѣнье, къ которому присоединяется особое стрекотанье, вродѣ стрекотанья сороки.

Окончивъ пѣсню, глухарь останавливается и прислушивается, не отзывается ли гдѣ глухарка; затѣмъ опять, но уже громче и энергичнѣе, заводитъ ту же пѣсню. Первая часть пѣсни называется у охотниковъ, какъ уже сказано, теканьемъ или щелканьемъ, вторая — скирканьемъ, стрекотаньемъ и щебетаньемъ. Начиная пѣсню, глухарь тихо передвигается по суку, затѣмъ передъ скирканьемъ обыкновенно останавливается, окончивъ же пѣсню, бокомъ возвращается на прежнее мѣсто.

Однако, надо имѣть въ виду, что теканье прямо переходитъ въ скирканье только въ разгаръ тока, обыкновенно же между тѣмъ и другимъ существуетъ промежутокъ, когда глухарь, остановившись, чутко прислушивается. Въ началѣ токового періода скирканья даже совсѣмъ не бываетъ, и глухарь ограничивается какъ бы прелюдіей пѣсни.

Хотя передать скирканье и теканье звукоподражательно очень трудно, однако, можно сказать, что глухарь начинаетъ свое пѣніе, повторяя разъ 10—15 подобіе слоговъ теке! теке! Повторяясь съ постепеннымъ учащеніемъ, эти звуки сливаются, наконецъ, въ глухую трель, которая оканчивается щелканьемъ, и уже затѣмъ, съ промежуткомъ или безъ него, все заканчивается скирканьемъ. Тогда какъ первая часть или прелюдія пѣсни длится минуту—двѣ, скирканье беретъ секунды 3—4. Пока глухарь текаетъ, онъ отлично слышитъ и видитъ, когда же скиркаетъ — не обращаетъ никакого вниманія на происходящее кругомъ. Нѣкоторые думаютъ, что во время скирканья глухарь дѣйствительно ничего не видитъ и не слышитъ, такъ какъ закатываетъ глаза и, открывая ротъ, закрываетъ вслѣдствіе этого отросткомъ нижней челюсти входъ въ слуховой проходъ. Но и то и другое, какъ показали наблюденія надъ глухаремъ въ неволѣ (Бремъ), совершенно невѣрно: глухарь и видитъ, и слышитъ, но находясь въ высшей степени возбужденія, не обращаетъ вниманія на окружающее, будучи занятъ совершенно другимъ.

По наблюденіямъ Ф. К. Лоренца, шея глухаря въ періодъ тока раздувается отъ прилива крови до того, что перья не покрываютъ болѣе голыхъ мѣстъ кожи, и послѣднія выступаютъ тамъ и сямъ, языкъ же птицы, убитой во время токованія, оказывается втянутымъ такъ глубоко въ глотку, что его совсѣмъ не видно во рту. Не этимъ ли обстоятельствомъ объясняется то, что голосъ глухаря далеко не такъ громокъ, какъ этого надо бы ожидать, судя по величинѣ птицы? Въ тихое утро и по насту скирканье глухаря можно слышать шаговъ за 225—250, не далѣе; щелканье же гораздо глуше и потому слышно всего шаговъ за 150—200. Въ пасмурное утро и когда сойдетъ снѣгъ пѣнія глухаря нельзя услышать даже на такомъ разстояніи. Если же вѣтрено, и притомъ темно, чрезвычайно трудно опредѣлить не только разстояніе, на которомъ слышится пѣсня глухаря, но и направленіе звуковъ. Къ тому же даже на опытнаго охотника дѣйствуетъ несоотвѣтствіе между величиной птицы и силой ея голоса: слыша слабое скирканье, все думаешь, что глухарь далеко и кончаешь тѣмъ, что даже проходишь мимо того дерева, на которомъ сидитъ глухарь.

Прибавимъ еще, что, по словамъ Ф. К. Лоренца же, глухарь иногда токуетъ, находясь въ совершенно обыкновенномъ положеніи.

Такъ какъ весенняя охота за глухарями основана на томъ, чтобы подойти къ птицѣ, пользуясь секундами, когда она скиркаетъ и не обращаетъ никакого вниманія на то, что дѣлается кругомъ, знаніе разныхъ оттѣнковъ глухариной пѣсни безусловно необходимо для охотника. Продолжительный навыкъ и вниманіе позволяютъ охотнику безошибочно опредѣлить, когда щелканье замѣнится скирканьемъ, и нѣкоторые виртуозы этого дѣла начинаютъ подходить съ послѣднимъ щелканьемъ, совершенно вѣрно разсуждая, что звукъ шаговъ дойдетъ до птицы тогда, когда она уже начнетъ скиркать. Точно такъ же очень важно знать, старый или молодой глухарь играетъ, потому что молодые никогда не входятъ въ такой азартъ, какъ старые, и ихъ легче испугать. Въ этомъ случаѣ опять-таки нужна практика, такъ какъ большого различія между голосомъ стараго и молодого глухаря нѣтъ, хотя можно сказать, что молодой имѣетъ не такой хриплый голосъ, какъ старый. Къ тому же и манера играть у молодого глухаря нѣсколько другая.

Токующій глухарь, какъ сказано, обыкновенно во время токованья спускается постепенно на ниже лежащія вѣтви. Но иногда, что, повидимому, бываетъ при затянувшемся утреннемъ токѣ, его, напротивъ, можно видѣть на сучкѣ лежащемъ выше, чѣмъ въ полдерева. Какъ въ промежуткахъ между игрою, такъ и въ промежуткѣ между щелканьемъ и скирканьемъ, токовикъ внимательно прислушивается, не раздается ли клохтанье глухарки, прилетѣвшей на токовище, и въ такомъ случаѣ слетаетъ на землю и подходитъ къ ней. Если же онъ заслышитъ ея голосъ на болѣе далекомъ разстояніи, тогда онъ съ теканьемъ летитъ къ ней. Въ разгаръ тока глухари слетаютъ на

землю даже безъ самокъ, просто для игры или токованья, но обыкновенно ихъ приманиваетъ сюда самка. Если случайно два или болѣе самцовъ бросятся къ одной самкѣ, между ними сейчасъ же возгарается драка. Глухари дерутся съ большимъ азартомъ, то наскакивая другъ на друга, чтобы ударить ногами, то схватясь за шеи, и при этомъ сильно гремятъ крыльями. Существуетъ не одинъ разсказъ, что такихъ ничего не видящихъ и не слышащихъ въ пылу битвы бойцовъ ловили руками, но для этого необходимо, чтобы они были равносильны; въ противномъ случаѣ слабѣйшій обращается въ бѣгство, а побѣдитель нерѣдко празднуетъ свою побѣду тѣмъ, что, взлетѣвъ на сукъ, тутъ же начинаетъ играть. Самка относится совершенно безучастно къ дракѣ самцовъ и обыкновенно отдается побѣдителю, если только ей не надоѣстъ выжидательное положеніе и она не уйдетъ съ случайно подвернувшимся свободнымъ глухаремъ.

Чтобы составить себѣ болѣе вѣрное представленіе о токѣ, надо помнить, что сначала глухари играютъ, дѣлая довольно продолжительные перерывы между отдѣльными пѣснями, въ $^1/_4$ часа и болѣе. Но потомъ пѣсня слѣдуетъ за пѣсней все чаще и чаще, сосѣдніе токовики, какъ бы подзадоривая другъ друга, не ждутъ пока кончитъ свою игру тотъ или другой сосѣдъ, и потому въ извѣстное время на току одновременно слышится нѣсколько глухарей.

Энергія токованія измѣняется и въ разное время періода тока и въ разное время дня. Въ средней Россіи тока глухарей обыкновенно начинаются въ первыхъ числахъ марта, при ранней и дружной веснѣ даже въ концѣ февраля, и обыкновенно оканчиваются около 9-го мая и при поздней веснѣ затягиваются даже до 20-го числа этого мѣсяца. Первую недѣлю токованіе идетъ слабо, и даже до Благовѣщенія глухари поютъ такъ вяло, что подходъ къ нимъ почти невозможенъ. Разгаръ токовъ бываетъ въ апрѣлѣ, съ начала этого мѣсяца и числа до 23—25-го, что совпадаетъ съ вылетомъ на токъ глухарокъ. Всего разгаръ тока длится три—четыре недѣли, а затѣмъ тока начинаютъ ослабѣвать, рѣдѣть и при нормальной веснѣ къ 10-му мая, при поздней къ 20-му, прекращаются совсѣмъ*). Слѣдовательно всего токъ длится 8—9 недѣль, наиболѣе горячо токуютъ глухари въ теченіе 3—4 недѣль, и именно столько же длится охота за глухарями съ подхода**). Сначала, когда снѣга много, подходъ очень труденъ, такъ какъ въ промежуткахъ между пѣснями и во время щелканья охотникъ отнюдь не долженъ шевелиться, а буквально долженъ замереть

*) Промышленники считаютъ, что глухарь кончаетъ играть какъ только похватаетъ свѣжаго листа на березѣ. Ѣда березоваго листа, конечно, не при чемъ, но вѣрно то, что игра глухарей кончается, когда березы совершенно распустятся и ихъ листики станутъ величиною съ копейку.

**) Если весна наступаетъ поздно, но дружно, т.-е. сразу станетъ тепло, быстро сойдетъ снѣгъ и скоро зазеленѣетъ травка, самки начинаютъ прилетать на токъ вскорѣ послѣ его начала, рано садятся на гнѣзда и этимъ опредѣляютъ быстрое окончаніе тока. Въ такомъ случаѣ весь періодъ токованія можетъ сократиться до 4-хъ недѣль.

въ той позѣ или въ томъ положеніи, въ какомъ оказался при концѣ скирканья. При концѣ тока, когда снѣгъ уже сошелъ, подходъ труденъ или легокъ, смотря потому, какова почва токовища, т.-е. насколько она мокра, покрыта валежникомъ и т. п.

Ежедневная продолжительность тока измѣняется очень сильно въ зависимости отъ времени и погоды. Въ половинѣ марта они начинаются около половины пятаго утра, но при сильномъ утренникѣ (въ 6—8°) запаздываютъ на полчаса и даже часъ, т.-е. начинаются всего за четверть часа до восхода солнца. Въ концѣ марта токъ начинается около 4-хъ часовъ, но если сильно морозитъ, опять-таки позднѣе получасомъ или даже часомъ. Вообще можно сказать, что при сильныхъ утренникахъ самый разгаръ тока наблюдается когда взойдетъ солнце. Чѣмъ раньше свѣтаетъ, тѣмъ раньше и начинается токъ, такъ что въ половинѣ апрѣля, въ теплое утро, токъ начинается уже около половины третьяго, въ концѣ апрѣля ранѣе двухъ, въ началѣ мая въ часъ. На сѣверѣ токъ начинается ежедневно, повидимому, нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ средней Россіи, для которой приведены сейчасъ перечисленныя цифровыя данныя.

Что касается времени окончанія токовъ, а слѣдовательно и ихъ продолжительности, то это также весьма различно въ разное время. Въ половинѣ марта токованіе длится всего около получаса, въ концѣ этого мѣсяца нѣсколько менѣе часа, въ началѣ апрѣля съ часъ, въ половинѣ апрѣля отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 часовъ,—наиболѣе долгое время. Съ конца апрѣля продолжительность тока уменьшается и къ Николину дню, т.-е. къ 9-му маю, не продолжается болѣе $\frac{3}{4}$ часа.

Въ туманное, пасмурное утро глухари и начинаютъ и кончаютъ играть позднѣе, чѣмъ въ ясное.

Такимъ образомъ, въ средней Россіи нормально тока начинаются въ мартѣ за часъ, въ апрѣлѣ за два и въ маѣ за $2\frac{1}{2}$ часа до восхода солнца. Но, повидимому, въ разныхъ частяхъ Россіи это время измѣняется. Такъ, если для средней Россіи можно принять, что глухариный и тетеревиный тока начинаются одновременно, для восточной, судя по наблюденіямъ Сабанѣева на Уралѣ, дѣло обстоитъ иначе тамъ глухари начинаютъ токовать раньше косачей, такъ какъ въ мартѣ первое щелканье слышно уже около четвертаго часа, въ серединѣ апрѣля въ третьемъ часу, и только въ началѣ мая около часа, какъ и въ средней Россіи. Равнымъ образомъ и продолжительность тока затягивается тамъ невѣроятно; по крайней мѣрѣ такой отличный наблюдатель, какъ г. Ушковъ, говоритъ про Екатеринбургскій уѣздъ, что тамъ въ хорошую погоду и въ разгаръ токованія токъ продолжается иногда и до полудня. Я, однако, думаю, что это совершенно исключительные случаи, вызванные какими-нибудь ненормальными условіями.

Погода оказываетъ на глухариный токъ такое же огромное вліяніе, какъ и на тягу вальдшнеповъ. Въ этомъ отношеніи у насъ имѣются очень цѣнныя наблюденія Сабанѣева и Дмитріева, которыхъ мы и будемъ придерживаться въ нашемъ изложеніи.

Непродолжительное ненастье, какъ, напр., тихій дождь, пошедшій съ вечера при теплой погодѣ и остановившійся утромъ, а также мокрый снѣгъ или небольшой вѣтеръ, при тѣхъ же условіяхъ, можно сказать, не оказываютъ никакого вліянія на токъ. Легкіе утренники, которые такъ часты въ апрѣлѣ, тоже не только не ухудшаютъ, но даже пожалуй улучшаютъ токъ, такъ какъ въ такія утра глухари играютъ зарче, чѣмъ въ теплыя. Даже сильные утренники, какъ мы видѣли, только отодвигаютъ нѣсколько начало тока, нисколько не вліяя на его качество. Но не то съ рѣзкими измѣненіями погоды къ худшему. Такъ, напр., если нѣсколько дней стояла теплая погода, которая должна рѣзко измѣниться въ ненастье, можно придти на токъ и не услышать ни одной пѣсни глухаря, хотя птицы держатся здѣсь же и даже щелкаютъ. Впрочемъ, это длится одно, два утра, потомъ глухари запѣваютъ, но только поютъ слабѣе и не такъ дружно, какъ въ хорошую погоду. Если же, напротивъ, погода стояла дурная и должна измѣниться къ лучшему, это сказывается на токѣ глухарей въ хорошую сторону: придя на токъ въ скверное ненастное утро, охотникъ къ удивленію своему замѣчаетъ, что токующихъ глухарей больше и они играютъ горячѣе. Въ такомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что погода быстро измѣнится къ лучшему. Г. Дмитріевъ приводитъ интересный случай, что однажды онъ былъ на току, когда съ 12-ти часовъ ночи пошелъ хлопьями снѣгъ, а къ утру поднялась такая мятель, что въ двадцати шагахъ ничего не было видно. Тѣмъ не менѣе глухари пѣли очень горячо, только токъ начался и кончился часомъ позднѣе, судя по времени. Но къ 10 часамъ мятель кончилась и потомъ опять сдѣлалась ясная, теплая погода.

Чтобы покончить съ описаніемъ токовъ, остается сказать о вечернихъ токахъ, которые, благодаря плохому знакомству большинства охотниковъ съ охотой на глухариныхъ токахъ, многимъ совершенно неизвѣстны и потому, совершенно неосновательно, даже отрицаются.

Вечернихъ токовъ нормально не бываетъ ни въ мартѣ, ни въ маѣ: они принадлежатъ исключительно апрѣлю, когда бываетъ самый разгаръ тока; но если поздняя весна передвигаетъ самое горячее время токовъ на конецъ апрѣля и начало мая, тогда и вечерніе тока переходятъ на это же время. Точно такъ же вечерніе тока могутъ развиться въ концѣ апрѣля и началѣ мая при нормальномъ наступленіи весны, но если поздніе морозы побьютъ яйца, и глухарки вынуждены будутъ приступить къ вторичной носкѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что вечерній токъ служитъ какъ бы дополненіемъ утренняго, но на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: глухарки почти никогда не участвуютъ въ вечернихъ токахъ, и только избытокъ половой энергіи самцовъ находитъ себѣ въ нихъ выходъ. Вечерніе тока очень кратковременны, такъ какъ продолжаются минутъ 15—25, не болѣе, начинаясь когда уже станетъ темнѣть, т.-е. въ началѣ апрѣля около 8-ми, въ половинѣ апрѣля около половины девятаго и въ концѣ этого мѣсяца около 9-ти часовъ. Вообще говоря, начало вечернихъ токовъ совпадаетъ болѣе

или менѣе съ началомъ тяги вальдшнеповъ*). Погода оказываетъ на вечерніе тока вліяніе такъ же, какъ и на утренніе, но въ обратную сторону: именно, въ пасмурную погоду вечерній токъ начинается на четверть и даже полчаса ранѣе, нежели обыкновенно. Токуютъ глухари на вечернихъ токахъ всегда въ полдерева и, если никто не спугнетъ ихъ, ночуютъ на томъ же деревѣ, гдѣ токовали, другими словами, и вечеромъ и утромъ токуютъ на одномъ и томъ же деревѣ.

Замѣчательно, что у насъ никто не наблюдалъ такихъ случаевъ крайней степени возбужденія глухарей-самцовъ въ періодъ тока, когда они, приходя почти въ бѣшенство, бросаются на людей и животныхъ, а между тѣмъ въ западно-европейской литературѣ такихъ случаевъ приведено нѣсколько. Въ очень хорошей книгѣ Lloyd'a, The Game Birds of Sweden and Norway, есть даже картинка, изображающая мальчика, который отбивается палкой отъ нападающаго на него глухаря. Слѣдовательно условія жизни глухаря у насъ и въ западной Европѣ различны, и упомянутое болѣзненное изступленіе птицы вѣроятно объясняется ненормальностью половыхъ отправленій, что въ свою очередь находитъ объясненіе въ маломъ количествѣ самокъ. Хотя охотничьи законы проводятся въ западной Европѣ гораздо строже, чѣмъ у насъ, однако, при абсолютно маломъ количествѣ извѣстной птицы, всегда можетъ быть недостача въ самкахъ, хотя бы онѣ погибали отъ чисто случайныхъ причинъ. У насъ же условія совсѣмъ другія, и даже при энергичномъ преслѣдованіи самцовъ, самокъ остается такъ много, что иногда на одного глухаря приходится по десятку глухарокъ.

Теперь, познакомившись со всѣми условіями тока, въ заключеніе описанія весенняго образа жизни остается сказать объ отношеніи къ току глухарокъ и вообще объ ихъ образѣ жизни весною. Глухарки приближаются къ мѣсту тока вмѣстѣ съ самцами, т.-е. или въ концѣ февраля, или въ началѣ марта, но въ теченіе первыхъ двухъ—трехъ недѣль остаются совершенно безучастными свидѣтельницами токованія, держась вдали отъ самцовъ. Въ средней Россіи глухарки вылетаютъ на токъ обыкновенно около Благовѣщенья, въ восточной позднѣе—только въ началѣ и даже въ половинѣ апрѣля. Садятся глухарки на яйца, а слѣдовательно и перестаютъ посѣщать тока, въ средней Россіи въ раннюю весну въ концѣ апрѣля, въ позднюю недѣлей или двумя позднѣе. Въ восточной Россіи кладка яицъ обыкновенно оканчивается въ началѣ мая.

Все время, пока глухарки вылетаютъ на токъ, игра самцовъ идетъ особенно горячо, и это лучшее время для охоты съ подхода. Когда же глухарки нанесли яицъ и одна за другой перестаютъ являться на токъ, игра самцовъ становится вялѣе, а затѣмъ и со-

*) Въ этомъ отношеніи я согласенъ съ г. Разевигомъ и не могу согласиться съ г. Дмитріевымъ, по мнѣнію котораго начало вечернихъ токовъ болѣе или менѣе совпадаетъ съ оконтаніемъ тяги.

всѣмъ прекращается. Первыми перестаютъ пѣть самые старые самцы, которые раньше всѣхъ начинаютъ токовать и потому раньше всѣхъ истощаются. Напротивъ, молодые, позднѣе начинающіе токовать, позднѣе и оканчиваютъ, тѣмъ болѣе, что съ удаленіемъ старыхъ самцовъ съ токовища чувствуютъ себя полными хозяевами послѣдняго. Иногда счастіе особенно улыбается имъ, это когда поздніе утренники побьютъ яйца глухарокъ и послѣднія снова появятся на току, передъ вторичной кладкой. Какъ бы то ни было, заканчиваютъ токъ молодые глухари и такъ какъ игра ихъ никогда не бываетъ такъ азартна, какъ у старыхъ, да и пѣсня короче, это время не благопріятствуетъ охотѣ.

Подлетѣвъ къ току рано утромъ, передъ восходомъ солнца, глухарка садится на нижніе сучья какого-нибудь дерева, и начинаетъ клохтать, чего уже такъ давно ждетъ токующій самецъ, и раззадориваемый этими звуками, онъ тѣмъ сильнѣе выводитъ свою пѣсню, высматривая въ промежуткахъ, гдѣ глухарка и не слетѣла ли она на токъ. Между тѣмъ самочка сначала клохчетъ тихо и рѣдко, потомъ чаще и сильнѣе и, наконецъ, слетаетъ съ дерева и идетъ на голосъ токующаго самца. Первое время глухарка остается на утреннемъ току до его окончанія, но какъ только она снесла первое яйцо, она уже не остается все время на току, а задолго до его окончанія улетаетъ къ гнѣзду и кормится тутъ, чѣмъ придется. Здѣсь она проводитъ все время до слѣдующаго утра, когда опять летитъ на токъ.

Къ старымъ глухарямъ на току ежедневно слетается по нѣскольку самокъ, которыя остаются съ ними сначала по многу часовъ, вмѣстѣ кормясь на току или около него. Но съ теченіемъ времени самки остаются на току все меньше и меньше и это расхолаживаетъ токовиковъ, которые тоже начинаютъ отлетать отъ токовища постепенно все на большее разстояніе. Если самокъ мало или онѣ прилетаютъ на токъ недружно, легко можетъ случится, что къ одной глухаркѣ устремятся одновременно два и даже три глухаря и тогда-то между ними завязывается вышеописанная драка. Но что касается разнообразныхъ пріемовъ, употребляемыхъ будто бы глухаркой, чтобы приманить къ себѣ глухаря, что передаетъ со словъ одного промышленника г. Арсеньевъ, то это мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Токующій глухарь такъ зорко присматривается и прислушивается, не явилась ли глухарка или по крайней мѣрѣ не подала ли голоса, что очень трудно представить себѣ такое невниманіе съ его стороны, чтобы глухаркѣ въ свою очередь пришлось ухаживать за нимъ.

Если сравнить теперь образъ жизни глухарей и глухарокъ въ теченіе 8—9 недѣль, пока продолжается токъ, насъ не удивитъ разница въ состояніи тѣхъ и другихъ въ концѣ этого періода: утомленные глухари, плохо подкармливаясь, тощаютъ до такой степени, что теряютъ около $^1/_3$ своего вѣса и нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ для возстановленія своихъ силъ. Глухарки, напротивъ, нисколько не страдаютъ ни отъ голода, ни отъ излишняго возбужденія и могутъ

смѣло приняться за трудную задачу вывода и воспитанія молодыхъ, въ чемъ самцы не принимаютъ и при ихъ образѣ жизни не могутъ принять никакого участія. Къ описанію этого періода въ жизни глухарей мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ, а здѣсь, чтобы дополнить сказанное о весеннемъ образѣ жизни этихъ птицъ, мы должны разсмотрѣть нѣсколько аномальныя для глухаря условія жизни въ чистомъ чернолѣсьѣ.

В. А. Развигъ даетъ намъ превосходное описаніе условій распространенія и образа жизни глухаря въ Сапожковскомъ уѣздѣ Рязанской губ., отчасти въ смѣшанныхъ, но преимущественно въ исключительно лиственныхъ лѣсахъ. Сюда, по мнѣнію названнаго автора, глухарь выселился изъ сосѣднихъ хвойныхъ лѣсовъ послѣ ихъ вырубки, и мы совершенно присоединяемся къ этому выводу. 25 лѣтъ тому назадъ районъ распространенія глухаря занималъ въ длину приблизительно 20, а въ ширину 10 верстъ, т.-е. около 200 квадр. верстъ, и представлялъ собою огромный лѣсной островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ полями. Однако, этотъ лѣсной островъ былъ не сплошной, а состоялъ изъ трехъ участковъ: 1) Карловскаго заводскаго лѣса (частью лиственный, частью смѣшанный хвойнолиственный—осина, береза, ель, сосна); 2) Завидовскаго лѣса (чисто лиственный и преимущественно березовый), и 3) Чучковскаго лѣса (лиственный съ небольшими еловолиственными участками). Господствующее насажденіе этихъ лѣсовъ — береза и осина, затѣмъ липа и дубъ; вкрапленными встрѣчаются ольха, вязъ, илимъ, ясень и кленъ. Изъ кустарныхъ породъ чаще другихъ встрѣчаются и образуютъ густой подлѣсокъ рябина, орѣшина, черемуха, крушина, калина, жимолость и бересклетъ. Ельники встрѣчаются только островами на глинистой почвѣ и суглинкѣ, сосняки—на супеси. Главною характерною чертою здѣшняго чернолѣсья является сплошной, густой, какъ щетка, почти непролазный подлѣсокъ изъ перечисленныхъ кустарныхъ породъ, къ которымъ примѣшивается еще молодой липнякъ. Въ краснолѣсьѣ подлѣсокъ менѣе густъ, но все-таки гораздо гуще, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ лѣсахъ, и его густотѣ пернатая дичь этихъ лѣсовъ (глухарь, тетеревъ, рябчикъ, вальдшнепъ) въ значительной мѣрѣ обязана своимъ существованіемъ, такъ какъ иначе человѣкъ, лисица, волкъ и домашнія собаки легко истребили бы ее. Характерны для этихъ лѣсовъ и чисто березовыя рощи, которыя такъ описываетъ г. Развигъ: „Представьте себѣ площадь, десятинъ въ двѣсти, поросшую крупной, по размѣрамъ деревъ, строевою березой, и только ею, безъ малѣйшей подмѣси другихъ породъ. Стоятъ эти громадные стволы одинъ отъ другого саженяхъ въ двухъ, прямые, бѣлые, гладкіе какъ свѣчи. Смотришь вверхъ, шапка валится, обоймешь — не обнять. Начинается крона дерева только саженяхъ на семи отъ земли, а до той высоты стоятъ они какъ мраморные обелески, какъ колонны, поддерживающія зеленый куполъ мавзолея... И смотришь на такую березо-

вую рощу издали, съ вырубки, съ опушки, и видишь: отъ земли и сажени на полторы вверхъ — чаща зеленѣетъ, густая, какъ трава на лугу заливномъ. А тамъ выше воздвигаются и рельефно выдаются на темномъ фонѣ лѣсного полумрака колонны бѣлыя, а надъ ними, въ волнистыхъ легкихъ очертаніяхъ раскинулся куполъ изумрудный"... Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ здѣшнихъ лѣсовъ.

Что касается образа жизни глухаря въ этихъ лѣсахъ, то прежде всего надо отмѣтить, что всѣ токовища находятся здѣсь въ смѣшанномъ лиственномъ лѣсу, съ преобладаніемъ березы, т.-е., иными словами, глухарь при выборѣ токовища избѣгаетъ какъ чисто низменныхъ участковъ (олешняки), такъ и участковъ съ сухой почвой (чистые березники). Затѣмъ всѣ токовища находятся здѣсь или по потнымъ мѣстамъ, не густо поросшимъ кустами жимолости, бересклета и разными высоко растущими травами, преимущественно зонточными, или же по участкамъ, прилегающимъ къ ольшникамъ и въ краю ихъ, гдѣ къ березѣ и осинѣ примѣшиваются одиночные ольхи и вязы, а сырая, кочковатая почва поросла широкими, но рѣдко стоящими кустами лозняка, густой, высокой осокой и изрѣдка камышомъ.

Что касается породы дерева, на которомъ токуетъ глухарь, то онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе *березѣ,* и г. Разевигъ только одинъ разъ видѣлъ глухаря, токующаго на осинѣ. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что глухарь болѣе привыкъ къ березѣ, какъ къ преобладающей породѣ деревьевъ, а можетъ быть болѣе вѣтвистая крона березы лучше защищаетъ его отъ его пернатыхъ враговъ.

Такъ какъ площадь лѣса, занятая глухаремъ въ описываемой мѣстности, не особенно велика, замѣтныхъ перекочевокъ этой птицы передъ началомъ тока не наблюдается. Въ это время года глухари держатся тамъ, гдѣ имѣются участки хвойнаго лѣса, въ хвойныхъ или смѣшанныхъ хвойно-лиственныхъ насажденіяхъ; тамъ же, гдѣ таковыхъ не имѣется, въ тѣхъ участкахъ, гдѣ подлѣсокъ болѣе густъ, и затѣмъ въ мѣшанныхъ осино-березовыхъ насажденіяхъ, въ которыхъ встрѣчаются олешняки. Въ это время въ первомъ случаѣ самцы питаются преимущественно сосновою хвоей, изрѣдка только поклевывая почки лиственныхъ породъ; самки же преимущественно послѣдними и уцѣлѣвшими ягодами рябины. Но во второмъ случаѣ (т.-е. въ лиственномъ лѣсу), и самцы и самки питаются исключительно почками лиственныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ—березовыми, осиновыми, липовыми, ольховыми, вязовыми, ивовыми и, если есть, рябиной. „Позднѣе весною, когда снѣгъ сойдетъ и оголится почва, къ этому корму примѣшиваются еще прошлогоднія ягоды, сѣмена травъ и какіе-то тонкіе и мягкіе корешки, повидимому, травяные. Еще позднѣе, когда листья начнутъ распускаться, и деревья зацвѣтутъ, глухари питаются какъ молодою листвою, такъ и сережками березы, осины и ольхи. Самки къ этой пищи примѣшиваютъ еще молодые побѣги нѣкоторыхъ травъ и ихъ цвѣтки, а также клюютъ появившихся насѣ-

комыхъ (червей, муравьевъ, слизняковъ, личинокъ); послѣдними онѣ кормятся болѣе въ періодъ носки яицъ и ихъ высиживанія.

„Первое время въ мартѣ, до начала токовъ, глухари держатся небольшими стайками (большею частью особи одного выводка) въ три—пять штукъ, самки отъ самцовъ отдѣльно. Позднѣе (съ начала токовъ — самцы и съ начала посѣщенія ими токовищъ — самки) стайки разбиваются, и каждая особь живетъ отдѣльно. Молодые отдѣляются отъ стайки позднѣе, старые раньше".

Что касается самого процесса токованія, то г. Разевигъ не замѣчалъ въ этомъ отношеніи никакого отступленія отъ нормы, только пѣсня токующаго глухаря въ чернолѣсьѣ слышится гораздо яснѣе и дальше, чѣмъ въ краснолѣсьѣ.

Этимъ и можно ограничиться въ описаніи своеобразныхъ условій распространенія и образа жизни глухаря въ чернолѣсьѣ Рязанской губ. Тутъ, очевидно, глухарь попалъ въ чернолѣсье изъ глухихъ, прежде бывшихъ въ этой странѣ, лѣсовъ и лишь до нѣкоторой степени измѣнилъ своимъ привычкамъ коренного жителя темнаго хвойнаго лѣса. Но глухарь живетъ въ чернолѣсьѣ и другихъ частей нашего отечества, такъ, напр., въ Нижегородской губ. (Арзамасскій у.), и здѣсь его поведеніе, особенно въ періодъ тока, настолько своеобразно, что я считаю себя вынужденнымъ цѣликомъ привести имѣющіяся объ этомъ въ литературѣ свѣдѣнія, въ надеждѣ, что они будутъ пополнены и, если нужно, исправлены охотниками данной мѣстности.

„Всѣ тока, которые я знаю въ лиственныхъ лѣсахъ, — пишетъ про Арзамасскій у. г. „Азіатъ",—находятся въ высокоствольномъ рѣдколѣсьи, по небольшимъ сѣнокоснымъ полянамъ, почти независимо отъ уединенности этихъ мѣстъ. Иногда они бываютъ очень близки къ опушкѣ, и до нихъ доносится шумъ съ большой дороги и изъ ближайшей деревни, что очень мало смущаетъ токующаго глухаря. Какъ бы ни былъ мраченъ и глухъ лѣсъ, въ немъ нѣтъ порядочнаго тока, разъ нѣтъ этихъ сѣнокосныхъ полянъ; поэтому при розыскѣ новаго тока въ обширномъ лѣсу я привыкъ только спрашивать: „гдѣ у васъ тамъ сѣнокосныя поляны?" и разъ онѣ въ лѣсу имѣются и найдены, не трудно уже по свѣжему помету добраться до центральнаго токовища безъ постороннихъ указаній. Вдоль этихъ полянъ подъ многими деревьями лежитъ свѣжій пометъ, а поляна, усѣянная пометомъ вразбросъ, есть и центръ токовища. Годами выборъ поляны мѣняется въ ту или другую сторону, но коренной токъ все-таки бываетъ только на одной полянѣ за одну весну. Общій характеръ этихъ сѣнокосныхъ полянъ-токовищъ приблизительно слѣдующій. Высокій частый осинникъ стоитъ почти сплошною стѣной; въ этомъ осинникѣ или вдоль его (часто по лѣсной дорогѣ) тянется рядъ небольшихъ полянъ отъ 5 до 30 саженъ въ поперечникѣ, на которыхъ изрѣдка торчатъ одиночные дубы, мѣстами поляны поросли молодыми лѣсными побѣгами, если сѣнокосъ заброшенъ. Гдѣ-нибудь тутъ же поблизости и оврагъ

съ ручьемъ и пріютившимися около него 2—3 старыми соснами. Здѣсь прожили зиму два — три глухаря, они питались хвоей этихъ сосенъ, тутъ же зарывались въ снѣгъ, а въ мартѣ тутъ же зачертили крыльями и передвинулись къ полянѣ. Къ этимъ мѣстнымъ старожиламъ со дня на день навѣдываются посѣтители зацвѣтающаго осинника, и токъ постепенно оживляется и разрастается. Гдѣ-нибудь въ сторону за полверсты или далѣе есть еще овражекъ и 2 — 3 сосны, здѣсь также проводили зиму или часть ея два — три пѣтуха, они такъ же, какъ и первые, зарывались здѣсь въ снѣгъ, а въ мартѣ чертили крыльями, но до полянъ имъ было дальше; посѣщая съ апрѣля осинникъ, они заслышали шумную хлопотню своихъ сосѣдей и въ результатѣ сошлись на тѣхъ же полянахъ, куда и начали являться регулярно въ хорошіе вечера. Но въ дни недостаточно теплые они остаются у себя дома и поютъ на зимнихъ мѣстахъ, если довольствуются мѣстнымъ кормомъ подъ дубами (прошлогодними желудями), или, за неимѣніемъ его, летятъ на осинникъ, гдѣ также, бываетъ, поютъ вразбросъ. Нѣкоторые же глухари, находящіеся въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, остаются дома и въ хорошіе вечера, — это въ томъ случаѣ, если тутъ же въ оврагѣ поблизости живутъ и глухарки, а мѣстный кормъ имѣется налицо. Въ такихъ случаяхъ явленіе на дальній токъ бываетъ совсѣмъ не обязательно, и я зналъ старика, который токовалъ всегда въ одиночку на своемъ дубу между двумя оврагами. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же лѣсу бываетъ и общее токовище на полянахъ, и пѣніе вразбросъ по осиннику и на отдѣльныхъ поляхъ по дубамъ, но рѣдкій лѣсъ не обходится безъ перваго, развѣ ужъ въ немъ нѣтъ подходящихъ полянъ, что, конечно, случается, но рѣдко. На удачно расположенное центральное токовище въ большомъ лѣсу въ 7-мъ часу вечера слетается 10 — 12 пѣтуховъ и занимаютъ почти всегда одни и тѣ же деревья; 2 — 3 изъ нихъ, живущіе здѣсь же или совсѣмъ поблизости, приходятъ къ току пѣшкомъ часто раньше другихъ.

„Пѣсня начинается въ 8 час. вмѣстѣ съ тягой вальдшнеповъ и продолжается, постепенно усиливаясь, до 10 час. вечера. Болѣе энергичные, или мѣстные, иногда начинаютъ ее прямо на току, но большинство перемѣщается къ полянѣ, постепенно съ каждымъ перелетомъ спускаясь все ниже и ниже на нижніе сучья или на низкія деревья, на которыхъ и засыпаютъ послѣ пѣсни, а кто былъ уже на току, взлетаетъ для этого снова на дерево; во второмъ часу утра пѣсни постепенно и понемногу возобновляются и къ восходу солнца снова переходятъ въ сплошной бой на одной полянѣ и вокругъ нея.

„При такой централизаціи тока подскакиваніе подъ пѣсни совершенно невозможно, и охота можетъ вестись только изъ-за прикрытія, въ родѣ шалаша, къ которому надо являться къ 5 час. вечера. Въ началѣ 11-го часа вечера всѣ глухари уже спятъ, и въ лунную ночь эти спящіе пѣвцы на голыхъ сучьяхъ дубовъ и на осинахъ видны отчетливо. „Словно бараны“, какъ выражается мой знакомый промыш-

ленникъ. Вы можете стрѣлять ихъ на выборъ съ небольшими предосторожностями, и только послѣ 5-го — 6-го выстрѣла нѣкоторые глухари дѣлаются на-чеку, но стоитъ обождать полчаса, и они снова засыпаютъ. Если вы заранѣе намѣтили себѣ размѣщеніе всѣхъ глухарей, то можете къ $11\frac{1}{2}$ часамъ вечера перестрѣлять ихъ всѣхъ поголовно. Очень часто глухарь выдерживаетъ, не слетая, 3 — 4 выстрѣла.

„Перебивъ глухарей на центральной полянѣ и около нея, можно идти далѣе вдоль полянъ, гдѣ нѣтъ-нѣтъ да и наткнетесь на спящаго одинца, который иногда даетъ о себѣ знать, если заслышитъ шорохъ, глухимъ похрюкиваньемъ.

„Разгаръ вечерней пѣсни, равно какъ и утренняя, но уже передъ самымъ восходомъ солнца, значительно отличается своимъ темпомъ отъ обыкновенной давно извѣстной и описанной одиночной пѣсни. Извѣстно, какъ глухарь, запѣвая нерѣшительно, сначала только „тэкаетъ", не дѣлая конечной трели, называемой стрекотаньемъ. Затѣмъ, распѣвшись какъ слѣдуетъ, онъ дѣлаетъ уже эту трель въ концѣ каждаго темпа. Общія пѣсни, про которыя я пишу, состоятъ почти исключительно изъ одного непрерывнаго стрекотанья или щебетанья, и впечатлѣніе отъ этихъ пѣсенъ получается очень близкое къ тому, какъ чирикаетъ стайка воробьевъ въ ясный, солнечный день. Въ разгаръ тетеревинаго тока надъ нимъ стоитъ стонъ отъ несмолкаемаго бормотанья и урчанья; чуфышканья здѣсь вы уже не услышите; такой же стонъ, но болѣе тихаго темпа, стоитъ и на глухариномъ току въ его разгаръ, и здѣсь нѣтъ уже равномѣрнаго тэканья, а слышится одно шипѣніе и стрекотанье какъ на полу, такъ и на деревьяхъ; глухарь теряетъ въ это время всякое самообладаніе и осторожность. Не забуду, какъ въ одинъ теплый вечеръ 25-го апрѣля я полтора часа слушалъ почти непрерывную пѣсню въ 12—15 голосовъ, находясь за прикрытіемъ совершенно въ центрѣ тока. Ближайшіе глухари пѣли на низкихъ дубкахъ въ 10 шагахъ отъ меня, нѣкоторые были на току, многіе сзади и вокругъ на осинахъ. Я какъ-то неосторожно повернулся на боку и треснулъ сучкомъ, и это замѣтилъ ближайшій ко мнѣ пѣтухъ; не подозрѣвая засады человѣка, онъ грянулъ прямо ко мнѣ и, сѣвъ на сукъ въ 2 шагахъ отъ моей головы, началъ свое сладострастное щебетанье, смотря на меня въ упоръ и не разбирая въ темнотѣ очертаній моей распластавшейся фигуры. Я нѣсколько минутъ почти не дышалъ, наблюдая токующаго красавца какъ на столѣ, а онъ, вѣроятно, разочаровавшись въ своей ошибкѣ, сбавилъ нѣсколько пылъ своей пѣсни и медленно повернулся на сучкѣ ко мнѣ задомъ, закрывшись вѣеромъ распущеннаго хвоста. Въ этотъ моментъ я могъ бы отлично схватить его за ноги и привлечь къ себѣ, но въ это же время другой глухарь сдѣлалъ оглушительный перелетъ къ моему сосѣду и послѣдній, не стерпѣвъ вызова, ринулся на него со своего сучка.

„Я не стрѣляю глухарей на вечернемъ току,—продолжаетъ ав-

торъ описанія этого глухаринаго Эльдорадо, — предпочитая насмотрѣться всласть на этотъ рѣдкій спектакль, и нахожу здѣсь много общаго съ тетеревинымъ токомъ. Я видѣлъ, какъ иногда пѣтухъ съ дальняго дерева необыкновенно ловкимъ полетомъ спускался прямо на поляну поближе къ дерущимся, при чемъ могу этотъ воздушный пируэтъ приравнять только къ тому, какъ селезень бросается на воду къ круговой уткѣ. Наблюдалъ, какъ старый пѣтухъ, живущій близъ тока и приходившій на поляну пѣшкомъ, вызывалъ къ себѣ на бой сидящихъ на деревьяхъ, подпрыгивая кверху на одномъ мѣстѣ, буквально какъ токовикъ-тетеревъ, но съ гораздо большимъ шумомъ; видѣлъ какъ молодой глухарь безпрестанно перелеталъ съ дерева на дерево по опушкѣ поляны, смотря на дерущихся стариковъ, заглядывая внизъ и безпокойно вытягивая шею, не зная, на что ему рѣшиться и не слетая при моемъ неожиданномъ появленіи вблизи него. Иногда я умышленно слегка попугивалъ глухарей, когда они были въ полномъ азартѣ, и это заставляло ихъ только перелетать или перебѣгать не болѣе сотни шаговъ, чтобы начать новую возню на ближайшей сосѣдней полянѣ.

„Я не искалъ на токахъ добычи, предпочитая въ случаѣ надобности застрѣлить нѣсколько пѣтуховъ на выборъ послѣ окончанія вечерней пѣсни, и зачастую соединялъ это удовольствіе съ тягой вальдшнеповъ, которая обыкновенно происходила въ тѣ же дни и часы на тѣхъ же мѣстахъ, но чаще, приходилось о тягѣ забывать совсѣмъ. Иногда бывало, что стрѣляешь на тягѣ вальдшнеповъ и вдругъ вблизи на полянѣ запѣваетъ одинокій глухарь; идешь къ нему подъ пѣсню, видишь его на голомъ суку огромнаго развѣсистаго дуба, а вальдшнепы снуютъ все чаще и все ниже, пролетая около поющаго глухаря, который не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Тутъ не знаешь уже, кого стрѣлять, и стоишь какъ очарованный, забывая о ружьѣ и выстрѣлѣ. Всѣ эти картины бываютъ особенно интенсивны, если апрѣль былъ холодный, тяги и токовъ почти не было, и вдругъ теплая погода сразу наступаетъ во второй половинѣ апрѣля; тогда глухарь и вальдшнепы спѣшатъ наверстать потерянное время, и тока и тяга достигаютъ небывалаго напряженія“.

Таковы условія токованія и самое токованье глухарей въ лиственныхъ лѣсахъ Арзамасскаго у., подобнаго чему у насъ никѣмъ и нигдѣ болѣе не наблюдалось.

Вникая въ это описаніе, я долженъ сознаться, что для меня въ немъ имѣется много непонятнаго. Глухарь всегда и вездѣ крайне осторожная птица и потому его поведеніе по отношенію къ охотнику въ чернолѣсьи Арзамасскаго у. совершенно загадочно. Пускай за нимъ тамъ мало охотятся, но вѣдь и на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ охотники также рѣдки, никому не приходилось охотиться за токующимъ глухаремъ иначе какъ съ подхода, пользуясь извѣстными моментами пѣсни. Авторъ приведеннаго описанія говоритъ, что подходъ въ арзамасскихъ лѣсахъ къ токующимъ глухарямъ невозможенъ вслѣдствіе централи-

заціи тока. Но какъ же съ этимъ примирить, что послѣ тока глухарей можно стрѣлять на токовищѣ же на выборъ и что они выдерживаютъ цѣлую кононаду 5—6 выстрѣловъ, продолжая спать поистинѣ богатырскимъ сномъ? Наконецъ, если возможно, что птицы нѣсколько измѣнили свои привычки вслѣдствіе крайней своей многочисленности, откуда послѣдняя?

Г. Азіатъ говоритъ, что онъ не стрѣляетъ глухарей на току, но, повидимому, онъ стрѣляетъ ихъ, и много, внѣ тока, и какимъ образомъ, несмотря на все это, несмотря на безъ сомнѣнія многочисленныхъ пернатыхъ и четвероногихъ враговъ, количество ихъ все-таки остается огромнымъ? Повторяю, я не могу смотрѣть на лѣса Арзамасскаго у. иначе какъ на глухарное Эльдорадо и былъ бы очень радъ всякимъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ въ этомъ направленіи.

II.

Весенняя охота.—Подходъ къ токующему глухарю.—Правила охоты на глухариныхъ токахъ.

Единственная весенняя охота за глухарями—охота съ подхода. Основана она на томъ, что эта обыкновенно крайне осторожная птица въ моментъ скирканья или стрекотанья не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ вокругъ нея и тѣмъ самымъ даетъ въ распоряженіе охотника 3—4 секунды, когда онъ можетъ подходить къ ней. Краткость времени подхода дѣлаетъ то, что этими секундами надо дорожить, т.-е. въ теченіе ихъ надо по возможности приблизиться къ глухарю, съ тѣмъ, чтобы съ окончаніемъ скирканья буквально замереть въ одномъ положеніи и ждать, когда глухарь опять начнетъ скиркать. Отсюда можетъ показаться, что охота за глухаремъ дѣло вовсе не трудное, такъ какъ казалось бы, чего проще—извѣстное время стоять на мѣстѣ, извѣстное время подходить; къ тому же величина птицы дѣлаетъ ее, повидимому, очень легкой добычей. Но практика учитъ насъ, что это одна изъ труднѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ наиболѣе привлекательныхъ охотъ. Въ самомъ дѣлѣ, что касается трудности подхода къ токующему глухарю, она сразу станетъ понятна, если принять во вниманіе, что подходъ производится въ раннюю весну, или по несовсѣмъ стаявшему снѣгу, или по мокрой почвѣ, даже по валежнику, что охотникъ рискуетъ на каждомъ шагу оступиться и упасть, и несмотря на это, прежде всего долженъ думать о томъ, чтобы глухарь его не замѣтилъ. Затѣмъ, убить глухаря вовсе не такъ легко, какъ кажется: онъ очень выносливъ на рану, да и защищенъ отъ дроби жесткими перьями превосходно. Коротко говоря, глухаря на току добыть не только не легко, но даже и очень трудно, и отсюда—заманчивость охоты на этого красавца дремучаго лѣса.

Такъ какъ въ литературѣ имѣется превосходное описаніе всего такъ сказ. механизма весенней охоты за глухаремъ, составленное съ большой любовью и знаніемъ дѣла г. Дмитріевымъ, я и позволю себѣ

привести самое важное изъ этого описанія. Однако, оговорюсь: нельзя быть хорошимъ охотникомъ, не изучивъ основательно повадокъ и привычекъ дичи, и потому прежде чѣмъ приступить къ охотѣ за глухарями, надо тщательно ознакомиться съ ихъ образомъ жизни, т.-е. съ біологической частью этой монографіи.

„Прежде, чѣмъ ѣхать (на глухариную охоту),—пишетъ г. Дмитріевъ,—нужно обратить вниманіе на ружье; оно должно быть съ сильнымъ и рѣзкимъ боемъ и пристрѣлено крупными №№ дроби (напримѣръ, № 1, 2) не менѣе какъ шаговъ на пятьдесятъ. Если на это разстояніе ружье бьетъ не кучно, и дробь не вся уходитъ въ мишень, то его брать не слѣдуетъ. Глухарь весною необыкновенно крѣпокъ на рану, поэтому ружье должно быть съ рѣзкимъ боемъ, и чѣмъ оно дальше и кучнѣе бьетъ, тѣмъ, конечно, лучше. Говоря объ этомъ, Л. П. Сабанѣевъ замѣчаетъ слѣдующее: „Что же касается ружей, то всего пригоднѣе для этой охоты или хорошая винтовка, или же далекобойная тяжелая одностволка, заряженная самою крупною дробью; тогда можно стрѣлять и на разстояніи 50—60 и болѣе шаговъ, между тѣмъ какъ изъ рѣдкой двухстволки какъ заряжающейся съ дула, такъ и съ казенной части, удается всегда убить наповалъ эту огромную птицу на такомъ разстояніи; такое ружье имѣетъ только то удобство, что при промахѣ въ сидячую можно иногда убить ее въ летъ". Съ этимъ я не вполнѣ согласенъ. По моему, для того, чтобы попасть въ глухаря изъ винтовки, нужно стрѣлять очень хорошо пулей, а этимъ не многіе могутъ похвалиться; это не то, что стрѣльба дробью. Я, напримѣръ, знаю многихъ охотниковъ, хорошо стрѣляющихъ изъ дробовика и въ то же время очень плохо изъ штуцера и винтовки.

„Это происходитъ потому, что многіе изъ нихъ мало интересуются этой стрѣльбой и даже совсѣмъ не имѣютъ винтовокъ, находя это оружіе совершенно лишнимъ для подмосковныхъ охотъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но тѣмъ не менѣе отвергать совсѣмъ винтовку, какъ оружіе неудобное для глухариной охоты, я считаю себя не въ правѣ. Кто хорошо стрѣляетъ изъ винтовки, тотъ можетъ ѣхать и съ нею. Безъ сомнѣнія, всякому охотнику пріятно убить птицу на дальнемъ разстояніи, а тѣмъ болѣе изъ такого оружія, какъ винтовка. Помоему, стрѣльба изъ нея глухарей есть своего рода шикъ въ этой охотѣ и имъ въ правѣ всякій охотникъ гордиться. Но надобно замѣтить, что стрѣльба изъ винтовки имѣетъ и дурную сторону; такъ, напримѣръ, при неудачномъ выстрѣлѣ изъ одного ствола охотникъ лишенъ возможности сдѣлать второй выстрѣлъ по летящей птицѣ, что изъ дробовика всегда возможно. Что же касается тяжелой одностволки (изъ которой можно стрѣлять на 50—60 шаговъ), то я могу только сказать, что нахожу ее положительно неудобной для такой охоты. Въ настоящее время такъ много хорошихъ дальнобойныхъ двухствольныхъ ружей, изъ которыхъ всегда возможно убить на 50—60 шаговъ глухаря, что для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ одностволкѣ,

а тѣмъ болѣе такой тяжелой, таскать которую цѣлое утро можно только считать наказаніемъ.

„Что же касается того, какая система ружей и какого мастера болѣе пригодны для такой охоты,—сказать довольно трудно. Безъ сомнѣнія, хорошо, конечно, брать чокъ-боръ, если только онъ есть. Но если его нѣтъ, то можно брать и обыкновенный дробовикъ цилиндрическаго сверленія, только бы онъ хорошо билъ. Часто приходится подходить къ глухарямъ утромъ, когда уже станетъ свѣтло, по рѣдкому лѣсу, гдѣ укрываться приходится только за деревьями; въ такомъ мѣстѣ глухарь можетъ скоро замѣтить охотника, и подойти къ нему на близкое разстояніе (напримѣръ, на 30—40 шаговъ) нечего и думать. Поневолѣ приходится стрѣлять иногда на 50 или 60 шаговъ. Вотъ тутъ-то именно и нужна сила и дальнобойность ружья. Свалить съ дерева на такое разстояніе глухаря весьма пріятно, а это возможно только изъ хорошаго дальнобойнаго ружья, пристрѣляннаго по всѣмъ правиламъ новѣйшихъ усовершенствованій. Дробь для стрѣльбы глухарей нужно брать самые крупные №№, наприм., № 1 и 2. Нѣкоторые берутъ нулевую и даже 00. По моему, эта очень крупна. Такую дробь больше будетъ разносить, и меньше шансовъ убить птицу. Я лично употребляю дробь № 2 англійскую, и очень доволенъ ею. При стрѣльбѣ съ парашютомъ этимъ № у меня бывали очень хорошіе выстрѣлы, лучше которыхъ и желать нечего.

„Собираясь въ отъѣздъ на нѣсколько дней *), съ ночевками въ лѣсахъ, нужно подумать и о томъ, чтобы эти ночевки не имѣли дурныхъ послѣдствій для здоровья, т.-е., чтобы не получить ревматизма или вообще простуды. Я долженъ сказать откровенно, что хотя и страстно люблю эту охоту съ ея трудностями и ночевками въ лѣсахъ, но тѣмъ не менѣе, всегда стараюсь обставлять эти ночевки такъ, чтобы онѣ по возможности не имѣли дурныхъ послѣдствій для здоровья. Меня могутъ упрекнуть въ излишней предосторожности. Я готовъ принять этотъ упрекъ, но все-таки останусь при томъ убѣжденіи, что глупо рисковать здоровьемъ изъ-за охоты. Въ этомъ случаѣ намъ нѣтъ надобности брать примѣръ съ промышленниковъ, которые, часто возвратясь съ вечерняго тока съ мокрыми ногами и кой-какъ обсушившись у костра ложатся на мерзлую землю и спятъ крѣпкимъ сномъ до утренняго тока. Нѣкоторымъ изъ нихъ это проходитъ, благодаря привычкѣ и желѣзному здоровью, но за то многіе черезъ это страдаютъ ревматизмомъ. Часто приходится слышать отъ нихъ жалобы на боли въ рукахъ и ногахъ и просьбы какъ бы помочь этому. Но промышленника, охотящагося часто изъ-за куска насущнаго хлѣба, осуждать за это мы не въ правѣ. Иной изъ нихъ и радъ бы идти въ крѣпкихъ сапогахъ, да у него ихъ нѣтъ и купить не на что; а между

*) Надо помнить, что поблизости населенныхъ центровъ глухариныхъ токовъ или нѣтъ совсѣмъ, или есть только ничтожные, почему для хорошей охоты приходится уѣзжать далеко и сравнительно надолго. *Авт.*

тѣмъ нужда заставляетъ идти. Мы же ѣдемъ на охоту единственно только для удовольствія, поэтому между нашей и ихъ охотой не можетъ быть никакого сравненія.

„Итакъ, уѣзжая на нѣсколько ночей, нужно брать съ собой: 1) полушубокъ; 2) ватную куртку для подхода; 3) пару запасныхъ толстыхъ брюкъ и пары двѣ шерстяныхъ чулокъ; 4) двѣ пары сапогъ: одни болотные (въ которыхъ ѣхать), другіе—валенки на случай мороза ночью. Кромѣ того пары двѣ бѣлья. Нужно имѣть въ виду, что погода весной очень часто мѣняется. Сколько разъ, уѣзжая изъ Москвы въ отличную теплую погоду въ Новгородскую или Тверскую губерніи, я заставалъ тамъ морозы въ 3^0-5^0; поэтому полушубокъ и валенки берутся обязательно, какая бы ни была теплая погода при отъѣздѣ, чтобы, въ случаѣ прихода съ вечерняго тока, можно было перемѣнить куртку на полушубокъ, а болотные сапоги на валенки (при этомъ смѣняются и чулки, если они сырые). Въ такомъ костюмѣ вамъ тепло и у васъ не зябнутъ ноги. Тогда какъ, сидя на землѣ въ холодныхъ сапогахъ, даже при небольшомъ морозѣ, у васъ прежде всего зябнутъ ноги, что крайне непріятно. Утромъ, когда идти на токъ, полушубокъ опять замѣняется курткой и валенки—болотными сапогами. Придя съ вечерняго тока, нѣкоторые обыкновенно ложатся спать у костра до утренняго тока. Я этого никогда не дѣлаю—во избѣжаніе простуды, такъ какъ, чтобы вы ни подстилали подъ себя: лапникъ ли, теплое ли платье, на холодной мерзлой землѣ все-таки легко простудиться; притомъ спать приходится только какихъ-нибудь 2—3 часа, а изъ этого, по моему, не стоитъ и ложиться. Изъ провизіи самое лучшее брать съ собой сырую говядину, паровую кастрюлю, спиртъ, чего-нибудь не очень соленаго изъ закуски и дорожный погребецъ съ чаемъ, сахаромъ и чайной посудой. Надобно замѣтить, что никакая закуска не можетъ сравниться съ кускомъ горячей говядины, приготовленной тутъ же въ лѣсу. Какъ бываетъ пріятно придти съ вечерняго тока къ разведенному костру: передъ вами кипитъ самоваръ, около него погребецъ съ чайнымъ приборомъ и закуска, тутъ же стоитъ и кастрюля. Положить говядину (разрѣзанную заранѣе) и зажечь спиртъ, дѣло очень скорое. Черезъ нѣсколько минутъ говядина готова. Послѣ этого, кто откажется выпить рюмку водки и съѣсть два, три хорошихъ куска горячей говядины. Но кто не любитъ заниматься такой стряпней или найдетъ это неудобнымъ, тотъ можетъ ограничиться и одной холодной закуской. Во всякомъ случаѣ брать кастрюлю и спиртъ не лишнее. Пріѣхавъ съ охоты въ деревню, можно всегда приготовить что-нибудь горячее. Довольствоваться же только одной холодной закуской нѣсколько дней не всегда бываетъ пріятно.

„Ѣхать за глухарями нужно тогда, когда снѣгъ въ лѣсу уже настолько сойдетъ, что можно подходить къ нимъ безъ труда. Обыкновенно, при ранней веснѣ, это бываетъ въ началѣ, а при поздней—въ половинѣ апрѣля. Можно однако ѣхать и въ мартѣ; но при этомъ для подхода нужно, чтобы въ лѣсу былъ такой настъ, который сво-

бодно держалъ бы человѣка, что бываетъ не каждый годъ. Если же наста нѣтъ, то можно подходить и на лыжахъ; для этого нужно, чтобы снѣгъ былъ очень мягкій и погода теплая, безъ мороза. Если же хоть небольшой морозъ и подъ лыжами будетъ шумѣть, тогда подойти невозможно. Но такія благопріятныя условія рѣдко бываютъ. Такъ, напримѣръ, сколько я не ѣзжалъ въ мартѣ,—вслѣдствіе дурного подхода охоты были большею частію неудачны. Какъ нарочно, случалось всегда такъ, что когда я уѣзжалъ изъ Москвы въ теплую погоду, надѣясь на хорошій подходъ на лыжахъ, по пріѣздѣ на охоту начинались морозы и подходить было нельзя. Или, наоборотъ, уѣзжая послѣ оттепели въ морозы съ надеждой на хорошій настъ, по пріѣздѣ туда я уже не заставалъ наста и подходить было нельзя.

„Чтобы избѣжать этого, я теперь рѣдко когда ѣзжу такъ рано, и не нахожу это особенно нужнымъ. Если начинать охоту, положимъ, хоть съ 5-го апрѣля и оканчивать Николинымъ днемъ, т.-е. 9-го мая, времени будетъ достаточно для того, чтобы съѣздить нѣсколько разъ. Кромѣ того, любители этой охоты могутъ вознаградить себя еще осенними токами глухарей.—Идя на токъ, необходимо брать съ собой проводника, для того, чтобы не заблудиться, и въ случаѣ надобности нести убитыхъ глухарей. Проводникъ долженъ быть толковый; хорошо брать мѣстныхъ охотниковъ-промышленниковъ, которые знаютъ всѣ мѣста токовъ, или—лѣсниковъ. Но если васъ пріѣхало двое-трое, а промышленниковъ-охотниковъ только одинъ, тогда нужно брать кого-нибудь изъ мужиковъ, но непремѣнно знающихъ хорошо мѣстность. Въ противномъ случаѣ можно легко заблудиться и зайти, Богъ знаетъ, куда.

„Считаю не лишнимъ сдѣлать нѣсколько полезныхъ совѣтовъ тѣмъ молодымъ охотникамъ, которые никогда не бывали на токахъ. Каждый изъ нихъ, пріѣхавши на токъ, долженъ поставить себѣ за правило слѣдующее:

1-е. Говорить съ проводникомъ только шопотомъ.

2-е. Если придется по необходимости кашлять, то не иначе какъ въ фуражку.

3-е. Ходить какъ можно тише; если есть валежникъ, то по возможности обходить его, чтобы не хрустѣло подъ ногами.

4-е. Если глухари не поютъ, то черезъ каждые 20—30 шаговъ останавливаться и слушать, не запоютъ ли гдѣ, и вообще быть внимательнымъ ко всему окружающему.

5-е. Если, придя на токъ, вы знаете навѣрное, что тутъ есть глухари, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ сѣсть гдѣ-нибудь и ждать когда они запоютъ, но отнюдь не ходить по току и не пугать ихъ.

6-е. Если вы предполагаете, что вблизи могутъ быть глухари, то лучше всего не курить, особенно въ темнотѣ, но если безъ этого обойтись нельзя, то курить меньше, по возможности скрывая огонь.

7-е Придя на вечерній токъ и замѣтивъ гдѣ сѣли глухари, отнюдь не нужно подходить къ нимъ безъ пѣсни, чтобы не спугнуть

ихъ и не испортить утренняго тока. Самое лучшее сѣсть на току и ждать, когда запоютъ.

8-е. Если вечеромъ глухари не будутъ пѣть, то какъ стемнѣетъ, потихоньку встать и идти къ мѣсту ночлега.

9-е. Двумъ охотникамъ на одномъ току можно быть только тамъ, гдѣ играютъ штукъ 8—10, и мѣсто тока такъ расположено, что, подойдя, вы не мѣшаете и не портите охоты одинъ другому. Въ противномъ случаѣ лучше, для успѣха охоты, ѣхать одному на одинъ токъ, а другому—на другой.

10-е. Если вы услыхали глухаря, положимъ, шаговъ за 150, и, соображаясь съ мѣстностью и подходомъ, видите, что можете пройти шаговъ 50 безъ пѣсни, не рискуя подшумѣть его, то идите, но старайтесь при этомъ идти такъ тихо, чтобы вы даже сами не слыхали своихъ шаговъ. Если же мѣстность не благопріятствуетъ этому, то начинайте подходить прямо въ пѣсню.

11-е. Для успѣха охоты слѣдуетъ всегда начинать подходъ не ближе 100 шаговъ.

12-е. Прежде чѣмъ подходить къ глухарю въ пѣсню, нужно прежде всего обратить вниманіе на мѣстность, чтобы опредѣлить приблизительно съ какой стороны можно удобнѣе подойти; съ такой и нужно подходить. Лучше сдѣлать обходъ нѣсколько дальше, но идти такимъ мѣстомъ, гдѣ глухарь васъ не такъ скоро можетъ замѣтить *).

13-е. Во время пѣсни слѣдуетъ дѣлать два, три шага, не болѣе; черезъ это вы не запыхаетесь и, подойдя къ глухарю, можете тотчасъ же стрѣлять. Другіе дѣлаютъ иногда 4—6 шаговъ (такъ что вмѣсто подхода выходитъ какое-то прыганье), и послѣ этого, подойдя къ глухарю, не могутъ перевести духъ и черезъ это иногда пуделяютъ. Я не завидую такимъ скороходамъ и во время подхода дѣлаю не болѣе 2—3 шаговъ и останавливаюсь въ то время, когда глухарь только что оканчиваетъ свою пѣсню. Такой подходъ, по-моему, гораздо вѣрнѣе, по русской пословицѣ: „тише ѣдешь, дальше будешь“.

14-е. Если, при подходѣ къ глухарю, придется провалиться въ снѣгъ или упасть въ воду, нужно оставаться въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ запоетъ. Въ противномъ случаѣ можно подшумѣть его.

15-е. Ходить по току нужно всегда съ заряженнымъ ружьемъ и съ взведенными курками, и смотрѣть по деревьямъ, чтобы, въ случаѣ если придется замѣтить близко сидящаго глухаря, можно было бы тотчасъ стрѣлять въ него. Такіе случаи, хотя и рѣдки, но все-таки бываютъ.

16-е. Придя на вечерній токъ и садясь выслушивать глухарей, нужно, чтобы ружье лежало на колѣняхъ заряженное и съ взведенными курками. Глухарь садится иногда не замѣчая присутствія чело-

---

*) Эта предосторожность нужна только утромъ, когда станетъ свѣтло. Въ темнотѣ же можно подходить и по чистому мѣсту. *Прим. Дмитр.*

вѣка, если только послѣдній смирно сидитъ. Ко мнѣ одинъ разъ подлетѣлъ такъ глухарь шаговъ на 30 и сѣлъ противъ меня на сосну.

17-е. Подойдя къ глухарю на выстрѣлъ, нужно поднимать ружье и прикладываться во время пѣсни; точно такъ же и стрѣлять, чтобы, въ случаѣ неудачнаго выстрѣла, можно было выстрѣлить вторично.

18-е. Стрѣлять глухаря нужно только въ плечо. Это самый вѣрный выстрѣлъ; но отнюдь не въ грудь и не въ задъ. Лучше сдѣлать для вѣрности стрѣльбы два, три шага въ сторону (во время пѣсни), чѣмъ стрѣлять на „авось", по чемъ придется. Надобно имѣть въ виду, что глухарь, даже смертельно раненый, если не перебито крыло, улетаетъ иногда очень далеко. Не слѣдуетъ также стрѣлять и сквозь сучья.

„Покончивъ съ подходомъ и стрѣльбой, я перейду теперь къ ночевкамъ въ лѣсахъ и деревняхъ.

„Глухарь не любитъ близкаго сосѣдства съ человѣкомъ; поэтому рѣдко гдѣ тока ихъ бываютъ недалеко отъ жилья. Большею частію, почти всегда,—за нѣсколько верстъ отъ ближайшей деревни или лѣсной сторожки. Притомъ, дороги—почти никакой. Приходится идти лѣсомъ и переходить иногда въ нѣсколькихъ мѣстахъ моховыя болота, что ночью весьма неудобно. Чтобы избѣжать этого и попасть на токъ своевременно, лучше идти, съ обѣда, побывать на вечернемъ току и ночевать въ лѣсу. Пріятны ночевки въ лѣсахъ особенно въ теплую погоду, когда вы, такъ сказать, лицомъ къ лицу сходитесь съ природой. Не говоря уже о прелести самыхъ ночей, вамъ приходится иногда наблюдать различные пролеты птицъ, которыхъ днемъ не бываетъ. Вотъ почему я, какъ охотникъ и любитель природы во всѣхъ ея видахъ, предпочитаю проводить весеннія ночи въ лѣсахъ. Ночевать же въ деревнѣ, въ душной избѣ (иногда съ массой насѣкомыхъ) нѣтъ ничего привлекательнаго.

„Разводить костеръ можно не далѣе какъ шагахъ въ 150 или 200-хъ отъ тока; при этомъ, по возможности меньше шумѣть.

„Наконецъ, охотясь за глухарями въ такихъ лѣсахъ, гдѣ есть медвѣди, нужно всегда имѣть при себѣ пули, чтобы, въ случаѣ подобной встрѣчи, можно было защитить себя".

Охота на току въ чернолѣсьѣ требуетъ особой сноровки, такъ какъ глухари токуютъ здѣсь всегда близъ опушки небольшихъ полянъ или прогалинъ и преимущественно въ той части опушки, которая обращена на востокъ. Кромѣ того, глухарь обыкновенно помѣщается на сучкѣ дерева такъ, что голова его обращена къ полянѣ или прогалинѣ, т.-е. къ востоку.

„Если подходить къ токующему глухарю,—говоритъ г. Разевигъ,—черезъ такую поляну, то хотя самый подходъ и легче чѣмъ лѣсомъ, но въ особенности если снѣгъ еще не сошелъ, или послѣ сильнаго утренника, подходящаго такимъ манеромъ охотника глухарь навѣрное изъ пяти разъ три раза замѣтитъ ранѣе, чѣмъ охотникъ его. Затѣмъ, проходя черезъ такую поляну, послѣ значительнаго утренника, почти

невозможно скакать *) не производя шума, такъ какъ ледъ на этихъ полянахъ и между кочекъ взламывается подъ ногой охотника съ сильнымъ трескомъ. Къ тому же, подходя къ глухарю со стороны поляны и съ востока, его не такъ скоро замѣтишь, какъ подходя стороной или съ запада, противъ свѣта, такъ какъ въ первомъ случаѣ силуэтъ глухаря не столь рѣзко отдѣляется отъ темнаго фона лѣса и отъ темной стороны неба. Затѣмъ, вообще труднѣе подойти незамѣченнымъ къ любому животному, если голова его обращена въ сторону подходящаго; да и выстрѣлъ въ глухаря *спереди*, по моему мнѣнію, самый невѣрный, такъ какъ „убойнымъ" мѣстомъ представляется одна только голова; большая же часть шеи и зобъ защищены толстою и упругою бронею перьевъ. Даже со смертельною раною въ шею, зобъ или нижнюю часть брюха глухарь улетаетъ еще далеко.

„Если же подскакивать глухаря со стороны лѣса, то являются слѣдующія неудобства: во-первыхъ, приходится скакать сквозь болѣе или менѣе густой подлѣсокъ, сильно замедляющій подходъ, да и ноги путаются въ кореньяхъ и сучьяхъ, и то и дѣло приходится спотыкаться; вѣтви же и отпрыски подлѣска, въ особенности же раннею весной, когда они еще мерзлы, и въ особенности отпрыски липы и орѣшины, при проскакиваніи ихъ бьютъ лицо какъ шпицрутенами, да и вдобавокъ еще долго шумятъ и, ударяясь другъ о друга, щелкаютъ какъ кастаньеты. Такіе кусты лучше проходить мѣрнымъ шагомъ, исподволь разводя вѣтви руками,—если ужъ нельзя ихъ обойти.

„Второе неудобство подхода со стороны чащи то, что весьма часто приходится наталкиваться либо на „щелкающихъ" лишь, или вовсе даже не токующихъ молодыхъ самцовъ, или на самокъ, которыя, снимаясь съ дерева, сильно пугаютъ токующихъ самцовъ, и нерѣдко даже портятъ всю охоту.

„Самое лучшее подходить или по самой опушкѣ такой поляны, или же, если подходъ тамъ удобнѣе, шагахъ въ десяти-двадцати отъ опушки, краемъ лѣса. Здѣсь почва обыкновенно суше, кочки встрѣчаются рѣже, ледъ въ легкіе утренники совсѣмъ не образуется, или же сравнительно небольшія лужицы покрываются только тонкимъ слоемъ его; подлѣсокъ рѣже, а рѣдко стоящія деревья скорѣе укрываютъ подходящаго охотника, чѣмъ мѣшаютъ ему. Подходить приходится къ глухарю сбоку, что даетъ возможность сдѣлать самый вѣрный выстрѣлъ, въ плечо. Неудобно только, при боковомъ подходѣ, если глухарь помѣстился на противоположной сторонѣ дерева; сквозь сучья стрѣлять не слѣдуетъ,—изъ десяти выстрѣловъ, восемъ неудачныхъ,—а лучше обойти дерево. Впрочемъ, я въ такомъ случаѣ почти никогда собственно не *обхожу* дерево, а иду прямо на него,—моментъ,

*) Я лично совершенно согласенъ съ г. Дмитріевымъ, что подскакивать или прыжками подходить къ токующему глухарю менѣе выгодно, чѣмъ подходить большими шагами, но, съ одной стороны, подскакиванье вошло въ плоть и кровь большинства охотниковъ, съ другой—оно является прямымъ слѣдствіемъ извѣстнаго нервнаго состоянія охотника.

нахожусь *подъ* самымъ глухаремъ, а затѣмъ три-четыре прыжка выносятъ меня на противоположную сторону и, обернувшись, даютъ возможность стрѣлять на самомъ вѣрномъ разстояніи.

„Слѣдуетъ также замѣтить, что пѣсня токующаго глухаря *здѣсь*, въ чернолѣсьѣ, слышится гораздо яснѣе, и токующаго глухаря слышно на гораздо большемъ разстояніи, чѣмъ въ краснолѣсьѣ, что значительно облегчаетъ какъ подходъ, такъ и самую охоту. Но, съ другой стороны, подходъ подъ пѣсню затрудняется нѣсколько чистотою и свѣтлостью лѣса гдѣ весною совсѣмъ голо, а потому скакать приходится отъ дерева къ дереву, или прикрываясь кустами. Укрываться слѣдуетъ, по возможности, за стволами осины, ольхи и т. под., а не за березою, отъ бѣлой коры которой фигура охотника рѣзко отдѣляется. Но такой выборъ не всегда возможенъ, и часто приходится стоять подъ прикрытіемъ тонкаго кустика жимолости или бересклета, нерѣдко же вынужденъ бываешь простоять, въ ожиданіи начала пѣсни, на совершенно открытомъ мѣстѣ; тутъ уже выручаетъ одна только неподвижность".

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что иногда глухарь хитритъ, вдругъ останавливается среди пѣсни и, замѣтивъ благодаря этому маневру охотника, тѣмъ болѣе если послѣдній недостаточно остороженъ, перемѣщается на другое дерево. Здѣсь глухарь хотя и продолжаетъ играть, но уже гораздо осторожнѣе, нежели сначала, отъ времени до времени совершенно неожиданно останавливаясь среди самой игры и дѣлая подходъ невозможнымъ.

Вотъ и всѣ необходимыя замѣчанія относительно охоты на глухарномъ току. Главное для охотника все-таки ознакомиться внимательно съ повадками и привычками птицы на практикѣ, примѣниться къ условіямъ мѣстности и тѣмъ самымъ развить въ себѣ находчивость и умѣнье примѣняться къ различнымъ случаемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лѣто и лѣтняя охота.

Лѣтняя жизнь глухарей.— Выводъ молодыхъ.— Образъ жизни выводковъ въ хвойныхъ лѣсахъ и чернолѣсьѣ.— Образъ жизни старыхъ самцовъ.—Лѣтняя охота.— Охота съ лягавой, на манку и на осинникѣ.

Въ первой главѣ уже было сказано, что въ средней Россіи глухарки садятся на яйца въ раннюю весну въ концѣ апрѣля, въ позднюю — недѣлей, двумя позднѣе. Въ восточной Россіи (Пермская губ.) глухарки, повидимому, нормально садятся на яйца въ половинѣ первой трети мая. Однако уклоненія отъ этого срока бываютъ и въ ту, и въ другую сторону. Такъ, въ Тамбовской губ. Богдановъ нашелъ однажды выводокъ глухарятъ 9-го мая, тогда какъ по Сабанѣеву въ другомъ году большинство глухарятъ вывелось здѣсь только въ послѣдней

трети мая. Если принять во вниманіе, что глухарки сидятъ на яйцахъ отъ 20 до 24 дней, то само собою вытекаетъ, что глухарята выводятся въ разныхъ частяхъ Россіи, начиная съ половины мая и кончая последними числами этого мѣсяца. Поэтому Л. П. Сабанѣевъ совершенно ошибается, говоря, будто вообще выводъ молодыхъ глухарей совершается въ первыхъ числахъ іюня,—это срокъ слишкомъ поздній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало кладки яицъ у глухарки стоитъ въ самой тѣсной связи съ тѣмъ, когда сходитъ снѣгъ и оттаиваетъ почва. Въ средней Россіи снѣгъ уже въ значительной степени сходитъ между 5 и 10 апрѣлемъ, и около этого времени глухарки обнаруживаютъ первые признаки заботы объ устройствѣ гнѣзда. Послѣднее производится до крайности просто: выбравъ себѣ небольшое естественное углубленіе и, если оно недостаточно, углубивъ его, глухарка выстилаетъ его травой и изнутри собственными перьями, и гнѣздо готово. Если мѣсто мшистое, глухарка просто выдавливаетъ въ мохѣ ямку и выстилаетъ ее перьями. Но перьевъ всегда довольно много: съ одной стороны они хорошо держатъ тепло, съ другой, позволяютъ самкѣ плотнѣе прижиматься къ гнѣзду.

Первое время вылета на токъ, т.-е. до начала кладки, глухарка остается на току все время, т.-е. до его окончанія. Но какъ только первое яйцо снесено, глухарка уже не остается до конца каждодневнаго тока, а улетаетъ къ своему гнѣзду гораздо раньше и кормится, чѣмъ придется, около него. Показанія о времени и порядкѣ кладки яицъ расходятся. Л. П. Сабанѣевъ говоритъ, что глухарка несется ежедневно раннимъ утромъ, г. Ушковъ наблюдалъ, что глухарка несется вечеромъ между 5 и 6 часами и притомъ черезъ день. Послѣднее подтверждается наблюденіями г. Хватова надъ глухарями, содержимыми въ неволѣ. Я безусловно склоняюсь на сторону г. Ушкова. Во 1-хъ, если глухарка несется ежедневно раннимъ утромъ, то когда же ей посѣщать тока? Во 2-хъ, г. Ушковъ совершенно основательно замѣчаетъ, что отсутствіе глухарокъ на вечернихъ токахъ говоритъ въ пользу того, что яйца нормально сносятся вечеромъ. Но если послѣднее какъ правило не можетъ считаться доказаннымъ, за то въ пользу несенія яицъ черезъ день говоритъ и время, когда глухарки садятся на яйца,—конецъ апрѣля: если бы яйца сносились каждый день, глухарки могли бы начинать высиживаніе по крайней мѣрѣ недѣлею раньше.

Гнѣздо свое глухарка помѣщаетъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ: подлѣ куста и даже въ кустѣ, около ствола дерева, между окружающими его кустами черники, въ кучѣ хвороста, подъ упавшимъ деревомъ и даже на открытой мѣстности, среди густой травяной заросли. Но въ низкихъ мѣстахъ для гнѣзда всегда выбирается болѣе возвышенный участокъ, а никакъ не впадина, чтобы яйца не страдали отъ сырости. Выборъ мѣста, въ виду ранняго гнѣздованія, для глухарки вовсе не затруднителенъ: она останавливается на возвышенныхъ участкахъ совершенно естественно, какъ на ранѣе оголяющихся отъ

снѣга и болѣе сухихъ. Особенно любитъ глухарка гнѣздиться подъ низкими нависшими вѣтвями ели, или въ частомъ молодомъ ельникѣ. Въ чернолѣсьѣ она выбираетъ самые глухіе участки лѣса, гдѣ густой подлѣсокъ изъ кустарныхъ и древесныхъ породъ дѣлаетъ лѣсъ почти непроходимымъ. Кромѣ того гнѣздится здѣсь въ болѣе сухихъ частяхъ олешника и вязовника, гдѣ среди кочекъ растутъ густые пучки некошенной и нетравленной травы. „Въ первомъ случаѣ гнѣздо находится въ какомъ-нибудь густомъ кустѣ липы или жимолости, краи валежинъ; во второмъ, на болѣе сухой кочкѣ, въ раскидистомъ кустѣ ольхи, ивы, или у стволины ольхи и вяза, въ густой травѣ“ (Разевигъ).

Гнѣздо всегда помѣщается близъ вырубовъ, полянъ и прогалинъ, но никогда не бываетъ на самой опушкѣ, а всегда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Только въ видѣ исключенія на крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ древесной растительности глухарки гнѣздятся на ровныхъ мшистыхъ болотахъ.

Количество яицъ, сносимое глухаркой, весьма различно: обыкновенно 6—8, рѣдко 9 и въ видѣ исключенія 10; но въ западной Европѣ не разъ наблюдались у глухарокъ отъ 12 до 16 яицъ, несмотря на то, что западно-европейскій глухарь въ среднемъ мельче нашего. Сходя съ гнѣзда, глухарка очень старательно прикрываетъ яйца ветошью, какъ для того, чтобы онѣ не остыли, такъ и для того, чтобы скрыть ихъ. Привязанность самки къ яйцамъ удивительна и тѣмъ больше, чѣмъ дольше она сидитъ на нихъ. Къ концу насиживанія она не только подпускаетъ къ себѣ въ упоръ и позволяетъ трогать палочкой, но даже иногда дается въ руки. Во время лѣсныхъ пожаровъ, столь частыхъ въ восточной Россіи въ весеннее время, глухарки часто погибаютъ на своихъ гнѣздахъ, охваченныя пламенемъ, или по крайней мѣрѣ сильно обгораютъ. „Видя грозящую опасность,—говоритъ г. Ушковъ,— глухарка до послѣдней минуты оберегаетъ свое гнѣздо и защищаетъ отъ гибели яйца; она принимаетъ оборонительныя мѣры: сгребаетъ ногами ветошь вокругъ гнѣзда и машетъ на приближающееся пламя крыльями. Когда пожаръ легкій, глухаркѣ почти всегда удается этимъ способомъ спасти свое потомство, но въ сильные пожары такая защита, конечно, безполезна. Бросаетъ свое гнѣздо глухарка тольку уже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ самоотверженія глухарокъ; не разъ доводилось спасать ихъ гнѣзда отъ огня, случалось также находить гнѣзда и съ полопавшимися яйцами“. Но тѣмъ необъяснимѣе, при такой привязанности къ яйцамъ, то, что глухарка легко бросаетъ только что выведшихся птенцовъ. Ф. К. Лоренцъ разсказываетъ интересный случай, что одна глухарка позволяла ему день за день наблюдать за собою, когда сидѣла на гнѣздѣ, и сразу бросила гнѣздо при его приближеніи, улетѣвъ отъ только что выведшихся птенцовъ.

Яйца у глухарки малы сравнительно съ величиной птицы,—съ куриныя, грязно-желтаго основного цвѣта, съ свѣтло-бурыми крупными и мелкими пестринками, болѣе густо собранными на остромъ концѣ.

Рѣдко число птенцовъ соотвѣтствуетъ числу яицъ: чаще однимъ бываетъ менѣе.

Самчики съ самаго начала отличаются отъ самочекъ своими нѣсколько болѣе крупными размѣрами, болѣе толстой головкой и болѣе темной окраской. Пока глухарята малы, они растутъ крайне медленно, но достигнувъ величины съ перепелку, начинаютъ расти очень быстро и въ концѣ іюня самцы становятся уже величиною съ бѣлую куропатку. При этомъ половая разница вырисовывается все рѣзче, хотя птенцы еще сохраняютъ свой первый нарядъ. Спустя немного дней глухари становятся величиною съ крупную тетерьку и среди перьевъ зоба теперь у нихъ пробиваются блестящія металлически-зеленыя перья окончательнаго наряда. Точно такъ же перья взрослаго наряда появляются на верхней части спины, на плечахъ, среди верхнихъ кроющихъ крыла, второстепенныхъ маховыхъ и т. д. Линька идетъ очень быстро и въ концѣ іюля глухаренокъ самецъ, достигая величины съ взрослую глухарку, уже одѣтъ почти въ готовый взрослый нарядъ, съ хвостомъ нормальной длины; только кой-гдѣ на тѣлѣ, и особенно на головѣ и на шеѣ еще сохраняются перья молодого наряда. Къ серединѣ августа отъ послѣдняго остается очень немного, въ концѣ этого мѣсяца — только отдѣльныя перышки, во второй половинѣ сентября смѣна наряда оканчивается и молодой глухарь узнается, кромѣ сравнительно малой величины, по не вполнѣ развитому опаренію плюсны и кой-какимъ другимъ признакамъ. Глухарки вырастаютъ до величины не старыхъ, но взрослыхъ къ концу іюля и оканчиваютъ линьку нѣсколько раньше самцовъ.

Глухарята выводятся въ теченіе сутокъ и могутъ бѣгать, какъ только обсохнутъ. Повидимому, разъ взявшись за воспитаніе дѣтей, матка привязывается къ нимъ съ такою же силой, какъ была привязана къ яйцамъ, и ревниво оберегаетъ ихъ пока они не окрѣпнутъ и не подрастутъ настолько, что перестанутъ нуждаться въ помощи матери. Первыя два-три дня она держится съ ними около гнѣзда, но потомъ переходитъ въ густой лѣсъ возлѣ сѣчей, болотъ, рѣчекъ и покосовъ. Утромъ и вечеромъ она выводитъ здѣсь дѣтей для кормежки на болѣе открытыя мѣста, а въ жаръ держится съ ними на опушкѣ, гдѣ вся семья роется или въ сухой землѣ, или въ истлѣвшей древесинѣ поваленныхъ деревьевъ. Такъ какъ каждый птенчикъ вырываетъ для себя особую ямку, по числу послѣднихъ можно безошибочно опредѣлить число глухарятъ въ выводкѣ; если же этого нельзя, то во всякомъ случаѣ присутствіе ямокъ и особенно разрытыхъ муравьиныхъ кучъ безошибочно указываетъ на присутствіе глухариннаго выводка. Держась среди сучьевъ, пней и густой травы, глухарята, съ одной стороны, имѣютъ здѣсь обильный кормъ, съ другой,—надежное мѣсто для того, чтобы спрятаться отъ хищныхъ птицъ. Питаются они въ это время почти исключительно животнымъ кормомъ: насѣкомыя, ихъ личинки, червячки, слизняки и особенно муравьиныя яйца—вотъ что составляетъ главную пищу глухарятъ; кромѣ

того, они кормятся также молодыми сочными стебельками разныхъ травъ, и это отчасти замѣняетъ имъ питье.

Первые дней 9—10 глухарята держатся исключительно на землѣ, но съ этого времени начинаютъ перепархивать и въ очень короткое время становятся уже настолько крѣпкими, что могутъ даже взлетать и садиться на деревья. По мѣрѣ того какъ они растутъ, они разбѣгаются все на большее и большее разстояніе, но вспугнутый выводокъ летитъ за маткой, пока хватитъ силъ, послѣ чего глухарята или садятся на деревья или падаютъ на землю. Здѣсь они сидятъ или лежатъ, забившись гдѣ можно, и долгое время совсѣмъ не подаютъ голоса; не откликаются даже маткѣ, если та, убѣдившись въ безопасности, начинаетъ сзывать ихъ. Обыкновенно матка, поднятая съ выводкомъ, описываетъ полукругъ относительно того мѣста, гдѣ была съ дѣтьми, и когда все успокоится, сзываетъ дѣтей на то же мѣсто, откуда была поднята. Но послѣ этого она не остается здѣсь, а немедленно уводитъ дѣтей въ болѣе надежное прикрытіе.

Къ Петрову дню вспугнутые глухарята уже обыкновенно взлетаютъ на деревья, а въ половинѣ іюля они даже на ночь улетаютъ въ высокоствольный лѣсъ и здѣсь ночуютъ, чаще всего занявъ одно дерево, но размѣстившись по разнымъ сучьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самая тяжелая пора для выводковъ, можно сказать, миновала, такъ какъ пока глухарята были настолько малы, что должны были ночевать на землѣ, они становились очень легкой добычей всѣхъ наземныхъ хищниковъ и особенно лисицъ. Теперь же, хотя имъ и угрожаютъ разныя совы и куницы, у нихъ все-таки больше возможности спрятаться отъ своихъ непріятелей, да и сидятъ они врозь, такъ что гибнетъ не весь найденный хищникомъ выводокъ, а только лишь тотъ или другой глухаренокъ. За глухариными выводками охотится даже медвѣдь, при чемъ, по свидѣтельству Черкасова, послѣдній не оставляетъ глухарятъ въ покоѣ даже на деревьяхъ: замѣтивъ намокшихъ послѣ дождя глухарятъ, которые выбираются на открытые сучья для просушки, онъ просто-напросто стряхиваетъ ихъ отсюда.

Въ концѣ іюля глухарята становятся уже настолько самостоятельными, что ихъ не рѣдкость встрѣтить въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ матки. Однако какъ теперь, такъ и позднѣе, въ августѣ, когда молодые перебираются съ маткой на брусничники, выводки все-таки должны считаться неразбившимися. Выводками же глухари вылетаютъ на лиственникъ (въ началѣ сентября), но тутъ выводки разбиваются, и съ этого времени собственно начинается осенній періодъ въ жизни описываемыхъ птицъ. Первыми отдѣляются всегда глухари, а за ними разбиваются и глухарки.

Пища глухарятъ измѣняется довольно сильно въ разные лѣтніе мѣсяцы. Какъ мы видѣли, только что выведшіеся птенчики кормятся предпочтительно животнымъ кормомъ; если въ это время они и ѣдятъ сочные корешки и стебельки, то это скорѣе замѣняетъ имъ питье. Но въ іюнѣ начинаютъ поспѣвать разныя ягоды—земляника, чер-

ника—и съ этихъ поръ глухарята начинаютъ усиленно кормиться ими. Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсныхъ покосовъ, ягодный кормъ является ихъ преимущественной пищей до августа включительно: мѣняется только составъ корма, а не его характеръ. Наконецъ, въ августѣ въ средней и сѣверной Россіи, вездѣ, гдѣ есть осина, глухари очень любятъ летать въ осинники и кормиться вялымъ осиновымъ листомъ. Въ восточной Россіи осину замѣняетъ лиственница, хвоя которой, будучи тронута морозомъ, составляетъ положительное лакомство для глухарей. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ замѣчены вылеты глухарей по зарямъ на кормежку на овсяныя жнивья и озими, находящіяся въ лѣсу или у его края, но это конечно имѣетъ наименьшее значеніе въ жизни глухарей, настолько эти вылеты рѣдки и случайны всюду за исключеніемъ восточной Россіи. Да и тамъ глухари летаютъ на жнивья и озими позднѣе—осенью, къ чему мы еще вернемся.

Этотъ очеркъ образа жизни глухариныхъ выводковъ остается дополнить только свѣдѣніями относительно чернолѣсья. Первое время глухарята держатся здѣсь около гнѣзда, въ ненастную погоду почти не вылѣзая изъ-подъ крыла матери, а въ хорошую отбѣгая отъ гнѣзда всего на нѣсколько десятковъ саженъ. Черезъ недѣлю, когда у нихъ начнутъ пробиваться перышки, они экскурсируютъ уже дальше, но все-таки не выходятъ изъ чащи, и все время остаются на животномъ кормѣ. Во второй половинѣ іюня, когда молодые начнутъ перепархивать, они чаще показываются на опушкахъ потныхъ прогалинъ и лужаекъ, гдѣ находятъ себѣ въ густой травѣ болѣе насѣкомыхъ, нежели въ чащѣ лѣса; однако далеко отъ опушки не отходятъ. Только въ концѣ іюня, когда глухарята начнутъ уже довольно порядочно летать, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ созрѣвать земляника, они оставляютъ чащу лѣса, и только на ночь и въ самую жару уходятъ на его опушку. Въ это время они совершенно переходятъ съ животнаго корма на растительный, преимущественно ягодный. „Въ этотъ періодъ они очень любятъ купаться въ пескѣ и пыли и усердно разыскиваютъ на полянахъ сухія кочки, а за неимѣніемъ ихъ и песка, купаются даже въ трухѣ сгнившей валежины.—Покормившись и накупавшись въ пыли, молодые любятъ грѣться на утреннемъ солнышкѣ, лежа на боку гдѣ-нибудь подъ кустомъ, на солнцепекѣ, перебирая и очищая свои перышки. Когда станетъ жарко, часамъ къ девяти-десяти утра, они ищутъ прохлады, уходятъ въ чащу и, притаившись въ густой заросли, дремлятъ, пока не спадетъ полуденный жаръ. Подъ вечеръ, часовъ въ шесть, они снова выходятъ на луга и сѣчи, кормятся до поздней зари, а тогда, подбирая на пути ягодки, направляются въ лѣсъ, гдѣ, когда стемнѣетъ, размѣщаются на сосѣднихъ деревьяхъ, и стоя на одной ногѣ, спрятавъ головку подъ крылышко, спятъ до ранней зари“ (Разевигъ). Вмѣстѣ съ началомъ сѣнокоса глухариные выводки оставляютъ описанныя мѣста и переселяются или въ травянистыя сѣчи, или въ густые молодняки, гдѣ также успѣли созрѣть ягоды, обезпечивающія имъ кормъ. Если здѣсь

не пасется скотъ, въ такомъ случаѣ глухарята остаются въ такихъ мѣстахъ до конца августа, въ противномъ случаѣ перемѣщаются въ высокоствольные лѣса, выбирая здѣсь мѣста болѣе низкія, травянистыя, съ густымъ подлѣскомъ.

Что касается старыхъ глухарокъ, то они начинаютъ перелинивать съ конца іюня и оканчиваютъ линьку къ концу сентября, т.-е. къ тому времени, когда выводки уже успѣютъ разбиться.

Теперь намъ надо возвратиться къ глухарямъ-токовикамъ. Вмѣстѣ съ окончаніемъ тока, исхудалые и измученные глухари улетаютъ въ лѣсныя крѣпи, выбираютъ для своего жительства сырыя и глухія мѣста высокоствольнаго лѣса и здѣсь предаются продолжительному отдыху и возстановленію потраченныхъ силъ. Въ половинѣ іюня они начинаютъ линять и съ этого времени уходятъ еще глубже въ лѣсъ, становясь на много недѣль совершенно наземной птицей. Чѣмъ больше валежника, поваленныхъ бурей деревьевъ, особенно со свѣжей вершиной, и т. п., тѣмъ привольнѣе живется здѣсь глухарю. Если случайно на него наткнется здѣсь собака, онъ не взлетаетъ, а бѣжитъ, чтобы спрятаться подъ кучей хвороста или вершиной упавшаго дерева. Надѣясь на прочность такого убѣжища, подпускаетъ къ себѣ почти въ упоръ и выдерживаетъ продолжительную стойку собаки. Но если взлетаетъ, то съ шумомъ и съ такой стремительностью, что озадаченному охотнику ничего не стоитъ промахнуться. Позднѣе, въ іюлѣ, когда линька подвинулась уже далеко и новыя перья успѣли окрѣпнуть, глухарь не такъ настойчиво придерживается крѣпей и начинаетъ выходить на лѣсныя поляны, гари и сѣчи, гдѣ въ изобиліи имѣется ягодный кормъ и гдѣ также представляется возможность найти муравьиную кучу и выкупаться въ пыли. Замѣтивъ что-либо подозрительное на такомъ открытомъ мѣстѣ, глухарь взлетаетъ на ближайшее дерево и осматривается; если его подозрѣнія оправдались или по крайней мѣрѣ не разсѣиваются, въ такомъ случаѣ улетаетъ въ глубь лѣса.

Я совершенно не понимаю, какимъ образомъ Л. П. Сабанѣевъ могъ опредѣлить какъ время окончанія линьки старыхъ глухарей іюль мѣсяцъ: ихъ линька оканчивается въ сентябрѣ, приблизительно въ одно время съ окончаніемъ линьки глухарятъ. Съ августа глухари, подобно выводкамъ, начинаютъ посѣщать осинники и брусничники и иногда держатся на брусничникахъ до зимы, только въ сентябрѣ, тамъ, гдѣ есть лиственница, обязательно перебираясь сюда для кормежки „закисшимъ“ игольникомъ.

Вотъ незамысловатый въ общемъ, но разнообразный въ мелочахъ образъ жизни глухарей и глухариныхъ выводковъ въ теченіе лѣта. Не трудно видѣть, что два фактора опредѣляютъ собою эту группу періодическихъ явленій въ жизни описываемыхъ птицъ: 1) необходимость укрыться отъ враговъ и 2) потребность въ изобильномъ кормѣ. И то и другое одинаково важно какъ для молодыхъ, такъ и для старыхъ птицъ, и отсюда общее сходство въ періодическихъ явленіяхъ ихъ лѣтняго образа жизни.

Лѣтняя охота за глухарями сводится къ охотѣ за глухариными выводками съ лягавой и на манку, вообще за глухарями по осиннику. Охоту съ лягавой начинаютъ съ Петрова дня, но въ это время глухарята еще малы и охота эта не можетъ доставить никакого удовольствія. Настоящее время для нея вторая половина іюля и первая августа; позднѣе глухарята уже настолько велики и, главное, настолько постоянно держатся на деревьяхъ, особенно въ осинникѣ, что охота съ лягавой собакой за ними естественно прекращается.

„При этой охотѣ, — говоритъ г. Ушковъ, — какъ и при всякой другой подобной, необходима прежде всего хорошая собака и затѣмъ знакомство съ мѣстностью и съ привычками дичи. Кромѣ того не слѣдуетъ сбивать собаку съ разъ выбраннаго ею направленія; не должно торопить ее на поискѣ, водкѣ и стойкѣ. Охотникъ обязанъ внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ ведетъ собака: въ одномъ ли прямомъ направленіи, или кругами, т.-е. постоянно возвращаясь на старый свой слѣдъ. Въ первомъ случаѣ надо предоставлять собакѣ полную свободу дѣйствій; во второмъ — ее необходимо торопить, потому что на кругахъ она идетъ „водкой" по слѣду стараго глухаря, которому лѣнь подняться и который старается спутать, какъ охотника, такъ и собаку, заставляя ихъ нѣсколько разъ возвращаться къ одному и тому же мѣсту; спутавъ ихъ такимъ образомъ, онъ поднимается внѣ выстрѣла. Эта хитрость часто удается глухарю, въ особенности если онъ имѣетъ дѣло съ молодой собакой и неопытнымъ охотникомъ.

„Нужно терпѣливо выжидать вылета дичи и всегда держать на готовѣ ружье, на случай внезапнаго ея вылета. Поднявшуюся дичь слѣдуетъ отпускать на разстояніе вѣрнаго выстрѣла, но лишь если то позволяетъ мѣстность; тамъ, гдѣ растительность густая и частая, напримѣръ, въ кустарникахъ и мшарникахъ, нельзя выжидать, когда птица покажется гдѣ-нибудь на прогалинѣ, а нужно стрѣлять въ то мѣсто, гдѣ слышится хлопанье крыльевъ взлетающей дичи, хотя бы самой ея и не было видно. Только при этомъ непремѣнно нужна охотничья сметливость, т.-е. охотникъ долженъ умѣть быстро и вѣрно прицѣливаться, быстро и вѣрно опредѣлять то мѣсто, гдѣ происходитъ хлопанье крыльевъ, долженъ знать, какая дичь на какой вышинѣ взлетаетъ отъ земли. Не каждый такой выстрѣлъ будетъ удаченъ, но все же менѣе шансовъ пропустить добычу, чѣмъ при выжиданіи ея вылета на чистое мѣсто, когда она будетъ уже внѣ выстрѣла.

„Не должно позволять собакѣ гнаться за поднявшейся дичью и бросаться къ убитой, потому что выводокъ поднимается иногда не разомъ; собака же, бросаясь за дичью, пугаетъ выводокъ, поднимаетъ его зря, вслѣдствіе чего охотникъ, не приготовившись къ выстрѣлу, дѣлаетъ промахи или отпускаетъ дичь безъ выстрѣла.

„Не слѣдуетъ также и охотнику торопиться подходить къ убитой птицѣ съ разряженнымъ ружьемъ; часто птица только оглушена бываетъ выстрѣломъ и при приближеніи человѣка приходитъ въ себя и мгновенно улетаетъ. Выпустивши зарядъ, слѣдуетъ прежде всего

замѣнить его новымъ, а потомъ идти къ добычѣ. Вообще хладнокровіе одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ, способствующихъ удачѣ какой бы то ни было охоты".

Охота на манку является собственно не охотой, а промысломъ, и такъ какъ легка и добычлива, то очень распространена между промышленниками.

„Тутъ не требуется хорошо натасканная собака, потому что выводокъ отыщетъ и всякая дворняжка; что она разгонитъ его—это не бѣда; кто охотится на подманку, тотъ умѣетъ подманивать молодыхъ, подражая ихъ голосу, и легко собираетъ къ себѣ выводокъ. Дѣлается это такъ: на томъ мѣстѣ, съ котораго былъ поднятъ выводокъ, дѣлается шалашъ изъ сучьевъ, въ который садится промышленникъ или охотникъ и выжидаетъ нѣкоторое время, потому что тотчасъ послѣ перемѣщенія выводка подманивать его не годится. Охотнику въ шалашѣ приходится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вести ожесточенную борьбу съ слѣпнями, мошками и комарами, буквально облѣпляющими человѣка; но для привычнаго промышленника такое неудобство ни почемъ, въ особенности въ ожиданіи вѣрной добычи. Онъ раскуритъ трубочку, иногда затѣетъ курево и черезъ полчаса приступаетъ уже къ дѣлу, т.-е. начинаетъ пикать. Первой откликается на манку глухарка-мать, сначала тихо и недовѣрчиво, потомъ клохтанье ея усиливается, и она начинаетъ перелетать тревожно съ дерева на дерево, приближаясь къ шалашу; промышленникъ, замѣтивъ эти перелеты, пикаетъ жалобнѣе и жалобнѣе, такъ что глухарка, слыша эти жалобные „піу, піу", забываетъ свою недовѣрчивость, спѣша на помощь къ своему страждущему дѣтенышу, подлетаетъ почти къ самому шалашу, садится на дерево, иногда на землю и, поднявъ голову кверху, тихо и протяжно клохчетъ „ко-о", „ко-о". Тутъ изъ шалаша раздается выстрѣлъ, и глухарка падаетъ жертвой своего чадолюбія. Впрочемъ, не каждая глухарка довѣрчиво идетъ на манку; иногда промышленникъ, несмотря на свое мастерское подражаніе голосу птенцовъ, не въ состояніи бываетъ подманить ее на вѣрный выстрѣлъ; недовѣрчивая глухарка садится на дерево внѣ выстрѣла и тихо клохчетъ, или же втихомолку подходитъ къ шалашу и, видя въ немъ промышленника, поспѣшно улетаетъ. Такая матка рѣдко подаетъ голосъ даже и на дѣйствительный призывъ своихъ дѣтей, а также подходитъ къ нимъ молча, и, собравъ ихъ, уходитъ на другое мѣсто.

„Убивъ мать, промышленникъ начинаетъ подманивать дѣтей, пикая тѣмъ же голосомъ. Дѣти обыкновенно долго не откликаются, но слыша неумолчное пиканье, они, одинъ за другимъ, начинаютъ также пикать въ отвѣтъ, а потомъ и подходятъ къ шалашу. Рѣдкій промышленникъ уходитъ, не уничтоживъ весь выводокъ.

„По мѣрѣ того, какъ глухарята выростаютъ, голоса ихъ дѣлаются грубѣе и сиповатѣе. Промышленники принимаютъ это въ соображеніе и тоже измѣняютъ свой голосъ, сообразно съ возрастомъ выводка. Они такъ искусно подражаютъ пиканью, что даже самый

опытный охотникъ не въ состояніи отличить голоса опытнаго, хорошаго манильщика отъ голоса глухаренка. Охота на манку кончается въ первыхъ числахъ августа; она содѣйствуетъ истребленію дичи, и потому ни одинъ истинный охотникъ, сознавши вредъ этой охоты, не станетъ заниматься ею. Она губитъ неминуемо весь выводокъ, если онъ даже перебитъ и не весь, потому что довольно убить одну матку (а она стрѣляется прежде всѣхъ), чтобы осиротѣлый выводокъ сдѣлался жертвой хищныхъ птицъ; кромѣ того, предоставленный себѣ, онъ вымираетъ съ голоду и холоду".

Что касается охоты въ осинникѣ, то она производится не лѣтомъ собственно, а во время переходное между лѣтомъ и осенью, со 2-го августа. Основывается она на томъ, что глухари въ это время любятъ летать въ осинникъ и глодать начинающій уже въ это время желтѣть листъ. Повидимому, эти листья производятъ на глухарей опьяняющее дѣйствіе, такъ какъ наѣвшіеся ими глухари сидятъ на деревьяхъ смирно и безъ особаго труда подпускаютъ къ себѣ охотника на ружейный выстрѣлъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОСЕНЬ и ЗИМА.

Осенняя жизнь глухарей.—Осеннее токованіе.—Осеннія перекочевки.—Зимняя жизнь.—Осенняя и зимняя охота.—Промысловое добываніе глухарей.—Подсчетъ ежегодно добываемыхъ глухарей.—Такъ назыв. „шахровый" и „раменный" глухарь.—Глухарь въ неволѣ.

Итакъ, мы начинаемъ описаніе осенняго образа жизни глухаря съ сентября, когда оканчивается линька этихъ птицъ, и когда разбиваются выводки. Конечно, рѣзкой границы между лѣтомъ и осенью установить нельзя, но до извѣстной степени она устанавливается безъ труда. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть лиственница, начало осенняго періода удачно опредѣляется именно вылетомъ глухарей на лиственники, хвоя которыхъ, тронутая морозомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль составляетъ ихъ почти исключительный кормъ. Глухари настолько любятъ хвою лиственницы, что тамъ, гдѣ растутъ эти деревья, они не летаютъ на осинники, тѣмъ болѣе, что лиственница рано трогается морозомъ, особенно въ восточной Россіи. Само собою разумѣется, что въ разные годы время „закисанія" игольника на лиственницѣ измѣняется въ зависимости отъ того, когда появляется иней, но глухарь зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не пропустить лакомаго блюда; онъ уже заблаговременно навѣдывается, какъ, т.-е. легко или еще трудно, выщипывается хвоя, и если легко, то немедленно же начинаетъ свои вылеты сюда. Ежедневно глухарь вылетаетъ на лиственники два раза: утромъ, передъ восходомъ солнца, и вечеромъ, часа за три до его захода. Иногда, именно въ пасмурные и дождливые дни, глухарь цѣлый день остается въ лиственникѣ и почти не

переставая треплетъ хвою. Точно такъ же днями просиживаетъ на лиственникѣ, когда инеи выпадаютъ часто, и хвоя быстро закисаетъ. Зато, тогда какъ при обыкновенныхъ условіяхъ глухарь посѣщаетъ лиственникъ въ продолженіи трехъ-четырехъ недѣль, при частыхъ инеяхъ этотъ періодъ сокращается вдвое.

Что касается количества глухарей, вылетающихъ на лиственникъ, то оно зависитъ какъ вообще отъ численности птицы, такъ и отъ того, насколько часты или рѣдки лиственницы въ извѣстномъ районѣ. Повидимому, глухари предпринимаютъ довольно значительныя по размѣрамъ странствованія, чтобы найти любимый кормъ, и этимъ, вѣроятно, объясняется то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Пермской губ.) ихъ наблюдали — глухарокъ стадами болѣе чѣмъ въ 100 штукъ, глухарей — штукъ въ 70. Но съ другой стороны, они встрѣчаются и отдѣльными стаями, и штукъ по 5—10 вмѣстѣ, т.-е. еще не разбившимися выводками. Тамъ, гдѣ сплошныхъ лиственниковъ нѣтъ, глухари посѣщаютъ отдѣльныя лиственныя деревья, и оставляютъ ихъ не раньше, какъ когда хвоя съ нихъ спадетъ совершенно, т.-е. въ началѣ октября. Но къ концу этого періода они вылетаютъ сюда ненадолго и кормятся преимущественно ягодами брусники и клюквы.

Въ сентябрѣ же происходитъ такъ называемое осеннее токованіе. Съ внѣшней стороны оно почти ничѣмъ не отличается отъ весенняго, т.-е. глухари токуютъ по утрамъ на деревьяхъ (иногда, впрочемъ, и на землѣ), сопровождая свои различныя эволюціи характерной пѣсней, при чемъ тутъ же присутствуютъ и глухарки. Но, во-1-хъ, количество токующихъ осенью глухарей очень не велико, во-2-хъ, спариванья самцовъ съ самками не бываетъ. Глухарь начинаетъ играть за часъ до восхода солнца и, поигравъ немного, перестаетъ; затѣмъ съ восходомъ солнца начинаетъ играть снова и иногда играетъ очень долго, до $9^1/_2$ и даже до 10 часовъ утра. Утверждать, какъ это дѣлаетъ Л. П. Сабанѣевъ, что осенью токуютъ только молодые глухари, мы не можемъ, но весьма вѣроятно, что большая часть осеннихъ токовиковъ двулѣтки, не особенно истомленные въ періодъ весенняго токованія, очень окрѣпнувшіе и вполнѣ развившіеся ко второй осени въ своей жизни. Иногда осеннее токованіе идетъ слабо, игру чуть слышно даже на близкомъ разстояніи; въ другихъ случаяхъ игра не уступаетъ въ своей силѣ весенней, и токующій глухарь выдерживаетъ нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ, конечно, если охотникъ принимаетъ тѣ же предосторожности, съ какими стрѣляетъ весною *).

Хотя глухарь безусловно лѣсная птица, но осенью голодъ заставляетъ его вылетать на жнивья и озими, находящіяся въ лѣсу или около его края, или когда хлѣбъ сложенъ въ скирды тутъ же на

*) По словамъ г. Ушкова, ему приходилось кромѣ того слышать токующихъ глухарей между 21-мъ іюлемъ и 2-мъ августомъ. Это, такъ сказать, „лѣтнее токованіе“ совершенно аномально и никоимъ образомъ не связывается съ осеннимъ; напротивъ, его скорѣе можно отнести къ весеннему.

полѣ, то на послѣдніе. На скирды глухари летаютъ даже зимою, но обыкновенно послѣ періода кормленія хвоею лиственницъ глухари переходятъ еще разъ на ягоду, именно на клюкву и бруснику, и довольствуются этимъ кормомъ, пока его не занесетъ снѣгомъ.

Будучи осѣдлою птицей, глухарь только кой-гдѣ предпринимаетъ перекочевки и то обыкновенно въ очень небольшихъ предѣлахъ. Обычное передвиженіе глухарей къ началу зимы ограничивается переселеніемъ съ горъ въ низменности; тамъ же, гдѣ горъ нѣтъ, глухари въ разное время зимы держатся въ разныхъ участкахъ лѣсной площади. Конечно, главнѣйшая причина этихъ переселеній — поиски за кормомъ. По крайней мѣрѣ, глухарь спускается съ горъ въ низменные хвойные лѣса потому, что здѣсь растетъ ель и пихта, хвоя которыхъ составляетъ ихъ главный зимній кормъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ деревьевъ, глухарь перебирается на зиму изъ рѣдколѣсья въ частые молодые сосняки, гдѣ ему хотя тѣмъ лучше, что теплѣе. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перекочевки глухаря весьма загадочны. Такъ, по словамъ Л. П. Сабанѣева, изъ Красноуфимскаго у., Пермской губ., глухари къ октябрю перекочевываютъ на восточный склонъ, въ Екатеринбургскій уѣздъ, и въ концѣ зимы улетаютъ обратно, такъ какъ первая мѣстность представляетъ гораздо большія удобства для ихъ лѣтняго мѣстопребыванія и относительно большую безопасность. То же самое замѣчается на сѣверномъ Уралѣ, гдѣ, по словамъ Воропая, глухари для перелета „за камень“, т.-е. за Уральскій хребетъ, собираются въ стаи штукъ до 150. Наконецъ, и въ низменныхъ мѣстахъ, напр., въ Мензелинскомъ и Елабужскомъ уу., глухари, по свидѣтельству М. Н. Богданова, также улетаютъ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своего лѣтняго мѣстопребыванія. Едва ли будетъ ошибкой признать, что для каждой мѣстности есть своя частная причина перекочевки глухарей, и было бы односторонне всѣ перекочевки приписывать только недостатку корма. Иногда, вѣроятно, переселеніе вызывается обиліемъ снѣга или направленіемъ господствующаго вѣтра. Какъ ни крѣпокъ глухарь, а на зиму ему нужно мѣстечко потеплѣе, т.-е. или частый, густой лѣсъ, или лѣсъ на защищенной отъ вѣтра сторонѣ горнаго хребта. Въ средней Россіи глухари любятъ держаться зимою въ лѣсныхъ оврагахъ, гдѣ есть незамерзающая рѣчушка или ручеекъ: здѣсь и теплѣе, и корма больше, такъ какъ здѣсь обыкновенно растетъ рябина и калина, ягоды которыхъ очень любимы глухаремъ. Кромѣ того, эти птицы кормятся можжевеловыми ягодами, по словамъ Сабанѣева, даже опавшими кедровыми орѣхами, но все-таки ихъ главную пищу составляетъ хвоя и верхушечныя почки разныхъ хвойныхъ деревьевъ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ считать глухаря птицею вредной для лѣсоводства, но у насъ, при отсутствіи сколько-нибудь правильнаго лѣсного хозяйства и при обиліи лѣса, конечно, о такомъ вредѣ говорить нечего.

Вмѣстѣ съ выпаденіемъ снѣга и исчезновеніемъ ягоднаго корма, начинается зимняя жизнь глухарей, отличающаяся своимъ однообра-

зіемъ и монотонностью. Въ это время года описываемая птица держится или поодиночкѣ, или небольшими стайками въ 3—5, рѣдко болѣе особей. Выбравши себѣ какое-нибудь мѣсто, глухари цѣлыми недѣлями остаются здѣсь. День они проводятъ въ лѣсной чащѣ, большею частью на землѣ, подъ нижними сучьями густыхъ елей и сосенъ, но утромъ и вечеромъ вылетаютъ изъ чащи на опушки, и въ сумерки вовсе не рѣдкость видѣть этихъ птицъ сидящими на верхушкахъ высокихъ елей. Въ сильные морозы и мятели глухари забиваются въ снѣгъ, гдѣ имъ по крайней мѣрѣ тепло, хотя и голодно, и либо не вылетаютъ совсѣмъ, либо вылетаютъ на самое короткое время. На ночь же они почти всегда взлетаютъ на деревья и ночуютъ здѣсь, помѣстившись на сукѣ поближе къ стволу.

Вмѣстѣ съ окончаніемъ зимы, т.-е. въ февралѣ, глухари выбираются изъ лѣсной чащи и переселяются опять въ рѣдколѣсье, по-сосѣдству съ мѣстами будущихъ токовъ. Какъ только сильнѣе начнетъ пригрѣвать солнце, старые самцы начинаютъ навѣдываться на токовище, сначала присаживаясь на деревья, а потомъ слетаютъ на землю и ходятъ здѣсь, чертя крыльями по насту. Первое время совсѣмъ не подаютъ голоса, затѣмъ начинаютъ текать и мало-по-малу входятъ въ полный жизни весенній періодъ, съ описанія котораго мы начали эту монографію.

Дополняя сказанное объ осеннемъ и зимнемъ образѣ жизни глухаря свѣдѣніями о его жизни въ чернолѣсьѣ, мы получаемъ еще болѣе однообразную картину. Въ сентябрѣ и здѣсь выводки разбиваются, при чемъ наиболѣе долго держатся вмѣстѣ самочки. Въ это время поспѣваютъ жолуди и глухари теперь чаще, чѣмъ когда-либо, попадаются въ дубовыхъ насажденіяхъ. Охотнѣе всего они ѣдятъ полузрѣлые жолуди и потому сами обрываютъ ихъ съ вѣтокъ, а не клюютъ опавшихъ. Однако изъ этого не должно заключать, что глухари въ такомъ же большомъ количествѣ переселяются въ дубовые лѣса, какъ въ осинники: ни чуть не бывало; только осенью ихъ въ дубовыхъ лѣсахъ больше, чѣмъ въ другое время, когда они встрѣчаются здѣсь совсѣмъ рѣдко.

Въ половинѣ октября, съ наступленіемъ морозовъ и даже выпаденіемъ перваго снѣга, глухари начинаютъ стадиться, собираясь небольшими обществами, штукъ по 6—8, и переселяются въ хвойныя и хвойно-лиственныя насажденія, всюду, гдѣ есть таковыя, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, забираются въ сплошной лиственный лѣсъ съ густымъ подлѣскомъ, близъ олешниковъ. Перекочевокъ почти не совершаютъ и потому найти ихъ здѣсь можно только случайно. Въ первомъ мѣстѣ они кормятся хвоею, преимущественно сосновою, во второмъ — древесными почками лиственныхъ деревьевъ.

Несмотря на величину и силу глухаря, у него очень много враговъ, не считая даже промышленника. Изъ птицъ на глухарей нападаютъ филины и даже ястреба-тетеревятники, особенно въ пору токованія, изъ млекопитающихъ—куницы, лиса, соболь, медвѣдь и даже

горностаи. Медвѣди и лисы преимущественно ловятъ линючихъ глухарей и глухарятъ на землѣ, куницы и соболь нападаютъ на нихъ сонныхъ на деревьяхъ. Что касается горностая, то этотъ маленькій хищникъ, бросаясь на глухаря, перегрызаетъ ему или горло, или затылокъ, при чемъ сильная птица успѣваетъ взлетѣть иногда на весьма большую высоту и заставляетъ продѣлать это воздушное путешествіе и горностая. Но послѣдній нисколько отъ этого не страдаетъ и, крѣпко держась за свою жертву, падаетъ вмѣстѣ съ нею безо всякаго для себя вреда.

Въ заключеніе намъ остается сказать объ осенней и зимней охотѣ на глухаря, промысловомъ значеніи этой птицы и опытахъ съ ея прирученіемъ.

Первая по времени осенняя охота на глухарей есть чисто промысловое добываніе молодыхъ глухарей, „селѣтокъ", при помощи лаекъ. Охота эта состоитъ въ томъ, что промышленникъ, взявъ съ собою собаку, которая пріучена подманивать глухарей, идетъ съ нею въ лѣсъ, гдѣ ожидаетъ найти еще не разбившіеся глухариные выводки, пускаетъ собаку впередъ и, отъ времени до времени подзывая ее къ себѣ, прислушивается, не лаетъ ли гдѣ она, чтобы затѣмъ идти на ея голосъ. Идти до собаки приходится иногда съ версту и даже болѣе. Найдя глухарятъ, собака сгоняетъ ихъ съ земли, и какъ только они разсядутся на деревьяхъ, начинаетъ лаять на нихъ. Если поднятые съ земли глухарята улетаютъ дальше въ лѣсъ, это нисколько не смущаетъ лайку: она прямо бросается по тому направленію, куда улетѣлъ выводокъ, руководясь не столько верхнимъ чутьемъ, сколько острымъ зрѣніемъ и слухомъ. Разъ сѣвъ на деревья, глухарята нисколько не боятся лайки, и не только очень долгое время выдерживаютъ ея лай, но даже поддразниваютъ ее, наклоняясь къ ней и „рычкая" или „хрюкая", т.-е. издавая своеобразные хриплые звуки. Тѣмъ временемъ охотникъ подходитъ къ тому дереву, гдѣ нашли себѣ убѣжище отъ собаки глухарята, и, благодаря глупости послѣднихъ, можетъ безъ труда убить 2—3 и даже перестрѣлять всѣхъ, такъ какъ глухарята не понимаютъ значенія выстрѣловъ и не боятся ихъ. При этомъ надо только стрѣлять, начиная всегда съ нижняго, и по возможности убивать птицу наповалъ.

Охота по лиственникамъ въ сущности является небольшимъ видоизмѣненіемъ только что описанной охоты съ лайкой, хотя за глухарями по лиственникамъ можно охотиться и безъ собаки, скрадомъ. Только такъ какъ эта охота производится преимущественно на взрослыхъ птицъ, она гораздо труднѣе только что описанной, требуетъ большого терпѣнія, остраго зрѣнія, знанія мѣстности и привычекъ птицы. Кромѣ того, необходимо умѣть стрѣлять изъ винтовки, т. к. стрѣлять приходится обыкновенно на далекое разстояніе.

Обыкновенно охота эта производится съ собакой, роль которой „заключается въ томъ, чтобы отыскать глухаря и облаять его. Лучшей собакой считается та, которая своимъ лаемъ не спугиваетъ глу-

харя и отыскиваетъ его верхнимъ чутьемъ, а та, которая отыскиваетъ его по „поѣди“, то-есть по хвойнымъ игламъ, роняемымъ глухаремъ во время ѣды на землю, цѣнится ужъ не особенно высоко. Выходить на охоту должно въ одно время съ вылетомъ глухаря на лиственникъ, т.-е. передъ восходомъ солнца, и часа за три до его заката. На собаку вниманія никакого не обращается: она скрывается изъ глазъ охотника и онъ не знаетъ, гдѣ она, до тѣхъ поръ, пока не услышитъ ея лая, на который и отправляется скорымъ шагомъ. Глухарь, услыша лай собаки, опускаетъ голову внизъ и текаетъ, или, какъ говорятъ промышленники, сердится и дразнитъ собаку. Въ это время онъ не обращаетъ никакого вниманія на окружающее и сосредоточивается исключительно на собакѣ, такъ что охотнику нетрудно подойти къ нему на выстрѣлъ.

„Охота скрадомъ труднѣе. Здѣсь отыскивать глухаря приходится самому охотнику, а разглядѣть его на лиственницѣ, несмотря на величину его, чрезвычайно трудно. Случается, что охотникъ во всѣ глаза смотритъ на одну лиственницу, а у него подъ бокомъ сидитъ глухарь на другомъ деревѣ, такъ что зачастую пройдешь мимо и не замѣтишь. Но на сторонѣ этого способа то преимущество, что тутъ можно убивать и глухаря и глухарку; при охотѣ же съ собакой это удается рѣдко, такъ какъ глухарка очень мало времени выдерживаетъ лай собаки.

„Удача охоты въ томъ и другомъ случаѣ бываетъ почти одинакова и много зависитъ отъ состоянія погоды; въ пасмурный и немного дождливый день успѣшнѣе можно охотиться, чѣмъ въ ясный. Разстояніе, на которомъ мнѣ случалось убивать глухарей, различно: начиная отъ 25 саженъ и кончая 82 саженями. Иногда глухарь выдерживаетъ десятки выстрѣловъ и не улетаетъ, а иногда улетаетъ послѣ перваго. Это зависитъ отъ того, гдѣ пролетитъ пуля: если выше его, надъ головой, тогда глухарь не улетаетъ, если же ниже, и притомъ задѣнетъ за сучья, тогда глухарь снимается съ мѣста.

„Охота на лиственникѣ начинается, когда на немъ засыхаетъ игольникъ, а кончается, когда игольникъ пожелтѣетъ и валится на землю“. (Ушковъ.)

Само собою разумѣется, что описанная охота, какъ такая, которая требуетъ умѣнья стрѣлять изъ винтовки, доступна только настоящимъ охотникамъ. И вообще говоря, диллетанту въ охотѣ нечего дѣлать съ глухаремъ, который и на току, и лѣтомъ, и осенью требуетъ отъ охотника неутомимости, энергіи, знанія дѣла и умѣнья хорошо стрѣлять. Можно сказать, что глухарь—завидная добыча, но дается въ руки лишь тѣмъ, кто дѣйствительно этого стоитъ.

Кромѣ охоты съ лайкой и на лиственникахъ, осенью охотятся также за глухарями на жнивахъ. Но эта охота возможна только тамъ, гдѣ пахатныя поля врѣзываются клиномъ въ лѣсную площадь, т. к. на открытое поле, далеко отъ лѣса, глухарь не полетитъ. Въ литературѣ имѣются свѣдѣнія, что такая охота производится въ лѣсныхъ

уѣздахъ Орловской губ. (Кирѣевскій), въ Ярославской (Гладковъ) и Казанской (Богдановъ); но несомнѣнно, что ее практикуютъ не только въ перечисленныхъ мѣстахъ, но вообще вездѣ, гдѣ мѣстность этому благопріятствуетъ. Глухари съ наибольшею охотою вылетаютъ кормиться на поля тамъ, гдѣ хлѣбъ лежитъ въ кладяхъ и остается на поляхъ до глубокой зимы. На эти клади глухари по зарямъ часто летаютъ даже стайками и, узнавъ объ этомъ, охотникъ можетъ подкрасться къ птицамъ во время кормежки.

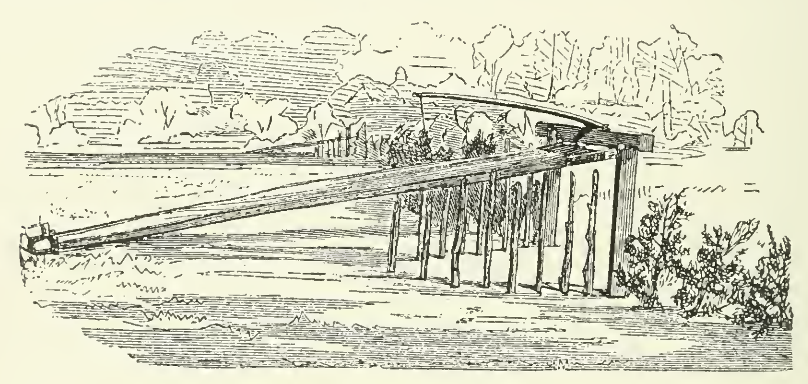
Если глухари регулярно посѣщаютъ какое-нибудь поле, въ такомъ случаѣ здѣсь можно даже устраивать шалаши или землянки, покрываемые соломой, и для успѣха охоты ставить приваду изъ овсяныхъ снопов, въ которые воткнуты еловыя вѣточки. Такъ какъ потревоженныя выстрѣломъ птицы не скоро возвращаются на старое мѣсто, такихъ шалашей и привадъ устраивается нѣсколько. Такъ какъ охота производится утренними зарями, въ шалашъ надо забираться еще съ ночи. Но эта охота мало добычлива; не говоря уже о томъ, что глухарь зимою чрезвычайно крѣпокъ къ ружью, почему убить его очень трудно, почти никогда не удается выстрѣлить по птицамъ болѣе одного раза.

Иногда можно подъѣхать къ глухарямъ, кормящимся на полѣ, съ телѣги или на саняхъ, но все-таки на такое разстояніе, что стрѣлять дробью нельзя, и надо браться за винтовку. Успѣшнѣе можетъ быть охота на перелетахъ, основанная на томъ, что глухари, подобно всѣмъ тетеревамъ, имѣя опредѣленное мѣсто для ночевки и для кормежки, летаютъ туда и обратно по одному и тому же, при томъ прямому направленію. Разъ замѣтивъ направленіе перелета и помѣстившись на этомъ пути, съ нѣкоторымъ терпѣніемъ можно всегда дождаться глухарей и убить 1—2, при удачѣ даже трехъ. С. Т. Аксаковъ говоритъ, что при этомъ онъ посылалъ кучера или загонщика сгонять глухарей, что, кромѣ выигрыша времени, представляетъ еще то удобство, что спугнутый съ высокаго дерева глухарь всегда беретъ нѣсколько книзу. Но и при этомъ промахи неизбѣжны, равно какъ пропажа подранковъ, которые достаются гораздо чаще пернатымъ и четвероногимъ хищникамъ, нежели охотнику.

Что касается промысловыхъ способовъ добыванія глухарей, то они сводятся къ ловлѣ *петлями, слопцами* или *давушками* и *пружками*. Впрочемъ, простыя петли ставятся рѣдко—обыкновенно петля укрѣпляется на вершинѣ согнутаго деревца, которое соединяется съ насторожкой, т.-е. простыя петли замѣняются пружками, уже описанными выше, въ статьѣ о рябчикѣ. Давушки для глухарей устраиваются въ свою очередь по тому принципу, какъ давушки для рябчиковъ и тетеревовъ, только ихъ дѣлаютъ прочнѣе, а самая плашка берется тяжелѣе. На прилагаемомъ рисункѣ изображена давушка, употребляемая преимущественно зырянами. Такая давушка ставится на открытыхъ мѣстахъ, обыкновенно по берегу рѣки, т. к. глухари любятъ держаться здѣсь зимою. Если давушка, состоящая изъ воро-

тецъ, надъ которыми насторожена плашка, настораживается еще съ осени, въ такомъ случаѣ, какъ приманка, употребляются какія-нибудь ягоды, напр., брусника, калина; если же она настораживается зимою, то достаточно посыпать снѣгъ въ воротцахъ пескомъ или расчистить здѣсь точекъ. Чтобы вѣрнѣе обезпечить ходъ глухаря въ воротцы, съ боковъ отъ нихъ накладываютъ сучья или втыкаютъ въ снѣгъ вѣточки: тогда птицѣ некуда идти, кромѣ воротецъ, и она обязательно должна задѣть за насторожку.

Постановкою сильевъ, пружковъ и давушекъ начинаютъ заниматься съ конца іюля, но ловля ими производится лишь съ осени, при чемъ пружками перестаютъ ловить уже въ самомъ началѣ зимы, такъ какъ молодыя деревца на морозѣ теряютъ свою гибкость и негодны для настораживанія. Каждый промышленникъ ставитъ эти снасти сотнями, иногда до 500—600 штукъ, при чемъ въ постановкѣ ихъ обыкновенно участвуетъ вся семья, и старъ и малъ.

Зырянская давушка для глухарей.

Наконецъ, глухарей ловятъ въ лисьи капканы, но это уже совершенно случайный способъ добыванія этихъ птицъ.

Переходя теперь къ обсужденію промысловаго значенія глухаря, совершенно умѣстно коснуться вѣса глухарей. Какъ извѣстно, охотники весьма упорно дѣлятъ глухарей на двѣ породы: крупную и мелкую, такъ наз. раменнаго и шахроваго. По ихъ словамъ, старые самцы крупной породы достигаютъ 20—30 фунтовъ вѣса, тогда какъ старые самцы мелкой породы вѣсятъ 10—15 фунтовъ. Однако безъ всякаго сомнѣнія въ этомъ заключается и ошибка и преувеличеніе. Начать съ того, что двухъ породъ глухаря не существуетъ. Глухарь, какъ всякая долго живущая птица, конечно будетъ тѣмъ больше и тяжелѣе, чѣмъ дольше онъ живетъ и чѣмъ спокойнѣе протекаетъ его жизнь. Поэтому, на сѣверѣ и вообще въ мѣстахъ глухихъ описываемая птица бываетъ и больше и тяжелѣе, нежели близъ населенныхъ центровъ, гдѣ ее выбиваютъ, и гдѣ она не успѣваетъ достигнуть полнаго развитія. Но тѣмъ не менѣе я положительно не могу допустить, чтобы вѣсъ самаго большого глухаря превышалъ 17—18 фунтовъ, да и это исключеніе; въ 15—16 бываютъ, хотя тоже рѣдко, обыкновен-

ный же вѣсъ стараго глухаря 10—12 фунтовъ, и молодого 7—8. Что касается глухарки, то ея вѣсъ рѣдко превышаетъ 5—6 фунтовъ.

Во всякомъ случаѣ глухарь одна изъ самыхъ крупныхъ охотничьихъ птицъ и все-таки его значеніе какъ предмета промысла очень невелико по сравненію не только съ рябчикомъ и тетеревомъ-косачемъ, но даже съ бѣлой и сѣрой куропаткой. Вообще говоря, глухаря добывается разъ въ десять менѣе, нежели обыкновеннаго тетерева, и изъ этого количества значительная часть потребляется самими промышленниками, а не поступаетъ въ продажу. Цѣна глухарю на мѣстѣ отъ 60 к. до 1 р., глухарки 40—50 к., молодымъ 50—60 к. за пару. Въ городахъ глухарь цѣнится немного что дороже обыкновеннаго тетерева, но спросъ на него неизмѣримо меньше, т. к. мясо его грубѣе или, по крайней мѣрѣ, требуетъ болѣе сложнаго приготовленія, нежели мясо обыкновеннаго тетерева и бѣлой куропатки, чтобы сравняться съ ними во вкусѣ и нѣжности.

Однако, по трудности охоты глухарь завидная дичь, и потому добавимъ уже сказанное о немъ описаніемъ опытовъ съ его прирученіемъ, такъ какъ очень возможно, что, намъ, подобно англичанамъ, придется, выбивши глухаря, снова заняться его разведеніемъ.

Что касается прирученія взрослыхъ глухарей, то за это не стоитъ браться, такъ какъ они не выносятъ неволи и обыкновенно въ теченіе года погибаютъ, находясь даже въ наилучшихъ условіяхъ. Но если брать глухариныя яйца и подкладывать ихъ подъ домашнихъ птицъ (курица, индѣйка) или, что еще лучше, добыть только что выведшихся глухарятъ, въ такомъ случаѣ ихъ можно вырастить. Надо только, во-1-хъ, первыя недѣли держать птенцовъ на муравьиныхъ яйцахъ и насѣкомыхъ, во-2-хъ, слѣдить, чтобы они не съѣли чего-нибудь для нихъ вреднаго и вообще не объѣлись. Хватову удалось такимъ образомъ воспитать глухарятъ, и въ мартѣ ближайшаго года самцы уже начали токовать. Въ концѣ апрѣля глухарки устроили въ отведенномъ имъ сараѣ гнѣзда, вырывъ въ землѣ ямки и натаскавъ въ нихъ перьевъ, моху и сухой травы, нанесли яицъ (неслись черезъ день) и вывели одна 8, другая 6 цыплятъ.

Послѣдніе, какъ и матки, совершенно не боялись человѣка, и воспитаніе ихъ при матеряхъ не составляло никакого затрудненія. Сначала они также содержались исключительно на животномъ кормѣ, а потомъ, когда начали поспѣвать ягоды, кормъ ихъ сталъ разнообразнѣе, и они быстро поднялись на крылья. Пользуясь полной свободой, они только на ночь возвращались въ отведенный имъ сарай. Самецъ токовалъ все лѣто, былъ очень золъ и никого не пускалъ на огородъ, гдѣ жилъ.

Къ сожалѣнію, одна глухарка и глухарята отъ какой-то болѣзни погибли въ іюлѣ, и опыты съ ихъ прирученіемъ должны были прекратиться. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно сомнѣваться, что эти опыты могутъ увѣнчаться успѣхомъ, и что глухаря можно сдѣлать если не вполнѣ домашней птицей, то птицей парковъ и даже не особенно большихъ, но хорошо охраняемыхъ лѣсовъ.

77. Куропатка бѣлая.

Lagopus albus, Gm.

Табл. 81.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I. стр. 512.
Болѣе распростр. названія: *бѣлая куропатка.*

Мѣстныя названія: *куропать*, во множ. *куропти* (у поморовъ); ♂—*барабанщикъ, питунъ*, ♀—*курочка* (Петербург. губ.); *куропатка, куропашка* (Пермск. губ.); *бѣлый тетеревъ* (въ Сибири).

Польск.—*pardwa*.—Фин.—*metsäkana, riekko*.—Лапл.—*reusak, riefsak* или *rievsak*.—Эстон.—*raba-kana, soo-kana*, также *tudo-kana*.—Латыш.—*baltais rubbens, sneedse, swihre*.—Лоп.—*röp*. (на Имандрѣ).

Татар. — *агунь*. — Якут. — *хабаирхань, кавіеканъ, киколеканъ, непрае*. — Вогул. — *ани*. — Остяц. — *тоні, туні*. — Самоѣд. — *хонден*.—Монг.—*цаганъ-хоро*.—Бурят.—*куду*.—Тунг.—*хелеки* (на Енисеѣ), *елакъ* (Байкал.).

Бѣлая куропатка имѣетъ довольно большое промысловое значеніе, но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія объ ея образѣ жизни у насъ очень скудны, что объясняется тѣмъ, что тогда какъ промысловыми способами ее добываютъ въ большомъ количествѣ, охотятся за ней мало. Кореннымъ мѣстопребываніемъ этой птицы надо считать моховое болото, поросшее кустиками ивняка, тощими березками, сосенками, елочками и т. д., однимъ словомъ отнюдь не совершенно открытое болото, и еще менѣе альпійскую область. Бѣлая куропатка—птица низменностей, замѣняемая въ горахъ слѣдующимъ видомъ, и постоянство ея мѣстонахожденій такъ велико, что они мало чѣмъ разнятся на крайнемъ сѣверѣ и югѣ ея области распространенія.

Вообще говоря, бѣлая куропатка принадлежитъ сѣверной половинѣ Россіи, но въ западной части страны она спускается къ югу до 56° с. ш. и въ юго-восточной даже до 51° с. ш. На сѣверѣ она найдена на о. Колгуевѣ, но, повидимому, не встрѣчается ни на Вайгачѣ, ни на Новой Землѣ и очень рѣдка въ береговой зонѣ Ледовитаго океана. Что касается южной границы распространенія описываемой птицы, то я приведу то, что писалъ объ этомъ ранѣе, такъ какъ никакихъ позднѣйшихъ свѣдѣній, которыя измѣняли бы начерченную мною границу, не имѣется.

„Въ западной части Россіи, по Тизенгаузу, юго-западная граница распространенія этой птицы полстолѣтія тому назадъ болѣе или менѣе точно опредѣлялась теченіемъ Нѣмана, но въ настоящее время куропатка далеко не доходитъ до теченія этой рѣки. Начинаясь въ Курляндіи, южная граница бѣлой куропатки переходитъ затѣмъ въ губ. Ковенскую, отрѣзывая ея сѣверную часть, захватываетъ большую часть губ. Виленской, сѣверный уголъ Минской, всю Витебскую и отсюда идетъ черезъ Смоленскую и Московскую, лишь слегка поднимаясь къ сѣверо-востоку. Въ Московской губ. бѣлая куропатка еще выводится въ Дмитровскомъ и Богородскомъ уѣздахъ. Далѣе на востокъ, описываемая птица еще встрѣчается въ Рязанской губ., гдѣ къ югу доходитъ до Спасскаго уѣзда, и, вѣроятно, держится въ небольшомъ числѣ въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ Тамбовской губ. Отсюда граница идетъ къ сѣверо-востоку черезъ Нижегородскую губ., но минуя Казанскую, въ Вятскую и Пермскую, постепенно поднимаясь къ 60°—61° на Уралѣ. Къ сѣверу отъ указанной границы бѣлая куропатка становится все болѣе и болѣе обыкновенной по мѣрѣ приближенія къ тундрѣ, гдѣ, наконецъ, встрѣчается въ очень большомъ количествѣ, исключая побережья Ледовитаго океана. Что касается Уральской области, то здѣсь распространеніе бѣлой куропатки представляется въ такомъ видѣ: въ сѣверной части восточной половины Пермской губ. она рѣдка вблизи хребта, по мѣрѣ удаленія отсюда въ болѣе низменныя мѣстности встрѣчается все въ большемъ и въ большемъ количествѣ. Въ равнинахъ Екатеринбургскаго, Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ бѣлая куропатка очень обыкновенна и составляетъ значительный предметъ промысла. Здѣсь она населяетъ не только всѣ кустарники прибрежьевъ рѣкъ и озеръ, но встрѣчается и въ самыхъ незначительныхъ ивнякахъ по всѣмъ низинамъ и болотцамъ, и часто замѣчается здѣсь рядомъ съ дрофой, тиркушкой, сусликомъ и другими настоящими обитателями степей. П. С. Назаровъ говоритъ слѣдующее о распространеніи бѣлой куропатки въ области верхняго теченія рѣки Урала.

„Распространеніе бѣлой куропатки совпадаетъ съ областью мелколѣсья, кромѣ Мугоджаръ. Въ восточной части области, по восточную сторону Ирендыка, а также по сосновымъ колкамъ по р. Суундукъ, по береговымъ колкамъ Губерлинскихъ горъ, по отрогамъ Ирендыка до Орска бѣлыя куропатки встрѣчаются часто. По р. Тоболу бѣлая куропатка спускается далеко на югъ; такъ, она гнѣздится неподалеку отъ оз. Айкэ (51° с. ш.). Въ указанныхъ мѣстахъ она населяетъ преимущественно береговыя рощицы, растущія на торфяникахъ, близъ ручьевъ и пр., иногда она довольствуется лишь мелкимъ березнякомъ и тальникомъ, но непремѣнно растущимъ по низменнымъ мѣстамъ. За южную границу распространенія бѣлой куропатки вполнѣ можно принять широту г. Орска. Можетъ быть прежде описываемая птица водилась и въ сѣверной части Мугоджаръ, но теперь ея здѣсь нѣтъ. Въ 1857 г. 12-го августа Н. А. Сѣверцовъ замѣтилъ выводокъ бѣлыхъ

куропатокъ на пескахъ у Илека, откуда онѣ перелетѣли въ кусты; молодой самецъ былъ добытъ (близъ устья Куралинскаго оврага). Хотя съ тѣхъ поръ бѣлыя куропатки значительно уменьшились въ числѣ, главнымъ образомъ благодаря вырубкѣ лѣсовъ, однако, по свидѣтельству Н. А. Заруднаго, и теперь сохранились кое-гдѣ по Уралу и Илеку. Въ долинѣ перваго Зарудный находилъ ихъ гнѣздящимися въ скалахъ около Каменно-Орской станицы и въ прибрежномъ лѣсу около Губерлинска. По Илеку куропатки попадаются еще рѣже; тотъ же наблюдатель находилъ выводки по Мечеткѣ между Буранной станицей и Изобильнымъ поселкомъ и у устья Кара-Бутака по болотистому урочищу съ ольховымъ лѣсомъ.

„Хотя бѣлая куропатка предпринимаетъ зимою лишь сравнительно небольшія странствованія, тѣмъ не менѣе она встрѣчается въ это время за предѣлами указанной гнѣздовой области, напр., въ губ. Казанской, Уфимской и др.“.

Какъ выше замѣчено, любимое мѣсто жительства бѣлой куропатки составляютъ или поросшія чахлыми деревцами тундры, или обширныя моховыя болота среди лѣсной площади, также поросшія кустиками и деревцами. Тамъ,[1] гдѣ бѣлыхъ куропатокъ много, онѣ держатся и по небольшимъ моховымъ болотамъ, даже такимъ, которыя окружены полями (наприм., въ Тверской губ.). Въ средней Россіи ихъ можно также найти въ горѣлыхъ хвойныхъ лѣсахъ и болотахъ, поросшихъ молодымъ кустарникомъ; въ юго-восточной части страны въ ивовыхъ и береговыхъ заросляхъ по теченію рѣкъ, окраинамъ болотъ и т. д. Зимою, во время кочевокъ, куропатки до нѣкоторой степени оставляютъ свои лѣтнія мѣстонахожденія и встрѣчаются вообще по открытымъ мѣстамъ, поросшимъ кустарникомъ.

Весною, приблизительно одновременно съ появленіемъ первыхъ вальдшнеповъ и недѣлю спустя послѣ начала тока тетеревовъ, начинаются тока и бѣлыхъ куропатокъ. Иногда эти птицы разбиваются на пары какъ только возвратятся послѣ зимнихъ кочевокъ на мѣста своего гнѣздовья (конецъ марта), и въ такомъ случаѣ токованіе ихъ самцовъ сводится просто къ любовной пѣснѣ. Но если токъ начинается до спариванья, въ такомъ случаѣ онъ проходитъ очень горячо и въ значительной степени напоминаетъ токованіе тетеревовъ. Обыкновенно нѣсколько самцовъ описываемой птицы размѣщаются въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга на поросшей кустиками полянкѣ и начинаютъ взапуски другъ передъ другомъ выкрикивать свою трель. Одни передаютъ ее звуками *гакъ, ка, ка, ка, а, а, а, а, гакъ, ка, ка, ка, а, а, а, а,* другіе какъ *бак-бак-барр, бак-баррр, барррр...* Во всякомъ случаѣ, выкрикиваемая рѣзкими голосами, она въ значительной степени имѣетъ право на сравненіе съ барабанной дробью. Эта трель выбивается птицей на одномъ мѣстѣ, но отъ времени до времени то тотъ, то другой самецъ взлетаетъ съ громкимъ крикомъ *эррракка, а, а, а* и затѣмъ опускается, выкрикивая *каваро, каваро, кавау, кавау,* или же начинаетъ бѣгать, вытянувъ шею и распустивъ хвостъ, и покрики-

вая *гао, гао*. Въ разгарѣ тока самцы съ ожесточеніемъ дерутся между собою.

Начинаютъ токовать бѣлыя куропатки, надѣвъ свой первый весенній нарядъ, т.-е. съ перелинявшими изъ бѣлаго въ ржаво-бурый головой и шеей, но затѣмъ, послѣ небольшого перерыва въ линькѣ, продолжается замѣна ржаво-бурыми бѣлыхъ перьевъ спины, верхнихъ кроющихъ крыла, надхвостья и т. д., и такъ какъ токованіе оканчивается послѣ половины мая, кончаютъ токовать бѣлыя куропатки въ очень темномъ нарядѣ. Самки посѣщаютъ тока въ срединѣ періода токованья, когда выбираютъ самцовъ, съ которыми спариваются; въ концѣ тока ихъ не бываетъ на токовищѣ, развѣ какая-нибудь запоздавшая, да и количество самцовъ здѣсь также уменьшается, такъ какъ каждый самецъ, выбравши себѣ дружку, первое время послѣ этого посѣщаетъ токовище, а потомъ перестаетъ.

Гнѣздо всегда помѣщается недалеко отъ токовища и представляетъ собою углубленіе въ почвѣ, прикрытое нависшими вѣточками сосѣдняго кустика и выстланное стебельками травъ. Въ началѣ или срединѣ мая въ немъ уже можно найти полную кладку, которая обыкновенно содержитъ отъ 10 до 12 яицъ; но въ видѣ исключенія въ кладкѣ бываетъ до 15 яицъ, какъ на это указываетъ Руссовъ для Прибалтійскаго края, 14 яицъ въ кладкѣ Пирсонъ нашелъ въ одномъ гнѣздѣ бѣлой куропатки на Колгуевѣ. Длина яицъ 1,75 д., поперечникъ—1,32 д., основная окраска блѣдно-оливковая, испещренная темно-красно-бурыми пятнами и точками. Самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, такъ что позволяетъ почти коснуться себя, взлетаетъ молча. Самецъ, покинувши токовище, держится тоже около гнѣзда, а потомъ, когда выведутся молодые, при выводкѣ обыкновенно встрѣчаютъ обоихъ родителей.

Птенцы родятся съ уже хорошо развитыми маховыми и потому могутъ перепархивать, будучи всего нѣсколькихъ дней отъ роду. Первое время они питаются исключительно животной пищей, которую находятъ въ изобиліи во мху; въ іюлѣ, когда поспѣетъ голубика и пьяница, кормятся ими и въ концѣ этого мѣсяца, кромѣ того морошкой. Въ августѣ выводки начинаютъ охотно посѣщать брусничники, а въ сентябрѣ, когда молодые сравняются со старыми, вмѣстѣ съ осенней линькой куропатки перебираются въ мѣста болѣе крѣпкія, въ кустарныя заросли, „лозняки“. Здѣсь онѣ держатся, пока перелиняютъ окончательно и пока выпадетъ снѣгъ.

Пока птенцы малы, самецъ и самка зорко оберегаютъ ихъ отъ опасности. Обыкновенно первымъ отъ выводка съ крикомъ поднимается самецъ и старается отвести за собою врага, а уже за нимъ молча взлетаетъ самка. Въ началѣ іюля птенчики еще малы, но могутъ летать быстро и далеко. Найденный въ кустахъ выводокъ поднимается вдругъ съ рѣзкимъ шумомъ, летитъ далеко, а когда спустится, птенцы еще пробѣгаютъ нѣкоторое разстояніе, прежде чѣмъ спрячутся, и потому найти ихъ здѣсь очень трудно. По минованіи опасности матка

первая начинаетъ скликать дѣтей; если же молодые лишились родителей, въ такомъ случаѣ они обыкновенно пристаютъ къ другому выводку.

Съ выпаденіемъ снѣга и окончаніемъ осенней линьки бѣлыя куропатки стадятся и начинаютъ странствовать, улетая иногда за много верстъ отъ ихъ гнѣздовой области. Но въ мартѣ онѣ возвращаются къ своимъ роднымъ мѣстамъ и начинаютъ новый годичный циклъ своей жизни.

Что касается охоты, то настоящіе охотники стрѣляютъ бѣлыхъ куропатокъ лѣтомъ изъ-подъ собаки, когда выводки уже взматерѣютъ, и зимою—разыскивая по слѣду, особенно по порошѣ. Хотя куропатки летаютъ очень быстро, однако подпускаютъ на такое близкое разстояніе, что стрѣлять ихъ не составляетъ труда, и даже промышленники лѣтомъ много бьютъ этихъ птицъ изъ ружья, при помощи, казалось бы, самыхъ неподходящихъ собакъ, каковы дворняжки и гончія.

Зимняя охота съ ружьемъ коротко, но вѣрно описана г. Сысоевымъ, почему я и приведу его подлинныя слова. „Пока снѣгъ еще мелокъ,—говоритъ онъ,—куропатки придерживаются кочковатыхъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ болотъ, гдѣ растетъ брусника, черника и клюква. Съ ягодами куропаткѣ приходится разставаться, но за то высокіе стебли черничника доставляютъ ей обильный кормъ до глубокаго снѣга; жесткими полувершковыми палочками этого растенія она безъ церемоніи набиваетъ полный зобъ. Когда же снѣгъ настолько скроетъ черничникъ, что до него птицѣ не добраться, куропатки сдаются на опушки лѣса и въ сѣчи, заросшія молодымъ осинникомъ. Выбирая мѣста, гдѣ изъ сугробовъ торчатъ только маковки деревцовъ, куропатка легко ощипываетъ съ нихъ почки, которыми почти исключительно и питается до весны. Такія кормныя для куропатокъ мѣста бываютъ покрыты цѣлою сѣтью ихъ узорчатыхъ слѣдовъ. Тутъ же въ сугробахъ онѣ дѣлаютъ ямки для ночлега, оставляя въ нихъ по утрамъ всегда кучу помета. По этимъ слѣдамъ и ямкамъ очень легко отыскать пару или всю стаю; особенно хорошо охотиться по свѣжей порошѣ. Собака, конечно, не берется, и охотникъ ходитъ на лыжахъ... Куропатки подпускаютъ близко, летятъ прямо и тяжело, и стрѣльба ихъ очень легка; спугнутыя пересаживаются недалеко и опять подпускаютъ на выстрѣлъ. Только, найдя слѣды, надо быть всегда на-готовѣ и не теряться отъ неожиданности, когда зарывшаяся въ сугробѣ куропатка взорвется изъ-подъ самыхъ ногъ; а зарывается она мастерски и нѣсколько саженъ можетъ пройти подъ снѣгомъ, такъ что раненую легко потерять даже на небольшомъ пространствѣ... Хотя куропатка подпускаетъ близко, но у нея есть одна уловка, часто спасающая ее отъ выстрѣла и значительно затрудняющая охоту: если поблизости преслѣдуемой охотникомъ птицы есть елочка или другое густое растеніе, она бѣжитъ къ нему, прячется у корня и, подпустивъ человѣка вплоть до себя, поднимается всегда сзади дерева и летитъ низко, такъ что неопытный стрѣлокъ даже не увидитъ птицу, а только услышитъ шумъ крыльевъ. Зная же такую уловку, выслѣдя куропатку

до самаго прикрытія, стоитъ только забѣжать въ сторону или выскочить за дерево—и бить будетъ удобно... Такая охота, начиная съ первыхъ порошъ, продолжается до наста, т.-е. марта мѣсяца. Для стрѣльбы слѣдуетъ употреблять дробь не мельче четвертаго номера, потому что бѣлая куропатка—крѣпкая птица, съ толстыми костями и въ плотномъ опереньи. Питаясь такой грубой пищей, какъ вѣтки черничника и осиновыя почки, она не отличается вкусомъ мяса: оно у нея синее и жесткое. Хотя бѣлая куропатка и не представляетъ цѣнной добычи для охотника, но возможность стрѣльбы въ такое скучное время, какъ декабрь, январь и февраль, дѣлаетъ охоту на нее довольно интересною".

Собственно промысловая охота за бѣлыми куропатками состоитъ весною изъ охоты на манку и осенью—на узерку, когда побѣлѣвшую послѣ линьки птицу легко замѣтить уже издали на темномъ фонѣ ветоши. На манку самцы описываемой птицы идутъ очень охотно, да и подражать голосу самки, которая кричитъ похожее на *іау, ііау,* дѣло не трудное. Затѣмъ, въ началѣ зимы бѣлыхъ куропатокъ кроютъ шатрами и ловятъ поножами и очипками, устанавливаемыми совершенно такъ же, какъ ихъ устанавливаютъ на тетеревовъ и рябчиковъ, но только въ другихъ мѣстахъ. Наименѣе распространенная ловля — крыть шатрами, такъ какъ она беретъ много времени, чтобы подготовить шатеръ и пріучить къ нему птицъ, хотя, съ другой стороны, она даетъ наибольшую добычу и наилучшую по качеству.

Въ продажѣ бѣлая куропатка довольно распространена, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и сѣрая, и во всякомъ случаѣ имѣетъ большее промысловое значеніе, нежели глухарь, такъ какъ мясо ея вкуснѣе и къ тому же легко сохраняется. Охотники-промышленники продаютъ ее на мѣстѣ давленную по 5—7 к. за пару, стрѣлянную по 20—30 к.; въ Москвѣ цѣна вкругъ стоитъ вдвое, втрое выше, смотря по времени года и качеству дичи. Особенно цѣнятся молодые, стрѣлянные въ концѣ іюля и августѣ, и такъ какъ, найдя выводокъ, перебить его весь начисто не составляетъ труда, лѣтней охотой и объясняется, что бѣлыя куропатки болѣе или менѣе выбиты въ окрестностяхъ большихъ городовъ (Москва, Ярославль и т. д.).

---

78. Куропатка тундряная.

Lagopus mutus, Mont.

Табл. 82, 83.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 518.

Болѣе распростр. названія: *тундряная, горная* или *альпійская куропатка.*

Мѣстныя названія: *тундряная куропатка* (у поморовъ).

Лопар.— *keram-röр* (на Имандрѣ).— Финс. — *kiiruna.*— Лапл. — *giron, kirun, keron, geron.*

Въ Сибири инородч. названія этой птицы общія съ предыдущей (конечно, тамъ, гдѣ онѣ сходятся).

Тундряная куропатка распространена у насъ далеко не такъ широко, какъ ея родственница, такъ какъ она водится только въ Лапландіи, на Новой Землѣ и въ сѣверномъ Уралѣ. Въ Лапландіи она принадлежитъ безлѣсному, тундряному побережью Ледовитаго океана и вершинамъ всѣхъ горъ внутри страны, къ югу до 67° с. ш., которыя поднимаются за предѣлы кустарной растительности. На Уралѣ тундряная куропатка прослѣжена Гофманомъ отъ 66° до 61° с. ш. Сабанѣеву была доставлена съ Конжаковскаго камня, но, по его словамъ, можетъ быть водится также на Павдинскомъ, Сухогорскомъ и Магдалинскомъ камняхъ, равно какъ по каменистымъ вершинамъ нѣкоторыхъ горъ Каслинскаго и Уфалейскаго Урала.

Любимое мѣсто жительства описываемой птицы составляютъ каменистыя розсыпи съ растущими на нихъ тощими мхами и лишаями, гдѣ она находитъ себѣ лѣтомъ не только обильный кормъ, но и надежную защиту при своей пестрой окраскѣ. Когда же выпадаетъ снѣгъ, тундряная куропатка, становясь послѣ осенней линьки бѣлой, какъ ея ближайшая родственница, является даже еще болѣе скрытой отъ зоркаго глаза орла и кречета, нежели лѣтомъ. Такъ какъ птица отлично знаетъ это, то ея обычный пріемъ, чтобы укрыться отъ нападенія, состоитъ въ томъ, что она какъ можно плотнѣе прилегаетъ къ землѣ. Но вспугнутая, она летитъ очень быстро, хотя и на короткомъ разстояніи, и такимъ образомъ можетъ избѣжать нападенія большинства

своихъ враговъ. Пищу тундряной куропатки составляютъ исключительно растительныя вещества, особенно нѣжные побѣги альпійскихъ растеній, ягоды вороницы и т. д. Подобно бѣлой куропаткѣ и тундряная живетъ парами, при чемъ весною самцы точно такъ же токуютъ и дерутся изъ-за самокъ. Но голосъ тундряной куропатки не такъ громокъ, какъ у бѣлой, и нѣкоторые сравниваютъ крики этой птицы съ глухимъ кваканьемъ лягушки. Брачный періодъ въ жизни описываемой птицы начинается раньше или позднѣе, смотря по широтѣ того мѣста, гдѣ эта птица гнѣздится. Въ Лапландіи кладка яицъ начинается не раньше конца мая, иногда даже въ началѣ іюня, и нормально выводъ птенцовъ долженъ падать здѣсь на начало іюля. Но иногда яйца находятъ даже въ концѣ іюля, и въ такомъ случаѣ цыплята едва успѣваютъ вырасти до наступленія холодовъ. Гнѣздо представляетъ собою небольшое углубленіе въ почвѣ, устланное стебельками травъ, мохомъ и иногда небольшимъ количествомъ перьевъ. Обыкновенно кладка содержитъ 8—10 яицъ, но иногда ихъ бываетъ даже 12. По величинѣ онѣ могутъ даже превышать яйца бѣлой куропатки, хотя часто бываютъ и меньше. Основной цвѣтъ ихъ измѣняется отъ грязно-бѣлаго до буровато-охристаго, но этотъ фонъ обыкновенно покрытъ крупными и мелкими ярко-шоколадно-бурыми пестринами. Самка сидитъ на яйцахъ не особенно крѣпко, но очень привязана къ дѣтямъ и обыкновенно беретъ на себя отводить отъ нихъ угрожающую опасность. Впрочемъ, залегшій на каменистой розсыпи выводокъ можетъ быть замѣченъ только случайно, такъ хорошо укрываетъ ихъ покровительственная окраска. Когда молодые вырастутъ и перелиняютъ, тундряныя куропатки соединяются въ довольно большія стада, которыя въ поискахъ за кормомъ предпринимаютъ весьма отдаленныя странствованія.

Промысловое значеніе тундряной куропатки ничтожно.

---

79. Перепелъ.

Coturnix communis, Bonnat.

Табл. 84.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 522.

Болѣе распростр. названія: *перепелъ, перепелка.*

Мѣстныя названія: *подполюшка* (на прав. бер. Камы, звукоподражательно); *перепелица* (малоросс.).

Польс.—*przepiórka.*— Фин.— *viiriäinen.*— Эстон.— *puts pasaras.* Латыш.—*paipala, wakkis.*

Каз. тат.—*бюдбюлдюкъ.*—Башк., мещер., кирг.—*бюдэнэ.*—Хив.—*булдучинъ.*—Бухар.—*сэпэмнатъ.*—Кыштым.—*будурчинъ.*

Мордов.—*юра, кочкодокъ.*—Перм. и зыр.—*кватка́нъ.*—Черем.—*везе.*—Чуваш. и вотяц.—*пуденэ.*—Остяц. на Кетѣ—*кавіа,* на Сургутѣ—*лычъ,* на Нарымѣ—*колеё́ль-тетофанъ.*

Армян.—*чилъ.*—Калмыц.—*бё́денэ.*—Монг.—*бё́дена́.*

Перепелъ играетъ у насъ очень большую роль въ качествѣ промысловой птицы, но не столько въ истинномъ смыслѣ этого слова, сколько въ переносномъ, не столько за свое мясо, сколько за свой голосъ. Въ южной Россіи еще за нимъ охотятся болѣе или менѣе исключительно какъ за съѣдобной птицей, но въ средней Россіи среди охотниковъ, преслѣдующихъ перепела, рѣшительный перевѣсъ берутъ „перепелятники", находящіе въ „боѣ" перепеловъ такое же наслажденіе, какое другіе любители находятъ въ соловьиномъ пѣніи.

Распространеніе перепела теперь очень велико. Въ Финляндіи онъ поднимается къ сѣверу до 65° с. ш., хотя встрѣчается не вездѣ, но въ качествѣ залетной птицы былъ замѣченъ даже въ области Торнео. Въ области Бѣлаго моря перепелъ встрѣчается подъ Онегой и подъ Архангельскомъ, но сюда онъ вѣроятно проникъ сравнительно недавно, напр., лѣтъ 25—30 тому назадъ, такъ какъ въ 60-хъ годахъ его еще плохо знали около Онежскаго озера. Отъ Бѣлаго моря къ Уралу граница распространенія перепела быстро понижается и на Уралѣ достигаетъ приблизительно 60° с. ш. Къ югу отъ указанной границы перепелъ можетъ считаться повсемѣстно распространеннымъ тамъ, гдѣ есть обработанныя поля, луга и степи, но, повидимому, даже въ чер-

поземной полосѣ, гдѣ, казалось бы, всѣ условія благопріятствуютъ жизни этой птицы, есть нѣчто, мѣшающее ей размножаться здѣсь въ такой степени, какъ прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ перепелъ измѣняетъ здѣсь и своимъ кореннымъ мѣстонахожденіямъ, какъ объ этомъ, наприм., сообщаетъ для Харьковской губ. г. Дублянскій, который пишетъ слѣдующее: „Въ послѣднее десятилѣтіе у насъ наблюдается рѣзкое измѣненіе коренныхъ привычекъ въ образѣ жизни перепеловъ. Подъ вліяніемъ энергичнаго преслѣдованія ихъ нашими многочисленными охотниками и хищными птицами или по другимъ причинамъ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе они, оставляя свои обычные притоны, поля, луга и бурьяны, скрываются въ кустарникахъ, срубахъ, заросляхъ, тернахъ, по преимуществу въ балкахъ и байракахъ или около нихъ, и нерѣдко забиваются въ такую лѣсную чащу, куда не залѣзетъ и куропатка". Я не думаю, чтобы прямое преслѣдованіе со стороны тѣхъ или другихъ его враговъ такъ вліяло на перепела; скорѣе причина лежитъ въ хозяйственномъ строѣ страны, въ измѣненіи способовъ веденія полевого хозяйства и т. п., но фактъ остается фактомъ. Едва ли можно также сомнѣваться въ томъ, что съ этимъ измѣненіемъ въ привычкахъ птицы стоитъ въ связи и ея распространеніе на сѣверъ; какъ бы то ни было, если перепелъ за послѣднія 30—25 лѣтъ занялъ болѣе обширную площадь, онъ зато сталъ вездѣ гораздо рѣже. За исключеніемъ Закавказья, гдѣ перепелъ зимуетъ въ небольшомъ количествѣ, онъ у насъ вездѣ является перелетной птицей. Въ вертикальномъ распространеніи на Кавказѣ перепелъ идетъ до 8000′ н. у. м.

Начиная описаніе образа жизни этой птицы, мы прежде всего видимъ, что перепелъ сравнительно поздно прилетаетъ на родину. Въ Крыму онъ обыкновенно является послѣ десятаго апрѣля и лишь въ видѣ исключенія въ послѣднихъ числахъ марта. Точно такъ же въ началѣ апрѣля появляются перепела въ Ставропольской губ. и на западномъ побережьи Каспійскаго моря, однако зимующія въ Закавказьѣ особи могутъ попадать на сѣверный берегъ Каспія и ранѣе. Въ Харьковской губ. прилетъ перепеловъ происходитъ около середины апрѣля и тянется до конца второй трети этого мѣсяца; но что касается одиночныхъ особей, то Н. Н. Сомовъ совершенно справедливо заключаетъ, на основаніи своихъ наблюденій, что онѣ появляются здѣсь болѣе или менѣе нормально въ первой половинѣ апрѣля. Подъ Оренбургомъ прилетъ начинается въ послѣдней трети апрѣля, а нѣсколькими днями позднѣе, т.-е. въ концѣ этого мѣсяца, перепелъ появляется въ области слитія Волги и Камы, хотя собственно прилетъ происходитъ здѣсь въ началѣ мая. Въ центральную Россію и Польшу перепела прилетаютъ во второй половинѣ апрѣля. Въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Петербургской губ., гдѣ перепелъ очень рѣдокъ, онъ появляется только въ началѣ мая. Наконецъ, въ области Бѣлаго моря перепелъ едва ли прилетаетъ ранѣе половины мая.

Перепела прилетаютъ ночью и первое время по возвращеніи на родину держатся на сухихъ лугахъ, въ озимыхъ поляхъ, по жнивью

и даже въ лѣсныхъ кустарникахъ, опушкахъ и срубахъ. Не находя себѣ въ своихъ любимыхъ угодьяхъ достаточной защиты, т.-е. не имѣя хорошаго прикрытія, перепелъ сначала молчаливъ, почему найти его и узнать о его прилетѣ можно только случайно; но спустя нѣсколько дней послѣ прилета, то тамъ, то сямъ по утреннимъ зарямъ уже можно услышать перепелиный бой, а вмѣстѣ съ тепломъ и развитіемъ растительности перепела начинаютъ бить и по вечерамъ, и днемъ. Перепелъ исключительно наземная и преимущественно ночная птица. Бѣгаетъ онъ легко и быстро, и подобно другимъ куринымъ любитъ копаться въ землѣ, то разбрасывая и разгребая ее ножками, то усѣвшись въ ямкѣ и возясь тамъ, какъ это дѣлаютъ куры, куропатки и т. д.

Летаетъ перепелъ очень быстро, часто махая крыльями, но передъ тѣмъ какъ сѣсть нерѣдко пролетаетъ нѣкоторое разстояніе, совершенно не шевеля ими. Вспугнутый—летитъ низко надъ землей и скоро опять опускается въ траву. Но на пролетѣ летитъ, кажется, очень высоко, по крайней мѣрѣ, насколько объ этомъ можно судить по голосу летящихъ птицъ. Степь и затѣмъ хлѣбныя поля, особенно просяныя, составляютъ любимое мѣстопребываніе перепела. Здѣсь онъ кормится преимущественно сѣменами травъ и хлѣбными зернами, но пока все это еще не вызрѣло, птица держится на животномъ кормѣ, т.-е. питается насѣкомыми. Днемъ перепелъ не выходитъ на открытыя мѣста и въ жаркое время подолгу лежитъ, развалившись въ выкопанной имъ ямкѣ; но какъ только наступаетъ вечеръ, перепелъ оживляется и проводитъ въ движеніи всю ночь, до самаго утра.

Какъ только трава или зеленя поднимутся настолько, что скроютъ перепела, а вмѣстѣ съ тѣмъ установится и теплая весенняя погода, для описываемой птицы наступаетъ такое же горячее время, какое представляетъ собою для тетеревовъ періодъ тока. Перепелъ полигамъ, какъ и тетеревъ, и всѣ разсужденія о томъ, будто эти птицы разбиваются на пары, основаны на одномъ недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что даже тѣ, кто отстаиваетъ этотъ взглядъ, признаютъ, что самцы перепела никогда не встрѣчаются при выводкѣ, и въ сущности этимъ все сказано, такъ какъ если самецъ не бываетъ при выводкѣ, то нѣтъ и настоящихъ паръ. Конечно это вовсе не исключаетъ возможности встрѣчать перепеловъ парами, когда самка съ выбраннымъ ею самцомъ держится въ теченіе дня гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, пока наступитъ вечеръ, а съ нимъ вмѣстѣ и время, когда пары расходятся. Тогда покинутые самцы опять начинаютъ щеголять другъ передъ другомъ и передъ самками своимъ „боемъ“, опять увлекаютъ имъ самокъ и вмѣстѣ съ восходомъ солнца опять уходятъ съ своими дружками на цѣлый день въ сосѣднія поля. Какъ токованье тетеревовъ есть призывъ самцовъ къ самкамъ и выраженіе страсти, такъ и бой перепеловъ; но тетерева токуютъ на опредѣленномъ мѣстѣ, а перепела кричатъ гдѣ попало.

Крикъ перепела состоитъ изъ двухъ колѣнъ: сначала птица хрипло „вавачетъ“ или „мамачетъ“, то-есть кричитъ вродѣ *ва-ввá*,

ва-вва́, нормально не болѣе трехъ разъ, а потомъ слѣдуетъ собственно „бой“, который можно передать звукоподражательно словами *подьполоть,* или еще точнѣе звуками *фить-пиль-вить.* Это колѣно птица издаетъ голосомъ чистымъ, громкимъ и повторяетъ отъ четырехъ до десяти разъ. При ваваканіи птица присѣдаетъ, надувая зобъ; при первомъ ударѣ приподымается, при второмъ стоитъ совершенно прямо, поднявши голову, при третьемъ отклоняется нѣсколько назадъ, при четвертомъ или позднѣе можетъ даже упасть на спину. Самка отвѣчаетъ на этотъ призывъ тихимъ двусложнымъ крикомъ и какъ только самцы заслышатъ его, стремглавъ бросаются къ ней. Тѣ, которые были поближе, бѣгутъ, дальніе перелетаютъ и, столкнувшись другъ съ другомъ у самки, иногда даже начинаютъ драться между собою. Впрочемъ, чаще все вниманіе самцовъ сосредоточивается исключительно на самкѣ, а когда послѣдняя, утомленная ихъ ласками, спасается наконецъ отъ нихъ бѣгствомъ, они снова пускаются на ея розыски и тогда бой ихъ раздается съ особенной горячностью.

Какъ извѣстно, бой перепеловъ продолжается большую часть лѣта, хотя въ средней Россіи въ іюлѣ этихъ птицъ можно слышать только изрѣдка. Такая продолжительность времени боя уже сама по себѣ указываетъ на продолжительность гнѣздового періода, и прямыя наблюденія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что птенцы перепелятъ выводятся въ теченіе всего лѣта. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что перепела повсемѣстно нормально выводятся два раза въ лѣто. Это приложимо только къ южной Россіи, гдѣ первые птенцы обыкновенно бываютъ находимы въ послѣдней трети мая и вторые не ранѣе второй трети іюля. Въ средней же Россіи нужны исключительно благопріятныя условія, чтобы перепелята успѣли вывести сь въ концѣ мая: обыкновенно это происходитъ здѣсь въ концѣ іюня, даже въ іюлѣ, и на вторичный выводъ дѣтей времени не остается. Однако, говоря такимъ образомъ, я вовсе не отрицаю, что нѣкоторыя перепелки успѣваютъ вывести дѣтей два раза въ лѣто и въ средней Россіи; только я думаю, что большинство запоздавшихъ выводковъ принадлежитъ тѣмъ самкамъ, которыя почему-либо утратили яйца первой кладки или первыхъ птенцовъ. Позднихъ перепелятъ встрѣчаютъ въ средней полосѣ не только въ августѣ, но даже въ сентябрѣ. М. Н. Богдановъ въ свое время привелъ даже совершенно исключительные случаи нахожденія не оперившихся перепелятъ до 22-го сентября. Распространяться о судьбѣ этихъ позднихъ выводковъ конечно много не приходится—все зависитъ отъ погоды. Если конецъ лѣта и начало осени сухіе, перепелята при обильномъ кормѣ могутъ достаточно окрѣпнуть, чтобы по крайней мѣрѣ откочевать къ югу и уже тамъ набраться силы для отлета. Если же пойдутъ дожди и рано ударятъ утренники, въ такомъ случаѣ всѣмъ имъ грозитъ гибель, весь вопросъ только во времени.

Возвращаясь теперь къ описанію брачнаго періода въ жизни перепелокъ, мы прежде всего должны сказать, что въ степной полосѣ

онѣ устраиваютъ свои гнѣзда предпочтительно на лугахъ и по суходоламъ, равно какъ и въ самой степи, въ средней Россіи—въ хлѣбахъ. Гнѣздо представляетъ собою неглубокую ямку, то едва выстланную травками, то густо выстланную ими, при чемъ отдѣльныя травки не просто накладываются другъ на друга, а нѣсколько переплетаются между собою; иногда внутренность гнѣзда выстилается даже собственными перышками птицы. Размѣры гнѣзда относительно величины птицы довольно велики, но это объясняется количествомъ яицъ, которыхъ бываетъ отъ 8 до 20. Наичаще встрѣчающееся количество яицъ въ кладкѣ 12—16. Форма яицъ грушевидная, поверхность маслянисто-блестящая. Основной цвѣтъ измѣняется отъ известково-бѣлаго до глинисто-буроватаго, или даже желтовато-оливковаго; по немъ разбросаны оливково-бурыя и черно-бурыя пестрины, иногда рѣдко, иногда такъ густо, что почти сливаются; или черно-бурыхъ пестринъ совсѣмъ нѣтъ, и онѣ замѣнены мраморнымъ глинисто-желтымъ рисункомъ, или, наконецъ, поверхность покрыта вмѣсто крупныхъ пестринъ множествомъ точекъ. Длина яицъ 1,1—1,2 д., поперечникъ 0,82—0,92 д.

Самка сидитъ на яйцахъ около трехъ недѣль, послѣ чего изъ яицъ выклевываются перепелята съ пеньками на крыльяхъ, изъ которыхъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней развиваются перышки. Вмѣстѣ съ тѣмъ перепелята получаютъ возможность перепархивать, почему ихъ и называютъ „поршками". Въ случаѣ если матка погибаетъ, перепелята или пристаютъ къ одному выводку, или разбиваются по нѣсколькимъ, почему вовсе не рѣдки случаи, когда при маткѣ находятся дѣти разнаго возраста. Первое время по выводѣ перепелята держатся около гнѣзда, но чѣмъ больше они становятся, тѣмъ дальше они отбѣгаютъ отъ него. Сначала мать кормитъ ихъ насѣкомыми, которыхъ ловитъ тутъ же, гдѣ держится выводокъ, затѣмъ мало-по-малу переводитъ на растительный кормъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ степной полосѣ переселяется съ дѣтьми въ хлѣбныя поля, въ средней Россіи просто начинаетъ кочевать по хлѣбнымъ полямъ. На обильномъ кормѣ перепелята вырастаютъ и отъѣдаются очень быстро; что же касается старыхъ перепеловъ, то къ концу лѣта они бываютъ чрезвычайно жирны, такъ что даже взлетаютъ неохотно и только въ случаѣ крайней необходимости. По мѣрѣ того какъ хлѣбъ косятъ и жнутъ, перепела отступаютъ въ уцѣлѣвшіе участки, потомъ забираются подъ снопы, копны, и здѣсь лежатъ очень крѣпко. Когда хлѣбъ свезутъ съ полей, перепела кормятся по жнивамъ, особенно на такихъ десятинахъ, которыя начинаютъ скоро зеленѣть, и въ этихъ перекочевкахъ изъ-за корма для нихъ проходитъ все время до отлета.

Относительно времени отлета перепеловъ надо имѣть въ виду, что изъ средней и, конечно, изъ сѣверной Россіи эти птицы откочевываютъ постепенно, начиная съ августа. Собственно осенній пролетъ длится въ средней Россіи съ конца августа до конца сентября и только въ видѣ исключенія перепела можно встрѣтить здѣсь въ октябрѣ. Въ

южной Россіи время осенняго пролета весьма различно въ разныхъ мѣстахъ. По словамъ Н. Н. Сомова, въ Харьковской губ. число перепеловъ начинаетъ рѣдѣть иногда уже съ конца августа, но настоящій отлетъ происходитъ постепенно съ начала сентября. Собственно пролетные, которые держатся отдѣльно отъ мѣстныхъ, замѣчаются уже съ начала августа, но они рѣдко появляются въ большомъ количествѣ. Тянется пролетъ до конца сентября; затѣмъ на пролетѣ эти птицы попадаются уже въ незначительномъ числѣ, и въ половинѣ октября пролетъ оканчивается. Въ Ставропольской губ., по наблюденіямъ Н. Я. Динника, пролетъ начинается въ концѣ августа и болѣе или менѣе заканчивается къ половинѣ сентября, такъ что послѣ этого остаются только одиночныя особи, которыя встрѣчаются до половины октября. Въ степной части Крыма отлетъ начинается съ 10-го августа, въ южной части полуострова нѣсколько позднѣе, около 15, и оканчивается около 20 сентября. Гораздо позднѣе происходитъ пролетъ перепеловъ въ юго-восточной части страны. Подъ Оренбургомъ пролетъ длится съ начала сентября до начала октября, но одиночные встрѣчаются здѣсь до начала ноября. Изъ окрестностей Гурьева перепела улетаютъ въ теченіе октября, но запоздавшіе встрѣчаются здѣсь даже зимою, въ январѣ и въ февралѣ, когда замерзшихъ перепеловъ находятъ также въ стогахъ сѣна. Въ Закавказьѣ перепела обыкновенно держатся осенью до ноября, послѣ чего большинство этихъ птицъ отлетаетъ все-таки дальше къ югу. На осеннемъ пролетѣ перепела иногда летятъ на незначительной высотѣ, ночью. Такъ, по словамъ Н. Н. Сомова, въ ночь съ 6-го на 7-е сентября 1889 г. былъ очень большой пролетъ перепеловъ черезъ г. Харьковъ; множество этихъ птицъ, ударяясь о стѣны и трубы домовъ, съ глухимъ шумомъ падали на мостовую и на крыши.

Враговъ у перепела очень много Такъ какъ самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, въ это время ее безъ труда ловитъ и лисица, и хорекъ, и кошка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сидящія на яйцахъ перепелки въ большомъ количествѣ гибнутъ подъ косою при косьбѣ хлѣба, такъ какъ лязгъ косъ и даже говоръ людей въ непосредственной близости не могутъ согнать птицу съ гнѣзда, и она остается въ немъ, не понимая въ чемъ дѣло и надѣясь остаться незамѣченной. Яйца перепеловъ выпиваютъ хомяки, ежи, луни и т. д., а когда періодъ гнѣздованія кончится, перепела много терпятъ отъ разныхъ соколовъ и ястребовъ-перепелятниковъ. Но самый крупный врагъ описываемой птицы все-таки человѣкъ, изобрѣвшій весьма разнообразные способы ловли и добыванія этой вкусной и миловидной птички.

Какъ извѣстно, перепелъ добывается ради двухъ цѣлей: такъ называемые криковые перепела добываются изъ-за ихъ крика, до котораго есть страстные охотники, и, во-вторыхъ, перепеловъ и стрѣляютъ и добываютъ другими способами ради ихъ мяса. О криковыхъ пере-

пелахъ мы имѣемъ двѣ дѣльныя статьи, принадлежащія г. Данилову и г. Турбину, и я приведу здѣсь изъ нихъ все самое существенное.

„Голосъ перепеловъ, говоритъ г. Даниловъ, по-охотничьи раздѣляется на ваваканье, или мамаканье, и на крикъ. Мамаканье обыкновенно повторяется отъ одного раза *не* „до трехъ“ разъ *), а иногда и *гораздо больше,* такъ какъ бываютъ такіе перепела, которые иногда не кричатъ, а только мамачутъ, и у охотниковъ называются „мамаками“. Это по большей части очень старые перепела, съ большимъ чернымъ пятномъ подъ горломъ, но встрѣчаются „мамаки“ и изъ молодыхъ. Вообще „мамакъ“ между перепелами *не мало* и ихъ потому только незамѣтно, что мамаканье несравненно слабѣе крика и *издали* его неслышно; но стоитъ только созвать побольше перепеловъ дудкой или самкой, чтобы убѣдиться, какъ много изъ нихъ этихъ „мамакъ“. „Крикъ перепеловъ въ каждомъ „разѣ“, по-охотничьи, состоитъ изъ трехъ особыхъ колѣнъ: „подъема, проволочки и отлива“. Характеръ звуковъ этихъ колѣнъ у разныхъ перепеловъ бываетъ безконечно разнообразенъ. У огромнаго большинства, т.-е. у плохихъ, по-охотничьи, перепеловъ, всѣ колѣна крика бываютъ отрывисто-коротки и сливаются въ одинъ поспѣшный, нѣсколько свистящій ударъ, звуками въ родѣ: фвать-фаль-вать! или фвить-фвиль-вить! Такіе перепела называются „частохватами“ или „чистохватами“ и *ни во что не цѣнятся охотниками,* хотя *число ударовъ за одинъ пріемъ у частохватовъ вообще бываетъ самое большое и всегда положительно больше, чѣмъ у самыхъ лучшихъ перепеловъ.* Изъ этого видно, какъ мало зналъ г. Аксаковъ охоту криковыми перепелами, когда писалъ, что „перепелъ считается тѣмъ дороже, чѣмъ *громче* онъ кричитъ, и чѣмъ большее число ударовъ дѣлаетъ за одинъ пріемъ“.

„*Дорогой* перепелъ еще можетъ кричать „громко“, хотя это не составляетъ въ немъ особеннаго достоинства, но дѣлать *много* ударовъ „за одинъ пріемъ“ онъ *рѣшительно не можетъ.* И это естественно: по-охотничьи, чѣмъ напряженнѣе, протяжнѣе, равномѣрнѣе и раздѣльнѣе колѣна каждаго удара въ крикѣ перепела, тѣмъ онъ „дороже цѣнится“; а каждый подобный ударъ крика непремѣнно извлекаетъ изъ легкихъ перепела гораздо больше воздуха, нежели ударъ короткій и всегда вмѣстѣ съ тѣмъ легкій и отрывистый. Отлично-хорошій перепелъ часто дѣлаетъ только *одинъ* ударъ и рѣдко *больше двухъ-трехъ* „за одинъ пріемъ“. Но для послѣдняго числа ударовъ нужно уже особенно сильныя легкія. Хорошіе перепела бываютъ и „съ хрипью“ и „безъ хрипи“, но отлично-хорошіе всегда имѣютъ самую полную, самую густую „хрипь“.

*) Здѣсь г. Даниловъ возражаетъ Аксакову, котораго вообще не считаютъ знающимъ хорошо перепелиную охоту. Но дѣло въ томъ, что г. Даниловъ, какъ завзятый „перепелятникъ“, уже черезчуръ строго относится къ маленькимъ погрѣшностямъ Аксакова относительно перепеловъ. Въ главномъ Аксаковъ не сдѣлалъ никакихъ ошибокъ и что касается въ частности перепелинаго боя, то совершенно вѣрно, что огромное большинство перепеловъ вавачатъ не болѣе трехъ разъ подъ рядъ, это подтвердитъ и любой *ружейный* охотникъ. *Прим. автора.*

„Между „частохватами“ и отлично-хорошими перепелами отличаютъ нѣсколько сортовъ такъ называемыхъ „изрѣдковъ“, начиная отъ „изрѣдочка“ до „изрѣдка хоть-куда“. То-есть, начиная самымъ посредственнымъ и кончая самымъ хорошимъ „изрѣдкомъ“. Но изрѣдокъ, какъ онъ ни будь хорошъ, по-охотничьи все еще „не настоящій перепелъ“.

„Отличительные достоинства и недостатки „изрѣдковъ“ опредѣляются большимъ или меньшимъ приближеніемъ ихъ крика къ охотничьему идеалу крика „настоящаго перепела“. А отличительная черта крика „изрѣдковъ“ состоитъ въ томъ, что колѣна ихъ, впрочемъ, всегда больше или меньше *протяжнаго* крика бываютъ не равномѣрны, или не такъ „разстановисты“, не такъ рельефно выдѣляются одно отъ другого, какъ у отлично-хорошихъ перепеловъ. Въ „изрѣдкахъ“ у одного рельефнѣе выдѣляется изъ остальныхъ колѣнъ „подъемъ“; такой называется „подъемистымъ“; у другого—„проволочка“,—„съ проволочкой“, а у третьяго „отливъ“—„отливистымъ“. Чаще всего короче прочихъ колѣнъ бываетъ „отливъ“ (послѣднее колѣно), что по-охотничьи опредѣляется словомъ „срываетъ“! И это происходитъ оттого, что у перепела не хватаетъ силы легкихъ (не достаетъ воздуха), чтобы додержать протяжность до конца послѣдняго колѣна. Еще хуже, если „изрѣдокъ“, начавши крикъ протяжнымъ „подъемомъ“, начинаетъ „срывать“ съ „проволочки“, т.-е. сокращать больше или меньше оба послѣднія колѣна,—это уже почти тотъ же „частохватъ“.

„Хрипъ, какъ и протяжность, у отлично-хорошаго перепела проходитъ равномѣрно черезъ всѣ колѣна крика. У самыхъ лучшихъ хрипъ обыкновенно достигаетъ высшей напряженности въ „проволочкѣ“ и какъ бы дѣлитъ это колѣно на два тона: нѣсколько высшій и нѣсколько низшій (болѣе густой). Такая „хрипъ“, бывающая всегда *совмѣстно* съ самымъ протяжнымъ и самымъ разстановистымъ крикомъ, считается верхомъ совершенства крикового перепела, котораго на каждой перепелиной ловлѣ такъ внимательно и чутко отыскиваетъ слухъ и такъ желанно ждетъ сердце каждаго охотника!..“

Изъ этихъ словъ читатель легко усмотритъ до какой степени своеобразно прихотливы бываютъ любители въ своихъ требованіяхъ, и какъ въ сущности сложно опредѣленіе достоинствъ лучшаго крикового перепела. Такіе перепела цѣнятся не десятками, а сотнями рублей и, какъ извѣстно перепелинымъ любителямъ, добываются только въ извѣстныхъ мѣстахъ *). Въ этомъ отношеніи перепелъ для однихъ то же, что соловей для другихъ.

Добываютъ криковыхъ перепеловъ сѣтью на манку (дудочкой) или на самку. Для этого охотникъ прежде всего по зарямъ выслушиваетъ перепеловъ и, опредѣливъ въ извѣстной мѣстности хорошаго

*) Изъ нихъ перечислимъ нѣкоторыя: Суджанскій уѣздъ, Курской губ., большая часть Воронежской, Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій—Орловской, Новосильскій и Ефремовскій—Тульской, Лебедянскій, Липецкій и Усманскій — Тамбовской, Сумскій, Ахтырскій, Богодуховскій, Харьковскій и Волчанскій—Харьковской.

крикуна, старается подманить именно его. Если перепела кричатъ мало, въ такомъ случаѣ нѣкоторые охотники стараются убить самокъ, чтобы тѣмъ самымъ вызвать болѣе горячій бой самцовъ. Съ этою цѣлью весною за перепелами отправляются съ ружьемъ и собакой, и т. к. въ періодъ спариванья днемъ очень часто удается найти и поднять парами перепеловъ (самца и самку) вмѣстѣ, при чемъ самка всегда летитъ впереди самца, этимъ и пользуются, чтобы разбить пару. Иногда послѣ такого маневра самцы начинаютъ кричать крайне горячо съ перваго же дня потери самокъ, и охотникъ безъ труда опредѣляетъ достоинство перепеловъ въ своемы районѣ.

Хотя охота за криковыми перепелами кажется и легкой, однако требуетъ сноровки и знанія повадокъ птицы, что пріобрѣтается только долговременнымъ упражненіемъ. Изъ инструментовъ для этой ловли необходима сѣть и манки, или дудочки, посредствомъ которыхъ можно подражать призывному крику самки; но манки могутъ быть замѣнены и живою самкой, для чего берется непремѣнно годовалая и перезимовавшая въ клѣткѣ. Изготовленіе всѣхъ этихъ принадлежностей и самую охоту г. Турбинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ.

„Для плетенія сѣти употребляются преимущественно тонкія и крѣпкія льняныя нитки. Пеньковыя идутъ только въ крайнихъ случаяхъ. Сѣти изъ такихъ нитокъ никогда не имѣютъ необходимыхъ легкости и прочности. Любители изъ достаточнаго купечества пробовали заводить сѣти шелковыя, но онѣ сильно путаются и потому признаются неудобными. Сѣть плетется всегда рѣдкая, ячеи дѣлаются не менѣе квадратнаго дюйма и не болѣе $^3/_4$ квадрат. вершка. Сѣть съ ячейками менѣе дюйма будетъ тяжела и замѣтна, болѣе $^3/_4$ вершка даетъ возможность выпорхнуть попавшейся птицѣ. Длина и ширина сѣтей бываетъ разная. Самыя малыя сѣти дѣлаются, при ширинѣ въ 5 аршинъ, длиною въ 6 арш. Самыя большія (какія только мнѣ приходилось видѣть) были квадратныя, имѣвшія какъ въ длину, такъ и въ ширину по 12 арш. Нитки для сѣтей всегда употребляются суровыя, такъ какъ онѣ крѣпче бѣленыхъ, да и при ловлѣ менѣе замѣтны. Сѣти иногда з е л е н я т ъ, т.-е. вымачиваютъ въ соку свѣжей травы или ржаной озими. Впрочемъ въ зеленѣніи нѣтъ особенной надобности.

„Перепелиныя дудочки многіе охотники дѣлаютъ сами, другіе покупаютъ готовыя. Но самодѣльная снасть почему-то всегда считается надежнѣе покупной. Для приготовленія дудочки берется или плотный опоекъ или тонкій выростокъ, черный или бѣлый это все равно. Изъ кожи вырѣзывается кусокъ въ видѣ трапеціи, съ равными не параллельными сторонами, высота трапеціи должна быть не менѣе какъ на $^1/_3$ длиннѣе дѣлаемой дудочки. Непараллельныя стороны прикладываются одна къ другой и плотно тачаются по краю, тонкою, хорошо навощенною дратвою. Шовъ разглаживается, и получается что-то въ родѣ бездоннаго мѣшка или чехла, въ которомъ нижній конецъ всегда шире верхняго. Мѣшокъ на нѣсколько времени кладутъ въ воду, а потомъ натягиваютъ на гладкую конусообразную палку съ вырѣзанными на

ней круглыми углубленіями. Далѣе, мокрый кожаный чехолъ притягиваютъ къ углубленіямъ палки крѣпкою бечевкою или стеклядью. Каждый рубецъ лучше всего завязывать отдѣльно и потуже. Послѣ обвязки палка кладется на сутки или двое въ воду, потомъ вынимается, просушивается въ тѣни и на вольномъ воздухѣ; когда же весь приборъ высохнетъ, срѣзываютъ обвязки и снимаютъ чехолъ, на которомъ полученные отъ стекляди рубцы или сборки сохраняются надолго. Нижній, широкій конецъ чехла задѣлывается наглухо, а къ верхнему, узкому, прилаживается пищикъ изъ кости гусинаго папоротка, отпиленной по концамъ. Полученная изъ кости трубочка не бываетъ длиннѣе вершка или вершка съ четвертью; одинъ ея конецъ, остающійся внѣшнимъ, почти до половины наливается воскомъ или густою смолой (варомъ). Въ серединѣ дѣлается круглая дырочка для издаванія звуковъ. Отъ дырочки до конца трубочки прорѣзывается отверстіе. Наконецъ, нижняя оконечность трубочки вставляется въ узкую часть кожанаго чехла и плотно привязывается нитками. Дудочка готова. Но ее еще надобно наладить (настроить). Для того требуется имѣть очень тонкій слухъ и большую опытность. Кожаный чехолъ имѣетъ сборки, которыя равномѣрно сжимаются и растягиваются. При сжиманіи выходящій воздухъ производитъ звукъ изъ средины костяной трубочки. При растягиваніи внутренняя полость чехла снова наполняется воздухомъ. Свистѣть перепелиною дудочкой сумѣетъ каждый, но подражать на ней призывному голосу самки требуетъ навыка и составляетъ своего рода искусство, которое при всемъ стараніи инымъ и не дается. А подчасъ бываетъ и такъ: напримѣръ, я, или кто-нибудь мастерски манитъ въ комнатѣ, а на дѣлѣ плохо. Или отлично умѣетъ подманивать горшковаго *) перепела, а доведись ловить хорошаго, руки задрожали и выйдетъ удивительная чепуха, способная только разгонять, а не заманивать. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ охотниковъ вмѣсто дудочекъ пользоваться самками. Тѣ уже не фальшивятъ и не сбиваются. Поймать перепелку самку, въ особенности когда она съ дѣтьми, не трудно, но дѣло въ томъ, что такія самки, перегодовавши, далеко не всѣ тюрюкаютъ (иные говорятъ *трюкаютъ*), т.-е. манятъ; значитъ, заботы и труды ухаживанія и сохраненія потеряны. Самки изъ молодыхъ, изъ *поршковъ* по-охотничьи, несравненно надежнѣе. Ловить поршковъ довольно легко, даже цѣлыми выводками, но при этомъ является такое затрудненіе: пока птички въ первомъ перѣ, самцовъ нельзя отличить отъ самокъ (обыкновенно первыхъ бываетъ больше, чѣмъ вторыхъ). Почему необходимо сохранять весь выводокъ до тѣхъ поръ, пока онъ перелиняетъ, т.-е. до слѣдующаго года. Но иногда случается то, что всѣ уцѣлѣвшія изъ перезимовавшихъ птичекъ оказываются самцами, слѣдовательно опять „труды и подвиги пошли подъ ноги“, по словамъ старинной пословицы.

*) *Горшковый* перепелъ значитъ такой, который кромѣ какъ въ горшокъ, т.-е. на ѣду никуда не годенъ.

„Заведя всѣ необходимыя снасти, охотникъ приступаетъ къ ловлѣ. Лучшимъ временемъ считается май, іюнь и первая половина іюля. Раньше травы на лугахъ и всходы яровыхъ посѣвовъ малорослы. Озимей почему-то перепела не любятъ. Позднѣе они или совершенно перестаютъ кричать, или кричатъ очень рѣдко, да къ тому же и самки не манятъ. Самыми удобными для ловли днями считаются тѣ, въ которые не бываетъ росы, что во многихъ мѣстахъ Великой Россіи называется *сухоросицей.* Раннія утра такихъ дней самые добычливые часы охоты. Когда же бываетъ роса обильная, то ловлю начинаютъ только тогда, когда трава обсохнетъ, т.-е. около полудня. Въ дни дождливые перепела не идутъ на манку. Повсемѣстно замѣчено, что мокрые самцы не сближаются съ самками.

„Обыкновенно ловля производится такъ: заслышавши гдѣ-нибудь хорошаго перепела, любитель, или какой-бы то ни было горшечникъ *), по нескошенной травѣ или яровому посѣву (кромѣ гречихи) **) разстилаетъ сѣть, что дѣлать вдвоемъ несравненно скорѣе и удобнѣе, но можно и одному. Послѣ разстилки сѣти охотникъ садится у края, противоположнаго той сторонѣ, съ которой слышенъ крикъ перепела. Особенно близко подходить къ крикуну не нужно; онъ хорошо и далеко слышитъ. Дудочки пускаются въ дѣло только во время крика. Замолчалъ перепелъ, должна молчать и дудочка. Если же ловятъ на самку, то она и сама знаетъ когда слѣдуетъ манить. Во время разстилки сѣти, клѣтку съ самкою необходимо чѣмъ-нибудь прикрыть, иначе самка можетъ начать манить преждевременно и тѣмъ испортить охоту. Плохіе перепела, которыхъ несравненно больше, ловятся гораздо легче и скорѣе, чѣмъ хорошіе. Иной отличный боецъ подойдетъ къ сѣткѣ близко, но подъ сѣтку не пойдетъ. „Будетъ маячить кругомъ да около, а въ руки не дастся". Когда перепелъ зашелъ подъ сѣтку, охотнику стоитъ только встать на ноги, птица вспархиваетъ и запутывается въ ячеяхъ сѣти. Гдѣ перепеловъ много, а охотниковъ мало, случается въ одну настилку сѣти ловить штукъ по десяти и даже больше. Не намaненные, т.-е. не напуганные, перепела чрезвычайно смѣлы, и не опасаясь человѣка, нерѣдко вскакиваютъ подъ сѣтью на клѣтку съ самкой. Иногда даже не подходя подъ сѣть, бросаются въ нее съ налета сверху. Охоты въ такихъ мѣстахъ бываютъ чрезвычайно добычливы, конечно только въ одномъ горшечномъ смыслѣ. Хорошіе перепела вездѣ и всюду рѣдки. Сплошь и рядомъ, странствуя двѣ-три недѣли подъ рядъ, можно слышать цѣлыя тысячи перепеловъ и ни одного изъ нихъ порядочнаго, о хорошихъ же нечего и говорить.

„Замѣтныхъ по хорошему крику перепеловъ всегда разсаживаютъ

---

*) Т. е. перепелятникъ-промышленникъ, который, ловя перепеловъ, заботится не о качествѣ ихъ, а о количествѣ.

**) По гречихѣ и по кустикамъ избѣгаютъ разстилать сѣти по двумъ причинамъ: во 1-хъ, здѣсь она сильно цѣпляется, отчего перепела часто выбиваются изъ-подъ нея не запутавшись; во 2-хъ, снимать сѣть, благодаря тому, что она цѣпляется, крайне затруднительно.

поодиночкѣ. Стѣнки перепелиныхъ клѣтокъ непремѣнно дѣлаются изъ частой сѣтки, въ ячейки которой птица не должна просовывать голову. Непривыкшіе къ клѣткамъ перепела вначалѣ прыгаютъ и зашибаются, для избѣжанія чего въ клѣткахъ вшивается полотняный верхъ, вродѣ потолка. Всѣмъ старымъ и опытнымъ охотникамъ извѣстно, что плохіе перепела къ клѣткамъ привыкаютъ скоро и недѣли черезъ двѣ-три начинаютъ кричать, чего почти не случается съ хорошими. Настоящій боецъ вѣрнѣе всего перегодуетъ и только тогда станетъ утѣшать хозяина.

„Бойцовъ ни весною, ни лѣтомъ не держатъ въ комнатахъ. Клѣтки съ такими перепелами вѣшаются на *щоглахъ*. Такъ называется длинная прямая жердь, на тонкомъ концѣ которой устраиваютъ двухскатную кровельку, съ переднею и задними стѣнками. Подъ кровелькою помѣщается клѣтка съ перепеломъ, поднимаемая на шнуркѣ по блоку. Нижній конецъ жерди укрѣпляется въ землѣ. У людей богатыхъ и щеголеватыхъ вмѣсто щоглы ставится чуть не мачтовое бревно, раскрашенное и размалеванное разными узорами. Кровелька снабжается затѣйливой рѣзьбою и тоже раскрашивается. Кровелька со стѣнками закрываетъ перепела отъ дождя, вѣтра и солнечнаго зноя. Прибавимъ кстати, что въ перепелиную клѣточку нельзя ставить воды, потому что птица всегда ее прольетъ или расплескаетъ. Необходимая же для питья вода помѣщается внѣ клѣтки: съ боку, въ баночкѣ, надъ которою прорѣзывается круглое отверстіе. Голосъ хорошого перепела въ тихую погоду можно слышать версты за двѣ, а по вѣтру даже дальше. При сильныхъ ударахъ бойца даже самая мачтообразная щогла вздрагиваетъ, а обыкновенная просто пошатывается“.

Теперь намъ надо перейти къ охотничьему и промысловому добыванію перепеловъ, въ общеупотребительномъ смыслѣ этихъ словъ.

Какъ было упомянуто, той же сѣтью, которой ловятъ криковыхъ перепеловъ, ловятъ вообще и этихъ птицъ, и этотъ способъ добыванія далеко не можетъ почесться исключительно промысловымъ, такъ какъ и на него существуютъ любители. Но чаще всего прибѣгаютъ къ наволочной сѣти, для чего нужно участіе двухъ лицъ и присутствіе собаки. Охота эта не трудна. Сѣть употребляется такая же, какъ и при простой ловлѣ перепеловъ, но къ нижнему ея краю прикрѣпленъ довольно тяжелый грузъ, а черезъ верхній продѣвается тонкая веревка, которая обыкновенно укрѣпляется на длинныхъ легкихъ шестахъ. Когда собака, найдя перепела, сдѣлаетъ надъ нимъ стойку, тогда сѣть тянутъ сюда, наволакиваютъ на то мѣсто, гдѣ находится перепелъ, покрывая ею вмѣстѣ съ тѣмъ и собаку, и вспугнутая птица запутывается въ ячейкахъ сѣти. Необходимое условіе при такой охотѣ, чтобы собака была вѣжливая, такъ какъ если она срываетъ и гоняетъ, то не только можетъ порвать сѣть, но и вообще испортить всю охоту.

Ружейная охота на перепеловъ производится лѣтомъ и подъ осень, начиная съ уборки хлѣба. Выше уже говорилось, какъ упорно

держатся перепела въ несжатыхъ клочкахъ хлѣбнаго поля, подъ снопами и копнами. Поэтому, само собой понятно, что охота за этими птицами здѣсь вовсе не трудна: сытая и даже ожирѣвшая птица взлетаетъ неохотно, подпуская собаку почти въ упоръ, и если вспугнутая летитъ все-таки очень быстро, за то прямо, такъ что на открытомъ мѣстѣ стрѣлять ее легко. Отсюда понятно, что многіе охотники пренебрегаютъ стрѣльбою перепелокъ, какъ дѣломъ очень легкимъ, но въ общемъ эта охота своеобразна и занятна. Стрѣлять въ открытомъ полѣ, въ хорошую погоду, видѣть поиски и стойку собаки—для охотника несомнѣнное удовольствіе, и нѣсколько дней въ концѣ лѣта можно всегда удѣлить этой охотѣ.

Затѣмъ въ то же время года перепеловъ добываютъ разными промысловыми способами, какъ-то сачкомъ, чирахомъ и колокольчикомъ и т. п.

Ловля сачкомъ практикуется преимущественно въ Туркестанскомъ краѣ, и прежде всего требуетъ отъ охотника ловкости и навыка. Сачокъ походитъ на сѣтку, которая употребляется при ловлѣ бабочекъ, но значительно больше послѣдней, такъ что діаметръ обруча нѣсколько болѣе аршина и соотвѣтственно этому глубина сѣтки также довольно велика. Сѣтка вяжется изъ тонкихъ, но крѣпкихъ нитокъ, обручъ насаживается на палку, сажени въ двѣ длиною. Необходимая принадлежность этой охоты—собака. Послѣдняя ищетъ на небольшомъ разстояніи впереди охотника, который идетъ за нею, держа обѣими руками конецъ палки и стараясь, чтобы сѣть была возможно ближе къ собакѣ. Какъ только послѣдняя вспугнетъ перепелку, охотникъ немедленно покрываетъ ее сѣтью. Охота эта очень добычлива, но требуетъ со стороны охотника неослабнаго вниманія и ловкости.

Еще оригинальнѣе охота съ „чирахомъ и колокольчикомъ“, которую описываетъ для Кубы г. Щ—въ.

„*Чирахъ* — глиняный сосудъ, имѣющій форму женской ботинки съ двумя отверстіями — одно сверху, въ которое наливается черная нефть, другое—на носкѣ, въ которое вкладывается фитиль изъ мочалы, пеньки и т. п., а чаще и совсѣмъ безъ фитиля. Эта лампа мѣстнаго приготовленія обыкновенно употребляется туземцами вмѣсто свѣчи. Ловецъ-охотникъ, при закатѣ солнца, выслушиваетъ около хлѣбныхъ полей, гдѣ больше кричатъ перепела, и остается здѣсь ждать, покуда стемнѣетъ. Затѣмъ, разставивъ сѣтку такъ, чтобы удобно было сверху накрыть подбѣжавшую птицу, онъ, какъ только стемнѣетъ, зажигаетъ „чирахъ“ и начинаетъ звонить въ колокольчикъ. Огонь и звонъ колокольчика, при окружающей тишинѣ, имѣютъ на перепеловъ поразительное и необъяснимое дѣйствіе, ибо они, услыхавши звонъ, какъ сумасшедшіе, одинъ за другимъ, бѣгутъ на огонь, подбѣгая подъ сѣтку, которою ихъ и накрываютъ; доставая потомъ оттуда живьемъ, въ разъ иногда 3—4 штуки, ихъ кладутъ преспокойно въ мѣшокъ и снова настораживаютъ сѣтку, снова звонятъ и снова накрываютъ и опускаютъ въ мѣшокъ новыя жертвы, пока ловецъ не удовлетворится

количествомъ добычи, которая зависитъ отъ умѣнья выбрать мѣсто и ловкости накрывать подбѣжавшихъ подъ сѣтку перепеловъ. Случается, что послѣ 2—3 часовъ такого лова охотникъ возвращается съ 15—20 перепелами въ мѣшкѣ; самая неудачная охота по количеству бываетъ 5—8 штукъ".

Наконецъ, послѣдній, заслуживающій упоминанія способъ ловли перепеловъ, практикуемый крымскими татарами, описывается слѣдующимъ образомъ у г. Гребенки.

„Къ осени,—пишетъ онъ,—перепела становятся очень жирны и, должно полагать, по этой причинѣ неохотно подымаются, боясь, что во время тяжелаго ихъ лета могутъ легко попасть въ когти ястреба; особливо они близко подпускаютъ къ себѣ животныхъ, такъ что часто лошадь переступаетъ перепелку, которая ни за что не рѣшается оставить своего мѣста, и прильнувъ къ землѣ, робко слѣдитъ за движеніями четвероногаго и только тогда выпархиваетъ, когда видитъ прямо надъ собою копыто, готовое раздавить ее. Пользуясь этимъ свойствомъ перепелокъ, крымскіе татары изобрѣли особенную сѣть, которою ловятъ перепелокъ въ неимовѣрномъ количествѣ.

„Сѣть вывязывается изъ сученыхъ нитокъ въ видѣ конуса, аршина два съ половиной въ вышину, и въ основаніи привязывается къ желѣзному обручу, вершковъ двѣнадцати; въ серединѣ сѣти прикрѣпляется другой легкій деревянный обручъ, сообразный діаметру сѣти въ томъ мѣстѣ; вершина связывается веревочкой и — сѣть готова.

„Осенью, когда посѣщаютъ Крымъ многочисленныя стада перепелокъ, летящихъ далѣе на югъ, за море, татары отправляются верхомъ на поля за перепелками, держа въ правой рукѣ описанную выше сѣть, собранную въ руку посредствомъ веревочки. Увидя перепелку, что очень легко при обозрѣніи кругомъ поля съ лошади, татаринъ подъѣзжаетъ къ ней, сразу останавливаетъ лѣвой рукой лошадь, и въ то же мгновеніе выпускаетъ сѣть, вершина которой постоянно привязана у него къ большому пальцу; желѣзный обручъ, по своей тяжести, быстро опускается внизъ и накрываетъ сѣтью перепелку, а испуганная птица, вспорхнувъ кверху, попадаетъ въ вершину конуса сѣтки, т.-е. прямо въ руки охотника; охотникъ вынимаетъ ее, прячетъ въ мѣшокъ и, подобравъ сѣть, попрежнему ѣдетъ далѣе. Этимъ способомъ ловитъ иногда въ день одинъ человѣкъ по сту и болѣе перепелокъ".

Кромѣ того, перепелокъ ловятъ сильями, которые разставляютъ въ клеверныхъ и другихъ поляхъ, и травятъ ястребами. Послѣдній способъ охоты я не описываю, такъ какъ онъ практикуется преимущественно нашими инородцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если описывать травлю ястребами перепеловъ, надо вообще говорить объ охотѣ съ ловчими птицами, а эта охота у насъ почти не существуетъ, да и вообще ранѣе другихъ видовъ охоты отжила свой вѣкъ.

Такъ какъ перепела добываются въ очень большомъ количествѣ, они имѣютъ немаловажное значеніе для населенія, но вслѣдствіе своей дешевизны не столько въ качествѣ продажной дичи, сколько въ качествѣ провіанта для самихъ ловцовъ. Однако въ этомъ отношеніи промысловое значеніе у насъ перепела далеко не такъ велико, какъ на нѣкоторыхъ островахъ и побережьи Средиземнаго моря, гдѣ перепела для населенія значатъ почти то же, что сельди и треска для прибрежныхъ жителей сѣверной и западной Европы.

80. Куропатка сѣрая.

Perdix cinerea, Briss.

Табл. 85.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 527.

Болѣе распростр. названія: *куропатка, сѣрая куропатка.*

Мѣстныя названія: *полевой, польской, овинный рябчикъ* (Пермск. губ.); *рябчикъ голеножка* (тамъ же); *слободской рябчикъ* (въ Тагилѣ); *полевой, степной рябчикъ* (въ Сибири); *куринка, куриньятка* (Малоросс.).

Польск.—*kuropatwa.*—Фин.—*turkinpyy.*—Эстон.—*nurm kana, pöld pü*—Латыш.—*lauka-irbe.*

Татар. — *бусюрь.* — Башк. — *буджуръ.*— Киргиз.—*чилъ.*—Калмыц. — *утоенъ, іеттонъ.*—Мордов.—*пуа.*—Арм.—*кагавъ.*

Соединеніе въ куропаткѣ крайней степени довѣрчивости или, какъ обыкновенно говорятъ, глупости вмѣстѣ съ весьма большой способностью размножаться въ короткое время въ значительномъ числѣ дѣлаетъ то, что чрезвычайно трудно даже приблизительно указать для даннаго времени, гдѣ эта птица рѣдка и гдѣ обыкновенна. Вообще говоря, распространеніе у насъ куропатки очень обширно, такъ какъ сѣверная граница ея области поднимается въ Финляндіи до 66° с. ш. и въ Архангельской губ. по Двинѣ до 64° с. ш.; но къ востоку отсюда сѣверный предѣлъ распространенія куропатки быстро понижается и на Камѣ едва ли идетъ сѣвернѣе 58½° с. ш., ближе къ Уральскому хребту спускается еще южнѣе, а на восточномъ склонѣ доходитъ только до 56°. Къ югу отсюда куропатка распространена повсемѣстно, за исключеніемъ песчаныхъ пространствъ въ юго-восточномъ углу страны и сплошныхъ лѣсныхъ областей, но въ разные годы численность птицы въ одномъ и томъ же мѣстѣ подвержена большимъ колебаніямъ. У куропатки три главныхъ врага: суровая, снѣжная зима, ястребъ-тетеревятникъ и человѣкъ. Въ холодную и снѣжную зиму птица не можетъ найти себѣ корма въ открытомъ полѣ, волей-неволей приближается къ жилищамъ человѣка и здѣсь безжалостно истребляется послѣднимъ. Но если при снѣжной зимѣ морозы чередуются съ оттепелями, тогда куропаткѣ плохо приходится

и безъ участія человѣка: забравшись при оттепели въ снѣгъ, эти птицы не могутъ выбиться наружу, если поверхность его быстро скуетъ морозъ, и гибнутъ отъ голода подъ снѣгомъ. Наконецъ, ястребъ всегда истребляетъ куропатокъ во множествѣ.

Въ литературѣ существуютъ для разныхъ мѣстностей весьма многочисленныя свѣдѣнія о временномъ уменьшеніи и даже почти полномъ исчезновеніи куропатокъ, при чемъ обыкновенно указывается, что послѣднее бываетъ въ результатѣ не одной, а двухъ неблагопріятныхъ зимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ сообщеній слѣдуетъ и то, что если въ извѣстномъ участкѣ хотя немногимъ парамъ куропатокъ удалось пережить тяжелыя времена, онѣ быстро размножаются и черезъ 10—15 лѣтъ являются столь же многочисленными, какъ были прежде. Кромѣ того, извѣстную мѣстность даже искусственно нетрудно заселить куропатками: для этого стоитъ только весною выпустить здѣсь нѣсколько паръ. Этимъ пріемомъ охотники часто пользуются съ двоякой цѣлью: съ одной стороны, чтобы просто развести коропатокъ, съ другой—чтобы приготовить себѣ на осень хорошую охоту. Но для того, чтобы не было обманутыхъ надеждъ, одновременно съ разведеніемъ куропатокъ надо заботиться о двухъ обстоятельствахъ: объ истребленіи хищныхъ птицъ и объ охранѣ куропатокъ отъ промышленника.

Въ виду сказаннаго совершенно возможно, что куропатка, какъ гласитъ преданіе, была ввезена въ Петербургскую губ. при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, или Екатеринѣ II, и уже отсюда расселилась по Финляндіи. Съ другой стороны, расчистка лѣса на сѣверѣ также представляетъ удобство для куропатки, которая достигла до Архангельска только въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія.

Чтобы покончить съ распространеніемъ описываемой птицы, остается сказать, что будучи очень многочисленной на сѣверномъ Кавказѣ, она распространена спорадично въ Закавказьѣ и не переходитъ къ югу за горы Арменіи.

Въ средней Россіи любимое мѣсто жительства куропатокъ составляютъ поля, чередующіяся съ кустарниками и мелколѣсьемъ, въ южной—поля или степи, пересѣченныя балками, заросшими терномъ и высокимъ бурьяномъ, или разнообразящіяся кустарниками и лѣсочками. Равнымъ образомъ любятъ куропатки степные сады, и вообще было бы ошибочно думать, что эта птица избѣгаетъ, лѣсовъ: большихъ конечно избѣгаетъ, но разсѣянныхъ въ открытой мѣстности лѣсныхъ колокъ, уремъ и даже боровъ отнюдь не избѣгаетъ. Въ глубину ихъ она тоже не заходитъ, но на опушкѣ охотно держится, вѣроятно чувствуя себя здѣсь въ большей безопасности отъ ястреба. Подобно перепелу, куропатка совершенно наземная птица, отлично бѣгаетъ, превосходно роется въ землѣ и обладаетъ очень сильнымъ и быстрымъ полетомъ. Поднимаясь, производитъ такой шумъ, что даже пугаетъ неожидавшаго этого взлета охотника, на лету быстро машетъ крыльями, производя ими характерный звукъ, и летитъ не-

высоко надъ землею; собираясь сѣсть, пролетаетъ нѣкоторое разстояніе совершенно не шевеля крыльями. Впрочемъ, куропатки летаютъ только когда отправляются съ мѣста ночлега на мѣсто кормежки, или обратно, и въ случаѣ преслѣдованія человѣкомъ. Большую же часть своей жизни онѣ проводятъ на землѣ, или перебѣгая съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за кормомъ, или просто отдыхая, или роясь въ землѣ, подобно курамъ. На послѣднихъ онѣ походятъ вообще всѣми своими привычками, равно какъ и голосомъ. Найдя, напр., кормъ, онѣ начинаютъ клевать его, кудахча совершенно по куриному, только тише и мелодичнѣе. Если куропатка замѣтитъ ястреба, она издаетъ предостерегающій пискъ, опять-таки напоминающій пискъ куръ въ соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ. Но тревожный крикъ куропатки отличенъ отъ куринаго. Любимый кормъ куропатки—просо и гречиха, но когда его нѣтъ, онѣ ѣдятъ зерна другихъ хлѣбовъ, сѣмена сорныхъ травъ, червяковъ и насѣкомыхъ.

Кромѣ брачнаго періода, куропатки живутъ стаями, иногда довольно значительными. Но какъ только на поляхъ появятся проталины, что въ южной Россіи бываетъ уже въ половинѣ марта, стаи разбиваются на пары, которыя занимаютъ мѣста своихъ будущихъ гнѣздовій, опушки мелкихъ лѣсныхъ порослей, балки съ терновниками, уремы и просто озимыя поля. Самцы, не нашедшіе себѣ дружекъ, живутъ, гдѣ случится, летаютъ всюду, но легко находя кормъ, не приближаются къ жилью человѣка. Съ мѣсяцъ живутъ пары, не приступая къ гнѣздовитію, вѣроятно, вслѣдствіе еще довольно сильныхъ утренниковъ, и все это время самецъ не оставляетъ самку, а повсюду слѣдуетъ за нею и обнаруживаетъ къ ней самую упорную привязанность.

Гнѣздиться парочки начинаютъ только въ маѣ, въ началѣ, половинѣ или концѣ этого мѣсяца, смотря по положенію мѣста; но очень можетъ быть, что на югѣ гнѣздовой періодъ начинается и раньше, уже въ концѣ апрѣля. Гнѣздо располагается подъ кустикомъ, бурьяномъ или просто въ хлѣбѣ и представляетъ собою неглубокую ямку, слегка выстланную и обложенную по краямъ перьями и пухомъ птицы. Число яицъ въ кладкѣ варьируетъ очень сильно: молодыя самки кладутъ 12—15, старыя—отъ 15 до 20 и даже до 24. Яйца блѣдно-оливковаго цвѣта, имѣютъ въ длину 1,5—1,3 д. и въ поперечникѣ 1,15—1,05. Насиживаніе продолжается около трехъ недѣль, и большинство куропатокъ выводится въ средней и южной Россіи въ іюлѣ, опять-таки въ разныя числа, въ зависимости отъ того, когда происходила кладка. Птенчики начинаютъ бѣгать и порхать за стариками какъ только обсохнутъ по выклюнутіи изъ яйца, а спустя нѣсколько дней начинаютъ даже перелетывать на небольшое пространство. Отецъ и мать одинаково заботятся о выводкѣ, всячески охраняютъ его и не оставляютъ даже на короткое время. Первыя недѣли они не уводятъ птенцовъ далеко отъ кустовъ, травы или хлѣба, чтобы въ случаѣ опасности было гдѣ ихъ спрятать, но и при этомъ выводки часто

попадаются лисамъ, хорькамъ и другимъ четвероногимъ хищникамъ, не говоря уже о пернатыхъ. Первымъ начинаетъ отводить отъ выводка самецъ, совершенно забывая о своей безопасности, и за это часто платится своей жизнью. Мѣсяцъ спустя, когда птенцы уже достаточно подрастутъ, старики начинаютъ водить ихъ опредѣленно на кормежку въ болѣе отдаленныя отъ ночлеговъ мѣста, и такимъ образомъ начинаютъ складываться суточныя кочевки выводковъ. День куропатки проводятъ въ лѣсочкахъ, балкахъ или болотахъ, но передъ вечеромъ старики голосомъ собираютъ молодыхъ, которые уже отходятъ отъ нихъ на нѣсколько саженей, и всѣмъ выводкомъ летятъ на ближайшее скошенное хлѣбное поле. Здѣсь онѣ остаются до позднихъ сумерекъ, затѣмъ старики сзываютъ молодежь и улетаютъ съ нею на ночлегъ на открытыя мѣста, на пригорки или къ лѣснымъ опушкамъ. На другой день выводокъ поднимается еще до зари, летитъ кормиться обыкновенно въ болѣе удаленныя мѣста и здѣсь остается сравнительно долгое время, пока его не потревожатъ люди или пока не начнетъ припекать солнце. Тогда куропатки улетаютъ на весь день, до вечерней экскурсіи, въ болѣе укромныя мѣста, но если въ поляхъ остается нескошенный хлѣбъ, или хотя и скошенный, но не связанный, охотно цѣлыми часами остаются здѣсь. Эти, сравнительно небольшіе, перелеты на мѣста кормежекъ выводки дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока хлѣба не будутъ совсѣмъ убраны, послѣ чего имъ приходится летать кормиться иногда за нѣсколько верстъ отъ мѣста ночлега, и, наконецъ, совершенно отбиваться отъ него и ночевать гдѣ придется, такъ какъ доставать кормъ становится вся труднѣе и труднѣе.

Выше уже было сказано, что любимый кормъ куропатокъ составляютъ просо и греча, изъ которыхъ первое, какъ извѣстно, сильно осыпается при косьбѣ. Благодаря этому тамъ, гдѣ сѣютъ просо, т.-е. въ южной Россіи, куропатки кормятся имъ съ уборки хлѣбовъ почти до заморозковъ. Но послѣ довольно сильныхъ морозовъ, когда просо примерзаетъ къ мокрой землѣ, куропаткѣ уже трудно его взять. Поэтому до поздней осени въ южной Россіи куропатки держатся около просяныхъ полей, а позднѣе, съ 20-го приблизительно ноября, переселяются къ болотистымъ порослямъ (уремамъ), гдѣ остается много некошенныхъ бурьяновъ и сорныхъ травъ (лебеда, щавель), сѣменами которыхъ эти птицы кормятся. Въ такихъ мѣстахъ, если зима не снѣжная и нѣтъ сильныхъ морозовъ, куропатки остаются до начала марта, пребывая въ полной безопасности отъ петель и сѣтей промышленника, тѣмъ болѣе, что во-1-хъ эти мѣста удалены отъ жилья, а во-2-хъ куропатки не держатся здѣсь около одного мѣста, а кормятся повсюду. Не то въ средней и восточной Россіи: здѣсь куропаткамъ становится голодно уже съ начала осени, а раннее выпаденіе снѣга, особенно въ восточной Россіи, не только лишаетъ ихъ такихъ надежныхъ прикрытій, какъ бурьянъ и кустарныя заросли, но отнимаетъ возможность находить кормъ въ обычныхъ мѣстахъ и заставляетъ сначала выбѣгать на дороги, а затѣмъ подходить и къ жилью чело-

вѣка, слѣдовательно къ губительнымъ петлямъ. Пока снѣгъ неглубокъ и рыхлъ, куропатки легко добываютъ себѣ кормъ изъ-подъ него, разрывая его ножками; но чѣмъ больше его выпадаетъ, тѣмъ печальнѣе становится положеніе этихъ птичекъ. Обыкновенно еще до разсвѣта прилетаютъ куропатки на гумна, кормятся здѣсь часовъ до десяти, если ихъ не сгонятъ, затѣмъ улетаютъ куда-нибудь въ мелколѣсье, а подъ вечеръ опять возвращаются на гумно, гдѣ остаются до ночи. Ночь проводятъ забиваясь въ снѣгъ, какъ тетерева, если же поднимается метель, прячутся въ кучи соломы, подъ клади и т. п.

Въ концѣ іюля или въ августѣ на югѣ, въ половинѣ сентября въ средней Россіи молодыя куропатки догоняютъ въ ростѣ старыхъ, но пока линька не кончена, легко узнаются по остаткамъ перваго наряда, а по ея окончаніи становятся уже не отличимы отъ старыхъ. Въ концѣ же лѣта выводки начинаютъ сходиться вмѣстѣ и этимъ кладется начало осеннимъ, а позднѣе зимнимъ стаямъ куропатокъ. Какъ огромное большинство осѣдлыхъ птицъ, куропатка въ неблагопріятное время года ведетъ кочевую жизнь, странствуя съ мѣста на мѣсто на цѣлыя версты. Но въ самой южной полосѣ Россіи эти кочевки совершаются съ гораздо большей правильностью, чѣмъ обыкновенно, и производятъ впечатлѣніе настоящихъ перелетовъ.

Первый обратилъ на это вниманіе г. Давидовичъ, указавъ, что одесскіе охотники наблюдаютъ осенній и весенній налетъ куропатокъ и думаютъ, что осенью онѣ улетаютъ за море, а весною прилетаютъ оттуда. Затѣмъ, С. Н. Алфераки, еще ранѣе упоминавшій объ осеннемъ летѣ куропатокъ подъ Таганрогомъ съ востока на западъ, высказался объ этомъ гораздо опредѣленнѣе, въ дополненіе къ замѣткѣ г. Давидовича. По его словамъ, лѣтомъ подъ Таганрогомъ почти нѣтъ куропатокъ, а въ концѣ сентября и въ октябрѣ онѣ въ большомъ количествѣ появляются въ окружающихъ степяхъ, становясь предметомъ оживленной охоты. Куропатки эти меньше мѣстовыхъ и положительно накочевываютъ съ востока, почему ихъ отличаютъ подъ особымъ названіемъ „киргизокъ". Къ концу октября большинство этихъ куропатокъ улетаетъ и, какъ думаетъ С. Н. Алфераки, именно эти куропатки появляются позднѣе въ Германіи и даже Франціи. Фактъ осенняго пролета куропатокъ наблюдается по всему сѣверному побережью Азовскаго моря, но что касается весенняго возвратнаго прилета, то здѣсь никто его не наблюдалъ. Позднѣе эти свѣдѣнія были дополнены еще другими лицами, сообщавшими о перелетахъ куропатки въ долинѣ Волги и въ области Войска Донского, и послужили для нѣкоторыхъ поводомъ говорить о настоящихъ перелетахъ куропатокъ и даже утверждать, что причина этихъ перелетовъ заключается въ восточныхъ вѣтрахъ, которые зимою приносятъ съ собою въ восточную Россію *невыносимые сибирскіе морозы и вьюги*. Однако, едва ли о такой причинѣ можно говорить серьезно, если вспомнить, что куропатки преблагополучно выносятъ всѣ эти будто бы невыносимыя условія зимняго существованія въ Оренбургской губ. и юго-западной Сибири. Что же

касается самаго факта перелетовъ, то, не отрицая справедливости относящихся сюда наблюденій, я продолжаю думать, что это чисто мѣстное, но рѣзко выраженное явленіе кочевокъ. О такихъ переселеніяхъ осенью къ берегу моря говоритъ г. Шершеневичъ для Херсонской губ.; о перелетахъ куропатокъ изъ приволжскихъ степей въ займище еще ранѣе сообщалось въ хорошей статьѣ, посвященной описанію охоты въ Астраханской губ. и помѣщенной въ журналѣ „Природа и Охота“ за 1878 г. Что здѣсь нѣтъ правильнаго перелета, я вывожу изъ того, что въ разныхъ мѣстностяхъ куропатки слѣдуютъ въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Наконецъ, о весеннемъ возвратѣ этихъ птицъ никто не говоритъ, кромѣ одесскихъ охотниковъ, что указываетъ на постепенный возвратъ куропатокъ на родину, вѣроятно, въ теченіе довольно продолжительнаго періода. Что же касается одесскихъ наблюденій, то быть можетъ тамъ весенній возвратъ рѣзче выраженъ благодаря, съ одной стороны, пустынности здѣсь черноморскаго побережья, съ другой—близости Бессарабіи, какъ зимней станціи для кочевыхъ птицъ.

Было бы важно составить болѣе опредѣленное представленіе о появленіи такъ называемыхъ восточныхъ куропатокъ въ западной Европѣ, но для этого нѣтъ данныхъ, что равносильно указанію на неправильность и непостоянство этого явленія.

Въ заключеніе описанія образа жизни куропатокъ скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ разведеніи тамъ, гдѣ ихъ выбиваютъ или вылавливаютъ. Ловить этихъ птицъ надо зимою, а выпускать довольно поздно, когда снѣгъ уже растаетъ. Въ тепломъ помѣщеніи держать ихъ отнюдь не должно — въ теплѣ онѣ захирѣютъ, лучше всего для этого имѣть отдѣльный сарайчикъ, куда нѣтъ надобности входить по другимъ дѣламъ, такъ какъ куропатки пугливы, и сюда приносить имъ кормъ и воду или снѣгъ для питья. Хотя С. Т. Аксаковъ высказалъ убѣжденіе, что куропатку легко сдѣлать домашнею птицей, однако едва ли это вѣрно; по крайней мѣрѣ пойманныя взрослыми, онѣ остаются пугливыми и дикими, сколько бы ни сидѣли. Такъ какъ при неосторожномъ входѣ въ ихъ помѣщеніе куропатки срываются съ мѣста и, ударяясь головами о потолокъ и стѣны, могутъ разбиться на смерть, противъ этого надо принимать мѣры или кладя въ сарай кучу хвороста, или соломы: въ такомъ случаѣ, увидя входящаго человѣка или даже заслышавъ шумъ, куропатки не взлетаютъ, а бросаются подъ хворостъ или зарываются въ солому. Когда настанетъ время выпускать куропатокъ, ихъ отнюдь не надо ловить руками, такъ какъ при этомъ онѣ опять изобьются, а крыть въ сараѣ сѣтью. Затѣмъ пойманныхъ отнести на мѣсто подъ вечеръ и, чтобы не пугать собою, не вынимать изъ корзинки, или рѣшета, или кузова, а поставивъ то или другое съ куропатками на землю, отойти на извѣстное разстояніе и поднять крышку или всю корзинку бечевкой. Каждая пара выпускается отдѣльно, не близко отъ другой и, если мѣстность благопріятна, въ первое же лѣто даетъ хорошій приплодъ. Выпущенныя куропатки,

самецъ и самка, не уходятъ далеко, а перекликаясь отбѣгаютъ лишь немного. Но нѣкоторые охотники совѣтуютъ, чтобы куропатки лучше привыкли къ мѣсту, смазывать имъ крылья передъ выпускомъ жидко разведенной глиной; засохнувъ, глина не даетъ птицѣ летать, а потомъ при первомъ же дождѣ размокнетъ и свалится. Однако, едва ли этотъ пріемъ удаченъ: у куропатки много враговъ, и если птица въ теченіе нѣсколькихъ дней будетъ лишена способности летать, она легко сдѣлается добычей лисицы, хорька или другого какого хищника. Гораздо лучше, чтобы куропатки не убѣгали далеко отъ того мѣста, гдѣ ихъ выпустили, заблаговременно насыпать для нихъ тамъ и сямъ корма.

Обращаясь теперь къ охотѣ за куропатками, надо сказать, что настоящая охота за ними существуетъ только одна: обыкновенная ружейная охота съ собакой, но что касается промысловой охоты, то ея способы довольно многочисленны.

Съ конца іюля обыкновенно начинаютъ охоту за выводками куропатокъ. Хотя въ это время молодые летаютъ уже бойко, однако старики еще продолжаютъ свои заботы о нихъ и потому весь выводокъ довольно легко дается въ руки охотника. Обыкновенно какъ только собака поведетъ къ выводку, самецъ сейчасъ же начнетъ вертѣться передъ ней, чтобы отвести ее въ другую сторону, и опытный охотникъ, направившись въ другую сторону, безъ труда разыщетъ матку и молодыхъ. Позднѣе выводокъ, найденный собакой или охотникомъ, срывается весь, обыкновенно внѣ выстрѣла, и улетаетъ по прямому направленію, чтобы укрыться за пригоркомъ, въ некоси или бурьянѣ. Но онъ улетаетъ недалеко и найти его вторично не трудно; а найденный, на этотъ разъ подпускаетъ ближе и часто поднимается не сразу, а по 2, по 3 штуки. Въ такомъ случаѣ стрѣлять легко, такъ какъ если птицы взлетаютъ поодиночкѣ или въ небольшомъ количествѣ одновременно, подойти къ нимъ и перебрать ихъ всѣхъ не составляетъ труда. Задача охотника состоитъ въ томъ, чтобы разбить выводокъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это положительно не удается. Конечно, причина этому бываетъ та, что птицы уже раньше были напуганы преслѣдованіемъ и даже выстрѣлами, и потому такую стаю лучше на нѣсколько дней оставить въ покоѣ. Иногда куропатка, найденная собакой, не выдерживаетъ стойки и не взлетаетъ, а просто уходитъ; тогда, замѣтивъ такую продѣлку, надо, оставивъ собаку на мѣстѣ, зайти куропаткѣ навстрѣчу и этимъ заставить ее подняться. Вообще охота за куропатками, начиная съ конца сентября, когда молодыя перелиняли и выводки состадились, вовсе не всегда можетъ считаться изъ легкихъ, т.-к. найти куропатокъ можно только при хорошемъ знаніи мѣстности или исходивъ много десятинъ. Надо помнить, что въ это время онѣ все еще охотно посѣщаютъ хлѣбныя поля, особенно десятины изъ-подъ гречи и проса, а разъ найденную и ненапуганную стаю на мѣстѣ кормежки стрѣлять легко. Но если такихъ десятинъ нѣтъ, куропатки не разъ убѣгутъ незамѣченными, т.-к.

усмотрѣть ихъ въ травѣ, между кустарниками и даже въ высокомъ жнивьѣ дѣло трудное. Напротивъ, по первому снѣгу очень удобно находить куропатокъ, какъ потому, что онѣ гораздо замѣтнѣе, такъ и потому, что оставляютъ слѣды. Стая куропатокъ бѣжитъ широко, слѣдовательно найти ея слѣды легко; но найти стаю еще не значитъ взять ее. Обыкновенно она поднимается, не подпустивъ на выстрѣлъ, или сначала куропатки разбѣгаются, а потомъ поднимаются разомъ; въ такомъ случаѣ хорошо если удается выстрѣлить и свалить одну—двухъ. Но если удалось такъ или иначе разбить стаю, тогда при терпѣніи можно перебрать большую часть ея. Зимою, когда куропатки привыкнутъ летать кормиться на гумна, ихъ можно стрѣлять здѣсь просто подкарауливая въ извѣстное время, но едва ли такая охота можетъ представлять интересъ.

Затѣмъ, что касается промысловаго добыванія куропатокъ, то нѣкоторые способы удивительно примитивны. Таково, напр., добываніе на приваду, практикуемое въ Черниговской и другихъ губерніяхъ. Когда выпадетъ глубокій снѣгъ, и куропатки начнутъ посѣщать гумна, промышленникъ, выбравъ недалеко отъ гумна мѣсто, посыпаетъ его нѣсколько дней подъ рядъ мякиной. Когда куропатки привыкнутъ къ этой приводѣ и начнутъ летать сюда ежедневно, промышленникъ посыпаетъ гречихою узкую дорожку отъ привады черезъ отверстіе въ воротахъ во внутрь гумна. Куропатки, прилетѣвъ на приваду и замѣтивъ гречиху, начинаютъ поклевывая подвигаться по дорожкѣ къ воротамъ, проходятъ черезъ отверстіе въ нихъ и вбѣгаютъ на гумно. Тогда наблюдавшій за этимъ промышленникъ съ шумомъ отворяетъ ворота и входитъ на гумно, что, какъ говорятъ, до того поражаетъ куропатокъ, что онѣ, потерявъ всякое сознаніе, прячутся въ солому и позволяютъ не только убить себя палкою, но даже взять живьемъ руками.

Съ привадой же связана и ловля сѣтью или шатромъ, представляющая собою видоизмѣненіе ловли шатромъ тетеревовъ, хотя мѣстами (въ восточной Россіи) куропатокъ кроютъ и настоящимъ тетеревинымъ шатромъ, что тѣмъ легче, что онѣ очень легко идутъ на приваду и подходятъ подъ шатеръ уже на другой, много на третій день. Обыкновенно же это добываніе производится такъ. Какъ только выпадетъ снѣгъ, промышленникъ, захвативъ съ собой пукъ немолоченной гречишной соломы, объѣзжаетъ всѣ любимыя мѣста куропатки, какъ-то лѣски, ложки, бобники и т. д. Найдя слѣды этихъ птицъ, онъ кладетъ на нихъ пукъ гречишной соломы — приваду — и ѣдетъ дальше, чтобы повторить то же самое въ другихъ мѣстахъ. На другой день онъ отправляется (опять-таки въ саняхъ) повѣрять приваду, оправляетъ солому, если была мятель или поземка, и старается разсмотрѣть, не было ли на ней куропатокъ. Обыкновенно это не составляетъ труда, т.-к. куропатки не только истопчутъ снѣгъ около соломы, но разроютъ, разбросаютъ ее, и при нѣкоторой опытности можно даже опредѣлить приблизительную численность табуна, подходившаго къ

привадѣ. Замѣтивъ, что куропатки были на какой-нибудь привадѣ, промышленникъ подкладываетъ сюда еще соломы, насыпаетъ гречихи, а другія привады уничтожаетъ. Благодаря своей привязанности къ мѣсту, куропатка, найдя изобильную пищу, придетъ сюда и на другой и на третій день, а промышленникъ, подложивъ корму еще разъ-другой, черезъ недѣльку, а то и раньше принимается за ловлю. Снасть его очень проста: взявъ большой обручъ аршина въ два-три въ діаметрѣ, онъ натягиваетъ на него сѣть, и такъ называемый шатеръ готовъ. Въ извѣстный день, забравъ его, промышленникъ еще до разсвѣта отправляется къ привадѣ, ставитъ надъ ней шатеръ, подпирая одну его сторону палочкой, отъ этой палочки протягиваетъ къ ближайшему кусту бечевку, а въ кустѣ прячется самъ. Какъ только наступитъ сѣрое зимнее утро, куропатки тутъ какъ тутъ: перегоняя другъ друга, бѣгутъ онѣ къ привадѣ, но замѣтивъ незнакомый предметъ, останавливаются и нѣкоторое время не рѣшаются идти далѣе. Если вѣтеръ колышетъ сѣтью, птицы могутъ даже отлетѣть въ сторону, но это ничего: спустя немного времени, онѣ подбѣгаютъ къ привадѣ опять и наконецъ та, которая поголоднѣй, рѣшается взойти подъ шатеръ. За ней подбѣгаютъ и остальныя и, какъ только стадо собралось подъ шатромъ, промышленникъ дергаетъ веревку и стремительно бросается на куропатокъ, чтобы расправиться съ ними по-своему, т.-к. онѣ очень сильны и въ случаѣ промедленія съ его стороны не только могутъ поднять шатеръ, но и разорвать сѣть. Этотъ способъ ловли очень губителенъ, т.-к. имъ уничтожается стадо за стадомъ. Если нѣсколько штукъ и спасется отъ перваго покрытія, черезъ 2—3 дня онѣ опять прибѣгутъ на приваду и промышленникъ все-таки изловитъ ихъ.

Не менѣе пожалуй губительна и ловля сильями или петлями, практикуемая въ южныхъ губерніяхъ. На шнурокъ, длиной въ аршинъ, привязывается отъ пяти до десяти волосяныхъ петель и концы этого шнурка привязываютъ къ кустамъ терна, преимущественно на дорожкѣ, ведущей во внутрь куста. Обвязавъ такимъ образомъ кругомъ всѣ кусты, находящіеся въ балкѣ, охотникъ отправляется на лошади, запряженной въ саночки, въ степь и, завидя куропатокъ, которыхъ по снѣгу видно далеко, старается согнать ихъ съ противоположной кустамъ стороны. Согнанныя такимъ образомъ куропатки летятъ въ балку, чтобы скрыться въ кустахъ, и, какъ извѣстно, передъ кустомъ всегда садятся на землю и потомъ уже бѣгутъ въ кустъ. Вотъ эта-то минута и есть самая губительная для куропатокъ: пробѣгая подъ шнуркомъ (на петли куропатка не обращаетъ вниманія), она головой захватываетъ петлю и остается тутъ же на мѣстѣ. Подобное добываніе возможно только по снѣгу, а чтобы судить о настойчивости промышленника, достаточно сказать, что иногда въ одной балкѣ обвязываютъ до 500 кустовъ, что считая по 5 петлей на шнуркѣ, даетъ 2500 петель. Этотъ способъ, губительный самъ по себѣ, не хорошъ еще тѣмъ, что много пойманныхъ куропатокъ пропадаетъ безъ пользы заметенныхъ снѣгомъ, а другихъ растерзываютъ лисицы и особенно

ястреба, которые, разъ замѣтивъ такое мѣсто, гдѣ ловятся куропатки, съ трудомъ могутъ быть отогнаны отсюда. Въ средней Россіи петли ставятъ въ рядъ около кустовъ, а не на самые кусты.

Ловля шатромъ или сѣтью и петлями можетъ считаться общераспространенной, но въ низовьяхъ Волги куропатокъ ловятъ еще *перевѣсными сѣтями* и *вентеремъ*. Осенью куропатки начинаютъ перелетать изъ степей въ займище (долина Волги) и вотъ тогда-то жители праваго берега Волги, Камышинскаго и Царицынскаго уѣздовъ, разставляютъ сѣти вдоль берега Волги надъ обрывомъ, въ вертикальномъ положеніи, и ожидаютъ вечера, когда стаи куропатокъ, одна за другою, летятъ въ займище. Нѣкоторыя стаи, конечно, благополучно минуютъ сѣти, другія же попадаютъ въ нихъ цѣликомъ. Тогда промышленникъ быстро набрасывается на попавшихся, самымъ грубымъ образомъ придушиваетъ ихъ и, поправивъ сбившуюся и спутавшуюся сѣть, попрежнему припадаетъ поодаль къ землѣ, въ ожиданіи новой добычи.

Что касается добыванія куропатокъ вентеремъ, то я приведу слѣдующее полное описаніе этого способа ловли, сдѣланное анонимнымъ авторомъ въ журналѣ „Природа и Охота" за 1885 г.

„Вентеремъ называется круглая сѣтка, вродѣ кишки, длиною саженъ въ десять. Устье этой кишки представляетъ круглое отверстіе въ поларшина въ діаметрѣ, а хвостъ, постепенно суживаясь, сходитъ, какъ говорятъ мужички, на-нѣтъ и сплетается въ бечевку, привязанную къ прочному и острому колышку. Чтобы кишка эта не сплющивалась, она растопыривается обручиками изъ ивовыхъ или еще лучше таволожновыхъ прутиковъ. Обручики уменьшаются постепенно въ діаметрѣ по мѣрѣ приближенія къ хвосту вентеря. Къ устью вентеря прикрѣпляются съ обѣихъ сторонъ крылья, или узкія сѣтковыя полосы, саженъ по 10 въ длину и даже болѣе каждая. При установкѣ вентеря крылья, легонько натягивая, отводятъ отъ него въ стороны по круговой линіи, стараясь охватить возможно большее пространство. Сѣтка крыльевъ прикрѣпляется къ ивовымъ прутикамъ, которые втыкаются въ землю и поддерживаютъ сѣтку. Въ самомъ устьѣ вентеря придѣлывается вмѣсто обручика дужка, то же изъ ивы или таволожки; концы этой дужки обхвачены всегда остроконечными колпачками изъ листового желѣза и имѣютъ видъ копій. Дѣлается это съ цѣлью болѣе легкаго втыканія дужки въ землю при ставленіи вентеря Къ вентерю для ловли необходимъ щитъ. Такъ называется широкій кусокъ холста, вродѣ небольшой (примѣрно въ полчеловѣка) скатерти, пришитый къ двумъ палкамъ, которыя могутъ распяливаться третьей, помѣщаемой перпендикулярно къ нимъ и между ними. Одинъ конецъ этой распорки дѣлается съ уступомъ и втыкается натуго въ выдолбленную пазуху нижней палки, а другой, свободно входитъ въ отверстіе, продѣланное въ верхней щитовой палкѣ, и выдается поверхъ ее. Надъ этимъ выдающимся концомъ пристраивается искривленный немного рычажокъ, съ однимъ концомъ

свободнымъ, а другимъ прикрѣпленнымъ къ шарниру на верхней щитовой палкѣ. Противъ свободнаго его конца придѣлывается на концѣ той же палки ременная петля. Когда въ щитѣ нѣтъ надобности, онъ наматывается обыкновенно на распорку въ трубку. Когда же его нужно бываетъ пустить въ дѣло, полотно раскатываютъ, вбиваютъ сначала распорку въ широкое отверстіе верхней щитовой палки, потомъ вколачиваютъ другой ея конецъ въ выдолбленную пазуху нижней щитовой палки и начинаютъ нажимать рычажкомъ на конецъ распорки, высунувшійся въ отверстіе щитовой палки. Отъ этого нагнетанія распорка подается внизъ, увлекаетъ съ собою нижнюю щитовую палку и такимъ образомъ натягиваетъ полотно. Лишь только свободный конецъ рычажка будетъ пригнутъ до щитовой палки, на него насовываютъ ременную петлю, и щитъ готовъ. Щитъ этотъ имѣетъ назначеніе скрывать ловца отъ птицы. Но чтобы первый могъ видѣть послѣднюю, въ верхней половинѣ щита дѣлается узкій прорѣзъ, чрезъ который ловецъ можетъ видѣть все, что дѣлается передъ щитомъ. Вотъ и вся нехитрая снасть, которой ловятъ здѣсь куропатокъ. А ловить ихъ очень нехитро, такъ какъ довѣрчивѣе этой птицы и найти нельзя.

„Перейду теперь къ описанію самой ловли.

„Прежде всего промышленникъ выслушиваетъ на зарѣ куропатокъ, затѣмъ, если возможно, высматриваетъ ихъ, а затѣмъ приступаетъ уже къ ловлѣ. Зная очень хорошо до мельчайшихъ подробностей нравы этой птицы, онъ устанавливаетъ прежде всего вентерь въ наиболѣе подходящемъ мѣстѣ, наблюдая одно непремѣнное условіе—это, чтобы впереди дужки вентеря помѣстить хоть маленькій кустикъ. Воткнувъ передъ нимъ дужку, ловецъ тянетъ вентерь за хвостъ и, натянувъ въ мѣру, втыкаетъ въ землю колышекъ, къ которому привязывается хвостъ вентеря; затѣмъ онъ раскидываетъ крылья. Когда все это будетъ имъ сдѣлано, онъ заходитъ такъ, чтобы птица была между имъ и вентеремъ, и начинаетъ загонять ее. Укрываясь за щитомъ, который онъ держитъ лѣвой рукой за распорку, онъ начинаетъ подгонять куропатокъ, глядя чрезъ отверстіе и направляя ихъ въ пространство между крыльями вентеря. Согнувшись, потихоньку, еле передвигая ноги, ступаетъ онъ, легонько постукивая камешкомъ о распорку щита. Куропатки, заслыша стукъ, вначалѣ безпокоятся, но не видя врага и, вѣроятно, принимая щитъ за большой камень, успокаиваются и продолжаютъ безмятежно пастись, направляясь, однако, въ противоположную сторону отъ мѣста, гдѣ раздается странный и назойливый стукъ. Если они приняли необходимое дли ловца направленіе, т.-е. пошли въ пространство, охваченное крыльями вентеря, онъ торжествуетъ. Сердце его начинаетъ биться все сильнѣе по мѣрѣ приближенія передней куропатки къ дужкѣ вентеря, руки и ноги дрожатъ; въ глазахъ помутилось, и вмѣсто куропатокъ у него предъ ними мелькаютъ то огненные, то красные, то зеленые, то темные круги, и горе ему, если онъ не вы-

держитъ себя въ этотъ важный для него моментъ: если онъ поспѣшитъ и сдѣлаетъ какое-либо неловкое движеніе, или уронитъ изъ руки каменекъ, или стукнетъ имъ посильнѣе, чѣмъ надо, тогда прощай куропатки!.. вся стая пырхнетъ съ трескомъ и поминай ее какъ звали. Такая стая рѣдко подходитъ въ другой разъ подъ вентерь. Но если охотникъ опытный, если онъ умѣетъ владѣть собою, вся стая будетъ въ вентерѣ. Онъ не смутится даже и тѣмъ, что передняя куропатка, увидѣвъ сѣтку крыла, остановится въ недоумѣніи и нерѣшимости. Вмѣсто того, чтобы спѣшить въ этотъ моментъ загономъ, онъ, напротивъ, совершенно притихнетъ, замретъ на мѣстѣ и ждетъ, что будутъ дѣлать куропатки. Если онѣ успокоятся и пойдутъ впередъ, онъ осторожно подвинется самъ и пристукнетъ камешкомъ. Теперь онъ почти увѣренъ въ успѣхѣ... Вотъ куропатки замѣтили кустикъ и бѣгутъ къ нему... Вотъ передняя юркнула подъ него, какъ разъ въ предательскую кишку вентеря, изъ которой нѣтъ возврата, если она хорошо сдѣлана и хорошо поставлена. Если передняя юркнула въ вентерь и ходко пошла въ немъ къ хвосту кишки, вся стая будетъ тамъ. Охотнику остается только бѣжать, свалить дужку вентеря и начать избіеніе добычи. По большей части это такъ и бываетъ; но случается, однако, и иначе. Юркнувъ въ кустикъ, передняя куропатка иной разъ немедленно возвращается назадъ и отводитъ отъ кишки всю стаю. Опытнаго ловца и это не смущаетъ. Онъ знаетъ, что главная задача его—не спугнуть куропатокъ, а потому онъ даетъ имъ свободно выйти изъ вентеря. Онъ заходитъ съ другой стороны, собьетъ стаю и тѣмъ поставитъ впереди ея менѣе разборчивую и болѣе довѣрчивую птицу и гонитъ ее опять въ вентерь; тогда дѣло его въ шляпѣ".

Вотъ и всѣ наиболѣе распространенные способы добыванія куропатокъ. Конечно, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, практикуются и другіе, но послѣдніе носятъ болѣе случайный характеръ. Такъ, въ Бессарабіи осенью стрѣляютъ куропатокъ изъ-подъ собаки въ кукурузникахъ, какъ и другую дичь. Охота выходитъ легкая и добычливая, благодаря простору стрѣльбы и обилію дичи въ кукурузникахъ, и можетъ продолжаться очень долго. Зимою стрѣляютъ куропатокъ, просто подъѣзжая къ нимъ на саняхъ, для чего только надо издали замѣтить стаю и затѣмъ ѣхать не прямо на нее, а слегка въ объѣздъ. Такимъ образомъ нѣкоторымъ удается добыть 7—8 куропатокъ на 1—2 выстрѣла по сидящей и поднимающейся стаѣ, но подъѣхать два раза къ одной и той же стаѣ не удается. Наконецъ, нѣкоторые прикармливаютъ куропатокъ на гумнахъ и стрѣляютъ ихъ просто подкарауливая, когда онѣ приходятъ кормиться.

Вообще говоря, такъ или иначе куропатокъ добывается много, но промысловое значеніе птицы, если можно такъ выразиться, неровное: не только для одной и той же мѣстности куропатокъ добывается то много, то мало и даже совсѣмъ ничего, но въ разные годы вообще количество добываемыхъ куропатокъ подвержено огромнымъ колеба-

ніямъ. Отсюда колебанія и въ цѣнѣ: въ населенныхъ центрахъ пара куропатокъ нерѣдко стоитъ 1 р. 20 к. и даже 1. 50 к., въ провинціальныхъ городахъ 1 р. и даже меньше, у промышленниковъ торговцы оптомъ берутъ эту птицу часто по 30 к. за пару. Въ установленіи цѣны большое значеніе имѣютъ конечно условія сбыта. Такъ, въ западной Сибири и восточной Россіи на куропатокъ всегда стоятъ болѣе или менѣе опредѣленныя цѣны; что же касается южной Россіи, гдѣ иногда эти птицы ловятся въ огромномъ количествѣ, онѣ часто совсѣмъ не находятъ себѣ сбыта и тогда просто пропадаютъ. Однако, въ хорошіе годы южно-русскіе промышленники продаютъ по 400—600 паръ, что даже при низкой цѣнѣ даетъ хорошій заработокъ. Какъ бы то ни было, промысловое значеніе сѣрой куропатки никакъ не ниже промысловаго значенія бѣлой, такъ какъ качество и высокая цѣна возмѣщаютъ количество, а способность этой птицы легко размножаться можетъ даже поднять ея промысловое значеніе, стоило бы только мѣстнымъ охотничьимъ обществамъ озаботиться ея охраненіемъ для размноженія, а, если нужно, то и искусственнымъ размноженіемъ.

81. Куропатка каменная.

Perdix chukar, Gray.

Табл. 86.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 533.

Болѣе распростр. названія: *каменная, горная куропатка,* также *красная куропатка* (неправильно).

Мѣстныя названія: *горная курочка* (у кавказ. охотник.)
Татар.— бухарск. — *кекликъ.* —Осет.— *хуръ-гаркъ.* — Груз. — *какаби.* — Арм.— *врмну.*—Персид.— *кабкъ.*

Я позволю себѣ привести здѣсь описаніе распространенія и образа жизни каменной куропатки или горной курочки, сдѣланное мною ранѣе, и только дополню его замѣчаніями объ охотѣ за этой птицей.

„Горная курочка, образъ жизни которой превосходно описанъ г. Свиридовымъ, распространена во всей горной странѣ Кавказа, но въ его сѣверной части мѣстами уже стала рѣдка и только въ Закавказьѣ обыкновенна. Будучи совершенно горною птицей, она лѣтомъ часто встрѣчается даже на высотѣ около 7.000 фут. н. у. м., но зимою постепенно спускается ниже и во время стужи держится въ нижнихъ поясахъ горъ.

„Любимое мѣсто жительства горной курочки глубокія и скалистыя ущелья, кое-гдѣ поросшія мелкимъ кустарникомъ и горными травами, или почти обнаженныя каменистыя стѣны горъ. Не только лѣсовъ, но даже высокой травы эта птица избѣгаетъ, но иногда встрѣчается притаившейся подъ кустикомъ на самой опушкѣ лѣса. Поэтому въ лѣсистой мѣстности горныя курочки живутъ въ небольшомъ числѣ, да и то исключительно на непокрытыхъ лѣсомъ скатахъ горъ. Здѣсь, внѣ брачнаго времени, курочки держатся обыкновенно стайками отъ 5—6 до 40 штукъ, но въ брачный періодъ встрѣчаются парами и поодиночкѣ. Подобно другимъ горнымъ куропаткамъ, горная курочка — превосходный бѣгунъ. Будучи ничѣмъ не потревоженной, она бѣжитъ довольно медленно, слегка вытянувъ впередъ голову, часто остана-

вливается, посматриваетъ по сторонамъ, обѣгая камни и перебѣгая рвы. Но если ее преслѣдуютъ, она бѣжитъ очень быстро, съ слегка приподнятыми крыльями, перепрыгиваетъ и перепархиваетъ черезъ рвы и камни, съ необычайною легкостью и ловкостью проскальзываетъ вверхъ по скалѣ и въ самое короткое время исчезаетъ. При этомъ курочка всегда бѣжитъ въ гору или вбокъ по откосу и никогда внизъ; если бѣжать вверхъ нельзя, въ такомъ случаѣ курочка поднимается на крылья. Будучи чрезвычайно подвижною птицей, горныя курочки въ хорошую погоду бѣгаютъ почти цѣлый день, не только чтобы достать корму, но и просто изъ желанія побѣгать; въ дождливое же время онѣ бѣгаютъ только за кормомъ, а остальное время сидятъ нахохлившись.

„Но что касается летательныхъ способностей горной курочки, то въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ обыкновеннымъ куропаткамъ: полетъ ея торопливый, порывистый и не очень быстрый; летаютъ эти птицы немного и только въ крайнихъ случаяхъ, какъ, наприм., когда ихъ захватятъ врасплохъ на совершенно открытой мѣстности, или когда надо перебраться изъ одного ущелья въ другое для отыскиванія корма. По своей охотѣ курочки взлетываютъ молча и летятъ довольно медленно; но испуганныя срываются сразу съ шумомъ и улетаютъ съ крикомъ *птшіи, птшіи*. На лету держатся врозь, невысоко надъ землею и всегда облетаютъ гору, а не летятъ черезъ нее; опускаясь, нѣкоторое время парятъ, а едва сядутъ на землю, какъ разбѣгаются въ разныя стороны. Перелетѣвши на новое мѣсто, всегда опускаются на средину горы. Впрочемъ, курочки очень неохотно мѣняютъ разъ выбранное мѣсто и, будучи вспугнуты, непремѣнно возвращаются туда въ тотъ же день, не позднѣе вечера.

„Питаются каменныя куропатки весьма разнообразнымъ кормомъ: въ теплое время года насѣкомыми, по преимуществу жуками и прямокрылыми, гусеницами, пауками, сѣменами и луковицами разныхъ горныхъ растеній, ячменемъ, пшеницей, льномъ и пр.; зимою же, когда кормъ сокращается и птицѣ приходится иногда очень глубоко разрывать снѣгъ, чтобы достать кормъ изъ-подъ него, преимущественно разными ягодами и сѣменами. Весною къ зимнему корму прибавляются почки и молодые побѣги горныхъ кустарниковъ.

„Каменная куропатка очень живая и крикливая птица и издаетъ различный крикъ, смотря по тому, въ какомъ случаѣ. При спокойномъ полетѣ она иногда издаетъ тихое *дюрр-дюрр*....; сидя спокойно или отыскивая кормъ, куропатка кричитъ *кута-тá, кута-тà*, сильно напоминающее кудахтанье курицы; въ пасмурную погоду куропатки кричатъ почти цѣлый день, въ ясную—преимущественно утромъ и вечеромъ. Наконецъ, сзывающая выводокъ или предупреждающая его объ опасности матка сильно квохчетъ. Въ теплое время года куропатки кричатъ чаще, чѣмъ зимою, и такъ какъ при этомъ птицы, покричавъ, очень быстро перебѣгаютъ съ одного мѣста на другое, то иногда по крику кажется, что въ ущельи много этихъ птицъ, а на самомъ дѣлѣ

ихъ всего тамъ штуки двѣ-три. Не будучи напуганы, куропатки очень довѣрчивы и смѣлы, такъ что зимою подходятъ даже къ саклямъ и гумнамъ горцевъ, но напуганныя дѣлаются очень осторожны. Во время преслѣдованія описываемая птица обнаруживаетъ большую находчивость и сообразительность. Въ каменистой, изрытой ложбинами мѣстности куропатка убѣгаетъ, пользуясь всякимъ прикрытіемъ, или же вдругъ, на бѣгу, припадаетъ къ землѣ въ какомъ-нибудь углубленіи, и когда охотникъ или звѣрь пройдетъ мимо, вскакиваетъ и убѣгаетъ въ противоположную сторону. Иногда цѣлое стадо, залегши, подпускаетъ охотника въ упоръ, и тогда вдругъ взлетаетъ, разсыпаясь въ разныя стороны. Тамъ гдѣ есть трещины и пещеры, куропатки мастерски прячутся въ нихъ, а если охотникъ, замѣтившій бѣглянку, станетъ доставать ее изъ неглубокой трещины рукою, то птица отчаянно обороняется клювомъ и ногами. Раненая, она иногда притворяется мертвой и лежитъ съ закрытыми глазами и распущенными крыльями, выжидая, не зазѣвается ли охотникъ, заряжая ружье или по какому другому поводу; тогда птица изъ всѣхъ силъ вскакиваетъ и убѣгаетъ или улетаетъ. Говорятъ, что иногда куропатка вырывается такимъ образомъ изъ рукъ охотника и даже изъ сѣтки ягдташа.

„Забравшись рано утромъ, до восхода солнца, въ какое-нибудь глухое ущелье, гдѣ попадаются каменныя куропатки,—говоритъ г. Свиридовъ,—и помѣстившись за высокимъ камнемъ, можно съ удобствомъ дѣлать наблюденія надъ этими милыми птичками. Чуть только темное ущелье освѣтится первыми лучами восходящаго солнца, изъ-подъ камней, разсѣлинъ скалъ, пещеръ и трещинъ горъ, по обѣимъ сторонамъ ущелья, появляются (въ-одиночку, по-парно или пять-шесть разомъ) каменныя куропатки. Осмотрѣвшись и встряхнувшись, онѣ быстро разбѣгаются въ разныя стороны. Кажется, что онѣ вовсе не осторожны и совершенно беззаботно бѣгаютъ взадъ и впередъ между камнями и кустарниками, но это далеко не вѣрно; послышится ли подозрительный шорохъ, крикъ, сорвется ли камень съ горы и, прыгая съ скалы на скалу, покатится съ глухимъ шумомъ внизъ по горѣ; послышатся ли шаги, топотъ лошади, или покажется вдали пернатый хищникъ,—каменныя куропатки уже остановились, насторожились и собрались въ кучку, безпокойно оглядываясь и прислушиваясь. Миновала опасность или тревога была фальшивою,—птицы вновь разбѣгаются; въ противномъ случаѣ онѣ стремглавъ бѣгутъ въ противоположную отъ мѣста появленія врага сторону или улетаютъ въ сосѣднее ущелье.

„Наѣвшись досыта, каменныя куропатки отправляются пить къ ближайшему ручью. Тамъ, въ тѣни высокой травы или подъ нависшими камнями, онѣ сидятъ во время полуденнаго жара, встряхиваясь, ощупывая и расправляя перышки или разыскивая разныхъ паразитовъ. Какъ только жаръ спадетъ, птицы вновь отправляются за кормомъ на прежнее мѣсто, или куда-нибудь по-сосѣдству. Разыскиваніе корма разнообразится часто драками, до которыхъ каменныя куропатки большія охотницы. Эти птицы вообще далеко не мирнаго нрава; онѣ ссо-

рятся между собою и дерутся при всякомъ удобномъ случаѣ, по большей части безъ всякаго повода, а такъ, какъ говорится, зря. Такія драки, впрочемъ, непродолжительны. Другое дѣло если одно стадо забредетъ въ районъ пастьбы другого, или попытается завладѣть мѣстомъ ночлега,—сраженіе немедленно возгарается; въ бой вступаютъ, наподобіе древнихъ германцевъ, мужья, жены и дѣти — и побѣдителями по большей части остаются правые, т.-е. владѣльцы атакуемой мѣстности. Отличаясь драчливостью, каменныя куропатки не могутъ похвастать и уживчивостью: онѣ не терпятъ въ своемъ обществѣ другихъ птицъ и, по разсказамъ туземцевъ, всегда прогоняютъ случайно попадающихъ въ ихъ стадо сѣрыхъ куропатокъ. Въ неволѣ каменныя куропатки дерутся со всѣми встрѣчающимися имъ птицами, горячо преслѣдуютъ воробьевъ, голубей, не затрудняются напасть на курицу и утку и даже, порою, своими дрязгами выводятъ изъ себя флегматичныхъ индюковъ.

„Передъ заходомъ солнца каменныя куропатки держатся обыкновенно вблизи своихъ мѣстъ ночлега. Въ это время онѣ любятъ взбираться на уединенно-стоящіе камни или выступы скалъ. Помѣстившись на краю скалы, онѣ перекликаются между собою, ощупываются или просто сидятъ нахохлившись. Вскорѣ послѣ захода солнца онѣ отправляются спать. Мѣстомъ ночлега обыкновенно служатъ небольшія разсѣлины или трещины горъ, небольшія пещеры и вымоины подъ скалами; иногда, особенно лѣтомъ, птицы располагаются на ночлегъ по выступамъ большихъ камней и скалъ.“

„Брачный періодъ начинается у каменныхъ куропатокъ очень рано. Уже въ концѣ февраля или началѣ марта онѣ начинаютъ разбиваться на пары, при чемъ между самцами начинаются ожесточенныя драки изъ-за самокъ. Дерутся эти птицы по-долгу и иногда до того, что одинъ изъ противниковъ остается на мѣстѣ; подойти къ дерущимся можно на пять шаговъ — и они все-таки не оставляютъ другъ друга, пуская въ дѣло клювъ, ноги и крылья. Наконецъ, пары образовались и вотъ гдѣ-нибудь въ трещинѣ скалы, подъ камнемъ, подъ кустикомъ вереска или можжевельника самка и самецъ устраиваютъ гнѣздо, выстилая небольшое углубленіе травой, мхомъ и листьями. Яйца можно находить съ марта до іюля, но нормально каменная куропатка гнѣздится одинъ разъ въ году, и вторично несетъ яйца, если первыя почему-либо погибли. Полная кладка содержитъ отъ 8 до 12, рѣдко до 14 яицъ; вторичная кладка бываетъ меньше. Яйца желтоватаго цвѣта съ черными пятнышками и имѣютъ отъ 1,6 до 1,5 д. въ длину и отъ 1,22 до 1,18 д. въ поперечникѣ. Самецъ помогаетъ самкѣ въ насиживаніи, но остается на гнѣздѣ меньше самки, такъ какъ только замѣняетъ ее, когда она идетъ пить или кормиться; остальное время онъ остается около гнѣзда и оберегаетъ самку, прогоняя холостыхъ самцовъ. Самка сидитъ на гнѣздѣ такъ крѣпко, что иногда удается схватить ее руками. Цыплята очень скоро по выклюнутіи изъ яицъ научаются лазить по камнямъ, бѣгать, прятаться и собствен-

ными силами добывать кормъ. Сначала родители уводятъ ихъ за кормомъ отъ гнѣзда только среди дня, но постепенно остаются съ ними внѣ гнѣзда всё больше и больше и наконецъ возвращаются къ гнѣзду только на ночлегъ. Матка очень привязана къ дѣтямъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобъ отвести отъ нихъ охотника или другого непріятеля, тогда какъ цыплята мастерски прячутся и вылѣзаютъ изъ-подъ прикрытія только по голосу матки или отца. Если же одинъ изъ стариковъ погибъ, тогда всѣ заботы о выводкѣ беретъ на себя другой. Въ случаѣ гибели обоихъ родителей выводокъ присоединяется къ другому, чѣмъ и объясняется, что иногда при двухъ старикахъ бываетъ до 30 цыплятъ. Черезъ три мѣсяца по выходѣ изъ яицъ молодыя куропатки становятся ростомъ со взрослую птицу и продолжаютъ жить выводкомъ, или же нѣсколько выводковъ соединяются въ большую стайку. Позднею осенью, когда снѣга въ горахъ накопится очень много, такъ что птицамъ трудно станетъ добывать изъ-подъ него кормъ, а холода начнутъ усиливаться, куропатки постепенно спускаются ниже, но ни въ это время, ни въ другое онѣ никогда не встрѣчаются не только на равнинахъ, но даже и въ горныхъ долинахъ, а лишь переселяются изъ болѣе высокаго пояса горъ въ болѣе низкій и обратно, смотря по времени года“.

Что касается охоты за горными куропатками, то, безъ сомнѣнія, это одна изъ наиболѣе трудныхъ, такъ какъ охотнику приходится лазить по кручамъ и осыпямъ, пробираться едва проходимыми ущельями, испытывать голодъ и жажду и въ добавокъ рисковать оборваться съ утеса или наткнуться на медвѣдя, а то и пантеру. Къ тому же стрѣлять приходится на бѣгу или въ летъ, часто въ очень неудобномъ положеніи, а потому какъ же не дорожить такой дичью? Практическіе совѣты относительно охоты за описываемой птицей мы приведемъ словами г. Свиридова.

„Самые лучшіе мѣсяцы для охоты за ними августъ, сентябрь и въ особенности октябрь. Въ это время куропатки очень жирны, попадаются значительными стайками, лѣнивы на подъемъ и подпускаютъ довольно близко охотника. Въ это время и солнце не такъ печетъ и воды больше въ горахъ. Лучшая пора для охоты — съ ранняго утра до 2 часовъ дня и затѣмъ отъ 4 до 7 вечера. Въ пасмурный, дождливый и въ особенности вѣтренный день охота бываетъ особенно удачна. Тогда гораздо легче находить куропатокъ, потому что онѣ кричатъ цѣлый день. Вѣтеръ, шумя по ущельямъ, заглушаетъ звукъ шаговъ и падающихъ камней и даетъ возможность подойти ближе къ птицамъ, которыя въ такое время чаще и дольше сидятъ на мѣстѣ.

„Охотясь въ первый разъ въ новой мѣстности, лучше отправляться на охоту верхомъ съ двумя проводниками, съ тѣмъ чтобы подлѣ мѣста охоты спѣшиться и отправить лошадей впередъ, въ условленное мѣсто. Послѣднее тѣмъ удобнѣе, что на такой охотѣ стрѣлокъ заходитъ иногда очень далеко отъ жилья. По окончаніи охоты утомленному и нагруженному добычею стрѣлку тяжело возвращаться пѣшкомъ. Обратные

переходы ущелій и горъ очень утомительны, уже не говоря о томъ, что при быстро наступающей темнотѣ легко заблудиться пѣшкомъ. Горныя же лошади знаютъ отлично мѣстность и никогда не собьются съ пути.

„На такой охотѣ нужно быть легко одѣтымъ, чтобы удобнѣе было ходить, но при себѣ нужно имѣть что-нибудь теплое (осенью и весною), потому что въ обратный путь по большей части приходится возвращаться почти мокрымъ или покрайней мѣрѣ сильно разгоряченнымъ, а при такомъ состояніи внезапный вѣтеръ въ ущельи, или на горѣ прохватитъ до костей и пожалуй наградитъ основательной простудой. Помимо съѣстныхъ припасовъ не мѣшаетъ брать съ собою мятныхъ или валеріановыхъ капель: очень часто въ ущельяхъ встрѣчается вода, прозрачная, холодная, но насыщенная нѣкоторыми минеральными солями, очень вредно дѣйствующими на желудокъ. Въ такомъ случаѣ вино не поможетъ, да оно скоро и выпивается. Каменныхъ куропатокъ рѣдко когда приходится стрѣлять близко: minimum разстоянія—пятьдесятъ, шестьдесятъ шаговъ, поэтому лучше всего стрѣлять ихъ вальдшнепинникомъ, а зимою даже мелкимъ утинникомъ.

„Слѣдуетъ ли брать на охоту собаку? На счетъ этого существуетъ два противоположныхъ мнѣнія: одни охотники говорятъ—да, другіе—и я въ томъ числѣ—нѣтъ. Разумѣется собака доставляетъ нѣкоторыя удобства охотнику: она раньше его узнаетъ по слѣдамъ присутствіе куропатокъ, догонитъ раненую (не всегда впрочемъ), достанетъ убитую. Но и неудобствъ съ ней не мало—каменныя куропатки боятся собакъ (въ особенности сеттеровъ) и стойку рѣдко выдерживаютъ, а напротивъ, завидя собаку, удираютъ во всю мочь; если собака горяча, то она разгонитъ всѣхъ куропатокъ ранѣе, чѣмъ подойдетъ охотникъ, которому труднѣе лазить по горамъ. Очень часто собака, горячо преслѣдуя каменныхъ куропатокъ, обрывается въ пропасти и разбивается о камни. Многія собаки не выдерживаютъ долгаго лазанья по горамъ, скоро устаютъ и тогда только мѣшаютъ охотнику. Я охотился постоянно безъ собаки, часто добывалъ по пятнадцати, двадцати куропатокъ въ день и за весьма немногими исключеніями рѣдко когда нуждался въ помощи собаки. Впрочемъ, это дѣло вкуса и привычки. Нѣкоторые охотники, напримѣръ, не могутъ стрѣлять бекасовъ и дупелей безъ собакъ, а въ Закавказьѣ это сплошь и рядомъ дѣлается многими охотниками. Охотясь за каменными куропатками, необходимо идти посрединѣ склона горъ; если охотникъ идетъ по дну ущелья, то ему приходится постоянно высоко держать голову; спасаясь отъ охотника, птицы по большей части бѣгутъ вверхъ, къ вершинамъ горъ, такъ что за ними нужно высоко лѣзть. Если же охотникъ идетъ по вершинѣ хребта, то птицы раньше видятъ его, чѣмъ онъ ихъ, и быстро убѣгаютъ внизъ незамѣченными, если же ему и удастся замѣтить стадо, то подойти къ нему близко все-таки будетъ очень трудно: какъ бы тихо ни ступалъ охотникъ, мелкіе камешки все-таки выскальзываютъ изъ-подъ ногъ и, катясь съ шумомъ внизъ, пугаютъ птицъ; при

первой же попыткѣ приблизиться стадо бросится вразсыпную и, пробѣжавъ немного, пролетитъ внизъ, чуть не касаясь крыльями земли; въ этомъ случаѣ промахъ весьма вѣроятенъ. Между тѣмъ какъ огибая гору посрединѣ легче разсматривать большое пространство, удобнѣе и быстрѣе подняться выше или спуститься внизъ. Лучше всего подкрадываться къ каменной куропаткѣ въ то время, когда она кричитъ, и стоять тихо когда она замолчитъ. Она обыкновенно кричитъ нѣсколько секундъ, иногда до 2 минутъ, затѣмъ слѣдуетъ молчаніе довольно короткое, потомъ опять крикъ. На стоящаго тихо охотника птицы обращаютъ мало вниманія.

„Подкрадываться всего лучше противъ вѣтра,— каменныя куропатки имѣютъ отличный слухъ и поспѣшатъ заранѣе убраться, заслыша, но не видя человѣка".

Кромѣ русскихъ, за каменными куропатками охотятся главнымъ образомъ горцы, и то не всѣ, а только мусульмане-татары и изрѣдка курды. Кромѣ того, татары и армяне очень любятъ держать каменныхъ куропатокъ дома въ качествѣ ручныхъ птицъ и пѣтушковъ въ качествѣ бойцовыхъ. Пойманныя взрослыми куропатки или убѣгаютъ, или погибаютъ, но ни въ какомъ случаѣ не приручаются. Напротивъ, цыплята, выведенныя изъ яицъ, которыя были подложены подъ курицу, выростая, становятся совершенно ручными и бѣгаютъ около дома вмѣстѣ съ другой домашней птицей.

Наконецъ, кавказскіе туземцы любятъ охотиться за каменными куропатками съ соколами и ястребами.

82. Индѣйка горная кавказская.

Tetraogallus caucasicus, Pall.

Табл. 87.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 540.
Болѣе распростр. названіе: *горная индѣйка.*

Туземныя названія: Осетин. — *жимъ.* — Груз. и имерет. — *индауре.* — Сван. — *мулькауре, мулькэре.* — У исток. Ріона — *джеруни.*

„Горная индѣйка водится почти на всемъ протяженіи главнаго Кавказскаго хребта и его ближайшихъ отроговъ, но только тамъ, гдѣ есть вѣчные снѣга; на высокихъ же скалистыхъ горахъ, лѣтомъ совершенно лишенныхъ снѣга, эти птицы не живутъ. Такимъ образомъ, данное М. Н. Богдановымъ опредѣленіе области распространенія горной индѣйки „горныя луга Кавказа" невѣрно, такъ какъ въ нижней части этого пояса, покрытой высокою травой, коренномъ мѣстопребываніи кавказскаго тетерева, горная индѣйка вовсе не встрѣчается, а живетъ только въ самой верхней части его, покрытой мелкой приземистою травкой.

„Горная индѣйка живетъ въ такихъ дикихъ и мало доступныхъ мѣстахъ, что эту птицу хорошо знаютъ только охотники за турами, живущими вмѣстѣ съ горной индѣйкой. Любимое мѣстопребываніе ея обрывистые горные склоны вблизи вѣчныхъ снѣговъ, съ площадками, поросшими альпійскимъ травянистымъ растеніемъ *Potentilla,* которымъ преимущественно питаются и туры и индѣйки. Описываемая птица держится парами, но обыкновенно нѣсколько паръ встрѣчаются недалеко другъ отъ друга. Замѣтивъ опасность, индѣйка даетъ знать объ этомъ своимъ сосѣдямъ пронзительнымъ свистомъ и крикомъ, вродѣ *тирекъ, тирекъ, тирекъ,* послѣ чего птицы улетаютъ. Полетъ ихъ быстрый и прямой, напоминающій полетъ стрепета, и предпочтительнѣе птица всегда летитъ къ леднику; собираясь сѣсть, индѣйка многократно поворачивается то въ ту, то въ другую сторону. Бѣгаетъ индѣйка прекрасно даже по снѣгу, и съ изумительною ловкостью прячется между обломками скалъ. Въ апрѣлѣ самка приступаетъ къ кладкѣ. Никакихъ подробностей объ образѣ жизни горныхъ индѣекъ въ брач-

ный періодъ у насъ нѣтъ, но по разсказамъ охотниковъ, мѣстомъ для гнѣзда выбирается прикрытое выступомъ камня пространство, гдѣ самка собираетъ нѣкоторое количество сухихъ альпійскихъ травъ, дѣлаетъ изъ нихъ край гнѣзда и внутри очерченнаго такимъ образомъ пространства кладетъ свои яйца. Говорятъ, что число яицъ бываетъ до 20; встрѣченный Радде выводокъ состоялъ приблизительно изъ 15 птенцовъ. Длина яицъ 2,65 д., поперечникъ около 1,80; они или блѣдно-охристы съ оливковымъ оттѣнкомъ, или болѣе зеленовато-оливковы; по этому основному фону разбросаны небольшія буроватыя пестрины. Въ іюнѣ уже можно встрѣтить выводки горныхъ индѣекъ, охраняемые стариками. Самецъ занимаетъ болѣе сторожевой постъ, самка принимаетъ ближайшее участіе въ охраненіи птенцовъ; завидѣвъ опасность, и старые и молодые прижимаются къ землѣ и лежатъ такъ крѣпко, что почти позволяютъ наступить на себя; но затѣмъ съ необычайной быстротой и съ шумомъ, какъ всѣ куропатки, разлетаются по разнымъ направленіямъ. Повидимому, родители знаютъ, что спрятавшіеся среди обломковъ молодые безопасны отъ преслѣдованія, потому что улетаютъ далеко отъ выводка и возвращаются къ нему не раньше какъ убѣдятся, что опасность миновала. Тогда самка свистомъ даетъ объ этомъ знать дѣтямъ, и выводокъ опять собирается. Говорятъ, что на зиму горныя индѣйки собираютъ запасы почекъ *Potentilla* и другія растенія, которыя складываютъ подъ защитой утесовъ. Горная индѣйка живетъ на высотѣ отъ 7 до 16,000′. Зимою изъ верхняго альпійскаго пояса спускается въ нижній, но никогда не бываетъ даже въ средней полосѣ горъ".

Вотъ то немногое, что я могъ сообщить о распространеніи и образѣ жизни горной индѣйки въ моихъ „Птицахъ Россіи" и что я теперь могу дополнить слѣдующими интересными наблюденіями надъ этой птицей, сдѣланными Е. В. Цвѣтковымъ въ Цейскомъ ущельѣ (изъ рукоп.).

„Въ Цейскомъ ущельѣ горная индѣйка весьма многочисленна. Лѣтняя область ея распространенія здѣсь вполнѣ совпадаетъ съ таковой же тура. Если раздѣлить всю область альпійской растительности отъ верхней границы лѣса до верхнихъ возможныхъ предѣловъ растительности на три пояса, то нижній, включая и самую верхнюю полосу древесной растительности, выпадетъ на долю кавказскаго тетерева, средній—на долю горнаго снѣгиря и верхній—на долю горной индѣйки. Тощая растительность въ этомъ послѣднемъ поясѣ ютится по небольшимъ площадкамъ, карнизамъ и трещинамъ скалъ, и вся мѣстность настолько дика, сурова и малодоступна, что проникнуть туда можно, только имѣя сноровку альпійскаго охотника. Сверху область эта замыкается обыкновенно линіей вѣчнаго снѣга, но индѣйки живутъ и на такихъ вершинахъ, которыя лѣтомъ (іюль и августъ) совершенно лишены снѣга. Такъ, вершина Сау-хохъ *) въ хребтѣ, раздѣляющемъ

*) „Сау-хохъ" на Осетинскомъ языкѣ значитъ: черная гора.

Цейское и Садонское ущелья, лѣтомъ на восточной, южной и юго-западной сторонѣ совершенно лишена снѣга, а между тѣмъ это излюбленное мѣсто индѣекъ, и нигдѣ я не встрѣчалъ ихъ въ такомъ большомъ количествѣ, какъ на этихъ склонахъ. Лѣтомъ индѣйка не спускается ниже 9—8 тысячъ футовъ, но зимою и особенно раннею весною она идетъ довольно низко. Помимо увѣреній мѣстныхъ охотниковъ и жителей, я имѣю и другія доказательства этого: я находилъ весенній пометъ индѣекъ нѣсколько выше аула Чей (около 6000′) и по верхней границѣ лѣса; находилъ въ такихъ мѣстахъ, куда онъ не могъ быть занесенъ весеннимъ снѣговымъ заваломъ. Весною, съ появленіемъ растительности все въ высшихъ и высшихъ поясахъ, индѣйки постепенно поднимаются кверху и приблизительно съ середины мая окончательно водворяются въ лѣтней области распространенія. О зимнихъ залетахъ индѣйки мнѣ не приходилось слышать ничего, да и врядъ ли это кто-либо могъ наблюдать, т.-к. зимою высокія мѣста горъ абсолютно недоступны.

„Лѣтомъ горныя индѣйки живутъ отдѣльными выводками *), но иногда два выводка сбиваются вмѣстѣ. Такъ, 27-го іюня въ среднемъ альпійскомъ поясѣ передъ вечеромъ я наткнулся на выводокъ индѣекъ при двухъ старкахъ. Цыплята были величиною съ перепела, всего около 10 штукъ. Я полагалъ вначалѣ, что это самецъ и самка, но когда добылъ ихъ, то убѣдился, что это обѣ самки и при томъ выводковыя—съ голымъ брюхомъ. Это обстоятельство заставило меня обратить большее вниманіе на самцовъ, и по моимъ наблюденіямъ эти послѣдніе почти никакого участія не принимаютъ въ охраненіи и воспитаніи птенцовъ. Наоборотъ, нѣсколько самцовъ сбиваются иногда вмѣстѣ и ведутъ такъ сказать „холостую жизнь". Напримѣръ, въ тотъ же день почти на самомъ перевалѣ я встрѣтилъ 7 холостыхъ индѣекъ, изъ которыхъ многія по величинѣ и яркости окраски показались мнѣ самцами. При внезапномъ появленіи человѣка старыя индѣйки обыкновенно покидаютъ цыплятъ, надѣясь на ихъ искусство прятаться, и улетаютъ довольно далеко. Спустя нѣкоторое время, онѣ возвращаются, и, если опасность еще не миновала, то вновь улетаютъ. Иногда мнѣ приходилось наблюдать, что самки стараются отвести въ сторону охотника, какъ это дѣлаетъ куропатка, но это только въ томъ случаѣ, если позволяетъ мѣстность. Если цыплята настолько велики, что летаютъ хорошо, то нѣкоторые изъ нихъ взлетаютъ вслѣдъ за старкой. Послѣдняя, взлетѣвъ, уморительно вертится изъ стороны въ сторону, держа наклонно туловище и оглядываясь на летящихъ позади цыплятъ, какъ бы стараясь замѣтить, какое они приняли направленіе. Если выводокъ разбитъ, то самка особымъ крикомъ, нѣсколько напоминающимъ клохтанье курицы, сзываетъ цыплятъ и старается увести ихъ

*) Выводки въ этомъ году были чрезвычайно малочисленны — 5 — 6 птенцовъ. По всей вѣроятности много яицъ погибло отъ весеннихъ морозовъ. Приходилось встрѣчать старку и съ однимъ только цыпленкомъ.

какъ можно выше; при этомъ она всегда опускаетъ крылья и приподнимаетъ хвостъ. Цыплята отвѣчаютъ ей жалобнымъ свистомъ, которому очень легко подражать, и такимъ путемъ удается иногда подманить старку. Выводокъ взлетитъ только въ томъ случаѣ, если вы натолкнулись на него неожиданно, если же старики замѣтятъ человѣка издали, что обыкновенно и бываетъ, то заблаговременно уводятъ цыплятъ къ самой вершинѣ хребта. Мнѣ ни разу не пришлось наблюдать, чтобы индѣйка летѣла предпочтительно къ леднику: спугнутая, она летитъ въ сторону отъ опасности и всегда нѣсколько подъ гору. Взлетая и на полетѣ индѣйки какъ старыя, такъ и молодыя издаютъ особый крикъ. Собираясь сѣсть, индѣйка не „поворачивается многократно то въ ту, то въ другую сторону", а дѣлаетъ это такъ, какъ горная курочка, т.-е. часто машетъ крыльями и нѣсколько поднимается вверхъ.

„23-го іюля, спускаясь рано утромъ съ вершины хребта Сау-хохъ, чтобы всполошить индѣекъ, я сдѣлалъ выстрѣлъ *). Послѣ выстрѣла внизу взлетѣлъ выводокъ изъ четырехъ стариковъ и десятка молодыхъ, и опустился въ средней полосѣ альпійскихъ луговъ, на склонѣ крутого гребня. Я сталъ спускаться къ нимъ, но въ это время наткнулся на двухъ старыхъ индѣекъ, сталъ ихъ преслѣдовать, и онѣ завлекли меня далеко въ сторону. Только въ полдень я былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ опустился замѣченный мною утромъ выводокъ, потому я никакъ не ожидалъ встрѣтить его здѣсь и не приготовился. Двѣ старыя индѣйки, по всей вѣроятности самцы, взлетѣли далеко впереди меня и скрылись за сосѣднимъ гребнемъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ того мѣста, откуда онѣ взлетѣли, я нашелъ выводокъ. Изъ-подъ самыхъ моихъ ногъ съ шумомъ и крикомъ взлетѣло штукъ пять молодыхъ, но я стоялъ на опасномъ мѣстѣ и не имѣлъ возможности выстрѣлить. Послѣ этого я началъ, какъ говорятъ охотники, „вытаптывать" оставшихся молодыхъ и добылъ одного. Въ моментъ выстрѣла замѣтилъ еще старую индѣйку ♀, которая распушившись и опустивъ крылья поспѣшно спускалась внизъ по гребню; я сдѣлалъ по ней выстрѣлъ, но неудачно. Она взлетѣла и опустилась на вершинѣ сосѣдняго гребня; туда же перелетѣла и четвертая старая индѣйка ♀, бывшая далеко внизу и вначалѣ незамѣченная мною. Едва я успѣлъ перемѣнить патроны и спрятать убитаго цыпленка, какъ одна изъ самокъ вернулась и сѣла шагахъ въ 60 отъ меня. Я сдѣлалъ по ней выстрѣлъ, но опять неудачный; индѣйка улетѣла въ томъ же направленіи. Никакъ не ожидая, что послѣ этого можетъ вернуться кто-либо изъ стариковъ, я хотѣлъ было идти разыскивать ихъ, но въ это время вновь вернулась та же самка (говорю „та же", потому что она прилетала и улетала по одному и тому же направленію) и опустилась шагахъ въ 40 отъ меня; я сдѣлалъ третій неудачный выстрѣлъ и она улетѣла опять въ томъ

*) Выстрѣла индѣйки боятся и почти всегда взлетаютъ.

же направленіи. Совсѣмъ обезкураженный тройной неудачей, я сѣлъ отдыхать подъ скалой, раздумывая о настойчивости, съ какой индѣйка возвращалась къ мѣсту, гдѣ полагала найти выводокъ. Черезъ $1/2$ часа вернулись обѣ самки, но опустились далеко отъ меня. Одна изъ нихъ стала сзывать цыплятъ, опустивъ крылья и поднявъ хвостъ, и постепенно взбиралась все выше и выше, другая кричала внизу подо мной; я поползъ туда и добылъ ее.

„Вообще индѣйка чрезвычайно осторожная птица, и добыть ее не легко. (Изъ 6 убитыхъ мною индѣекъ только 2 оказались вполнѣ годными для препаровки, остальныя свалились съ такой высоты, что шкурки оказались совершенно испорченными и негодными для препаровки).

„Замѣтивъ издали охотника, индѣйки всегда бѣгутъ вверхъ на вершину хребта. Если вы продолжаете преслѣдованіе, то онѣ, достигнувъ перевала и не подпуская васъ шаговъ на 100—200, слетаютъ внизъ куда-либо въ недоступное ущелье, иногда пролетая при этомъ надъ самой головой вашей.

„Кормятся индѣйки по утрамъ и вечерамъ. Лишь только закраснѣютъ снѣга на высочайшихъ вершинахъ, повсюду раздаются громкіе и разнообразные крики индѣекъ. Такъ кричатъ онѣ нѣкоторое время, а затѣмъ слетаютъ внизъ на травянистыя площадки или на мѣста, гдѣ много зеренъ бѣлаго кварца *). Отыскивая кормъ, индѣйки постепенно поднимаются кверху и часамъ къ 8—9 онѣ опять наверху, среди голыхъ скалъ.

„Въ жаркую пору дня индѣйка никогда не кричитъ, а отдыхаетъ или купается въ пескѣ подъ выступомъ скалы на тѣневой сторонѣ ущелья или утеса. Мѣстные охотники говорятъ: „днемъ тура ищи тамъ, гдѣ сидитъ индѣйка“. И это вполнѣ справедливо. Въ послѣднихъ числахъ іюля, скрадывая съ охотникомъ-осетиномъ отдыхающихъ въ полдень туровъ въ скалахъ, окружающихъ верхнюю часть Рекомскаго ледника, я безъ малѣйшаго шороха пробирался по узкому карнизу почти отвѣснаго утеса, по его тѣневой сторонѣ. И здѣсь изъ-подъ самыхъ моихъ ногъ вылетѣли двѣ старыя индѣйки, сидѣвшія подъ навѣсомъ камня. Онѣ взлетѣли такъ неожиданно, что я вздрогнулъ и чуть не потерялъ равновѣсія.

„Вечеромъ индѣйки отправляются на поиски корма послѣ заката солнца, и этому опять предшествуютъ несмолкаемые крики.

„Крики индѣйки чрезвычайно чисты и пріятны и настолько громки, что слышны почти за версту. Мнѣ кажется, что онѣ настолько музыкальны, что могли бы быть положены на ноты. Свой характерный свистъ, о которомъ говорятъ всѣ наблюдавшіе индѣйку, она издаетъ **) не только тогда, когда замѣтитъ опасность и хочетъ пре-

---

*) Послѣдняя особенность хорошо извѣстна и мѣстнымъ охотникамъ.

**) При этомъ индѣйка выпрямляется и далеко закидываетъ назадъ голову.

дупредить товарищей, но почти все время, пока отыскиваетъ кормъ и находится въ движеніи.

„Естественные враги индѣйки—бородачъ, беркутъ *) и какой-то звѣрекъ, похожій на горностая, но нѣсколько большихъ размѣровъ. Этого звѣрка я наблюдалъ одинъ разъ издали 2-го іюля, когда онъ сдѣлалъ неудачный прыжокъ къ молодой индѣйкѣ.

„Остатки растерзанныхъ индѣекъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, мнѣ приходилось находить часто".

*) Относительно этихъ двухъ видовъ говорю со словъ охотниковъ.

83. Индѣйка горная каспійская.

Tetraogallus caspius, Gm.

Табл. 88.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 543.

Болѣе распростр. названіе: *горная индѣйка*.

Туземныя названія: татар. въ Ленкорани—*уръ-кэклукъ*. Перс.—*кабкъ-и-даре*.—Въ Талышѣ—*шенакасъ*.

„На Кавказѣ, писалъ я въ своихъ „Птицахъ Россіи“, этотъ видъ горной индѣйки распространенъ по высочайшимъ, отдѣльно стоящимъ горамъ Арменіи и въ пограничной области, именно въ горахъ у истоковъ Чороха и на Талышской границѣ къ востоку отъ Савалана, на Араратахъ, на Ашихъ-дагѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, этотъ же видъ былъ найденъ Н. А. Зарудны́мъ въ Закаспійскомъ краѣ на Копетъ-дагѣ и по верхнему теченію Чандыра, откуда генералъ Комаровъ любезно прислалъ, по моей просьбѣ, прекраснаго самца. Внѣ Россіи этотъ видъ горной индѣйки широко распространенъ въ Малой Азіи, Курдистанѣ и сѣверной Персіи. Въ Малой Азіи Дэнфордъ въ подробностяхъ прослѣдилъ образъ жизни этой птицы, но я нахожу излишнимъ приводить его наблюденія, такъ какъ условія жизни, представляемыя мало-азіатскими горами и горными вершинами Закавказья, весьма различны. Можно только пожелать, чтобы наконецъ нашелся достаточно энергичный изслѣдователь Кавказа, который сообщилъ бы намъ наблюденія надъ рѣдкими кавказскими животными“.

Къ сожалѣнію за десять лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ эти строки, мое желаніе не успѣло еще исполниться.

---

84. Турачъ.

Francolinus vulgaris, Steph.

Табл. 89.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 545.

Болѣе распростр. названіе: *франколинъ* (книж.).

Мѣстное названіе: *турачъ* (у кавказ. охотн.), измѣнен. персид. названіе *дурражъ.*

Турачъ живетъ у насъ только въ Закавказьѣ и здѣсь только по рѣкамъ Курѣ и Араксу. Что касается долины р. Куры, то К. А Сатунинъ встрѣчалъ его здѣсь отъ станціи Пойлы до Аджи Кабула. Отсюда, по словамъ Радде, онъ идетъ черезъ Сальяны до с. Тезякендъ, находящагося верстахъ въ 20 ниже Сальянъ по р. Акушѣ, рукаву Куры. Встрѣчается также на нижнемъ теченіи р. Тертера. Въ долинѣ Аракса турачъ держится исключительно по среднему теченію этой рѣки, отъ с. Маральянъ на западѣ до границъ Джеватскаго уѣзда, и особенно многочисленъ около селенія Бегманлу, Джебраильскаго уѣзда. Еще очень недавно турачъ былъ распространенъ гораздо западнѣе, поднимался довольно высоко по долинамъ рѣкъ Океры и Охчичая. Въ низовьяхъ Аракса и при впаденіи его въ Куру турача нѣтъ. Эти свѣдѣнія надо дополнить указаніями В. В. Щ., что въ концѣ семидесятыхъ годовъ турачи были еще очень обыкновенны около г. Гокчая и отсюда по линіи черезъ Зардобъ къ Шушѣ, по степи, слѣдовательно были распространены, съ одной стороны, въ степи къ сѣверу отъ Куры, съ другой—между Курой и Араксомъ.

Любимое мѣстопребываніе турача составляютъ кустарныя заросли, большею частію близъ воды, но иногда онъ встрѣчается и далеко отъ воды, только всегда по равнинамъ. По характеру своему турачъ не любитъ открытыхъ мѣстъ и, за исключеніемъ весны, неохотно выходитъ изъ кустовъ, гдѣ съ удивительной ловкостью шныряетъ между ихъ густо переплетающимися вѣтвями. На сучья турачъ положительно не садится, являясь чисто наземной птицей, и вдали отъ жилищъ человѣка это даетъ ему надежную защиту отъ его глав-

ныхъ враговъ—пернатыхъ хищниковъ, хотя не спасаетъ отъ преслѣдованія дикихъ котовъ. Но тамъ, гдѣ поселился человѣкъ, турачу нѣтъ отъ него спасенья, чѣмъ и объясняется быстро прогрессирующее уменьшеніе въ числѣ этой птицы. Голосъ самца, похожій на слоги *чекъ, чекъ, ти-ти-торъ*, напоминаетъ собою чеканье черпаго дрозда и слышится какъ днемъ, такъ и ночью. Самка же очень молчалива.

Турачи живутъ, повидимому, парочками. Въ апрѣлѣ и маѣ самецъ, помѣстившись на открытомъ пригоркѣ, издаетъ особый крикъ, напоминающій собою стрекотанье сороки, но быстро скрывается, какъ только замѣтитъ что-либо подозрительное. Гнѣздо представляетъ собою неглубокую, выстланную сухою травою ямку подъ кустомъ или въ самомъ кустѣ (большею частію ежевичномъ), и сюда въ концѣ апрѣля самка несетъ отъ 12 до 18 яицъ. Они ярко-охристо-бураго цвѣта, покрыты бѣлыми точками, отъ 1,65 до 1,6 д. въ длину и отъ 1,3 до 1,27 въ поперечникѣ. Насиживаніе продолжается 21 день. Вылупляющіеся циплята покрыты сѣрымъ пухомъ, который уже черезъ нѣсколько дней начинаетъ замѣняться перьями. Бѣгаютъ они отлично съ перваго же дня рожденія, летать начинаютъ черезъ двѣ недѣли. Такъ какъ любовную трель самца можно слышать до августа, и только что выведшихся турачатъ встрѣчаютъ не только въ разные лѣтніе мѣсяцы, но даже въ началѣ сентября, то очень можетъ быть, что эти птицы нормально размножаются два раза въ лѣто.

Охота за турачами производится разными способами. Русскіе охотятся за ними съ ружьемъ, высматривая въ зарослях бурьяна или между кустарниками. Собака при этомъ не нужна, развѣ для того только, чтобы находить убитыхъ птицъ, т. к. турачъ не выдерживаетъ стойки, а подпустивъ собаку довольно близко, отбѣгаетъ, и повторивъ этотъ маневръ нѣсколько разъ, чѣмъ очень портитъ собаку, наконецъ взлетаетъ совершенно по-фазаньи, т.-е. сначала съ особымъ крикомъ и шумомъ крыльевъ поднимается столбомъ вверхъ, а потомъ летитъ прямо впередъ и, постепенно спускаясь, падаетъ въ кустарники, пролетѣвъ небольшое пространство. Турачи на рану слабы и ихъ нужно стрѣлять дробью № 9, хотя кавказскіе туземцы употребляютъ № 5 и даже № 4 дроби; но если турачъ раненъ такъ, что ноги у него не повреждены, тогда его не догонитъ никакая собака.

Туземцы добываютъ турачей не столько охотясь съ ружьемъ, сколько слѣдующими способами: 1) такъ наз. охотой съ западками, 2) охотой по порошѣ и 3) охотой съ ловчими птицами.

Охота съ западками производится слѣдующимъ образомъ. На тропинкахъ кустарныхъ и бурьянныхъ зарослей, по которымъ такъ любятъ бѣгать эти птицы, роются продолговатыя ямки, каждая около аршина глубиною и не болѣе четверти аршина шириною. Ямка закрывается тоненькой дощечкой, укрѣпленной черезъ средину на туго натянутой веревкѣ или на конскомъ волосѣ. Затѣмъ дощечка прикрывается сухой травой, соломой или листьями, и западня готова. Какъ только птица попадаетъ на дощечку, послѣдняя перевертывается, и

птица падаетъ въ яму. Иногда такимъ образомъ въ одну яму попадаетъ двѣ птицы.

Охота по порошѣ еще губительнѣе и только то обстоятельство, что въ области занятой турачомъ снѣгъ выпадаетъ не ежегодно и, если выпадаеть, лежитъ не долѣе нѣсколькихъ дней, спасаетъ турача отъ быстраго и окончательнаго истребленія. Дѣло въ томъ, что турачъ, не привыкшій къ снѣгу, боится его и забивается въ тотъ кустъ, около котораго его засталъ снѣгъ. Здѣсь онъ сидитъ до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ его отправиться на поиски за кормомъ, но и тогда, побѣгавъ немного, онъ спѣшитъ опять укрыться въ кустъ. Зная это, туземцы отправляются разыскивать турачей по слѣдамъ, и подходя къ нимъ почти въ упоръ, убиваютъ безъ промаха не только изъ ружей, но даже изъ пистолетовъ, стрѣляя большею частью неполнымъ зарядомъ и не дробью, а рубленымъ свинцомъ, мелкими гвоздями, кусочками чугуна и т. д. Иногда можно даже ударить турача палкой или поймать руками, до того крѣпко онъ забивается въ кустъ.

Несмотря на высокія качества турачинаго мяся, пара этихъ птицъ обыкновенно идетъ въ продажѣ по 30 к.

---

85. Кавказскій фазанъ.

Phasianus colchicus, L.

Табл. 90.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 548.
Болѣе распростр. названіе: *фазанъ.*

Мѣстныя названія: *маджарскій пѣтухъ* (у русскихъ поселенц. на Терекѣ, Кумѣ и Кубани).

Киргиз.-тат. — *карка-уль.* — Калм. — *гургуль.* — Грузин. — *хохоби.* — Армян.— *фазіянъ.* — Персид.— *карговаль* и *гаргауль.*

Распространеніе и образъ жизни фазана были указаны мною настолько подробно, что едвали къ этому надо еще что-нибудь дополнять.

„Кавказскій фазанъ,—писалъ я,—имѣетъ своею родиной рѣчныя долины сѣвернаго Кавказа и Закавказья, восточный и отчасти южный берегъ Чернаго моря и западный Каспійскаго. Вообще говоря, эта птица водится на Кавказѣ еще во множествѣ, но мѣстами съ необычайною быстротой истребляется промышленниками, и потому можно насчитать много мѣстъ, гдѣ прежде фазанъ водился въ очень большомъ количествѣ, а теперь совсѣмъ не встрѣчается. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что немногіе уцѣлѣвшіе почти отъ поголовнаго истребленія фазаны извѣстной области, благодаря своей плодливости, успѣваютъ вновь размножиться въ большомъ количествѣ въ немного лѣтъ; или же кто-нибудь благоразумно перевезетъ нѣсколько паръ фазановъ туда, гдѣ они истреблены, и эти, искусственно ввезенныя особи вновь населятъ временно опустошенный участокъ. Н. Я. Динникъ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о распространеніи фазана на сѣверномъ Кавказѣ: „Фазанъ встрѣчается почти всюду на Кавказѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ только есть удобныя для него мѣста, т.-е. небольшіе лѣса, пересѣченные полянами и перемежающіеся съ кустарниками, или же камыши; кромѣ того, фазанамъ очень нравится близость воды, поэтому любимымъ мѣстопребываніемъ ихъ служатъ долины почти всѣхъ кавказскихъ рѣкъ, окаймленныхъ болѣе или менѣе широкими полосами

лѣса, кустарниковъ или камышей. Фазаны живутъ всегда и на рѣчныхъ островахъ, если только они покрыты подходящею растительностью. Въ Кубанской области они распространены почти отъ самаго впаденія Кубани въ море до Хумаринской крѣпости. Около послѣдней я нѣсколько разъ убивалъ по 5 или 6 фазановъ въ зарosляхъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ облѣпихи или, какъ ее называютъ на Кавказѣ, дерезы (Hyppophaë rhamnoides); выше Хумары по Кубани фазановъ уже нѣтъ вовсе. Что касается притоковъ Кубани съ лѣвой стороны ея, то только по Тебердѣ и Доуту, протекающимъ между высокими горами, фазановъ нѣтъ вовсе; по долинамъ же Большого и Малаго Зеленчука, Урупа, Лабы, Бѣлой и т. д. фазаны живутъ вездѣ, за исключеніемъ верховьевъ этихъ рѣкъ. На Маломъ Зеленчукѣ, наприм., они доходятъ до ст. Кардоницкой, на Б. Зеленчукѣ—до ст. Зеленчукской, на Лабѣ до Каладжинской и т. д.,—словомъ, до мѣстъ, лежащихъ на высотѣ около двухъ или двухъ съ половиной тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, гдѣ долины сильно суживаются и окружаются высокими горами.—Что касается Ставропольской губерніи, то въ западной половинѣ ея фазановъ вовсе нѣтъ. Ихъ нѣтъ и въ долинѣ Калауса; сохранились они только въ восточной части губерніи, именно по долинѣ Кумы и въ Караногайскихъ степяхъ. Прежде они водились около Ставрополя, теперь ихъ тамъ нѣтъ вовсе. На Кумѣ они попадаются, начиная отъ границы Ставропольской губерніи и Терской области (недалеко отъ Георгіевска), и отсюда распространились внизъ по теченію до самаго Каспійскаго моря. Около Серебряковской пристани и въ Караногайскихъ степяхъ, изобилующихъ болотами и камышами, фазановъ очень много, а по притокамъ Кумы — Буйволѣ, Тумузловкѣ и Карамыку, нѣтъ вовсе.—Гораздо богаче фазанами Терская область. По Тереку они водятся, начиная почти отъ Владикавказа и до береговъ Каспійскаго моря *). Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ большимъ изобиліемъ фазановъ отличаются берега Терека. Въ окрестностяхъ Кизляра ихъ теперь такъ много, что можно въ полдня убить болѣе двухъ десятковъ штукъ. Почти столько же фазановъ живетъ и по притокамъ Терека съ правой стороны, наприм. по Сунжѣ, Аксаю и т. д.

„По восточному берегу Чернаго моря фазанъ распространенъ отъ Анапы до Батума, но отъ Сухума нѣсколько на сѣверъ не встрѣчается; въ окрестностяхъ Батума очень рѣдокъ; по Ріону поднимается лишь до средняго теченія рѣки. Въ Закавказьѣ фазанъ очень обыкновененъ по Курѣ, приблизительно до 2.500′ н. у. м., т.-е. до Гори, по нижнему теченію Іоры, Алазана и между Нухой и Шемахой; по Араксу живетъ только въ нижнемъ его теченіи. Что касается западнаго берега Каспійскаго моря, то здѣсь фазанъ обыкновененъ на югъ отъ Кизилъ-Агачскаго залива и на сѣверъ отъ Апшеронскаго полуострова. Около

*) „По словамъ Менетріэ, фазаны водились прежде и на Бештау, теперь ихъ тамъ нѣтъ вовсе“.

Ленкорани фазанъ уже значительно истребленъ; на Апшеронскомъ полуостровѣ и въ прилегающихъ мѣстахъ распространенію птицы мѣшаетъ пустынный характеръ мѣстности. Вдоль побережья Каспійскаго моря фазанъ доходитъ до устья Волги, гдѣ водится въ камышахъ на взморьѣ, но только въ нѣкоторые годы зимою залетаетъ до Астрахани. Прежде водился въ устьѣ Урала, но къ концу пятидесятыхъ годовъ преслѣдованіе со стороны казаковъ, волковъ и хищныхъ птицъ, особенно же зимнее истребленіе камышей, истребили и фазановъ. Въ 1859 году 10 паръ фазановъ было привезено изъ Астрахани и пущено около Золотинскаго устья (Сѣверцовъ), но что съ ними сталось, мнѣ неизвѣстно. У юго-восточнаго угла Каспійскаго моря, по рр. Сумбару, Чандыру и Атреку, а также около Астерабадскаго залива живетъ фазанъ, отличающійся отъ кавказскаго своими бѣлыми крыльями *(Ch. persicus)*, что приближаетъ его къ великолѣпнымъ фазанамъ Арало-Каспійской низменности *(Ch. principalis* и *chrysomelas)*.

„Любимое мѣсто жительства фазана представляетъ мелкій лѣсъ въ долинѣ рѣки, низъ котораго густо покрытъ кустарной или травянистой зарослью. Чѣмъ гуще переплетаетъ хмель, ежевика, виноградъ и другія вьющіяся и ползучія растенія деревья и кустарники, дѣлая ихъ мало или едва проходимыми, тѣмъ охотнѣе селится здѣсь фазанъ. Если мѣстами лѣсъ перемежается съ полянками, фазанъ охотно пользуется ими отъ времени до времени, но вообще эта птица избѣгаетъ открытыхъ пространствъ и, будучи застигнута на открытомъ мѣстѣ, употребляетъ всѣ старанія, чтобы скрыться въ чащѣ. Гдѣ нѣтъ подходящаго лѣса, фазанъ селится въ неменѣе непроходимыхъ чащахъ камыша, и только при отсутствіи тѣхъ и другихъ угодій занимаетъ даже высокій и сравнительно не густой лѣсъ. Разведеніе фазановъ въ полудомашнемъ состояніи, впрочемъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ выборѣ мѣста для жительства эта птица руководится исключительно желаніемъ обезопасить себя отъ нападенія и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе забирается въ чащу, чѣмъ болѣе подвергается преслѣдованію. Застигнутый на открытомъ мѣстѣ фазанъ-пѣтухъ сейчасъ же бросается бѣжать изо всей силы, тогда какъ курочка прежде всего прилегаетъ къ землѣ и пытается спастись спрятавшись, благодаря своей пестрой окраскѣ; если же эта попытка не увѣнчивается успѣхомъ, тогда и курочка убѣгаетъ. Хотя фазанъ вовсе не избѣгаетъ садиться на деревья, тѣмъ не менѣе это настоящая наземная птица, которая, даже скрываясь отъ преслѣдованія, болѣе надѣется на свои ноги, нежели на крылья, и только въ крайнемъ случаѣ взлетаетъ. Поднимаясь, фазанъ взлетаетъ прямо вверхъ, съ шумомъ хлопая своими короткими крыльями, и затѣмъ несется прямо впередъ, чтобы, пролетѣвъ небольшое разстояніе, юркнуть въ заросль. Внѣ брачнаго времени фазаны держатся обыкновенно небольшими станичками, которыя утромъ и вечеромъ регулярно отправляются на кормежку. Однако утромъ при сильной росѣ фазаны проснувшись взлетаютъ на деревья и ждутъ здѣсь, пока трава высохнетъ настолько, что имъ легко будетъ

ходить по ней. Вода для фазановъ необходима, и они никогда не уходятъ далеко отъ нея. Пища фазана весьма разнообразна, такъ какъ это и зерноядная и насѣкомоядная птица, но больше всего онъ любитъ облѣпиху и черноягодникъ (Ligustrum vulgare).

„Въ половинѣ марта или въ началѣ апрѣля фазаны приступаютъ къ размноженію. Хотя иногда и у дикихъ фазановъ случается встрѣтить пѣтуха съ двумя курочками, все-таки нормально въ естественныхъ условіяхъ это моногамическая птица, тогда какъ въ полудомашнемъ состояніи стала полигамомъ. Въ періодъ размноженія пѣтухъ кричитъ обыкновенно утромъ и вечеромъ, но иногда и среди дня. Голосъ его напоминаетъ въ это время крикъ пѣтуха, только хриплѣе и короче; его можно передать слогами *кор-оркъ*, за которыми обыкновенно слѣдуетъ хлопанье крыльями. Хотя правильныхъ токовъ у фазановъ не бываетъ, встрѣчающіеся въ брачную пору самцы храбро дерутся между собою. Время кладки наступаетъ различно, смотря по мѣстности: на сѣверномъ Кавказѣ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, а то и на полтора позднѣе, нежели въ Закавказьѣ. Можно сомнѣваться, чтобы пѣтухъ помогалъ самкѣ въ устройствѣ гнѣзда, но онъ охраняетъ ее и потомъ часто остается при выводкѣ, хотя главныя заботы по воспитанію дѣтей падаютъ на матку. Гнѣздо устраивается очень просто въ непролазной чащѣ колючаго кустарника: для этого выбирается небольшое углубленіе подъ нависшими вѣтвями, устилается слегка сухой травой и перьями, и гнѣздо готово. Число яицъ отъ 10 до 18 и даже до 20. Они бураго или оливково - бураго цвѣта, всегда безъ пятенъ, слегка блестящи и имѣютъ въ длину отъ 1,9 до 1,75 д. и въ поперечникѣ отъ 1,45 до 1,35 д. Насиживаніе продолжается 25 или 26 дней, и выведшіеся птенцы привыкаютъ съ самаго начала слѣдовать за маткой, которая преимущественно держится съ ними въ лѣсу. Преслѣдуемые собакой, лисой, шакаломъ или кошкой, они взлетаютъ на деревья и прячутся въ вѣтвяхъ, гдѣ сидятъ тихо до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся, что опасность миновала. Растутъ фазанята медленно, и больше одной кладки въ году у фазана не бываетъ. Старики линяютъ въ разное время—сначала пѣтухи, потомъ, когда молодые подрастутъ настолько, что могутъ обойтись своими собственными силами, и курочки“.

Какъ выше замѣчено, въ Астраханской губ. фазанъ гнѣздится въ почти недоступныхъ камышевыхъ крѣпяхъ, которыя начинаются верстахъ въ 10 ниже Астрахани и тянутся почти до взморья. При высокой весенней водѣ мѣста гнѣздовья фазановъ заливаются, и такъ какъ курочки уже успѣваютъ къ этому времени снести яйца, послѣднія погибаютъ, и такіе годы бываютъ очень бѣдны фазанами. Къ счастію для птицы, это бываетъ рѣдко: разъ въ 7—8 лѣтъ. При такомъ разливѣ даже старые фазаны страдаютъ отъ голода и бываютъ вынуждены даже залетать въ сады Астрахани.

Что касается охоты за фазанами, то она производится настоящими охотниками и промышленниками. Первые стрѣляютъ фазановъ изъ-подъ собаки, а зимой по слѣду, вторые или подходятъ къ нимъ при

помощи особаго полотнянаго щита, отчего ихъ называютъ „полотнянниками", или ловятъ сильями.

Въ Астраханской губ. и во многихъ мѣстахъ сѣвернаго Кавказа ружейная охота за фазанами не трудна, вслѣдствіе отсутствія густыхъ зарослей; не то тамъ, гдѣ фазанъ держится какъ на черноморскомъ побережьѣ Кавказа и кой-гдѣ на сѣверномъ Кавказѣ, въ густыхъ, буквально непролазныхъ колючкахъ: здѣсь, если его и убьешь, то часто не достанешь ни самъ, ни при помощи собаки, даже если и видно, гдѣ онъ лежитъ.

Охотиться за фазанами можно во всякое время года, если охотнику не мѣшаетъ его совѣсть, но лучшее и съ извѣстной точки зрѣнія единственное время для охоты — осень и зима. Пожалуй, еще можно также допустить раннюю весеннюю охоту на самцовъ, но принимая во вниманіе, что рѣдкій охотникъ удержится отъ стрѣльбы, если подвернется самка, лучше не вводить себя въ соблазнъ.

Къ осени фазаны оставляютъ камышевыя крѣпи и кустарныя заросли и начинаютъ кочевать въ Астраханской губерніи по чаканамъ и кустарникамъ у самыхъ береговъ, на Кавказѣ—сначала по сжатымъ чалтыкамъ (посѣвы сарачинскаго пшена), позднѣе какъ здѣсь, такъ и по мареникамъ. Въ этихъ мѣстахъ фазаны кормятся съ ранняго утра часовъ до 10—11, а то и до полудня, затѣмъ отправляются въ лѣсъ, а часа за $1^1/_2$ до захода солнца снова возвращаются въ поля для кормленія.

Охотиться съ собакой можно и въ одиночку и партіями. Фазанъ вообще хорошо выдерживаетъ стойку, зимой же лежитъ такъ крѣпко, что собака часто должна броситься на него, чтобы заставить его взлетѣть. При охотѣ партіей, отъ 4 до 10 охотниковъ идутъ въ линію, другъ отъ друга шаговъ на сто, имѣя передъ собою собакъ (на охотѣ за фазанами сеттера предпочитаются всѣмъ остальнымъ породамъ). Какъ только какая-нибудь собака сдѣлаетъ стойку и фазанъ взлетитъ, ближайшій охотникъ стрѣляетъ въ него. Хотя промахнуться при этомъ очень трудно, однако бываетъ такъ, что фазанъ благополучно пролетаетъ всю цѣпь охотниковъ. Лучшій моментъ для стрѣльбы, когда фазанъ поднимается вверхъ. Стрѣляютъ эту птицу обыкновенно дробью №№ 8, 9 и 10. Если фазанъ только раненъ, онъ бѣжитъ такъ быстро, что даже собака съ трудомъ можетъ догнать его.

Зимой, когда собакѣ трудно искать фазана, охотники ищутъ его сами, безъ ея помощи, по свѣжему слѣду; при этомъ фазанъ, зарывшись въ легкій снѣгъ, лежитъ иногда такъ крѣпко, что подпускаетъ къ себѣ буквально на два шага.

Что касается охоты промышленниковъ, то она состоитъ въ томъ, что фазана отыскиваютъ подъ прикрытіемъ полотна, которое охотникъ несетъ передъ собою вродѣ небольшого щита, высматривая фазана черезъ небольшое сдѣланное въ полотнѣ отверстіе. Фазанъ при видѣ человѣка обыкновенно обращается въ бѣгство, но бѣлое полотно его нисколько не смущаетъ, и при видѣ его онъ продолжаетъ кормиться,

какъ ни въ чемъ ни бывало, не подозрѣвая угрожающей ему опасности. Такимъ образомъ промышленникъ не только подходитъ къ птицѣ на вѣрный выстрѣлъ, но еще ждетъ, пока сойдутся двѣ или болѣе, чтобы не тратить заряда на одну.

Наконецъ, силки становятся самымъ обычнымъ порядкомъ.

Хотя фазаны легко размножаются, однако спросъ на нихъ въ столицахъ и по желѣзнодорожнымъ станціямъ Кавказской сѣти желѣзныхъ дорогъ вызвалъ такое ихъ истребленіе, что на Кавказѣ во многихъ мѣстахъ эта птица оказалась близкою къ конечному истребленію. Своевременно наложенное запрещеніе на дальнѣйшее уничтоженіе фазановъ, конечно, дастъ имъ возможность опять быстро размножиться, а тѣмъ временемъ въ торговлѣ на смѣну кавказскому фазану явились туркестанскіе. Когда истребленіе и этихъ пошло впередъ гигантскими шагами, пришлось наложить запрещеніе на добываніе и ихъ. Но торговля дичью не дремлетъ, и нынѣшней зимой на смѣну туркестанскимъ фазанамъ въ Москвѣ, а отсюда, вѣроятно, и въ Петербургѣ появились амурскіе фазаны.

Усчитать общее количество фазановъ, поступающихъ въ продажу, трудно, но въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ среднемъ въ годъ продается 10.000—12.000 паръ при цѣнѣ до 4—5 р. за пару, тогда какъ на мѣстѣ цѣна за пару 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. Нѣкоторые московскіе торговцы дичью рѣшили даже прямо отправиться въ Благовѣщенскъ на Амурѣ за фазанами, заранѣе высчитавъ барыши отъ этой поѣздки, къ слову сказать, весьма немалые, т. к. проѣздъ и провозъ дичи по желѣзной дорогѣ стоитъ недорого. Манчжурскіе фазаны пока еще очень низки въ цѣнѣ, да, кромѣ того, смѣтливый торговецъ сумѣетъ найти и другія дѣла по дорогѣ.

V.

РЯБКИ.

86. Копытка.

Syrrhaptes paradoxus, Pall.

Табл. 91.

—

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 555.
Болѣе распростр. названіе: *саджа.*

Мѣстныя названія: *копытка* (у Астрахан. охотн.).
Татар.—*бюлдерюкъ.*—Кирг.—*тэжилегузъ.*

Въ настоящее время копытка или бюлдерюкъ гнѣздится во всѣхъ Киргизскихъ степяхъ на западъ до Волги и къ сѣверу до 48—49° с. ш., но ежегодно не въ одномъ и томъ же количествѣ и не въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Осенью и зимою, когда эти птицы ведутъ кочевой образъ жизни, онѣ и въ Киргизскихъ степяхъ появляются въ гораздо большемъ количествѣ, нежели лѣтомъ. На сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ это случайно залетная птица въ пустынныхъ участкахъ береговой зоны Каспійскаго моря.

Копытка сдѣлалась особенно извѣстна своими періодическими нашествіями на Европу. Первое выселеніе сюда относится къ 1859 г. Затѣмъ до 1863 г. ничего не было извѣстно о появленіи бюлдерюка въ Европѣ, но весною этого года сотни, а можетъ быть и тысячи этихъ птицъ появились въ Европѣ, гдѣ долетѣли до Архангельска на сѣверъ, до Фарерскихъ о-въ и Ирландіи на западъ и до Италіи на югъ. При этомъ многія парочки начинали гнѣздиться въ той странѣ, куда попали случайно и гдѣ нашли подходящія мѣста, особенно въ Даніи и Голландіи, но охотники, промышленники и коллекторы скоро истребили ихъ. Прошло 25 лѣтъ и весною 1888 г. безчисленныя стада бюлдерюковъ снова наводнили Европу. Во многихъ мѣстахъ на этотъ разъ пытались оградить гнѣздящіяся парочки бюлдерюковъ, но, сколько я знаю, это удалось лишь въ теченіе слѣдующаго года; позднѣе бюлдерюки были все-таки истреблены. Что касается переселенія бюлдерюковъ черезъ Европ. Россію, то мы знаемъ, что птички прилетѣли къ намъ прямо съ востока черезъ Киргизскія степи и, достигнувъ волжско-уральскихъ степей, разсыпались вѣеромъ. Этимъ объясняется какъ

то, что ихъ почти не было въ Тобольской губ., такъ и то, что только одиночные экземпляры попали, напримѣръ, въ Уфимскую губ., несмотря на ея близость отъ тѣхъ воротъ, черезъ которыя пролетѣли стаи бюлдерюковъ изъ Азіи въ Европу. И у насъ бюлдерюки начали было гнѣздиться мѣстами, какъ, наприм., въ Харьковской губ., но, конечно, не удержались здѣсь.

Въ разныя части Европ. Россіи, напримѣръ, Донскія степи и по Волгѣ до Казанской губ., отдѣльныя особи копытокъ залетаютъ и внѣ времени массовыхъ переселеній птицы.

За копыткой охотятся болѣе или менѣе случайно, встрѣтивъ ее при другой степной охотѣ. Птица подпускаетъ къ себѣ довольно легко, если ее обходить, а не идти на нее прямо, хотя и не присѣдаетъ къ землѣ, подобно куропаткамъ и куликамъ.

---

87. Рябокъ чернобрюхій.

Pterocles arenarius, Pall.

Табл. 92.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 560.

Болѣе распростр. названія: *рябокъ чернобрюхій, бюлдерюкъ* (ошибочно).

Мѣстныя названія: *степной рябокъ* (Киргиз. ст.); *цвѣтная куропатка* (Астрахан.).

Татар.--*джеракъ, бюлдерюкъ*.—Персид.—*сійя сина*.

Въ Европейской Россіи чернобрюхій рябокъ гнѣздится въ Киргизскихъ степяхъ на западъ до Волги и къ сѣверу до 47°—48° с. ш. Изрѣдка залетаетъ въ степи по нижнему Дону и даже далѣе на западъ, съ одной стороны, и къ Оренбургу, съ другой. Кромѣ того, чернобрюхій рябокъ распространенъ въ Закавказьѣ, въ пустынныхъ степяхъ по Курѣ и Араксу и на плоскогоріяхъ русской Арменіи, поднимаясь до 5000′ н. у. м.

Вотъ что пишетъ объ этихъ рябкахъ П. С. Назаровъ.

„Рябки летаютъ отдѣльными стайками, но стайки эти иногда очень многочисленны, вся мѣстность по временамъ бываетъ покрыта ими. Питаются они сѣменами полынокъ и солянокъ. Каждое утро и вечеръ аккуратно летаютъ на водопой, въ одно опредѣленное мѣсто, иногда при недостаткѣ воды вблизи рябки летаютъ очень далеко; часто пользуются колодцами, вырытыми киргизами. Пьютъ рябки почти всякую воду, кромѣ очень соленой, и заразъ пьютъ такъ много, что у убитыхъ птицъ выливается изо рта съ чайную чашку воды. Распространеніе ихъ весьма неравномѣрно: годами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ бываетъ очень много, но зато иногда ихъ вовсе не видно. Все лѣто рябки блуждаютъ стаями по степямъ, и гдѣ найдется одинъ, то навѣрное уже ихъ будетъ много. Главное ихъ мѣстопребываніе составляютъ барханные пески. Вообще песокъ, солянки и полынь для нихъ необходимы. Въ концѣ сентября и въ октябрѣ рябки улетаютъ на югъ. Линяютъ въ половинѣ августа“.

Голосъ чернобрюхаго рябка походитъ на звуки „тчуррр.... тчурррр....“, которые онъ издаетъ на лету.

---

88. Рябокъ бѣлобрюхій.

Pterocles alchata sewertzowi, Bgdn.

Табл. 93.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 565.

Болѣе распростр. названія: *рябокъ бѣлобрюхій, бюлдерюкъ* (ошибочно).

Мѣстныя названія: *пахталъ* (Бухарско-татар.).—Перс.—*као-каръ.*

Бѣлобрюхій рябокъ распространенъ у насъ тамъ же, гдѣ и чернобрюхій, но въ Европ. Россіи положительно не гнѣздится и даже въ качествѣ залетной птицы не идетъ такъ далеко къ сѣверу, какъ предъидущій видъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, бѣлобрюхій рябокъ очень рѣдко залетаетъ въ область нижняго теченія Урала и на Хобду, на нижней Волгѣ до сихъ поръ не былъ замѣченъ, но бываетъ въ Екатеринославской губ., куда, быть можетъ, залетаетъ изъ Малой Азіи. Что касается Кавказа, то нельзя считать доказаннымъ, что эта птица водится въ Кумо-Манычскихъ степяхъ; но она водится въ пустыняхъ Закавказскаго края, лежащихъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, и встрѣчается зимою, а можетъ быть и гнѣздится въ пустыняхъ по теченію Куры и Аракса.

По образу жизни бѣлобрюхій рябокъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ чернобрюхаго, но голосъ его другой: это—отрывистыя „га! га!" или „ганга!"

По словамъ Н. А. Заруднаго, гнѣздится или отдѣльными парочками или обществами и въ послѣднемъ случаѣ помѣщаетъ гнѣзда на разстояніи 15—30 шаговъ. Каждое гнѣздо, расположенное на самомъ солнечномъ припекѣ, представляетъ небольшую круглую площадку, расчищенную отъ валявшихся на ней сухихъ былинокъ, которыя иногда образуютъ вокругъ площадки родъ валика. Число яицъ 2—3, рѣдко 4. Основной фонъ ихъ бѣло-буроватый, съ многочисленными округлыми пестринками въ видѣ пятнышекъ и точекъ темно-бураго, буровато-сѣраго и даже пепельно-сѣраго цвѣта. Длина яицъ нѣсколько менѣе 2 д., поперечникъ около 1,25 д. Весьма возможно, что рябки выводятся нѣсколько разъ въ лѣто; по крайней мѣрѣ въ началѣ іюня случается доставать самочекъ съ вполнѣ развитыми яйцами и въ то же время видѣть уже летающихъ птенцовъ.

VI.

ГОЛУБИ.

89. Горлица.

Turtur auritus, Gray.

Табл. 94.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 569.

Болѣе распростр. названія: *горлица, горлинка* (болѣе или менѣе повсемѣстн.).

Мѣстныя названія: *степной голубь* (у лин. казак. Оренбург. кр.); *туркавка* (Астрахан. губ.); *горленокъ, бр̀личка, орлица* (Малоросс.).

Польск.—*turkwaka.*—Латыш.—*uhbele.*—Фин.—*turturikyyhkynen.*

Мордов.—*колтой-примечъ.*—Калмыцк.—*букурганà.*—Груз.—*гврити.*—Армян.—*татракъ.*

Какъ я уже писалъ ранѣе, распространеніе у насъ столь обыкновенной птицы какъ горлица далеко не лишено интереса. Страннымъ образомъ она, повидимому, не гнѣздится въ Эстляндіи, губ. Петербургской, Новгородской, Псковской и даже южнѣе отсюда, въ обширной лѣсистой области, направляющейся къ истокамъ Днѣпра. Но въ Курляндіи, Лифляндіи, губ. Тверской и южной части губ. Вологодской горлица гнѣздится, хотя рѣдко. Такимъ образомъ, какъ еще опредѣлилъ Межаковъ, едва ли горлица въ качествѣ гнѣздящейся птицы переходитъ за 60° с. ш., хотя, какъ залетная, найдена въ губ. Нюландской и въ Лапландіи (область Торнео и Варангеръ-фіорда). Отъ 60° с. ш. въ юго-западной части Вологодской губ. сѣверная граница распространенія горлицы постепенно спускается къ Уралу, гдѣ едва ли горлицу можно найти сѣвернѣе 58° с. ш., такъ какъ она уже подъ Екатеринбургомъ крайне рѣдка. Къ югу отъ проведенной сѣверной границы горлица распространена во всей странѣ и гнѣздится даже въ безлѣсныхъ степяхъ Оренбургскаго края, но вездѣ лѣтняя птица. Даже на Кавказѣ, гдѣ горлица на сѣверномъ склонѣ поднимается до 3.000′, а на южномъ гораздо выше, до 6.000—7.000′, это перелетная птица, поздно появляющаяся весною и рано улетающая осенью.

Горлица прилетаетъ къ намъ очень поздно; даже и въ окрестностяхъ Ставрополя она появляется нормально лишь между 20 и 27

апрѣля, и только изрѣдка съ 15 апрѣля. Точно такъ же и въ Оренбургскомъ краѣ лишь отдѣльныя особи наблюдаются въ концѣ апрѣля, собственно же пролетъ происходитъ въ первыхъ числахъ мая. Но въ западной Россіи, именно въ Новороссійскомъ краѣ и по Днѣпру, горлица прилетаетъ нѣсколькими днями раньше, выгадывая ихъ вѣроятно на болѣе короткомъ разстояніи своего пролетнаго пути съ зимовокъ. Благодаря этому, горлица успѣваетъ прилетѣть въ концѣ апрѣля уже и въ среднюю Россію, и только у сѣвернаго предѣла своей области гнѣздовья появляется около 1-го мая. Самый поздній прилетъ наблюдается на Уралѣ, гдѣ, напримѣръ, въ Уфимской губ., горлица появляется только въ началѣ мая.

Весною горлицы прилетаютъ къ намъ стайками до 20 штукъ въ каждой, не болѣе, и, подобно другимъ голубямъ, летятъ неправильной кучкой, обыкновенно не особенно высоко. Осенью онѣ начинаютъ исчезать уже очень рано. Такъ, изъ сѣверной половины ихъ области гнѣздовья уже во второй половинѣ августа, изъ южной Россіи—въ половинѣ сентября. По наблюденіямъ Н. Н. Сомова, отлетаютъ, повидимому, вдругъ громадной стаей, по всему вѣроятію на зарѣ; но это относится, конечно, только къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ, какъ въ южной Россіи, горлицы многочисленны; изъ средней Россіи онѣ отлетаютъ стайками, какъ и прилетаютъ сюда весною.

90. Голубь дикій, сизый.

Columba livia, Briss.

Табл. 95.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 577.

Болѣе распростр. названія: *голубь, сизый голубь.*

Мѣстныя названія: *сизарь* (Казан. губ.).

Польск. — *gołęb.*—Лат.— *meschahalloschi.* — Эст.— *mets-tuike.* — Фин. — *kesykyyhkypen.*

Татар.— *куярчёнъ.*—Башкир.—*куерсенъ.*—Сиб. тат.—*егайгакъ.*—Морд.—*примечъ.*—Пермяц.—*дiидикъ.*—Вот.—*дудикъ.*—Остяц.—*кёбтаръ.*—Черемис.—*когерчинъ.* — Чуваш. — *квагареинъ.* — Калм. — *кiшiилджиргана.*— Тунг.— *тiита.* — Армян. — *агавникъ, агавни.*— Бухар.—*кабутаръ.*— Кавк. тат.—*гогарчинъ.*—Груз.—*треди.*—Персид.—*кэбутеръ.*

Очень трудно указать въ предѣлахъ Европ. Россіи мѣста гнѣздовья настоящаго дикаго голубя, такъ какъ на это до сихъ поръ обращается очень мало вниманія, но по крайней мѣрѣ можно перечислить слѣдующія: горы Крыма и Кавказа; скалистые берега Дона, Донца, Волги, Бѣлой и даже болѣе незначительныхъ рѣкъ, какъ-то Свіяги, Уфы и Ая; южные отроги Урала; Мугоджары; Индерскія горы. Кромѣ того, голуби гнѣздятся по берегамъ озера Аслыкуль, въ Губерлинскихъ горахъ у праваго берега р. Урала и въ обрывахъ береговъ у водъ Киргизскихъ степей.

Вѣроятно это осѣдлая птица даже восточной Россіи; но въ нѣкоторые годы осенью мѣстами наблюдаются перелеты громадныхъ стай голубей, повидимому не имѣющіе значенія періодическихъ странствованій.

---

91. Клинтухъ.

Columba oenas, Briss.

Табл. 96.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 582.

Болѣе распростр. названія: *дикій голубь, клинтухъ.*

Мѣстныя названія: *клинтухъ, дикій голубь, малый лѣсной голубь, малый вяхирь* (Оренбург.); *климицъ* (Малор.).

Польск. — *siniak.* — Эст. — *mets-tuike.*—Лат.— *mescha ballodis.*—Фин.— *metsäkyyhkynen.*—Груз.—*кедани.*

Клинтухъ распространенъ у насъ очень широко. Въ Финляндіи онъ гнѣздится къ сѣверу до 61°40′ с. ш., но распространенъ здѣсь не одинаково въ разныхъ частяхъ страны. Такъ, онъ обыкновененъ мѣстами въ Абосской губ., рѣдокъ въ Нюландской, очень рѣдокъ въ Тавастгусской, только залетаетъ въ окрестности сѣвернаго конца Ладожскаго оз. Кесслеръ нашелъ его у Онежскаго оз., но для Вологодской губ. этотъ голубь не упоминается Межаковымъ, хотя вѣроятно водится въ ея юго-западной части. Далѣе на востокъ онъ еще гнѣздится въ Казанской губ. и на восточномъ склонѣ Урала доходитъ въ небольшомъ числѣ къ сѣверу до 56°—57° и, можетъ-быть, въ видѣ исключенія залетаетъ до 58°. Въ Западной Сибири клинтухъ уже не гнѣздится, хотя вѣроятно залетаетъ сюда или съ Урала, или изъ Туркестана. Отъ проведенной сѣверной границы клинтухъ распространенъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы во всей Россіи, кромѣ юго-восточнаго угла страны. Здѣсь клинтухъ гнѣздится по среднему теченію р. Урала, отъ Орска до Уральска, и на нижнемъ теченіи Илека, но не южнѣе. Въ Астраханской губ. клинтухъ бываетъ только на пролетѣ, какъ и въ большей части земли Уральскаго казачьяго войска, но подъ Гурьевомъ небольшая часть клинтуховъ остается на зиму. На Кавказѣ и въ Крыму клинтухъ живетъ осѣдло; въ Закавказьѣ къ мѣстнымъ зимою присоединяется большое количество прилетающихъ съ сѣвера.

Что касается времени появленія у насъ клинтуховъ, то уже на

основаніи сказаннаго о распространеніи этой птицы можно ожидать, что ея прилетъ начинается весною очень рано, равно какъ, съ другой стороны, отлетъ осенью происходитъ поздно. И дѣйствительно, это вполнѣ подтверждается наблюденіями. Что касается западной половины Россіи, то мы видимъ, что здѣсь клинтухъ съ конца февраля и до половины марта успѣваетъ уже занять свои гнѣздовыя мѣста по среднему Днѣпру, и во второй половинѣ марта появляется въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ среднюю Россію эта птица прилетаетъ также очень рано, именно въ концѣ марта. Относительно восточной Россіи наблюденія совершенно аналогичны. Такъ, подъ Гурьевомъ въ очень раннюю весну прилетъ клинтуховъ начинается уже въ концѣ февраля, но чаще только около половины марта; соотвѣтственно этому самое раннее появленіе клинтуха подъ Оренбургомъ происходитъ въ первыхъ числахъ марта, нормально же въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, при чемъ въ наибольшемъ количествѣ клинтухъ пролетаетъ въ первыхъ числахъ апрѣля. Въ Уфимской губ. пролетъ продолжается съ двадцатыхъ чиселъ марта до конца первой трети апрѣля; въ Казанской первые клинтухи прилетаютъ въ концѣ марта и наибольшее ихъ количество въ первой половинѣ апрѣля.

Отлетъ клинтуховъ изъ сѣверной полосы ихъ области гнѣздовья происходитъ въ теченіе сентября и первой трети октября; въ средней полосѣ клинтухи пролетаютъ въ теченіе второй половины сентября и всего октября, наконецъ, на югѣ остаются до половины ноября.

---

92. Вяхирь.

Columba palumbus, L.

Табл. 97.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 587.

Болѣе распростр. названія: *вяхирь, витютень.*

Мѣстныя названія: *большой вяхирь, большой лѣсной голубь* (Оренбург.); *припутень, препотень* (Малоросс.); *трепетень* (тамъ же, по Чернаю).

Польск.—*grzywacz.*— Эстон.— *meigas;* — въ Лифл.—*hütt'.*— Лат.— *pohgais mescha ballodis.*—Фин.—*sepelkyyhkynen.*—Тат. кавк.—*чель-гогарчинъ.*— Арм.—*дрронъ.*

Распространеніе вяхиря у насъ весьма обширно. Какъ гнѣздящаяся птица, онъ поднимается въ Финляндіи къ сѣверу до 64° въ прибрежной полосѣ около Ботническаго залива и до 64°25′ далѣе на востокъ; довольно обыкновененъ лѣтомъ подъ Архангельскомъ, но отсюда къ востоку сѣверная граница распространенія этой птицы постепенно понижается, и на Уралѣ вяхирь доходитъ приблизительно до 60°—61° с. ш., хотя, по Сабанѣеву, постепенно распространяется на сѣверъ. Къ югу отъ этой сѣверной границы вяхирь гнѣздится по всей Европ. Россіи, а также въ горахъ Крыма и Кавказа, поднимаясь въ послѣдней области почти до верхней границы высокоствольныхъ лиственныхъ деревьевъ (дуба, бука, клена и т. д.), но въ юго-восточной Россіи эта птица не гнѣздится южнѣе средняго теченія р. Урала, исключая низовьевъ Илека и долины Урала, нѣсколько ниже Уральска, хотя по Волгѣ идетъ до взморья. Въ Закавказьѣ зимуетъ во множествѣ въ низменностяхъ.

Что касается южной Россіи, то здѣсь вяхирь прилетаетъ приблизительно въ одно время съ клинтухомъ, или лишь немного позднѣе его, именно въ первой трети марта; но въ средней и сѣверной Россіи прилетъ вяхиря происходитъ недѣли на три и даже на четыре позднѣе клинтуха. Осенній отлетъ начинается въ средней Россіи въ началѣ сентября и оканчивается въ октябрѣ, на югѣ длится до ноября. Въ разгаръ пролета вяхири соединяются въ стаи до ста, полутораста

и даже трехсотъ экземпляровъ, но летятъ сравнительно медленно, дѣлая продолжительныя остановки въ дубовыхъ лѣсахъ или въ участкахъ лѣса, гдѣ есть дубы. Г. Динникъ совершенно вѣрно объясняетъ это предпочтеніе, отдаваемое птицей дубу, какъ тѣмъ, что жолуди даютъ вяхирю обильный кормъ, такъ и тѣмъ, что дубъ дольше сохраняетъ листву и потому даетъ надежное убѣжище скрывающимся въ ней голубямъ. Медленный пролетъ на большей части страны приводитъ на крайнемъ южномъ предѣлѣ къ сравнительно короткому, но зато чрезвычайно многочисленному пролету. Такъ, Нордманъ говоритъ, что отъ Анапы до Трапезунда вдоль берега Чернаго моря вяхири осенью пролетаютъ въ теченіе 10—15 дней въ громадномъ числѣ. На сѣверномъ Кавказѣ пролетъ вяхирей длится иногда съ мѣсяцъ, иногда недѣли три, но масса птицъ пролетаетъ въ теченіе недѣли или десяти дней. Н. Я. Динникъ говоритъ, что въ 1875 году въ окрестностяхъ Ставрополя до 25 сентября было очень мало вяхирей, а 26 сразу явилось такое страшное количество, что онъ въ одинъ день видѣлъ не менѣе десяти тысячъ штукъ, а можетъ быть и гораздо болѣе. До 3-го октября лѣсъ былъ просто запруженъ ими, но 5-го въ лѣсу были замѣчены только двѣ небольшія стайки, да штукъ 7 въ одиночку.

Какъ извѣстно, охота за голубями не признается настоящими охотниками. Между тѣмъ охота эта вовсе не изъ легкихъ, за исключеніемъ, конечно, охоты за горлицами, которыя, гнѣздясь часто въ непосредственной близости человѣка, легко подпускаютъ на выстрѣлъ. И клинтухъ, и особенно вяхирь обладаютъ очень быстрымъ и сильнымъ полетомъ, и убить дикаго голубя на лету, особенно весною, удается далеко не каждому стрѣлку. Кромѣ того, мясо дикихъ голубей сочно и вкусно, за исключеніемъ, конечно, времени выкармливанія дѣтей. Но какъ бы то ни было, голубей не цѣнятъ.

Весною дикихъ голубей можно стрѣлять или случайно, или когда они займутъ свои гнѣздовыя мѣста, во время посѣщенія ими прошлогоднихъ яровыхъ полей, куда они правильно вылетаютъ кормиться по утрамъ и вечерамъ. Однако, въ это время они очень строги и пѣшаго не подпускаютъ къ себѣ въ открытомъ полѣ ближе какъ на двѣсти шаговъ, почему охота за ними возможна только съ подъѣзда. Позднѣе, когда начнется посѣвъ ярового, дикіе голуби слетаютъ на свѣжую пашню и, привыкая къ людямъ, позволяютъ подходить къ себѣ и охотнику, идущему за сохой или около бороны. Въ лѣсу можно подходить къ дикимъ голубямъ на ихъ воркованье, но стрѣльбѣ здѣсь мѣшаетъ высота деревьевъ и густая хвоя.

Совсѣмъ другое дѣло охота въ концѣ лѣта, когда дикіе голуби уже цѣлыми выводками начнутъ посѣщать жнивья, вылетая сюда изъ лѣса утромъ и вечеромъ. Утромъ они слетаютъ на жнивья съ восходомъ солнца и остаются здѣсь часовъ до 8—10, вечеромъ часовъ въ 5 и остаются до 7—8. Сначала голуби держатся небольшими стайками, выводка по два, потомъ стаи становятся все многочисленнѣе и многочисленнѣе, доходя до нѣсколько сотъ голубей въ каждой. Такъ

какъ въ концѣ лѣта голуби постоянно видятъ въ полѣ людей, послѣдніе уже не пугаютъ ихъ, и охотникъ можетъ безъ особаго труда подойти къ стаѣ или съ косцами и сѣяльщиками, или же подкрасться изъ-за копенъ. Позднѣе, когда хлѣбъ свезутъ съ поля, къ голубямъ опять приходится подъѣзжать, такъ какъ отдѣльно идущій человѣкъ не внушаетъ имъ довѣрія. При этомъ за общее правило надо принять, что утромъ голуби, проголодавшіеся за ночь и еще не насытившіеся, гораздо смирнѣе, нежели въ вечерніе часы.

Для стрѣльбы голубей надо употреблять дробь не мельче № 6, особенно для вяхирей, очень сильныхъ и крѣпко сложенныхъ.

VII.

ПЛАСТИНЧАТОКЛЮВЫЯ.

93. Лутокъ.

Mergus albellus, L.

Табл. 98.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 595.

Болѣе распростр. названія: *лутокъ, нырокъ, поганка, утка рыбачка.*

Мѣстныя названія: *острота, остроха* (на Днѣпрѣ).

Пол.—*szlacharek.*—Лат.—*dukkeris, dunzka.*—Фин.—*herna.*—Лапл.—*уйнело, уйнило* (Швед.-Фин. Лапл.), *уйвело, уинило, оинило.*

Тат.—*магачé, киріитеръ-маръ-урдакъ.*—Зыр.—*семчиръ.*—Вог.—*симсяръ.*—Ост. на Оби—*симсеръ,* у Сургута—*кычаки,* у Нарыма—*коннали.*—Самоѣд.—*хаменчатъ.*—Тунг.—*момра.*

Область распространенія лутка, какъ гнѣздящейся птицы, поднимается къ сѣверу даже выше полярнаго круга, но только въ Европ. Россіи, именно въ области Волги, спускается къ югу до 47° с. ш.

Въ Европ. Россіи лутокъ гнѣздится въ Лапландіи, въ Финляндіи, къ югу до 65° с. ш. и далѣе на западъ. Къ сожалѣнію, особыхъ подробностей о распространеніи лутка въ Архангельской, Вологодской и Вятской губ. мы не знаемъ. Но онъ, несомнѣнно, гнѣздится въ области Онежскаго оз., по Сѣверной Двинѣ до Архангельска, въ лѣсной области нижней Печоры и въ лѣсной части Пермской губ. Далѣе къ югу лутокъ гнѣздится въ Уфимской губ. и по всей средней и нижней Волгѣ, отъ Казанской губ. до Астраханской. Главной приманкой для лутка по Волгѣ служатъ дуплистыя ветлы, гдѣ гнѣздится эта красивая птица. Что касается теченія Волги вверхъ отъ Казанской губ., то здѣсь распространеніе лутка недостаточно прослѣжено, но можно думать, что онъ гнѣздится не только въ Вятской и Вологодской губ., но и во многихъ поволжскихъ. Вѣроятно, гнѣздится въ губ. Тверской, Новгородской и Псковской и, несомнѣнно, гнѣздится, но не ежегодно и въ очень небольшомъ числѣ, по Окѣ и въ губ. Воронежской. Въ Петербургской, Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ, по Днѣпру, Дону и ихъ притокамъ, а также по притокамъ средней Волги, по рр. Уралу

и Эмбѣ лутокъ бываетъ на пролетѣ, но въ Польшѣ и въ южной Россіи, отъ Харьковской губ. на сѣверѣ до Чернаго моря на югѣ, бываетъ и на пролетѣ и зимою. Зимуетъ и на Каспійскомъ морѣ, отъ его сѣвернаго побережья до южнаго, и въ Закавказьѣ, но гнѣздованье лутка на Кавказѣ мало вѣроятно.

Пока у насъ имѣется очень мало данныхъ о времени прилета и отлета лутка въ разныхъ частяхъ страны. Въ Харьковской губ. лутки въ одиночку показываются съ конца первой и съ начала второй трети марта; валовой пролетъ бываетъ съ середины марта и до конца второй трети этого мѣсяца. Въ Уфимской губ. лутки появляются въ концѣ первой трети апрѣля, въ Московской губ. въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, въ Прибалтійскомъ краѣ въ началѣ второй трети апрѣля. Такимъ образомъ для большей части страны лутокъ является одной изъ раннихъ прилетныхъ птицъ, что объясняется отчасти близостью его зимовокъ, отчасти родомъ пищи, для добыванія которой онъ нуждается только въ свободной ото льда водѣ. Относительно запаздываетъ прилетомъ лутокъ только въ сѣверную Финляндію и Лапландію. Въ Оренбургскомъ краѣ лутки показываются уже въ половинѣ августа, очевидно кочующія стайки изъ ближайшихъ мѣстъ гнѣздовья, пролетъ же собственно происходитъ въ сентябрѣ и октябрѣ. Въ устьяхъ рр. Урала и Эмбы лутки остаются до послѣднихъ чиселъ октября. Въ средней Россіи лутокъ пролетаетъ въ сентябрѣ, въ области Балтійскаго моря—въ половинѣ октября. Въ Харьковской губ. съ середины, чаще же съ конца сентября начинаютъ показываться молодыя птицы; въ наибольшемъ числѣ онѣ попадаются около половины октября, а къ концу этого мѣсяца замѣчаются старые самцы, рѣдко когда появляющіеся раньше. Отлетаютъ отсюда лутки въ самомъ концѣ октября или въ началѣ ноября, но въ благопріятныя зимы здѣсь попадаются старые самцы, прилетающіе, вѣроятно, изъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ уже среди самой зимы. Въ Новороссійскій край лутокъ прилетаетъ въ половинѣ ноября и сначала держится большими стаями по озерамъ, а когда наступаютъ морозы, разбивается на меньшія стаи и держится по незамерзающимъ водамъ. Въ это время лутковъ можно встрѣтить какъ на соляныхъ озерахъ, такъ и на морѣ, но они все-таки менѣе любятъ море, нежели многія утки и другія крохали.

94. Крохаль длинноносый.

Mergus serrator, L.

Табл. 99.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 601.

Болѣе распростр. названія: *морской крохаль, средній крохаль.*

Мѣстныя названія: *большая óстрота* (на Днѣпрѣ).

Польск. — *szlachar.* — Эст.—*muru-kosklas.* — Лат. — *melgahle, gaura.* — Фин. — *koskelo, pikku koskelo, pilni koskelo, tukka koskelo, karikoskelo, maa-koskelo.* — Лапл. — *шопри, кялзе, вуотка, гоалзё, вуофта гоальзё, вуокта коальси.*

Длинноносый крохаль—кругополярная птица, поднимающаяся къ сѣверу до 67°—70° с. ш. и спускающаяся на гнѣздовьѣ къ югу приблизительно до 50°. Въ нашей странѣ онъ обыкновененъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы во всей Лапландіи и Финляндіи, по большимъ и малымъ озерамъ Двинской области, по берегамъ и островамъ Бѣлаго моря, найденъ на Новой Землѣ, Вайгачѣ, по озерамъ нижне-печорскихъ тундръ, въ Пермской и Уфимской губ. Въ области средняго Поволжья длинноносый крохаль также гнѣздится, но въ Московской и Тульской губ. бываетъ только на пролетѣ. Въ области верхняго теченія Волги эта птица, несомнѣнно, гнѣздится, на Эстляндскомъ побережьѣ и прилегающихъ островахъ даже обыкновенна, но по Финскому побережью бываетъ только на пролетѣ, хотя въ это время обыкновененъ. О Польшѣ Тачановскій говоритъ, что длинноносый крохаль бываетъ здѣсь не только осенью и весною, но и зимою, хотя встрѣчается въ меньшемъ числѣ, нежели слѣдующій видъ. Весною встрѣчается очень поздно, до мая, когда другихъ крохалей здѣсь уже не бываетъ.

Такимъ образомъ, южная граница области гнѣздовья длинноносаго крохаля въ Европ. Россіи не можетъ быть опредѣлена пока даже приблизительно, и я съ своей стороны не нахожу невозможнымъ, что эта птица гнѣздится, наприм., на уединенныхъ озерахъ Рязанской и

Московской губ. Что касается губ. Оренбургской, Астраханской, области Дона и Днѣпра, то здѣсь крохаль бываетъ только на пролетѣ, но на Каспійскомъ и Черномъ морѣ, въ губ. Астраханской, Херсонской и на Кавказѣ—зимуетъ. Относительно Кавказа Радде говоритъ, что длинноносый крохаль даже гнѣздится здѣсь на высотѣ 3—4.000′ по горнымъ ручьямъ и на Гокчайскомъ оз., но, къ сожалѣнію, не сообщаетъ никакихъ наблюденій надъ образомъ жизни птицы въ этой области.

95. Крохаль большой.

Mergus merganser, L.

Табл. 100.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 604.

Болѣе распростр. названія: *крохаль, большой крохаль.*

Мѣстныя названія: *коркуль, большая дстрота* (на Днѣпрѣ).

Польск.—*nurogęs.*—Эст.—*ea kosklas.*—Фин.—*iso koskelo, uukoskelo, chmaköskelo.*—Лапл.—*шопри, гусса-гоалзё, кусса-коалзи.*

Тат.—*балакча, сусъ-хасъ.*—Башк.—*кóше.*—Вот.—*базакъ.*—Зыр.—*момра.*—Вог.—*нялтопъ.*—Ост. на Оби—*коссъ, куссъ,* на Кети—*зай,* на Енис.—*гоолъ.*—Тунг.—*очинъ, очилалъ.*—Бурят.—*алакчинъ.*—Самоѣд.—*ньебу.*

Географическое распространеніе большого крохаля даже въ подробностяхъ въ значительной мѣрѣ сходно съ географическимъ распространеніемъ длинноносаго, но большой крохаль гнѣздится также въ горахъ Туркестана и въ Гималаѣ, на высотѣ 10.000′ н. у. м.

Въ Европ. Россіи большой крохаль болѣе или менѣе обыкновененъ въ Лапландіи и Финляндіи, гораздо рѣже длинноносаго въ Двинской области, обыкновененъ въ Пермской и Уфимской губ. и гнѣздится въ сѣверной части Оренбургской, не спускаясь къ югу далѣе средняго теченія р. Урала. Въ области средняго Поволжья это—гнѣздящаяся птица, но въ Московской, Тульской и прилежащихъ губ. пока наблюдался только на пролетѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большой крохаль гнѣздится въ лѣсной области верхняго теченія Волги, хотя свѣдѣнія объ этомъ краѣ весьма отрывочны. Въ Прибалтійскомъ краѣ описываемый видъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы распространенъ очень широко. Что касается Польши, то большой крохаль обыкновененъ здѣсь на пролетѣ и зимою. Прежде гнѣздился, наприм., въ Сувалкской губ., чего теперь не наблюдается. По Днѣпру и его притокамъ большой крохаль бываетъ на пролетѣ и зимою изрѣдка по среднему теченію и опредѣленно, но въ небольшомъ количествѣ, въ днѣпровской плавнѣ, на пролетѣ же и зимою во всей черноземной области съ Крымомъ и кавказскимъ прибрежьемъ. На пролетѣ же

наблюдается въ области Дона, гдѣ случайно встрѣчается и зимою. Пролетная и зимующая птица Астраханской губ. и береговой полосы Каспійскаго моря. Внутри Закавказья изрѣдка бываетъ зимою, но гнѣздящимся на Кавказѣ пока не найденъ, что весьма странно. Крохали начинаютъ возвращаться на свою родину очень рано. Въ Харьковской губ. пролетъ этихъ птицъ наблюдается въ первой трети марта. Въ средней Россіи онѣ появляются, какъ только начнетъ подниматься вода въ рѣкахъ и на льду образуются большія трещины, что рѣдко бываетъ позже конца марта. Съ прилета часто попадаются на глаза, т. к. постоянно перелетаютъ съ одной полыньи на другую, плаваютъ на открытыхъ мѣстахъ и присаживаются отдыхать на ледъ; когда тронется ледъ на рѣкахъ, крохали часто плаваютъ между льдинъ или же садятся на льдины и плывутъ съ ними. Въ половинѣ или двадцатыхъ числахъ апрѣля въ южной полосѣ гнѣздовой области крохалей пролетъ оканчивается, и крохали перестаютъ часто попадаться на глаза, т. к. пролетные къ этому времени пролетѣли далѣе, а мѣстовые заняли мѣста своего гнѣздовья. Въ сентябрѣ крохали начинаютъ мало-по-малу оставлять мѣста своего гнѣздовья, выводками спускаясь по рѣкамъ, при чемъ въ путь пускаются даже еще пуховые птенцы. Пролетъ тянется постепенно и очень медленно, т. к. крохали не боятся холода. Въ южной Россіи, именно въ губ. Харьковской, одиночные крохали изрѣдка начинаютъ встрѣчаться съ конца второй трети сентября, чаще съ начала октября, въ наибольшемъ количествѣ—въ серединѣ этого мѣсяца, но все молодые; старые прилетаютъ въ концѣ октября. Остаются здѣсь до конца ноября и вообще до замерзанія водъ.

96. Савка.

Erismatura leucocephala, Scop.

Табл. 101.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 610.

Болѣе распростр. названіе: *савка.*

Мѣстныя названія: *савка синеносая* (въ Сибири); *бѣлоголовая утка* (на Сарпѣ).

Савка широко распространена въ юго-западной Сибири, Туркестанѣ и Закаспійскомъ краѣ, но въ Европ. Россіи распространеніе ея весьма ограничено. На восточномъ склонѣ Урала она поднимается къ сѣверу, быть можетъ, до 56° с. ш., такъ какъ Л. П. Сабанѣевъ отмѣчаетъ ее гнѣздящеюся на степныхъ озерахъ Пермской губ.; но въ Оренбургскомъ краѣ савка доходитъ приблизительно лишь до 51° с. ш., а по Волгѣ только до 50° (до Камышина). Къ югу отъ этой границы савка мѣстами водится въ довольно большомъ количествѣ, какъ, напр., по озерамъ Киргизскихъ степей и на нѣкоторыхъ южныхъ сарпинскихъ озерахъ; къ сѣверу же залетаетъ только случайно. Н. А. Сѣверцовъ упоминаетъ объ одной парочкѣ, пойманной въ апрѣлѣ 1845 г. въ Воронежской губ. Кромѣ того, савка встрѣчается на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, но здѣсь рѣдка и въ Крыму бываетъ только на пролетѣ. Въ небольшомъ количествѣ описываемая птица встрѣчается по соленымъ озерамъ степей сѣвернаго Кавказа, но въ Закавказьѣ бываетъ только зимою и почти исключительно въ береговой зонѣ Каспія.

Весною савка появляется на сѣверномъ побережьѣ Чернаго и Каспійскаго моря уже въ мартѣ, но въ Киргизскія степи прилетаетъ только въ апрѣлѣ, а запоздавшія даже въ началѣ мая.

97. Гага.

Somateria mollissima, L.

Табл. 102.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 614.
Болѣе распростр. названіе: *гага.*

Мѣстныя названія: самецъ у поморовъ называется *гавкунъ, гахкунъ,* самка—*гавка, гахка.* Въ Сибири—*нормóта.*

Польск. — *mękkopiór.* — Эст. *ahkas.*— Фин. — *haahka, hahka, auhti.*— Лапл.—*гавда, гауда, ликка.*

Обыкновенная гага можетъ считаться атлантическимъ видомъ.

У насъ она гнѣздится по Карскому побережью, на Новой Землѣ, на нѣкоторыхъ островахъ Бѣлаго моря и по всему побережью Кольскаго полуо—ва. Кромѣ того, гага нерѣдка лѣтомъ по ботническому и финскому побережью Финляндіи, хотя не встрѣчается ни въ глубинѣ Финскаго залива, ни въ С.-Петербургской губ. Въ Прибалтійскомъ краѣ гага бываетъ преимущественно съ начала до середины мая, но въ небольшомъ количествѣ даже гнѣздится здѣсь, наприм., на о. Рогэ. Въ видѣ исключенія залетаетъ въ Польшу.

Что касается образа жизни гаги, то я приведу съ небольшими дополненіями сдѣланный мною ранѣе біологическій очеркъ этой птицы.

Гага съ полнымъ правомъ можетъ быть названа морской птицей, т. к. никогда не покидаетъ моря и даже на пролетѣ слѣдуетъ береговой линіей, съ величайшей неохотой перелетая даже черезъ узкія полосы суши. Своимъ богатымъ опереніемъ она превосходно защищена отъ холода и потому, при замерзаніи моря, улетаетъ не дальше того, сколько нужно, чтобы найти открытую воду, откуда возвращается на свое постоянное мѣсто жительства при первой возможности.

Такимъ образомъ, строго говоря, гага должна назваться осѣдлой птицей, потому что круглый годъ можетъ быть найдена на меньшемъ или большемъ разстояніи отъ тѣхъ острововъ, гдѣ гнѣздится, и только очень небольшое число гагъ предпринимаютъ болѣе далекія странствованія. Гага выбираетъ для гнѣздовья предпочтительно плоскіе острова

и какъ лѣтомъ, такъ и зимою, особенно же зимою, держится стайками; во время смѣны маховыхъ и рулевыхъ гага уходитъ какъ можно дальше въ открытое море, чувствуя себя здѣсь въ полной безопасности. Подобно своимъ собратьямъ, гага плохо ходитъ, но отлично плаваетъ, ныряетъ и летаетъ. Ея кормъ составляютъ мелкія ракушки, рачки и другія безпозвоночныя моря. По своему образу жизни, это дневная птица, которая отправляется на добываніе корма при первомъ проблескѣ зари и только на ночь возвращается къ землѣ. Какъ самцы, такъ и самки зимою и самцы лѣтомъ очень осторожны, но самки, сидящія на яйцахъ, считаютъ себя, и притомъ совершенно справедливо, хорошо защищенными уже самой своей окраской, почти неотличимой отъ цвѣта водорослей, и обыкновенно или вылетаютъ почти что изъ-подъ ногъ, или даже позволяютъ взять себя руками, до того крѣпко сидятъ. За исключеніемъ гребенушки, обыкновенная гага неохотно соединяется съ другими птицами. Во время отлива гаги любятъ собираться на обнажившихся мѣстахъ, гдѣ въ изобиліи находятъ свой кормъ. Такъ, по словамъ А. М. Никольскаго, гаги во множествѣ встрѣчаются у Трехъ-Острововъ, гдѣ высота прилива достигаетъ до огромныхъ размѣровъ (трехъ саженъ), и гдѣ во время отлива обнажаются цѣлые острова и большія косы, въ изобиліи доставляющія гагамъ ихъ любимую пищу — мелкихъ ракушекъ. Изрѣдка по наблюденіямъ того же зоолога, гаги ѣдятъ и водоросли. Будучи легко замѣтны на морѣ при тихой погодѣ, гаги совершенно исчезаютъ изъ глазъ при волненіи. Крикъ этой птицы—громкое и грубое *кр, кр, кр;* но въ брачный періодъ ухаживающій за самкой гавкунъ, то опуская, то поднимая голову, издаетъ громкое, но протяжное *а-у.*

Въ мартѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно за два мѣсяца до начала гнѣздованья, гаги разбиваются на пары. Мѣстомъ для гнѣзда охотнѣе всего выбирается плоскій островокъ, но иногда гаги занимаютъ скалистый островъ и гнѣздятся на высотѣ 200 футовъ надъ моремъ. На низкомъ, плоскомъ островѣ гнѣзда устраиваются на землѣ между кустиками, которые плохо защищаютъ птицу даже отъ нападенія поморника, истребляющаго въ большомъ количествѣ гагачьи яйца. Гнѣзда устраиваются изъ сухой травы, мха, водорослей и т. п., когда же кладка оканчивается, самка выстилаетъ гнѣздо пухомъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ гнѣздо представляетъ просто небольшое углубленіе въ землѣ, слабо устланное травой и пухомъ. По наблюденіямъ В. А. Хлѣбникова гага, если пухъ вынутъ у нея изъ гнѣзда, замѣняетъ его растительнымъ матеріаломъ. Тамъ, гдѣ гагъ не особенно много, онѣ устраиваютъ свои гнѣзда на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга; тамъ же, гдѣ ихъ много, гнѣзда ихъ бываютъ расположены совсѣмъ другъ возлѣ друга; иногда бываетъ даже, что двѣ самки несутся въ одно гнѣздо и дружески высиживаютъ рядомъ на одномъ лоточкѣ. На Новой Землѣ ухаживанье самцовъ продолжается до конца мая, слѣдовательно, яйца кладутъ не ранѣе начала іюня. На Кольскомъ полуостровѣ яйца кладутся гагами тоже въ іюнѣ; въ Балтійскомъ

морѣ почти полную кладку находятъ уже въ маѣ. Полная кладка содержитъ отъ 5 до 8 яицъ, но чаще, кажется, кладка ограничивается шестью. Цвѣтъ ихъ варьируетъ отъ нѣжно-сѣро-палеваго до сѣровато-зеленаго, длина отъ 3,3 до 2,8 д.; поперечникъ отъ 2,05 до 1,9 д. Пухъ, на которомъ лежатъ яйца, измѣняется отъ сѣровато-бураго до буровато-сѣраго, съ болѣе блѣдной серединой. Самка съ большимъ усердіемъ высиживаетъ около мѣсяца, самецъ же держится въ это время обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи отъ гнѣзда, присоединившись къ своимъ товарищамъ, которые держатся небольшими стайками. Когда же самка сходитъ съ гнѣзда, чтобы поѣсть, самецъ присоединяется къ ней, но отнюдь не раздѣляетъ съ нею трудовъ по высиживанію. Чѣмъ ближе время вывода птенцовъ, тѣмъ меньше привязанности обнаруживаетъ самецъ къ самкѣ и, наконецъ, когда птенцы выклюнулись, гавкуны отправляются въ открытое морѣ, гдѣ и смѣняютъ свое мелкое перо, надѣвая временно, пока перелиняютъ маховыя и рулевыя, болѣе скромную, но менѣе замѣтную одежду самки.

Въ началѣ августа у береговъ Кольскаго полуо—ва добываются птенцы не болѣе чирка. Мать сводитъ птенцовъ къ водѣ при первой же возможности по ихъ выклюнутіи. Существуетъ предположеніе, что изъ гнѣздъ, расположенныхъ высоко надъ моремъ, гавки переносятъ дѣтей на воду въ клювѣ, но это не подтверждено достовѣрными наблюдателями. Мать очень заботится о дѣтяхъ и беретъ ихъ къ себѣ на спину, когда онѣ устанутъ. Если мать погибаетъ, выводокъ присоединяется къ другой маткѣ. Иногда же до шести семей дружески соединяются въ общую стайку, гдѣ нѣсколько десятковъ птенцовъ охраняются своими матками. Самые опасные враги гагъ—поморники. Что же касается человѣка, для котораго гагачій пухъ служитъ важнымъ предметомъ промысла, то онъ скорѣе является покровителемъ этихъ птицъ, т. к. при разумномъ пользованіи пухомъ и яйцами, заставляетъ гагъ лишь нестись вторично и выводить дѣтей позднѣе. Можно смѣло утверждать, что нигдѣ гаги не гнѣздятся такими большими колоніями, какъ тамъ, гдѣ человѣкъ разумно промышляетъ ими, что, впрочемъ, къ сожалѣнію не приложимо къ нашей странѣ.

Когда птенцы подрастутъ, а старики, какъ самки, такъ и самцы, кончатъ осеннюю линьку, гаги соединяются въ стада, которыя и держатся всю зиму; впрочемъ, отдѣльныя пары можно видѣть и въ это время.

У насъ гагачій пухъ добываютъ на Мурманѣ, на побережьи и островахъ Бѣлаго моря, на Колгуевѣ и на Новой Землѣ. Вездѣ промыселъ этотъ находится въ значительномъ упадкѣ, и вездѣ промышленники объясняютъ уменьшеніе гагъ хищничествомъ норвежцевъ, будто бы хозяйничающихъ даже на Новой Землѣ. Весьма возможно, что если норвежцы случайно посѣтятъ гагачью колонію на русской территоріи, они не пощадятъ ее, но прежде всего хищничаютъ наши же собственные промышленники, которымъ птичій промыселъ норвежцевъ надо взять за образецъ. Норвежецъ отлично знаетъ гагъ того участка берега или той птичьей горы, которая находится въ его

владѣнiи, и относится къ нимъ, какъ къ своимъ домашнимъ птицамъ. Онъ возьметъ у нихъ и яйца, но только первой кладки, что лишь заставитъ гагу нестить вторично; возьметъ и пухъ, послѣ чего самка надергаетъ новаго изъ хлупи самца, а затѣмъ не только оставитъ птицу въ покоѣ, но будетъ охранять ее отъ прочихъ враговъ. При нѣкоторыхъ условiяхъ, когда можно опасаться, что самка не замѣнитъ взятаго пуха новымъ, а тѣмъ болѣе растительными веществами, норвежецъ выберетъ пухъ лишь послѣ того какъ птенцы вывелись и онъ самъ же снесъ ихъ въ корзинѣ на море, чтобы слабые птенчики при этомъ первомъ путешествiи не разбились и не попали въ когти къ кречету. Нашъ промышленникъ ничѣмъ подобнымъ себя не утруждаетъ: онъ собираетъ всѣ яйца, безъ различiя, не заботясь о томъ, насколько они насижены, и захватываетъ пухъ. Часто, потерявъ очень сильно насиженныя яйца и пухъ, гага не несется вторично; если же и устроитъ гнѣздо, то пухъ замѣняется просто растительнымъ матерiаломъ. Но промышленникъ на этотъ разъ довольствуется яйцами второй кладки, не заботять о томъ, что самъ же у себя отнимаетъ добычу будущаго года, а потомъ жалуется на хищниковъ норвежцевъ.

Обыкновенно 12 гнѣздъ даютъ около 1 ф. неочищеннаго гагачьяго пуха, который въ очищенномъ видѣ стоитъ отъ 12 до 22 руб. за фунтъ. Сколько его добывается ежегодно въ настоящее время и сколько продается, мы совершенно не можемъ судить за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ. Но сто лѣтъ тому назадъ ежегодно вывозилось за границу гагачьяго пуха болѣе чѣмъ на 600.000 руб. По представленiю г. архангельскаго губернатора теперь сборъ яицъ и разоренiе гнѣздъ гаги по берегамъ Бѣлаго моря запрещены, но дѣло въ томъ, чтобы запрещенiе это не осталось на бумагѣ.

98. Гага гребенушка.

Somateria spectabilis, L.

Табл. 103.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 619.
Болѣе распростр. названія: *гага гребенушка.*

Мѣстныя названія: *гребенушка, нормо́та* (въ Сибири).
Финск.— *pulska haahka.*—Лапл.— *бурсъ-ньюнгавда, сультъ-ньюнгавда.*— Самоѣд.—*вора́къ, вара́къ.*

Гага гребенушка гнѣздится у насъ на Новой Землѣ, Вайгачѣ, Колгуевѣ и на Канинскомъ полуо—вѣ, откуда зимою залетаетъ на восточный и сѣверный берегъ Кольскаго полуо—ва; изрѣдка бываетъ на абосскомъ побережьѣ и болѣе правильно на пролетѣ посѣщаетъ Аландскіе о-ва и нюландское побережье. Отдѣльные экземпляры были находимы въ разныхъ частяхъ страны. Такъ, старый самецъ былъ добытъ въ Прибалтійскомъ краѣ; одинъ экземпляръ добытъ въ концѣ сентября 1848 г. въ Воронежской г.; и почти навѣрное можно утверждать, что въ 1851 г. именно эта гага была убита полковникомъ П. Б. Хорошхинымъ въ Уральской области, повыше крѣпости Кулагиной.

---

99. Гага сибирская.
Somateria stelleri, Pall.

Табл. 104.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 621.
Болѣе распростр. названіе: *сибирская гага.*

Мѣстныя названія: лапл. *савье-гавда.*

Едва ли можно сомнѣваться, что сибирская гага не только зимуетъ на Кольскомъ побережьѣ, но и гнѣздится здѣсь. Собственно въ Русской Лапландіи Миддендорфъ и Богдановъ наблюдали эту утку около острова Сосновца, и оба склоняются въ пользу того, что она гнѣздится въ указанной мѣстности. По Зандебергу она гнѣздится на западъ отъ Рыбачьяго полуо—ва, а Нордви получилъ яйца съ Айновскихъ о—въ и изъ Печенги. Грапе наблюдалъ ее внутри страны, въ Энонтекисѣ. Кромѣ того, всѣ наблюдатели единогласно утверждаютъ, что эта гага прилетаетъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября къ Варангеръфіорду, гдѣ и остается всю зиму. Что касается другихъ частей страны, то изрѣдка зимою сибирская гага бываетъ на Аландскихъ о-вахъ и нюландскомъ побережьѣ и залетаетъ отъ времени до времени въ окрестности С.-Петербурга. Въ показаніи Л. П. Сабанѣева, будто этотъ видъ встрѣчается изрѣдка весною на Каслинскихъ озерахъ, нѣтъ ничего невозможнаго, только не слѣдуетъ забывать, что это показаніе совершенно голословно. Для Новой Земли эта птица не упоминается.

100. Синьга.

Fuligula nigra, Briss.

Табл. 105.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 625.

Болѣе распростр. названія: *синьга, малый турпанъ.*

Мѣстныя названія: *синьга* (на Оби); *морская чернеть* (въ Сибири); *чернуха* (у поморовъ); *малый турпанъ, чернушка* (Пермск.); *чернавка* (оз. Лиманъ, Зм. у.).

Польск.— *kaszka czarna.* — Эст.— *mere tedder.* — Фин.— *merilintu, meriläinen, mustalintu.* —Лапл.— *ньюоркуа.*

У насъ синьга широко распространена въ сѣверо-западной части страны. Здѣсь она гнѣздится во всей Лапландіи, кромѣ морского берега, и въ Финляндіи къ югу до 61° 40′, но какъ въ области Варангеръ-фіорда, такъ въ юго-западной и южной Финляндіи бываетъ только на пролетѣ. Далѣе на востокъ синьга вѣроятно гнѣздится на Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ и въ небольшомъ числѣ подъ Архангельскомъ, гдѣ обыкновенна на пролетѣ къ Канинской тундрѣ, въ южную часть Новой Земли и на Вайгачъ. Затѣмъ гнѣздится въ тундрахъ по нижней Печорѣ, но какъ далеко идетъ здѣсь къ югу, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ въ Пермской губ. лѣтомъ бываютъ только самцы этого вида, но въ западной Сибири синьга м. б. гнѣздится даже въ окрестностяхъ Тюмени подъ $57^1/_2{}^0$ с. ш., и прослѣжена Уральской экспедиціей отъ Сосьвы до 68° с. ш. На пролетѣ синьга наблюдается на побережьѣ Балтійскаго моря, по Камѣ и Волгѣ, и въ области рѣки Урала. Въ небольшомъ числѣ встрѣчается во время пролета въ центральной Россіи, но не каждый годъ, и вообще можетъ считаться здѣсь скорѣе залетно-пролетною птицей. Очень рѣдко залетаетъ въ Польшу. Зимуетъ на Каспійскомъ и, вѣроятно, въ очень небольшомъ числѣ на Черномъ морѣ.

---

101. Турпанъ.

Fuligula fusca, L.

Табл. 106.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 628.

Болѣе распростр. названіе: *турпанъ.*

Мѣстныя названія: *свирокъ, тюльпанъ* (Петербург.); *морская тетера* (у поморовъ); *турпанъ, чернушки, чернуха* (Пермск.); *черный турпанъ, неводчикъ* (въ Сибири); *головня, чернавка* (въ Харьков. губ.).

Польск.—*uhla.*—Эст.—*werdi, waisi, waires.*—Фин.—*kolso, kórri, vartti, valkeasiipi, meriteeri, merikoppelo, kulmunen, pilkkasiipi.*—Лоп.—*куальмисъ.*—Лапл.—*скоарра, скооро, скяра.*

Башк.—*ырокъ.*—Тунг.—*попоке́ли.*—Эст.—*тулбукъ.*

Распространеніе турпана въ нашей странѣ гораздо шире, нежели распространеніе синьги. Онъ гнѣздится во всей Лапландіи, даже по глубоко вдающимся заливамъ, и избѣгаетъ лишь собственно морского берега; распространенъ во всей Финляндіи, гдѣ мѣстами очень обыкновененъ, на Ладожскомъ и Онежскомъ оз. и въ небольшомъ числѣ подъ Архангельскомъ. Въ Петербургской губ. въ области Финскаго залива турпанъ, повидимому, не гнѣздится, но лѣтомъ встрѣчался въ Новгородской губ. и довольно обыкновененъ на сѣверномъ и западномъ побережьѣ Эстляндіи. По свидѣтельству Тизенгаузена, турпанъ гнѣздился прежде въ Пинскихъ болотахъ, но мы не знаемъ, гнѣздится ли онъ здѣсь теперь, хотя за послѣднее говоритъ то обстоятельство, что въ Польшѣ турпанъ бываетъ не только на пролетѣ и зимою, но даже залетаетъ туда лѣтомъ. Мы ничего не знаемъ о распространеніи турпана въ Вологодской губ., но онъ найденъ на Вайгачѣ и на Новой Землѣ, гнѣздится въ нижне-печорскихъ тундрахъ и очень далеко распространенъ къ югу въ Зауральскомъ краѣ. Относительно Пермской губ. Л. П. Сабанѣевъ говоритъ, что въ Богословской и Павдинской дачахъ турпанъ довольно многочисленъ на всѣхъ озерахъ, особенно на Княспинскомъ. Далѣе къ югу, начиная съ 56°, турпаны водятся въ огромномъ количествѣ, хотя далеко не повсемѣстно; повидимому, они избираютъ своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ наиболѣе рыбныя

озера и притомъ степныя; на уральскихъ озерахъ они сравнительно рѣдки и почти не гнѣздятся, но въ степной полосѣ идутъ далеко къ югу и еще очень многочисленны на озерахъ Челябинскаго и Троицкаго уу. (54° с. ш.). Вѣроятно отдѣльныя пары турпановъ гнѣздятся по всей Камѣ, по крайней мѣрѣ одна была найдена въ Чистопольскомъ у. Въ высшей степени замѣчательно гнѣздованіе турпана на оз. Гокчѣ въ Закавказьѣ, откуда въ музеѣ Московскаго университета имѣется не совсѣмъ взрослый экземпляръ, добытый въ іюнѣ 1885 г. На пролетѣ турпанъ болѣе или менѣе обыкновененъ по Камѣ, Волгѣ и Уралу; въ небольшомъ числѣ пролетаетъ Окой, Днѣпромъ и Дономъ, и при этомъ отдѣльныя особи, конечно, встрѣчаются и въ сторонѣ отъ главныхъ пролетныхъ путей. Отдѣльныя особи, преимущественно старые самцы, встрѣчаются зимой не только въ Польшѣ, но и въ южной Россіи, наприм., въ Харьковской губ. Въ небольшомъ числѣ турпанъ зимуетъ на Черномъ морѣ и на оз. Гокча; главныя же мѣста зимовокъ турпана лежатъ на Каспійскомъ морѣ и въ Туркестанѣ.

Турпанъ прилетаетъ на свою родину очень поздно. Только въ первой половинѣ мая онъ пролетаетъ у береговъ Прибалтійскихъ губерній; въ маѣ же наблюдается на пролетѣ подъ Петербургомъ и въ разные годы въ разныя числа мая появляется въ Лапландіи. Относительно восточной Россіи свѣдѣнія разнорѣчивы. Такъ, г. Зарудный говоритъ, что подъ Оренбургомъ онъ наблюдалъ турпановъ въ началѣ мая, но Сабанѣевъ и Зибомъ говорятъ, что турпаны прилетаютъ и гнѣздятся очень поздно, и потому можно думать, что Зарудный наблюдалъ или начало пролета, или случайно болѣе ранній пролетъ. Осенью турпанъ покидаетъ Лапландію въ половинѣ октября; въ октябрѣ же наблюдается пролетъ турпановъ подъ Петербургомъ. Но изъ сѣверо-восточной Россіи турпаны отлетаютъ раньше, судя по тому, что подъ Оренбургомъ появляются уже въ концѣ сентября. Впрочемъ, они не спѣшатъ на осеннемъ пролетѣ и даже на Камѣ ихъ можно видѣть до середины ноября.

102. Морянка.

Fuligula glacialis, L.

Табл. 107.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 633.

Болѣе распростр. названія: *морянка, аллейка.*

Мѣстныя названія: *морянка*, (Петерб. по Палласу), *саукъ* (тамъ же); *аллейка* (у поморовъ); *кавыка, лунекъ* (Екатеринб.); *савка* (Павд.); *лайка* (Астрахан.).

Пол. — *lodówka*. — Лат. — *каира, kilde*. — Эст.— *auli*. — Фин. — *alli*— Лапл.—*хаша*.

Якут.—*бильиná*.—Ост.—*аулàлъ*.—Самоѣд.—*ану*.

Распространеніе у насъ морянки гораздо обширнѣе, нежели можно было бы думать. Это обыкновенная птица Лапландіи къ югу до 67° с. ш., гдѣ морянка гнѣздится на альпійскихъ озерахъ въ области ивняковъ и мелкорослой березы, поднимаясь почти до самой границы вѣчныхъ снѣговъ, и весьма рѣдка на озерахъ, расположенныхъ въ низменныхъ мѣстахъ страны и то только въ ея самыхъ сѣверныхъ частяхъ, наприм., въ Энарской Лапландіи. Далѣе на востокъ морянка гнѣздится въ сѣверной части Онежскаго озера, во всѣхъ тундрахъ сѣверной Россіи, начиная отъ Бѣлаго моря, и на Новой Землѣ. Въ небольшомъ числѣ эта утка гнѣздится въ Пермскомъ Уралѣ, на озерахъ восточнаго склона, но не на степныхъ, хотя здѣсь многочисленна на пролетѣ. Лѣтомъ отдѣльныя особи морянки, повидимому исключительно линяющіе самцы, встрѣчаются въ Оренбургскомъ краѣ, но не гнѣздятся. Кромѣ того, морянка спорадически гнѣздится въ Эстляндіи, но въ небольшомъ числѣ. Показаніе Л. П. Сабанѣева, будто морянка гнѣздится въ Даниловскомъ у., Ярославской губ., по каменистымъ и высокимъ берегамъ рѣчекъ (!), какъ основанное на свидѣтельствѣ неспеціалистовъ, едва ли заслуживаетъ особеннаго вниманія. На пролетѣ морянка весьма обыкновенна на Балтійскомъ морѣ съ его заливами и во всей Финляндіи. Въ небольшомъ числѣ пролетаетъ по рѣчнымъ системамъ внутри страны и несомнѣнно бы-

ваетъ на Черномъ морѣ, хотя часть этихъ птицъ остается зимовать въ Привислянскомъ краѣ и юго-западной Россіи. Болѣе обиленъ пролетъ по Камѣ, Волгѣ и черезъ Киргизскія степи; прилетѣвъ въ Киргизскія степи, морянки остаются здѣсь до замерзанія водъ. Въ небольшомъ числѣ эти птицы зимуютъ въ устьяхъ Волги, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ образуются полыньи и трещины во льду, остальныя же отправляются на Каспійское море и въ суровыя зимы долетаютъ до его юго-западной части.

Во второй половинѣ апрѣля несмѣтныя стада морянокъ приближаются къ берегамъ Прибалтійскаго края и здѣсь днемъ держатся въ открытомъ морѣ, а на ночь перебираются въ мелководныя бухты на кормежку. Пролетъ длится около мѣсяца, и въ это время, повидимому, морянки начинаютъ разбиваться на пары. Въ Лапландію морянки прилетаютъ въ разныя числа мая и вѣроятно только въ концѣ этого мѣсяца прилетаетъ эта утка въ печорскія тундры. Откуда онѣ прилетаютъ въ послѣднюю область—рѣшить трудно, но 16-го мая 1900 г. я видѣлъ нѣсколько штукъ этихъ птицъ съ парохода въ морѣ противъ Георгіевскаго монастыря и не считаю невозможнымъ, что именно эти поздніе особи прилетаютъ въ маѣ и къ Бѣлому морю, и на Печору. Тѣ морянки, которыя зимовали въ южной Россіи, пускаются въ путь уже въ концѣ марта и пролетаютъ въ средней полосѣ въ половинѣ апрѣля, вѣроятно присоединяясь на Бѣломъ морѣ къ пролетнымъ черезъ Финляндію, тѣ же, которыя летятъ съ Каспійскаго моря, по всей вѣроятности, отчасти гнѣздятся въ Пермскомъ Уралѣ, отчасти въ западной Сибири.

103. Каменушка.

Fuligula histrionica, L.

Табл. 108.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 638.
Болѣе распростр. названіе: *каменушка.*

Мѣстныя названія: *каменушка, каменная утка* (въ Сибири). Камчад.—*никынгъ, никынгакъ.*

Эта чрезвычайно красивая и въ то же время пестрая утка, за что западно-европейскіе зоологи зовутъ ее *арлекиномъ,* наблюдалась у насъ лѣтомъ только на Бѣломъ морѣ, гдѣ быть можетъ гнѣздится. Въ качествѣ залетной птицы изъ восточной Сибири бываетъ въ Пріуральскомъ краѣ. Прилагаемый рисунокъ поможетъ тѣмъ изъ охотниковъ, которымъ посчастливится добыть каменушку, опредѣлить ее и пополнить наши свѣдѣнія о появленіи у насъ этой птицы.

---

104. Гоголь.
Fuligula clangula, L.

Табл. 109.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 641.
Болѣе распростр. названіе: *гоголь.*

Мѣстныя названія: *гоголь, гоголекъ* (Петербург.); *звонокъ* (у помор.); *крякушка* (Малорос.); *пестрый нырокъ* (Чистопол.).

Польск.—*kaszka głosna.* — Фин.—*selkätelkkä, sotka, tilkka.* — Лапл. *tschoadki, tschoadge, tschoadgi, tjärke.*

Зырян.—*сульчеръ.*—Вогул.—*салъ, сай, сой.*—Ост.—*лобтай.* у Сургута—*торомъ-санкени.*—Тунг.—*гурибку.*—Ламут.—*коиала̀.*

Распространеніе у насъ гоголя очень широко. Такъ какъ эта птица гнѣздится предпочтительно въ дуплахъ, ее поэтому нельзя ожидать встрѣтить гнѣздящейся въ безлѣсной тундрѣ и въ безлѣсныхъ степяхъ, но въ степной полосѣ по теченію рѣкъ и по озерамъ, обрамленнымъ большими деревьями, гоголь идетъ очень далеко къ югу. Это—самая обыкновенная утка лѣсной части Кольскаго полуострова, гдѣ встрѣчается даже и за предѣлами лѣсной области; гнѣздится во всей Финляндіи, въ Петербургской, Новгородской и Тверской губ. и, вѣроятно, гнѣздится въ Прибалтійскомъ краѣ. Какъ далеко къ югу гнѣздится гоголь въ лѣсной области по верховьямъ Днѣпра, неизвѣстно, но лично я не сомнѣваюсь, что онъ спускается до Полѣсья. Равнымъ образомъ едва ли можно сомнѣваться, что гоголь гнѣздится въ ограниченномъ числѣ и въ лѣсистыхъ участкахъ центральной Россіи. Но въ большомъ числѣ онъ распространенъ только къ сѣверу отъ Волги, отъ Олонецкой губ. до Бѣлаго моря, печорскихъ тундръ и границъ Тобольской губ. Въ области Уральскаго хребта гоголь гнѣздится къ югу до нижняго теченія Илека и случайно даже по сѣвернымъ окраинамъ Киргизскихъ степей; по Волгѣ гоголь спускается до Астрахани. По всей средней и южной Россіи гоголь обыкновененъ на пролетѣ, и, кромѣ того, отдѣльныя особи, парочки или небольшія стайки держатся всю зиму на незамерзающихъ водахъ восточной, юго-восточной, южной и западной Россіи. На сѣверномъ побережьѣ какъ Чернаго, такъ и Каспійскаго моря гоголь держится до декабря, въ декабрѣ же отлетаетъ еще южнѣе, избѣгая, какъ кажется, преимущественно снѣжныхъ бурь. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что первыми улетаютъ самки и молодыя птицы, а потомъ уже и самцы.

---

105. Гоголь исландскій.

Fuligula islandica, Gm.

Табл. 110.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 645.

Исландскій гоголь, несомнѣнно, бываетъ въ области Варангеръ-фіорда. Кромѣ того, я склоненъ отнести къ этому виду экземпляръ, добытый г. Зворыкинымъ 3/XI 1895 г. въ Вышневолоцкомъ у. Тверской губ., хотя это—молодая птица и при сходствѣ обоихъ видовъ въ молодомъ опереніи ошибка при опредѣленіи вполнѣ возможна. Прилагаемый рисунокъ дастъ возможность безъ труда опредѣлить самца исландскаго гоголя, рѣзко отличающагося развитіемъ бѣлаго цвѣта передъ глазами, и мы обращаемъ особенное вниманіе на этихъ птицъ тѣхъ охотниковъ, которые охотятся около Ботническаго и Финскаго заливовъ.

106. Нырокъ бѣлоглазый.

Fuligula nyroca, Güld.

Табл. 111.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 646.

Болѣе распростр. названія: *бѣлоглазый нырокъ, бѣлоглазка.*

Мѣстныя названія: *чернушка, бѣлоглазка* (Астраханск.); *чернушка* (на Днѣстрѣ); *черникъ* (на Днѣпрѣ); *красный нырокъ* (Оренбург.); *чернышъ* (Воронеж.); *нирокъ, поганка* (Малоросс.); *нырокъ, огарки* (южн. Росс.). Польск.—*podgorzałka.*

Распространеніе бѣлоглазаго нырка очень обширно. Въ западной Россіи онъ распространенъ къ сѣверу до прибалтійскихъ губерній, гдѣ, впрочемъ, уже не гнѣздится, хотя въ Польшѣ очень обыкновененъ. Въ центральной Россіи еще бываетъ въ Московской губ., но только въ качествѣ залетной птицы, а далѣе на востокъ гнѣздится въ Казанской губ. и встрѣчается въ южной части Пермской, гдѣ, однако, гнѣздится лишь въ видѣ исключенія. Къ югу отъ этихъ мѣстъ бѣлоглазый нырокъ встрѣчается во всей Россіи, равно какъ и на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, и во многихъ частяхъ страны остается даже на зиму, какъ, наприм., въ Польшѣ, въ южной Россіи, въ Крыму и Закавказьѣ. Бѣлоглазый нырокъ прилетаетъ въ южную Россію (тѣ особи, которыя улетали на зиму въ сѣверную Африку) въ половинѣ марта, и въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ апрѣля появляется уже подъ широтою Кіева. Осенній пролетъ въ южной Россіи наблюдается въ половинѣ октября, большинство отлетаетъ отсюда съ половины октября до половины ноября.

107. Нырокъ красноносый.

Fuligula rufina, Pall.

Табл. 112.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 649.
Болѣе распростр. названіе: *красноносый нырокъ.*

Мѣстныя названія: *шмаковая утка* (на Дону); *линявка* (Астрах.). Польск.—*kaszka hełmiasta.*—Киргиз.—*кара-йирёкъ-кизылъ-башъ.*

Распространеніе красноносаго нырка и вообще довольно ограниченно, и въ частности въ нашей странѣ. У насъ онъ распространенъ въ юго-восточномъ углу, гдѣ поднимается къ сѣверу до Уфимской губ. и Сызрани, въ небольшомъ числѣ встрѣчается въ области нижняго теченія Дона, и гнѣздится въ Новороссійскомъ краѣ, откуда залетаетъ въ губ. Воронежскую, Харьковскую и Подольскую. Изрѣдка залетаетъ въ Польшу и Прибалтійскій край. Въ Крыму бываетъ на пролетѣ и зимою. На Кавказѣ и въ Закавказьѣ отчасти живетъ осѣдло, отчасти прилетаетъ сюда зимою.

Въ Оренбургскій край весною красноносый нырокъ прилетаетъ во второй половинѣ апрѣля, въ Уфимскую губ.—въ концѣ этого мѣсяца. Осенній отлетъ происходитъ въ октябрѣ и ноябрѣ.

108. Чернеть хохлатая.

Fuligula cristata, Leach.

Табл. 113.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 652.

Болѣе распростр. названія: *чернеть, хохлатая чернеть.*

Мѣстныя названія: *чернеть, черневая, чернуха; хохлатая чернеть, хохлачъ* (Петерб.); *хохлачъ* (Днѣпръ); *чернышъ, дупловка* (Борович. у.); *хохлушка, голубая чернеть* (Пермск.); *чернь, чернеть* (Оренбург.); *хохлатый нырокъ, чернеть* (Казанск.); *чернеть касакъ* (въ Сибири); *чернушка, манатка* (?) (Харьков.).

Польск.—*czernica.* Эст. *ea part.* Фин.—*jouhisotka, pilni sortti, vartti, narsku.*—Лапл.—*уннель-виктакъ, уцибъ-фитагъ, витакъ, утса-фьелтакашъ.*—Башк.—*кашъ-халакъ.*—Зыр.—*тюкала.*—Вогул.—*торъ-вассе.*—Остяцк.—*тунъвассе*; у Сургута—*инкъ-вассехъ.*—Тунг.—*ёмбанга, момчянъ.*

Распространеніе у насъ хохлатой чернети весьма обширно. Сѣверная граница ея совпадаетъ болѣе или менѣе съ сѣвернымъ предѣломъ распространенія лѣсной растительности, такъ что поднимаясь мѣстами до 70° с. ш., какъ, наприм., у русско-норвежской границы, вообще эта птица становится рѣдкой съ переходомъ за полярный кругъ. Что же касается южнаго предѣла распространенія хохлатой чернети въ качествѣ гнѣздящейся птицы, то опредѣлить его не такъ просто. Въ Оренбургскомъ краѣ она наблюдается по многимъ большимъ лиманамъ и озерамъ всей долины Илека и Хобды и по многимъ степнымъ рѣчкамъ. На Сулюкъ-кулѣ она очень обыкновенна, точно такъ же, какъ и на соленоводной Туманче. По Волгѣ гнѣздится до Сарепты и даже на Сарпѣ. Слѣдовательно, въ юго-восточной Россіи чернеть гнѣздится къ югу до 48° с. ш. Но далѣе на западъ южная граница распространенія описываемой птицы постепенно поднимается къ сѣверу. Такъ, чернеть спорадически еще гнѣздится въ Воронежской, Харьковской и Кіевской губ., но въ Польшѣ бываетъ уже только на пролетѣ, хотя въ Прибалтійскомъ краѣ опять гнѣздится. Въ южной Россіи это — пролетная птица, въ Крыму пролетная и зимующая. На Кавказѣ чернеть во множествѣ встрѣчается зимою на Каспійскомъ

побережьѣ, откуда залетаетъ въ глубь страны. Кромѣ того, чернеть не только зимуетъ, но и гнѣздится на армянскихъ озерахъ, наприм., на Гокчайскомъ.

Хотя для нашей страны, за исключеніемъ ея южныхъ окраинъ, чернеть является перелетною птицею, тѣмъ не менѣе отдѣльныя особи этихъ нырковъ встрѣчаются зимою на незамерзающихъ полыньяхъ рѣкъ Пріуральскаго края, въ Польшѣ же чернеть остается съ осени до наступленія большихъ морозовъ, а весною появляется очень рано. Въ южной Россіи весенній пролетъ чернети начинается уже въ началѣ марта; въ средней полосѣ чернеть появляется въ концѣ марта или началѣ апрѣля и летитъ до начала мая. На пролетѣ держится иногда огромными стаями, которыя летятъ ночью, днемъ останавливаясь на отдыхъ по озерамъ и старицамъ рѣчныхъ долинъ.

109. Чернеть морская.

Fuligula marila, L.

Табл. 114.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 657.

Болѣе распростр. названія: *морская чернеть, морянка.*

Мѣстныя названія: *соровая утка* (на Оби); *морянка, морская чернеть* (Петербург. губ.); *плесовка* (Борович. у.).

Польск. — *ogorzałka.* — Эст. — *safka.* — Фин. — *tunturisotka, isosortti.* — Лапл. — *стуора виктакъ, стуора фиташъ, фьелтакъ.* — Ост. — *лапи-ченчь.* — Самоѣд. — *тáнсбу.*

Морская чернеть гнѣздится у насъ въ Лапландіи и Финляндіи отъ 70° с. ш. къ югу до 61°25′ и спорадически на нѣкоторыхъ большихъ озерахъ Новгородской губ. Такъ какъ лѣтомъ эта птица была встрѣчена въ Петергофскомъ у., то не лишено вѣроятія гнѣздованье ея и въ Петербургской губ. Однако, далѣе на востокъ она, повидимому, гнѣздится только въ тундрахъ, Канинской и нижне-печорскихъ, и можетъ быть по Уральскому хребту къ югу до Верхотурскаго у. На пролетѣ морская чернеть найдена по всѣмъ прибрежнымъ и рѣчнымъ пролетнымъ путямъ, но въ наибольшемъ количествѣ на балтійскомъ и на тѣхъ, которые ведутъ къ Черному морю. Въ Польшѣ морская чернеть въ небольшомъ количествѣ даже зимуетъ. Но главная область зимовокъ этой птицы у насъ принадлежитъ Черному морю. Отчасти зимуетъ и на Каспійскомъ морѣ, преимущественно въ его сѣверной части, и даже на Гокчайскомъ озерѣ.

110. Нырокъ красноголовый.

Fuligula ferina, L.

Табл. 115.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 660.

Болѣе распростр. названіе: *красноголовый нырокъ.*

Мѣстныя названія: *голубая чернеть* (по Палласу, гдѣ?); самецъ въ брачномъ нарядѣ *солдатъ*, самецъ въ лѣтнемъ нарядѣ и самка *чернышъ, нырокъ* (Воронежск.); *чернеть красноголовая* (Петербург.); *нырокъ красноголовый* (Оренбург.); *мырокъ* (Уральск. каз.); *красноголовикъ, сизонъ* (Екатеринб.); *нырокъ красноголовый, большой нырокъ* (Казанск.); *бакланья утка* (Астраханск.); *рыжеголовка, рыжеголовая чернеть* (Сарпа).

Польск. — *głowienka.* — Фин. — *punasotka.* — Остяц. — *помъ-лопте*; у Нарыма — *ытекунъ*; у Сург. — *кауланъ.* — Тунг. — *дуруту.* — Якут. — *тоипасъ.*

Красноголовый нырокъ распространенъ во всей южной и средней Россіи, но сѣверная граница его еще далеко не выяснена. Въ юго-западной Финляндіи онъ изрѣдка гнѣздится до 63°, но уже въ Петербургской губ. не поднимается далѣе 60°, такъ какъ не найденъ сѣвернѣе южной оконечности Ладожскаго озера. Еще далѣе на востокъ сѣверная граница красноголоваго нырка должна нѣсколько опуститься къ югу, но, судя по его пролету въ средней Россіи, онъ долженъ еще гнѣздиться въ Вологодской губ. Въ Казанской губ. эта птица встрѣчается и даже нерѣдко по нижнему теченію Вятки. Въ Пермской едва ли гнѣздится въ Верхотурскомъ у. и во всякомъ случаѣ не сѣвернѣе Тагила, хотя на весеннемъ пролетѣ залетаетъ до Богословска. Въ видѣ исключенія красноголовый нырокъ залетаетъ въ Лапландію (область Торнео) и даже до Варангеръ-фіорда. Въ Прибалтійскомъ краѣ гнѣздится спорадически. По сѣверному побережью Чернаго моря живетъ осѣдло, исключая Крыма, гдѣ бываетъ на пролетѣ и зимою. Что же касается Каспійскаго моря, то здѣсь красноголовый нырокъ только зимуетъ и бываетъ на пролетѣ. Въ Закавказьѣ, внутри страны, найденъ пока только на пролетѣ.

Красноголовый нырокъ прилетаетъ на недѣлю позднѣе чернети.

---

111. Широконоска.

Anas clypeata, Briss.

Табл. 116.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 665

Болѣе распростр. названія: *широконоска, лопоноска.*

Мѣстныя названія: *широконоска, плосконоска, плутоносъ* (Оренбург.); *лупоносая* (Малорос.); *лопаноска* (Петерб.); *лопоноска* (Тульск.); *тупоноска* (Харьк.); *соксунъ* (гдѣ?), *саксанъ* (Ярослав.).

Польск.— *plaskonos.*— Фин.— *lapasorsa.* — Эст.— *luitso nok.*— Вогул.— *ioктохъ.*—Ост. (берез.) — *логали;* (сургут.)— *лукколь;* у Нарыма — *соека.*— Самоѣд.— *саау-тула.*—Монг.-бурят.—*галбунъ.*— Тунг.— *шонколъ.*— Ламут.— *лонъ.*—Кор.—*уалтитули.*—Камч.—*чепчину* и *чапченъ.*

Въ Финляндіи широконоска распространена къ сѣверу до сѣверной части Ботническаго залива въ широкой береговой зонѣ послѣдняго, изрѣдка встрѣчается въ губ. Коупіосской и С.-Михельской, чаще у Ладожскаго и Онежскаго озеръ. Затѣмъ найдена въ устьѣ р. Сумы, обыкновенна подъ Архангельскомъ и встрѣчается въ области нижней Печоры, хотя здѣсь рѣдка. Къ югу отсюда широконоска распространена въ качествѣ гнѣздящейся птицы во всей странѣ. Равнымъ образомъ гнѣздится на Кавказѣ, гдѣ, кромѣ того, обыкновенна зимою.

Широконоска прилетаетъ нѣсколько позднѣе кряквы, а отлетаетъ гораздо раньше.

---

112. Чирокъ-трескунокъ

Anas circia, L.

Табл. 117.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 668.

Болѣе распростр. названія: *большой чирокъ, чирокъ-трескунокъ.*

Мѣстныя названія: *чирокъ, сизикъ* (подъ Екатеринб.); *большой чирокъ, чирокъ соровый* (Казанск.); *трескунокъ, чирокъ-трескунокъ* (Сарпа); *некловъ, чиронокъ* (Харьков.); *чирокъ-трескунъ* (Симб. губ.); *чирушка* (Новгород.); *чирокъ, чиранка, трескунъ, морской чирокъ, чирокъ коростелекъ* (Петерб.); *чирокъ храпунокъ* (Херсонск.); *щиркунокъ* (на Ильменѣ).

Польск.—*cyranka.*—Лат.—*prischke.*—Фин.—*heinätavi.*—Кирг.—*чирокай йрёкъ.*—Вог.—*пурва.*—Ост. *тюрри;* у Сургута—*пылпы, пырни;* у Нарыма—*пакке.*—На Сосьвѣ—*тырви.*—Самоѣд.—*пьосокъ.*—Тунг.—*бурбуки.*

Чирокъ-трескунокъ, за исключеніемъ области Торнео, не найденъ въ Лапландіи. Не найденъ также около Бѣлаго моря, на нижней Печорѣ, въ губ. Архангельской и Вологодской, и вѣроятно далеко не повсемѣстенъ въ Вятской. Что же касается остальной страны, то трескунокъ распространенъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы всюду, равно какъ и на Кавказѣ. На окраинахъ чернозема и въ черноземной полосѣ этотъ видъ гораздо обыкновеннѣе, нежели дальше къ сѣверу. Въ южной полосѣ Россіи обиленъ также на пролетѣ, но зимовать не остается ни въ южной Россіи, ни на Кавказѣ, хотя зимуетъ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ.

Въ южной Россіи пролетъ этого чирка происходитъ во второй половинѣ марта, въ средней—въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Отлетъ на сѣверѣ начинается уже съ начала августа и продолжается до октября.

113. Чирокъ-свистунокъ.

Anas crecca, L.

Табл. 118.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 671.

Болѣе распростр. названія: *чирокъ, чиренокъ, чирокъ-свистунокъ.*

Мѣстныя названія: *чирокъ хрипунокъ, чирокъ, малая порховка* (у помор.); *чирокъ грязникъ, чиренокъ* (Петербург.); *чирокъ половой* (Казанск.); *чирокъ малый, грязнушка* (у Оренб. каз.); *хрипучка́* (Симбир.); *травничокъ* (Харьков.); *чирокъ, свистунъ, свистунокъ* (Сарпа); *чирушка* (подъ Екатеринб., Оренбург., Новгор.); *чирокъ свистунокъ* (Херсонск.).

Польск. — *cyraneczka.* — Эст. — *piri part, muda part.* — Лат. — *krihulis lohschne.*—Фин.—*tavallinen tavi, tavi.*—Лап.—*чивитъ, чикса, риктіа.*—Кавк. тат. — *сирчейурдакъ, герэпъ.* — Груз. — *кокона ишви.* — Башк. — *тырагай.* — Кирг. — *кечкентай, чирокай-йрекъ.* — Вог. — *тогеръ-тотервой.* — Ост. — *тигиртпири, пыренге, ханджи, шыдатъ.* — Тунг. — *чиркукы.* — Ламут. — *куричъ.*—Коряц.—*угалганылъ.* — Камч. — *пешукунъ, прыхчъ.* — Укинц. (вост. камч.)—*пыдшукчъ.* — Кур.—*турiуэ.*

За исключеніемъ Новороссійскаго края и Крыма, чирокъ-свистунокъ гнѣздится во всей Европ. Россіи и на Кавказѣ, но онъ сравнительно рѣдокъ на югѣ, гдѣ преобладающею формой является предыдущій видъ, и очень обыкновененъ на сѣверѣ, гдѣ мѣстами совершенно замѣняетъ чирка-трескунка, мѣстами же встрѣчается вмѣстѣ съ нимъ, но въ гораздо большемъ количествѣ. Зимуетъ въ области Чернаго и Каспійскаго морей.

Чирокъ-свистунокъ очень рано возвращается на свою родину и поздно улетаетъ отсюда.

---

114. Чирокъ узконосый.

Anas angustirostris, Ménéth.

Табл. 119.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 674.

Болѣе распростр. названія: *чирокъ узконосый, лѣтняя утка.*

Мѣстныя названія: *лѣтняя утка* (у жит. Ленкор.) – Татар.— *ак-ӧрдекъ* (Ленкор.); *таш-урдакъ* (Туркест.).

Свѣдѣнія о распространеніи у насъ узконосаго чирка были уже ранѣе собраны мною и съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію, не пополнились. „Узконосый чирокъ, — писалъ я, — открытый Менетріе въ маѣ 1830 г. около Ленкорани, принадлежитъ самымъ южнымъ частямъ нашей страны. Г. Карелинъ упоминаетъ его въ спискѣ птицъ Урало-казачьихъ владѣній, гдѣ онъ, вѣроятно, встрѣчается въ самомъ устьѣ р. Урала. Арцибашевъ, Генке и Яковлевъ приводятъ его для дельты Волги, гдѣ эта утка появляется очень поздно, именно въ самый сильный разливъ воды, и гнѣздится въ вороньихъ гнѣздахъ или въ дуплахъ деревьевъ. Богдановъ нашелъ этого чирка въ сентябрѣ на Прорвѣ, въ дельтѣ Терека. Зимою Радде наблюдалъ узконосаго чирка подъ Ленкоранью, гдѣ, по его словамъ, эту птицу зовутъ *лѣтнею уткой*, что указываетъ на гнѣздованье ея подъ Ленкоранью. Правда, Радде не видѣлъ узконосаго чирка въ упомянутой мѣстности во время своихъ весеннихъ экскурсій, но за то Менетріе наблюдалъ его здѣсь въ концѣ мая—время слишкомъ позднее для пролета. Съ Чернаго моря эта утка намъ неизвѣстна, но въ коллекціи г. Геллерта имѣется экземпляръ узконосаго чирка, добытый 24 мая 1881 года въ области Ильменя,—фактъ въ высшей степени замѣчательный. На востокъ отъ Каспійскаго моря узконосый чирокъ очень обыкновененъ въ Закаспійскомъ краѣ, откуда распространяется и въ предѣлы Туркестанскаго края, гдѣ найденъ какъ на Аму-Дарьѣ, такъ и на Сыръ-Дарьѣ“.

---

115. Утка сѣрая.

Anas strepera, L.

Табл. 120.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 677.

Болѣе распростр. названія: *полукряква, сѣрая утка.*

Мѣстныя названія: *крякушка* (Пермск.); *семинухъ* (Рязанск.); *сѣруха, сѣрушка* (Оренбург.); *сѣруха, полукряква* (средн. Поволжье); *подматерая, полукряковая, единородная утка* (охотн.); *морская утка* (Астрах.); *нерезень* (Херсонск.); *простянка* (Тамбовск.); *сѣрая утка, полуматерая утка, полуматерка, подматерка* (Москов.); *ладожская кряква* (на Ильменѣ).

Польск.— *krakwa.*— Тат.— *кооръ-урдакъ, кара-ӧрдекъ.*— Башк.— *кугäлъ.* Монг.—*ширягой, борджо-нугосюнъ.*—Бурят.—*цаганъ-далю.*

Распространеніе у насъ сѣрой утки далеко не такъ обширно, какъ нѣкоторыхъ другихъ утокъ, такъ какъ она принадлежитъ южной половинѣ Россіи. Начиная съ запада, мы видимъ, что сѣрая утка гнѣздится въ небольшомъ числѣ въ Польшѣ, но не гнѣздится въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ бываетъ очень рѣдко. Равнымъ образомъ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго объ ея гнѣздованіи въ Петербургской губ., куда она, повидимому, залетаетъ въ разное время, какъ и на Нюландское побережье. Не гнѣздится и въ Новгородской губ., гдѣ однако бываетъ въ качествѣ залетной птицы, но, можетъ быть, гнѣздится въ Московской, и несомнѣнно гнѣздится въ Рязанской, Тамбовской, Казанской и Пермской, поднимаясь до широты Екатеринбурга. Къ югу отсюда сѣрая утка распространена на гнѣздовьѣ во всей странѣ, исключая Крыма и окрестностей Астрахани, гдѣ бываетъ только на пролетѣ. На Кавказѣ и въ Закавказьѣ сѣрая утка гнѣздится какъ въ низменностяхъ, такъ и на озерахъ Армянскаго плоскогорья, и зимуетъ въ береговой зонѣ.

Въ южной Россіи сѣрая утка появляется очень рано — уже въ началѣ марта, но пролетъ ея къ сѣверу тянется медленно, такъ что въ центральную Россію она прибываетъ только въ началѣ апрѣля. Отлетъ изъ средней Россіи начинается съ сентября. По крайней мѣрѣ въ Харьковской губ. болѣе значительный пролетъ начинается около середины сентября, въ наибольшемъ количествѣ сѣрыя утки попадаются въ половинѣ октября, послѣднія отлетаютъ иногда даже въ началѣ ноября.

---

116. Кряква.

Anas boschas, L.

Табл. 121.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 681.

Болѣе распростр. названія: *кряква, матерка.*

Мѣстныя названія: *кряква, крякуша, кряковная* или *матерая утка: сѣрухи; селезень* (въ Полевск., Павдин. и Богосл. зав.); *селезнихи* (Туруханск. край); *крыжень, качка* (Малор.); *крыжни* (Бессар.); *крякушка* (у русск. въ Якут. обл.).

Польск. — *kaczka krakwa, posbolita, krzyżówka.* — Эст. — *mets part, sini kal'.* — Лат. — *mescha pihle, merz pihle.* — Фин. — *sinisorsa, punasorsa, puna-eller, punajalkasorsa.* — Лапл. — *стуора фуояшъ, дёрса.* — Молд. — *рацы салбатикы де челимаръ.*

Кирг. — *конуръ - іирёкъ.* — Башк.-мещ. — *куальурдэкъ.* — Тат. — *кошль, казъ-урдикъ.* — Морд. — *якзерге.* — Чув. — *куакаль.* — Зыр. — *керагъ.* — Ост. — *ваза, вассэхъ, бэнь. бэнда* (въ Турух. краѣ утка вообще, по Трет.). — Черем. — *луда.* — Вот. — *тыше. чечь.* — Вог. — *потъ, ботте.* — Пушно-кол. — *бана.* — Имбац. — *бёну.* — Самоѣд. — *нэби, нагу.* — Койб. — *напъ.* — Караг. — *ура.* — Монг. — *азинъ.* — Калм. — *ногоссунъ, бороджинъ.* — Тунг. — *чечуль, чинкарь.* — Юрац. — *нэбы.* — Ост.-сам. — *шипа.* — Лам.-сам. — *никисъ. тарми.* — Вилюйс. тунг. — *кэхэ.* Якут. — *кэгэнъ, кэгони.* — Танг. ср. Ам. — *тармя.* — Манягр. — *тарми.* — Баунт. тунг. — *чукдуль.* — Вил. якут. — *кохонь.* — Монг. и Гольд. (Амуръ и Уссури) — *тарме* и *тарми.* — Ороч. (прибр.) — *гаха,* (вер. Ам.) — *ника.* — Юкаг. — *оиджинонда.* — Ассан. — *пинъ.* — Арин. — *понжа.* — Камч. — *саапнъ, лехлемъ.* — Кур. — *саанпчъ, саанчичъ.* — Ковяцк. — *гейногичи.* — Кавк.-тат. — *эрдекъ.* — Груз. — *гереули-ихви.* — Арм. — *бадъ.* — Перс. — *мухаби.*

ВВЕДЕНІЕ.

Обзоръ области распространенія и мѣстонахожденій кряквы. — Общій очеркъ повадокъ и привычекъ птицы.

При своемъ громадномъ распространеніи кряква пользуется такою популярностью, что трудно встрѣтить человѣка, который, хоть нѣсколько разъ держа ружье, не могъ бы сказать, что онъ охотился на утокъ. Большая часть настоящихъ охотниковъ начинаетъ обыкновенно

также съ утки и хотя потомъ переходитъ на другую, болѣе завидную дичь, но вѣроятно не безъ удовольствія вспоминаетъ нѣкоторые часы, проведенные на утиной охотѣ. Правда, у охотниковъ слово „утятникъ“ можетъ почесться браннымъ словомъ, но происходитъ это не потому, что всякая охота на утокъ почитается пустою и не стоящею вниманія, а потому, что утки составляютъ одинъ изъ очень важныхъ предметовъ охотничьяго промысла и терминъ „утятникъ“ употребляется наравнѣ съ терминомъ „промышленникъ“. Я лично по себѣ знаю, что утиная охота можетъ иногда доставить большое удовольствіе и отношусь къ ней тѣмъ безпристрастнѣе, что бывъ прежде горячимъ охотникомъ, теперь совсѣмъ оставилъ охоту. Конечно, не всѣ охотники цѣнятъ въ охотѣ одно и то же,— одни увлекаются собакой, другіе — собственно стрѣльбой, третьи картинами природы и т. д., но я не могу забыть и долго не забуду тѣхъ первыхъ весеннихъ дней, когда, бывало, сквозь густую пелену тумана видишь передъ собою вершины темнаго лѣса, слышишь нескончаемое журчанье струй и жадно вдыхаешь въ себя теплый, сырой воздухъ. Какое-то безпокойство, какъ перелетною птицей, овладѣваетъ тобой, уноситъ въ поле, заставляетъ цѣлые дни проводить внѣ дома. Какъ, бывало, обрадуешься, услыхавъ крикъ кряквы, пріютившейся въ лознякѣ ближайшей рѣчонки—и съ какимъ удовольствіемъ добудешь ея красиваго селезня.

Распространеніе кряквы, повторяю, громадно: вся Европа, Азія, отъ Сибири до Китая и Японіи на востокъ и до Персіи къ югу, Сѣверная Америка, отъ верхней Канады и земель Гудзонбайской компаніи до Мексики, Гренландія, Исландія, зимою—сѣв. Африка и Египетъ. Въ Европ. Россіи кряква распространена положительно повсемѣстно (къ югу отъ 70° с. ш.), и потому нѣтъ никакой надобности перечислять всѣ тѣ болота, рѣки и рѣчки, на которыхъ водится эта птица. Осушеніе болотъ, само собою разумѣется, ведетъ къ уменьшенію въ численности кряквы, но все-таки до сихъ поръ это самая обыкновенная изъ всѣхъ нашихъ утиныхъ породъ.

Въ Европ. Россіи кряква принадлежитъ къ числу перелетныхъ птицъ, хотя не только въ южной, но и въ средней части Европ. Россіи эта птица въ видѣ исключенія остается и на зиму. Въ средней Европѣ кряква остается на зиму уже гораздо чаще, а что касается западной и южной Европы, какъ, напр., Англіи, Франціи, Испаніи, Италіи, Венгріи и Турціи, то тамъ зимою кряковыя утки собираются громадными стадами. Впрочемъ, упоминаемое здѣсь явленіе—постепенное развитіе перелетовъ изъ кочевокъ по мѣрѣ отдаленія отъ западно-европейскаго берега Атлантическаго океана и приближенія къ Восточной Азіи — вовсе не есть частный случай, такъ какъ находитъ себѣ подтвержденіе на многихъ другихъ птицахъ и объясняется годичными колебаніями температуры въ зап. Европѣ и въ восточной Европѣ и центральной Азіи, годичными колебаніями, которыя отражаются косвенно на періодическихъ явленіяхъ въ жизни высшихъ животныхъ, имѣя прямое вліяніе на жизнь растеній и низшихъ животныхъ.

Кряковая утка должна по справедливости почитаться птицею прѣсноводныхъ бассейновъ; хотя иногда стада кряквъ и спускаются на морскіе заливы, но пребываніе ихъ здѣсь кратковременно, такъ какъ они спускаются сюда только для отдыха.

Любимое мѣстопребываніе кряквъ стоячія прѣсныя воды, поросшія камышомъ, травою и кустарникомъ, стоячія воды, заросшія ряской и съ небольшими болѣе глубокими участками, свободными отъ всякой растительности. Такія мѣстонахожденія даютъ кряквѣ все, что нужно: днемъ она находитъ себѣ въ нихъ прекрасную защиту, ночью—обиліе корма, хотя, скажу теперь же, кряква не любитъ кормиться тамъ, гдѣ днюетъ. Точно такъ же любитъ кряква такія неглубокія озера, края которыхъ на большое разстояніе отъ берега поросли пловучими травами, но опять-таки и въ этомъ случаѣ чистыя, свободныя отъ растительности мѣста необходимы: кряква выбирается сюда вечеромъ и раннимъ утромъ, а иногда и ночью. Вообще говоря, днемъ кряква таится въ зарослях камыша, осоки, кустарниковъ и т. п., но какъ только наступаетъ вечеръ, такъ сейчасъ же выплываетъ на открытыя мѣста. Здѣсь до уборки хлѣба она остается и ночью, а въ концѣ лѣта на ночь стада кряквъ обыкновенно летаютъ кормиться на хлѣбныя поля. Но зато никогда, какъ въ концѣ лѣта и особенно въ началѣ осени, кряквы не собираются въ такія огромныя стада на чистыхъ, незаросшихъ водныхъ площадяхъ занятаго ими озера: пара за парой, маленькія стадечки за большими выплываютъ сюда съ приближеніемъ солнечнаго заката и, наконецъ, буквально покрываютъ собою всѣ чистыя мѣста озера. Чѣмъ больше темнѣетъ, тѣмъ гуще становятся стада, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ подниматься съ озера. Первоначально поднявшіяся особи, описавъ одинъ-два круга, обыкновенно опять усаживаются на озеро. Но мало-по-малу такіе взлеты становятся чаще и чаще, и, наконецъ, вся масса утокъ разлетается въ разныя стороны большими или меньшими стадами. Онѣ улетаютъ на мелкія болотца, на хлѣбныя поля и т. п. и тамъ остаются до утренней зари. Вмѣстѣ съ первымъ утреннимъ свѣтомъ утиныя стайки опять слетаются на озера и, либо перелетая, либо переплывая, забираются въ глушь, гдѣ и проводятъ день. Впрочемъ, такія громадныя стаденія утокъ передъ ночной кормежкой и по окончаніи ея я наблюдалъ только въ южныхъ губерніяхъ; въ среднихъ—стаденій, поражающихъ своими размѣрами, нѣтъ, хотя передъ ночной кормежкой утки выплываютъ на чистыя открытыя мѣста,—и эту разницу я объясняю просто тѣмъ, что въ среднихъ губерніяхъ кряквы гнѣздятся болѣе врозь, чѣмъ на югѣ. Въ центральной Россіи, за немногими исключеніями, гдѣ я ни былъ, кряквѣ приходится выбирать для своего гнѣздовья всякое мало-мальски подходящее мѣсто, иногда на очень большомъ разстояніи отъ другого, такого же гнѣздовья. Видѣть во время вывода дѣтей стадечки селезней въ 10—12 штукъ—здѣсь рѣдкость. Откуда же собираться въ концѣ лѣта большимъ стадамъ, когда мѣстныя условія прямо заставляютъ птицу вести жизнь отдѣльными

семьями? Впрочемъ, слабое напоминаніе тѣхъ громадныхъ утиныхъ массъ, какія скопляются, напр., на озерахъ Воронежской губ., усѣянныхъ такъ называемыми „коблами", представляютъ собою сборища утокъ на озерахъ и болотахъ губ. Ярославской, Владимірской и немногихъ другихъ, и я позволю себѣ привести описаніе этихъ „утиныхъ" мѣстъ для полноты очерка, откладывая описаніе озеръ съ коблами до конца монографіи. Начну съ Владимірской губ. „Особую мѣстность для охоты,— говоритъ г. Гавриловъ,— представляютъ кляземіскія поймы и прилегающія къ нимъ болота. Клязьма постоянно течетъ въ глубокой долинѣ, ширина которой иногда доходитъ до 4 верстъ, тогда какъ ширина самой рѣки при меженной водѣ не превышаетъ 150 саженъ; вся остальная долина, окружающая рѣку, называется поймой, потому что при весенней водополи и сильныхъ паводкахъ вся мѣстность до краевъ долины понимается (заливается) водою. Изъ небольшой рѣчки въ водополь Клязьма дѣлается огромной рѣкою, въ иныхъ мѣстахъ до четырехъ верстъ ширины; кое-гдѣ бугры и высокія кустарныя гривы долины выступаютъ островами надъ этой огромной массой воды. Когда рѣка войдетъ окончательно въ берега, то, разумѣется, углубленія рѣчной долины остаются полными водою и образуютъ пойменныя озера; небольшія озера скоро пересыхаютъ, но другія, окруженныя кустарникомъ и кочками, расположенныя на болотистомъ грунтѣ, сохраняютъ воду на весь годъ, до слѣдующей водополи. Широкія низменности долины, не слишкомъ углубленныя и покрытыя кочками, образуютъ поемныя болота, вообще неглубокія и не опасныя для ходьбы; въ поемныхъ болотахъ очень рѣдко встрѣчаются ключи, вся вода ихъ наливается водополью и дождями; въ жаркое и сухое лѣто всѣ эти болота пересыхаютъ.

„Болота, лежащія около озеръ, большею частью покрыты кочками и кустами, иногда такъ частыми и высокими, что ходьба бываетъ чрезвычайно трудна и утомительна, хотя и не опасна. Есть поймы, такъ густо поросшія кустарникомъ и изрѣзанныя такимъ множествомъ озеръ, что зашедши туда, трудно выбиться изъ этого лабиринта. Кустарникъ поймъ замѣчателенъ чрезвычайнымъ обиліемъ дубовыхъ деревьевъ; есть мѣста, поросшія на нѣсколько верстъ дубнякомъ. Дубъ этотъ вообще малорослъ, неровенъ и искривленъ; очень рѣдко встрѣтишь дубъ, годный на что-нибудь, кромѣ дровъ. Вѣроятно, это выродившіеся остатки прежнихъ дубовыхъ лѣсовъ, окружавшихъ Клязьму. До сихъ поръ въ рѣкѣ и пойменныхъ озерахъ безпрестанно встрѣчаются огромные дубы, имѣющіе болѣе аршина въ діаметрѣ, вѣроятно, многія сотни лѣтъ уже лежащіе въ водѣ; эти дубовыя деревья, называемыя здѣсь корягами, сохранили всю крѣпость и плотность дуба, не подверглись почти нисколько гніенію и отъ долгаго пребыванія въ водѣ получили только особенную тяжесть и темный, почти черный цвѣтъ. Быстрота рѣчного теченія, рыхлость почвы и ровность мѣстоположенія производятъ нерѣдко перемѣны по направленію кляземіскаго русла. Прорывъ себѣ новый путь, Клязьма оста-

вляетъ обыкновенно на прежнемъ мѣстѣ узкое и длинное озеро; озера, образующіяся такимъ образомъ, называются старицами. По сдѣланному нами описанію клязьемской поймы, опытный охотникъ напередъ опредѣлитъ какая дичь и какой родъ охоты преобладаютъ въ поймахъ. Обилію воды соотвѣтствуетъ и обиліе водяной дичи, утокъ и мѣстами гусей".

Еще лучшій притонъ для плавающей дичи представляетъ собою Ростовское озеро, занимающее площадь въ 4846 десятинъ; къ тому же оно окаймлено по большей части не только низменными, но въ иныхъ мѣстахъ и совершенно болотистыми берегами, заросшими густою осокою, но, повторяю, клязьемскихъ поймъ и Ростовскихъ озеръ въ центральной Россіи немного.

Возвращаясь къ общей характеристикѣ кряквы, я долженъ сказать, что, несмотря на мѣстность, каждый вечеръ утки отправляются куда-нибудь на кормежку, слѣдовательно, нормально не ночуютъ тамъ, гдѣ были днемъ. Для ночныхъ похожденій онѣ обыкновенно выбираютъ всякое подходящее болотце, широкій оврагъ съ застоявшеюся, поросшей кустами и камышомъ водою, пруды вырытые и мельничные и т. д. Глубокихъ водъ съ песчанымъ или каменистымъ дномъ онѣ вообще не любятъ,—при такомъ днѣ имъ нечего взять своимъ мягкимъ клювомъ; напротивъ, при днѣ илистомъ онѣ находятъ обиліе корма, пропуская черезъ клювъ „щелокча" совсѣмъ жидкую грязь. Точно такъ же избѣгаетъ кряква быстро текучихъ водъ, и если иногда и встрѣчается здѣсь, то только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ за изгибомъ образуется заливецъ съ тихой водой, или гдѣ берега тѣнисты и поросли кустарникомъ, камышомъ и болотною травою. На облюбованномъ болотѣ или озерѣ кряквы держатся обыкновенно всю ночь до утренней зари. Съ разсвѣтомъ, когда клубы тумана еще мѣшаютъ разобрать кусты и траву, кряквы съ ночной кормежки отправляются на дневку въ болѣе укромное мѣстечко, хотя въ мѣстахъ, гдѣ ихъ не тревожатъ, остаются здѣсь и долѣе, даже часовъ до 6 — 7. Возвратившись на покой въ свое дневное убѣжище, кряква охорашивается, перебираетъ перья и засыпаетъ. Спитъ она и на землѣ, и на водѣ. Завернувъ голову подъ крыло или, строго говоря, засунувъ ее между спинными и плечевыми перьями, она иногда нѣсколько часовъ пребываетъ въ такомъ положеніи, при чемъ въ случаѣ сна на водѣ при волнѣ все-таки остается на одномъ мѣстѣ, такъ какъ не перестаетъ равномѣрно двигать ногами даже во время сна.

Охотники хорошо знаютъ, что кряква мастерица нырять, но совершенно взрослая она прибѣгаетъ къ этому только въ случаѣ, если завидитъ хищную птицу или будучи тяжело раненою; напротивъ, въ молодости кряквы ныряютъ просто ради удовольствія, чтобы поиграть. Про искусство взрослой кряквы нырять С. Т. Аксаковъ разсказываетъ слѣдующее: „подстрѣленная утка воровата, говорятъ охотники, и это правда; она умѣетъ мастерски прятаться даже на чистой и открытой водѣ: если только достанетъ силъ, то она сейчасъ нырнетъ и, про-

плывъ саженъ пятнадцать, иногда и двадцать, вынырнетъ или, лучше сказать, выставитъ только одинъ носъ и часть головы наружу, и прильнетъ плотно къ берегу, такъ что нѣтъ возможности разглядѣть ее. Если же берега травянисты, то безъ хорошей собаки ни за что не найдешь подстрѣленной утки: она вылѣзетъ на берегъ и пропадетъ. Посреди чистой воды, когда берега голы и круты, она выставитъ одинъ носъ для свободнаго дыханія, и погруженная всѣмъ остальнымъ тѣломъ въ воду, уплыветъ по теченію рѣки, такъ что и не замѣтишь".

Летаетъ кряква отлично. При этомъ она совершенно растягиваетъ крылья и производитъ ими небольшіе, но частые взмахи, отчего при полетѣ слышится особый свистъ, которому можно подражать звуками „вихьвихьвихь..." и т. д. Опытное ухо сразу отличитъ по этому свисту крякву на лету даже среди ночи. Полетъ кряквы сильный, и притомъ эта птица не любитъ дѣлать отклоненія отъ прямого пути. Только обезпокоенная или боящаяся спуститься на воду прямо, не оглядѣвшись, кряква описываетъ многочисленные круги, при чемъ, конечно, высматриваетъ мѣстность, стараясь открыть, нѣтъ ли на ней чего подозрительнаго. Спускаясь на воду, эта птица обыкновенно поворачивается нѣсколько съ боку на бокъ, но въ это время не отклоняется отъ прямой линіи. Какъ на взлетѣ, такъ и при опусканіи кряква не поднимается вертикально и не спускается, прямо падая внизъ,—она всегда и поднимается, и садится, летя вкось. На полетѣ кряквы располагаются обыкновенно косымъ рядомъ, рѣдко двумя сложенными въ открытый сзади треугольникъ. Кучно, безъ особаго порядка кряквы летаютъ рѣдко, развѣ когда имъ перелетѣть недалеко. Если летитъ пара, то самка всегда впереди, а селезень нѣсколько сзади и сбоку. Надъ водой кряква летитъ гораздо ниже, чѣмъ надъ землей: летя надъ землей, эта птица поднимается иногда очень высоко. Изъ чувствъ у кряквы лучше всего развитъ слухъ; зрѣніе, какъ ни развито оно на самомъ дѣлѣ, все-таки далеко уступаетъ слуху. Этимъ объясняется то, что кряква ночью далеко не такъ подвижна, какъ днемъ, когда она не только слышитъ, но и видитъ очень далеко. При отлично развитыхъ органахъ чувствъ кряква очень осторожна и на большихъ водныхъ пространствахъ удираетъ, завидѣвъ человѣка болѣе чѣмъ за 400 шаговъ; на меньшихъ водныхъ площадяхъ кряква подпускаетъ ближе, шаговъ на 200, на 150, но во всякомъ случаѣ далеко не подпуская на выстрѣлъ. Впрочемъ, что касается осторожности кряквъ, то, конечно, нѣтъ охотника, который не испыталъ бы ее на себѣ. Только при условіи полной безопасности въ продолженіе очень долгаго періода времени въ извѣстной мѣстности водящіяся въ ней кряквы относятся къ человѣку съ сравнительно меньшимъ недовѣріемъ, но стоитъ только разъ обезпокоить птицу, и вся ея природная недовѣрчивость и осторожность проявляются въ полной силѣ. Напуганная выстрѣломъ кряква долго не возвращается на покинутое ею мѣсто и, будучи потревожена вторично, почти навѣрное оставитъ его навсегда.

Довольно хорошо описываетъ осторожность кряквы г. Ереминъ. „Утки, какъ и всякая дичь,—говоритъ онъ,—больше всего боятся собственно фигуры человѣка и преимущественно охотника, а не того шороха и даже гула выстрѣла, на который обыкновенно сваливаютъ всю вину неудачнаго подхода: по крайней мѣрѣ у насъ рѣдко услышишь, что треснувшій сучокъ все дѣло испортилъ. Нѣтъ сомнѣнія, что треснувшій сучокъ всполошитъ утокъ, но, не увидавши человѣка, онѣ въ большинствѣ случаевъ не поднимаются, а останутся на мѣстѣ.

„Однажды мнѣ пришлось подкрадываться къ кряковымъ и сѣрымъ уткамъ, сидѣвшимъ на одномъ изъ концовъ Архипова сагова. Подобравшись къ камышу, я увидѣлъ въ немъ свиней, рывшихъ землю и громко чавкавшихъ и хрюкавшихъ; замѣтивъ меня, свиньи бросились бѣжать, но произведенный ими трескъ только заставилъ утокъ слегка насторожиться; немного времени спустя онѣ успокоились, видимо не обращая на шумъ никакого вниманія. Замѣтивъ это, я началъ подбираться уже безъ особенной осторожности, продолжая тщательно скрываться; утки на трескъ и плескъ, производимый мною, также почти не обращали вниманія. Я продолжалъ подкрадываться, какъ вдругъ на другомъ концѣ озера раздался выстрѣлъ, затѣмъ другой. „Ну,—думаю,—пропало все дѣло", но утки продолжали сидѣть и только недовѣрчиво поглядывали по сторонамъ. Я, конечно, обрадовался такому ихъ смиренію и отправился дальше, но внезапное кряканье заставило меня броситься впередъ. Я увидѣлъ поднявшихся утокъ и охотника, стоявшаго на другомъ концѣ сагова. Ясно, что птица испугалась только человѣка, но не шума и не выстрѣла.

„Точно такъ же мнѣ иногда приходилось подползать къ уткамъ, уже напуганнымъ, на совершенно голыхъ мѣстахъ: ползешь весь на виду, и какъ онѣ ни посматриваютъ, какъ ни сторожатся, а все-таки подпускаютъ на выстрѣлъ. Въ этомъ случаѣ для утокъ охотникъ является въ совершенно иномъ видѣ, иной формѣ, почему онѣ къ нему и относятся индиферентно; но зато послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ по одной стаѣ такимъ манеромъ къ ней уже не доберешься; если даже хоть одна утка изъ напуганнаго табуна затешется въ непроученную, то и тогда дѣло будетъ, навѣрно, испорчено. Что утки больше всего боятся фигуры охотника, доказываютъ также неудачные подходы по рѣдколѣсью во время сильныхъ вѣтровъ: несмотря на то, что шумъ тростника и лѣса совершенно заглушаютъ посторонній шорохъ, къ уткамъ никогда не подойдешь на выстрѣлъ. Наоборотъ, въ самую тихую погоду, вдобавокъ на зарѣ, если только приходится подходить къ уткамъ густымъ лѣсомъ съ валежникомъ и, слѣдовательно, дѣло не обходится безъ страшнаго треска, охота всегда почти бываетъ весьма удачна.

„Къ концу отлета жилыя утки тоже становятся необыкновенно строги и пугливы, хотя далеко не въ такой степени, какъ прилетныя—чужія. Эти послѣднія до такой степени осторожны и пугливы, что

иногда положительно нѣтъ никакой возможности подобраться къ нимъ. Иной разъ бѣгаешь безъ устали съ одного конца озера на другой, отъ одного сагова къ другому, а толку никакого: утокъ тьма, а стрѣлять не приходится. Въ особенности плохо подпускаютъ крыжныя и сѣрыя, а изъ нихъ селезни; тутъ всякое лыко, какъ говорится, идетъ въ строку: не говоря уже о томъ, что при видѣ человѣческой фигуры утки поднимаются чуть не за версту, въ это время малѣйшій шумъ, трескъ, колебаніе вѣтвей, даже шорохъ, произведенный какимъ-либо животнымъ, можетъ испортить все дѣло. По этимъ причинамъ охота на пролетныхъ утокъ очень интересна и заманчива, особенно въ половинѣ октября, когда лѣсъ оголится и осыпавшійся листъ шуршитъ подъ ногами. Сколько терялось тогда силъ и труда, сколько придумывалось разныхъ хитростей, чтобы подобраться къ уткамъ,—и все напрасно: въ результатѣ всего какія-нибудь 3—4 шт., между тѣмъ какъ, будь это жилыя, добычу можно было бы считать десятками".

Впрочемъ, надо сказать, что, будучи рѣшительно всегда птицею осторожной и недовѣрчивой, кряква въ разное время года ведетъ себя различно: въ періодъ линьки кряква не вылетитъ иначе, какъ въ крайнемъ случаѣ; она хорошо знаетъ, что при ея медленномъ полетѣ въ это время ей нечего разсчитывать на силу своихъ крыльевъ и потому она забирается въ глушь, въ какую только можетъ; напротивъ, внѣ періода линьки, не имѣя возможности отплыть далеко, кряква поднимается очень скоро. Когда описываемая птица, находясь на небольшомъ прудѣ или озерѣ, замѣтитъ приближающагося охотника, она первымъ дѣломъ отплываетъ на середину, боязливо посматривая на предметъ опасенія. При дальнѣйшемъ приближеніи птица начинаетъ безпокоиться еще больше, порывисто переплываетъ съ мѣста на мѣсто все на небольшомъ пространствѣ и, наконецъ, срывается съ мѣста и улетаетъ. Точно такая же осторожность проявляется ею и въ то время, когда она только что прилетѣла на воду. Сколько разъ, спрятавшись на берегу, слѣдилъ я за утками, просиживая цѣлые часы иногда въ далеко неудобномъ положеніи. Вотъ просвистали ихъ крылья, что-то мелькнуло, и, слегка поворачиваясь съ боку на бокъ, кряквы садятся на воду. Нѣкоторое время проходитъ въ совершенномъ покоѣ: птицы гдѣ спустились, тамъ и остались, развѣ одна какая-нибудь проплыветъ нѣсколько шаговъ, чтобы лучше разглядѣть, что дѣлается кругомъ. Съ вытянутой шеей, вся на-сторожѣ, прислушиваясь ко всякому шороху, присматриваясь ко всякому подозрительному предмету, кряква въ эти минуты ожиданія положительно должна казаться красивой птицей и рѣзко отдѣляется своею стройностью отъ своей ближайшей родственницы—домашней утки. Иногда въ такомъ натянутомъ положеніи кряква пробываетъ очень долго: все дѣло въ томъ, сколько спустилось утокъ и какого онѣ возраста: чѣмъ ихъ больше, тѣмъ больше и ихъ осторожность, что относится вообще ко всѣмъ птицамъ, и чѣмъ старше птица, тѣмъ опять-таки она осторожнѣе; молодыя глупы и неопытны и подпускаютъ гораздо ближе старыхъ.

Голосъ кряквы, очень похожій на голосъ домашней утки, отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что онъ выше и чище, въ немъ меньше хрипоты, но и у кряквы основной звукъ можетъ быть переданъ словами „квaакъ" или „ваакъ". Кромѣ того, при обычномъ крикѣ „ваакъ, ваакъ, ваакъ, вакъ!" кряква кричитъ отрывистѣе домашней утки, которая вмѣсто трехъ разъ повторяетъ слогъ „ваакъ" пять, шесть разъ. Наиболѣе высокимъ голосомъ „ваакъ" выкрикивается птицею въ первый разъ, затѣмъ голосъ постепенно понижается, вмѣстѣ съ тѣмъ слогъ „ваакъ" перестаетъ быть протяжнымъ и, наконецъ, переходитъ въ „вакъ". Радость свою кряква выражаетъ, очень быстро произнося „вэкъвэкъвэкъ, вэкъвэкъвэкъ" и т. д. и наклоняя вмѣстѣ съ тѣмъ къ землѣ или къ водѣ голову. Отрывистый „ваакъ" служитъ предостереженіемъ и призывомъ. Утята не крякаютъ, а пищатъ, а матка разговариваетъ съ ними, произнося „ваакъ" черезъ разные промежутки и съ разными оттѣнками. Кромѣ того, отвѣчая на призывъ самки, самецъ издаетъ еще хриплымъ голосомъ крики „рэабъ, рэбъ" и т. д.

Чтобы покончить съ общимъ очеркомъ привычекъ и повадокъ кряквы, мнѣ остается сказать только о ея пищѣ. Едва ли можно найти птицу менѣе прихотливую на пищу, чѣмъ кряква. Она ѣстъ рѣшительно все: листья, почки и корни водяныхъ травъ, зерна, насѣкомыхъ, улитокъ, мелкую рыбешку и т. д., и все это уничтожаетъ въ громадномъ количествѣ.

„Утка, — говоритъ С. Т. Аксаковъ, — самая прожорливая птица. Она ѣстъ съ утра до поздней ночи, ѣстъ все, что ни попало: щиплетъ растущую по берегамъ молодую гусиную травку, жретъ немилосердно водяной мохъ или шелкъ, зелень, цвѣтъ и всѣ водяныя растенія, жадно глотаетъ мелкую рыбешку, рачатъ, лягушатъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого набиваетъ полонъ зобъ тиной и жидкою грязью и производитъ эту операцію нѣсколько разъ въ день. Дворовыя же утки охотно ѣдятъ всякую мясную пищу. Такому постоянному аппетиту отвѣчаетъ и пищевареніе: съ неимовѣрною скоростью изныватъ и разлагается въ ея зобѣ всякая пища. Очевидно, что пищеварительный сокъ у нея долженъ быть очень остръ и горячъ. Утка безпрестанно испражняется, и пометъ ея еще горячѣе гусинаго".—Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ утка чувствуетъ себя безопасной, она цѣлый день копошится у берега, пропуская черезъ ротъ, «щелокча" грязную воду со всѣмъ въ ней находящимся. Все, что по вкусу или осязанію будетъ найдено ею съѣдобнымъ, проглатывается. При этомъ можно слышать характерное чавканье, щелканье, происходящее оттого, что утка быстро открываетъ и захлопываетъ клювъ. Въ мѣстахъ, не столь безопасныхъ, кряква кормится вечеромъ и ночью, для чего обыкновенно перебирается съ большихъ озеръ и заводей рѣкъ на мелкія болотца, озерки и пруды. Лѣтомъ перелеты кряквъ на кормежку начинаются довольно поздно, совсѣмъ при закатѣ солнца или даже спустя нѣкоторое время послѣ него; осенью кряква вылетаетъ гораздо раньше, часа за три

до солнечнаго заката. Всю ночь кряква проводитъ или на одномъ болотцѣ, или перелетая съ одного на другое, и никогда не пропуститъ случая перехватить, что попадется. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что каковъ бы ни былъ кормъ кряквы, вода ей необходима. Въ случаѣ кормежки зернами на какомъ-либо пахотномъ полѣ кряква, набивши зобъ, немедленно отправляется на ближайшее озерко или лужу, чтобы смочить съѣденное. Особенно охотно держатся кряквы на такихъ мѣстахъ озера, гдѣ дно неглубоко и заросло травою: здѣсь обыкновенно во множествѣ водятся различные слизни и до нихъ-то и добираются утиные выводки, которые выводятъ сюда матки.

Хотя мною не разъ было сказано, что кряквы кормятся ночью, но не должно думать, что всѣ ночи одинаково пригодны для этого. Особенно дѣятельны утки въ ночь лунную. Напротивъ, въ очень темную ночь описываемая птица смирна, такъ какъ плохо видитъ, а что касается ночей не очень темныхъ, то хотя въ теченіе ихъ кряквы и совершаютъ свои похожденія, однако бываютъ далеко не такъ оживленны, какъ при лунномъ свѣтѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВЕСНА И ВЕСЕННЯЯ ОХОТА.

Хотя, строго говоря, разсматривать явленія въ жизни перелетныхъ птицъ слѣдуетъ начиная съ осенняго отлета, которымъ открывается циклъ періодическихъ явленій, тѣмъ не менѣе я и на этотъ разъ придержусь уже раньше намѣченной программы и начну описаніе образа жизни кряковой утки съ весны. Во-первыхъ, сути дѣла это нисколько не мѣшаетъ, а во-вторыхъ, такъ какъ рѣчь идетъ почти исключительно объ образѣ жизни кряквы въ Европ. Россіи, то это представляетъ даже нѣкоторыя удобства.

Прилетъ кряковыхъ утокъ начинается у насъ очень рано. Еще только что началъ стаивать зимній снѣгъ, едва-едва засинѣли лужи и стали отходить окраины рѣчного льда, въ воздухѣ уже слышится свистъ утиныхъ крыльевъ и видны стаи утокъ, проносящіяся высоко надъ землею полетомъ ровнымъ и сильнымъ. Въ среднихъ губерніяхъ это обыкновенно бываетъ около перваго апрѣля, немногими днями ранѣе или позднѣе, въ южныхъ – въ концѣ февраля или началѣ марта, въ сѣверныхъ — около половины, а иногда даже и въ концѣ апрѣля. Впрочемъ, иногда прилетъ начинается еще раньше, чѣмъ несомнѣнно доказывается, что причина его лежитъ въ тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ въ странѣ, откуда летитъ птица, а не той, куда она летитъ. Бываетъ даже такъ, что еще нѣтъ ни рѣчныхъ, ни озерныхъ окраинъ, ни какихъ-либо другихъ весеннихъ водъ, а прилетъ начинается: мартовскіе утренники держатъ таяніе снѣга, и вся прилетѣвшая птица, хотя, правда, обыкновенно въ еще очень ограниченномъ

количествѣ, принуждена искать себѣ пріюта на незамерзающихъ ручейкахъ или болотныхъ ключахъ. Здѣсь перебивается утка изо-дня въ день, пока не станетъ дружная весна, не зальютъ вешнія воды низины рѣчныхъ долинъ, перебивается въ голодѣ и холодѣ, всячески стараясь укрыться въ остаткахъ прошлогодней осоки. Но вотъ зашумѣли вешнія воды, побѣжали въ низины безчисленные ручейки изъ-подъ тающаго снѣга, болота покрылись водой и слились съ озерами въ одну громадную пелену воды, среди которой только мѣстами поднимаются островки, поросшіе ивнякомъ или какими другими деревьями. Рано прилетѣвшія утки оживаютъ, вновь прилетающія продолжаютъ прибывать все большими и большими массами, стада ихъ летятъ уже не такъ высоко, какъ прежде и уже опускаются отдыхать на мѣста, гдѣ не боятся быть потревоженными. Въ это время пролетъ и прилетъ въ самомъ разгарѣ, и летящія стада видны или слышны и днемъ и ночью; тѣ изъ нихъ, которыя спускаются отдыхать и кормиться, никогда не выберутъ въ это время глубокаго мѣста, середины рѣки или озера: имъ тутъ взять нечего, и потому онѣ держатся вблизи береговъ, по береговымъ разливамъ, затопленнымъ лугамъ и т. п.

Проходитъ еще нѣкоторое время... Вода мало-по-малу спадаетъ, мало остается льда на днѣ затопленныхъ болотъ, на оголившихся отъ воды мѣстахъ проглядываетъ уже молодая травка, и въ то же время утиныя стада разбиваются все на меньшія и меньшія партіи, все больше и больше подходятъ къ жизни парами. Этотъ второй періодъ весенней жизни утки характеризуется тѣмъ, что прилетъ собственно можетъ считаться оконченнымъ: болѣе сѣверныя особи уже прошли къ себѣ, на мѣстѣ остались почти исключительно гнѣздовыя.

Еще нѣсколько дней и утки разбиваются на пары. Травка подросла уже настолько, что уткѣ можно въ ней спрятаться, сильно спала вода, каждая самка съ своимъ селезнемъ занимаетъ извѣстный участокъ и начинается періодъ гнѣздовитія и кладки яицъ, которымъ собственно и оканчивается брачная жизнь птицы.

Иногда во время пролета, иногда немного позднѣе, завернувшіе холода нарушаютъ правильное теченіе весенней жизни кряквы и отдаляютъ наступленіе послѣдняго періода. Въ такомъ случаѣ птица оставляетъ открытыя мѣста и перебирается въ болѣе укромные уголки: тѣ рѣчные заливы, гдѣ больше деревьевъ и кустовъ, гдѣ, слѣдовательно, больше защиты отъ вѣтра, гдѣ теплѣе. Но стоитъ только холоду кончиться, и утки опять выходятъ къ берегамъ рѣкъ и озеръ сравнительно открытымъ, гдѣ и жируютъ пока еще цѣлыми стадами.

Такимъ образомъ, весенній образъ жизни утки довольно простъ и отклоненія отъ него вызываются только болѣе или менѣе рѣзкими измѣненіями въ погодѣ. При дняхъ теплыхъ, хотя бы и пасмурныхъ, мѣстовыя утки, пока не разбились на пары, держатся вмѣстѣ стадичками и почти цѣлыя сутки проводятъ въ добываніи корма. Въ среднихъ губерніяхъ такія стайки обыкновенно бываютъ видимы на разливахъ мелкихъ рѣчекъ, которыя вскрываются раньше большихъ и

поросли по своимъ берегамъ густыми лозниковыми зарослями. Въ это время утка осторожна, и подойти къ ней трудно. При открытыхъ берегахъ она видитъ далеко и близко не подпуститъ, а если въ завернувшій холодъ уйдетъ въ лозникъ, то найти ее тамъ можно только случайно. Нѣсколько позднѣе, когда утиныя стайки разобьются окончательно, и селезни станутъ спариваться съ утками, уже есть возможность добыть красиваго селезня, но и это можно только на разливахъ и озерахъ. Лозникъ, обрастающій берега нашихъ рѣкъ, бываетъ обыкновенно такъ густъ, что замѣтить утку съ селезнемъ изъ-за кустовъ на такомъ разстояніи, чтобы можно было стрѣлять, нѣтъ возможности, а къ тому же на ходу производишь шумъ, заслышавши который утка вылетаетъ не въ мѣру. На большихъ рѣкахъ утка обыкновенно держится у берега, но опять-таки за линіей порѣчныхъ кустовъ, и заслышавши что-либо подозрительное, отплываетъ на чистое мѣсто. Напротивъ, тамъ, гдѣ много маленькихъ озерковъ, постоянныхъ или временныхъ (т.-е. образовавшихся изъ застоя вешнихъ водъ и потомъ пересыхающихъ), тамъ утки не такъ осторожны, особенно когда самки начинаютъ заботиться о гнѣздѣ и начинаютъ хитрить, съ цѣлью обмануть селезня.

Вообще говоря, весною, съ прилета, птица гораздо строже, чѣмъ позднѣе, когда обсидится, привыкнетъ къ занятымъ ею мѣстамъ. То же мы видимъ и на уткѣ. Говоря коротко, съ прилета до времени гнѣздовитія утка ведетъ сравнительно безпокойную жизнь: птица присматривается, подыскиваетъ себѣ наиболѣе удобное мѣсто для постройки гнѣзда и то плаваетъ туда и сюда по большому разливу, то перелетываетъ съ одного озерка на другое, съ одного поросшаго палочникомъ оврага къ другому.

Я не могу съ увѣренностью сказать, что утиныя пары каждогодно занимаютъ однѣ и тѣ же мѣста, но сильно подозрѣваю, что это такъ, по крайней мѣрѣ я замѣчалъ, что на маленькихъ болотцахъ съ озерками гнѣздовье утокъ прекращалось на годъ, на два и болѣе послѣ того, какъ пріютившійся выводокъ былъ тамъ выбитъ. Да нѣтъ въ томъ и ничего удивительнаго послѣ того, какъ мы навѣрное знаемъ относительно нѣкоторыхъ птицъ, что онѣ возвращаются къ своимъ прежнимъ гнѣздамъ.

Надо замѣтить, что мѣста гнѣздовья утокъ вообще подвержены гораздо болѣе частымъ колебаніямъ, чѣмъ мѣста гнѣздовья другихъ птицъ, напр., вальдшнепа, но въ дѣлѣ распространенія утки это играетъ далеко не такую существенную роль, какъ у другой названной птицы. Плохо приходится уткамъ только въ томъ случаѣ, когда засуха вообще выгоняетъ ихъ изъ занятыхъ ими мѣстъ или даетъ возможность забраться въ эти мѣста охотнику. „Какъ сѣрую куропатку,—говоритъ г. Вилинскій,—губитъ суровая зима, такъ утку лѣтняя засуха: чѣмъ меньше въ болотахъ воды, тѣмъ легче уничтожить утокъ. Послѣднія два лѣта (74—75 гг.) были очень сухи—утокъ били массами. Осенью прошлаго—75 г. утки (мѣстныя) держались на открытой водѣ неболь-

шими табунками, и прилетъ весной текущаго года былъ самый ничтожный, и я не помню такого скуднаго года,—утки попадались рѣдко даже въ лучшихъ утиныхъ угодьяхъ, а во многихъ болотахъ, гдѣ въ прежніе годы бывало по два-три выводка—нынче ни одного. Многіе охотники думаютъ, что на это есть какая-нибудь особая причина, мнѣ же кажется, что причина эта ясна: прошлой осенью отлетѣло утки мѣстной мало, а прилетѣло еще меньше. Текущимъ лѣтомъ я посѣтилъ нѣкоторыя угодья и замѣтилъ, что воды несравненно больше, чѣмъ въ прошлые два года, такъ что выбить утокъ на такихъ угодьяхъ, какъ Шишма, Шушва, Аршона и Іода—невозможно, и къ осени вѣроятно уцѣлѣетъ больше птицы; при условіи же сухого лѣта утка во многихъ мѣстностяхъ сдѣлалась бы рѣдкостью".—Выше я уже имѣлъ случай указать на то, что въ южныхъ губерніяхъ утки гнѣздятся гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ среднихъ, и притомъ гораздо болѣе кучно, что прямо объясняется мѣстными условіями:— большимъ количествомъ населенныхъ мѣстъ въ центральной Россіи, но, конечно, въ видѣ исключенія, гдѣ есть подходящія угодья, т.-е. обширныя поросшія у окраинъ камышомъ и кустарникомъ озера и болота съ чистыми водами, утки гнѣздятся во множествѣ и въ центральной Россіи. Впрочемъ, много ли кряквы или мало, а семейный бытъ описываемой птицы течетъ своимъ чередомъ безъ всякихъ замѣтныхъ перемѣнъ.

Какъ я уже сказалъ, одновременно съ наступленіемъ настоящей весны и вмѣстѣ съ окончаніемъ пролета, утки разбиваются на пары, изъ которыхъ каждая занимаетъ свой собственный участокъ. Въ высшей степени оригинальна семейная жизнь утки: это несомнѣнные моногамы, но вмѣстѣ съ тѣмъ селезень отличается такою страстностью, что совсѣмъ не годится въ отцы семейства. Онъ не только не заботится о гнѣздѣ, но разоряетъ его, гдѣ и когда можетъ: гнѣздо для него помѣха удовлетворять его сладострастію, и потому уткѣ приходится прибѣгать къ самымъ утонченнымъ хитростямъ и пускаться на всевозможныя продѣлки, лишь бы обмануть селезня. С. Т. Аксаковъ такъ хорошо описываетъ поведеніе утки въ это время, что мнѣ не остается ничего другого, какъ привести его подлинныя слова. „Почувствовавъ во внутренности своей полноту и тяжесть,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—отъ множества въ разное время оплодотворенныхъ сѣмянъ, сдѣлавшихся крошечными желтками, изъ коихъ нѣкоторыя значительно увеличились, а крупнѣйшіе даже облеклись влагою бѣлка и обтянулись мягкою, но крѣпкою кожицей,—утка приготовляетъ себѣ гнѣздо въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ, и потомъ послышавъ, что одно изъ яицъ уже отвердѣло и приближается къ выходу, утка, всегда близъ удобнаго къ побѣгу мѣста, всего чаще на лужѣ или озерѣ, присядетъ на бережокъ, заложитъ голову подъ крыло и притворится спящею. Селезень присядетъ возлѣ нея и заснетъ въ самомъ дѣлѣ, а утка, наблюдающая его изъ-подъ крыла недремлющимъ глазомъ, сейчасъ спрячется въ траву, осоку или камышъ; отползетъ, смотря по

мѣстности, нѣсколько десятковъ саженъ, иногда гораздо болѣе, поднимется невысоко и, облетѣвъ стороною, опустится на землю и подползетъ къ своему уже готовому гнѣзду, свитому изъ сухой травы въ какомъ-нибудь крѣпкомъ, но не мокромъ болотистомъ мѣстѣ, поросшемъ кустами; утка устелетъ дно гнѣзда собственными перышками и пухомъ, снесетъ первое яйцо, бережно прикроетъ его тою же травой и перьями, отползетъ на нѣкоторое разстояніе въ другомъ направленіи, поднимется и, сдѣлавъ кругъ, залетитъ съ противоположной стороны къ тому мѣсту, гдѣ скрылась; опять садится на землю и подкрадывается къ ожидающему ее селезню. Рѣдко случается застать его спящимъ; по бо̀льшей части селезень просыпается во время отсутствія утки, которое иногда продолжается болѣе часа. Проснувшись, онъ начинаетъ безпокойно звать свою дружку, торопливо озираясь и порывисто плавая по озеру или лужѣ, потомъ бросится искать ее кругомъ около берега, но далеко не отходитъ, а безпрестанно ворочается посмотрѣть: не воротилась ли утка, не плыветъ ли къ нему по водѣ... что иногда случается. Утомясь своими тщательными поисками, селезень перестаетъ искать утку и начинаетъ плавать взадъ и впередъ, безпрестанно оглядываясь и покрякивая; плаваетъ до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ, внезапно, Богъ знаетъ какъ, откуда, воротится его дружка. Если селезень, находясь при уткѣ, увидитъ другого селезня, летящаго къ нимъ, то сейчасъ бросается навстрѣчу и непремѣнно прогонитъ, какъ имѣющій болѣе права и причинъ храбро сражаться. Если къ летящей парѣ пристанетъ холостой селезень, не нашедшій себѣ еще дружки, то непремѣнно послѣдуетъ драка съ законнымъ супругомъ на воздухѣ, сопровождаемая особеннымъ короткимъ живымъ крикомъ, хорошо знакомымъ охотнику. Видъ бываетъ живописный; оба селезня перпендикулярно повиснутъ въ воздухѣ, схвативъ другъ друга за шеи, проворно и сильно махая крыльями, чтобы не опуститься на землю и, несмотря на всѣ усилія, безпрестанно опускаясь книзу. Побѣда также, сколько я замѣчалъ, оставалась всегда на сторонѣ праваго. Иногда утка, чтобы усыпить селезня, употребляетъ особаго рода ласку: она тихо и долго щекочетъ носомъ его шею и спину. Вотъ почему народъ, по примѣненію къ себѣ, думаетъ, а за нимъ повторяютъ охотники, что селезень любитъ искаться въ головѣ. Иногда утка находитъ средство уйти отъ неспящаго селезня: стоитъ ему только повнимательнѣе заняться своимъ аппетитомъ или позазѣваться на что-нибудь— съ неимовѣрнымъ проворствомъ утка пропадетъ изъ глазъ. Но не всегда бываютъ удачны ея побѣги. Случается, что селезень примѣтитъ и отгадаетъ ея намѣреніе, кинется за ней въ погоню, въ ту самую минуту, какъ она юркнетъ въ траву или камышъ, настигнетъ, ухватитъ носомъ за шею, вытащитъ ее на воду и долго таскаетъ и щиплетъ такъ, что перья летятъ. Вслѣдъ за побоями и наказаніемъ немедленно слѣдуютъ горячія супружескія ласки“. — Иногда во время драки самцовъ страдающимъ лицомъ является самка, такъ г. Поляковъ разсказываетъ слѣдующее: „Однажды меня среди рѣки, на лодкѣ, за-

стала кряковая утка-самка; она стремительно шлепнулась въ воду и исчезла подъ ней въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Оказалось, самку преслѣдовали два селезня, которые за ней и появились также внезапно, ища удобнаго случая поразить ударами одинъ другого. Понятно, что въ этой схваткѣ положеніе самки было самое незавидное, она была единственнымъ страдательнымъ предметомъ; каждый изъ ея соискателей старался нанести ей болѣе сильные щипки и удары, какъ бы въ томъ расчетѣ, что чей ударъ сильнѣе, тому она и должна отдать себя въ распоряженіе".

На этомъ можно кончить съ описаніемъ весенняго образа жизни птицы и перейти къ способамъ весенней охоты.

Самая ранняя охота на утокъ—охота на перелетахъ. Заключается она въ томъ, что охотникъ узнаетъ тѣ мѣста, черезъ которыя летаютъ утки вечеромъ, съ лужи на лужу или озера на озеро,—кормиться, и поджидая ихъ здѣсь, стрѣляютъ въ летъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., въ Богодуховскомъ у., по словамъ г. Селастенникова, крестьяне выкапываютъ гдѣ-нибудь на берегахъ озера ямки и садятся въ нихъ. Нѣсколько позднѣе, когда утки разобьются на мелкія стадички и вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ смирнѣе, къ нимъ уже можно подъѣзжать на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ, при чемъ слѣдуетъ брать дробь 2 и 3 нумеровъ, такъ какъ птица еще дика, а еще позднѣе, когда начнется жизнь парами, къ уткамъ можно уже не только подъѣзжать, но и подходить. Въ это время болотная трава подрастаетъ настолько, что утка уже можетъ въ ней спрятаться, почему и становится менѣе осторожной. Обыкновенно еще издали удается замѣтить голову селезня, который или изображаетъ изъ себя часового при своей дружкѣ или же пребываетъ въ ожиданіи ея въ нѣкоторомъ безпокойствѣ. Замѣтивъ, что охотникъ направляется къ нему, селезень не улетаетъ, а присѣдаетъ, и потому въ большинствѣ случаевъ его приходится стрѣлять въ летъ. Само собою разумѣется, если вмѣстѣ съ селезнемъ будетъ найдена и утка, никто изъ порядочныхъ охотниковъ ее бить не станетъ. С. Т. Аксаковъ описываетъ привычки кряквы въ это время такимъ образомъ: „Весна становится часъ отъ часу все теплѣе, и полая вода сливаетъ. Небольшія стаи кряковыхъ утокъ окончательно разбиваются на пары, понимаются и дѣлаются смирнѣе, особенно потому, что подрастетъ трава, и уткамъ можно прятаться въ ней. Селезень, сладострастнѣйшій изъ самцовъ, не отходитъ отъ утки ни на шагъ, не разлучается съ ней ни на минуту, ни за что прежде ея первый не слетитъ съ мѣста. Иногда утка полощется въ какой-нибудь лужѣ или щелочетъ носомъ въ жидкой грязи, а селезень, какъ часовой, стоитъ на берегу или на кочкѣ; охотникъ подъѣзжаетъ къ нему въ мѣру, но утка не видитъ или не замѣчаетъ ничего; селезень пошевеливается, повертывается, покрякиваетъ, какъ будто подаетъ ей голосъ, ибо видитъ опасность, но утка не обращаетъ

вниманія; одинъ онъ не летитъ прочь,—и мѣткій выстрѣлъ убиваетъ его наповалъ. Утка улетаетъ, не показывая никакого участія къ убитому селезню. Совсѣмъ другое бываетъ, когда охотникъ какъ-нибудь убьетъ утку (хотя онъ все-таки выбираетъ селезня): селезень не только будетъ летать кругомъ охотника, не налетая, впрочемъ, слишкомъ близко, но даже нѣсколько дней сряду станетъ колотиться около того мѣста, гдѣ потерялъ дружку. Въ это время уже нетрудно подъѣзжать къ разсѣяннымъ парамъ кряковыхъ утокъ и часто еще удобнѣе подходить или подкрадываться изъ-за чего-нибудь: куста, берега, пригорка, ибо утка, замышляющая гнѣздо или начавшая нестись, никогда не садится съ селезнемъ на открытыхъ мѣстахъ, а всегда въ какомъ-нибудь овражкѣ, около кустовъ, болота, камыша, или нескошенной травы: ей надобно обмануть селезня, несмотря на его бдительность, надобно спрятаться...“—Позднѣе, когда утки сядутъ на яйца, а селезни еще не забьются въ крѣпь, слѣдовательно, до начала ихъ линьки, можно охотиться за селезнями, собирающимися въ небольшія стадички, какъ раньше производилась охота за селезнями спарившимися, но эта охота обыкновенно бываетъ недолговременна, такъ какъ настоящему охотнику скоро надоѣдаетъ, а промышленникамъ не приноситъ особыхъ выгодъ. Совсѣмъ не то надо сказать о чисто промысловой весенней охотѣ за утками изъ шалаша съ круговой уткой. Охота эта производится въ самый пролетъ и перелетъ и такъ хорошо описана г. Маракуевымъ для Ростовскаго озера, что мнѣ остается только привести его слова, по крайней мѣрѣ для Тульской губ. я не могу привести никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній, касающихся самой охоты.

„Лишь только весною начнутъ показываться проталины,—говоритъ г. Маракуевъ,—а на рѣкахъ и озерѣ небольшія закраинки, каждый охотникъ-промышленникъ спѣшитъ занять свое излюбленное, насиженное мѣсто и пока еще не прилетѣли утки, устроить на немъ шалашъ. Устройство шалаша до прилета птицы, конечно, не есть непремѣнная необходимость, но оно предпочитается на томъ основаніи, что птица, прилетѣвъ и увидавъ уже готовый шалашъ, скоро къ нему присматривается, привыкаетъ къ нему, считая его, вѣроятно, за какой-либо кустъ, и впослѣдствіи вовсе его не боится; напротивъ того, если птица уже прилетѣла и, приставъ въ неизвѣстномъ районѣ, успѣла освоиться въ немъ, то, не замѣтивъ ранѣе въ данномъ мѣстѣ шалаша, впослѣдствіи, когда такой шалашъ будетъ поставленъ, станетъ относиться къ нему въ высшей степени недовѣрчиво, будетъ держаться отъ него въ отдаленіи, не приближаясь на разстояніе выстрѣла, да и селезень, несмотря на всю свою весеннюю горячку, хотя и идетъ къ выставленной около такого шалаша круговой уткѣ, но старается въ такомъ случаѣ сѣсть отъ нея подальше и подплываетъ къ уткѣ осторожно, частью ныряя, а иногда, замѣтя обманъ, и вовсе къ ней не садится.

„Такъ какъ озеро не вскрывается довольно долго (вскрытіе его происходитъ обыкновенно въ половинѣ апрѣля), то мѣсто для поста-

новки шалаша выбирается первоначально или на берегу закраины, или на берегу какого-либо весенняго разлива, а если охотятся съ лодки, то и на неглубокомъ разливѣ, примыкающемъ къ озеру. Во всякомъ случаѣ при охотѣ съ берега избранное мѣсто должно удовлетворять двумъ условіямъ: 1) разливъ передъ шалашомъ долженъ быть неглубокъ (напр., не выше колѣнъ), для того чтобъ охотникъ безъ труда могъ достать убитую дичь; 2) чтобъ весеннее теченіе воды было въ этомъ мѣстѣ, по возможности, тихо, иначе при быстромъ теченіи, пока охотникъ успѣетъ вылѣзть изъ шалаша и по колѣни въ водѣ добраться до убитаго селезня, его весьма легко можетъ унести теченіемъ на такое разстояніе, что охотнику придется проститься съ добычей, тѣмъ болѣе что при охотѣ съ берега лодка почти никогда не употребляется. Устройство такихъ береговыхъ шалашей въ нашей мѣстности вездѣ одинаково и состоитъ въ слѣдующемъ: на избранномъ и, по возможности, сухомъ мѣстѣ втыкаются крестообразно четыре или шесть хворостинъ и верхушки двухъ противоположныхъ изъ нихъ сгибаются вмѣстѣ и связываются крѣпкой мочалой, вслѣдствіе чего отъ совокупности связанныхъ и перекрещивающихся между собою верхушекъ и образуется сводъ; затѣмъ внутри этого сводообразнаго остова шалаша, наприм., на аршинъ отъ земли, помѣщается обручъ, который и привязывается къ хворостинамъ. Такой обручъ имѣетъ двоякое назначеніе: во-1-хъ, онъ служитъ распоркой остову шалаша, заставляя хворостины держаться въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, вслѣдствіе чего и самый шалашъ принимаетъ впослѣдствіи довольно правильную куполообразную форму, и, во-2-хъ, служитъ для прицѣла, такъ какъ охотникъ, выцѣливая дичь, кладетъ стволъ ружья на этотъ обручъ, какъ на подставку или сошки, чѣмъ и достигается вѣрность выстрѣла. Наконецъ, когда остовъ готовъ, его обтыкаютъ со всѣхъ сторонъ еловымъ или сосновымъ лапникомъ; первый, впрочемъ, предпочтительнѣе, такъ какъ онъ плотнѣе прилегаетъ къ остову шалаша, вслѣдствіе чего и самый шалашъ менѣе сквозитъ; иногда, впрочемъ, для того чтобъ шалашъ былъ плотнѣе и не очень просвѣчивалъ, а равно для того, чтобъ въ немъ не такъ продувало, что весьма важно, потому что во время подобнаго рода охоты приходится просидѣть цѣлую ночь напролетъ иногда при холодномъ вѣтрѣ, а зачастую подъ дождемъ и снѣгомъ,—по всей внутренней окружности шалаша помѣщаются стойкомъ пучки соломы, которые прикрѣпляются къ обручу, образуя въ иныхъ мѣстахъ небольшія отверстія для стрѣльбы. Въ такомъ видѣ шалашъ совершенно готовъ.

„Лишь только начнутъ показываться прилетныя утки и вообще всякая прилетная дичь, охотникъ, одѣвшись въ полушубокъ и захвативъ съ собою криковую утку, кружки, топорикъ и прочія необходимыя принадлежности охоты, идетъ на свой весенній промыселъ; онъ уходитъ обыкновенно къ вечеру, разсчитывая время такъ, чтобъ успѣть сѣсть въ шалашъ незадолго до солнечнаго заката. Придя на мѣсто и осмотрѣвъ шалашъ, онъ первымъ дѣломъ пройдетъ по разливу къ

тому мѣсту, на которомъ предполагаетъ выставить утку, для того, чтобъ узнать глубину воды; затѣмъ сообразно съ этимъ выбираетъ соотвѣтствующей длины коликъ съ насаженнымъ на немъ наглухо кружкомъ; далѣе надѣваетъ на лапу утки опутинку *) и, взявъ кружокъ и топоръ, отправляется въ воду, гдѣ на разстояніи шаговъ 15—20 отъ шалаша втыкаетъ палку съ кружкомъ, надѣвъ на нее предварительно берестяное кольцо опутинки, и вбиваетъ колъ въ дно разлива настолько, чтобъ площадка кружка едва только покрывалась водой, и пускаетъ утку на воду. Усадивъ такимъ образомъ утку, охотникъ заряжаетъ свое, по большей части одноствольное, ружье и садится въ шалашъ. Хорошая и привычная круговая утка (старка) не заставитъ себя долго ждать: очутившись среди привольнаго разлива и по своей утиной привычкѣ хлебнувъ раза два свѣжей водицы, а затѣмъ пополоскавшись, она усаживается на кругъ и внимательно осматривается; едва до ея тонкаго слуха долетитъ голосъ дикой утки или селезня или ея зоркій глазъ завидитъ вдали летящихъ дикихъ ея родичей, какъ она начинаетъ кричать. Сначала, въ особенности же съ перваго раза, утка кричитъ мало и какъ бы нехотя, а больше занимается добываніемъ себѣ свѣжаго подводнаго корма, такъ что охотнику, для того чтобъ заставить ее кричать, весьма часто приходится манить ее свистомъ, на который утка начинаетъ тотчасъ же откликаться. Впрочемъ, вначалѣ, съ прилета, и дикія утки летятъ на ея крикъ неходко; когда же погода станетъ теплѣе и начнется валовой прилетъ и пролетъ, когда поминутно надъ головою будутъ проноситься со свистомъ стаи летящей птицы, круговая утка входитъ въ азартъ и начинаетъ кричать, почти не переставая, въ продолженіе всей вечерней зари и вплоть до тѣхъ поръ, пока совершенно не стемнѣетъ и въ воздухѣ мало-по-малу не смолкнетъ птичій концертъ; съ наступленіемъ утренней зари снова начинается та же исторія. Не только холостой, но и парный кряковной селезень, находясь въ это время въ полномъ разгарѣ полового влеченія, заслышавъ азартный крикъ утки, мигомъ несется къ ней и если еще не пуганъ, то опускается въ недалекомъ отъ нея разстояніи и вплавь катитъ къ ней на всѣхъ парусахъ, несмотря ни на какой вѣтеръ и волны. Это—самый удобный для охотника моментъ: выставивъ чрезъ отверстіе шалаша дуло ружья и положивъ стволъ на обручикъ, онъ быстро начинаетъ цѣлить; пройдетъ какихъ-нибудь нѣсколько секундъ, и красавецъ селезень, пораженный мѣткимъ выстрѣломъ, затрепещется въ предсмертной агоніи; впрочемъ, иной, какъ говорятъ охотники, „бывалый" селезень ловко избѣгаетъ такой незавидной участи; такой селезень сразу съ налета опускается къ самой уткѣ и, пользуясь тѣмъ, что она не совсѣмъ свободна, быстро начинаетъ топтать ее, а затѣмъ,

*) Опутинкой называется сплетенная въ три пряли изъ конскаго волоса бечевка; однимъ концомъ она прикрѣпляется къ берестяному кольцу, а другимъ продѣвается сквозь кожаную петлю, называемую башмачкомъ, который и надѣвается на лапку утки.

удовлетворивъ своей страсти, тотчасъ же вспархиваетъ и улетаетъ; въ такомъ случаѣ охотнику остается проводить его глазами, если только онъ не пожелаетъ рискнуть задѣть выстрѣломъ свою утку и тѣмъ по большей части испортить ее въ конецъ".

Иногда, что дѣлается въ Рязанской и Тульской губ., при охотѣ съ круговой уткой дикихъ утокъ не стрѣляютъ, а ловятъ сильями, для чего сильями или окружаютъ кругъ или же, „если вокругъ утки находится затопленный тростникъ, то силья прикрѣпляются къ нему на линіи соединенія его съ водой". — Чтобы покончить съ охотой на криковную утку, остается сказать нѣсколько словъ о самой уткѣ, которую называютъ также тульской, потому будто что она впервые выведена въ Тулѣ. Отличительная черта этой утки состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что, завидѣвъ или заслышавъ дикихъ утокъ, она начинаетъ неумолчно кричать, приманивая къ себѣ дикушъ своимъ крикомъ. Какъ выведена эта порода — преданій не сохранилось, но несомнѣнно только одно, что криковная утка отличается отъ обыкновенной домашней, и владѣльцы криковныхъ утокъ тщательно берегутъ ихъ отъ смѣшенія съ простыми домашними утками. Напротивъ, что касается смѣшенія криковной утки съ кряквой, то его допускаютъ охотно, и потому, кажется, можно предполагать, что тульская, или криковная, утка выведена искусственнымъ подборомъ отъ домашней утки и дикаго селезня, что поддерживается постояннымъ притокомъ новой крови (спариваніемъ криковныхъ утокъ съ дикими селезнями). Отъ простой домашней утки круговая отличается клювомъ, который у круговой утки гораздо короче и шире, и желтаго цвѣта, только ноготокъ и пятно на хребтѣ черное. Цѣна круговой утки, смотря по ея достоинству, колеблется отъ 5 до 8 рублей. Иногда вмѣсто круговой утки берутъ для охоты изъ шалаша простую домашнюю, но послѣдняя очень молчалива, и охота на нее идетъ неудачно. Съ хорошей криковной уткой въ теченіе весны можно добыть далеко за 50 селезней, что, конечно, совершенно окупаетъ и самую круговую утку и ея содержаніе.

Упомянутая выше охота на перелетахъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, иногда пріобрѣтаетъ особенный характеръ, именно въ случаѣ спуска прудовъ, которые, напр. въ Подольской губ., спускаются обыкновенно одинъ разъ въ каждые три года. „Это дѣлается очень просто, — говоритъ г. Давидовичъ; — поперекъ плотины прорываютъ нѣсколько канавъ, и такимъ образомъ вся или большая часть воды уходитъ, а дно пруда обнажается. Спуски устраиваются у насъ арендаторами прудовъ въ тѣхъ видахъ, что будто бы періодическое обнаженіе дна способствуетъ росту и размноженію рыбы, а также мѣшаетъ чрезмѣрному зарастанію дна. Какъ бы тамъ ни было, но спускъ обнажаетъ большую часть дна, и если только спущенъ большой прудъ, то массы болотной и водяной дичи летятъ на его грязное, тинистое дно, гдѣ онѣ находятъ и безопасный пріютъ, и обиліе пищи. Я назвалъ этотъ пріютъ безопаснымъ, потому что спущенный прудъ пред-

ставляетъ море грязи, доступное только для птицы; но если человѣкъ или собака попали въ это вязкое море, то гибель ихъ неизбѣжна: говорятъ, у насъ бывали такіе случаи... Послѣ заката солнца все кочующее населеніе пруда приходитъ въ движеніе: утки и гуси съ окрестныхъ прудовъ летятъ на спускъ, и въ это время начинается охота. Она производится обыкновенно цѣлой компаніей стрѣлковъ, которые растягиваются шеренгой въ камышѣ или въ прибрежныхъ кустикахъ и бомбардируютъ утокъ, снующихъ туда и сюда. Иногда напуганныя утки держатся такъ высоко, что охотники совершенно безплодно нагрѣваютъ небо и только одному или двумъ счастливцамъ удается спустить съ вышины полновѣснаго гуся или утку въ виду цѣлой компаніи товарищей, и они долго будутъ помнить и разсказывать про эти выстрѣлы. Но какъ бы ни была неудачна стрѣльба на перелетѣ, охотники возвращаются домой очень довольные: „хоть не убилъ ничего, но по крайней мѣрѣ настрѣлялся!"—утѣшаетъ себя каждый.

Бьютъ утокъ весною съ подъѣзда въ челнахъ, но эта охота очень недобычлива и мало практикуется.

Тогда какъ охота съ криковной уткой не можетъ быть названа исключительно промысловой, потому что такъ охотятся часто и настоящіе охотники, *охота на манку* и *перевѣсами* практикуется исключительно промышленниками.

Первый способъ охоты распространенъ очень широко, по крайней мѣрѣ онъ употребляется въ Могилевской, Вятской, во многихъ центральныхъ губерніяхъ и, вѣроятно, также на югѣ, при чемъ одни промышленники манятъ селезней, подражая голосу утки, просто задувая въ кулакъ, другіе—при помощи особаго манка. Самая охота производится очень просто: охотникъ садится или за кустъ, или въ шалашъ и затѣмъ начинаетъ манить. Для успѣха охоты на водѣ на разстояніи въ предѣлахъ выстрѣла помѣщаются чучела утокъ, часто поражающія своей грубостью и все-таки достигающія цѣли, такъ какъ дикія утки охотно подсаживаются къ нимъ.

Говоря о манкѣ вятскихъ промышленниковъ, г. Бѣловъ описываетъ ее такъ: „манятъ они селезней просто въ кулакъ, при чемъ большой палецъ нѣсколько отгибается внизъ, а указательный и средній прижимаются не очень плотно, такъ что образуется родъ конической трубки. Входъ въ трубку, т.-е. мякоть большого и указательнаго пальцевъ, смачивается языкомъ и кулакъ подносится къ губамъ, сложеннымъ почти такъ, какъ при игрѣ на охотничьемъ рогѣ,—и при задуваніи получается звукъ, чрезвычайно похожій на крикъ утки. Но такъ какъ крикъ утки двухтонный, то перемѣна тоновъ достигается откидываніемъ мизинца и двухъ сосѣднихъ съ нимъ пальцевъ, при окончаніи періода манки сразу полуоткрытіемъ кулака.

„Съ неменьшимъ, пожалуй, при наблюдательности успѣхомъ можно манить утокъ не въ кулакъ, а манкомъ,—разумѣется, не выписнымъ, налаженнымъ для одной какой-либо породы утокъ, а самодѣльнымъ и очень простымъ. Приготовляется онъ изъ дерева. Двухверш-

ковая (или съ небольшимъ) деревяшка обтачивается въ видѣ нетолстаго конуска съ закругленной вершинкой, раскалывается вдоль, внутри каждая половина выбирается лодочкой, такъ что, когда онѣ сложены, образуется трубка, скрѣпленная металлическими кольцами, двумя неподвижными и въ вершинѣ однимъ подвижнымъ. Края расколотыхъ половинокъ къ той же вершинѣ срѣзываются наискосокъ, такъ что при передвиженіи кольца то болѣе сжимаются, то болѣе расходятся. Внутрь трубки вставляется язычокъ, вырѣзанный изъ старой жестянки изъ-подъ пороха. Двигая подвижное кольцо, т.-е. распуская или сдвигая половинки манка и тѣмъ давая большую или меньшую свободу для вибраціи язычка, а также меньше или слабѣе прихватывая концы манка зубами, получается измѣненіе звука манка. Къ концу его въ видѣ раструба прикладывается опять-таки кулакъ, и отъ сжатія или откидыванія пальцевъ получается необходимая яркость звука“.

Охота на манку производится какъ съ прилета утокъ, когда онѣ еще не разбились на пары, такъ и позднѣе, когда самки сѣли на яйца и селезни до начала линьки бродятъ безъ дружекъ. Лучшіе часы для охоты—вечернія и утреннія зори.

Переходя теперь къ ловлѣ утокъ перевѣсами, надо прежде всего сказать, что она имѣетъ мѣсто въ лѣсной области. Такъ, въ Тобольской губ. главный предметъ птичьяго промысла составляетъ утка, которую здѣсь ловятъ тысячами, но именно ловятъ, а не стрѣляютъ. Въ Березовскомъ округѣ у каждаго хозяина есть *просѣки* или *перевѣсы*, т.-е. узкія просѣки въ лѣсу между озерами, притоками главной рѣки и вообще близъ воды, и здѣсь въ концѣ просѣки на очень высокихъ, въ уровень съ лѣсомъ, шестахъ разставляется сѣть, которая спускается и поднимается на блокахъ. Весною, когда самцы утокъ зорями преслѣдуютъ самокъ или же когда утки просто перелетаютъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за кормомъ, онѣ обыкновенно устремляются на свѣтъ—въ просѣки и такъ какъ летятъ низко, то и налетаютъ на сѣть. Охота производится такимъ образомъ: охотникъ приходитъ къ сѣти за нѣкоторое время до начала перелетовъ, поднимаетъ ее и терпѣливо ждетъ, когда утки на своихъ перелетахъ ударятся въ нее. Тогда ловецъ быстро опускаетъ сѣть, вмѣстѣ съ которой утки падаютъ внизъ, тутъ же спѣшно свертываетъ имъ головы или „закусываетъ головку“ и снова поднимаетъ сѣть. Въ каждый пріемъ попадаетъ не менѣе 3—4 утокъ, а иногда при большей численности пролетающаго табуна и до 30. Вечеромъ, на зарѣ, такая охота длится часа $1\frac{1}{2}$—2, ночью прекращается, а на утренней зарѣ, когда снова происходитъ летъ утокъ, опять возобновляется на тотъ же срокъ.

Добытыя такимъ способомъ и варварски умерщвленныя утки идутъ въ „засолъ“, т.-е. ихъ ощипываютъ, потрошатъ (далеко, впрочемъ, не всегда), складываютъ въ кадки и бочки и засаливаютъ съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ такими „консервами“ кормить рабочихъ. Засоленная утка стоитъ одну копейку, но для того, чтобы питаться такимъ мясомъ, всегда вымоченнымъ и невкуснымъ, а иногда и совершенно

испорченнымъ, нужна крайняя неприхотливость рабочихъ, большею частью изъ остяковъ, на ѣду.

Перевѣсы считаются въ Сибири недвижимой собственностью, переходятъ отъ отца къ дѣтямъ и зачастую упоминаются въ завѣщаніяхъ.

Вотъ всѣ извѣстные мнѣ способы весенней охоты за утками. Какъ видно изъ сказаннаго, періодъ, въ теченіе котораго весною производится охота за утками, непродолжителенъ, но тѣмъ не менѣе способы охоты довольно разнообразны, если взять и собственно охотничье добываніе и промысловое.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЛѢТО И ОСЕНЬ.

Кряква очень неприхотлива въ выборѣ мѣста для своего гнѣзда: лишь бы можно было укрыться и вода не была очень далеко — вотъ и все, что ей надо; но непосредственной близости воды для гнѣзда кряква даже избѣгаетъ, вѣроятно, изъ боязни селезня, который сторожитъ ее здѣсь. Такимъ образомъ кряква гнѣздится по всѣмъ прѣснымъ водамъ подъ кустами, подъ деревьями, въ камышѣ, кугѣ, травѣ, даже въ хлѣбахъ, дуплахъ вербъ и въ видѣ исключенія въ брошенныхъ гнѣздахъ воронъ, сорокъ, хищныхъ птицъ и т. д. Если гнѣздо устраивается на землѣ, оно вовсе не представляетъ собою безпорядочной кучи растительнаго матеріала, какъ пишутъ нѣкоторые авторы; напротивъ, оно довольно искусно свивается изъ сухой травы и листьевъ камыша и выстилается сначала болѣе нѣжнымъ растительнымъ матеріаломъ, а потомъ, когда кладка яицъ окончена и начинается насиживаніе, устилается еще и пухомъ. При сходствѣ мелкихъ яицъ кряквы съ яйцами шилохвости пухъ служитъ очень хорошимъ признакомъ для опредѣленія того, какой уткѣ принадлежитъ гнѣздо: у кряквы пухъ съ едва замѣтными бѣлыми вершинками, у шилохвости, напротивъ, бѣлыя вершинки развиты хорошо.

Число яицъ кладки колеблется обыкновенно между 8 и 12, но иногда кладка содержитъ 14 и даже 16 яицъ. Окраска ихъ измѣняется отъ зеленовато-охристой до блѣдно-охристо-зеленой, иногда они совсѣмъ безъ блеска, иногда съ слабымъ блескомъ. По мѣрѣ того, какъ высиживаніе продолжается, зеленоватая окраска все болѣе и болѣе замѣняется блѣдно-буроватой. Длина яицъ колеблется между 2,5 и 2,2 д., поперечникъ между 1,7 и 1,5 д. Утка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко и сходитъ съ гнѣзда не болѣе одного раза въ сутки, чтобы похватать поблизости какого-нибудь корма. Но и этого достаточно, чтобы ея вѣчные враги сумѣли воспользоваться ея отсутствіемъ; не говоря уже о селезнѣ, который пока еще не примирился съ уходомъ дружки, непремѣнно разобьетъ яйца, если найдетъ ихъ, утку подсте-

регаютъ и вороны, и сороки, и болотные луни, отъ которыхъ ей чрезвычайно трудно укрыться. Затѣмъ, смотря по мѣстности, для нея въ это время опасны лисицы, хорьки, дикія и одичавшія кошки и т. д., и потому потеря уткою первой кладки вовсе не рѣдкость. Однако большой бѣды въ этомъ еще нѣтъ: потерявши первыя яйцы, утка большею частію безъ труда опять сходится съ какимъ-нибудь селезнемъ, несется вновь и на этотъ разъ ведетъ себя еще осторожнѣе, чѣмъ прежде.

Насиживаніе продолжается отъ 3 до 4 недѣль, смотря по погодѣ и потому какъ часто и надолго ли оставляла утка яйца. Такимъ образомъ въ южной Россіи, гдѣ полныя не насиженныя кладки находятъ съ начала до конца апрѣля, утята выводятся въ разныхъ числахъ мая, въ средней Россіи—не ранѣе конца этого мѣсяца, въ сѣверной—еще позднѣе. Только что вылупившіеся утята, какъ только обсохнутъ, переводятся маткой на ближайшую воду, при чемъ въ трудно проходимыхъ мѣстахъ она переноситъ ихъ въ клювѣ. Точно такъ же въ клювѣ переноситъ утка дѣтей на воду и въ томъ случаѣ, если гнѣздо расположено высоко надъ водою. Утята очень бойки съ первыхъ же часовъ своей жизни, и маткѣ не стоило бы особеннаго труда сохранить своихъ дѣтей, если бы ихъ не преслѣдовали самые разнообразные враги. Но утятамъ угрожаютъ и хищныя птицы, и разные звѣри, поджидающіе выводки на берегу, и рыбы, между которыми сомы и щуки, при ихъ прожорливости, можетъ быть, являются вообще самыми опасными врагами. Чтобы сохранить дѣтей, утка почти не показывается съ ними на открытыхъ мѣстахъ: чаще всего она держится или въ камышахъ, или въ густой береговой травѣ, или среди самыхъ корней прибрежныхъ кустовъ и деревьевъ. Если же выводокъ открытъ, въ такомъ случаѣ утка совершенно позабываетъ о личной безопасности: она нарочно выплываетъ на открытое мѣсто и здѣсь съ тревожнымъ покрякиваньемъ начинаетъ метаться туда и сюда, точно больная или раненая, вмѣстѣ съ тѣмъ удаляясь мало-по-малу отъ того мѣста, гдѣ спрятаны ея дѣти. Убить ее въ это время ничего не стоитъ, хотя при выстрѣлѣ она и пробуетъ спастись ныряньемъ.

По мѣрѣ того, какъ утята подрастаютъ, ихъ охотничій районъ все болѣе и болѣе расширяется, и въ поискахъ за кормомъ, особенно за червями и улитками, они не только выходятъ на берегъ, но и довольно далеко отходятъ отъ воды. Хотя первыя 4—5 недѣль своей жизни утята совсѣмъ не могутъ летать, однако въ это время они далеко не безпомощны сами по себѣ: они съ такой ловкостью и быстротой пробираются въ густой травѣ, что если только не замѣчены на близкомъ разстояніи, всегда сумѣютъ проскользнуть къ водѣ. При такомъ передвиженіи утята крайне комичны съ ихъ совершенно вытянутыми и низко опущенными шейками и неуклюжимъ тѣльцемъ, на низкихъ ножкахъ, по бокамъ котораго выдаются небольшія крылышки. Скорѣе можно сказать, что они ползутъ, нежели бѣгутъ, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ и называютъ „ползунами". На водѣ утята

умѣютъ отлично прятаться ныряя и потому тамъ, гдѣ нѣтъ сомовъ и щукъ, они довольно безопасны отъ преслѣдованія другихъ враговъ.

Утята начинаютъ летать спустя недѣль шесть по выклюнутіи, но сначала летаютъ очень плохо и лишь на небольшомъ разстояніи, предпочитая искать себѣ защиту въ прятаньи. Слѣдовательно, въ южной Россіи первыхъ летныхъ молодыхъ можно встрѣтить не ранѣе половины іюня, обыкновенно въ концѣ этого мѣсяца; а въ центральныхъ губерніяхъ утята и въ началѣ іюля летаютъ еще очень плохо. Несмотря на то, что въ такомъ возрастѣ они могутъ отлично обойтись безъ матки, послѣдняя никогда не оставляетъ ихъ, и выводки осенью закладываютъ основаніе утиныхъ стай. Если по какой-нибудь причинѣ матка погибла прежде чѣмъ утята выросли, послѣдніе нерѣдко пристаютъ къ другому выводку и держатся съ нимъ вмѣстѣ пока не выростутъ. Такимъ образомъ, въ заботахъ о дѣтяхъ у матки проходитъ все лѣто и она даже въ тяжелое для себя время—время линьки—не оставляетъ дѣтей.

Что касается селезней, то какъ только утки сядутъ на яйца, селезни собираются небольшими стайками и бродятъ въ поискахъ за кормомъ, ни теперь, ни позднѣе не принимая никакого участія въ семейной жизни. Сначала они щеголяютъ въ своемъ брачномъ нарядѣ, но когда самки сѣли на яйца, селезни начинаютъ линять. Въ это время они сбрасываютъ лишь мелкое перо, сохраняя рулевыя и маховыя, и на лѣто одѣваются въ такой же сѣрый нарядъ, въ какомъ всегда ходятъ утки. Въ разгаръ линьки селезни мало видимы: хотя, благодаря сохраненію маховыхъ, они въ это время летаютъ не хуже, чѣмъ раньше, однако, забираются въ крѣпи и ведутъ скрытый образъ жизни, рѣдко выбираясь на открытыя мѣста. Линючіе селезни очень худы какъ отъ весеннихъ похожденій, такъ и отъ линьки, и можетъ быть эта слабость птицы и дѣлаетъ ее осторожной.

Въ своемъ невзрачномъ костюмѣ селезни остаются недолго — до августа; въ концѣ августа у нихъ уже начинается вторая линька, при которой смѣняется не только мелкое перо, но и маховыя съ рулевыми, достаточно износившіяся за годъ, и въ половинѣ октября можно уже встрѣтить старыхъ селезней въ новомъ нарядѣ, который, сохраняясь до весны, называется поэтому, хотя и неправильно, брачнымъ. Молодыя птицы смѣняютъ свое первое опереніе нѣсколько позднѣе взрослыхъ селезней, но къ концу октября и онѣ успѣваютъ перелинять совершенно. Взрослыя самки начинаютъ линять послѣ того, какъ дѣти нѣсколько подросли, и оканчиваютъ свою линьку въ то время когда самцы начинаютъ линять вторично. Такимъ образомъ, къ началу осени однѣ утки уже перебрались, другія еще перебираются, но въ октябрѣ линька кончается если не у всѣхъ, то у огромнаго большинства, иными словами,—къ этому времени всѣ готовы къ отлету.

Съ половины іюля на югѣ, съ августа въ средней Россіи утки начинаютъ совершать правильные перелеты зорями на кормежку, о чемъ я уже упоминалъ въ общей характеристикѣ кряквы. Въ это

время утки любятъ посѣщать хлѣбныя поля, особенно поля гречи, проса, гороха и овса, и если утокъ много, а поля небольшія, эти птицы могутъ нанести хозяевамъ весьма существенный ущербъ. Подобно гусямъ, онѣ очень мнутъ и путаютъ хлѣбъ, такъ какъ ѣдятъ всегда спѣшно, вырываютъ пучки стеблей другъ у друга, лѣзутъ одна на другую и т. д. Позднѣе, когда хлѣбъ связанъ и собранъ въ копны, утки раздергиваютъ даже снопы, а когда поля совсѣмъ убраны, довольствуются тѣмъ, что подбираютъ осыпавшееся зерно.

Тамъ, гдѣ утки не поважены летать въ хлѣба, или гдѣ мѣстность этому не благопріятствуетъ, онѣ на ночь летаютъ кормиться на озерца и чистую воду среди болотистыхъ зарослей; на большихъ озерахъ перелетаютъ съ того мѣста, гдѣ прятались днемъ, въ болѣе кормныя заводи, но вообще утка къ ночи всегда перемѣняетъ мѣсто и кормится тамъ, гдѣ ея не было днемъ.

Эти перелеты наблюдаются и въ приморской береговой зонѣ, но здѣсь они пріобрѣтаютъ особый характеръ. Такъ, въ мѣстностяхъ, лежащихъ около Финскаго и Ботническаго заливовъ, кряква гнѣздится вдали отъ моря, но съ половины іюля, т.-е. когда выводки начнутъ летать, опять появляется на побережьѣ и по мѣрѣ того, какъ лѣто подходитъ къ концу, скопляется здѣсь все въ большемъ и большемъ количествѣ. Съ половины августа утки начинаютъ совершать здѣсь правильные перелеты, такъ какъ день эти птицы проводятъ въ открытомъ морѣ, а на ночь прилетаютъ въ прибрежныя бухты. Слѣдовательно, подъ вечеръ утки летятъ съ моря къ берегу, а утромъ обратно, отъ берега въ море. Въ октябрѣ кряква держится только по прибрежью, но уже не такъ многочисленна, какъ была раньше; когда же море у береговъ покрывается льдомъ, кряквы отлетаютъ.

И вообще, что касается отлета кряквъ, то можно сказать, что онъ связанъ не столько съ уменьшеніемъ корма, сколько съ наступленіемъ заморозковъ. Уже въ средней Россіи пролетъ сѣверныхъ утокъ отдѣленъ довольно рѣзко отъ отлета мѣстныхъ, а въ южной это выражено и еще рѣзче: тогда какъ, напр., въ Харьковской губ. осенній пролетъ бываетъ около середины октября, отлетъ мѣстныхъ прямо зависитъ отъ состоянія водъ и происходитъ вообще въ ноябрѣ. При мягкихъ зимахъ, когда на рѣкахъ остаются большія полыньи, даже въ средней Россіи можно встрѣтить на нихъ оставшихся зимовать утокъ, а въ южной Россіи, гдѣ вода, при такихъ зимахъ, то замерзаетъ, то оттаиваетъ, число такихъ зимующихъ особей еще больше. Однако, про большую часть утокъ надо сказать, что когда рѣки и озера южной Россіи замерзнутъ, онѣ переселяются на лиманы, а потомъ и въ море, гдѣ зимуютъ у береговъ.

Въ заключеніе этого описанія образа жизни кряквы я не могу не остановиться на причинахъ, ведущихъ за собою уменьшеніе ея количества, такъ какъ то, что будетъ сказано о кряквѣ, относится и къ большинству охотничьихъ и промысловыхъ птицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ прибавить, что во всемъ существенномъ я въ этомъ отно-

шеніи вполнѣ согласенъ съ С. Н. Алфераки, который также коснулся разнообразныхъ враговъ кряквы въ своей статьѣ объ этой птицѣ.

Причины, вліяющія на уменьшеніе количества кряквы, двухъ родовъ: однѣ общія, другія частныя. Къ общимъ надо отнести такія, какъ измѣненія въ характерѣ мѣстности, неожиданно рѣзкія измѣненія въ состояніи погоды; къ частнымъ — преслѣдованія со стороны различныхъ враговъ.

Обѣднѣніе мѣстности водою, въ свою очередь обусловливаемое разнообразными причинами, составляетъ зло, распространившееся на большую часть нашего отечества. Мелѣютъ рѣчонки, рѣки, пересыхаютъ озера и болота и въ связи съ этимъ утки лишаются тѣхъ мѣстъ, которыя служили имъ для гнѣздовья. Какъ ни мало прихотлива эта птица на мѣсто и на кормъ, но вода ей безусловно необходима, и потому уменьшеніе проточныхъ и стоячихъ водъ всегда влечетъ за собою уменьшеніе количества утокъ. Иногда въ какія-нибудь 5—10 лѣтъ число утокъ сокращается до минимума и тамъ, гдѣ эти птицы прежде держались десятками паръ, едва найдешь одну-двѣ. Но я чаще удивлялся не уменьшенію числа утокъ, а тому, какъ онѣ вообще могли удержаться въ прежней мѣстности. Рѣчонка почти пересохла, кусты лозника отчасти повырублены, отчасти посохли, кой-гдѣ уцѣлѣли небольшія заводи съ палочникомъ, казалось бы никакой порядочной уткѣ не придетъ въ голову поселиться въ такой мѣстности. Нѣтъ, смотришь—одна, другая пара удержалась и даже ухитрилась благополучно вывести дѣтей. Конечно, очень много значитъ то, что утка прилетаетъ рано и проводитъ свою брачную жизнь, когда воды еще относительно много благодаря таянію снѣга. Можетъ быть потомъ птицѣ и самой странно оказаться въ слишкомъ сухопутной обстановкѣ, но дѣло сдѣлано: дѣти вывелись, надо ихъ укрыть и вырастить, а уже тамъ и летѣть на водный просторъ.

Что касается измѣненій въ состояніи погоды, то они уже далеко не такъ гибельны для утокъ, такъ какъ рѣзкія измѣненія бываютъ не часто. Однако, хорошо извѣстная гибель утокъ въ февралѣ 1854 г. на Сивашѣ, гдѣ ихъ послѣ теплой погоды захватила сначала буря, потомъ морозъ до 11° и наконецъ снѣгъ, ясно показываетъ, съ какими невзгодами приходится имѣть дѣло перелетной птицѣ. Весьма возможно, что мы просто остаемся въ невѣдѣніи о гибели множества перелетныхъ птицъ и въ томъ числѣ утокъ, когда послѣ теплой погоды вдругъ настанутъ морозные дни съ вѣтромъ и снѣгомъ. Особенно опасны эти неожиданные возвраты зимы, конечно, для тѣхъ утокъ, которыя только что перелетѣли море и еще не успѣли отдохнуть, что и было на Сивашѣ; но въ меньшей степени это всегда имѣетъ значеніе, хотя, можетъ быть, и не всегда ведетъ прямо къ смерти птицъ.

Изъ враговъ кряквы мы уже упоминали хищныхъ рыбъ, птицъ и четвероногихъ, которые, конечно, особенно опасны для птенцовъ разнаго возраста, для яицъ и въ меньшей степени для взрослыхъ птицъ. Но наиболѣе опасенъ для утокъ все-таки промышленникъ,

который не щадитъ ни яицъ, ни птенцовъ, ни взрослыхъ. Такъ какъ сборъ яицъ имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда ихъ добываютъ въ большомъ количествѣ, его, естественно, можно практиковать только тамъ, гдѣ утокъ очень много. Такимъ образомъ, какъ промыселъ, сборъ яицъ производится у насъ только на югѣ, между прочимъ въ Астраханской губ., гдѣ яйца продаются на мыловарни. Но помимо промысловаго сбора яицъ, ихъ въ разныхъ мѣстахъ собираютъ на ѣду, и безъ сомнѣнія этимъ путемъ не только уничтожается масса яицъ, но, что еще хуже, добрая половина ихъ уничтожается совершенно непроизводительно, такъ какъ сильно насиженныя яйца просто бросаются, какъ негодныя въ пищу.

Затѣмъ, утокъ во множествѣ истребляютъ во время линьки и птенцами, когда послѣдніе подросли, но еще почти не летаютъ. Кто не видѣлъ, тотъ никогда не составитъ себѣ полнаго представленія о варварскомъ истебленіи подлини при помощи простыхъ дворняжекъ и палокъ. И опять-таки, и въ этомъ случаѣ множество птицы пропадаетъ непроизводительно даже для промышленника, такъ какъ въ жару мясо легко портится и становится негоднымъ къ употребленію даже при крайней невзыскательности. Насколько губительна ловля перевѣсами уже было говорено, но къ этому необходимо прибавить, что утокъ ловятъ сѣтями и уничтожаютъ всячески не только на мѣстѣ ихъ родины, но и на зимовкахъ и на перелетахъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, они ежегодно уничтожаются милліонами и, принимая все это во вниманіе, надо удивляться не тому, что мѣстами количество ихъ видимо уменьшилось, а тому, что ихъ еще такъ много. Это служитъ лучшей мѣркой и выносливости птицы и ея способности размножаться при мало-мальски сносныхъ условіяхъ, и ея умѣнью воспитать въ среднемъ изъ 10 птенцовъ хотя нѣсколько штукъ до полнаго возраста.

Переходя теперь къ описанію лѣтней и осенней охоты за утками, я прежде всего привожу описаніе охоты за молодыми изъ-подъ собаки и съ лодки, данное г. Давидовичемъ.

„Большая часть утокъ, пишетъ онъ, выводится въ концѣ мая и въ началѣ іюня, но охоту на нихъ не стоитъ начинать раньше середины іюля. До этого времени онѣ держатся еще тѣхъ мѣстъ, гдѣ вывелись: по преимуществу маленькихъ прудовъ и болотъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ колосящимся хлѣбомъ. Для этой охоты необходима собака, такъ какъ молодыя, нелетающія утки крѣпко таятся въ камышѣ и между кочекъ, и только хорошая собака способна выгнать ихъ на плесъ (т.-е. на чистую воду) и подвести подъ выстрѣлы. Охотникъ прежде всего поднимаетъ старку, которая съ шумомъ вылетаетъ изъ-подъ охотника или собаки, но летитъ тихо и низко, постоянно падаетъ, притворяется тяжело раненой и всѣми силами старается отвести охотника отъ страстно любимыхъ дѣтей. Иногда совершенно забывая осторожность, она съ тревожнымъ крикомъ вьется

надъ самой головой охотника — и какъ часто она падаетъ жертвой своего самоотверженія... Особенной горячностью къ дѣтямъ отличаются полукряквы и чернушки, — горячностью, которая доходитъ иногда до глупости, такъ какъ издали завидя охотника, онѣ летятъ ему навстрѣчу и такимъ образомъ выдаютъ свой выводокъ.

„Правду сказать—охота на молодыхъ утокъ хоть и добычлива, но не особенно пріятна: приходится брести иногда по поясъ въ водѣ и стрѣлять „подлетовъ", которые поднимаются чуть не изъ-подъ морды собаки. Нужно замѣтить, что утки поднимаются (т.-е. начинаютъ летать) очень поздно, такъ что весьма часто собака дѣлаетъ стойку и ловитъ уже совершенно развившуюся, но все еще нелетающую утку. Побродивъ въ это время года по маленькимъ прудамъ и болотамъ, можно набрать много утокъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Но такая охота можетъ быть по вкусу развѣ только промышленнику или очень молодому охотнику.

„Если поблизости того мѣста, гдѣ вывелись утята, находится большой прудъ, то утка немедленно переводитъ ихъ туда и живетъ съ ними въ береговыхъ камышахъ, которые представляютъ надежную охрану противъ враговъ всякаго рода; только по утреннимъ и вечернимъ зорямъ семейства утокъ показываются на плёсѣ. Около половины іюля молодыя утки поднимаются и небольшими станичками начинаютъ слоняться по всему пруду. Тогда начинается лучшая, по моему мнѣнію, охота на утокъ: именно, охота въ лодкѣ.

„На каждомъ большомъ прудѣ есть маленькія лодки-душегубки; есть и рыбаки-охотники. Договоривъ наканунѣ такого рыбака, охотникъ еще до зари пріѣзжаетъ на прудъ. Холодно, сыро, а бѣлый волнистый туманъ полупрозрачной завѣсой покрываетъ и чистую гладь озера, и лѣса камышей. Тишина мертвая. Изрѣдка закрякаетъ чѣмъ-то встревоженная утка и со свистомъ пронесется надъ головой охотника—и опять все тихо. Наконецъ звѣзды начинаютъ гаснуть на востокѣ, туманъ клубится, сгущаясь надъ самой водой, и готовится исчезнуть при первыхъ лучахъ солнца. Пора отправляться. Рыбакъ столкнулъ лодку на воду, усадилъ охотника, самъ сѣлъ на корму и отчалилъ. Быстро скользитъ душегубка въ густомъ, колеблющемся туманѣ и до слуха охотниковъ то и дѣло долетаютъ кряканье утокъ и гоготанье гусей, которые вырываются почти изъ-подъ носа лодки. Но стрѣлять еще не видно. Наконецъ блеснуло солнце, туманъ быстро разсѣялся, а рыбакъ подъѣхалъ къ камышамъ и начинаетъ прислушиваться. Беззаботно плещутся утки, и на этотъ плескъ рыбакъ направляетъ лодку. Если утки сидѣли въ очень густомъ камышѣ, и подъѣхать безъ шуму не удалось, то охотникъ стрѣляетъ въ летъ; а въ противномъ случаѣ—по сидячимъ. Конечно, всего пріятнѣе съ одного ствола выстрѣлить по сидячимъ, съ другого въ летъ и такимъ манеромъ положить пары двѣ. Зарядивъ ружье (заряжать приходится сидя и, стало быть, весьма удобно имѣть дѣло съ ружьемъ скорострѣльнымъ), охотникъ отправляется далѣе; недолго приходится ему ждать слѣдующаго

выстрѣла, потому что голодныя утки чрезвычайно заняты своимъ аппетитомъ и не обращаютъ вниманія даже на близкіе выстрѣлы.

„Такая частая стрѣльба продолжается недолго: часовъ до 7—8 утра. Нажировавшись вдоволь, утки скрываются въ густые камыши. Если вы не отличаетесь охотничьею жадностью и десятокъ утокъ удовлетворяетъ васъ, то вы приказываете ѣхать домой,—тѣмъ болѣе, что солнце начинаетъ сильно поджаривать вашу усталую голову; глаза смыкаются, и охотникъ то и дѣло забывается сномъ; а если и стрѣляетъ, то дѣлаетъ неприличные промахи. Но въ пасмурный и вѣтряный день, когда всѣ эти неудобства значительно уменьшаются, а подъ шумъ камышей можно подъѣхать ко всякой уткѣ, почти во всякомъ мѣстѣ,—въ такую погоду ни одинъ охотникъ не уѣдетъ преждевременно съ поля: онъ будетъ охотиться цѣлый день и возвратится домой только ночью.

„Утомительна эта охота и не всякому она понравится: приходится сидѣть неподвижно иногда часовъ 18, подвергаясь все время палящимъ лучамъ солнца и съ напряженіемъ всматриваясь въ густую сѣть камышей и осоки. Въ вѣтренную погоду однообразный видъ этихъ мѣрно колеблющихся стеблей производитъ, наконецъ, какое-то головокруженіе и обманъ зрѣнія, такъ что не замѣчаешь иногда утки, сидящей въ нѣсколькихъ шагахъ и, наоборотъ, палишь въ какую-нибудь точку, принимая ее за утку. А комары, а яркое отраженіе солнца въ водѣ *), ослѣпляющее охотника и затрудняющее стрѣльбу, а рѣзкое чувство досады и подчасъ просто бѣшенства, когда 2, 3, 4 утки, убитыя, повидимому, наповалъ, одна за другой пропадаютъ Богъ-вѣсть куда и какъ?! Вотъ сколько терніевъ представляетъ охота въ лодкѣ. А всетаки я очень люблю эту охоту, и сильно ошибутся, которые возразятъ мнѣ: „Какое, молъ, искусство убить утку? Это-де вовсе не охотничья дичь!“ Это замѣчаніе вѣрно въ отношеніи молодыхъ утокъ, которыхъ стрѣляютъ на болотѣ изъ-подъ стойки: дѣйствительно, эта стрѣльба черезчуръ уже незамысловата. Но на прудѣ совсѣмъ другое дѣло: во-первыхъ, стрѣлять приходится не близко и подчасъ бываютъ такіе блестящіе дуплеты, что даже вспомнить пріятно. Второе—убивать необходимо наповалъ, потому что на водѣ утка вполнѣ въ своей сферѣ и если въ ней осталась хоть искра жизни, то она пропала для охотника. Ни на какой охотѣ не пропадаетъ столько подстрѣленной дичи, какъ на этой. Причины этому различны. Иногда убитая наповалъ утка падаетъ въ такую трущобу, куда ни пройти, ни проѣхать (замѣтимъ здѣсь, что собаку на эту охоту никогда не берутъ, потому что душегубка очень мала, и неосторожное движеніе собаки могло бы ее опрокинуть). Въ другой разъ смертельно раненая утка нырнетъ— и только вы ее и видѣли: она забьется въ густой камышъ, высунетъ

*) Впрочемъ комаровъ у насъ не очень много и они наскучаютъ только вечеромъ, когда охотникъ сидитъ неподвижно въ камышѣ и ждетъ выхода утокъ на плесъ. Но блестящая поверхность озера чрезвычайно утомляетъ глаза, и только въ пасмурную погоду это неудобство вполнѣ устраняется.

изъ-подъ воды одну только голову и понятно, что въ такомъ положеніи даже рысьи глаза рыбака не въ силахъ разглядѣть ее. Но всего удивительнѣе, что раненая въ летъ утка падаетъ иногда на чистую воду, вдали отъ камыша, нырнетъ и больше не показывается. Исчезнувшихъ такимъ образомъ утокъ я находилъ иногда (конечно въ прозрачной водѣ) на днѣ пруда, укрѣпившихся между густыхъ корней водорослей; нужно предположить, что нѣкоторыя изъ нихъ такъ запутываются въ этихъ корняхъ, что, наконецъ, лишаются возможности выбиться на поверхность—и погибаютъ. И вотъ такимъ-то манеромъ даже у хорошаго стрѣлка пропадаетъ не мало утокъ; а у плохого пропадаетъ ихъ большая часть. Отсюда ясно, что хорошее далекобойное ружье, правильный зарядъ и точность прицѣла—такія условія, которыхъ на этой охотѣ обойти нельзя (не то, что на болотѣ или на охотѣ на перепеловъ). Ружье должно быть скорострѣльное, какъ потому, что заряжать приходится сидя, такъ и потому, что послѣ двухъ выстрѣловъ очень часто требуется третій, — чтобы добить ныряющую утку.

„Не легка эта охота и для рыбака, и тутъ можно видѣть невѣроятную выносливость нашего мужичка. Отъ ранней до вечерней зари безостановочно гребетъ рыбакъ весломъ, мѣняя его въ мѣстахъ неглубокихъ на „сохаръ“ (дерев. шестъ, длиною около сажени), а подчасъ въ густыхъ заросляхъ подвигаетъ лодку просто руками,—и при этомъ никакихъ признаковъ усталости и неизмѣнный отказъ отъ предлагаемаго отдыха. Въ особенности въ благопріятную (т.-е. въ вѣтреную и пасмурную) погоду онъ возитъ хорошаго стрѣлка съ увлеченіемъ: радуется его успѣхамъ, горюетъ въ неудачу и очень мало думаетъ о вознагражденіи. Каждый рыбакъ обыкновенно въ то же время обладатель длинной рушницы и добывъ гдѣ-нибудь пороху, онъ сейчасъ же дѣлается охотникомъ. Конечно, онъ такъ дорожитъ зарядомъ, что никогда почти не стрѣляетъ въ летъ или по одной уткѣ, а приберегаетъ его для гуся или для цѣлой стаи утокъ.

„Охота въ лодкѣ можетъ продолжаться до начала сентября, т.-е. до того времени, пока утки не собьются въ большія стаи и не переселятся въ плесъ. Тогда, конечно, подобраться къ нимъ трудно, тѣмъ болѣе, что въ сентябрѣ камышъ уже высыхаетъ, легко ломается и своимъ трескомъ выдаетъ приближеніе лодки. Но въ ненастную погоду или рано утромъ, когда мокрый камышъ становится гибче, можно тихонько подъѣхать къ стаѣ утокъ и двумя выстрѣлами положить не одну пару. Одиночныя утки въ это время встрѣчаются рѣдко, и стрѣлять ихъ довольно трудно, потому что жирная утка поднимается весьма неохотно, а завидя охотника она быстро спасается ныряніемъ“.

Разгаръ ружейной охоты за утками приходится на августъ и сентябрь, когда молодыя уже сравнялись со старыми и когда бо̀льшая часть утокъ успѣла уже перелинять. Въ это время молодыя уже отлично летаютъ, и убить утку вовсе не такъ легко, какъ многіе думаютъ. Дѣло въ томъ, что полетъ кряквы чрезвычайно быстръ, и для того,

чтобы убить ее въ летъ, надо, смотря по положенію утки относительно охотника, очень сильно брать впередъ. Особенно трудно попасть въ утку, пролетающую надъ охотникомъ, и въ такомъ случаѣ малѣйшая оплошность ведетъ за собой отчаянный промахъ; легче стрѣлять въ догонку, и не особенно ловкимъ стрѣлкамъ мы совѣтуемъ всегда пользоваться этимъ пріемомъ. Ружейная охота за утками такъ картинно описана С. Т. Аксаковымъ, что для дополненія нашего очерка было бы просто ошибкой не привести его слова.

„Въ продолженіе августа,—пишетъ онъ,—идетъ самая изобильная, добычная стрѣльба утокъ: молодыя еще смирны, глупы, какъ выражаются охотники, и близко подпускаютъ съ подъѣзда. Ловко также стрѣлять ихъ въ летъ, поднимающихся съ небольшихъ рѣчекъ, по берегамъ которыхъ ходятъ охотники, осторожно высматривая впереди, по изгибистымъ колѣнамъ рѣки, не плывутъ ли гдѣ-нибудь утки, потому что въ такомъ случаѣ надобно спрятаться отъ нихъ за кусты или отдалиться отъ берега, чтобы онѣ, увидѣвъ человѣка, не поднялись слишкомъ далеко; надобно забѣжать впередъ и подождать, пока онѣ выплывутъ прямо на охотника: шумно столбомъ *) поднимаются утки, если берега рѣки круты, и онѣ испуганы нечаяннымъ появленіемъ стрѣлка; легко и весело спускать ихъ сверху внизъ въ разныхъ живописныхъ положеніяхъ. Добрая собака, особенно водолазъ или пудель, тутъ очень нужна: она не допуститъ пропасть ни одной уткѣ, даже легко пораненой въ крыло, или упавшей на отлетъ далеко на другой сторонѣ рѣки, иногда посреди густой и болотистой уремы. Въ сентябрѣ эти охоты еще пріятнѣе, потому что утки разжирѣютъ и селезни выцвѣтутъ; казалось бы все равно, а спросите любого охотника, и онъ скажетъ вамъ, что убить птицу во всей красотѣ ея перьевъ, въ порѣ и сытую—гораздо веселѣе.

„Въ октябрѣ утки сваливаются въ большія стаи, и въ это время добывать ихъ уже становится трудно. День онѣ проводятъ на большихъ прудахъ и озерахъ. Нерѣдко вода бываетъ покрыта ими въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Къ такой огромной стаѣ, сидящей всегда на открытой поверхности воды, или на голыхъ и пологихъ берегахъ, ни подъѣхать, ни подойти, ни подкрасться невозможно. На небольшую рѣчку утки, по многочисленности своей, уже не садятся, какъ бывало прежде, и я употреблялъ съ пользою, даже въ продолженіе всего октября, слѣдующее средство: я сбивалъ съ широкихъ прудовъ утиныя стаи ружейными выстрѣлами и не давалъ имъ садиться, когда онѣ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, опускались опять на середину пруда. Утки улетали вверхъ или внизъ по рѣкѣ; но по привычкѣ къ своему обыкновенному мѣстопребыванію и не желая отъ

---

*) Говоря выше, что кряква какъ на взлетѣ, такъ и при опусканіи не поднимается вертикально и не спускается прямо падая внизъ, я разумѣлъ тѣ случаи, когда кряква взлетаетъ ненапуганная. Будучи испугана, она поднимается прямо вверхъ, хотя, конечно, ничего не выигрываетъ отъ этого во времени, нѣсколько разъ тяжело ударяя крыльями по водѣ. *Прим. автора.*

него отдалиться, принуждены были разбиваться на мелкія стаи и разсаживаться кое-какъ по рѣкѣ. Я оставлялъ охотника на пруду, который отъ времени до времени стрѣлялъ по возвращающимся станицамъ утокъ. Разумѣется, выстрѣлы были безвредны, но они заставляли утиныя стайки садиться по рѣчнымъ изгибамъ. Самъ же я отправлялся пѣшкомъ по берегу рѣки, шелъ безъ всякаго шума, выказываясь только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по положенію рѣчныхъ извилинъ, должны были сидѣть утки. Нерѣдко удавалось мнѣ добывать до десятка крупныхъ и жирныхъ крякушекъ, по большей части селезней, потому что, имѣя возможность выбирать, всегда ударишь по селезню; только совѣтую въ подобныхъ случаяхъ не горячиться, т.-е. не стрѣлять въ тѣхъ утокъ, которыя поднялись далеко. Разбившіяся утиныя стаи расплывутся по всей рѣкѣ, и потому поднявшіяся утки не улетятъ очень далеко, а только пересядутъ къ переднимъ, которыя находятся отъ охотника подальше. Дробь надобно употреблять, сообразно дальности или близости подъема утокъ, отъ 3-го до 5-го номера включительно; чѣмъ дальше, тѣмъ дробь нужна крупнѣе. Я всегда употреблялъ мелкую утиную № 4. Впрочемъ, успѣхъ такой стрѣльбы зависитъ отъ мѣстности. Во-первыхъ, надобно, чтобы поблизости не было большихъ прудовъ и озеръ, и чтобы утинымъ стаямъ не было куда перемѣщаться не разбиваясь; во-вторыхъ, чтобы рѣка текла не въ пологихъ берегахъ, и чтобы по ней росли кусты, безъ чего охотникъ будетъ виденъ издалека, и утки никогда не подпустятъ его въ мѣру".

Въ концѣ же лѣта хорошую охоту представляетъ охота за утками на перелетахъ, основанная на томъ, что передъ вечерней зарей утки выбираются изъ крѣпей, гдѣ держались днемъ, на открытыя мѣста и съ наступленіемъ темноты отправляются отсюда на кормежку, или въ хлѣбныя поля, или на болота, озера и разливы, гдѣ кормнѣе и привольнѣе. Въ частностяхъ охота эта можетъ разнообразиться до чрезвычайности. Такъ, въ Воронежской губ. охотятся съ кобелъ, куда забираются за нѣкоторое время до захода солнца. Укрывшись между вывороченными корнями ольхи или среди кустовъ и травы, охотникъ выжидаетъ утокъ, когда онѣ выплываютъ на открытое мѣсто. Хотя охота эта добычлива, но не изъ легкихъ, такъ какъ стрѣлять часто приходится въ совершенно неестественномъ положеніи. По окончаніи вечерней охоты можно переночевать въ устроенномъ на берегу шалашѣ и утреннюю зорю опять охотиться уже за возвращающимися утками.—Въ средней Россіи подстерегаютъ утокъ на перелетахъ или прячась въ кустѣ, или садясь въ шалашѣ. Тутъ главное состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно опредѣлить мѣсто, которымъ утки пролетаютъ съ одного озера на другое, или гдѣ онѣ любятъ кормиться. При устройствѣ шалаша, какъ и весною, надо прежде всего озаботиться тѣмъ, чтобы онъ былъ на сухомъ мѣстѣ, невысокъ, выстроенъ обязательно изъ того матеріала, который его окружаетъ, и лучше всего имѣлъ съ одной стороны полукруглую форму, это та, съ которой происходитъ стрѣльба, а съ другой былъ прямо срѣзанъ. Иногда и въ это время

около шалаша сажаютъ криковыхъ утокъ, для приманиванія дикихъ, но такъ поступаютъ чаще не охотники, а промышленники.

Такъ называемая „охота на стойкѣ“, практикуемая подъ Петербургомъ, относится къ этой же группѣ охотъ на перелетахъ и производится по вечерамъ, когда утки съ приморскихъ отмелей, гдѣ держались днемъ, летятъ на ночь кормиться въ болотахъ.

Послѣдній способъ охоты за утками, описанный г. Вилинскимъ для Ковенской губ., состоитъ въ томъ, что на небольшомъ озерѣ прокашиваютъ отъ воды до самого берега узкую полосу камыша и охотники располагаются у берега, а лодочники гонятъ утокъ изъ тростниковъ шестами Въ такомъ случаѣ утки всегда устремляются въ прокосы и здѣсь попадаютъ подъ выстрѣлы охотниковъ.

Переходя теперь къ промысловымъ способамъ добыванія утокъ лѣтомъ и осенью, мы имѣемъ ихъ четыре: 1) добываніе молодыхъ и пòдлини изъ-подъ собакъ или просто даже безъ собакъ; 2) ловлю перевѣсами; 3) охоту изъ шалаша, и 4) охоту на сàдахъ.

Добываніе молодыхъ и пòдлини есть настоящая бойня, производимая даже не промышленниками, а мѣстнымъ населеніемъ либо на болотѣ, либо въ заводяхъ рѣки. Заранѣе замѣтивъ, гдѣ гнѣздятся утки, и выждавъ время, когда молодыя подросли, но еще не летаютъ, а матки уже начали линять, жители какой-нибудь деревни цѣлымъ обществомъ безъ различія возраста отправляются на заранѣе намѣченное болото и, расположившись въ поперечную шеренгу, съ гамомъ и крикомъ, пустивъ передъ собою своихъ дворняжекъ, начинаютъ проходить болото. По бокамъ шеренги держатся немногіе стрѣльцы, вооруженные ружьями. Испуганныя гамомъ и крикомъ утки выскакиваютъ изъ травы, начинаютъ метаться и то попадаютъ подъ ударъ палки, то на зубы собакѣ; если же какая можетъ летать, обыкновенно натыкается на стрѣльцовъ. Обыкновенно послѣ такого похода утиное населеніе болота выбивается начисто, а тѣ утки, что уцѣлѣли отъ погрома, перебираются въ другія мѣста, чаще всего на рѣки.

На большихъ рѣкахъ, гдѣ есть заводи, поросшія камышомъ и ситникомъ, подобная же охота производится съ лодокъ, и при опытности лодочниковъ съ неменьшимъ успѣхомъ.

Что касается охоты на сàдахъ, то она описана только для пинскихъ болотъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Осенью, состадившись, утки по зорямъ перелетаютъ съ рѣкъ на болота, въ камыши, болотныя озерки и ямы, но при этомъ почти всегда выбираютъ одни и тѣ же мѣста для отдыха. На эти низины и ямы въ благопріятные для вывода дѣтей годы утки садятся въ огромномъ количествѣ, такъ что иногда сплошь покрываютъ собою площадь не на одинъ десятокъ саженей. Когда такое стадо станетъ садиться на привычное мѣсто, оно ни на что не обращаетъ вниманія: куда сѣли первыя утки, туда садятся и остальныя. Зная это, мѣстные жители замѣчаютъ мѣста, куда садятся утки, и, забравшись сюда еще съ ночи и укрывшись подъ кустомъ или среди камыша, ждутъ утренней зори, когда начинаютъ

слетаться утки. Первыхъ не трогаютъ, а ждутъ, когда ихъ соберется много, и лишь видя передъ собою сотни и даже тысячи, начинаютъ „пинчуки" свою работу: выскакиваютъ изъ засады и просто палками начинаютъ бить несчастную птицу, наполняя ею цѣлые мѣшки. Нѣкоторые стрѣляютъ на такихъ утиныхъ садахъ, но большинство пользуется множествомъ птицы просто, чтобы произвести бойню.

Относительно охоты изъ шалаша, практикуемой и настоящими охотниками при такъ называемыхъ утиныхъ перелетахъ, надо сказать, что это — одинъ изъ наименѣе губительныхъ способовъ добыванія утокъ, въ чемъ замѣчается его несомнѣнное преимущество. Промышленникъ пользуется этимъ способомъ, п. ч. онъ даетъ ему вѣрную добычу въ теченіе довольно продолжительнаго времени, и къ тому же добытая изъ шалаша птица, какъ свѣжая, всегда въ цѣнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., на Ростовскомъ озерѣ, осенняя охота изъ шалаша принимаетъ совершенно своеобразный мѣстный колоритъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго описанія ея, сдѣланнаго г. Маракуевымъ.

„Задумавъ отправиться на промыселъ,—пишетъ онъ,—и узнавъ предварительно о томъ, въ какомъ изъ охотничьихъ угодій больше держится въ данное время птица, промышленникъ заранѣе загоняетъ домой своихъ дворовыхъ утокъ *), кормитъ ихъ, выбираетъ изъ нихъ нѣсколько штукъ понадежнѣе (т.-е. такихъ, которыя больше кричатъ), а остальныхъ вторично выпускаетъ на свободу. Затѣмъ, обыкновенно передъ вечеромъ, нагружаетъ въ лодку всѣ необходимыя принадлежности охоты, какъ-то: ружье, а весьма часто и два, серпъ, топорикъ, бечевки и мочалы, савокъ для вычерпыванія изъ лодки воды, кружки на длинныхъ тычкахъ, штукъ восемь длинныхъ кольевъ для шалаша, а утокъ съ надѣтыми уже заранѣе опутинками помѣщаетъ въ особыя досчатыя клѣтушки, устроенныя въ носу и кормѣ лодки. Весьма часто и въ лѣтнее время онъ беретъ самыя топорныя и разнокалиберныя чучела: тутъ есть и чирокъ, и гоголь, и пегарь въ своемъ весеннемъ нарядѣ, но такая несообразность однако нисколько не вредитъ успѣху охоты, такъ какъ суть оказывается не въ томъ, какихъ породъ выставлены чучела, а въ томъ, чтобы около шалаша разставлено было, по возможности, больше живыхъ и деревянныхъ утокъ (первыхъ всегда бываетъ, конечно, гораздо меньше). Пріѣхавъ на надлежащее мѣсто, охотникъ выбираетъ растущій въ водѣ кустъ осоки такой величины, чтобы его небольшая лодка могла въ немъ помѣститься, и вдвигаетъ лодку внутрь куста, но такъ какъ такой кустъ всего чаще не можетъ

*) Каждый озерной охотникъ постоянно имѣетъ достаточное количество утокъ при одномъ-двухъ селезняхъ: эти утки во время лѣтняго дня, а иногда и ночи почти не бываютъ дома, а, пользуясь близостью озера, свободно плаваютъ у его береговъ, никогда, впрочемъ, не уплывая слишкомъ далеко отъ дома. Каждый охотникъ знаетъ поэтому, гдѣ въ случаѣ надобности онъ можетъ найти своихъ утокъ, а на тотъ случай, если бы утки смѣшались съ чужими, каждый хозяинъ мѣтитъ утокъ посредствомъ различнаго рода надрѣзовъ, дѣлаемыхъ на плавательной перепонкѣ.

достаточно скрыть лодку и охотника, то этотъ послѣдній первоначально нажинаетъ серпомъ цѣлый ворохъ осоки, которая, къ слову сказать, на нашемъ озерѣ въ иныхъ мѣстахъ растетъ даже въ излишкѣ, и тогда уже въѣзжаетъ въ кустъ. Первымъ дѣломъ онъ втыкаетъ (внутри куста) спереди и по бокамъ лодки нѣсколько кольевъ, прикрѣпляетъ къ нимъ поперечины, играющія роль обруча въ береговомъ шалашѣ, а къ этимъ послѣднимъ привязываетъ стоймя пучки осоки, наконецъ, сдвигаетъ надъ лодкой ихъ верхушки для того, чтобы утка, пролетая надъ такимъ искусственнымъ кустомъ, не могла замѣтить обмана,—и шалашъ готовъ. Затѣмъ онъ разставляетъ передъ нимъ круговыхъ утокъ, пускаетъ чучела и, въѣхавъ въ кустъ, спокойно выжидаетъ добычу. Самая лучшая стрѣльба изъ такого шалаша бываетъ обыкновенно на вечерней и утренней зарѣ; ночью же птица летитъ плохо, а потому и охотникъ можетъ спать совершенно спокойно, а если бы и налетѣла случайно дичь, то привычная круговая утка не замедлитъ дать знать ему объ этомъ своимъ крикомъ.

„Дикія утки, переносясь по зорямъ съ мѣста на мѣсто и отыскивая кормъ, весьма легко поддаются обману и садятся не только вблизи дворовыхъ утокъ и чучелъ, но и сразу опускаются въ ихъ средину, гдѣ, само собой разумѣется, не представляется охотнику особаго труда взять 2—3 утки на выстрѣлъ, что по большей части и бываетъ, потому что охотникъ только въ крайнемъ случаѣ будетъ стрѣлять по одной уткѣ, а всегда предпочтетъ „сводить" ихъ, т.-е. выждетъ того времени, пока нѣсколько утокъ не сойдутся группой или нѣсколько утокъ не размѣстятся по линіи выстрѣла,—и тогда уже стрѣляетъ. Убитыя утки обыкновенно тотчасъ не подбираются, а остаются на водѣ до окончанія охоты *), конечно, если только послѣдняя продолжается не болѣе сутокъ, и потерь при этомъ почти никогда не бываетъ. Днемъ стрѣльба бываетъ не такъ добычлива, а потому промышленникъ, просидѣвъ обыкновенно вечернюю и утреннюю зори, часамъ къ девяти утра возвращается уже домой, исключая только тѣхъ случаевъ, когда охота идетъ особенно успѣшно и когда онъ отправился на озеро на нѣсколько сутокъ. Отправляясь на долгій срокъ, охотникъ запасается, понятно, и всей необходимой провизіей, даже самоваромъ, а также котелкомъ или чугунчикомъ, въ которомъ и варитъ себѣ уху изъ рыбы, добытой удами; уды беретъ съ собою обыкновенно почти всякій промышленникъ, отъѣзжающій на озеро на продолжительный срокъ. Вотъ подобныя-то продолжительныя охотничьи экскурсіи поздней осенью весьма нерѣдко кончаются не совсѣмъ благополучно; очень часто случается такъ, что вдругъ наступившій морозъ скуетъ озеро и лишитъ охотника возможности возвратиться домой. Въ такомъ случаѣ ему остается или съ большимъ усиліемъ пробивать постепенно ледъ и, понятно, весьма медленно подвигаться къ берегу, или же, вооружившись терпѣніемъ, дожидаться новой от-

*) Понятно,—при тихой погодѣ.

тепели, которая однако весьма легко можетъ и не воспослѣдовать,—и охотнику, иногда почти голодному, приходится выжидать того времени, когда ледъ значительно окрѣпнетъ. Тогда, собравъ всѣ свои охотничьи принадлежности, онъ идетъ во-свояси пѣшкомъ, а лодку оставляетъ на озерѣ до наступленія настоящей зимы и тогда, уже вырубивъ ее изо льда, переправляетъ домой на лошади. Вышеописаннымъ способомъ охота производится въ продолженіе всего лѣта вплоть до глубокой осени, т.-е. до тѣхъ поръ, пока озеро почти сплошь не покроется льдомъ; съ этого времени начинается уже охота по полыньямъ.

„Въ иныхъ мѣстахъ озера существуютъ довольно значительные ключи, вслѣдствіе чего на такихъ мѣстахъ и образуются полыньи, не замерзающія вполнѣ даже въ зимнюю стужу. Въ концѣ октября или началѣ ноября, когда озеро уже покроется настолько крѣпкимъ льдомъ, что представится возможность безъ особаго риска ходить по немъ, вся водоплавающая птица сваливается на такія полыньи, на которыхъ и держится до времени отлета; такъ какъ подобныхъ незамерзающихъ пространствъ все-таки сравнительно немного, то отсюда ясно, какая масса птицы должна на нихъ скопляться. Охотникъ, вооружившись, кромѣ ружья, длиннымъ деревяннымъ крюкомъ, отправляется къ такимъ полыньямъ пѣшкомъ и съ подхода стрѣляетъ скопившуюся птицу, доставая убитую упомянутымъ крюкомъ. Въ это время птица гибнетъ массами, потому что спугнутая съ одной полыньи она перебирается на другую, гдѣ ее ожидаетъ та же участь,—и такъ изо дня въ день до тѣхъ поръ, пока она, поуменьшившись значительно въ числѣ, не рѣшится, наконецъ, покинуть негостепріимное пристанище. При такой охотѣ оказывается чрезвычайно много подстрѣленной птицы, которая, за невозможностью двинуться въ далекій путь, остается на озерѣ и добивается охотниками уже впослѣдствіи; часть же ея, понятно, не попадаетъ въ руки охотникамъ и гибнетъ безъ всякой пользы, умирая съ наступленіемъ морозовъ отъ голода. Подобная охота для промышленника — чистый праздникъ, но она случается однако не каждый годъ; иной разъ озеро не замерзаетъ слишкомъ долго (до декабря), и тогда птица улетаетъ, не дождавшись его окончательнаго замерзанія“.

Г. Давидовичъ сообщаетъ еще объ одномъ способѣ ловли утокъ, практикуемомъ въ Подольской губ., но, повидимому, этотъ способъ не имѣетъ особенно большого значенія. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: на маленькомъ ручьѣ, протекающемъ черезъ болото, устраиваютъ запруду и въ образовавшійся отъ этого прудикъ или лужу кладутъ нѣсколько сноповъ гречи, проса и т. п. Въ теченіе августа утки постепенно привыкаютъ къ этому корму и по мѣрѣ своего стаденія, т.-е. сокращенія корма въ другихъ мѣстахъ, прилетаютъ сюда все бóльшими и бóльшими стадами; пріучивъ птицъ летать на извѣстное мѣсто, охотникъ ставитъ здѣсь сѣть въ родѣ шатра, которымъ кроютъ тетеревовъ, и пріучаетъ птицъ къ виду этой сѣти, послѣ чего

начинается уже и самая охота. Говорятъ, что иногда при удачѣ можно сразу накрыть до 40 паръ, а въ среднемъ ежегодно на человѣка достается свыше 100 паръ, продаваемыхъ по цѣнѣ 20—30 к.

О ловлѣ перевѣсами, какъ описанной въ главѣ о весенней охотѣ, но употребляемой также и осенью, мы болѣе говорить не будемъ.

Вотъ и всѣ способы добыванія утокъ вообще и кряквъ по преимуществу. Изъ сказаннаго само собою вытекаетъ, что утиный промыселъ имѣетъ у насъ огромное значеніе и тѣмъ, что даетъ народонаселенію непосредственно пищевой матеріалъ и тѣмъ, что доставляетъ много продажной дичи. Если цѣна на утку и не велика, зато количество добываемыхъ и продаваемыхъ утокъ очень велико. Однако учесть результаты утинаго промысла нѣтъ никакой возможности: для утки нѣтъ такого центра сбыта, какимъ для рябчика и тетерева является Москва и Петербургъ. Для сбыта утокъ въ каждой мѣстности есть свой центръ, больше или меньше—вопросъ второстепенный, и потому, говоря вообще, выручка отъ утинаго промысла распредѣляется въ народонаселеніи равномѣрнѣе и болѣе непосредственно, т.-е. минуя руки скупщиковъ дичи. Но зато тѣмъ печальнѣе, что мѣстныя условія, неразвитость низшаго сословія и легкость заработка охотничьимъ промысломъ ведетъ за собою столько же безпощадное, сколько и непроизводительное истребленіе утокъ.

117. Шилохвость.

Anas acuta, L.

Табл. 122.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 690.

Болѣе распростр. названія: *шилохвость, шилохвостъ.*

Мѣстныя названія: *острохвостъ, шилохвостъ, шилохвость: большая порховка* (въ Кандалакшѣ); *сѣрая утка* (Петерб., Новгор.); *овсянка* (у олонецк. охотн.); *косачка* (у Мангазейц.); *свинтюръ* (на верхнемъ Байкалѣ).

Польск.—*rozeniec.*—Фин.—*jouhisorsa.*—Лапл.—*вуисъ, вуоятіисъ, вуовьяшъ, вуояшъ.*—Вогул.—*кирте.*—Остяц.—*курéкъ* (Березов.), *коге́ртъ* (на Сургутѣ).—Бурят.—*шурунъ.*—Коряц.—*хейчогачи.*—Тунгус.—*шеджитъ, чóчалъ; хитцуль* (Вил.), *ичемукчанъ* (верх. Амур.).—Якут.—*мойногóнъ* (на Боган. и у Якутска), *мойнохóнъ* (на Ленѣ).—Самоѣд.—*моайнагàнъ.*—Камчад.—*кагалхынáчъ, куйнейлемъ.*—Укинс. (Камч.)—*хейтогали.*—Татар.—*сидякюмъ* (юж. Касп.).—Сартск.—*суксуръ.*

Шилохвость распространена по всей Европ. Россіи, но только на пролетѣ бываетъ въ Прибалтійскомъ краѣ, очень рѣдкая гнѣздящаяся птица губ. средняго теченія Днѣпра, только на пролетѣ въ Новороссійскомъ краѣ и подъ Астраханью. Въ Крыму также бываетъ на пролетѣ, за исключеніемъ южной части полуострова, гдѣ, какъ и вообще на Черномъ морѣ, зимуетъ. На Кавказѣ не только зимуетъ, но и гнѣздится какъ въ низменностяхъ, такъ и на армянскихъ озерахъ.

118. Свіязь.

Anas penelope, L.

Табл. 123.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 693.

Болѣе распростр. названія: *свіязь, свищъ.*

Мѣстныя названія: *свіязь, свіязка, свіяга, свищъ; суязь* (Рязан.); *свистель* (Яросл.); *свіяга, свизь, свищъ* (Петерб.); *свистунъ* (Оренб. каз.); *свиетунъ, свизь* (Пермск.); *свись* (у помор.); *глотъ* (по Палласу на Окѣ); *вьязь* (Харьков.); *фіазовая утка, фіязь* (Ворон.); *фіасы* (олон. охот.).

Польск. – *swistun.* — Эст. — *murulas.* — Лат. — *schwukschkis.* — Фин. — *haapapa.* — Лапл. — *снятья, снарталъ.*

Кирг. — *шуалдакъ.* — Вогул. — *вуйю.* — Остяц. — *лопте* (на Оби и Иртышѣ), *ловуши* и *лоптивасехъ* (у Сургута), *почёнга* (на Нарымѣ). — Татар. — *бoюлъ* (Закавк.). — Зыр. — *вьязь.* — Тунг. — *кюршенъ* (на Вилюѣ), *хилтыверъ* (по Палласу), *хилтіаръ* (на верхн. Байк.). — Камчад. — *нгуимгумъ, хейчогачи.* — Якут. — *тыньякъ.*

Мнѣ рѣшительно нечего прибавить къ тѣмъ свѣдѣніямъ о распространеніи свіязи, которыя я собралъ ранѣе. Вотъ что я писалъ объ этомъ:

„Свіязь распространена у насъ даже въ качествѣ гнѣздящейся птицы очень широко. Она въ изобиліи встрѣчается въ Лапландіи, обыкновенна во всей Финляндіи, въ области Ладожскаго и Онежскаго озеръ, у Бѣлаго моря, найдена на Вайгачѣ и Новой Землѣ, очень обыкновенна на Нижней Печорѣ и, за исключеніемъ озеръ и рѣкъ черноземной полосы, гнѣздится въ Пермской губерніи. Затѣмъ свіязь гнѣздится въ Казанской губерніи, по всей равнинной части Уфимской губ., въ Оренбургскомъ краѣ, по средней и нижней Волгѣ, не доходя верстъ 50 до Астрахани, и въ средней Россіи. Провести точную южную границу области гнѣздовья свіязи въ послѣдней мѣстности не представляется пока возможнымъ; но эта птица гнѣздится въ Рязанской, Тульской и Московской губ. и обыкновенна на сѣверъ отъ нихъ. Далѣе на западъ гнѣздится въ Тверской, Новгородской и по окраинамъ Петербургской губ. Но въ части Петербургской губ., прилежа-

щей къ Финскому заливу, въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ, губ. Кіевской и прилежащихъ, а также Харьковской, Воронежской, въ Новороссійскомъ краѣ, на Сарпѣ и въ Киргизскихъ степяхъ бываетъ только на пролетѣ. Въ Крыму въ небольшомъ числѣ гнѣздится, во множествѣ на пролетѣ; отдѣльныя особи зимуютъ. На Черномъ и Каспійскомъ моряхъ свіязь зимуетъ. Отдѣльныя особи остаются зимовать въ Закавказьѣ внутри страны, но преимущественно бываютъ здѣсь на пролетѣ".

По времени прилета свіязь является у насъ одной изъ самыхъ раннихъ птицъ, такъ какъ буквально шагъ за шагомъ слѣдуетъ за вскрытіемъ рѣкъ. Въ области Финскаго залива, въ средней Россіи и Пріуральскомъ краѣ свіязь прилетаетъ въ апрѣлѣ; на крайній сѣверъ она прибываетъ уже въ первой трети мая, одновременно съ вскрытіемъ рѣкъ.

Что касается осенняго пролета, то въ средней Россіи онъ происходитъ въ сентябрѣ; въ Польшѣ эта утка держится до замерзанія рѣкъ. На среднемъ Днѣпрѣ пролетъ длится съ половины сентября до половины октября. Наконецъ, въ восточной Россіи свіязь пролетаетъ съ начала августа до половины сентября. На Черномъ и Каспійскомъ моряхъ свіязь держится сначала около ихъ сѣвернаго побережья, а потомъ отлетаетъ далѣе къ югу.

119. Пѣганка.

Tadorna cornuta, Gm.

Табл. 124.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 697.
Болѣе распростр. названіе: *пѣганка.*

Мѣстныя названія: *пѣганка, пѣганъ: бѣлая степная утка, бѣлая заморская утка* (у лин. казак. Оренб. края); *бугровая утки* (уральск. каз.); *харгаль* (Астрахан.); *огарь* (Херсон.); *галагазъ* (Крымъ); *атайка* (въ Сибири).
Польск.—*ohar.*—Эст.—*ristlind, wagalind, kiwi ani.*—Фин.—*ristisorsa.*
Тат.—*ала-казъ, итъ-казъ, итъ-ала-казъ.*—Калм.—*хонхоту-алакъ-ногосонъ.*—Кирг.—*итъ-казъ, туръ-ала-казъ.*—Монг.—*ангиту, алакту, цоогоръ-алу.*—Тунг.—*бунталъ.*

Я совершенно согласенъ съ С. Н. Алфераки, что пѣганка, благодаря отвратительному, несносному запаху ея жира и мяса, не можетъ считаться охотничьей птицей, т.-е. дичью; тѣмъ не менѣе охотники стрѣляютъ ее иногда за красоту, а иногда и по незнанію, что это за утка (въ тѣхъ мѣстахъ, куда она только залетаетъ), и потому я сообщаю здѣсь указанія относительно ея распространенія у насъ. Въ сущности она распространена у насъ очень широко, но занимаетъ четыре довольно обособленныя области. Наиболѣе широко она распространена въ бассейнѣ Каспійскаго моря, гдѣ обыкновенна по нижнему Уралу, нижней Волгѣ и вообще въ степяхъ Урало-казачьихъ владѣній и Астраханской губ. Гнѣздится также въ южныхъ и юго-западныхъ частяхъ Оренбургскаго края, на Бишъ-Копѣ, у Соръ-Куля и въ урочищѣ Кандыкты, слѣдовательно приблизительно подъ 50° с. ш.; но на Волгѣ едва ли гнѣздится такъ далеко къ сѣверу, хотя обыкновенна у Сарепты. Въ области чернозема пѣганка не гнѣздится, однако въ качествѣ случайно залетной птицы поднимается очень далеко къ сѣверу и наблюдается подъ Оренбургомъ, въ Екатеринбургскомъ у., подъ Саратовомъ, Самарой и въ Симбирской губ. На Кавказѣ и въ Закавказьѣ, по Каспійскому побережью, пѣганка встрѣчается круглый годъ; отдѣльныя пары гнѣздятся и внутри страны, но чаще описывае-

мая птица залетаетъ сюда зимою. Вторую область распространенія пѣганки составляетъ бассейнъ Чернаго моря. Здѣсь эта птица гнѣздится по соленымъ озерамъ степной части Крыма, на соленыхъ лиманахъ всего побережья, въ днѣстровскомъ и днѣпровскомъ лиманахъ и на Кавказскомъ берегу. Свѣдѣнія о гнѣздованіи пѣганки въ Подольской губ. все еще не подтверждены, но какъ залетная птица она бываетъ въ Кіевской, Харьковской и, вѣроятно, другихъ губерніяхъ южной Россіи. Третью область пѣганки составляетъ Балтійское море, гдѣ эта птица гнѣздится на о. Эзель, въ Лифляндіи, на западномъ побережьѣ Эстляндіи и прилежащихъ островахъ, на Аландскихъ о-вахъ и въ береговой зонѣ юго-западной Финляндіи къ сѣверу до 61°25′ с. ш. Отсюда случайно залетаетъ на побережье Вазской губ., въ окрестности С.-Петербурга и въ Польшу. Наконецъ, еще пѣганка встрѣчается въ области Варангеръ-фіорда.

120. Утка красная.

Tadorna rutila, Pall.

Табл. 125.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 702.

Болѣе распростр. названія: *красная утка, óгарь, óгаръ.*

Мѣстныя названія: *турпанъ* (на Кавказѣ); *красная утка, карагатка* (южн. Росс.); *óгаръ, кипуна* (Новорос. и Малоросс.); *гогка* (Подольск.); *красная степная утка, красная заморская утка* или *гагара* (у лин. казак. Оренбург. края); *варнава* (зап. Сибирь); *красный, норовый турпанъ* (вост. Сибирь).

Кирг.—*итъ-ала-казъ.*—Тат.—*атъ, итъ-казъ* (на Кавк.).—Груз.—*гаріе-ли.*—Монг.—*ламашево, лама-шубу, ангиръ.*—Тунг.—*ичанбà.*

Красная утка точно такъ же негодна для ѣды, какъ и пѣганка; на Кавказѣ распространено даже мнѣніе, будто мясо красной утки причиняетъ лихорадку. Но отъ времени до времени и ее стрѣляютъ при тѣхъ же условіяхъ, что и пѣганку.

О распространеніи этой утки я могу привести свѣдѣнія, собранныя мною ранѣе.

„Красная утка,—писалъ я,—распространена у насъ только въ юго-восточной и южной части страны. Здѣсь она гнѣздится въ степяхъ по Эмбѣ, Уралу и нижней Волгѣ, поднимаясь нормально до средняго теченія р. Урала и до Самарской луки, но отдѣльными парами гнѣздясь и далѣе къ сѣверу. Такъ, П. П. Сушкинъ нашелъ ее въ Уфимской губ. на громадномъ болотѣ Берказанъ-Камышъ при условіяхъ, не оставляющихъ сомнѣній въ томъ, что эта птица здѣсь гнѣздится. Палласъ во множествѣ наблюдалъ ее на оз. Кулатовѣ Челябинскаго у. М. Н. Богдановъ говоритъ, что красная утка гнѣздится въ степяхъ Саратовской губ. и Сызранскаго у. и залетаетъ въ Ставропольскій и Сенгилеевскій уу. На Кавказѣ и въ Закавказьѣ красная утка обыкновенна и гнѣздится до высоты въ 7.000′ н. у. м. На западъ отъ Каспійскаго бассейна красная утка встрѣчалась прежде въ небольшомъ числѣ въ Воронежской губ. Гнѣздится по озерамъ степной части Крыма и, вѣроятно, вообще по всему сѣверному побережью Чернаго моря, откуда залетаетъ въ губ. Харьковскую, Полтавскую и Подольскую. Старая самка была убита даже на сѣверномъ берегу Эстляндіи.

21*

121. Лебедь кликунъ.

Cygnus musicus, Bechst.

Табл. 126.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 706.

Болѣе распростр. названія: *лебедь, лебедь кликунъ.*

Мѣстныя названія: *лебедь скрипачъ* (на Днѣстрѣ); *желтоносый лебедь* (Уфим.).

Польск.—*łabędz krzykliwy.*—Эст.—*luig, luike.*—Лат.—*gubbis.*—Фин.—*iso joutsen, iuak-kainen.*—Лапл.—*нухчь, нуфча.*—Тат.—*акошъ.*—Башк.—*юсъ.*—Кирг.—*ку.*—Хивин.—*кую.*—Бух.—перс.—*джуина.*—Якут.—*куба̀.*—Морд.—*локсти.*—Перм.—*джоджегъ.*—Вотяц.—*юсъ.*—Черем.—*іокчу.*—Чуваш.—*аюшъ.*—Вогул.—*іотвой.*—Ост.—*чипи* (на р. Кеть), *хотенъ* (у Берез.), *кытинкъ* (Васюг.), *куттункъ* (у Сургута).—Калм., монг.—*хонъ.* самка—*зэнъ,* съ желтизн. на головѣ—*шаръ-тологайту-хонъ.*—Тунг.—*изъ, угинъ, бидавки.*—Ламут.—*узи.*—Самоѣд.—*горой.*—Арм.—*куй.*—Камч.—*машамъ* (западн.), *бишушмъ* (въ друг. мѣст.), *козъ* (укин.).—Кар.—*кайтшанъ.*—Юкаг.—*іону́ттора.*

Чтобы познакомить читателей съ распространеніемъ и образомъ жизни у насъ лебедя кликуна, я приведу съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями свою ранѣе составленную статью о немъ.

„Лебедь кликунъ гнѣздится во всей Лапландіи и во внутреннихъ частяхъ Финляндіи къ югу до 62° с. ш., но въ широкой береговой зонѣ Ботническаго и Финскаго заливовъ бываетъ только на пролетѣ и въ это время обыкновененъ. Однако, прежде кликунъ гнѣздился въ Курляндіи, хотя теперь едва ли это имѣетъ мѣсто. Иногда въ Прибалтійскомъ краѣ кликуны перезимовываютъ. Въ Польшѣ кликунъ бываетъ очень рѣдко, что объясняется положеніемъ страны между Балтійскимъ и Днѣпровскимъ пролетными путями. На востокъ отъ Финляндіи кликунъ гнѣздится подъ Архангельскомъ и, вѣроятно, во всей области Сѣв. Двины, оставаясь осенью въ Вологодской губ. до декабря и появляясь весною уже въ февралѣ. Вопросъ о нахожденіи лебедя кликуна на Новой Землѣ, повидимому, рѣшается отрицательно. Въ области Печоры кликунъ всюду болѣе или менѣе обыкновененъ какъ въ тундрахъ, такъ и въ лѣсной странѣ. Къ югу отсюда лебедь встрѣ-

чается во всей Пермской губ., но не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ; на западномъ склонѣ онъ многочисленъ только на Камѣ и по берегамъ сѣверныхъ рѣкъ: Вишеры, Печоры, Косьвы; на восточномъ встрѣчается рѣдко, хотя, какъ говорятъ, водится на Сосьвѣ и Лозьвѣ. Вообще чѣмъ ближе къ Уралу, тѣмъ меньше количество лебедей; исключеніе составляютъ только безчисленныя озера восточнаго склона средняго Урала. Начиная съ $57^1/_2{}^0$ с. ш., кликунъ появляется даже въ большемъ числѣ, чѣмъ на Камѣ и сѣверо-западныхъ рѣкахъ Пермской губ.; мѣстами, какъ, наприм., въ Сысертскомъ Уралѣ, близъ Сосноваго, онъ гнѣздится огромными колоніями, чуть не сотнями паръ; точно такъ же лебеди гнѣздятся, несмотря на преслѣдованія башкирцами, на большей части озеръ Каслинскаго у. Но въ степной полосѣ лебеди обыкновенны только на пролетѣ, а лѣтомъ здѣсь встрѣчаются лишь холостыя особи. Немногія особи зимуютъ въ южной части Пермской губ. Относительно прилежащихъ частей Тобольской губ. И. Я. Словцовъ говоритъ, что кликунъ рѣдко гнѣздится въ Тюменскомъ округѣ, чаще въ Ялуторовскомъ, Ишимскомъ и Курганскомъ; обширныя стада кликуна и шипуна гнѣздятся въ самой южной части Тюкалинскаго округа. Относительно Уфимской губ. мы имѣемъ показаніе Ф. Д. Плеске, что кликунъ обыкновененъ на гнѣздовьѣ по Бѣлой и Камѣ. По наблюденіямъ П. П. Сушкина, кликунъ встрѣчается на гнѣздовьѣ во всей равнинной части Уфимской губ.; въ горахъ, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, „желтоносый лебедь“, какъ они называютъ эту птицу, изрѣдка, не каждый годъ, гнѣздится на оз. Зюракъ-куль. По наблюденіямъ Н. А. Заруднаго, кликунъ гнѣздится въ Оренбургскомъ краѣ въ видѣ исключенія; подъ Оренбургомъ даже на пролетѣ встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ предпочтительно пролетаетъ подъ Орскомъ, слѣдовательно, летя по Ори съ Эмбы. Однако возможно, что кликунъ прежде былъ обыкновеннѣе и по р. Уралу; по крайней мѣрѣ въ 1860 г. Сѣверцовъ отмѣчаетъ его рѣдкимъ гнѣздящимся въ долинѣ р. Урала. Въ большомъ количествѣ гнѣздится въ камышахъ морского побережья между устьями Урала и Эмбы, откуда для линьки отправляется въ море къ Прорвинскимъ о-вамъ (на ю. в. отъ Эмбы, у восточнаго берега Каспія подъ 46^0 с. ш.). Что касается Волги, то всѣ натуралисты, бывшіе здѣсь, говорятъ, что кликунъ бываетъ здѣсь только на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ. На пролетѣ же бываетъ онъ и на Сарпинскихъ озерахъ, но въ области средней Волги и нижней Камы кликунъ гнѣздится, равно какъ и по нѣкоторымъ притокамъ Дона. По словамъ М. Н. Богданова, кликунъ еще около 1870 года былъ весьма обыкновенною птицей по средней Волгѣ и Камѣ, гдѣ гнѣздился по большимъ камышистымъ озерамъ и затонамъ. Кромѣ того, кликунъ гнѣздился въ долинахъ Суры, Хопра (мало), Медвѣдицы, Усы, Мёши (оч. рѣдко), Вятки; чаще встрѣчались гнѣздящіеся лебеди по долинамъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Каму и Волгу съ лѣвой стороны, наприм., помимо уже вышеупомянутой Бѣлой, въ долинахъ Ика, большого Черемшана, Майны. Относительно

сительно текущаго времени М. Д. Рузскій сообщаетъ, что кликунъ въ Казанской губ. гнѣздится больше всего въ долинѣ Камы, рѣже Волги, по крупнымъ старицамъ и озерамъ. На другихъ рѣкахъ гнѣздуетъ только мѣстами и даже не каждый годъ; изъ нихъ можно указать на Вятку, Мёшу, Илеть, Ветлугу. По рѣкамъ таежной полосы лебедь не найденъ, но гнѣздится изрѣдка на большихъ лѣсныхъ озерахъ среди боровъ Козьмодемьянскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ, а также западной части Казанскаго. По Б. Черемшану и Маинѣ М. Д. Рузскій уже не нашелъ гнѣздящихся лебедей. На западъ отсюда лебедь гнѣздится въ Костромской, Ярославской и Тверской губ., но въ Московской бываетъ только на пролетѣ. Теперь только на пролетѣ въ Тульской и сѣверо-западномъ углу Тамбовской, но прежде гнѣздился здѣсь. Въ Петербургской губ. только на пролетѣ, но тогда обыкновененъ. По Днѣпру кликунъ только пролетаетъ, но и то въ небольшомъ числѣ. Въ Харьковской губ. обыкновененъ на пролетѣ и изрѣдка зимуетъ. Что касается Черноморской области, то здѣсь кликунъ зимуетъ въ устьяхъ Днѣстра и Днѣпра, откуда перекочевываетъ, когда лиманы замерзаютъ, въ море, гдѣ и держится вблизи его сѣвернаго побережья. Кромѣ того, на пролетѣ и зимой бываетъ въ Крыму, гдѣ въ незначительномъ числѣ остается даже гнѣздиться на островахъ Сиваша у Геническа. Наконецъ, что касается Каспійскаго моря, то здѣсь лебедь найденъ зимующимъ въ устьѣ Терека и не только зимующимъ, но и гнѣздящимся на Закавказскомъ побережьѣ; зимуетъ и на Гокчайскомъ озерѣ.

„Лебедь кликунъ является одной изъ самыхъ раннихъ перелетныхъ птицъ. Въ восточной Россіи онъ уже въ первой половинѣ марта появляется на нижнемъ теченіи Урала и не позже конца марта прилетаетъ въ Уфимскую губ., но валовой пролетъ происходитъ позднѣе: во второй половинѣ марта на нижнемъ Уралѣ, въ началѣ апрѣля—на среднемъ и въ первой половинѣ апрѣля—въ Уфимской губ. Въ Казанской губ. пролетъ лебедей длится съ 20-го марта до мая. Подъ Усть-Цыльмой первыхъ пролетныхъ кликуновъ Зибомъ и Броунъ видѣли 29-го апрѣля; затѣмъ число ихъ все увеличивалось, пока 8-го мая пролетъ или точнѣе прилетъ не кончился. Съ Чернаго моря лебеди начинаютъ весною улетать въ началѣ марта, а въ концѣ марта появляются уже въ средней Россіи. Въ Прибалтійскомъ краѣ кликунъ прилетаетъ въ очень большомъ количествѣ въ концѣ марта и въ апрѣлѣ. Подъ Петербургомъ лебедь появляется обыкновенно во второй половинѣ марта, когда море еще сплошь покрыто льдомъ, и приблизительно недѣли за двѣ, за три до вскрытія Невы. Въ Лапландіи лебеди прилетаютъ въ половинѣ апрѣля. Такимъ образомъ первое появленіе лебедей происходитъ въ то время, когда рѣки и озера еще не вскрылись и громадной птицѣ приходится отыскивать для отдыха полыньи и просто лужи. Конечно, въ связи съ этимъ стоитъ то, что первые прилетные лебеди появляются одиночками или парами; но позднѣе, когда рѣки вскроются, и лебеди начинаютъ летѣть стайками

въ 10 и больше штукъ, выстроившись угломъ. Обыкновенно стайки пролетныхъ лебедей держатся очень высоко, такъ какъ кликунъ очень осторожень, и летятъ быстро; но что касается времени дня, то, повидимому, это не имѣетъ для нихъ большого значенія, и пролетныхъ кликуновъ можно наблюдать какъ днемъ, такъ по ихъ трубному крику узнавать и ночью. Ночью лебединый голосъ раздается даже какъ-то особенно полно и удивительно гармонируетъ съ весеннимъ шумомъ; точно дѣйствительно трубные звуки раздаются сверху, прорываясь сквозь глухой шумъ безчисленныхъ ручьевъ, осѣдающаго снѣга и разнообразныхъ голосовъ пролетныхъ птицъ. Кликунъ далеко не такъ красивъ, какъ шипунъ, который за красоту подъ охраной человѣка сталъ полудомашнею птицей и во многихъ мѣстахъ уже не встрѣчается въ дикомъ состояніи. Особенно портитъ кликуна шея, которую онъ держитъ прямо, точно палку, тогда какъ у шипуна она обыкновенно изящно изогнута въ видѣ французскаго s. Но эта же шея даетъ всей птицѣ болѣе дикій видъ, особенно когда лебедь насторожится и начнетъ осматриваться, поворачивая свою головку. Само собою разумѣется, что такая тяжелая птица съ трудомъ поднимается, обыкновенно тяжело хлопая крыльями и какъ бы волочась по водѣ, но, поднявшись на воздухъ, лебедь летитъ очень быстро.

„Черезъ недѣлю или двѣ послѣ прилета лебеди разбиваются на пары и приступаютъ къ устройству гнѣзда. Впрочемъ, нѣкоторые очень запаздываютъ, чѣмъ и объясняется различное время кладки. Для гнѣзда всегда выбирается уединенное и мало доступное мѣсто, гдѣ лебедь со своей лебедкой и остаются до тѣхъ поръ, пока дѣти въ состояніи будутъ слѣдовать за ними на рѣки и другія болѣе открытыя мѣста. П. П. Сушкинъ снабдилъ меня слѣдующей выпиской изъ его наблюденій надъ кликунами въ Уфимской губ.: „На камышистомъ озерѣ Шунгакъ-куль,—пишетъ онъ,—мнѣ удалось 3-го мая найти гнѣздо кликуна. Оно помѣщалось среди камыша, на берегу небольшого пространства открытой воды. Вышиною оно было около аршина, а въ діаметрѣ около $1\frac{1}{2}$ аршина и было построено довольно искусно. Основаніе гнѣзда составляли стебли и корни камыша, а главную массу—торфяной мохъ (sphagnum). На очень тонкой выстилкѣ изъ пуха и перьевъ лежало 6 яицъ ровнаго блѣдно-сѣро-желтоватаго цвѣта; яйца были сильно насижены; въ одномъ изъ нихъ, которое я вскрылъ на другой день, оказался уже сформировавшійся лебеденокъ. Самка сидѣла на гнѣздѣ въ то время, какъ самецъ плавалъ вокругъ. При приближеніи лодки самка, предупрежденная крикомъ самца, слетѣла въ воду и затѣмъ обѣ птицы улетѣли. Но, спустя не болѣе $\frac{1}{4}$ часа, когда лодка была спрятана въ камышѣ, обѣ птицы появились опять, опустились на воду и вскорѣ опять самка подплыла къ гнѣзду и взобралась на него. Однако, самецъ замѣтилъ что-то подозрительное; самка быстро сошла съ гнѣзда въ воду и затѣмъ приблизилась къ засадѣ. Неудачный выстрѣлъ спугнулъ обѣихъ птицъ. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день обѣ птицы были опять у гнѣзда и на этотъ

разъ самка была убита. Грудь и брюхо ея были сильно ощипаны, такъ что перья, выстилавшія гнѣздо, несомнѣнно принадлежали ей". Вылупившихся птенцовъ въ Уфимской губ. находятъ уже въ концѣ мая, но это вѣроятно раннiе. Въ Казанской птенцы вылупляются во второй половинѣ iюня. На нижней Печорѣ Зибомъ и Броунъ нашли нѣсколько гнѣздъ кликуна, въ которыхъ было отъ 2 до 4 яицъ. Гнѣзда были устроены въ заросляхъ ивняка изъ камыша и толстыхъ травяныхъ стеблей. Яйца имѣютъ въ длину отъ 4,7 до 4,2 д. и въ дiаметрѣ отъ 2,9 до 2,65 д. Когда птенцы подрастутъ съ утку, родители уводятъ ихъ съ собою на рѣку, гдѣ и остаются до отлета, забираясь только на время линьки въ болѣе укромное мѣсто. На Каспiйскомъ морѣ лебеди для линьки уплываютъ въ открытое море или къ дальнимъ островамъ, такъ какъ отлично знаютъ свою безпомощность, благодаря одновременному выпаденiю большихъ перьевъ, вслѣдствiе чего линяющiе лебеди, какъ и гуси, совершенно не могутъ летать въ продолженiе одной или двухъ недѣль, т.-е. до тѣхъ поръ, пока новыя перья выростутъ и окрѣпнутъ. Перелинявши, старыя птицы опять соединяются съ молодыми и, образовавъ стада отъ 10 до 50 штукъ, постепенно отлетаютъ на свои зимовки. На пролетѣ по рѣкамъ останавливаются отдыхать на косахъ, отмеляхъ и островахъ, а кормятся или по озерамъ, или летаютъ въ луга и поля. Впрочемъ, осенью лебеди часто летятъ, минуя теченiя рѣкъ и придерживаясь озеръ, чего весною не дѣлаютъ, такъ какъ озера вскрываются послѣ рѣкъ. Пищу лебедя составляютъ водяныя растенiя, водяныя насѣкомыя, слизняки и многiя другiя вещества. Что касается времени осенняго пролета, то для средней Россiи онъ длится съ конца сентября до конца октября, если не говорить о рѣдкихъ зимующихъ особяхъ. На Каспiйское море пролетныя стада лебедей прибываютъ съ конца октября, и длится пролетъ въ болѣе южныя части моря до декабря. На Черное море лебеди прилетаютъ около декабря".

122. Лебедь малый.

Cygnus bewicki, Yarr.

Табл. 127.

Мензбиръ. Птицы Россіи, т. I, стр. 714.

Свѣдѣнія о распространеніи у насъ и образѣ жизни малаго лебедя совершенно ничтожны. Временами онъ посѣщаетъ окрестности Варангеръ-фіорда, гнѣздится около Бѣлаго моря, въ дельтѣ Печоры, на Колгуевѣ и на Новой Землѣ. На пролетѣ бываетъ подъ Петербургомъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, добытъ въ Курской губ., наблюдался въ Пермской и Астраханской. Повидимому, особи этого вида, гнѣздящіяся на Новой Землѣ, на Колгуевѣ и въ нашихъ сѣверныхъ тундрахъ, зимуютъ предпочтительно на морѣ у Британскихъ о—въ, пролетая туда отчасти норвежскимъ побережьемъ, отчасти Балтійскимъ моремъ, и только случайно попадаютъ съ этого пути въ бассейнъ Чернаго моря. Напротивъ, изъ западно-сибирскихъ тундръ малый лебедь, повидимому, правильно пролетаетъ на зимовку на Каспіѣ.

По образу жизни, какъ кажется, сходенъ съ кликуномъ.

---

123. Лебедь шипунъ.

Cygnus olor, J. S. Gmelin.

Табл. 128.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 716.
Болѣе распростр. названіе: *лебедь шипунъ.*

Мѣстныя названія: *лебедь шипунъ, лебедь шовкунъ* (на Днѣстрѣ).
Польск.—*łabędz głuchy.*—Калм.—*суркура.*

Шипунъ распространенъ въ настоящее время далеко не такъ широко, какъ кликунъ; кромѣ того, онъ занимаетъ болѣе южную область, нежели кликунъ и малый лебедь, хотя мѣстами гнѣздится вмѣстѣ съ кликуномъ.

У насъ шипунъ въ большомъ количествѣ гнѣздится въ области Чернаго моря, именно: на Прутѣ, на Днѣстрѣ, о. Тендрѣ, Сарабулатскихъ о—вахъ близъ западной оконечности Крыма, на оо. Сиваша и вѣроятно во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ 50-хъ годахъ еще гнѣздился въ Харьковской губ., но послѣ перевелся.

Въ юго-восточной Россіи шипунъ въ большомъ количествѣ гнѣздится въ камышахъ по сѣверному побережью Каспійскаго моря, въ дельтѣ Терека, на нижней Волгѣ къ сѣверу до Сарепты и на Сарпинскихъ озерахъ. Въ Оренбургскомъ краѣ шипунъ—правильно гнѣздящаяся птица, но вовсе не многочисленная. Въ Уфимской губ. онъ бываетъ только на пролетѣ, но въ юго-западной части Пермской губ. (Полевская дача) гнѣздится, и, какъ говорятъ, даже въ большемъ числѣ, нежели кликунъ. Во всѣ части центральной Россіи шипунъ только залетаетъ, но какъ далеко къ сѣверу—я не могу опредѣлить. Во всякомъ случаѣ онъ бываетъ отъ времени до времени въ Тульской и Орловской губ. и на сѣверо-западъ долетаетъ до Польши.

Шипунъ зимуетъ на Черномъ морѣ и на Каспійскомъ побережьѣ Закавказья, хотя въ послѣднемъ мѣстѣ не гнѣздится.

Сдѣланное С. Т. Аксаковымъ описаніе шипуна такъ хорошо извѣстно всѣмъ охотникамъ, что приводить его здѣсь было бы излишне. Фактическихъ данныхъ о разныхъ явленіяхъ въ жизни этой птицы у насъ, къ сожалѣнію, чрезвычайно мало.

Добываніе лебедей.

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что лебедь является скорѣе предметомъ случайной, нежели настоящей охоты. При осторожности этой птицы, подобраться къ ней—дѣло очень трудное. Поэтому охотники чаще всего и не пробуютъ подкрасться къ лебедю, а практикуютъ стрѣльбу изъ засады. Такая охота производится у насъ въ южной Россіи, особенно по нижнему теченію Волги, преимущественно осенью.

Замѣтивъ озера, на которыхъ кормятся лебеди, что безошибочно можно узнать по присутствію вырванной съ корнемъ травы, охотники подъ вечеръ садятся въ камыши, а гдѣ ихъ мало, устраиваютъ шалаши изъ хвороста или сѣна, и ждутъ, когда лебеди, прилетающіе на озера кормиться, подплывутъ на разстояніе выстрѣла. Само собою разумѣется, что ждать приходится долго и часто совершенно безуспѣшно, да и не во всякую ночь можно стрѣлять. Тамъ, гдѣ лебеди не напуганы, ихъ можно сторожить такимъ образомъ и днемъ; но напуганные, они не остаются днемъ на озерѣ, а улетаютъ отсюда на большій водный просторъ, гдѣ имъ легче наблюдать за приближеніемъ врага, и гдѣ послѣднему невозможно укрыться отъ ихъ зоркаго глаза.

Удобнѣе всего стрѣлять лебедя, когда онъ только что поднялся съ воды: тутъ онъ летитъ низко и медленно, и если охотникъ успѣетъ заблаговременно спрятаться, въ такомъ случаѣ его ожидаетъ вѣрная добыча.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется промысловое добываніе лебедей: и на югѣ, и на сѣверѣ промышленники пользуются для этого лѣтними мѣсяцами, когда лебедь линяетъ и совсѣмъ не можетъ летать вслѣдствіе потери или слабости большихъ маховыхъ перьевъ. На такъ наз. Мертвомъ Култукѣ Каспійскаго моря это добываніе лебедей носитъ названіе „гонки“ и даетъ уральскимъ казакамъ очень хорошій заработокъ какъ въ видѣ цѣлыхъ шкуръ лебедя, такъ и въ видѣ пуха и перьевъ. Для гонки лебедей казаки собираются артелями человѣкъ въ 15, подъ предводительствомъ старшаго или „артельнаго“ и, запасшись всѣмъ необходимымъ, выѣзжаютъ въ море въ кусовыхъ лодкахъ или салмовкахъ, на которыхъ держатъ для гонки особыя легкія и чрезвычайно вертлявыя лодочки, въ родѣ душегубокъ, такъ наз. „будары“. Придя къ мѣсту лова, казаки высматриваютъ лебедей, спускаютъ будары и начинаютъ ловлю раннимъ утромъ. Прежде всего ловцамъ предстоитъ отрѣзать лебедей отъ берега, для чего туда посылаются всѣ или нѣсколько бударъ, а когда это достигнуто, и лебеди, не имѣя возможности улетѣть, плывутъ въ море, охотники гонятся за ними на бударахъ, пока птицы не выбьются изъ силъ. „Тогда ту, которая устала, — пишетъ г. Бобылевъ,— и дается въ руки, берутъ мирно, а ту, которая защищается, бьютъ весломъ. Ошеломленныхъ втаскиваютъ въ лодку, подвернувъ имъ головы съ длинной шеей подъ плечевую кость крыла. Послѣ того несчастная птица безсильна. Очень

любопытно смотрѣть, какъ на восходѣ солнца двадцать или пятнадцать черныхъ точекъ крадутся осторожно, какъ воры, подъ берегомъ, чтобы отрѣзать отъ него и отпугнуть лебедя въ море, и затѣмъ всѣ летятъ, какъ стрѣла, въ догонку. Этотъ послѣдній ударъ очень интересенъ и не легокъ. Лебедь сначала плыветъ быстро и уходитъ нерѣдко отъ преслѣдователей изъ вида. Неопытные зрители могутъ предположить, что все потеряно; однако, терпѣніе и настойчивость преслѣдователей дѣлаютъ свое дѣло, и обезсиленной птицѣ рѣшительно некуда дѣваться, и приходится отдаться великодушію побѣдителя. Но,—увы!—тщетно! Птица привозится на лодку, рѣжется, съ нея сдираютъ серебристую шкурку, которая выворачивается, чтобы не марать пуха и пера, потому что она очень жирна, пересыпается солью или смачивается тузлукомъ и убирается. Маховыя перья *) выдергиваются, доставляя писчее перо, а мясо иногда солится и употребляется на варево, доставляя жирную похлебку. Лебедь могъ бы быть вкусенъ, если-бъ птица была выдержана и мясо ея вымочено. Къ сожалѣнію, время лова, т.-е. болѣзненный періодъ линянія, когда птица худѣетъ, соленая вода для варева, неимѣніе приправъ, оставляетъ ее худой, жесткой и безвкусной въ морѣ, гдѣ она даетъ нѣкоторый вкусъ похлебкѣ и смягчаетъ морскую воду".

Артели нанимаются обыкновенно къ какому-нибудь частному предпринимателю издѣльно, коп. по 40 — 50 со штуки загнаннаго лебедя. Добыть въ день 150 штукъ на 15 человѣкъ считается плохой добычей: хорошій уловъ даетъ 300—400 лебедей въ день. Предприниматели получаютъ отъ этого лова хорошій барышъ, но для казаковъ гонка — промыселъ трудный и даже изнурительный. Къ тому же, они работаютъ всегда на плохихъ харчахъ, даже варятъ на соленой водѣ, большею частію не имѣютъ водки, и потому, при жестокой жарѣ, многіе изъ нихъ платятся тяжелымъ заболѣваніемъ.

Сдѣлать подсчетъ матеріальной выгодѣ отъ этого варварскаго способа истребленія лебедей нѣтъ никакой возможности при полной безконтрольности промышленниковъ, но несомнѣнно, что этимъ способомъ истребляются тысячи лебедей.

Самоѣды точно такъ же пользуются неспособностью линяющихъ лебедей летать и, подплывая къ нимъ въ лодкахъ, убиваютъ стрѣлами изъ луковъ, или выгоняя на берегъ, затравливаютъ собаками и убиваютъ просто палками.

Наконецъ, по словамъ г. Михайлова, кореляки ловятъ лебедя капканами во время весеннихъ разливовъ. Капканы ставятся на мелкихъ мѣстахъ; приманкою служитъ пучокъ травы. Завидѣвъ зеленую травку, лебедь опускаетъ въ воду свою шею, но капканъ схватываетъ его за голову и убиваетъ мгновенно.

*) Которыя еще не выпали.

124. Гусь бѣлый.

Anser hyperboreus, Pall.

Табл. 129.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 722.

Мѣстное названіе: *бѣлый гусь.*
Якут. — *юргунъ-касъ.* — Ост. — *унгула-хотенъ* (Берез.) — Ламут. — *гилтамли.* — Юрац.-самоѣд. — *варакъ.*

Бѣлый гусь — рѣдкая залетно-пролетная птица Европ. Россіи, гдѣ, повидимому, чаще другихъ мѣстъ встрѣчается въ области Волги. Упоминается для Пермской и Оренбургской губ., небольшими стайками, штукъ до 10, бываетъ на пролетѣ подъ Астраханью. Радде говоритъ со словъ охотниковъ, что эти птицы встрѣчаются зимою на Каспійскомъ морѣ въ Кизилъ-Агачскомъ заливѣ между многими дикими гусями небольшими стаями, которыя очень пугливы.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Кесслеромъ, бѣлые гуси были замѣчены въ 1851 г. въ окрестностяхъ Кіева и имъ самимъ одинъ, въ стаѣ другихъ, надъ самымъ городомъ.

125. Казарка черная.

Anser brenta, Briss.

Табл. 130.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 724.

Болѣе распростр. названія: *черная казарка, нѣмокъ.*

Мѣстныя названія: *нѣмокъ* (на Ленѣ и въ Камчаткѣ); *морской гусь, казарка* (Петербург. губ.); *ревушка* (у поморовъ); *черная казарка* (Бѣлое море).

Эст.—*lagel, lagles.*—Фин.—*sepelhanhi, mustahanhi.*

Якут. — *хардыръ - гасъ.* — Ламут. — *каркалму.* — Кор. — *веншопоаль.* — Камч. — *терадъ.*

Черная казарка несомнѣнно гнѣздится на Колгуевѣ и на Новой Землѣ и, быть можетъ, гнѣздится на Вайгачѣ. Прилетаетъ сюда двумя путями: со стороны Варангеръ-фіорда, слѣдуя берегомъ Кольскаго полуо—ва къ Канинскому и отсюда на Вайгачъ и Новую Землю, и со стороны Балтійскаго моря. Послѣдній путь начинается изъ южной части Балтійскаго моря двумя вѣтвями: одна идетъ черезъ Лифляндію и Пейпусъ къ Финскому заливу, другая приводитъ сюда эстляндскимъ побережьемъ. Перелетѣвъ черезъ Финскій заливъ, казарки собираются на Аландскихъ о—вахъ и нюландскомъ побережьи и отсюда направляются черезъ озерную область къ Бѣлому морю, минуя Архангельскъ, гдѣ только изрѣдка встрѣтится заблудившійся экземпляръ этой птицы. Долетѣвъ до горла Бѣлаго моря, стаи слѣдуютъ вдоль восточнаго берега Кольскаго полуо—ва, черезъ Поной, Три острова, Сосновецъ, Моржовецъ, и затѣмъ направляются къ Новой Землѣ. Внѣ этихъ пролетныхъ путей черная казарка встрѣчается въ нашей странѣ только случайно, сбившись съ дороги или слѣдуя за другими гусями.

Такъ она бываетъ въ Польшѣ, въ центральной Россіи, б. м. на озерахъ къ востоку и западу отъ южныхъ частей Уральскаго хребта и не лишено вѣроятія, что попадаетъ даже на Черное море.

На Балтійскомъ морѣ весенній пролетъ длится съ конца апрѣля по конецъ мая, осенній — въ теченіи сентября и октября. Черная казарка летитъ большими массами, особенно на осеннемъ пролетѣ, но въ разные годы количество ея сильно колеблется въ зависимости отъ состоянія полярнаго лѣта.

---

126. Казарка бѣлощекая.

Anser leucopsis, Bechst.

Табл. 131.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 727.

Мѣстныя названія: Эст. — *lagles, pugala lagles.* — Фин. — *valkeaposki hanhi.*

У насъ бѣлощекая казарка встрѣчается только на пролетѣ, въ то же время и на тѣхъ же пролетныхъ путяхъ, что и предыдущій видъ, т.-е. въ области Варангеръ-фіорда съ одной стороны, и на побережьѣ Прибалтійскаго края, на Чудскомъ озерѣ, на побережьѣ Петербургской губ., въ южной береговой полосѣ Финляндіи и на Аландскихъ о-вахъ съ другой. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ отдѣльныя особи залетаютъ въ Польшу. Съ Финскаго залива, конечно, летитъ къ Бѣлому морю, но правильнаго пролета здѣсь бѣлощекой казарки еще никому не удалось наблюдать, отдѣльные же экземпляры залетаютъ и подъ Архангельскъ. Какъ гнѣздящаяся птица бѣлощекая казарка можетъ быть приписана у насъ только Колгуеву, гдѣ очень немногочисленна, и Новой Землѣ.

127. Казарка краснозобая.

Anser ruficollis, Pall.

Табл. 132.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 730.
Болѣе распростр. названіе: *краснозобая казарка.*

Мѣстныя названія: *чаквой, морская казарка* (на Оби); *рыжешейка, рыжешеяя казарка, цвѣтная казарка* (Сарпа); *чубарая казарка* (на Уралѣ).

Краснозобая казарка гнѣздится въ тундрахъ западной Сибири отъ нижней Оби до нижняго Енисея, едва ли удаляясь отъ морского берега на гнѣздовьѣ далѣе 500 верстъ. Такъ какъ эта птица зимуетъ только въ южной части Каспійскаго моря, естественно, что и область ея правильнаго пролета представляетъ собою довольно узкую полосу, за предѣлы которой краснозобая казарка залетаетъ лишь рѣдко и случайно. Вотъ какъ я опредѣлилъ въ свое время пролетный путь краснозобой казарки:

„Пролетный путь краснозобой казарки начинается на сѣверѣ въ долинѣ р. Таза, затѣмъ переходитъ на нижнюю Обь и отсюда на Иртышъ. Съ Иртыша онъ продолжается по Тоболу и такимъ образомъ доходитъ до р. Урала въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ р. Орь. Отсюда краснозобая казарка главною массою летитъ прямо черезъ степь къ Калмыкову на Уралѣ, верстахъ въ 200 отъ устья рѣки, потомъ спускается по Уралу къ Каспійскому морю и вдоль берега послѣдняго долетаетъ до его южной части, гдѣ и остается зимовать. Только небольшое число краснозобой казарки пролетаетъ долиною рѣки Урала въ ея среднемъ теченіи и съ Тобола летитъ прямо черезъ Киргизскія степи Западной Сибири къ нижнему теченію Сыръ-Дарьи, вѣроятно слѣдуя отсюда побережьемъ Аральскаго моря и далѣе опять-таки долетая до южной части Каспійскаго моря. На обратномъ пролетѣ весною масса краснозобой казарки, поднявшись къ сѣверу до устья Волги, частью продолжаетъ летѣть правильнымъ путемъ, т.-е. къ устью р. Урала, на Калмыковъ, Орскъ, Тоболъ и т. д., часть же сворачиваетъ на Волгу и поднимается ея долиной до Саренты, оста-

навливаясь на короткое время на Сарпѣ, откуда вылетаетъ на р. Уралъ къ Уральску. Отдѣльныя стайки краснозобой казарки и весною и осенью летятъ внѣ главнаго пролетнаго пути, особенно въ киргизскихъ степяхъ, останавливаясь по рѣкамъ и озерамъ, и отчасти самостоятельно, отчасти увлекаясь за другими гусями, даже совершенно сбиваются съ дороги. Такимъ образомъ у насъ краснозобая казарка залетаетъ къ Архангельску, въ Финляндію, въ область Камы, средней Волги и Оки и даже въ Польшу и Новороссійскій край. Многія особи пролетаютъ даже далѣе и, за исключеніемъ Испаніи, въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ бы не была найдена краснозобая казарка. Въ Азіи эта птица залетаетъ на востокъ до Иркутска".

Что касается времени пролета, то изъ южной части Каспійскаго моря краснозобая казарка отлетаетъ уже въ послѣднихъ числахъ февраля, и въ началѣ марта появляется подъ Астраханью. Однако дальнѣйшее движеніе къ сѣверу изъ Киргизскихъ степей описываемая казарка начинаетъ лишь въ апрѣлѣ, едва ли прибывая на мѣста своего гнѣздовья ранѣе конца мая. Осенній отлетъ съ родины начинается въ первой половинѣ сентября, въ концѣ сентября и въ октябрѣ казарки тянутъ черезъ киргизскія степи, въ ноябрѣ прилетаютъ на свою зимовку.

---

128. Казарка бѣлолобая.

Anser albifrons, Scop.

Табл. 133.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 133.

Болѣе распростр. названія: *казарка бѣлолобая, казарка.*

Мѣстныя названія: *казарка* (б. или м. повсемѣстно); *средняя, бѣлолобая казарка, казарка: лысушка, плѣшивка* (Екатеринб., Шадринск. у.); *казарка, казара, гусь казанокъ* (на Сарпѣ); *гаркавый гусь* (въ Малоросс.); *каргарка* (на Днѣстрѣ); *чугайка* (въ Сибири).

Фин. — *iso kiljuhanhi.* — Монг. — *ачинъ.*—Кал. — *шошинаръ-галимъ.* — Башк.— *кара-касъ.*— Тунг.— *илэли.*— Лам.—*каркалу.*—Вог.—*лукъ.*—Ост.— *кирри-семъ, ай-лонтъ.*— Самоѣд.— *сингерес.*— Якут.— *люглюя, хапъ-халасъ.*— Камч.—*кейрешь, кересидъ.*

Бѣлолобая казарка гнѣздится на Канинскомъ полуостровѣ, на Колгуевѣ и на Новой Землѣ, повидимому не гнѣздится на Вайгачѣ и не наблюдалась на нижней Печорѣ. На пролетѣ встрѣчается во всей Европ. Россіи, за исключеніемъ Лапландіи и внутреннихъ частей Финляндіи, но въ большомъ количествѣ конечно по такъ наз. пролетнымъ путямъ, которые ведутъ къ ея гнѣздовой области съ зимовокъ, т.-е. съ Средиземнаго, Чернаго и Каспійскаго морей.

Такъ какъ нашимъ охотникамъ приходится имѣть дѣло съ пролетными казарками, я дополню эти свѣдѣнія слѣдующею выдержкою изъ моей книги „Птицы Россіи".

„Подобно другимъ гусямъ, бѣлолобая казарка на пролетѣ и зимою является въ высшей степени общественной птицей. Трудно представить себѣ тѣ стаи, которыя собираются, наприм., въ степяхъ, лежащихъ верстъ на 10—15 отъ низовья Днѣстра и его лимана. А. А. Браунеръ говоритъ, что во время пролета казарокъ здѣсь вѣчно слышенъ неумолкаемый крикъ безчисленныхъ табуновъ, которые утромъ съ большихъ озеръ и съ лимана летятъ въ степь на кормежку, а вечеромъ, часто уже въ сумерки, снова тянутъ къ водѣ. Иногда бываютъ табуны въ нѣсколько тысячъ штукъ, но чаще по нѣсколько сотъ. Въ Крыму бѣлолобая казарка держится обыкновенно съ конца сентября

до марта, но въ очень суровыя зимы казарки въ декабрѣ улетаютъ южнѣе. Въ юго-западномъ углу Каспійскаго моря бѣлолобыя казарки и осенью прилетаютъ позднѣе, въ октябрѣ, и весною улетаютъ ранѣе, въ февралѣ. Но при дальнѣйшемъ теченіи время пролета на понтійскомъ и каспійскомъ пути сравнивается, такъ какъ, прилетѣвши въ область нижней Волги и Урала, казарки дѣлаютъ здѣсь продолжительныя стоянки, и подъ Оренбургомъ главный пролетъ ихъ бываетъ только въ половинѣ апрѣля, на свои же лѣтнія квартиры за полярнымъ кругомъ бѣлолобая казарка прилетаетъ цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе, а то и болѣе. Надо, впрочемъ, сказать, что казарки не летятъ годъ изъ году по однѣмъ и тѣмъ же вѣточкамъ главныхъ пролетныхъ путей. Иногда какія-то причины заставляютъ ихъ мѣнять старую излюбленную дорогу на новую, и тогда вмѣстѣ съ измѣненіемъ направленія пролетнаго пути измѣняются и мѣста стоянокъ. Весьма возможно даже, что именно измѣненіе условій стоянокъ и добыванія корма заставляетъ казарокъ мѣнять малые пролетные пути. Въ разгаръ пролета описываемыя птицы летятъ стаями, которыя часто непосредственно слѣдуютъ другъ за другомъ, на разстояніи одной или полутора версты, пролетая надъ одними и тѣми же озерами, селеніями, деревьями и т. д. Летятъ обыкновенно очень высоко, или косой линіей или тупымъ угломъ, и время отъ времени мѣняются мѣстами, при чемъ стая временно смѣшивается, но потомъ опять выстраивается. Иногда, вѣроятно при усталости, линія казарокъ начинаетъ сильно, волнообразно колебаться или изъ стороны въ сторону, или сверху внизъ; на полетѣ казарки, подобно другимъ гусямъ, держатся вытянувъ впередъ шею и быстро, и сильно машутъ крыльями. Хотя въ разгаръ пролета казарки летятъ и днемъ и ночью, но предпочтительно пролетъ происходитъ ночью, днемъ же стада останавливаются на отдыхъ и чтобы пастись. Ночью казарокъ безъ труда можно опредѣлить по ихъ крику, который хотя и напоминаетъ собою крикъ сѣраго гуся, но болѣе трубный и чаще повторяется“.

---

129. Казарка малая бѣлолобая.

Anser erythropus, L.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 740.

Мѣстныя названія: *малая казарка, пискулька* (Пермск.).
Фин.—*kiljhuhanhi, killiohanhi.*—Лапл.—*руёдди-чуонья, тьюонья, укка-чуоньягасъ, кэльпиньюнчуонья, гайбенъ-юдне-чуонья.*

Повидимому, малая казарка только въ Лапландіи гнѣздится одна, безъ своего болѣе крупнаго родича, на Канинскомъ полуо—вѣ гнѣздятся оба вида, еще далѣе на востокъ, насколько можно судить по пролету малой казарки въ восточной Россіи и по ея отсутствію на Колгуевѣ и Новой Землѣ, она, вѣроятно, гнѣздится вмѣстѣ съ большой бѣлолобой казаркой въ полярныхъ странахъ Сибири.

Въ небольшомъ числѣ найдена на пролетѣ въ Польшѣ и Петербурской губ., и нормально пролетаетъ береговой областью Финляндіи и подъ Архангельскомъ, направляясь въ Канинскую тундру. Въ средней Россіи малая казарка бываетъ только случайно, что стоитъ въ связи съ тѣмъ, что она не зимуетъ на Черномъ морѣ. Напротивъ, на Каспійскомъ морѣ этотъ видъ зимуетъ въ большомъ количествѣ, и потому не удивительно, что онъ обыкновененъ на пролетѣ отсюда по Волгѣ и Камѣ въ западную Сибирь или обратно.

Мы не даемъ рисунка этого гуся, потому что, кромѣ величины, онъ ничѣмъ не отличается отъ предыдущаго вида.

130. Гуменникъ.

Anser segetum, Gm.

Табл. 134.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 741.

Болѣе распростр. названія: *гуменникъ, гусь гуменникъ.*

Мѣстныя названія: *гуменникъ* (Поволжье), *сибирякъ* (Казан. губ.); *нямтырь, нямая казарка, хрушкой* (Пермск. губ.); *гусь, дикій гусь* (у помор.). Пол.—*gęs polna, gęs zbożowa.*—Фин.—*hanhi, isohanhi, komahanhi, metsähanhi.*—Лоп.—*чонъ, чуонья, стуора чуонья.*

Говоря вообще, гуменникъ гнѣздится южнѣе бѣлолобой казарки, но кой-гдѣ оба гуся гнѣздятся вмѣстѣ. Въ Лапландіи, за исключеніемъ морского побережья, гуменникъ вездѣ обыкновененъ. Въ Финляндіи гнѣздится къ югу до 62° с. ш., но въ широкой прибрежной полосѣ Ботническаго залива бываетъ только на пролетѣ. Отдѣльныя парочки гнѣздятся даже кой-гдѣ въ Лифляндіи. На востокъ отъ Лапландіи и Финляндіи гуменникъ гнѣздится подъ Архангельскомъ, на Колгуевѣ, на Новой Землѣ и въ тундрахъ по нижнему теченію Печоры. Въ Зауральской области гуменникъ, по всей вѣроятности, гнѣздится къ югу до 75° с. ш. Нормально гуменникъ зимуетъ на Черномъ морѣ, прилетая въ Крымъ въ концѣ сентября и улетая отсюда въ половинѣ марта, по большимъ рѣкамъ Закавказья, и вѣроятно, на Каспійскомъ морѣ; но въ мягкія зимы онъ остается даже на Балтійскомъ морѣ. Распространеніе гуменника въ періодъ гнѣздованія и его зимовки въ достаточной степени объясняютъ намъ, что на пролетѣ онъ встрѣчается во всей Россіи; однако исключительно онъ принадлежитъ только западной и центральной части страны; въ восточной Россіи онъ очень рѣдокъ, уступая свое мѣсто красноносому гуменнику, который въ свою очередь не встрѣчается уже въ центральной Россіи.

---

131. Гуменникъ красноносый.

Anser neglectus, Suschk.

Табл. 135.

Этотъ гуменникъ, отмѣченный и описанный П. П. Сушкинымъ уже по выходѣ въ свѣтъ моихъ „Птицъ Россіи", по экземплярамъ, добытымъ на пролетѣ въ Уфимской губ., и до сихъ поръ чрезвычайно мало извѣстенъ по своему распространенію. Правда, Треворъ Бэтти, повидимому, наблюдалъ его на Колгуевѣ и Зибомъ упоминаетъ гуменниковъ, подходящихъ къ красноносому, съ Новой Земли, но все это пока еще гадательно. Поэтому охотники изъ восточной Россіи и западной Сибири могутъ очень помочь выясненію вопроса о распространеніи красноносаго гуменника сообщеніемъ о немъ своихъ свѣдѣній. Помимо превосходнаго рисунка, прилагаемаго къ этой статьѣ и сдѣланнаго Лоджемъ, надо имѣть въ виду, что при общемъ сходствѣ съ гуменникомъ красноносый имѣетъ *лапы и середину клюва мясного,* а не оранжеваго цвѣта.

Привожу слѣдующее картинное описаніе повадокъ этого гуся на пролетѣ со словъ П. П. Сушкина.

„Весною, съ 16 апрѣля и кончая 3 мая, пишетъ онъ, я наблюдалъ подъ Уфой и въ окрестностяхъ Шунгакъ-куля стаи, иногда очень большія, какихъ-то гуменниковъ; гуси спѣшно летѣли на с.-в.; построеніе стаи было угломъ или прямою линіей, косо расположенной относительно направленія пролета. Судя по тѣмъ результатамъ, которые далъ осенній пролетъ, я склоненъ думать, что по крайней мѣрѣ значительная часть этихъ стай состояла изъ красноносаго гуменника. Осенній пролетъ красноносаго гуменника въ 1901 году начался 21 сентября, послѣ отлета сѣраго гуся; такое соотношеніе, по словамъ башкиръ, является правиломъ. Послѣ полудня въ этотъ день были замѣчены 4 большія стаи красноносаго гуменника, около сотни штукъ въ каждой, летѣвшія на ю.-з.-ю.; построеніе одной изъ нихъ было угломъ или „ключомъ", а три изъ нихъ были построены такъ, что отъ обѣихъ сторонъ угла отходило вбокъ по одной линіи, перпендикулярной къ направленію пролета. Голоса пролетныхъ гусей слышались и ночью, и на слѣдующій день на жнивахъ, озимыхъ поляхъ и

степи, въ окрестностяхъ Шунгакъ-куля была масса этихъ гусей. Многія мѣста представляли издали такой видъ, какъ будто за ночь ихъ распахали плугомъ,—до того они почернѣли отъ покрывавшихъ ихъ гусиныхъ стай. На слѣдующій день гусей стало еще больше. Все время стояла ясная осенняя погода и постепенно становилось все холоднѣе. На 29 и 30 сентября я съѣздилъ на Аслы-куль. Въ окрестностяхъ озера я наблюдалъ 29 сентября такую массу гусей, что всякое описаніе должно показаться блѣднымъ въ сравненіи съ дѣйствительностью. Летящія на озеро стаи могли бы буквально затмить свѣтъ солнца, а когда гуси поднимались съ полей, то отъ массы птицъ буквально рябило въ глазахъ, гуси мелькали, какъ хлопья снѣга въ непогоду. Къ ночи стало морозить, при ясной погодѣ и сильномъ вѣтрѣ, и уже на слѣдующій день гусей было замѣтно меньше. 1 октября я былъ снова на Шунгакъ-кулѣ; погода измѣнилась, снѣгъ и дождь чередовались съ ясной морозной погодой, которая затѣмъ опять смѣнялась оттепелью, и количество гусей все убывало. Послѣдніе гуси въ небольшихъ стайкахъ наблюдались 4 октября.

„Образъ жизни красноносаго гуменника во время остановокъ на пролетѣ довольно простъ; кормятся гуси въ полѣ или степи, ночуютъ на озерахъ и широкихъ старицахъ и туда же летаютъ пить въ теченіе дня. Восходъ солнца уже застаетъ гусей на кормежкѣ. Тамъ и сямъ, по жниву и озими или степи, темными пятнами разбросаны жирующія стаи гусей и лишь изрѣдка покажется запоздалая небольшая стайка, которая съ крикомъ летитъ съ озера присоединиться къ своимъ товарищамъ. Пасущіеся гуси понемногу подвигаются всею стаей дальше и дальше, оставляя послѣ себя порядкомъ-таки помятую озимь, и потихоньку перекликаются между собою; изрѣдка лишь слышны звонкіе голоса вожатыхъ—почти всегда при приближеніи какой-либо опасности. При приближеніи охотника гуси загогочутъ, стая взлетитъ, и если выстрѣла не было, опустится снова саженъ черезъ сто-полтораста, какъ бы испытывая терпѣніе охотника. Къ полудню гуси успѣваютъ насытиться, ѣдятъ болѣе лѣниво, по временамъ съ крикомъ расправляютъ крылья и, наконецъ, стая снимается и летитъ на воду. На полуденный водопой различныя стаи прилетаютъ въ различное время; обыкновенно можно застать гусей днемъ на водѣ отъ 11 до 2 часовъ дня, но если погода стоитъ сухая и солнышко замѣтно пригрѣваетъ, то гуси начинаютъ летѣть на воду уже съ 10 часовъ, а если погода сырая, особенно если выпалъ снѣжокъ, то многія стаи проводятъ на кормежкѣ весь день, довольствуясь тою влагой, которой смоченъ кормъ. Прилетѣвшая на воду стайка иногда дѣлаетъ кругъ прежде чѣмъ сѣсть, а обыкновенно прямо спускается съ довольно большой высоты. Странно видѣть, что, опускаясь на воду, гусь иногда кидается книзу очень быстро, головою впередъ, дѣлая при этомъ такіе повороты, что имъ можетъ позавидовать любая изъ настоящихъ утокъ. Не зная этой повадки, я нерѣдко упускалъ случаи выстрѣлить по гусямъ: летитъ стая высоко внѣ выстрѣла—и вдругъ гуси кидаются

книзу съ такою быстротой, что слышится свистъ, и проносятся мимо самой засады. Стайка падаетъ на воду обыкновенно подальше отъ берега; гуси усядутся, попьютъ воды, выкупаются и затѣмъ снимаются и снова летятъ въ поле; на смѣну имъ летятъ новыя стайки и, хотя каждая проводитъ на водѣ не болѣе получаса, все время водопоя на озерѣ есть гуси, и въ воздухѣ стоитъ сумятица отъ прилетающихъ и улетающихъ стай. Особенно удобно наблюдать всю эту картину на какомъ-либо небольшомъ озеркѣ, гдѣ гуси должны по необходимости сильнѣе скучиваться. Еще интереснѣе картина прилета гусей на озеро на ночь. Чтобы наблюдать ее полностью, я садился въ засаду часовъ съ трехъ по полудни. Время водопоя уже прошло; на озерѣ остаются лишь отдѣльныя, запоздалыя стайки; вскорѣ слетаютъ и эти гуси; подобраться къ нимъ на выстрѣлъ было бы трудно, да, кромѣ того, стрѣльба, навѣрное, помѣшаетъ дальнѣйшимъ наблюденіямъ. Устроивъ себѣ засаду гдѣ-либо въ камышѣ или кустахъ, я усаживался въ ней, чтобы уже не трогаться съ мѣста до самаго прилета гусей; какъ будетъ ясно изъ послѣдующаго, надо наклонить или связать вѣтки такъ, чтобы сидящаго въ засадѣ человѣка по возможности не было видно сверху. Съ отлетомъ послѣднихъ стаекъ гусей на озерѣ наступаетъ тишина, прерываемая лишь попискиваніемъ князьковъ и запоздалыхъ болотныхъ овсянокъ. Отъ времени до времени налетаютъ и садятся на озеро стайки утокъ, но опять-таки по нимъ не приходится стрѣлять, а къ тому времени, когда уже приближается прилетъ гусей на ночевку, утокъ необходимо прямо спугнуть, иначе онѣ испортятъ все дѣло. Гуси, да и не только красноносый, а и всѣ, какихъ мнѣ приходилось наблюдать, садятся на воду обыкновенно съ большими предосторожностями, но разъ усѣвшись, они успокаиваются, и охотникъ ради удобнаго выстрѣла можетъ даже высунуться изъ засады, особенно подъ вечеръ, когда начнетъ темнѣть; утки, напротивъ, кидаются на воду очертя голову, но большинство изъ нихъ, особенно кряковая, все время зорко смотрятъ по сторонамъ, и лишь какая изъ нихъ замѣтитъ что-либо неладное, закрякаетъ, и всѣ перемѣстятся подальше отъ подозрительнаго сосѣдства и взбудоражатъ другихъ птицъ, сидящихъ тутъ же.

„Приблизительно за часъ — полчаса до заката солнца является на озеро передовой гусь, вожакъ какой-либо большой стаи. Держась все время на высотѣ не менѣе какъ двойного выстрѣла, гусь летаетъ надъ берегами озера, избраннаго для ночлега или, если озеро большое, разбитое полосами камыша на рядъ болѣе мелкихъ пространствъ незаросшей воды, то надъ краями такого пространства. Все время издавая свой громкій, двусложный крикъ, гусь кружитъ надъ озеромъ, отлетаетъ нѣсколько въ сторону, опять возвращается и надъ каждымъ сколько-нибудь сомнительнымъ предметомъ дѣлаетъ нѣсколько круговъ; если охотникъ, сидящій въ засадѣ, замѣтитъ, что гусь кружитъ надъ нимъ, то тутъ уже не надо шевелиться. Иногда гусь слетаетъ еще на какое-либо озерко по сосѣдству, посмотритъ тамъ и вернется снова доканчивать свой осмотръ. Послѣ этого гусь опять летитъ на

поле и спустя нѣкоторое время, приблизительно съ четверть часа, уже совсѣмъ на закатѣ солнца, возвращается въ сопровожденіи другого и осмотръ начинается снова. Теперь они летаютъ надъ озеромъ замѣтно ниже, и громкій крикъ постоянно чередуется съ тихимъ гоготаньемъ,—гуси какъ бы переговариваются. Я склоненъ думать, что передовой гусь — самецъ, а второй — самка; мнѣ казалось всегда, что второй гусь меньше; голосъ его далеко не такъ зыченъ. Этотъ осмотръ вдвоемъ заключается тѣмъ, что оба гуся спускаются на средину озера, выпьютъ воды, встрепенутся и затѣмъ взлетаютъ снова. Второй гусь опять летаетъ у береговъ озера, уже гораздо ниже, такъ что удачный выстрѣлъ пожалуй могъ бы его свалить, а передовой широкими кругами забирается все выше и выше, и крикъ его среди вечерняго затишья раздается все громче и громче. Наконецъ съ поля, съ той стороны, откуда явился передовой гусь, слышится какой-то неопредѣленный звукъ, сначала едва слышный и постепенно все усиливающійся. Это тронулись гуси съ поля. Звукъ становится все слышнѣе и слышнѣе, становится ясно, что это не непрерывный гулъ, а сумма многихъ сотенъ голосовъ, и передовой гусь отправляется навстрѣчу приближающимся полчищамъ. Крикъ усиливается до невѣроятія, слышенъ шелестъ сотенъ крыльевъ, какъ свистъ бури, несущійся по вершинамъ лѣса,— и гуси начинаютъ падать на озеро со всѣхъ сторонъ, сначала на средину, а затѣмъ ближе и ближе къ краямъ. Отъ гусинаго гоготанья, шлепанья по водѣ, хлопанья крыльями шумъ поднимается невообразимый; однажды въ такой моментъ у меня осѣклось шомпольное ружье и рѣзкій щелчокъ пистона нисколько не обезпокоилъ гусей; вѣроятно они его и не слыхали. Понемногу все успокаивается и слышится успокоивающее, тихое гоготанье стариковъ. Если погода стоитъ не вполнѣ тихая, то гуси всегда гребутъ противъ вѣтра и сбиваются подъ защиту камышей или кустовъ на ту сторону озера, которая обращена къ вѣтру; выходятъ ли они на берегъ, мнѣ не удалось замѣтить. На громадномъ Аслы-кулѣ, берега котораго на большей части своего протяженія голые и во многихъ мѣстахъ обрывистые, гуси въ тихую погоду ночуютъ на срединѣ озера и только въ сильный вѣтеръ уплываютъ подъ защиту береговыхъ обрывовъ. Къ сожалѣнію я не могъ съ точностью замѣтить, производится ли и на Аслы-кулѣ предварительный осмотръ озера стариками; мнѣ казалось, что тамъ этого не бываетъ. На утро, чуть свѣтъ, гуси, проголодавшіеся за ночь, отдѣльными стайками снимаются съ воды и снова летятъ въ поле. Такъ какъ охота на одномъ и томъ же небольшомъ озеркѣ можетъ производиться черезъ день, при чемъ въ послѣдующія охоты гуси вовсе не кажутся болѣе осторожными, чѣмъ въ первую, то я думаю, что стоянки красноносаго гуменника въ окрестностяхъ Шунгакъ-куля длятся менѣе двухъ сутокъ. Отлетъ стай, останавливавшихся на дневку, происходитъ, насколько я могъ замѣтить, послѣ полуденнаго водопоя и послѣ ночевки на водѣ; стая снимается и летитъ уже не въ поле, откуда пришла, а далѣе по направленію пролета“.

132. Гуменникъ коротконосый.

Anser brachyrhynchus, Baill.

Табл. 136.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 746.

Коротконосый гуменникъ, сходный съ красноносымъ по окраскѣ клюва и лапъ, но отличный по окраскѣ крыльевъ (у него переднія изъ большихъ кроющихъ предплечья свѣтло-голубовато-сѣрыя, одного цвѣта съ верхними кроющими кисти), найденъ у насъ гнѣздящимся около Колы. Упоминаемые Н. Н. Сомовымъ гуменники съ розовымъ носомъ и лапами едвали относятся къ этому виду: скорѣе къ предшествующему, столь обильному на пролетѣ въ восточной Россіи, откуда можетъ легко залетѣть въ Харьковскую губ. Напротивъ, коротконосый гуменникъ, какъ гнѣздящійся на Шпицбергенѣ и на Кольскомъ полу—вѣ, едва ли спускается такъ далеко къ югу и тѣмъ болѣе едва ли удаляется на такое большое разстояніе отъ моря.

Крыло коротконосаго гуменника не болѣе $17^1/_2$ д., длина верхняго клюва менѣе 2 д.

133. Гусь сѣрый.

Anser cinereus, Meyer.

Табл. 137.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 748.

Болѣе распростр. названія: *гусь, сѣрый* или *дикій гусь.*

Мѣстныя названія: *гусь, дикій гусь, сѣрый гусь: рѣчникъ, рѣчной гусь, гуменникъ; сѣрякъ* (на Камѣ); *гуска* (Малоросс.).

Польск.— *gęś gęgawa.*— Эст.— *mets ani.*—Лат.— *mescha sohs.*— Фин.— *harmaa hanhi.*— Вог.— *лунда, ляхъ, ялунтъ.*— Ост.— *югантъ-лонтъ, лонтъ.*— Самоѣд.— *чуикъ,* на Енисеѣ — *йетту, дьётто,* на Кети — *тёку.*— Тат.— *касъ.*— Чув.— *хоръ, хуръ.* — Морд.—*мази.*— Черем.— *камба.*— Вотяц.— *сшадшекъ.*— Мон.— *галу.*— Калм.— *галунъ.*—Тунг.— *нунгаки.*

„Область гнѣздовья сѣраго гуся,—писалъ я въ общемъ очеркѣ образа жизни и повадокъ этой птицы въ „Птицахъ Россіи“,—лежитъ не только южнѣе области гнѣздовья казарокъ, но и области гнѣздовья гуменника, хотя на Кольскомъ полу—вѣ эти гуси встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣстѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сѣрый гусь прежде былъ распространенъ у насъ болѣе, нежели теперь; причина этому лежитъ не столько въ прямомъ преслѣдованіи описываемой птицы человѣкомъ, сколько въ измѣненіи вида страны подъ вліяніемъ увеличивающейся густоты населенія; чѣмъ менѣе глухихъ мѣстъ, гдѣ исключительно гнѣздится сѣрый гусь, тѣмъ рѣже онъ встрѣчается въ извѣстной мѣстности. Но и въ настоящее время онъ еще распространенъ очень широко и мы постараемся сообщить объ этомъ возможно полныя свѣдѣнія, такъ какъ едва ли можно сомнѣваться, что Европ. Россія и Западная Сибирь съ Туркестаномъ являются коренной областью распространенія сѣраго гуся.

„На Кольскомъ полу—вѣ сѣрый гусь занимаетъ двѣ обособленныя области: одна прилежитъ къ Варангеръ-фіорду, другая къ Ботническому заливу; въ другихъ же мѣстахъ полу—ва гусь не встрѣчается. Послѣдняя область продолжается и въ собственно Финляндію, гдѣ сѣрый гусь гнѣздится въ широкой береговой полосѣ Ботническаго и Финскаго заливовъ, являясь обыкновеннымъ въ Улеаборгской губ. и

рѣдкимъ южнѣе; внутри страны гнѣздящимся не найденъ. Едва ли можно сомнѣваться, что эта птица гнѣздится въ южной части Олонецкой и юго-западной части Вологодской губ., и внѣ всякаго сомнѣнія гнѣздится въ области верхней Волги, хотя здѣсь чаще наблюдается на пролетѣ. Далѣе на востокъ сѣрый гусь еще встрѣчается въ Костромской и Вятской губ. и на Камѣ, не поднимаясь, однако, сѣвернѣе 59° с. ш. Что касается другихъ частей Пермской губ., то въ Богословскомъ округѣ сѣрый гусь уже не гнѣздится, хотя не вполнѣ взрослыя особи встрѣчаются здѣсь цѣлое лѣто; однако въ Ирбитскомъ и Верхотурскомъ у. вѣроятно гнѣздится и уже несомнѣнно и въ огромномъ количествѣ гнѣздится въ камышахъ степныхъ озеръ и рѣкъ Екатеринбургскаго и особенно Шадринскаго и Челябинскаго уѣздовъ. Въ области средней и нижней Волги и во всемъ Пріуральскомъ краѣ сѣрый гусь еще очень обыкновененъ. Въ шестидесятыхъ годахъ Н. А. Сѣверцовъ нашелъ его обыкновеннымъ по всему среднему теченію р. Урала, отъ устья Илека почти до Уральска, откуда теперь, какъ говоритъ Н. А. Зарудный, гусь почти совсѣмъ вытѣсненъ. Однако по Илеку, Хобдѣ и по камышистымъ, часто солоноватымъ степнымъ озерамъ и болотамъ эта птица еще очень обыкновенна. По Волгѣ сѣрый гусь гнѣздится до взморья.

„Что касается средней Россіи, то здѣсь сѣрый гусь наиболѣе вытѣсненъ человѣкомъ и совсѣмъ, напр., пересталъ гнѣздиться въ Тульской губ. Здѣсь онъ даже на пролетѣ рѣдокъ, такъ какъ собственно пролетные слѣдуютъ или восточнѣе или западнѣе. Однако въ губерніяхъ Рязанской, Владимірской, Ярославской и Новгородской гуси еще гнѣздятся. Вѣроятно гнѣздится хоть отдѣльными парами въ Петербургской губ. и, по свидѣтельству Руссова, гнѣздится въ Прибалтійскомъ краѣ по озерамъ, лежащимъ недалеко отъ морского берега, напримѣръ на Неххачскомъ озерѣ. Относительно Польши мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ тридцатыхъ годахъ сѣрые гуси гнѣздились въ болотахъ по р. Бзурѣ въ Ленчицкомъ уѣздѣ, но затѣмъ въ качествѣ гнѣздящихся птицъ перевелись и теперь встрѣчаются въ Польшѣ только на пролетѣ, но гораздо рѣже гуменника. Къ югу отсюда сѣрый гусь гнѣздится, и мѣстами даже нерѣдокъ, въ губерніяхъ, расположенныхъ по Днѣпру и Дону, такъ что можетъ считаться гнѣздящимся для всей южной полосы Россіи. Гнѣздится въ небольшомъ числѣ даже въ степной части Крыма, гдѣ остается и на зиму, и обыкновененъ здѣсь на пролетѣ. Что касается Кавказа, то здѣсь сѣрый гусь гнѣздится какъ на сѣверномъ Кавказѣ, по рр. Кубани и Тереку, такъ и въ Закавказьѣ на Гокчайскомъ оз. и на островахъ Каспійскаго моря. Пролетные пути сѣраго гуся общіе съ пролетными путями другихъ гусей.

„Въ Азіи сѣрый гусь гнѣздится въ центральной Персіи, въ Сибири, достигая полярнаго круга на Оби и только Байкальскаго озера и верховьевъ Амура въ восточной части страны, въ Монголіи и Туркестанѣ.

„Сѣрый гусь очень статная и сильная птица, которая никогда не смѣшивается въ стада съ другими дикими гусями, но очень охотно присаживается къ своему домашнему собрату.

„Это бузусловно общественная птица, но въ періодъ гнѣздованья пары держатся отдѣльно другъ отъ друга и только выводки съ подросшими молодыми соединяются въ стаи. Самецъ сходится съ самкой на всю жизнь и живетъ съ ней очень дружно, оберегая ее отъ опасности, помогая въ выхаживаніи дѣтей и т. д. Вообще это очень сильная, хотя и до крайности осторожная птица; раненый же и преслѣдуемый гусакъ защищается съ удивительной силой и ловкостью и наноситъ крыльями такіе сильные удары охотничьимъ собакамъ, что испытавшія ихъ уже боятся бросаться къ гусямъ. Полетъ гуся сильный и быстрый, но птица поднимается высоко только во время пролета, въ другое же время летитъ низко и при перелетахъ на мѣста кормежки обыкновенно по одной и той же дорогѣ. Плаваетъ и ныряетъ гусь также превосходно, но спасается ныряньемъ только въ періодъ линьки.

„Подобно своимъ собратьямъ, сѣрый гусь растительноядная птица; съ величайшей охотой пасутся гусиныя стаи на прибрежныхъ заливныхъ лугахъ, на зеленяхъ, а также и на поляхъ, гдѣ остались осыпавшіяся зерна. Эти птицы очень прожорливы и кормятся по крайней мѣрѣ два раза въ день, по зарямъ, и тогда наѣдаются до отвала, днемъ же, особенно въ жаркую пору, стаи отдыхаютъ, около воды, при чемъ одинаково охотно располагаются на отдыхъ какъ около прѣсной, такъ и около соленой воды. Во время отдыха, какъ и во время кормежки стая охраняется или однимъ или нѣсколькими сторожами, изъ старыхъ опытныхъ гусаковъ.

„Гуси пускаются въ отлетъ съ своихъ зимовокъ очень рано. На Черномъ какъ и на Каспійскомъ морѣ ихъ стаи снимаются и тянутъ къ сѣверу уже съ послѣднихъ чиселъ февраля, и какъ въ южной, такъ и въ восточной Россіи ихъ замѣчаютъ еще тогда, когда вездѣ лежитъ снѣгъ и только кой-гдѣ на рѣкахъ начала выступать вода. Въ это время гуси летятъ очень высоко, но позднѣе, когда снѣгъ сойдетъ съ полей, рѣки выйдутъ изъ береговъ и зазеленѣетъ первая травка, гусиныя стаи летятъ гораздо ниже, собственно тѣ, которыя или думаютъ остановиться на отдыхъ или же приближаются къ мѣстамъ своего гнѣздовья.

„Выше я замѣтилъ, что пары сѣрыхъ гусей сходятся на всю жизнь; вслѣдствіе этого, прилетѣвши на родину, птицы теряютъ мало времени передъ тѣмъ какъ приступить къ гнѣздовитію, такъ какъ вся ихъ задача сводится только къ тому, чтобы найти подходящее для гнѣзда мѣсто. Въ нѣсколько дней сѣрый гусь съ необычайнымъ искусствомъ выбираетъ самое глухое мѣсто порѣчной заросли ольхи, березы и другихъ деревьевъ, или такъ назыв. уремы, находитъ здѣсь или кочку или сухое мѣсто около вывороченнаго пня, и здѣсь-то самка устраиваетъ свое гнѣздо. Иногда оно бываетъ очень велико и въ та-

комъ случаѣ представляетъ большую кучу травы и камыша съ углубленіемъ посрединѣ, которое выстлано перьями и пухомъ. Число яицъ колеблется отъ 6 до 14, но чаще всего ихъ бываетъ 8 или 9. Чтобы показать, насколько рано прилетаютъ гуси на мѣста своихъ гнѣздовій и какъ быстро устраивается гнѣздо, достаточно сказать, что на низовьяхъ Плека первыя яйца находятъ уже въ концѣ апрѣля, а въ Лапландіи время кладки приходится на маѣ. Иногда снѣгъ лежитъ въ такомъ большомъ количествѣ, ледъ оттаялъ такъ мало, что весь пейзажъ носитъ на себѣ скорѣе зимній, чѣмъ весенній характеръ, но парочки сѣрыхъ гусей уже заняли свои укромныя мѣста, гдѣ со временемъ трава, камышъ и листва совершенно скроютъ ихъ отъ чьего бы то ни было взора. Гусакъ никогда не отходитъ далеко отъ своей дружки и либо держится около нея на берегу, либо плаваетъ тутъ же поблизости. Если все спокойно онъ отъ времени до времени вытягиваетъ къ ней свою шею и нѣжно гогочетъ, иногда нѣсколько распуская крылья. Если же какой звѣрокъ или хищная птица покажется поблизости отъ гнѣзда, гусакъ весь настораживается, начинаетъ нервно двигаться взадъ и впередъ и успокаивается спустя только много времени. Когда гусыня проголодается, гусакъ занимаетъ ея мѣсто, пока она кормится или просто отдыхаетъ отъ продолжительнаго сидѣнья, плавая на водѣ. Яйца сѣраго гуся имѣютъ отъ 3,7 до 3,2 дюйма въ длину и отъ 2,5 до 2,2 д. въ поперечникѣ; цвѣтъ ихъ очень блѣдный, грязновато-палевый.

„Въ концѣ мая или началѣ іюня выводятся гусенята, и тогда семья перебирается на болѣе обширное водное плесо, но опять-таки въ возможно глухомъ мѣстѣ. Если же воды достаточно около гнѣзда, въ такомъ случаѣ отецъ и мать осторожно сводятъ птенцовъ къ берегу и здѣсь учатъ ихъ плавать, пить, рвать нѣжную травку и прятаться при малѣйшемъ предупрежденіи объ опасности. Каждый вечеръ самка собираетъ гусенятъ въ гнѣздо и прячетъ ихъ на ночь подъ своими крыльями, а самецъ охраняетъ выводокъ. Наконецъ, іюнь подходитъ къ концу, молодые подросли въ полгуся и почти оперились, только ихъ маховыя и рулевыя еще очень малы, и потому гусенята не могутъ летать, старые гуси начинаютъ линять и тоже становятся весьма безпомощны, и выводки забиваются на это время въ самыя недоступныя крѣпи. Это единственное время, когда гуси, видя приближеніе опасности, спасаются ныряя, чтобы уйти въ камыши. Черезъ нѣсколько недѣль и молодые и старые почти выравниваются, и такъ какъ и тѣ и другіе теперь совершенно оперились, выводки начинаютъ оставлять крѣпи и летать за кормомъ на близлежащія поля“.

Чтобы пополнить этотъ очеркъ, я приведу наблюденія надъ гусями на нижней Волгѣ, сдѣланныя г. Смирновымъ. По живости и картинности изложенія это описаніе не уступаетъ лучшимъ страницамъ С. Т. Аксакова и вмѣстѣ съ тѣмъ въ точности передаетъ мѣстный колоритъ.

„Въ теченіе осени въ Поволжьѣ держится гусь двухъ родовъ,

пишетъ г. Смирновъ,—мѣстный и пролетный; мѣстный гусь появляется въ концѣ іюля мѣсяца, пролетный же (въ томъ числѣ и сибирская казара) въ половинѣ сентября, или нѣсколько позднѣе, смотря по состоянію погоды. Собственно въ заволжскихъ займищахъ гусей выводится немного—мѣстъ удобныхъ для этого мало, да и людно стало, не то, что было прежде. Теперь гуси выводятся только на возвышенныхъ, лѣсистыхъ гривахъ обширныхъ острововъ, куда не достигаютъ мутные валы прибылой воды, и гдѣ рѣдко появляются весною неутомимые рыбаки съ своими сѣтями. Гусыня вьетъ свое немудрое гнѣздо въ глухой заросли терна, иногда подъ кучами набитаго прибоемъ валежника; послѣ вывода уводитъ дѣтей въ недоступныя крѣпи тальниковыхъ озеръ, гдѣ уже невозможно добыть выводокъ никакимъ способомъ. По мѣрѣ спада воды подобное озеро, потерявъ связь съ рѣкою, стоитъ сначала какъ полная чаша; далеко къ его срединѣ тянутся затопленныя вершины мелкаго тальника. Но чѣмъ дальше, тѣмъ вода все убываетъ и убываетъ—она быстро испаряется подъ жгучими лучами іюльскаго солнца и просачивается мелкими ручьями сквозь рыхлую, наносную почву острова. Встала въ берега Волга, осѣло и озеро, раскинувъ по своимъ берегамъ густыя, едва доступныя крѣпи роскошно разросшагося тальника на вязкой, глинистой почвѣ, въ которую нога уходитъ выше колѣна. Въ эти тихія и кормныя мѣста сваливается вся птица, что успѣла вывести дѣтей по окрестнымъ гривамъ; здѣсь же перелиниваютъ исхудалые за весну цвѣтные селезни, наряжаясь въ сѣрый, будничный нарядъ.

„Есть въ Поволжьѣ и другія еще болѣе крѣпкія и недоступныя мѣста—это тинистыя озера въ видѣ обширныхъ торфяныхъ болотъ, доступныя человѣку только во время зимы. Они встрѣчаются преимущественно по обширнымъ займищамъ при устьяхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Волгу съ лѣвой стороны, какъ-то: Мочи (подъ Самарою), Иргизовъ, Еруслана и пр., или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Волга, давая большое колѣно вправо, отбрасываетъ по лѣвую сторону огромную полосу заливныхъ луговъ. Подобныя болота расположены обыкновенно среди большихъ возвышенныхъ гривъ, почему не захватываются совершенно полою водою, а если ихъ иногда и заливаетъ отчасти, то только самымъ высокимъ половодьемъ, что, сравнительно, бываетъ рѣдко. Дики и пустынны эти болота! Зыбучій берегъ ихъ поросъ густыми чащами ивы, черемухи, калинника и пр., перепутанными хмелемъ и другими вьющимися растаніями; далѣе, къ серединѣ идетъ уже непроходимая топь, покрытая то гладкимъ темнозеленымъ ковромъ мелкой травы, то косматыми кочками и густыми порослями камыша и тростника съ коричневыми шишками и султанами; мѣстами въ низкихъ, темно-зеленыхъ берегахъ стоятъ цѣлыя озера открытой воды, то свѣжія и глубокія, съ разбросанными кругами широколиственнаго кувшинника (водяной лиліи) съ роскошными бѣлыми и желтыми цвѣтами, то мутныя и ржавыя съ выступающими на поверхность желтыми и красными окисями минераловъ. Тихи и неподвижны эти

тяжелыя, безжизненныя воды; рѣдко рябитъ ихъ поверхность легкій вѣтерокъ, еще рѣже плеснется бойкая рыба... Но утрамъ и вечерамъ собирается надъ поверхностью болота тяжелый, синеватый туманъ, грозя окрестнымъ жителямъ ядовитыми лихорадками. Развѣ иногда налетитъ случайно сильная степная полоса, раскачаетъ до дна и оживитъ нѣсколько это сонное царство, но и то не надолго; прошелъ бѣшеный вихрь и опять все тихо, неподвижно... Улеглась возбужденная имъ какая-то тяжелая, медленная зыбь всего болота вмѣстѣ съ тростниками, кочками и бархатными лужайками, расправились смятыя, перепутанныя купы камыша; перевернутые листья кувшинника опять легли на воду своими бѣлыми изнанками, и стоитъ оно безмолвное, дикое, наводящее на простого человѣка невольный ужасъ горящими въ темныя ночи болотными огоньками. Вотъ въ такихъ мѣстахъ вынужденъ теперь ютиться гусь вмѣстѣ съ дупелемъ, бекасомъ и другою чисто болотною птицею; здѣсь ему тихо, безопасно; не достанетъ выводка ни человѣкъ, ни дикій звѣрь. Но малое количество подходящаго корма, безчисленныя тучи комаровъ и мелкихъ, сѣрыхъ волжскихъ мошекъ скоро выживаютъ поднявшійся выводокъ на болѣе привольныя мѣста; недолго онъ оглашаетъ зыбучее болото своимъ зычнымъ крикомъ, а едва миновалъ іюнь, какъ матка уводитъ гусенятъ на Волгу въ островныя озера, или въ камышистые ерики лѣвой полосы луговъ.

„Но самое большое количество гусей выводится въ низовьяхъ Волги, въ обширныхъ камышахъ морского побережья, а также на лиманахъ Камышъ-Самарскихъ озеръ, въ которыхъ пропадаютъ безслѣдно степныя рѣчки Большой и Малый Узени.

„Весь мѣстный гусь съ низовій Волги и съ Камышъ-Самарскихъ лимановъ летитъ вверхъ по рѣкѣ и жируетъ, съ половины іюля до времени отлета на зимовку въ каспійскіе култуки (заливы), на пространствѣ между Самарою и Царицынымъ, гдѣ къ рѣкѣ прилегаютъ плодоносныя, сплошь обработанныя степи, чего въ низовьяхъ нѣтъ. Здѣсь косякъ гусей, облюбовавъ какое-нибуь мѣсто на песчаныхъ розсыпяхъ для постояннаго притона, начинаетъ летать каждый день на оба берега рѣки кормиться на хлѣбныя поля. Обыкновенно они летаютъ на поля два раза въ день—рано утромъ и вечеромъ, незадолго до заката солнца. Впослѣдствіи присоединяются къ нимъ и пролетные гуси изъ средней и сѣверной Россіи, но не надолго—прилетаютъ они поздно, а наступающіе холода гонятъ ихъ далѣе и далѣе на югъ. Опытный охотникъ сейчасъ же отличитъ прилетнаго гуся отъ мѣстнаго—онъ какъ-то строже, статнѣе и чище перомъ; при перелетахъ стая держится выше надъ землею и въ большемъ порядкѣ; крикъ его звончѣе, отчетливѣе. Они останавливаются обыкновенно на избранной мѣстности дня на два, на три и летаютъ на окрестныя поля тоже по утрамъ и вечерамъ. Случается, впрочемъ, что погода вдругъ установится на недѣлю или двѣ ясная, тихая, останавливается и пролетный гусь, но едва подулъ холодный вѣтеръ, заклубились тяжелыя

осенніе облака, какъ косяки одинъ за другимъ потянутъ на югъ, плутая въ темныя, ненастныя ночи; въ такое время нерѣдко случается, что уставшіе пролетные косяки садятся по ночамъ на отдыхъ гдѣ ни попало, даже на прудахъ среди обширныхъ селъ. Во время подобныхъ плутаній косяки теряютъ много отсталыми, которые долго потомъ колотятся по озерамъ и большею частію гибнутъ отъ охотниковъ или орловъ-бѣлохвостиковъ.

„Много я гонялся когда-то за осенними гусями, много перенесъ холоду, голоду и разныхъ лишеній... Пріятно теперь вспомнить чудныя картины волжской природы—теплые октябрскіе дни, лунныя ночи съ клубящимися надъ озерами и болотами бѣловатыми туманами, темныя, непроглядныя осенніе ночи съ блуждающими болотными огоньками и тяжелыми массами дождевыхъ тучъ... Блуждаешь, бывало, по обширнымъ займищамъ съ надежною одностволкою, прислушиваешься, присматриваешься—нѣтъ ли гдѣ зазѣвавшагося косяка статныхъ гусей, нельзя ли свалить крѣпкимъ зарядомъ пару, другую... А они тутъ, какъ тутъ... Далеко въ ночномъ туманѣ слышится легкая трель сторожевого гусака, скрипнуло маховое перо, послышался легкій говоръ проснувшейся стаи, но вскорѣ опять все тихо...

„Вотъ они сидятъ ночью на открытомъ, ровномъ песчаномъ берегу затона, почти у самой воды, темною, неподвижною массою; тихо и безмолвно въ сыромъ ночномъ воздухѣ, развѣ свистнетъ гдѣ миловидный чирокъ-грязнушка или послышится отдаленный крикъ кряковой утки, внезапно спугнутой съ грязной лужи смѣлымъ хорькомъ. Крѣпко спитъ стая, заложивъ головы подъ теплое крыло, только сторожевой гусакъ то чутко дремлетъ, то вдругъ поднимаетъ голову и озирается пытливо по сторонамъ.—Ночь прошла благополучно; повѣялъ легкій восточный вѣтерокъ, забѣлѣлась зорька, сильнѣе потемнѣлъ западъ; разсвѣтъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе; заклубился туманъ, побѣлѣла широкая площадь тихо волнующейся воды, обрисовался противуположный, обрывистый берегъ острова съ густыми группами осокорей, задернутыхъ легкою дымкою тумана.—Проснулся старый гусакъ и тихо окликнулъ стаю, ему отвѣтили сонные, лѣнивые голоса. Не вдругъ просыпается стая: нѣкоторые гуси уже сошли къ водѣ, аппетитно позѣвываютъ, размахиваютъ крыльями и звонко скрипятъ маховыми перьями, другіе еще спятъ въ покойной лѣнивой позѣ. Но вотъ уже совсѣмъ свѣтло, разгорѣлся востокъ надъ ровною заволжскою степью, обрисовались въ туманной дали мягкіе контуры лѣсистыхъ горъ праваго берега. Проснулась вся стая, промочила горло свѣжею, холодною водою, потолковала что-то своимъ выразительнымъ говоромъ, снялась вдругъ и молча пошла прямо въ степь, выше и выше забирая надъ землею. Черкнули изъ-за плоскаго степного горизонта яркіе лучи осенняго солнца и освѣтили летящей стаѣ гусей необозримыя, выжатыя поля пшеницы, проса, ячменя, темныя полосы густого бурьяна и безчисленное множество хлѣбныхъ скирдъ и ометовъ.—Стая сдаетъ книзу, летитъ еще съ версту, дѣлаетъ кругъ и

23

съ крикомъ опускается на загонъ; повертѣлись гуси, похватали забытые колосья и разсыпанныя зерна, видятъ—плохо; загоготали, снялись всей стаей и пошли дальше надъ самою землею, опасливо минуя скирды и полосы бурьяна; саженъ за двѣсти опять опустились, на минуту замолкли, порылись въ густой жнивѣ и опять снялись съ крикомъ и гвалтомъ. Часто такимъ образомъ они далеко уходятъ въ степь, пока не найдутъ себѣ обильнаго кормомъ мѣста, по душѣ, гдѣ и проводятъ иногда часъ, два, покуда не набьютъ свои объемистые зоба до послѣдней возможности. Плохо придется загону, на который повадилась летать стая, особенно, если пшеница не сложена въ скирды, а лежитъ въ кучкахъ: гуси растащутъ, разобьютъ снопы, выщиплютъ тяжелые колосья, словомъ, обмолотятъ по-своему.—Наконецъ аппетитъ удовлетворенъ; первые наѣвшiеся гуси начинаютъ подавать голоса, нѣкоторые чистятъ запачканные въ землѣ носы, перебираютъ перья, машутъ крыльями; гусаки гордо расхаживаютъ, вытянувъ шеи, и громко гогочутъ; стая скучивается, говоръ усиливается до невозможности, и вдругъ, какъ-то неожиданно, поднимается на воздухъ; замѣшкавшiеся гуси торопливо вспархиваютъ по сторонамъ и съ крикомъ присоединяются къ стаѣ. Стройной, волнующейся линiей, забирая, все выше и выше, гуси безостановочно летятъ по прямой линiи на волжскiе пески или озера и отдыхаютъ здѣсь до вечера.

„Хорошо замѣтить мѣсто, куда гуси повадились летать утромъ и вечеромъ; стоитъ только залечь, чтобы свалить крѣпкимъ зарядомъ крупной дроби не одного, а нѣсколько штукъ сытыхъ гусаковъ!..

„Долго присматривался къ летающимъ стаямъ туземный стрѣлецъ-хохолъ, опредѣлилъ примѣрно и мѣсто, гдѣ вотъ этотъ большой косякъ гусокъ-крыжней *), что летаетъ мимо утромъ и вечеромъ, набиваетъ воровскимъ манеромъ свои объемистые зоба. „Эхъ, кабы да вдарить!“ мечтаетъ стрѣлецъ, но некогда—время горячее: идетъ усиленная молотьба на открытыхъ токахъ, дорогъ каждый часъ, не до гусей тутъ... Прiѣхалъ какъ-то на станъ знакомый стрѣльцу парубокъ и сообщилъ, что гуси лоскомъ выбили заброшенную полосу пьяницы Морденки, каждый день повадились летать, да смирные такiе, вплоть подпускаютъ. Расшевелилъ парубокъ стрѣльца; зарядилъ онъ полуторнымъ зарядомъ свою немудреную одностволку съ ветловой, самодѣльной ложей, залегъ вечеромъ въ бурьянокъ около злополучной, брошенной хозяиномъ полосы проса, дожидается.

„Сильно склоняется солнце къ закату, вотъ оно уже коснулось нижнимъ краемъ лѣсистыхъ шершавыхъ горъ праваго берега Волги и едва золотитъ верхи безчисленныхъ копенъ и скирдовъ, что усѣяли всю степь на безконечное пространство; потемнѣло голубое небо на востокѣ, легли длинныя полосы тѣни отъ бурьяновъ и густыхъ заро-

---

*) Крыженъ—собственно названiе кряковой утки, но заволжскiе малороссы называютъ иногда такъ гусей-гуменниковъ для болѣе рельефнаго отличiя отъ мелкихъ гусей, т.-е. казары.

слей дикаго конопляннника, что разрослись на старыхъ токахъ или на мѣстахъ огромныхъ ометовъ соломы, брошенныхъ за ненадобностью и сгнившихъ до тла. Сѣло солнце, потемнѣла желтая степь; на плоскомъ горизонтѣ, вслѣдствіе игры потухающаго свѣта, вырастаютъ небывалые лѣса; отчетливые контуры копенъ и высокихъ зарослей конопляннника стушевываются мало-по-малу и въ концѣ, концевъ на мѣстѣ ихъ виднѣются какія-то темныя, безформенныя массы. Въ воздухѣ сильно похолодѣло и потянуло сыростью.—Далеко на току блеснулъ огонекъ, вотъ еще и еще—молотильщики варятъ себѣ неприхотливый ужинъ. Глухіе и смѣшанные звуки, что иногда раздавались въ безмолвной степи, получаютъ большую отчетливость въ чистомъ вечернемъ воздухѣ. Съ большой проѣзжей дороги несется стукъ колесъ и скрипъ тяжело нагруженныхъ, длинныхъ малороссійскихъ арбъ. Далеко гдѣ-то послышались стройные и заунывные звуки малороссійской канты, которыя такіе охотники распѣвать заволжскіе хохлы, почти забывшіе свои старыя національныя пѣсни далекой Малороссіи; чѣмъ-то церковнымъ, безотрадно-унылымъ вѣетъ отъ этихъ звуковъ; нѣтъ въ нихъ ни одной полной, энергической ноты.—Не выдержалъ волжскій мужичокъ, что ушелъ сюда, въ степь, на хорошіе осенніе заработки; долго онъ пробовалъ свой голосъ, мурлыкая себѣ что-то подъ носъ; но вотъ полились по широкому простору степи энергическіе звуки волжской пѣсни, полные той неуловимой гармоніи съ величавой природой могучей рѣки, которая отзывается чуткому уху во всѣхъ, такъ называемыхъ разбойничьихъ и бурлацкихъ пѣсняхъ этихъ потомковъ „воровскихъ, понизовскихъ людей"... Едва скользятъ въ нихъ общерусскіе, заунывные мотивы, нѣтъ и сантиментальности; все это покрывается впечатлѣніемъ чего-то удалого, широкаго, могучаго... какъ могуча и безпредѣльна та рѣка, на бѣлыхъ валахъ которой создались, выросли и окрѣпли эти вольныя пѣсни. До сихъ поръ еще помнитъ волжскій мужичокъ своихъ грозныхъ атамановъ, что окрестили своими именами лѣсистые и обрывистые бугры праваго берега рѣки, понарыли въ нихъ пещеръ, гдѣ и запрятали за тридевятью желѣзными дверями понизовскую волю-волюшку...

„Чутко прислушивается ко всѣмъ этимъ звукамъ притаившійся охотникъ; хмурится на удалую пѣсню „москаля", бойкаго задиры и пересмѣшника... Почти совсѣмъ уже темно, хотя на ясномъ закатѣ все еще переливаются яркіе лучи медленно потухающей зари; на глубокомъ небѣ засверкали рѣдкія звѣздочки... Мало-по-малу замираютъ громкіе, степные звуки. Зашевелились въ травѣ мелкіе звѣрки и птички: крикнулъ гдѣ-то перепелъ, свиснулъ длинноногій тушканчикъ; зарѣяли въ воздухѣ маленькія степныя совы.

„Вдругъ со стороны Волги послышался давно ожидаемый и желанный кликъ гуся; вотъ ближе и ближе... Схватилъ стрѣлецъ съ головы шапку, положилъ подъ прикладъ къ плечу, чтобы хоть нѣсколько смягчить отдачу ружья, заряженнаго огромнымъ зарядомъ, взвелъ курокъ, притаился, ждетъ... Замѣшкались гдѣ-то гуси, ходко идутъ на

полюбившееся имъ мѣсто; вотъ они уже надъ самой головой сдѣлали большой кругъ, заскрипѣли маховыми перьями и съ крикомъ, въ безпорядкѣ, начали спускаться на полосу, какъ-то неловко покачиваясь всѣмъ тѣломъ въ воздухѣ. Не загорячился опытный охотникъ, не далъ имъ и въ стороны разбрестись. Сверкнуло изъ бурьяна багровое пламя, закутанное бѣловатымъ облакомъ дыма; чуткое эхо разнесло по глухой степи громовой ударъ... Безпомощно бьются по землѣ задѣтые дробью гуси, остальные въ смертельномъ испугѣ опрометью бросаются въ разныя стороны.

„Много потеряютъ такимъ образомъ пролетные косяки своихъ товарищей, покуда достигнутъ широкихъ водъ Каспія; много ихъ и здѣсь погибнетъ отъ сильныхъ морскихъ бурь, голода и холода; почти наполовину уменьшенный косякъ достигаетъ наконецъ обширныхъ, никогда незамерзающихъ соровъ (солончакъ), что тянутся необозримыми бѣлыми линіями въ далекой туркменской землѣ или по сѣвернымъ провинціямъ Персіи. Здѣсь имъ уже нечего бояться грома выстрѣловъ, здѣсь полное безлюдье; далеко кругомъ тянется мертвая дикая пустыня. Развѣ иногда появятся туркменскіе джигиты, соблазненные неумолкаемымъ шумомъ безчисленныхъ массъ зимующей птицы, опасливо повертятся кругомъ тонкихъ соровъ на своихъ статныхъ коняхъ, поймаютъ одну, другую утченку голодными, дурно выношенными соколами и ястребами, и исчезнутъ опять за отдаленными песчаными барханами".

Добываніе гусей и казарокъ.

Приведенные очерки образа жизни пролетныхъ гуменниковъ въ Уфимской губ. и сѣраго гуся въ Астраханской даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ полное и точное описаніе охоты за пролетными и мѣстными гусями, и потому намъ остается упомянуть только о нѣкоторыхъ другихъ способахъ, не затронутыхъ авторами этихъ очерковъ.

Весною къ пролетнымъ гусямъ подойти нѣтъ возможности, но подъѣхать въ телѣгѣ или верхомъ иногда удается. Чаще всего въ такомъ случаѣ подъѣздъ соединяютъ съ загономъ, т.-е. подъѣзжающіе охотники, не останавливая телѣги, незамѣтно спускаются съ нея, укрываясь за кустами, въ разстояніи другъ отъ друга приблизительно ста шаговъ, а затѣмъ телѣга объѣзжаетъ гусей съ другой стороны и спугиваетъ ихъ такъ, чтобы они летѣли на охотниковъ. Загонщикъ долженъ быть опытный, и вся охота, можно сказать, находится въ его рукахъ; но и при опытности онъ зачастую не можетъ ничего подѣлать съ гусями, которые, снявшись съ мѣста, летятъ совсѣмъ не въ томъ направленіи, гдѣ засѣли охотники.

Лѣтомъ за выводками гусей охотятся съ лодки, совершенно такъ же какъ за утками, но гуси гораздо осторожнѣе и это дѣлаетъ охоту за ними болѣе трудною. Наконецъ, осенью охотники сторожатъ гусей или на перелетахъ съ мѣста дневной кормежки на воду, или на самыхъ мѣстахъ кормежки.

Такимъ образомъ, охота за гусями во многомъ сходна съ охотой за дрофами: то же скрадываніе, то же соревнованіе хитрости охотника съ хитростью птицы. Съ этой точки зрѣнія, охота за гусями многимъ придется не по вкусу. Но какъ охота трудная, она и увлекаетъ многихъ. При этой охотѣ мало быть хорошимъ стрѣлкомъ: надо еще знать привычки птицы, безъ чего успѣхъ немыслимъ, такъ какъ гуси вороваты, умѣютъ выбирать укромные уголки для своихъ остановокъ, и кто не умѣетъ ихъ прослѣдить, тотъ ихъ и не добудетъ.

Изъ промысловыхъ способовъ добыванія гусей практикуется охота за подлиною, ловля перевѣсами—и то и другое производится такъ же, какъ при добываніи утокъ — и загонъ линяющихъ гусей въ сѣти. Послѣдній способъ употребляется обитателями тундръ, которые такимъ образомъ добываютъ преимущественно казарокъ. На Колгуевѣ, напр., именно этимъ способомъ ловятъ тысячи черныхъ казарокъ, тогда какъ бѣлолобая и гуменникъ обыкновенно спасаются отъ загона, такъ какъ линяя позднѣе казарки, еще летаютъ, когда послѣдняя уже не можетъ летать.

Это добываніе казарокъ происходитъ около Прокофьева дня, т.-е. въ началѣ іюля, когда, по выраженію промышленниковъ, у гуся „глухая лёнь" бываетъ. Линяющіе гуси держатся на малыхъ озерахъ, прячась здѣсь въ заросляхъ кустарниковъ и травъ, а днемъ посѣщаютъ сосѣднія большія озера, гдѣ кормятся. Узнавъ это заранѣе, промышленники, какъ русскіе, такъ и самоѣды, ставятъ между двумя озерами сѣть въ родѣ того вентеря, которымъ ловятъ куропатокъ, развертывая ея крылья въ сторону малаго озера. Съ разсвѣтомъ промышленники выѣзжаютъ въ своихъ лодченкахъ на малое озеро, гдѣ держатся гуси, и окруживъ ихъ, начинаютъ подгонять къ знакомому берегу, гдѣ лежитъ переходъ между двумя озерами. Загонъ этотъ—дѣло довольно трудное, такъ какъ гуси, видя людей, сбившись въ кучу, держатся сначала середины озера. Лишь медленно и неохотно подвигаются они къ берегу, да и тутъ долго раздумываютъ, прежде чѣмъ рѣшатся на него выйти. Въ этотъ моментъ загона промышленникъ долженъ быть особенно осмотрителенъ. Все дѣло теперь въ вожакѣ: куда пойдетъ вожакъ, туда за нимъ и все стадо. Если вожакъ пустится мимо сѣти, тогда ловля не удалась—и все стадо бросится мимо; но стоитъ только вожаку пойти въ головку сѣти, чтобы всѣ его собратья не раздумывая пустились за нимъ. Надо сказать, что загонъ почти всегда бываетъ удачный, настолько хорошо знаютъ свое дѣло промышленники, съ малолѣтства принимающіе участіе въ этой ловлѣ. Если гуси загнаны въ сѣть, тогда нѣсколько человѣкъ бросаются къ головкѣ сѣти и здѣсь безъ всякаго сопротивленія хватаютъ попадающихъ въ узкое отверстіе головки своихъ жертвъ, тутъ же приканчивая ихъ. Такая бойня, доставляющая сразу по нѣсколько тысячъ птицъ, оканчивается только со смертью послѣдней, и обыкновенно все стадо попадаетъ цѣликомъ, до того дружно идутъ гуси другъ за другомъ. Затѣмъ добычу ощипываютъ, кладутъ въ бочки и солятъ, отчасти для продажи, отчасти

для собственнаго потребленія. Но съ гусями то же, что съ утками: вслѣдствіе неряшества и плохой солки, мясо получается невкусное, часто порченое, и нужна вся неприхотливость самоѣдовъ и русскихъ промышленниковъ, привыкшихъ къ мурманской трескѣ и гридинскимъ сельдямъ, чтобы ѣсть его. Въ продажѣ въ Архангельскѣ колгуевскій гусь идетъ по 6—8 коп. штука, да и то его берутъ бѣдняки.

Такимъ образомъ, птичій промыселъ на Колгуевѣ, благодаря его неправильной постановкѣ, рѣшительно не оправдываетъ себя. А между тѣмъ, при иной постановкѣ дѣла, съ Колгуева можно бы вывозить такіе продукты, какъ копченые гуси и утки, не говоря уже о многомъ другомъ, что нашло бы себѣ широкое распространеніе въ самыхъ разнообразныхъ классахъ населенія.

---

134. Краснокрылъ.

Pheonicopterus roseus, Pall.

Табл. 138.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 756.
Болѣе распростр. названія: *краснокрылъ, фламинго.*

Мѣстныя названія: *краснокрылъ, красный гусь.*
Кирг.—*кызилъ-касъ.*—Калм.—*уланъ-галу.*

Краснокрылъ, котораго охотники бьютъ только случайно или покупаютъ живымъ, чтобы содержать дома, распространенъ у насъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы только въ Киргизскихъ степяхъ, устраивая свои гнѣздовыя колоніи то въ одной мѣстности, то въ другой, смотря по тому, гдѣ ему безопаснѣе. Однако гнѣзда всегда располагаются въ почти недоступныхъ трясинахъ и обыкновенно такъ далеко отъ берега, что простымъ глазомъ ихъ и не замѣтить. По всей вѣроятности сѣверный предѣлъ гнѣздовой области краснокрыла у насъ не поднимается выше 48^0—$48^1/_2{}^0$ с. ш., но какъ залетная птица, краснокрылъ поднимается до Самарской губ. и Сызрани. Лишь въ качествѣ залетнаго гостя бываетъ краснокрылъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря.

Въ началѣ іюля краснокрылы вмѣстѣ съ лебедями собираются тысячами для линьки на сѣверномъ берегу Мертваго Култука, и тогда ихъ безъ всякаго труда добываютъ здѣсь. Для этого линяющихъ и неспособныхъ летать птицъ отгоняютъ отъ берега въ воду, гдѣ онѣ идутъ по дну, пока это имъ позволяютъ ихъ длинныя ноги. Но потомъ птицѣ приходится плыть, и тогда охотники безъ труда завладѣваютъ ею.

Мясо краснокрыловъ невкусно, но языки очень цѣнятся любителями. Въ Астрахани и выше по Волгѣ за пару живыхъ краснокрыловъ платятъ до 20 руб. Года 2—3 они хорошо живутъ въ неволѣ, а потомъ хирѣютъ.

VIII.

ЦАПЛЕВЫЯ.

135. Каравайка.

Ibis falcinellus, L.

Табл. 139.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 762.

Мѣстныя названія: *каравайка, каравашка, темный* или *черный кроншнепъ.* Калм.—*шишчи.*

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ „каравайка распространена колоніями болѣе или менѣе обширными и, мѣстами, весьма удаленными другъ отъ друга. У насъ одна обширная колонія занимаетъ нижнюю Волгу, отъ устья до Сарпинскихъ озеръ, меньшая поселилась въ области рѣки Урала и въ Киргизскихъ степяхъ, нѣсколько другихъ—по теченію рѣкъ равнинной части сѣвернаго Кавказа, а также по нижнему теченію Акуши и Куры въ Закавказьѣ. Наконецъ, по всей вѣроятности, каравайка гнѣздится въ небольшомъ числѣ при устьѣ Днѣстра и на правомъ берегу днѣстровскаго лимана, тогда какъ показаніе Нордманна о гнѣздованіи каравайки въ низовьяхъ Днѣпра и Буга является анахронизмомъ. Въ качествѣ залетной птицы каравайка бываетъ подъ Оренбургомъ, Сызранью, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ губ. Воронежской, въ Крыму, Польшѣ, Курляндіи, Лифляндіи и въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ на сѣверномъ берегу Финскаго залива“.

Мясо каравайки жестко и такъ часто пахнетъ рыбой, что охотники совершенно не цѣнятъ эту птицу въ качествѣ дичи.

136. Чепура бѣлая.

Ardea alba, L.

Табл. 140.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 803.

Въ настоящее время мода на перья и перяныя украшенія вызвала такое преслѣдованіе птицъ, что наши промышленники ежегодно отправляютъ за границу несмѣтное множество перьевъ и птичьихъ шкурокъ. Эта мода, безъ сомнѣнія, преходяща и уже начинаетъ ослабѣвать, но перья нѣкоторыхъ птицъ всегда были и будутъ въ ходу за ихъ чрезвычайную красоту. Таковы между прочимъ нѣжныя расщепленныя перья большой бѣлой цапли, развивающіяся въ брачный періодъ въ видѣ двухъ пучковъ, идущихъ отъ нижней части спины до хвоста.

Большая бѣлая цапля встрѣчается у насъ круглый годъ въ устьяхъ всѣхъ большихъ рѣкъ Кавказскаго края, гнѣздится въ Бессарабіи, въ низовьяхъ Днѣстра, въ небольшомъ количествѣ въ устьяхъ Днѣпра и изрѣдка даже въ Харьковской губ. Въ устьѣ Волги, Урала, по нижней Эмбѣ и на Сарпѣ многочисленна, залетая по Волгѣ до Камышина и по р. Уралу до Оренбургскаго края. Отдѣльныя особи залетаютъ даже въ Польшу и Курляндію.

Конецъ второго тома.

Menzbir, M.A. Okhotnicl
Rossii i Kavkaza Tom I
31-119887 8vo.

AMNH LIBRARY
100106488